

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы

II (XVIII)

ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

в Суздале

Том III

Ответственные редакторы
Академик *А.П. Дервянко*
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров* .

Москва 2008

УДК 902/904

ББК 63.3

Т78

Редакционная коллегия

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, А.Н. Гей, В.И. Гуляев, А.П. Деревянко (ответственный редактор), Е.Г. Дэвлет, В.И. Завьялов, С.Д. Захаров, Л.В. Кольцов, Д.С. Коробов, Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке, С.В. Кузьминых, Н.В. Лопатин (редактор-составитель), Н.А. Макаров (ответственный редактор), М.Б. Медникова, М.Г. Мошкова, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова, А.Ю. Скаков, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, А.В. Энговатова

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – 428 с.: ил.

*Посвящается 100-летию
со дня рождения академиков
А.П. Окладникова,
Б.Б. Пиотровского,
Б.А. Рыбакова*

**Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда
(Суздаль, 20–25 октября 2008 г.)**

Институт археологии РАН, Москва

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета – академик А.П. Деревянко,

чл.-корр. РАН Н.А. Макаров.

Заместитель председателя Оргкомитета – чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков.

Секретарь Оргкомитета – д.и.н. Е.Г. Дэвлет.

Члены Оргкомитета – академик В.И. Молодин, академик В.Л. Янин,

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко,

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,

чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных,

чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. В.В. Бобров,

д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. В.Л. Егоров, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин,

д.и.н. С.И. Кочуркина, д.и.н. Н.Н. Крадин, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов,

д.и.н. А.В. Седов, д.и.н. А.Ф. Шорин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский,

к.и.н. С.И. Валиулина, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. В.Е. Родинкова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии:
расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда
2. Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита
3. Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география
4. Эпоха ранней и средней бронзы Евразии
5. Эпоха поздней бронзы Евразии

Том II

Секционные доклады

6. Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение
7. Античные памятники Причерноморья и Средней Азии
8. Ранний железный век лесной зоны Евразии
9. Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы
10. Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура
11. Археология Московского государства и Российской империи

Том III

Секционные доклады

12. Проблемы изучения первобытного искусства
13. Охранная археология в современной России
14. Вопросы теории археологии
15. Историография отечественной археологии
16. Современные методы полевой и кабинетной археологии
17. Археология в современной культурной среде
18. Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии

СЕКЦИЯ 12

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

Т.А. Адмакина

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

Этапы возникновения музыкальных технологий древнего человека

Современные научные проблемы становятся довольно сложно решать, черпая материал только из одной дисциплины, поэтому необходимым является интегративный подход. Одна из фундаментальных проблем в музыкальной психологии – ноогенез (антропологический филогенез) музыкальных способностей. Такого рода информацию следует извлекать из искусствоведческих, а главное, из археологических данных. Этот вывод следует из основанного на культурно-исторической концепции генезиса высших психических функций предположения, что развитие музыкальных технологий древнего человека шло одновременно и взаимосвязано с формированием его музыкальных способностей.

Такое предположение снимает некоторые трудности, главная из которых – отсутствие прямых доказательств существования музыкального искусства у древнего человека (в отличие, например, от изобразительного искусства). Вещественной формой музыкального искусства является нотное письмо, но оно окончательно сложилось в Европе лишь к XVII в., а все предшествующие системы письменной фиксации музыки не всегда поддаются точному распознаванию (Ашмарин, 2000). Таким образом, информация о древней музыке дошла до нас лишь в виде музыкальных инструментов и образцов изобразительного искусства (изображения танцующих женщин, играющих на музыкальных инструментах людей).

При раскопках палеолитических поселений во Франции, Чехословакии, Германии, Венгрии были найдены духовые музыкальные инструменты типа «свирели» и «флейты». Это свидетельствовало о том, что уже кроманьонцы умели извлекать музыкальную интонацию из инструментов (Бибиков,

1975). У ряда исследователей сложилось представление о существовании ритмико-ударных инструментов в эпоху палеолита, однако данное мнение основывалось на анализе этнографических фактов, пока в 1908 г. не были обнаружены так называемые мезинские находки в Черниговской губернии. Это был целый комплекс ритмико-ударных инструментов – стержни с фигурными рукоятками и шаровидными наверхиями, «лопатки» из ребер животных, молоток из рога оленя, морские ракушки, «кастаньеты» (браслет из пяти колец). Предполагается, что на них играл ансамбль из шести-семи человек, что говорит о коллективном характере палеолитического творчества (Формозов, 1986). Таким образом, у древнего человека наблюдаются зачатки ритмического и интонационного чувства.

В музыковедении принято различать две формы музыкальной организации: ритм (темпоральная организация) и лад (звуковысотная организация). Для внесения ясности в проблему ноогенеза музыкальных способностей принципиальным остается вопрос: какая музыкальная способность является первичной?

Для этого также можно обратиться к археологическим данным. А.Д. Авдеев (1959) в работе «Происхождение театра» выделяет три этапа: 1 – пляски как ритуал до появления добычи, что представляет собой имитацию охоты; 2 – тотемические пляски, в которых герой танца имитирует поведение животного уже в присутствии зрителей; 3 – возникновение элементов театрального искусства. Нас это интересует с той точки зрения, что музыкальная деятельность долгое время была синкретически связана с танцем, пантомимой, «языком» тела, театром, и только впоследствии стала происходить дифферен-

циация на различные виды искусства. Такие мысли высказывают не только археологи, но и искусствоведы, музыканты. Выдающийся академик Б.В. Асафьев писал: «в первобытных музыкальных культурах преобладает ударность, т. е. очень развитая область акцентных ритмо-звучаний, не обусловленных ни дыханием, ни обязательной точностью интервальности. Это понятно: ударность связана с «языком» человеческих движений, акцентами ног, с игрой и танцем – искусствами внеинтонационными» (Асафьев, 1957. С. 274). В дальнейшем, когда человек овладевает интонацией, формируется музыкальное искусство в полном смысле этого слова.

Немецкий философ Рихард Валлашек (см.: Готсдинер, 1903) большое значение придавал первобытным инструментам «трения» – скребушим, шумовым музыкальным инструментам, т. е. ритмико-ударным, т. к., по его мнению, архаическое музыкальное искусство неразрывно связывалось с движением, главным элементом которого являлся ритм.

В палеолитическом искусстве Западной Европы среди настенных пещерных изображений и гравировок по кости имеются изображения танцующих антропоморфных существ; это пляшущие птицеголовые фигуры с поднятыми руками, пляшущие человечки, обряженные в козлов, танцующие девушки или молодые женщины (Бибииков, 1975).

Известным исследованием является монография Карла Бюхера «Работа и ритм» (1923). Он полагал, что на низших ступенях развития человеческого общества работа, музыка и поэзия представляли собой нечто единое, и основным элементом этого триединства была работа. По его мнению, коллективу постоянно требовался метрический регулятор, отсюда и использование барабанов в первобытные времена, а также ритмические движения тела. Даже формирование пения происходило путем ритмического упорядочивания звуков природы, подражания голосам животных соответственно ходу работы. К. Бюхер предполагает, что музыка изначально не имела эстетической функции, она была необходима для облегчения жизненно важных задач – коллективной трудовой деятельности, от которой зависело выживание племени.

Е.М. Мелетинский (1983) утверждает, что у первобытного человека в пении ритмический компонент преобладал над мелодическим.

Искусствовед Р.И. Грубер (1960) подытожил многочисленные данные и пришел к заключению, что музыкальное искусство (первоначально носящее коллективный характер) постепенно выделилось из нерасчлененного трудового процесса. Анализируя музыку первобытного человека, он указывал на то, что ограниченность мелодического компонента

компенсируется другими выразительными средствами – изменением громкости (динамическая характеристика), темпа и ритма. Слабость интонационной деятельности проявлялась в «кольцевом» характере напева (воспроизведение первичной напевки, ее многократное повторение). Как заметил В.Б. Иорданский (1982), одна из функций архаического сознания – повторяемость всего сущего, поэтому ритм является его необходимой составляющей.

Таким образом, в архаических сообществах музыка была синкретически связана с танцем, песней, магическими ритуалами, поэтому в качестве первичного элемента музыкального искусства выступает ритмическая способность, выработанная в процессе организации и упорядочивания коллективной деятельности.

В подтверждение этой идеи можно рассмотреть онтогенетические данные. По мнению Л.А. Ильиной (см.: Теплов, 1959), ритм – первое музыкальное представление, которое может воспроизвести ребенок. Б.М. Теплов пишет, что ритмическое чувство начинает проявляться у ребенка уже в 9–10 месяцев (Теплов, 1947). В 6–7 лет ребенок лучше улавливает ритмическую, а не звуковысотную, структуру музыки. В импровизации, как в первичной форме музыкально-творческой деятельности, выразительными средствами являются темповые и тембровые характеристики, в 5 лет в музыкальной композиции ребенка отсутствует законченная мелодия и превалирует ритм (Тарасова, 1988).

Искусствовед Г.В. Иванченко (2001) также говорит о тесной корреляции развития музыкальных технологий с развитием психологических компонентов музыки и описывает следующие этапы. Первый этап – использование ударных инструментов, которые позволяли упорядочивать лишь последовательность звуков во времени, затем возникли простейшие средства разделения звуков по высоте (барабаны низкого и высокого регистров). Далее появилась музыка в различных ладах, связанная с появлением инструментов с определенным музыкальным строем (арфа, флейта). Более позднее образование – клавишин с его высокими техническими возможностями, но нерегулируемой динамикой. И, наконец, последнее изобретение – фортепиано.

Советский психолог С.Л. Рубинштейн (1942), опираясь на археологические данные, выделял три этапа формирования музыкальных способностей: 1 – примитивное восприятие музыки в виде переживания ритма в примитивных плясках; 2 – совершенствование мелодического слуха, появление одноголосной мелодии (20 тыс. л. н.); 3 – возникновение многоголосной музыки, связанное с открытием консонанса Пифагором и развитием гармонического слуха.

На основании вышеперечисленного материала можно выдвинуть предположение, что начальным этапом формирования музыкальных технологий было изготовление ритмико-ударных инструментов, и, следовательно, первичной формой музыкального искусства являются ритмические способности. На этом этапе музыка была синкретически связана с танцем, магическими ритуалами, выполняя биологические функции. Впоследствии человек стал овладевать интонацией, что способствовало появлению духовых музыкальных инструментов. Формирование музыки как эстетического искусства Б.В. Асафьев (1957) связывает с появлением интервала, являющегося точным определителем эмоционально-смыслового качества интонации.

- Авдеев А.Д., 1959. Происхождение театра. Элементы театра в первобытном строе. Л.; М.
 Асафьев Б.В., 1957. Избранные труды. М. Т. V.
 Ашмарин И.И., 2005. Музыкальность – культурогенный

феномен (естественнонаучные и антропологические аспекты) // Лекции о культуре: Учеб. пособие. М.

- Бибииков С.Н., 1975. Музыкально-хореографический ансамбль каменного века // Наука и жизнь. №3
 Бюхер К., 1923 Работа и ритм. М.
 Готсдинер А.Л., 1993. Музыкальная психология. М.
 Грубер Р.И., 1960 Всеобщая история музыки. М. Ч. I.
 Иванченко Г.В., 2001. Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы. М.
 Иорданский В.Б., 1982 Хаос и гармония. М.
 Мелетинский Е.М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы, Т.1. – М., 1983
 Рубинштейн С.Л., 2005 Основы общей психологии. СПб.
 Тарасова К.В., 1988 Онтогенез музыкальных способностей. М.
 Теплов Б.М., 2003 Психология музыкальных способностей. М.
 Формозов А.А., 1986. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.

А.Н. Алексеев, А.В. Пеньков

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

Наскальные пиктограммы, отражающие ритуальную деятельность таежных племен древней Якутии

Весьма многочисленные на территории Якутии святылища с наскальными изображениями на протяжении веков и тысячелетий (в ряде случаев, судя по инвентарю в жертвенниках, – с каменного века и до этнографической современности!) были местом проведения сакральных ритуальных церемоний.

Основные компоненты информационной системы первобытности, нашедшей свое отражение в наскальных росписях, освещают различные аспекты упомянутых ритуальных церемоний. Заметим, что авторы выделяют следующие компоненты (Алексеев, Кочмар, Пеньков, 2005. С. 22): 1) фигуративный (конкретные образы зоо- и антропоморфных существ); 2) математический (счетные знаковые записи и геометрическая структура, включающая метрические модули и гармонические пропорции композиционных построений); 3) «абстрактный» (знаки-символы, графемы, архаичные пиктограммы).

Фигуративный компонент, естественно, наиболее детально и полно освещен в научной литературе. Труды А.П. Окладникова в этом отношении

можно считать подлинной энциклопедией не только образов зоо- и антропоморфных существ на писаницах Якутии, но и различных приемов, подходов, концепций, гипотез в области интерпретации подобных композиций (Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976; 1979). Фигуративный компонент наскальных изображений наиболее ярко и наглядно информирует о внешней стороне ритуальных церемоний: характер коллективных танцев, участие шамана (или шаманов), животные (главным образом, лоси) как объекты поклонения, различные (и подчас весьма откровенные) проявления культа плодородия и т. д.

Математический компонент исследуемых информационных систем оказался в поле зрения аналитиков сравнительно недавно (Кочмар, Пеньков, Кнуренко, 1999. С. 214–229; Кочмар, Пеньков, 1999. С. 74–79; 2000. С. 118–122; Алексеев, Кочмар, Пеньков, 2002. С. 6–15). Тем не менее, уже в настоящее время можно достаточно уверенно судить о том, что, например, счетные знаковые записи календарно-астрономического характера свидетельствуют об астральном аспекте практикуемых в древних сооб-

щества культов и о сезонности функционирования святилищ.

«Абстрактный» компонент наскальных росписей Якутии вплоть до самого последнего времени находился практически вне интерпретационных построений и историко-культурных реконструкций. Ситуация принципиально изменилась, когда был найден и подтвержден на многочисленных примерах основополагающий признак, объединяющий своеобразные, преимущественно антропоморфные, графемы, характерные для писаниц Якутии. Таким признаком явилось значительное сходство конфигураций упомянутых графем с древнекитайскими пиктограммами (древнейшей графической формой китайской иероглифики). Такое сходство было тщательно проверено по новейшему «Словарю происхождения китайского языка» (Словарь... 2000). Семантическая идентификация всего лишь десятка древних графем, чему была посвящена объемная публикация авторов (Алексеев, Пеньков, 2006. С. 12–56), открыла, по нашему мнению, совершенно новые возможности для проникновения в сферу духовной и интеллектуальной деятельности человека бронзового века на территории Якутии и сопредельных районов. Из всей этой «сферы» – величественной и во многом еще для нас непостижимой – для целей настоящего сообщения избран лишь один «срез»: круг вопросов, связанных с ритуальной деятельностью у святилищ с пасхальными изображениями. В свою очередь, из этого «круга», также достаточно обширного, избран для освещения с помощью семантически идентифицированных архаичных пиктограмм лишь один «сектор»: процедурная сторона ритуальных церемоний. С этих позиций мы намерены доказать три тезиса.

1. Те или иные обрядовые действия находили свое отражение в антропоморфных графемах, наносимых на скальные плоскости. Ярким проявлением этой закономерности является широко распространенная на писаницах Якутии графема: человек с треугольным или ромбическим туловищем и широко разведенными в стороны руками и ногами в виде прямых линий (Алексеев, Кочмар, Пеньков, 2005. С. 22, 23; Алексеев, Пеньков, 2006. С. 16. Рис. 1, I). Эта графема практически полностью тождественна пиктограммам, известным из иньских гадательных надписей на костях и черепаховых щитках (период до IX в. до н. э.). Название этой древней пиктограммы – «вэнь», ее значение – «узор», «знак», «иероглиф». М.Е. Кравцова характеризует обсуждаемую пиктограмму в качестве «изображающей человека с разрисованным (татуированным?) туловищем в момент исполнения им некоего обрядового действия (ритуальной пляски?). Указанная этимология под-

тверждает и наглядно иллюстрирует генетическое родство письменной словесности с архаической ритуальной деятельностью» (Кравцова, 1999. С. 129). К мнению видного специалиста в области истории китайской культуры можно добавить лишь тот факт, что явно танцующие фигурки подобного типа великолепно демонстрируются (причем не только в фас, но и в профиль) композицией на плоскости I олекминской писаницы Баасынай II (Кочмар, 1994. С. 171. Табл. 65; Максимова, 2006. С. 138, 139).

2. Распорядителями ритуальных церемоний были люди с развитой памятью, в которой хранились мифы, предания, заветы и все тонкости обрядов и ритуалов.

В Якутии на пяти писаницах обнаружено семь профильных фигурок человечков с дугообразным туловищем, ясно обозначенной головой и вытянутой влево рукой (Алексеев, Пеньков, 2006. С. 16. Табл. 1, V). Эти фигурки идентичны древнекитайским пиктограммам «юань» в значении «голова», «глава», «главный», «первый» (Словарь... 2000. С. 1). Положение фигурок в наскальных композициях (в ряде случаев – среди аналогичных по размеру и форме черточек, но без обозначения голов и рук) позволяет трактовать их в качестве символа некоего руководителя, лидера, существеннейшим атрибутом которого является не столько простертая в руководящем жесте рука, сколько голова (что и отражено в значении пиктограммы «юань»).

Скромные размеры этих фигурок (во много раз меньше, чем пиктограммы верховного владыки и первопредка Шанди и других сакральных персонажей) позволяют определенно исключить принадлежность к небесной «ветви власти» (богам, духам). Тот же фактор, в совокупности с отсутствием таких признаков, как оружие, мощная комплекция, пышный головной убор, громадный фаллос и т. д., – позволяют исключить и принадлежность к верховной (земной) власти: военной, хозяйственной, «административной». Важно здесь и то, что вожди, как правило, изображались в фас, т. е. в ракурсе более престижном, чем профиль: таков один из законов иконоки. Наконец, отсутствие шаманской атрибутики (бубен, корона) исключает принадлежность обсуждаемых фигур к шаманам.

В своей знаковой практике древние художники были экономны и лаконичны: так, в изображениях женщины подчеркивались ее специфические части тела, а голова обычно не изображалась. В пиктограмме «вэнь» важно было отразить танцевальную позу, а голова намечалась лишь короткой черточкой. Поэтому акцент на изображение головы в пиктограмме «юань» явно указывает на интеллектуаль-

ное «амплуа» данного персонажа: голова (интеллект) – главное качество, выделяющее эту фигуру в толпе почти аналогичных по размеру и форме человечков-черточек, единственное, что дает ему право быть главным в этой толпе. В прочих отношениях «юань» – такой же рядовой соплеменник, как и его схематизированное окружение. Руководящая его роль – временная (вероятные уместные современные аналогии: тамада, конференсье, режиссер и т. д. Напрашивается и другая аналогия: и в те времена интеллект ценился, но не очень высоко и лишь периодически!)

3. Третий тезис целесообразно сформулировать после его обоснования, которое опирается, в первую очередь, на анализ писаницы Суруктах-Хая на р. Марха (Окладников, Запорожская, 1972. С. 126. Табл. 20). Рассматриваемая композиция воспринимается в качестве своеобразного «титального листа» всей петроглифической панорамы, т. к. занимает явно самую почетную позицию: в левом верхнем углу громадной скальной плоскости. В свою очередь, в рамках этой композиции аналогичное место занимает строчка знаков, повторяющих конфигурацию туловища «юаня» и создающих впечатление вереницы следующих друг за другом людей. Поэтому разумно подобрать в качестве подходящей древнекитайской аналогии пиктограмму «цхонг» («следовать», «соблюдать»), представляющую собой две профильные фигурки, следующие друг за другом справа налево (Словарь... 2000. С. 3). Заслуживает внимания и пиктограмма «чонг» («много», «множество») – три схематичные фигурки, обращенные влево, над которыми изображен знак солнца (Там же. С. 4)

Конечно, демонстрация многочисленности и, следовательно, могущества племени – возможная семантика многофигурной композиции на р. Марха. Но отсутствие солярного знака – существенный довод против этой версии, тем более что нам известна писаница Олекма (Окладников, Мазин, 1976. С. 134. Табл. 12), где вереницы антропоморфных фигурок, очень похожих по манере стилизации на древнекитайские, осеняются солярным знаком. Эти олекминские графемы вполне адекватны пиктограмме «чонг»!

Что касается анализируемой (мархинской) знаковой записи, то для нее наиболее приемлема параллелизация со значением «следовать, соблюдать». Можно ли конкретизировать значения, добавить к названным глаголам те имена существительные, которые бы максимально соответствовали ситуации (письмена на священной скале) и эпохе (архаичного, традиционного общества)? По нашему мнению, это возможно: «следовать традиции», «соблюдать обы-

чай» – таков наиболее весомый и важный «текст», достойный своей позиции на скальной плоскости (выше пантеона небесных владык, выше священных знаков «вэнь» и др.). Таким образом, строчка знаков, включающая аналогии пиктограмм «юань» и «цхонг», играет роль «эпиграфа», или «девиза», ко всему «тексту» на священной скале и выражает высшую ценность общества, основополагающую идеологическую доктрину – приверженность обычаям предков!

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 2002. Писаница Тойон-Ары (р. Лена): новые полевые материалы и новые семантические оценки широко известной композиции // История и культура востока Азии: Мат. Междунар. науч. конф. Новосибирск. Т. 2

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 2005. Архаичные пиктограммы в наскальном искусстве бронзового века в Якутии // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. М.

Алексеев А.Н., Пеньков А.В., 2006. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. Новосибирск.

Кочмар Н.Н., 1994. Писаницы Якутии. Новосибирск.

Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 1999. Синодические лунные циклы на писаницах бронзового века Якутии // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. № 3.

Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 2000. К палеоастрономической интерпретации некоторых «стереотипных элементов» селенгинских писаниц // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск.

Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Кнуренко П.С., 1999. Экспозиции писаниц Якутии и астроархеологический аспект интерпретации // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск.

Кравцова М.Е., 1999. История культуры Китая. СПб.

Максимова М.В., 2006. Палеометрологический анализ и некоторые аспекты семантики писаницы Баасынай II на р. Олекма // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. Новосибирск.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1972. Петроглифы Средней Лены. Л.

Окладников А.П., Мазин А.И., 1976. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск.

Окладников А.П., Мазин А.И., 1979. Писаницы бассейна р. Алдан. Новосибирск.

Словарь происхождения китайского языка / Под. ред. Сье Гуанг Хви. Пекин, 2000. (На кит. яз.)

Е.В. Асташенкова

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Изобразительное и прикладное искусство средневекового населения юга Дальнего Востока России (по археологическим материалам)

За годы исследований средневековых памятников юга Дальнего Востока России накоплен значительный и разнообразный материал, идентификация и интерпретация которого позволяет расширить наши представления о жизнедеятельности населения, обитавшего на территории нынешнего Приморья в VII–XIII вв. Изучение предметов искусства имеет важное значение для определения целого ряда мировоззренческих аспектов, которые в свою очередь оказали влияние на художественные и культурные традиции. Предметы искусства средневекового населения Приморья представлены изделиями, различающимися по техническому исполнению, функциональному назначению, по стилю и иконографии изображения. Анализ обобщенного материала позволил выделить четыре основные сюжетные группы: антропоморфную, зооморфную, фитоморфную и комбинированную. Внутри каждой из них изделия можно распределить по виду изображения на скульптуру и графику.

В изобразительном искусстве Бохая преобладают скульптура малых форм. Наиболее популярным материалом является глина (49% от общего числа изделий), далее в порядке убывания следуют изделия из металла, кости, камня. По технике изготовления превалирует пластика (лепка из глины, нанесение штампов на глиняную основу, бронзовое литье), и лишь в единичных случаях встречаются объемная резьба по кости и камню, контурная линейная резьба по кости. Антропоморфные изображения составляют большинство.

Поскольку к настоящему времени наиболее изученными являются буддийские храмовые постройки и комплексы, большая часть изобразительного материала тесно связана с буддийской идеологией. Его анализ свидетельствует о существенном влиянии художественных традиций Тан и Когурё, что, без сомнения, является следствием истории формирования и развития государства Бохай. Так, для стиля буддийской пластики эпохи Тан характерны твердый линейный контур хорошо моделированных фигур, округлые лица антропоморфных изображений, отсутствие «барочной» манеры украшения скульптур, свойственной для более позднего времени, забота

о строго выдержанной тектонике (Денике, 1926. С. 49; Воробьев, 1983. С. 189), что мы наблюдаем на борисовских статуэтках. Влияние когурёских художественных традиций проявляется в некоторых ранних типах и элементах декора концевых дисков кровельной черепицы.

Особенностью бохайских концевых дисков кровельной черепицы является большое разнообразие видов их декора, которые варьируют не только от храма к храму, но и в пределах одного культового сооружения. Важно отметить, что, несмотря на удаленность приморских буддийских объектов, их скульптура и пластика несет на себе следы определенного воздействия иконографии и стиля, свойственных крупным столичным центрам Бохая, таким как Верхняя (городище Дунцинчэн), Восточная (городище Балянчэн) и Южная (городище Чхоньхэ) столицы. Это позволяет предположить наличие связей между центральными и периферийными районами государства. Важным замечанием является то, что скульптура и пластика, отражающие символику и пантеон буддизма, а также иные предметы буддийского культа, обнаружены лишь в пределах кумирен и храмовых комплексов. Более того, храмовый комплекс зафиксирован лишь на территории Краскинского городища, что обусловлено, вероятно, его статусом центра округа Яньчжоу столичной области Лунъюаньфу. Копытинская, Абрикосовская, Корсаковская, Борисовская кумирни расположены за пределами городищ и поселений. Даже на таком городище, как Горбатка (Михайловский р-н Приморского края), которое лишь немногим уступает Краскинскому по площади, пока не выявлено следов присутствия культовых построек (Гельман, Никитин и др., 2001; Отчет... 2004). Это позволяет высказать предположение о том, что буддизм был распространен в бохайском Приморье неравномерно, по мере удаления от столичных районов его позиции ослабевали. Вероятно, большая часть бохайского населения придерживалась традиционных представлений. Об этом свидетельствуют такие предметы искусства, как зооморфные подвески, миниатюрные антропоморфные фигурки, керамические изделия со взаимопересекающимися отверстиями, которые, ве-

роятно, выполняли как утилитарные, так и сакральные функции. Важно отметить, что семантический анализ формы последних и нанесенных на них изображений позволяют проследить процесс приспособления традиционных представлений к новым идеологическим установкам.

Изобразительное искусство чжурчжэней. Наиболее изученные к настоящему времени чжурчжэньские памятники Приморья относятся к периоду существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.). Работы ведутся преимущественно на территории жилых, хозяйственных и административных объектов, поэтому именно из них и происходят предметы изобразительного искусства. Материал довольно многочисленный и включает в себя различные категории предметов.

Для искусства чжурчжэней Приморья характерно богатство и разнообразие образов и сюжетов, художественных приемов, материала и техник его обработки. Наиболее популярным материалом был металл (бронза, железо, чугун) – из 234 изделий металлических 183. Обращает на себя внимание достаточное разнообразие используемых чжурчжэнями в изобразительном искусстве пород камня. Это кварц и его разновидности (халцедон, горный хрусталь, аметистоподобный кварц, кварцит), стеатит, нефрит, аргиллит, мрамор. Кроме металлических и каменных, имеются образцы художественных изделий, выполненных из глины, кости и стекла. Приемы обработки применялись самые разные. Для пластичных материалов – литье, лепка, штамп, ковка, гравировка, чеканка, производство стеклянных изделий из полуфабрикатов методом моллирования; для твердых – объемная и линейная резьба. Чжурчжэньские мастера владели техникой золочения и серебрения металлических изделий.

Стиль чжурчжэней отличается реализмом. Из представленных сюжетных групп наиболее представительной является зооморфная. Набор изображаемых животных традиционен для восточноазиатского искусства (дракон, рыба, заяц и др.), в то же время, использовались образы, характерные для степных культур (конь, олень, хищники из породы кошачьих).

Искусство населения Восточного Ся является прямым продолжением искусства империи Цзинь. При этом следует отметить, что последнее во многом впитало в себя те художественные традиции и технические приемы, которые были характерны для народов, вошедших в состав государства. Речь, прежде всего, идет о китайском и киданьском этнокультурных компонентах. Тем не менее, несмотря на ряд вероятных заимствований, в изобразительном искусстве чжурчжэней отмечены самобытные образы и сюжеты.

О социальной дифференциации общества Восточного Ся можно судить по тем предметам изобразительного искусства, которые относятся к категории так называемых престижных или статусных (зеркала, печати, брелоки и т. п.). Но при этом социально-диагностирующим показателем будут выступать не отдельные изделия, обнаруженные в пределах жилища, а их комплекс. Кроме того, чжурчжэньские предметы искусства несут информацию об определенном положении их владельца, роде его занятий, а также, в некоторых случаях, о его половозрастной принадлежности.

Анализ пространственного распределения предметов изобразительного искусства, многоплановая символика образов и используемых материалов отражают свойственный чжурчжэньской культуре религиозный синкретизм. Шаманские представления здесь тесно переплетались с имевшими государственное значение доктринами, прежде всего буддизмом и даосизмом.

В целом, говоря о средневековом изобразительном искусстве по материалам бохайских и чжурчжэньских памятников юга Дальнего Востока России, можно отметить следующее. К образам, которые представлены в обеих культурах, следует отнести изображения всадников на конях или буйволах. Судя по широкому ареалу и хронологическому периоду распространения фигурок, их существование является устойчивой культурной традицией.

В бохайском изобразительном искусстве отсутствует целый ряд категорий предметов, свойственных искусству чжурчжэней, например подвески в виде антропоморфных фигурок, печати, брелоки, календари и медальоны, керамические изделия с графическими изображениями, монументальная скульптура и др. В изобразительном искусстве Бохая пока не отмечено сюжетных композиций.

Основным декором концевых дисков кровельной черепицы в бохайском искусстве является цветочная розетка, чжурчжэни же украшали свои диски преимущественно изображениями полиморфных личин (Шавкунов, 1968. С. 89–91; Артемьева, 1998. С. 56). Возможно, это различие связано с разным функциональным назначением зданий. Бохайские концевые диски обнаружены на храмовых постройках, а чжурчжэньские – на территории хозяйственно-административных зданий.

Несмотря на то что в материальной культуре бохайского и чжурчжэньского населения имеется целый ряд общих черт, в изобразительном искусстве двух генетически близких народов мы не находим точек соприкосновения. Объяснения этому могут быть следующие: разная степень изученности археологических комплексов, религиозно-

идеологические отличия, хронологический разрыв между существованием двух государств и различное социокультурное окружение.

Артемьева Н.Г., 1998. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.). Владивосток.

Воробьев М.В., 1983. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М.

Гельман Е., Никитин Ю., Болдин В., Ивлиев А., 2001. Ис-

следования на городище Горбатка // Россия и АТР. Владивосток. №1.

Денике Б.П., 1926. Китайская статуэтка воина эпохи Тан // Тр. отделения искусствоведения. М.

Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников в Приморском крае России в 2004 г. Сеул, 2005.

Шавкунов Э.В., 1968. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.

Е.Ю. Гиря

Институт истории материальной культуры РАН

Е.Г. Дэвлет

Институт археологии РАН

Трасологическое исследование петроглифов Пегтымеля

С 2005 г. на местонахождении наскального искусства, расположенном на правом берегу р. Пегтымель в его нижнем течении (географические координаты 69° 32' с.ш. и 174° 31' в.д.) в 1 км ниже впадения в него Кайкуульского ручья, ведет исследования Петроглифическая экспедиция ИА РАН. С 2006 г. выполняется трасологическое изучение наскальных изображений, поддержанное грантом РФФИ 08-06000273а. Основной целью трасологического исследования пегтымельских петроглифов являлось уточнение технологии их выполнения, в частности возможности использования кварцевых орудий в ходе их исполнения.

Работы осуществлялись в соответствии с методикой экспериментально-трасологических исследований, разработанной в лаборатории ИИМК РАН. Данная методика предполагает:

- анализ археологического источника (следов использования или обработки);
- экспериментальное моделирование древних процессов, связанных с возникновением данного типа следов;
- доказательство подобия экспериментальной модели исследуемому процессу и/или объекту в прошлом.

Фиксация следов в поле велась на макро уровне с использованием камеры Canon 20D с объективами EF-S 60 mm Macro, EF 100 mm Macro, EF-S 10-22 mm и EF-28-135 mm. Для создания косонаправленного кругового освещения петроглифов использовались гибкие затеняющие бленды. Наиболее выразительные фрагменты основных типов следов искусственной обработки скальных поверхностей

копировались с помощью дантистских слепочных масс. В лаборатории, анализ экспериментальных и археологических образцов проводился под бинокулярными микроскопами малого увеличения МБС-10 и МСПЭ-1 (увеличение до 100 раз), при косом внешнем освещении. Анализ и фиксация поперечного сечения следов пикетажа, пришлифовки и гравировки производились при освещении микро-рельефа по принципу двойного микроскопа академика В.П. Линника.

Исследование предполагало решение следующих задач:

- выделение основных технических приемов создания пегтымельских петроглифов;
- получение экспериментальных эталонов следов, произведенных орудиями из различных материалов;
- поиск археологических доказательств использования каменных орудий для выполнения петроглифов.

Осмотр и фото фиксация изображений в поле выявил наличие различных способов искусственного изменения поверхности:

- пикетаж,
- пришлифовку и
- гравировку.

В ходе анализа в поле было установлено, что при создании большей части пегтымельских петроглифов, преобладающим способом обработки поверхностей являлся пикетаж различного вида.

Для удобства описания были выработаны отдельные критерии, позволяющие отразить существенные качественные характеристики следов. Применение

данных критериев позволяет упорядочить и упростить процесс формализации описания.

Пикетаж характеризуется по:

– расположению отдельных лунок: плоскостной (пикетажем покрываются определенные площади на поверхности камня) и линейный (отдельные лунки пикетажа выстраиваются в линию). Различие можно провести по ширине линии: в одну – полторы лунки – линейный, полосы шириной в две лунки и шире – плоскостной.

– плотности нанесения: редкий – когда расстояние между отдельными следами ударов превышает диаметр выбоины от одного удара; плотный – когда расстояние между отдельными следами ударов равно диаметру одного следа, сплошной – когда следы отдельных ударов перекрывают друг – друга;

– глубине: мелкий, средний, глубокий (имеется в виду глубина выбивки, считая от исходной поверхности, а не глубина отдельных точек пикетажа)

– форме (округлый, фигурный, подтреугольный и др.).

Помимо выявления различий в искусственных видах изменения поверхности сланцевых блоков фиксировались различные виды естественных повреждений: выветривания, выкрошенности, отслаивания поверхности и т. д.

Для определения характера следов, оставляемых орудиями из различных материалов, был проведен ряд экспериментов по пикетажу поверхностей пегтымельских сланцев. Были использованы орудия из кварца, шлифованного камня, стали, железа и бронзы. По всем группам орудий исследовалась специфика следов от ударов, нанесенных под прямым углом и под углом в 45°. В результате, в поле были получены эталоны следов на сланце, соответствующих использованию всех перечисленных групп орудий и экспериментальные образцы самих орудий со следами использования.

Сланцы, составляющие скалы Кайкуульского обрыва, не однородны. Выделяются мелкозернистые, часто блестящие в горизонтальном сломе слои и крупнозернистые, более опесчаненные. Все они имеют ярко выраженную горизонтальную и вертикальную трещиноватость. Примечательно, что петроглифические изображения наносились только на вертикальные плоскости – поверхности вертикального растрескивания. В ходе экспериментов было установлено, что все разновидности локальных сланцев являются достаточно мягкими – они легко царапаются ногтем, и относительно вязкими.

Использование орудий из различных перечисленных выше материалов для нанесения пикетажа может быть признано в разной степени эффективным. При этом, орудия из оловянистой (7%) бронзы

были признаны наименее производительными – их рабочие участки достаточно быстро сминались.

Поскольку эксперименты с использованием кварцевых орудий показали, что процесс их применения для пикетажа связан с неизбежным выкрашиванием рабочего участка и появлением специфического вида забитости на пятке (ударной части) орудия, в сезоне 2006 года были предприняты попытки обнаружения древних орудий производства изображений и сколов с них. Непосредственно под одной из групп изображений, был заложен раскоп площадью в 1,5 м², глубиной до 1 м. Весь грунт из раскопа был промыт через металлическое сито с ячейей 2 x 2 мм. Все кварцевые чешуйки, полученные в ходе разборки результатов промывки, были собраны для дальнейшего трасологического анализа. Крупных обломков кварцевых орудий со следами использования в качестве орудий пикетажа в ходе раскопок не обнаружено. 8000 мелких кварцевых чешуек было просмотрено под бинокулярной лупой МБС-10. Никаких продуктов искусственного расщепления кварца не обнаружено.

В сезоне 2007 г. специальных раскопочных работ в районе пегтымельских петроглифов не производилось. Однако в верхней части Кайкуульского обрыва, на его бровке, были обнаружены отдельные каменные артефакты. Все они были найдены в пределах ранее изученных Н.Н. Диковым стоянок на современной поверхности. В сезон 2006 г., несмотря на неоднократное обследование террасы Кайкуульского обрыва, ни один артефакт на поверхности обнаружен не был.

По всей видимости, причиной появления артефактов на поверхности почвы в 2007 г. следует признать переувлажнение грунта летом и осенью предыдущего года. Частые дожди и снегопады в том сезоне привели к усиленному протаиванию мерзлого грунта, что, в свою очередь, спровоцировало большее, чем обычно, сползание культурного слоя по склону обрыва. В ходе этого процесса отдельные артефакты оказались экспонированы на современной дневной поверхности.

В районе второго скопления, в непосредственной близости от раскопа Н.Н. Дикова были обнаружены длинная плоская галька и пять каменных артефактов. Среди них два отщепа и три изделия со вторичной обработкой. Три отщепа выявлены в районе шестого скопления. На площадке восьмого скопления, непосредственно на вершине скалы, были обнаружены 12 чешуек, 6 отщепов и два предмета со следами вторичной обработки.

Наибольший интерес представляет каменный ударник, выявленный на поверхности современной почвы в пяти метрах ниже по склону от раскопа

Н.Н. Дикова. Артефакт был наполовину обнажен, выступающая его часть была покрыта лишайником. Ударник представляет собой речную гальку из темно-серого кремневого сланца с раковистым сколом на одной из плоских поверхностей. Это уплощенная галька подтреугольной формы длиной 129 мм, шириной 94 мм, толщиной 49 мм. Как уже указывалось, на одной из плоских сторон гальки имеется негатив одиночного скола. Именно эта поверхность выступала из культурного слоя, она покрыта лишайником и, в сравнении с противоположной стороной гальки, она более матовая. Противоположная сторона, обнаруженная в погребенном состоянии, имеет легкий люстраж. Объяснение данного контраста в состоянии разных поверхностей гальки может быть двояким: возможно предположить, что выступающая верхняя поверхность изначально имела соответствующий люстраж и стала матовой в результате различных внешних воздействий после обнажения. Вполне допустимо также предположить и обратное: нижняя погребенная сторона артефакта приобрела легкий блеск в результате воздействия почвенных процессов.

На всех поверхностях гальки обнаружены отдельные не систематические разнонаправленные царапины и выбоины. Они могут иметь как искусственное, так и естественное происхождение. Верхний угол гальки, поверхность правого края и часть ребра на левом краю не имеют каких-либо следов модификации поверхности. В отличие от этих зон, выступающий участок на нижнем конце артефакта (8x16 мм) и правый выступающий угол (зона 12x33 мм) имеют следы усиленной забитости. Отдельные выбоины сконцентрированы настолько, что естественная поверхность гальки уже не читается. Характер следов забитости напоминает характер рабочих поверхностей пестов-терочников. Именно контраст в состоянии поверхностей на указанных участках позволяет сделать вывод об искусственном происхождении зон со следами забитости. Естественная забитость торцов галек всегда покрывает все выступающие участки.

В сечении рассматриваемая галька плоско-выпуклая. На выпуклой ее стороне, расположена еще одна зона, покрытая следами иного рода. Это округлая в плане, достаточно крупная (28x30мм) зона концентрации выбоин и грубых линейных следов (царапин). Концентрация выбоин в центральной части этой зоны привела к понижению рельефа, образованию пологой выемки в виде желобка, ориентированного поперек продольной оси гальки. Отдельные, наиболее выразительные выбоины также имеют поперечную ориентацию. Большая часть линейных следов (царапин) имеет иную ориента-

цию – соответствующую продольной оси орудия. Они начинаются в зоне забитости и продолжаются в направлении к верхнему концу орудия.

По имеющимся наблюдениям данный комплекс следов соответствует следам износа, образующегося на рабочих участках ударников – орудий для производства пикетажа с применением каменных посредников. Было произведено более десятка экспериментов по производству пикетажа с применением кварцевых посредников и галечных ударников из различных пород камня. В ходе использования, на всех из них было прослежено образование именно такого комплекса следов износа. Следует подчеркнуть, что следы износа на галечных ударниках, использованных для работы с посредниками из иных материалов не соответствуют описанному комплексу. Эксперименты производились с применением в качестве посредников шлифованных тесел в роговых рукоятях, а также посредников из бронзы и железа. Только работа с каменным (в наших экспериментах – кварцевым) посредником приводит к аналогичным результатам.

Не меньший интерес представляют собой и продукты расщепления, собранные неподалеку от вышеупомянутого ударника. Один из этих предметов – заготовка бифаса, оставленная на стадии уплощения. В качестве исходной формы была выбрана естественная уплощенная галька из кремневого сланца желтовато-белесого оттенка. Сколы утоньшения обеих сторон велись с альтернативно расположенных площадок. То есть, каждая сторона обрабатывалась (выравнивалась) сколами с одной площадки. При этом, обращает на себя внимание длина сколов – практически все они прошли далее центра бифаса. Следов подправки и/или подготовки площадок не прослеживается, форма самой гальки вполне соответствовала требуемым условиям.

Иной способ подготовки бифаса представлен на второй заготовке бифаса. На обеих сторонах данного изделия имеются остатки галечной корки. Бифас начали делать путем грубой двусторонней обивки с двух продольных краев на обе лицевые поверхности. Большая часть этих сколов не достигала центральной оси бифаса, вследствие чего никакого утоньшения не происходило. Возможно, в данном случае, требовалось изготовить бифас именно с такими пропорциями.

Третий артефакт, происходящий из того же скопления, представляет собой обломок унифасиально ретушированного изделия с остатками ретушированного края. Характер трещин свидетельствует, что орудие побывало в костре и развалилось по весьма характерным (термическим) трещинам.

Достойна отдельного описания и заготовка бифаса, обнаруженная на площадке над восьмым скоплением. Технология подготовки бифаса, выравнивания его лицевых сторон здесь практически та же, что и у первого изделия найденного у 2-го камня. Единственная разница состоит в том, что альтернативные площадки специально подготовлены.

Единственный фрагмент готового изделия, обнаруженный в наших сборах, – это обломок тонкого бифаса (ножа или наконечника) из халцедона. Достаточно четко читаются остатки негативов сколов утоньшения – выравнивания и достаточно регулярные краевые фасетки отжимной ретуши.

Отдельные чешуйки, обнаруженные в над восьмым скоплением, имеют некоторые признаки изменения окраски, характерной для тепловой обработки, однако, из-за малочисленности имеющихся материалов, говорить утвердительно о следах ее применения пока рано.

Суммируя результаты изучения каменной коллекции, полученной в результате поверхностного

исследования Кайкуульского обрыва, можно констатировать принципиальную перспективность сравнительного технологического анализа продуктов расщепления камня, происходящих из различных скоплений. С одной стороны, существуют основания предполагать их технологическую, а возможно и культурную, однородность. С другой – обнаружение ударника, орудия для производства пикетажа (изготовления петроглифов), позволяет связывать по крайней мере одно из выделенных Н.И. Диковым скоплений культурных остатков с петроглифами.

По результатам исследования ограниченной группы изображений, предварительный анализ данных, полученных из экспериментальных и раскопочных работ, не подтвердил предположение о тотальном использовании кварцевых орудий для выполнения пегтымельских петроглифов. Для выполнения большинства изображений, наиболее вероятным представляется использование орудий из железа.

Н.И. Дроздов, А.Л. Заика, В.П. Леонтьев, В.И. Макулов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Древнее искусство на памятниках зоны затопления Богучанской ГЭС

Изучение памятников древнего искусства Ангары имеет 300-летнюю историю (Заика, 2005). В связи с подготовкой к затоплению ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Северного Приангарья экспедициями Красноярского Государственного педагогического университета с 1974 г. проводятся охранно-спасательные археологические исследования, в результате которых выявлены новые памятники древнего искусства, охватывающие широкий временной интервал от эпохи палеолита до этнографической современности.

Эпоха палеолита. В 1982 г. при раскопках стоянки Усть-Кова во втором среднем комплексе палеолитических культурных отложений были обнаружены предметы мелкой пластики из кости: скульптурные изображения мамонта, сидящей птицы (?), гравированные пластины бивня мамонта, подвески, плоские бусинки с отверстиями, выполненные из бивня мамонта, обломок молотка и наковаленка из бивня мамонта, иголка. Зафиксированы были также кости с насечками, следами резания, пиления, сверления (Васильевский, Дроздов, 1983).

Представляет интерес скульптурка мамонта, вырезанная из бивня мамонта (рис. 3: 2). Ее длина 8,4 см, высота 4,8 см, толщина 2,3 см. Мамонт изображен в характерной позе: большая голова низко опущена, короткое туловище отделено от нее выемкой в виде треугольного выреза, спина изогнута, а две (вид сбоку) короткие массивные ноги представляются «вросшими в землю». Голова проработана реалистично: с крутым затылком и длинным покатым лбом, на месте бивней имеется узкий срез, оформленный, возможно, после того как они отломались. Хобот, опускающийся почти до уровня ног, оформлен подтреугольным выступом и спереди над ним выполнена характерная выпуклость.

Фигурка, по всей вероятности, была раскрашена. Об этом свидетельствуют сохранившиеся следы красной краски (охры). Наиболее ярко они проявляются на верхней части головы и в вырезе между головой и туловищем. Также на туловище в нескольких местах заметны пятна черного цвета. Возможно, это остатки черной краски. Скульптурка на стоянке Усть-Кова была найдена в комплексе

культурных отложений, не нарушенных стратиграфически, и для этого комплекса имеется абсолютная дата – 23920±310 лет, полученная радиоуглеродным методом, что дает возможность датировать находку, как и весь комплекс, в пределах 28–22 тыс. лет.

Эпоха неолита, бронзы. В неолитических слоях стоянки Усть-Кова обнаружены целое и фрагментарные каменные фигурные изделия в виде рыб-приманок. Эпохой неолита – ранней бронзы датируются петроглифы Аплинского порога (рис. 1). Петроглифы выполнены путем протирки и выбивки с последующей шлифовкой. Вследствие воздействия воды и льда рисунки слаборельефны и в большинстве своем просматриваются при контрастном боковом освещении в темное время суток. Многие изображения сохранились фрагментарно по причине растрескивания и осыпания скальных пород. Представлены композиция с вертикальным построением полной и парциальных фигур лосей, неоконтурные личины, контурные изображения двух копытных животных (лоси?), синкретический образ трудноопределимого животного и рисунок рыбы, фас-профильная фигура человека и трудноопределимое переплетение горизонтальных волнистых линий.

Эпохе ранней бронзы соответствует петроглиф «Тимохин камень», который представляет собой каменный блок шириной 1,2 м, длиной 2,4 м и высотой 1 м. На одной грани, обращенной к берегу, выявлены три антропоморфные личины фантастического облика. Используя естественные неровности скальной породы, древний художник путем выбивки с последующей шлифовкой придавал нужные формы задуманному образу. Две личины – череповидные, третья, наиболее яркая, представляет собой сложный, перегруженный различными деталями образ демонического характера, который пока трудно вписать в изобразительные традиции древнего населения региона (рис. 2: 2). Личина – по внешним формам и деталям внутреннего заполнения – асимметричная (практически единственная стабилизирующая деталь этого экспрессивного образа – скобка «носа», увенчанная глазами), что, наряду с череповидными признаками, характерно для подобных образов в наскальном искусстве Пасифики. Вместе с тем, наличие «третьего глаза», «объемных» рогов (ушей), горизонтальной манеры «татуировки» сближает данный образ с личинами окуневского типа. По всей видимости, в эпоху позднего неолита – ранней бронзы древнее население Северного Приангарья имело тесные культурные контакты в восточном и южном направлениях, что нашло свое отражение в наскальном искусстве региона.

При раскопках одной могилы на стоянке Усть-Кова на груди погребенного были обнаружены две

бронзовые антропоморфные фигуры (рис. 3: 6), наложенные одна на другую и заключенные в мешочек из толстой кожи (Леонтьев, Дроздов, 1991). Верхняя фигурка – полное изображение человека анфас, высотой 13 см. Круглая головка соединяется с туловищем длинной шей. Черты лица хорошо детализированы. Глаза в форме симметрично расположенных овальных выпуклостей, такие же выпуклые прямой рот и нос. На щеках – рельефно выступающие линии, возможно имитирующие татуировку. Туловище имеет вид перевернутой равнобедренной трапеции, с широко расставленными ногами. Руки подняты вверх, предплечья расположены параллельно земле. Туловище по периметру оконтуривает округлый валик, украшенный выпуклыми горизонтальными линиями. Этот же прием использован в оформлении рук и ног.

Второе антропоморфное изображение помещено в бронзовое кольцо диаметром 15 см, ширина полосы, образующей это кольцо, 1,5 см. Туловище, вероятно, было выполнено тремя вертикальными параллельными полосами шириной 1 см, сохранившимися фрагментарно. Плечи широкие, руки подняты вверх, кисти находятся на поверхности кольца. На правой руке четко выражены пять коротких пальцев, три пальца левой руки уничтожены процессом окисления металла. Черты лица достаточно хорошо детализированы. Голова увенчана трехрогой короной, рельефно выступают надбровные дуги, такой же рельефно выступающий приостренный нос. Глаза имеют форму симметрично расположенных выпуклых кругов с углублениями в центре. Щеки, как и у первой фигурки, украшены двумя выпуклыми параллельными линиями, отчетливо моделированы крутые скулы. Широко раскрыт овальной формы рот, видны острые зубы, по два сверху и снизу. Подбородок покоится на широком выступающем «воротничке».

Сегодня на территории Западной и Восточной Сибири известно несколько заключенных в кольцо антропоморфных изображений, обнаруженных преимущественно на памятниках таежной зоны (Косарев, 1984). Подобные изображения появляются на территории Сибири в эпоху бронзы и, трансформируясь, доживают до этнографической современности. Аналогичные находки с поселения Завьялово и из района с. Напас на р. Тым (Западная Сибирь) трактуются М.Ф. Косаревым как предметы, имеющие отношение к солярному и астральному культурам.

Эпоха раннего железа и средневековье. Среди предметов погребального инвентаря на стоянке Окуневка найдены бронзовые бляшки с парным изображением птиц (рис. 3: 4). Подобные изображения

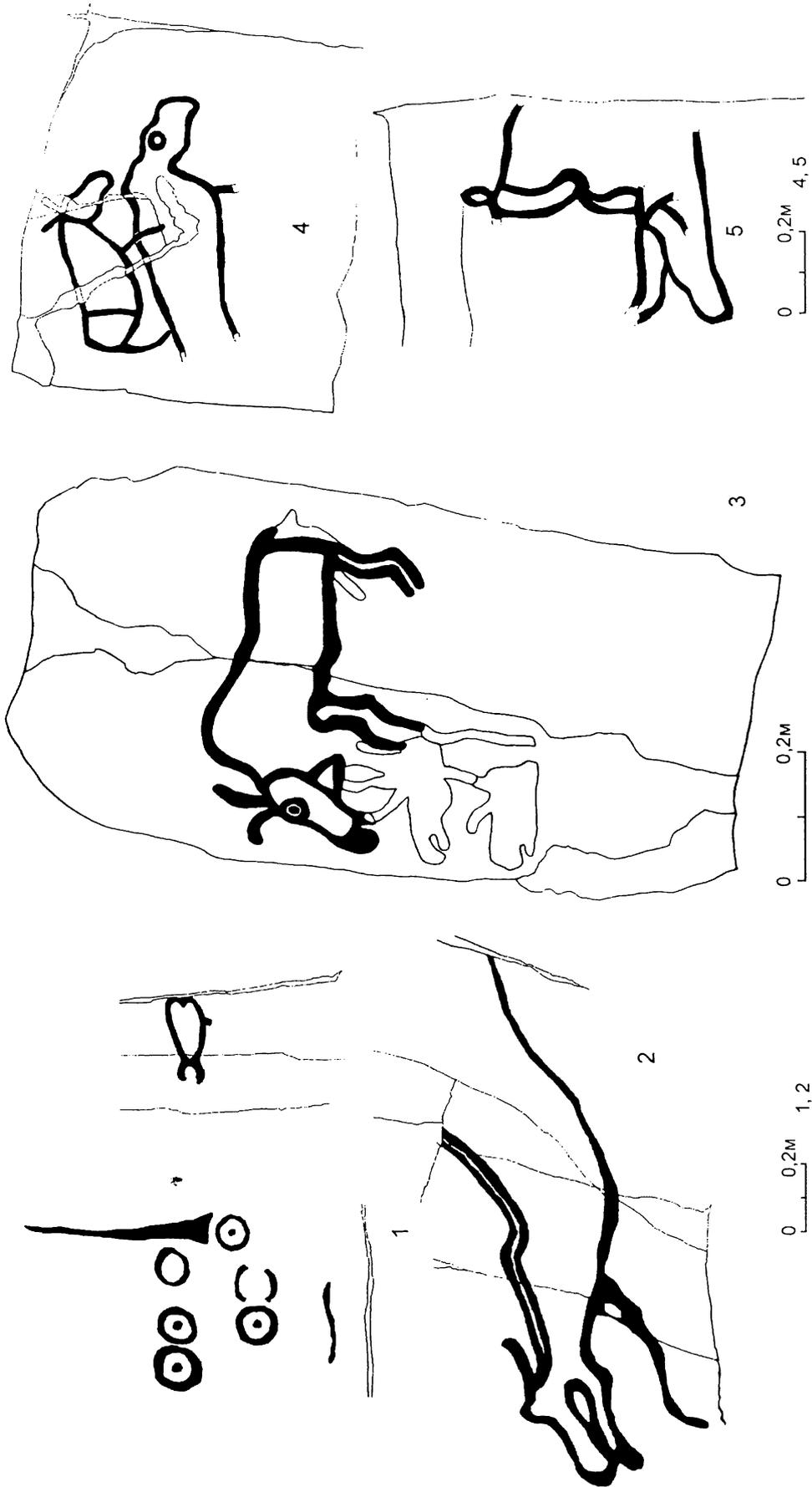

Рис. 1. Писаница Аплинский порог. Копии наскальных рисунков.
1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2; 3 – плоскость 3; 4 – плоскость 4; 5 – плоскость 5

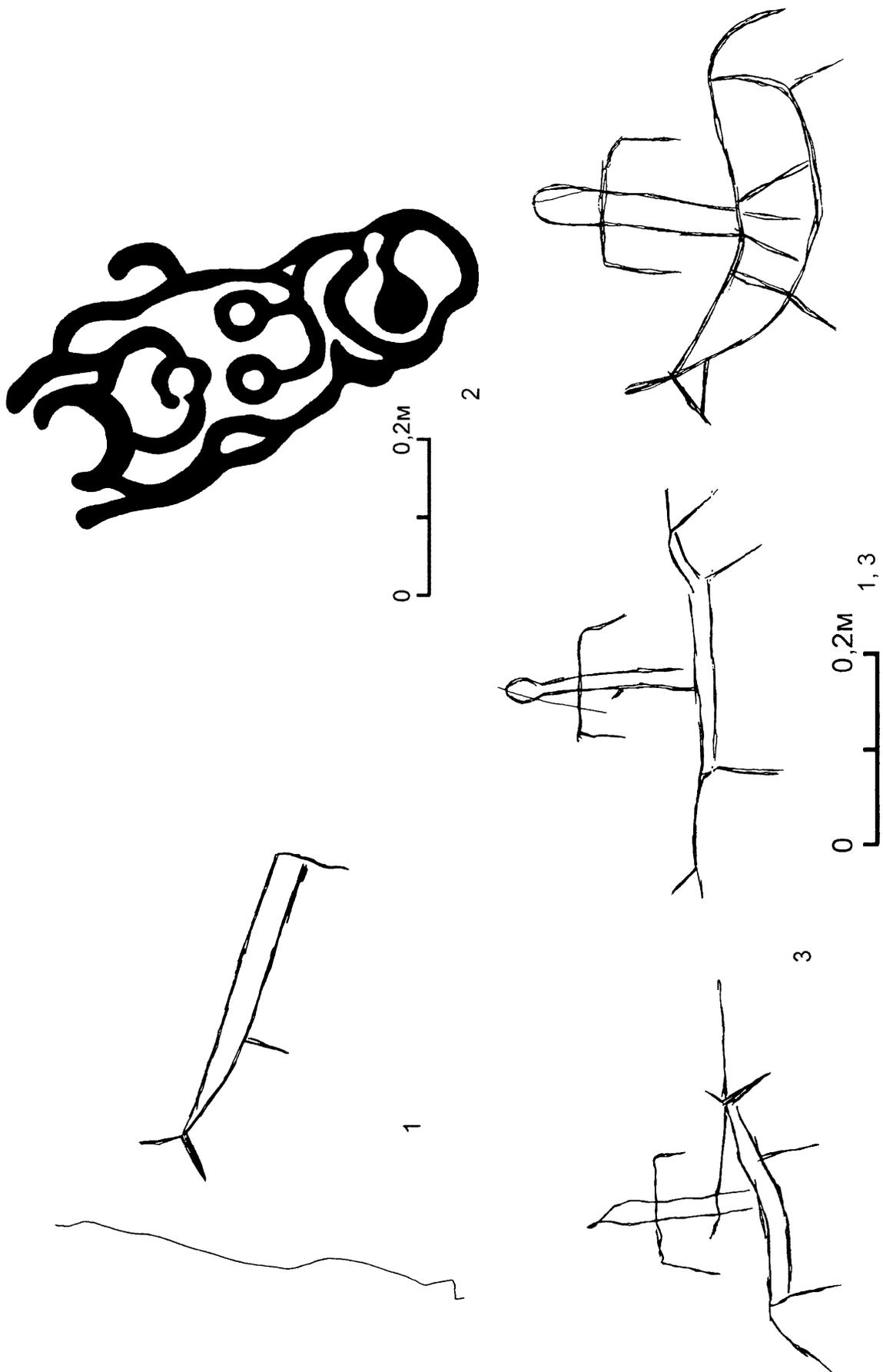

Рис. 2. Копии наскальных рисунков.
1, 3 – писаница Усть-Кова 1, плоскости 2, 1; 2 – петроглиф «Тимохин Камень», лещина

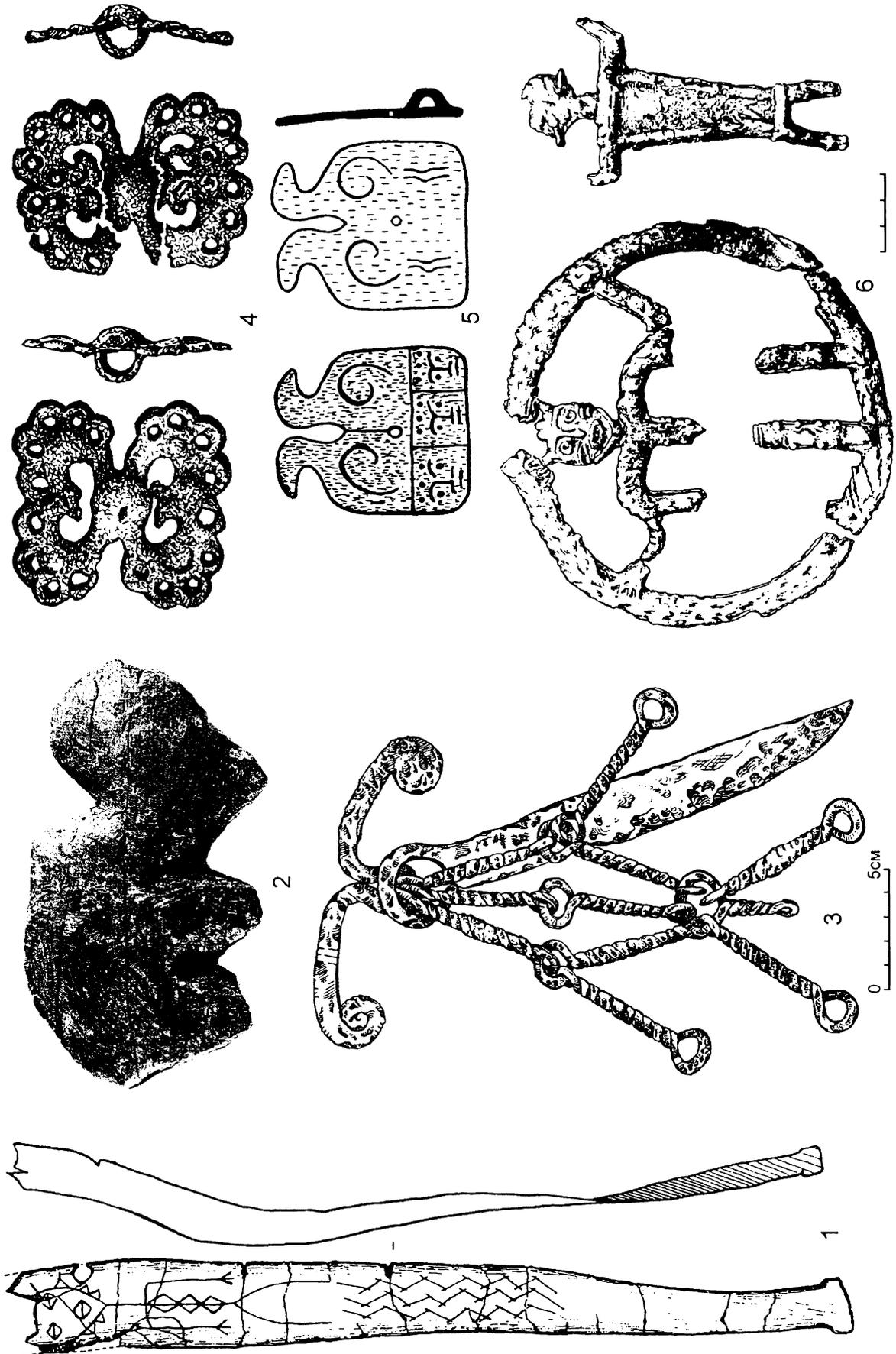

Рис. 3. Мелкая пластика. 1, 2, 3, 6 – стоянка Усть-Кова, 4 – стоянка Окуновка, 5 – стоянка Дворец (1, 2 – кость, 4, 5, 6 – бронза, 3 – железо)

известны на многих памятниках региона. Следует отметить, что некоторые из них попали в таежные районы, по всей вероятности, из южных степных областей. С южными регионами, в частности с представителями тагарской культуры (VII–II вв. до н. э.), связаны находки грифонов на стоянках Дворец, о. Сергушкин, в святилище у Тасеевского идола.

Не менее интересен сопроводительный инвентарь погребений, датированных нами VI–XII вв. н. э. Многие предметы этого погребального комплекса имеют в оформлении черты, близко напоминающие изображения барана. К ним относятся проколки и нож с навершиями в виде бараньих рогов, украшенных неглубокими насечками. Однако самыми интересными, бесспорно, являются составные изделия из железа (рис. 3: 3). Основные составляющие элементы этих предметов – два кольца различных диаметров с перекрученным соединением между ними. Скрепленные между собой детали образуют изделие, композиционно дополняемое псалиевидной подвеской, к которой при помощи кольцеобразного навершия на рукояти прикреплен нож. Благодаря подвижности конструкции изделие может принимать вид антропоморфного изображения – «шамана в рогатой шапке». Настоящий предмет, по нашему мнению, имеет многоплановое культовое значение (баран, шаман).

Большой интерес представляет находка из могильника Усть-Кова – костяная накладка на лук, имеющая гравировку (рис. 3: 1). Хорошо различаются фигура человека (возможно шамана), лицо с приостренным подбородком, четко изображенными в виде ромбов глазами и ртом, в середине которых имеются горизонтальные черточки. Овал лица обрамляет украшение в виде треугольников (борода?). Голова изображена на длинной шее. Фигура имеет широкие плечи, трехпалые руки, тело изображено в виде трех вертикально расположенных ромбов, соединенных между собой. Ромбы по вертикали пересекает прямая линия («линия жизни» шамана?),

переходящая в широко расставленные ноги. Под фигурой человека на накладке – три вертикальные ломаные линии.

Писаница Усть-Кова 1 находится на береговом скальном массиве, сложенном песчаниковыми сланцами желтоватого цвета. Рисунки выполнены прочерчиванием (по всей видимости, камнем) поверх сравнительно свежих и рыхлых обнажений. Выявлена горизонтальная композиция с участием трех всадников (рис. 2: 3). Лаконичный сюжет можно охарактеризовать следующим образом: два всадника рядом едут навстречу более крупной (видимо доминирующей) фигуре в правой части плоскости, т. е. отражена сцена встречи. В езовых животных (особенно у доминирующего всадника) угадывается образ лошади. На другой плоскости изображено, по всей видимости, дикое копытное или одомашненный олень (рис. 2: 1). Вероятно, рисунки имеют повествовательный характер и могут относиться к эпохе средневековья – этнографической современности.

Таким образом, древнее искусство Северного Приангарья на различных этапах своего развития отличается многообразием форм и содержания, свидетельствует как о богатстве духовной культуры, так и о сложных этнокультурных процессах, имевших место на широком временном интервале – от эпохи камня до этнографической современности.

Васильевский Р.С., Дроздов Н.И., 1983. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск.

Заика А.Л., 2005. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск. Вып. 4.

Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1991. Уникальная находка со стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск.

*Ю. Н. Есин**Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Абакан*

Об афанасьевском компоненте в окуневском наскальном искусстве Минусинской котловины*

Выделение наскальных изображений афанасьевской культуры – одна из актуальных проблем археологии Центральной Азии. В Минусинской котловине ее решение с самого начала связано с попытками культурно-хронологической дифференциации каменных стел, относимых к окуневской культуре конца III – начала II тыс. до н. э. М.Д. Хлобыстина (Хлобыстин, 1971. С. 73) и Я.А. Шер (Шер, 1980. С. 227, 229) полагали, что ряд образов стел, обнаруживающих юго-западные параллели, принесен сюда скотоводами-афанасьевцами. Эта гипотеза явилась реакцией на концепцию окуневской культуры Г.А. Максименкова, рассматривавшего ее как автохтонную, созданную монголоидными «таежными охотниками». С такой концепцией изображения быков и повозок, признаки европеоидности у антропоморфных персонажей действительно не очень вяжутся. Однако каких-либо иных, более надежных аргументов в пользу связи данных изображений с афанасьевской культурой приведено не было. Позднее было установлено, что эта культура складывается в результате миграции нового, отличного от афанасьевцев, европеоидного населения со скотоводческим хозяйством, а появление монголоидных признаков – результат метисации (Лазаретов, 1997. С. 38–40). Сегодня гипотезу об афанасьевских истоках раннеокуневского стиля антропоморфных изображений отстаивает Л.А. Соколова (Соколова, 2004. С. 245), аргументирующая это сочетанием погребений афанасьевцев и окуневцев в некоторых курганах. Однако какие-либо антропоморфные изображения в материалах афанасьевской культуры отсутствуют.

Более веские аргументы в пользу афанасьевской атрибуции части окуневских стел привел Д.А. Мачинский, отметивший сходство с орнаментом нескольких предметов из позднеафанасьевского могильника у с. Тесь (Мачинский, 2002. С. 192, 193). Эти факты интересны и требуют дальнейшего изучения, но для таких выводов недостаточны, поскольку соответствий изображениям стел среди материалов окуневских погребений гораздо больше и они точнее.

Л.Р. Кызласов относил к афанасьевской культуре изображения «тоших» быков, подобных обнаруженным на плитах окуневского кургана Разлив 10, т. к. на одной из стел такой рисунок соседствует

с изображением сосуда, схожего с афанасьевскими курильницами. Он также относил к афанасьевской культуре три стелы с реалистичными лицами на вершине, стилистически обособляющимися от остальных изображений (Кызласов, 1986. С. 251–263). Другие исследователи изображения в разливском стиле датируют позднеокуневским временем, а стелы с реалистичными лицами сопоставляют со скульптурой памятников сейминско-турбинского круга (Кляшторный, Савинов, 2004. С. 92).

Еще один подход к выделению афанасьевского пласта – использование палимпсестов. Н.В. Леонтьев предложил отнести к афанасьевской культуре изображения быков с прямоугольным туловищем из комплекса Усть-Туба 2, одно из которых перекрыто фигурой лося в ангарском стиле, распространенном в окуневское время (Леонтьев, 1995. С. 58). И.Д. Русакова (Русакова, 2005. С. 214–216) относит к афанасьевской культуре изображения животных минусинского стиля, которые на писанице Бояры 1 перекрыты рисунками разливского стиля. Однако оба палимпсеста ничего не говорят о нижней дате и культурной атрибуции ранних изображений.

В целом, имеющиеся работы демонстрируют значительное разнообразие подходов: 1) одни рассматривают изображения на стелах, другие – на скалах; 2) одни сопоставляют рисунки с представлениями об этнокультурных процессах в регионе, другие ориентированы на поиск аналогов в материалах афанасьевских погребений, анализ палимпсестов. Тем не менее, предложенные решения пока малоубедительны. Среди использовавшихся приемов выделения афанасьевского пласта в наскальном искусстве Минусинской котловины наиболее перспективен анализ, основанный на сравнении с материалами из самих афанасьевских памятников. Это пока самый надежный способ получения аргументов в пользу афанасьевской атрибуции каких-либо наскальных изображений. С учетом этого, исследование вопроса о наскальном искусстве афанасьевской культуры следует вести по двум направлениям: 1) выявление фигуративных изображений на предметах из афанасьевских памятников; 2) поиск сопоставимых изображений и изображений сопоставимых предметов в наскальном искусстве.

Среди афанасьевских изображений, обнаруживающих параллели в наскальном искусстве, можно

отметить следующие: 1) фигура из двух длинных вертикальных линий, пересекающихся вверху, которая поделена на ярусы короткими горизонтальными черточками; 2) фигура из двух вертикальных линий с короткими поперечными черточками внутри и треугольниками снаружи; 3) ряд из косых крестов внутри узкого и длинного предмета (рис. 1: 1–4). Они образуют одну группу, сопоставимую со столпообразными изображениями над головой божества на некоторых стелах (рис. 1: 6, 7, 9, 12, 13). Однако последние являются частью более сложных композиций, остальные элементы которых параллелей в материалах афанасьевской культуры не имеют. Возможно, корректнее сопоставить афанасьевские рисунки с особой группой стел с вертикальным рядом горизонтальных дуг или косых крестов, имеющих самостоятельное значение (рис. 1: 10, 11, 14). Рисунок, обнаруживающий параллели в наскальном искусстве, есть также на афанасьевском сосуде из Горного Алтая (рис. 1: 5).

Среди изображений на стелах особого внимания заслуживают ритуальные сосуды-курильницы. Курильницы есть в материалах и афанасьевской, и окуневской культур, но они отличаются по наличию ручки: для афанасьевских она типична, а для окуневских – нет. Рисунки курильниц на стелах тоже можно разделить на две группы: 1) с ручками; 2) без ручек. Однако ручки изображены вертикально, что не характерно для реальных курильниц. Вероятно, это обусловлено спецификой пространственных построений в первобытном искусстве, допускавшем поворот изобразительной плоскости для повышения информативности изображения. Таким образом, есть основания предполагать связь рисунков курильниц с ручкой с афанасьевской культурной традицией.

Важно, что все известные курильницы с ручками выбиты на стелах, где имеются вертикальные ряды горизонтальных дуг (рис. 1: 11, 14; 2: 1). Ряды дуг являются самостоятельным типом изобразительного текста. Курильницы выбиты позднее дуг, при использовании того же камня для нового ритуала. Это, однако, не следует рассматривать как свидетельство их разнокультурности, т. к. имеются факты неоднократного использования одной плиты для нанесения разных изображений в рамках одной культуры и одного коллектива. Например, на плитах окуневских курганов Тас-Хазаа и Черновая 8 встречается по несколько слоев рисунков одной изобразительной традиции.

В двух случаях курильницы с ручками сочетаются с изображением простого антропоморфного лица. У одного из них над глазами показаны «брови» (рис. 2: 2). Такая деталь характерна только для типологически ранних ликов окуневского искусства,

найденных, например, в раннеокуневских погребениях Тас-Хазаа и Уйбат 5, что позволяет датировать относительно ранним временем и дуги, и курильницы с ручками.

Несмотря на своеобразие стел с дугами и курильницами, полностью обособлять их от окуневского искусства нельзя, т. к. те же элементы используются в структуре типичных окуневских изображений. Важно также, что детали одного рисунка курильницы с ручкой близки деталям курильницы без ручки сверху сложного лика классической группы окуневского искусства (рис. 2: 3). На одной стеле кроме курильницы с ручкой и простого антропоморфного лика позднее выбиты две курильницы без ручек, перевернутые по отношению к ним на 180° (рис. 2: 4), что демонстрирует преемственность в выборе изображаемых объектов.

Таким образом, среди памятников раннего пласта окуневского наскального искусства выделяется небольшая серия, сопоставимая с материалами афанасьевской культуры. Ее можно рассматривать как один из компонентов окуневского искусства. Создателями таких стел, видимо, были афанасьевцы и их потомки, но появились они в период сосуществования с окуневской культурой и под ее влиянием. В последующем этот комплекс полностью интегрировался с классическим окуневским. Представляется, что окуневское искусство отражает существование в Минусинской котловине определенной религиозной общности. Ее формирование, ритуально-мифологическое и изобразительное ядро связаны с окуневской культурой, но она включала и потомков ранее проживавшего здесь населения, и других мигрантов. Восприняв новые идеи, они тоже привнесли в окуневское искусство свои представления и образы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-63507а/Т) и Фонда Президента РФ (МК-1015.2007.6).

Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968. Афанасьевская культура // История Сибири. Л. Т. 1.

Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2004. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // АЭАЕ. № 3.

Кызласов Л.Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.

Лазаретов И.П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.

Леонтьев Н.В., 1995. К вопросу о хронологии петроглифов Минусинской котловины эпохи энеолита и бронзы // Наскальное искусство Азии. Кемерово. Вып. 1.

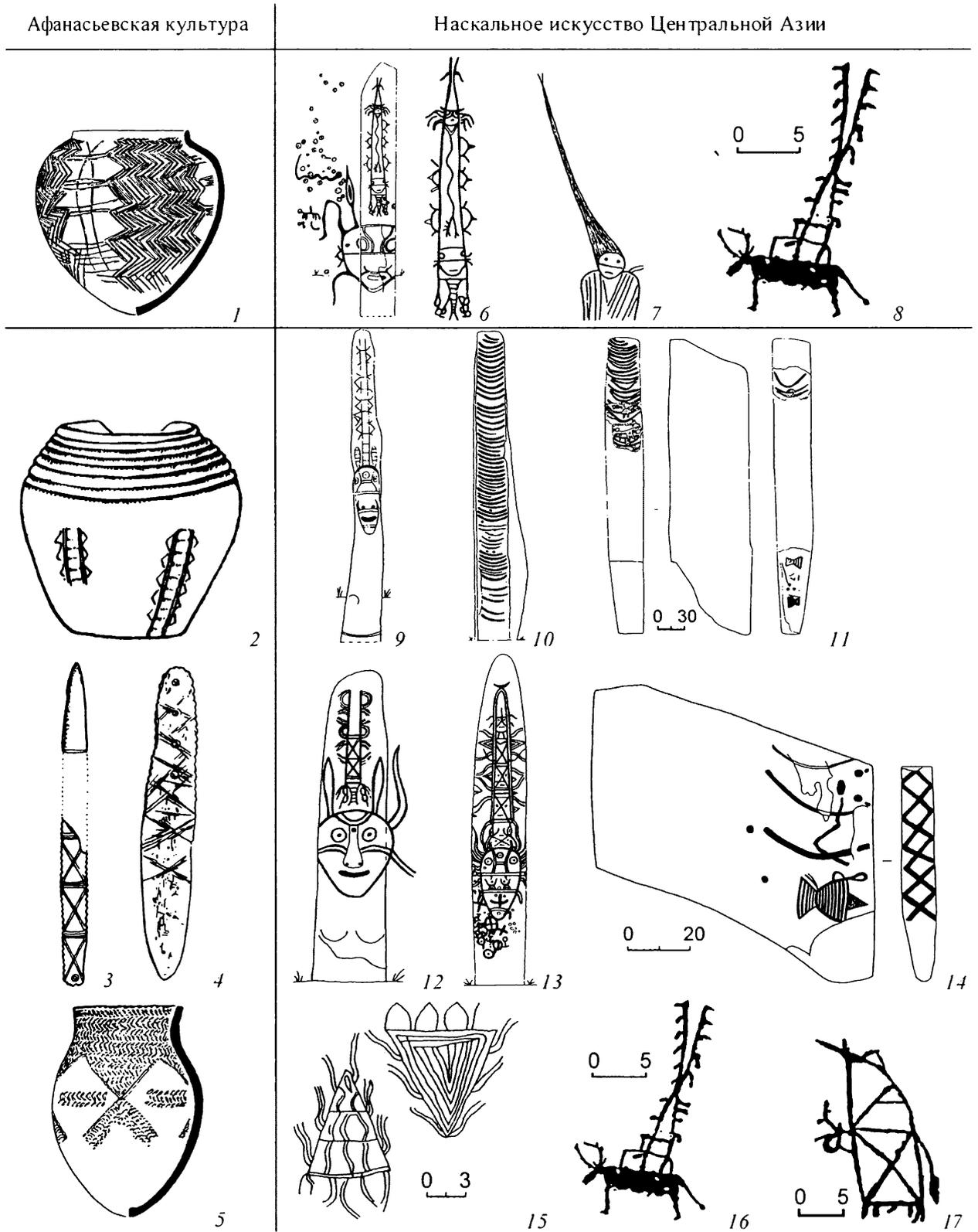

Рис. 1. Изображения на предметах афанасьевской культуры и их параллели. 1 – Подсуханиха [Грязнов, Вадецкая, 1968]; 2, 3 – Тесь [Киселев, 1949, табл. III, 1, 28]; 4 – Малые Копены [Киселев, 1949, табл. VI, 8]; 5 – Улаган [Грязнов, Вадецкая, 1968]; 6 – Июс [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, №288]; 7 – Тас-Хазза [там же, №220]; 8, 16 – Бага-Ойгур-1 [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 713]; 9 – Ташебинский чаатас [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, №86]; 10 – Усть-Есь [там же, №178]; 11 – Кызлас; 12, 13 – Черное озеро [там же, №36, 110]; 14, 15 – Уйбат-5 [там же, №236, рис. 17, 2]; 17 – Цаган-Салаа-4 [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 323]; 1-4, 6, 7, 9-15 – Минусинская котловина, 5 – Российский Алтай, 8, 16, 17 – Монголия

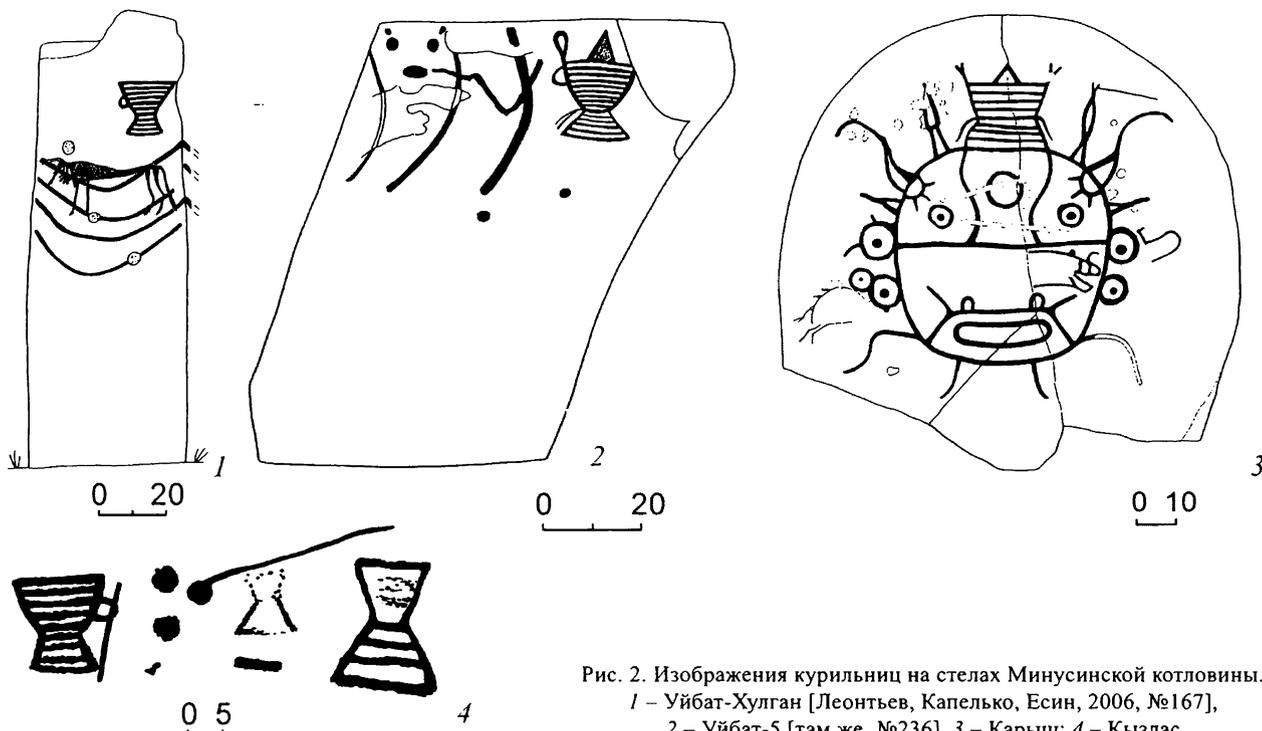

Рис. 2. Изображения курильниц на стенах Минусинской котловины. 1 – Уйбат-Хулган [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, №167], 2 – Уйбат-5 [там же, №236], 3 – Карыш; 4 – Кызлас

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н., 2006. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан.

Мачинский Д.А., 2002. Новое о древнейшем сакральном пути Евразии, о взаимосвязи афанасьевской культуры и стел с «трехглазыми ликами» // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. Кн. 1.

Русакова И.Д., 2005. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М.

Соколова Л.А., 2004. Методика работы с сериями изображений – «концентрация изображений по выделенному

признаку» (на примере окуневского искусства) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб.

Хлобыстина М.Д., 1971. Культурная символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири // СА. № 1.

Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D., 2001. Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa / Baga Oigor // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris. T. V. 6.

А.Л. Заика

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

О методике зимних исследований петроглифов

Полевые исследования петроглифов являются наиболее важным этапом в процессе изучения наскального искусства. Степень полноты и достоверности первичной информации во многом определяют ее дальнейшую судьбу: направление интерпретационных построений, объективность осмысления материала, справедливость выводов и т. д. В данном случае есть смысл поделиться опытом практических работ с петроглифами в зимних условиях (рис. 1).

Непродолжительное сибирское лето, труднодо-

ступность ряда районов для проведения работ, финансовые проблемы неизбежно приводят к накоплению неосуществленных планов исследований. Вынужденная «зимняя спячка» для археолога-полевика также не всегда дает положительные результаты в научном творчестве. Данные факторы объективного и субъективного характера в определенной степени послужили причиной для освоения и развития практики изучения памятников наскального искусства в зимний период.

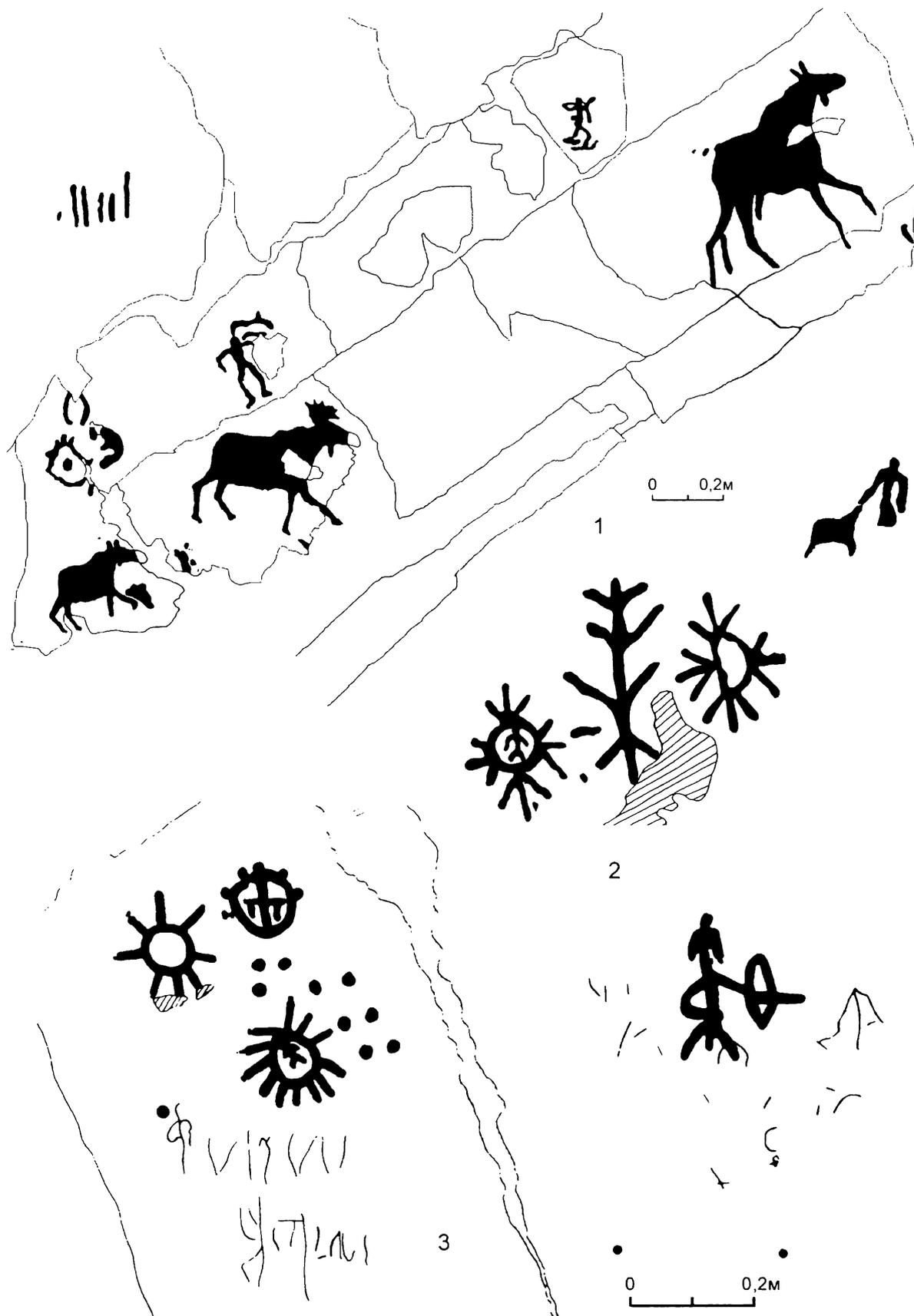

Рис. 1. Наскальные рисунки, исследованные в зимних условиях.
1 – Койская писаница; 2 – Писанское плесо; 3 – Верх-Базаиха

Сектор исследований охватил западные отроги Восточного Саяна в бассейне правобережных притоков Енисея – рек Базаиха, Есауловка и Мана. Выбор района для проведения работ был определен имеющейся информацией о наскальных рисунках, относительной близостью краевого центра, а также отсутствием доступных сухопутных и водных коммуникаций в летний период (залесованность, пересеченность гористой местности, мелководье рек).

Пробные работы в 1994 г. с рисованными изображениями известной Койской писаницы на р. Мана показали реальную возможность использования основных методических принципов исследования наскальных рисунков в условиях низких температур, перспективность зимних исследований. В дальнейшем, развивая практику зимних экспедиций, мы выявили новые писаницы, расширили границы известных местонахождений, уточнили и дополнили информацию о ранее исследованных рисунках, отточили методику их изучения (Заика, 1998; Заика и др., 1996а; 1996б; 1997; 1999; 2001).

Полевые исследования петроглифов, как правило, включают в себя ряд аспектов: поиск, выявление, фиксация и копирование рисунков, их полевое описание.

Поиск петроглифов на местности. В тактическом плане полевые исследования петроглифов на слабоизученной территории, как правило, проводятся в 3 этапа (Заика, 2003). Первые два – это различные виды разведочных работ, третий предполагает стационарные исследования. Независимо от направления исследований, они все связаны с поисковыми работами и различаются пространственными масштабами и качественным уровнем.

В зимних условиях мы комбинированно сочетали различные виды разведочных работ, в ряде случаев следовали принципам стационарных исследований. Маршрут экспедиции, в целях оптимального охвата широкой территории, как правило, предполагал кольцевую траекторию движения. В ряде случаев (непредвиденные обстоятельства, необходимость повторного обследования) возвращение экспедиционного отряда осуществлялось по пройденному пути. Необходимую автономность работы отряда обеспечивали наличие соответствующего оборудования и снаряжения (палатка зимнего исполнения, портативная обогревательная печь и др.) и отсутствие механических транспортных средств.

Передвижение осуществлялось на лыжах по руслам рек. Во время остановок практиковались радикальные выходы в глубь берега или по руслам притоков. Пеший вид разведки способствовал тщательному обследованию местности. Зимой (в отличие от теплого времени года) отвесные береговые утесы

удобны для осмотра (и фотографирования с разных точек) с поверхности льда. С поверхности воды это осуществить практически невозможно, особенно на порожистых участках и местах прижимов к скалистому берегу быстрого течения реки. Отсутствие буйной летней растительности и слабая заснеженность отвесных фризоров способствовали продуктивному визуальному обследованию скальных массивов. Эффект двойного освещения (прямое – от солнца, и отраженное – от снега и льда) придает яркость рисункам, «поднимая» контуры слабо видимых изображений и позволяя замечать их не только вблизи, но и на расстоянии. Замечено, что на общем светлом фоне зимнего пейзажа контуры крашенных изображений выглядят более контрастно, чем в условиях многоцветья в летний период.

Выявление и копирование рисунков. В случае обнаружения рисунков производились топосъемка местонахождения (снятие горизонтального контура скалы, вертикальных разрезов через плоскости с изображениями), графическая фиксация плоскостей с рисунками в трех проекциях (фронтальной, вертикальной и горизонтальной), копирование изображений.

Рисунки, выполненные природными красителями (охрой), как правило, со временем теряют сочность цвета, покрываются белесой пленкой известковых натечков. Летом они лучше просматриваются при смачивании их водой, некоторые – на закате солнца или при ровном освещении (сумерки, облачность). Но прогретые на солнце камни после увлажнения быстро обсыхают и контуры рисунков теряются, что вызывает трудности при их копировании (порочная практика подводки на скале контуров изображений исключается). На морозе поверхность камня покрывается тонкой пленкой прозрачного льда, через которую долгое время хорошо просматривается увлажненный рисунок. При необходимости перед копированием или фотосъемкой площадь увлажнения можно расширять, «поднимая» многофигурные панно больших масштабов. В этом – определенное преимущество ведения работ в условиях низких температур.

После подготовки скальных обнажений (очистка от снега, растительности, обработка водой) осуществлялось контактное копирование петроглифов. В зимних условиях рисованные изображения мы копировали на прозрачные материалы (полиэтилен, целлофан) путем ручного графического воспроизведения контуров рисунков водостойкими маркерами. Различными цветами фиксировались контуры скальной плоскости, рисунков, трещины, участки выломов, площади распространения лишайников. Особое внимание уделялось цветовым тонам охры,

случаям палимпсеста. Обязательны на копии отметки индекса объекта, линии горизонта, угла поворота плоскости, направления и расстояния до других композиций, подножия плоскости или уровня льда и другая дополнительная информация.

Фотофиксация петроглифов производилась на всех уровнях их локализации – от участка скалы до фрагмента фигуры или плоскости – и на всех этапах работ с ними (выявление, фиксация и копирование):

- в естественном виде;
- после обработки петроглифов (смачивания плоскостей);
- на копировальном материале на скальной поверхности (в данном случае отпадает необходимость какой-либо искусственной подводки, «усиления» на скальной поверхности контуров изображения).

Фотосъемка проводилась при наличии масштабной рейки или мерной ленты, расположенных по уровню горизонта или линии отвеса. Мелкие детали фиксировались при наличии миллиметровой шкалы со спектральной палитрой цветов. Продуктивной оказалась неоднократная съемка выбранного объекта с установленных точек в разное время суток, при различной степени освещенности, разных углах падения света. Фотоматериалы, таким образом, могут не только дополнять результаты исследований, но в ряде случаев «вскрывать» новую информацию о петроглифах, упущенную в ходе других работ.

Опыт проведения зимних полевых исследований памятников наскального искусства, несмотря на объективные неудобства (низкие температуры, снежный покров, короткий световой день и др.), показал определенные положительные результаты. Это касается не только методических аспектов.

Практика работ в зимних условиях свидетельствует о том, что труднодоступные в летнее время скальные плоскости удобны для нанесения рисунков зимой, с использованием поверхности льда, часто непосредственно, когда человек стоял на льду или, в ряде случаев, сидел на лошади (скотоводческие сюжеты являются подтверждающим фактором), иногда же использовалась лестница или другие приспособления. Более того, замечено, что в ряде местонахождений соседствующие плоскости с рисунками в зависимости от режима реки доступны в разное время года. «Летние» изображения зимой скрыты под покровом льда, «зимние», напротив, с его поверхности становятся легко доступными. В летний период ситуация диаметрально меняется. Соответственно, установление фактора сезонности наскальных рисунков раскрывает дополнительные возможности для их интерпретации, реконструкции различных сторон хозяйственно-культурной жизни древнего населения.

Так, например, в бассейне р. Маны в результате зимних исследований были выявлены основные направления путей древних скотоводов (охотничьи, военные походы, караванные пути, маршруты перекоचेвок, миграций), передвигавшихся по замерзшим руслам таежных рек. Информационно-повествовательный характер сюжетов, общее направление движения персонажей «зимних» петроглифов, маркирующих траекторию древних коммуникаций, легли в основу данных выводов.

В ходе работ определена сакральная значимость мест пересечения зимних путей сообщения, где зафиксированы высокая концентрация писаниц, превалирование в рисунках сюжетов культового характера (изображения шаманской атрибутики, мифических персонажей, сцены камлания, композиции с участием астральных символов). Разнообразие стилистических приемов, иконографических особенностей рисунков, случаи палимпсеста свидетельствуют об «интернациональности» данных культовых мест, популярности на протяжении длительного времени. Соответственно, практика нанесения рисунков в условиях низких температур является не случайным фактором в наскальном творчестве, а одной из устойчивых традиций древних обществ, что актуализирует высказанный тезис о необходимости учета сезонной дифференциации наскальных рисунков при их интерпретации.

Таким образом, зимние полевые исследования могут являться не только вспомогательным, дополнительным средством поиска и выявления писаниц (рекогносцировочное обследование местности), но и одним из основных принципов всестороннего изучения памятников древнего наскального искусства, как в Сибири, так и на других территориях северных широт.

Дэвлет М.А., 1990. О методике полевого изучения наскальных изображений // КСИА. Вып. 202.

Зайка А.Л., 1998. Новые данные по наскальному искусству бассейна р. Маны // Сибирская локально-этническая культурная ситуация в конце XX века: Мат. II Параславянских чтений. Красноярск.

Зайка А.Л., 2003. Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Зайка А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н., 1996а. Писаницы Большого Манского порога // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск. Вып. 1

Зайка А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н., 1996б. Писаница Верх-Базаиха // Там же.

Зайка А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н., Каява А.В., 1997. Результаты работ в Манском и Мотыгинском районах Красноярского края // АО 1996 г.

Заика А.Л., Березовский А.П., Раицкий А.А., Кузнецов А.Л., 2001. Писаницы в устье реки Колба // География на службе науки, практики, образования: Мат. VII науч.-практич. и методич. конф., посвящ. 100-летию Красноярского отдела

РГО. (Красноярск, 26–28 апреля 2001 г.). Красноярск.

Заика А.Л., Емельянов И.Н., Березовский А.П., 1999. Результаты исследований таежных писаниц среднего Енисея // АО 1997 г.

А.Л. Заика, Н.И. Дроздов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Новые петроглифы Шалаболинской писаницы

Шалаболинская писаница расположена на правом берегу р. Тубы (правобережный приток Енисея), в 2 км к юго-востоку от д. Ильинка и в 5 км к юго-западу от с. Шалаболино Курагинского р-на Красноярского края. Петроглифы находятся на высоте (до 200 м), крутом береговом скальном массиве, сложенном девонскими песчаниками, который имеет протяженность в северо-восточном направлении около 2,5 км. На протяжении примерно 2 км скального массива на различной высоте выделено 8 мест скопления рисунков.

Петроглифы находятся в аварийном состоянии: под воздействием естественных эрозийных процессов плоскости растрескиваются и осыпаются (некоторые опубликованные рисунки уничтожены), нижние ярусы скалы с рисунками ежегодно разрушаются от паводковых вод, погребены под осыпями скальных пород или мощными напластованиями наносного грунта.

В 2005–2006 гг. с целью выявления погребенных петроглифов были предприняты меры по расчистке плоскостей от скальных осыпей на участке 4. В результате работ на площади, составляющей около 100 м², на глубине 3–5 м обнаружено 30 плоскостей, расположенных на западной оконечности и в центральной части нижнего яруса скальных обнажений. Представлены многофигурные композиции с участием зоо- и антропоморфных образов, знаковые символы. Рисунки выполнены путем выбивки, протирки, гравировки.

Интерес представляет многофигурная композиция (плоскость 10), на примере которой представляется возможным определить относительную хронологию наскальных рисунков путем анализа палимпсестов, планиграфии изображений и степени скального «загара» (патинизации).

Плоскость 10 продолжает общий скальный фриз нижнего яруса скальных обнажений, находится за границей скальной ниши (ширина 0,5 м), имеет

протяженность 2,7 м и ширину 0,8–0,9 м, разделена вертикальной трещиной, которая условно разграничивает участки «а» и «б» (рис. 1: 1).

Плоскость 10а (1,5 x 0,8 м), ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной трещиной (рис. 1: 2). В верхней части плоскости изображены контурные фигуры лося, маралов, быка, силуэтные фигуры лося, волка, выполненные в «ангарском» (№ 2, 14, 15, 17) и «минусинском» (№ 11, 12) стилях. Комбинированное сочетание стилей характерно для контурной фигуры лося (6), которая перекрывает силуэт профильного изображения птицы (5). В линейном стиле выполнена фигура небольшого животного (45). Между фигурами животных помещены фронтальные и профильные изображения людей (№ 1, 3, 7, 8, 9, 13, 16), фрагменты лодок (№ 4, 18).

В нижней части плоскости находится крупное контурное изображение лося (44), которое перекрывает силуэтные рисунки людей (25, 29, 33, 34, 36), контурные и силуэтные изображения копытных животных (17, 21, 27, 30, 40, 38), рисунок рыбы (35), изображение лодки (26). У одной профильной антропоморфной фигуры показан гравированный многолучевой головной убор (29). Слева от фигуры лося находится силуэтный рисунок другого лося (22), выполненный в «ангарском» стиле. Изображение выполнено поверх фронтальной фигуры человека в «рогатом» головном уборе (24), контурного рисунка (21) быка (?), головы сохатого (23). Справа от фигуры лося выявлены силуэтные фронтальные антропоморфные изображения (37, 39, 43), голова животного (41), линейная фигура копытного животного (42). По нижнему срезу плоскости (край облома скальных пород) видны фрагменты рисунков лося (19, 20, 28), быков (23, 38), силуэт трудноопределимого копытного животного (31).

Плоскость 10б (1,1 x 0,9 м), ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной

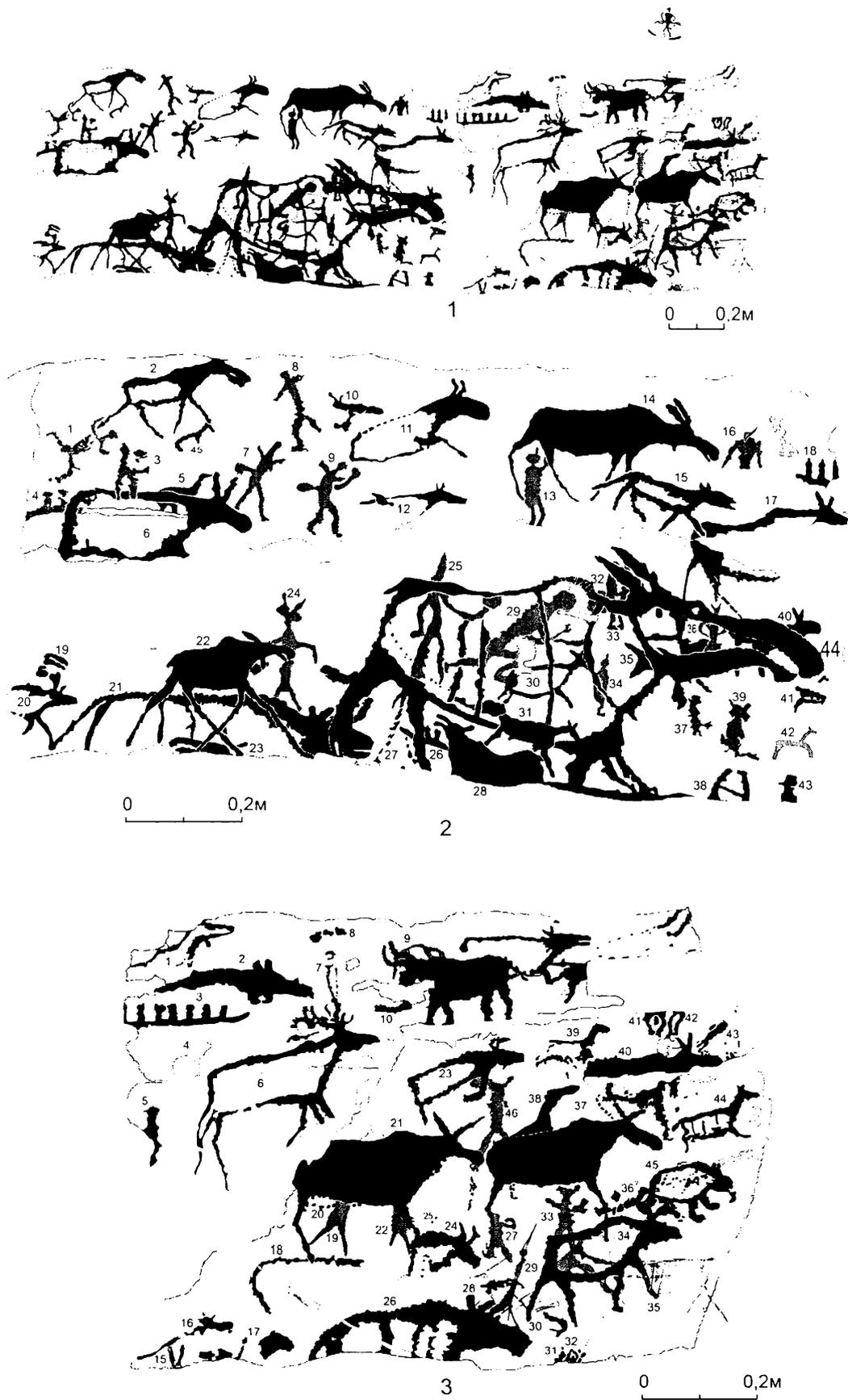

Рис. 1. Шалаболинская писаница. Плоскость 10. 1 – участки а, б, в; 2 – участок а; 3 – участок в

и диагональной трещинами. В верхней части плоскости виден фрагмент лодки с 6 «пассажирами» (№ 3), неполные контуры маралов и лосей (1, 2, 12, 13, 14), силуэтная фигура быка (11), ориентированная, в отличие от других животных, в левую сторону. Привлекает внимание контурное изображение оленя с ветвистыми рогами (6). Слева от него помещены силуэтная и контурная фронтальные антропоморфные фигуры (4, 5). В центральной части плоскости помещены поверх других рисунков силуэтные изображения двух лосей, выполненные в «минусинском» стиле, но с рядом иконографических признаков, характерных для «ангарского» стиля (№ 21, 37). Они перекрывают фронтальные фигуры людей (19, 22, 27, 46), силуэтные и контурные изображения животных (18, 20, 38, 34, 40). Над ними показаны контурные фигуры лосей (23, 40) и других животных (39, 44), фрагменты нижней части антропоморфных фигур (41, 42). Под изображениями лосей выявлены контурные фигуры маралов, лосей, хищника (медведь?), ориентированные в правую сторону (№ 16, 17, 26, 24, 30, 31, 34). В противоположную сторону обращено животное, выполненное в «скелетном» стиле путем гравировки (№ 35). Выявлены также две антропоморфные фигуры, выполненные в комбинированной технике (№ 15, 28, 29).

Анализ внутренней стратиграфии рисунков свидетельствует о том, что наиболее древний («нижний») пласт петроглифов занимает основную площадь плоскости и представлен антропоморфными фигурами (!), показанными в различных ракурсах (фас, профиль, фас-профиль) (рис. 1: 2, № 7, 9, 13, 16, 24, 25, 33, 34, 36, 39; 1: 3, № 19, 22, 27, 33, 41, 42). У двух фигур показаны «хвосты», что не характерно для петроглифов Среднего Енисея, укороченные верхние конечности, помещенные неестественно – ниже уровня плеч. Подобные антропоморфные образы встречаются в архаичных композициях на Шалаболинской писанице, но они, как правило, показаны анфас. У других фигур зафиксированы головные уборы в виде одного или двух «рогов». Две стоящие фигуры отражают сцену совоплощения (рис. 1: 2, № 33). Примечательно, что ряд фигур сопряжен с округлыми предметами (рис. 1: 2, № 9, 13, 25, 29). По всей видимости, в это же время были выполнены контурные изображения «грузных» животных, фрагментарно сохранившиеся по нижнему краю плоскости, и фигура медведеподобного существа (рис. 1: 3, № 45).

Следующий, более поздний, пласт рисунков представлен зооморфными образами, выполненными в традициях «минусинского» стиля. Фигуры животных представлены, как правило, не полностью. Основной акцент древние художники делали на кра-

ниальной части животных и прилегающих участках тела, которые часто показаны пунктирной линией точечных ударов инструмента (рис. 1: 2, № 11, 12, 40; 1: 3, № 1, 2, 12, 14, 38). Возможно, в это время появились изображения лодок.

Практически одновременно, судя по композиционному построению и стратиграфии рисунков, но несколько позже, формируется следующий комплекс рисунков животных. Они выполнены как в классическом «ангарском» стиле, так и в его различных вариантах. В некоторых изображениях прослеживается сочетание ангарских и минусинских художественных традиций (рис. 1: 2, № 2, 6, 14, 17, 19, 20, 22, 23, 27, 28, 44; 1: 3, № 6, 21–24, 34, 37, 40).

Следующий изобразительный слой связан с проявлениями художественных традиций окуневской культуры. С этим временем связано появление многолучевого головного убора у центральной динамичной профильной антропоморфной фигуры; антропоморфных образов, выполненных путем гравировки; изображения быка (рис. 1: 2, № 32; 1: 3, № 9, 28, 29). К этому же времени, вероятно, относится появление изображения копытного животного в линейном стиле (рис. 1: 3, № 35). Показательным примером присутствия окуневского пласта рисунков является фронтальная антропоморфная фигура с маской-личинной, выполненная мелкой, неглубокой, редкой точечной выбивкой. Округлый контур маски делит пополам горизонтальная черта, точками показаны глаза, двумя изогнутыми линиями – «рога». Шея не обозначена. Головная часть, как бы вдавлена в линию плеч подтреугольного контура туловища. Нижние конечности прямые, расставлены в стороны, верхние – отсутствуют.

Наиболее поздние образы появились, когда основная поверхность плоскости была уже заполнена. Соответственно, рисунки помещались на периферийных участках либо «втискивались» в межфигурное пространство. Представлены линейные изображения небольших размеров (рис. 1: 2, № 1, 3, 8, 42, 45), изображение волка (рис. 1: 2, № 15).

Хронологически не ясно появление динамичных фигур копытных животных (рис. 1: 2, № 30, 31; 1: 3, № 39, 44).

В целом большинство изображений выполнено в неолитическое и окуневское время (III–II тыс. до н. э.). Обращает на себя внимание архаичность антропоморфных образов, их атрибутика и синкретичное сочетание различных неолитических стилей в иконографии зооморфных персонажей. Учитывая определенную новизну представленных материалов, следует в определенной степени пересмотреть ряд вопросов, связанных с развитием наскального искусства на территории Среднего Енисея.

С.А. Зинченко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Канон и его роль в процессах сложения скифского звериного стиля

Понятие «канон» достаточно многозначно, в нем тесно переплетены задачи воплощения художественной формы и содержания, напрямую зависящие от многих составляющих культуры, создавшей данный канон.

Проблема определения структуры канонического художественного образа затрагивает не только общие формально-композиционные приемы. Нормы изображения, определяемые каноном, – сложное взаимовлияние содержательной структуры произведения и изобразительных правил. Для содержательной стороны канона особую важность имеет способность фиксировать, сохранять и сообщать наиболее важные сведения о создателях данного типа культуры, т. к. канон – результат длительной деятельности определенных коллективов, это продукт коллективных представлений, где нет места самостоятельному, произвольному осмыслению мира.

Кроме того, важны и причины, порождающие тот или иной канон, и аспекты, связанные с его функционированием. А также – демонстрация того, как и с какой целью создается канонический образ, и способов его использования (консервация определенных культурных норм, трансляция этих культурных норм на другие регионы и пр.). Следовательно, канон можно трактовать как изобразительную систему, в построении которой важны соблюдение мировоззренческих норм культуры, его породившей, заранее запрограммирована последовательность создания и прочтения образа, необходимость сохранения кода данной культуры и условий его функционирования. В результате канон можно понимать гораздо шире, чем это принято традиционной терминологией*. Его следует рассматривать как специфическую ценностную категорию определенной культуры. И, безусловно, важно отметить, что канон зависит не только от слагаемых, составляющих конкретную культуру, но и от различных этапов ее развития.

Период становления искусства раннескифской эпохи важен с точки зрения формирования самосознания культуры, когда изобразительные системы начинают приобретать собственно «скифские» черты. Как следствие этого процесса возникают предпосылки для появления в определенной культуре собственного изобразительного канона.

Анализ памятников скифского звериного стиля

выделяет близкие принципы построения образов на достаточно обширной территории. Складываются определенные системы пропорций, нормы композиции, вырабатываются собственные иконографические типы, – что свидетельствует о сложившемся понятии канонического образа, способном не только зафиксировать правила построения изобразительной схемы, но и передавать, транслировать художественный образ в данном каноническом варианте.

Безусловно, достаточно подробное следование правилам создания изобразительного памятника подразумевает фиксацию всех слагаемых формально-содержательной структуры, от которых зависит программа, как генезиса, так и дальнейшего функционирования художественного произведения. Здесь основная задача, стоящая перед художественным текстом, заключается в том, чтобы ничто не было пропущено, каждая деталь формы становится той неотъемлемой частью канонической композиции, без которой «потребление» информации будет неполным. Сама трактовка памятника в качестве носителя строго зафиксированного текста подразумевает и определенную композиционную целостность, взаимосвязанность всех элементов художественной формы в рамках конкретного иконографического типа. Формальный анализ предметов, связанных с ранними этапами развития скифского звериного стиля, показывает, что существует «формульная схема» для каждого образа, обладающая необходимым набором правил, связанных с представлением той или иной изобразительной «темы» (прежде всего, поза и связанная с ней своеобразная передача динамики, а также специфика объемного или графического решения, вариативность формального решения в рамках одного образа, своеобразная геометрическая выстроенность образа, дающая визуальную тектонику и т. д.). Иными словами, это те неизменные параметры «формульного скелета», слагающие отличительные качества художественного языка скифского искусства.

В связи с этим еще раз возникает необходимость оговорить проблему интерпретации возможного смысла произведений скифского звериного стиля через призму «формульных» качеств изобразительной системы. Выбор образов, присущих изначально скифской культуре, не случаен и требует не только соблюдения формальных качеств, но и учета основ-

ных составляющих содержательной структуры. И тогда особенности художественно языка перестают быть просто эстетической проблемой – идет процесс оформления мировоззренческих идей данной культуры и передачи этой информации через формально-содержательную структуру произведения. Элементы «формульного скелета» начинают восприниматься как элементы, слагающие и транслирующие всю систему канонического образа. Важность и многоаспектность информации требует фиксировать изобразительный язык в строго заданных изобразительных параметрах – чтобы на любом уровне рассмотрения и постижения художественной формы устанавливалась возможность познания канонических правил изображения.

Безусловно, все, что соотносится с ритуально-магической практикой, подвержено фиксации в жестких канонических рамках, а также выработке стереотипов «поведения» текста и его трансляции. Следовательно, система передачи информации, функционирование художественного произведения обладает особым каноническим характером.

Кроме собственного представления о модели мира, огромную роль для возникновения специфических черт канонической системы сыграло отсутствие письменности у народов евразийского культурного континуума. Это отсутствие, с одной стороны, чрезвычайно ограничивало средства коммуникации, призванные фиксировать и транслировать важные мировоззренческие нормы культуры, а с другой – делало изобразительную форму важным носителем информации, т. к., в отличие от устной традиции (которая также была развита), она способствует фиксации художественного образа в более четко представленных эталонных образцах нормативного сознания.

В силу этого использование компонентов художественного «языка», дающих вариативность любому тексту, будь он изобразительный или вербальный, связано с важными аспектами как формирования, так и функционирования канонического образа, т. к., безусловно, «канонизации» подвергаются только «записи» мировоззренческого порядка. С помощью канонического «текста» сохраняется и транслируется в результате ритуально-магической практики «картина мира», и миф «проживается» аудиторией через созерцание изобразительного образа.

Изобразительная форма стала той необходимой системой записи приоритетных культурных текстов, которая выступает единственным источником, дошедшим до нас со времени сложения скифского искусства. А поэтому изобразительный источник должен носить характер нарративного текста, формирующегося и функционирующего по особым пра-

вилам, которые определяются как канонические.

При этом процесс формирования художественного языка раннескифской эпохи и закрепления его элементов в канонических схемах изначально обладал своеобразным «характером». Во-первых, возможно, племена, создавшие рассматриваемый канонический образ, составляли разные ветви одного культурного комплекса, что изначально также не способствовало наличию в художественном языке раннескифской эпохи четко очерченного и герметически законсервированного канона в абсолютно одинаковых формах на всем пространстве означенного периода. Здесь определенную роль играло существование местной, «доскифской», художественной традиции и возможность (или наоборот отсутствие) механизмов культурно-генетического взаимовлияния между местной и «скифской» изобразительными схемами.

Во-вторых, присутствие постоянных межкультурных и межэтнических контактов между различными частями евразийского культурного континуума раннескифской эпохи. Изначально при формировании художественных образов раннескифской эпохи отмечаются достаточно разнохарактерные, и при этом постоянно повторяющиеся, процессы отбора из различных культурных традиций художественных образцов. Специфика генезиса канонического образа в художественной культуре раннескифского времени основывается на постоянном привлечении инокультурных художественных традиций. Эти особенности сложения канонических схем не были исключены и из процесса дальнейшей эволюции скифского звериного стиля. Возможно предположить, что структура канонического образа, требующая как включения общих (повторяемых) черт, так и обязательного наличия вариативных (специфических для каждого памятника) компонентов, свидетельствует о том, что при формировании канона не исключаются, а, наоборот, активно привлекаются различные изобразительные варианты.

Подводя итоги вышесказанному, позволим себе заметить, что, скорее всего, мы имеем дело с особым пониманием канона в скифской культуре, состоящего из жесткого формульного «скелета» (суммы инвариантов), а также необходимой вариативности, неизменно возникающей при традиции передачи сакральной информации в «устном режиме». При этом процессы аккумуляции и трансляции канонической системы в рамках художественной культуры раннескифской эпохи происходят достаточно самобытным образом.

* Обычно канон в изобразительном искусстве трактуется как совокупность твердо установленных правил.

определяющих в художественном произведении нормы композиции, систему пропорций либо иконографию дан-

ного типа изображения. Каноном называются также произведения, служащие нормативным образцом.

М.Е. Килуновская

Институт истории материальной культуры РАН

Чайлаг-Хем – новый памятник наскального искусства в Туве

На северных склонах восточного Танну-Ола – высокого горного хребта, который отделяет Туву от Убсунурской котловины и который А.Д. Грач назвал «мировым водоразделом» между Северным Ледовитым океаном и котловиной бессточных озер Центральной Азии, – в последние годы обнаружено несколько больших комплексов наскальных рисунков в бассейнах рек Элегест, Мог-Ой, Чайлаг-Хем. По количеству рисунков и разнообразию сюжетов и изображений местонахождение Чайлаг-Хем, пожалуй, самый крупное в Туве из известных на сегодняшний день.

Этот памятник, открытый недавно в горах Танну-Ола, в районе п. Ак-Тал (Чеди-Хольский кожуун Республики Тыва), расположен в бассейне р. Элегест. Впервые рисунки здесь были обследованы К.В. Чугуновым в 1999 г., а затем М.Е. Килуновской (2000 г.) и А.И. Евсеевым и художником В. Елизаровым (2005 г.). В 2006 г. по инициативе Комитета по охране историко-культурного наследия Республики Тува и его председателя О.Н. Ондара была организована совместная с ИИМК РАН экспедиция по исследованию петроглифов в районе Ак-Тала. Южные горные отроги, спускающиеся к р. Чайлаг-Хем (правый приток р. Хендерге), на протяжении 2,5–3 км, обследованных нами, покрыты многочисленными рисунками, которые располагаются на перпендикулярных плоскостях с тонкой коркой выветривания, иногда с пустынным загаром, преимущественно красно-коричневого цвета. Петроглифы занимают только вертикальные поверхности и обнаружены на высоте от 1350 до 1400 м над уровнем моря. Мы тщательно обследовали и зафиксировали рисунки на трех склонах, разделенных глубокими, поросшими густым лесом ущельями. Четвертый склон (восточная оконечность хребта) был обследован только предварительно. Было выявлено три скопления. Рисунки в скоплениях располагаются ярусами – 3–4 яруса в каждом скоплении. Всего исследовано около 50 групп и более 100 плоскостей. Все рисунки нанесены на скалы техникой глубокой выбивки.

Среди петроглифов встречаются самые разнообразные сюжеты. Особенно впечатляют многофигурные панно (в скоплении 1, например, такое панно тянется на 5 м в длину), где изображаются шествие зверей и сцены охоты. Они относятся к эпохе бронзы и скифскому времени. Уникальны изображение лодки и фигуры животных, показанные как бы сверху, в плане. Здесь есть изображения птиц, рыб, выдры, которые встречаются в древнем искусстве Тувы в единичных экземплярах.

На одной из плоскостей в верхнем фризе третьего скопления выбита большая фалломорфная фигура человека с распростертыми руками, которые заканчиваются гипертрофированно большими ладонями с растопыренными пальцами. Они напоминают птичьи крылья. Идет он вправо, ноги широко расставлены. Под ним фигура козла. Такие антропоморфные фигуры с гипертрофированно большими кистями рук и фаллосами, ногами, расставленными в стороны, и небольшими головами, в сочетании с козлами, Вл.А. Семенов считает универсальными знаками-символами бога-громовника; они представлены в древнем искусстве и Итальянских Альп (Валькамоника), и Закавказья (Армения), и верховий Иртыша (Семенов, 1999, С. 180–185).

Особенно богат пласт древнетюркских рисунков: большое количество воинов с луками, скачущих на конях, с флагами и копьями, в рогатых и островерхих шлемах. Фигуры животных и сцены охоты поражают своей динамикой и пластикой, т. е. выполнены с большим мастерством.

Представленные на памятнике сюжетные многофигурные панно, безусловно, включают фрагменты каких-то мифологических текстов. Так, на одной из плоскостей привлекает внимание центральная часть, на которой изображена колесница, запряженная парой лошадей. Колеса показаны сплошными силуэтными дисками небольшого диаметра. Колесничий и еще четыре мужские фаллические фигуры, натягивающие луки, готовы выпустить стрелы в какую-то неопределенную цель. Перед ними – правее и чуть

ниже – расположена женская фигура, показанная анфас. Она стоит, широко расставив ноги, с руками, согнутыми в локтях и положенными на талию (как бы подбоченившись), в одежде, сходной с платьем. Мотив стрельбы из лука связан как с погребальными, так и со свадебными состязаниями и обрядами (вспомним требование Пенелопы к добывающимся ее руки женихам натянуть тетиву лука Одиссея и попасть из него в цель). Но здесь уместнее представить другой, более подходящий в индоиранской среде сюжет, обыгранный в древнеиндийском эпосе Махабхарата, где пять братьев Пандавов – Юдхиштира, Бхима, Арджуна, Сахадева и Накула – участвуют в свадебной сваянваре (состязании) за невесту Драупади, которая в результате достается Арджуне, а впоследствии становится женой всех пяти братьев. Многомужество (полиандрия) было характерно для Тибета и отмечалось М.П. Грязновым для афанасьевской культуры, когда в одной могиле погребалась одна женщина и несколько мужчин.

В урочище Чайлаг-Хем были зафиксированы четыре колесницы, все включенные в композиции и выполненные в одной манере. У колесниц Чайлаг-Хема колеса и кузов показаны небольшими сплошными кругами, дышло прямое. В двух колесницах лошади обращены спинами друг к другу и по своему выполнению очень напоминают лошадей с горы Алды-Мозага в Саянском каньоне, на правом берегу Улуг-Хема, с «завязанными хвостами»; в двух других лошади более схематичные и изображены одна под другой. Все колесницы Чайлаг-Хема изображены в сопровождении мужских фигур с луками.

На скалах Чайлаг-Хема есть изображение еще одного средства передвижения, а именно арбы, запряженной верблюдом. Арба показана в плане. В кузове полукруглой формы черточками обозначены люди. Прямой линией арба присоединена к двугорбому верблюду. У верблюда длинная изогнутая шея с маленькой острой головой с треугольным ухом, четыре плавно изогнутые ноги с утолщением на концах, такое же плавно изогнутое туловище с небольшим прямым хвостом. Горбы – небольшие острые треугольные выступы. Между горбами показана схематичная человеческая фигура с круглой головой. Верблюда окружают несколько козлов. Все они сделаны в манере, которая характерна для эпохи бронзы, может быть, для начала скифского времени. В Туве подобная композиция не встречалась, да и изображения верблюдов здесь единичны. В основном они появляются в виде процарапанных рисунков в средневековье. Караван верблюдов изображен на скале около п. Эрбек (правобережье Улуг-Хема). Его сопровождают всадники в островерхих головных уборах скифского облика. Несколько верблюдов

выбито на хребте Саамчыыр около п. Кызыл-Даг. Здесь они показаны в сопровождении змей – сюжет, также довольно необычный для тувинских петроглифов.

Среди изображений Чайлаг-Хема большой интерес представляют вьючные быки и олени с большими древовидными рогами, выполненные в особой манере, которая нам не встречалась на других памятниках наскального искусства Тувы. У быков поджарое туловище, две приостренные ноги, подшейные складки, большой фаллос, большая морда, опущенная вниз, длинный хвост с процарапанной кисточкой, подпрямоугольные конструкции на спине, серповидные рога, образующие незамкнутое кольцо, внутри которого показана перекладина в виде буквы «Т» (как у шаманского бубна). Они следуют друг за другом. На одной из плоскостей таких фигур четыре. Их сопровождают лучники с хвостами, козлы, лошади, выполненные в очень схожей манере. Здесь же есть необычные фигуры оленей.

Стиль, в котором выполнены эти животные, можно уверенно назвать «чайлагским», т. к. на других памятниках мы его не встречали. У оленей массивное туловище с гипертрофированно большим выпуклым животом (ладьевидная форма), прогнутая спина, подшейные складки, опущенная вниз слегка приостренная морда и очень большие ветвистые рога. На одной из плоскостей рога превышают размер самой фигуры оленя и поднимаются высоко вверх. Есть одна аналогия – на писанице Йиме на р. Куйлуг-Хем изображен олень с огромным рогом, напоминающим сложный лабиринт. Камень красного цвета лежит горизонтально. Рисунок заполняет неглубокую нишу целиком, как сложный замысловатый узор. Под оленем знак – круг с направленными в разные стороны виллообразными отростками. На Саяно-Алтае известно несколько фигур животных с несколькими рогами – козлов, оленей, быков. Этот образ нашел свое отражение в фольклоре в виде хтонических существ нижнего мира или волшебного персонажа, олицетворяющего светлые небесные силы (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 165–167). В наскальном искусстве, возможно, воплотились представления о фантастических божественных существах, которые затем вошли в героический эпос различных народов.

На Чайлаг-Хеме представлена и другая своеобразная манера изображения оленей: плавные формы тела, соответствующие ранним скифским канонам, но та же приостренная морда, опущенная вниз, и большие рога, но другой формы – с серповидными отростками, как у оленей монголо-забайкальского стиля. Такие олени изображались у края скалы, и

создается впечатление, что они пасутся на горных склонах. Среди петроглифов Чайлаг-Хема есть и классические фигуры, характерные для всего корпуса наскальных изображений Саяно-Алтая, – козлы, собаки, грибовидные человечки, лучники, олени в аржанском стиле и т. д.

Среди необычных сюжетов и композиций на Чайлаг-Хеме нужно отметить плоскость с лодкой. Изображения сделаны техникой неглубокой выбивки с шлифовкой на темном камне. Лодка в центре. Имеет сегментовидную форму. Сделана контурно. Внутри пересечена вертикальными линиями. Справа от нее два «всадника без головы»: схематичные фигуры лошадей, на которых сидят антропоморфные безголовые фигуры – только прямоугольный выступ-туловище и ноги, свисающие с лошади. Слева – сложная композиция. Два лучника, идущие навстречу друг другу, а между ними и под ними загадочные фигуры (Вл. А. Семенов предположил, что это быки в плане, т. к. подобные рисунки есть в Армении). В левом углу фигура, напоминающая ось с колесами (аналогии есть на Инь-Шане). Внизу еще один лучник, всадник и лошадь. То есть перед на-

ми опять запечатленный на камне мифологический сюжет, связанный с представлением о лодке как о средстве транспортировки в царство мертвых. Такое предположение усиливают безголовые всадники. В Туве известно еще одно изображение лодки – и опять на горе Йиме в долине р. Куйлуг-Хем. Но лодка здесь показана схематично, в виде широкой линии, от которой вверх отходят прямые отростки с округлыми окончаниями, в которых можно видеть схематичные фигуры людей. Спиной к этой лодке показан трехногий козел.

Исследование петроглифов в районе п. Ак-Тал только началось, но уже первые результаты позволяют говорить о том, что перед нами новый, очень перспективный и огромный по своему объему и ценности комплекс памятников петроглифического искусства.

Семенов Вл. А., 1999. Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Тр. междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.

И.В. Ковтун

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

Лицом к лицу: неизвестные макроракурсы самусьского изобразительного искусства

Отдельные изображения на самусьских сосудах публиковались неоднократно. В этих случаях сходство копии зависело от способностей художника, качества публикации и способа копирования. Так, безусловный прогресс связан с прорисовками Ю.Н. Есина, выполненными на основе контактных «протирок» (Есин, 2004). Подобный способ фиксации изобразительных композиций объективнее и потому гораздо предпочтительнее визуальных зарисовок. Но финалом данной работы является все та же прорисовка рельефного изображения. Отсюда происходят и все искажения, отличающие аутентичное изображение от его позитив-негативного подобия. При интерпретации изобразительных комплексов чрезвычайно важен облик, в котором они воспринимались своими создателями. Исследователи же зачастую оперируют вторичным и не всегда адекватным отображением исходного материала. Целостность и неповторимость визуального восприятия оригинальных художественных обра-

зов невозможно заменить даже самым детальным их описанием. Поэтому качественная фотофиксация самусьских изображений способствует объективности их интерпретации. Перспективы такого подхода можно оценить по самым предварительным впечатлениям от первых частично излагаемых результатов.

Антропологический тип. Антропоморфным лицам на самусьской керамике присущи как «брахицефалия» (рис. 1: 2), так и «долихоцефалия» (рис. 1: 3), причем «долихоцефальный» антропологический тип представлен гораздо чаще. Удлиненность голов самусьских антропоморфов подчеркивалась высоким головным убором, продолговато-вытянутым сводом «черепа» (рис. 1: 3), «продолжающими» или «замещающими» голову «коронами», «султанчиками», «лучами» и т. п. Вероятно, это отражение исторических реалий, обусловленное разницей антропологических типов, запечатленных в изобразительном искусстве самусьцев. Возможно,

антропологические отличия имелись между создателям самого самусьского комплекса. В любом случае, очевиден факт существования в самусьском искусстве персонажей, олицетворяющих два различных «антропологических» типа. Для этой версии имеется и оригинальный антропологический контекст. Характеризуя мужские черепа доандроновской бронзы Верхнего Приобья, В.А. Дремов отмечал, что большинство их отличается «довольно грацильным строением, резко долихокранной, высокой черепной коробкой, нешироким лбом» и, в конечном итоге, исключительно европеоидным обликом (Дремов, 1997. С. 65). Происхождение этих черт связывалось с рядом среднеазиатских краниологических серий. При этом женские черепа данного времени автор характеризовал как мезокранные и в основном монголоидные, объясняя ситуацию как результат «миграции в Верхнее Приобье нового европеоидного населения, в составе которого... преобладали мужчины» (Дремов, 1997. С. 65, 68). Свообразием отличаются и многие носы, сформованные и (значительно

реже) налепленные на низкорельефных ликах, запечатленных на самусьской керамике (рис. 1). Прорисовка не дает представления о пропорциональном соотношении голова – лицо – нос. Но на фотокопии отчетливо видно, что размеры некоторых носов выше среднего (рис. 1: 1–3). Вероятно, это еще один характерный антропологический признак, напоминающий крупные носы тобольского, акмолинского и костанайского «звездочетов», «Нуринаского песта», «Туйской головы», «Савушкинского жезла», а также изваяний из Нарийн Хурумта.

Глаза и «зрачки», рот и «язык». Сопоставление ряда однотипных самусьских личин выявило неодинаковость исполнения одних и тех же деталей. Так, глаза и рот могли передаваться как обычными углублениями, так и вдавлениями по окружности (овалу), имитирующими технику контррельефа. При этом в глазах личины выделялся «зрачок – глазное яблоко», а во рту – «высунутый язык» (рис. 1: 2). Типологически аналогичная личина зафиксирована автором на писанице Висящий КамеЯнь. Но это наскальное изображение повторяет технику, при которой глаза и рот передаются посредством обычных углублений. Следовательно, нам надлежит понять, что скрывается за приведенным различием: технический уровень исполнения рисунка или иконографический «текст»? Первый мог быть обусловлен временем создания изображения, т. е. внутренней хронологией культуры или «почерком» мастера. Второе истолкование предполагает мировоззренческую полисубстратность самусьской традиции.

«Орнитоморфные» личины. На самусьской керамике известна целая серия «простых» парциальных личин, воспринимающихся в прорисовках как три углубления, передающие глаза и рот. При макросъемке обнаружилось, что у этих ликов есть сформованный острый нос и подтреугольно расходящиеся от него рельефные линии «надбровных дуг». Идентифицировать данных персонажей с абсолютной точностью, скорее всего, невозможно. Но устойчиво повторяющиеся вышеперечисленные детали этих изображений оставляют впечатление предельно стилизованного образа филина или совы (рис. 2: 5–7).

Личины – маски – животные? Понятие «сердцевидной личины» давно укоренилось в археологической и петроглифической литературе. С этим типом личин нередко ассоциировалась и представительная серия изображений на керамике Самусь IV. Но при детальном фотоувеличении многих из причисляемых к данному типу личин выяснилось, что эти образы могут означать нечто большее. Смыс-

Рис. 1. Антропоморфные лики на самусьской керамике

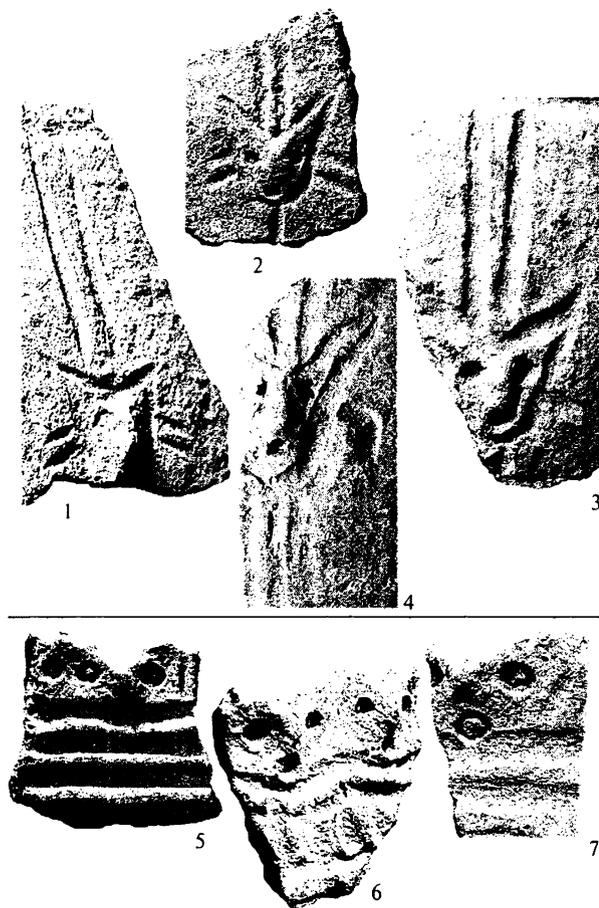

Рис. 2. Личины на самусьской керамике

ловое значение личины сопряжено с социокультурной функцией маски как средства перевоплощения в олицетворяемого ею персонажа. Установление прототипа последнего возможно по сочетанию узнаваемых изобразительных признаков. Характерными чертами рассматриваемых «сердцевидных» персонажей являются острые длинные «уши», «усы» или «косички» и рельефно выделенная подконусовидная «морда – нос» (рис. 2: 1–4). Перечисленные особенности заставляют усомниться в исключительной «антропоморфности» данного типа личин и обратиться к поиску прототипов из числа представителей животного мира. В качестве обсуждаемых вариантов, на мой взгляд, необходимо упомянуть семейства кошачьих (рысь?), куньих (соболь?), псовых (лиса?), а скорее всего беличьих – белка. На этом предположении трудно настаивать потому, что рассматриваемые личины далеко не идентичны. Если у ряда подобных ликов имеются «усы» (рис. 2: 1, 2), то у других таких личин – скорее «косички» (рис. 2: 3, 4). Возможно, это сложный собирательный образ, и сходство с каким-либо животным является только одним из присущих ему семантических планов.

Дремов В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. Томск.

Есин Ю.Н., 2004. Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

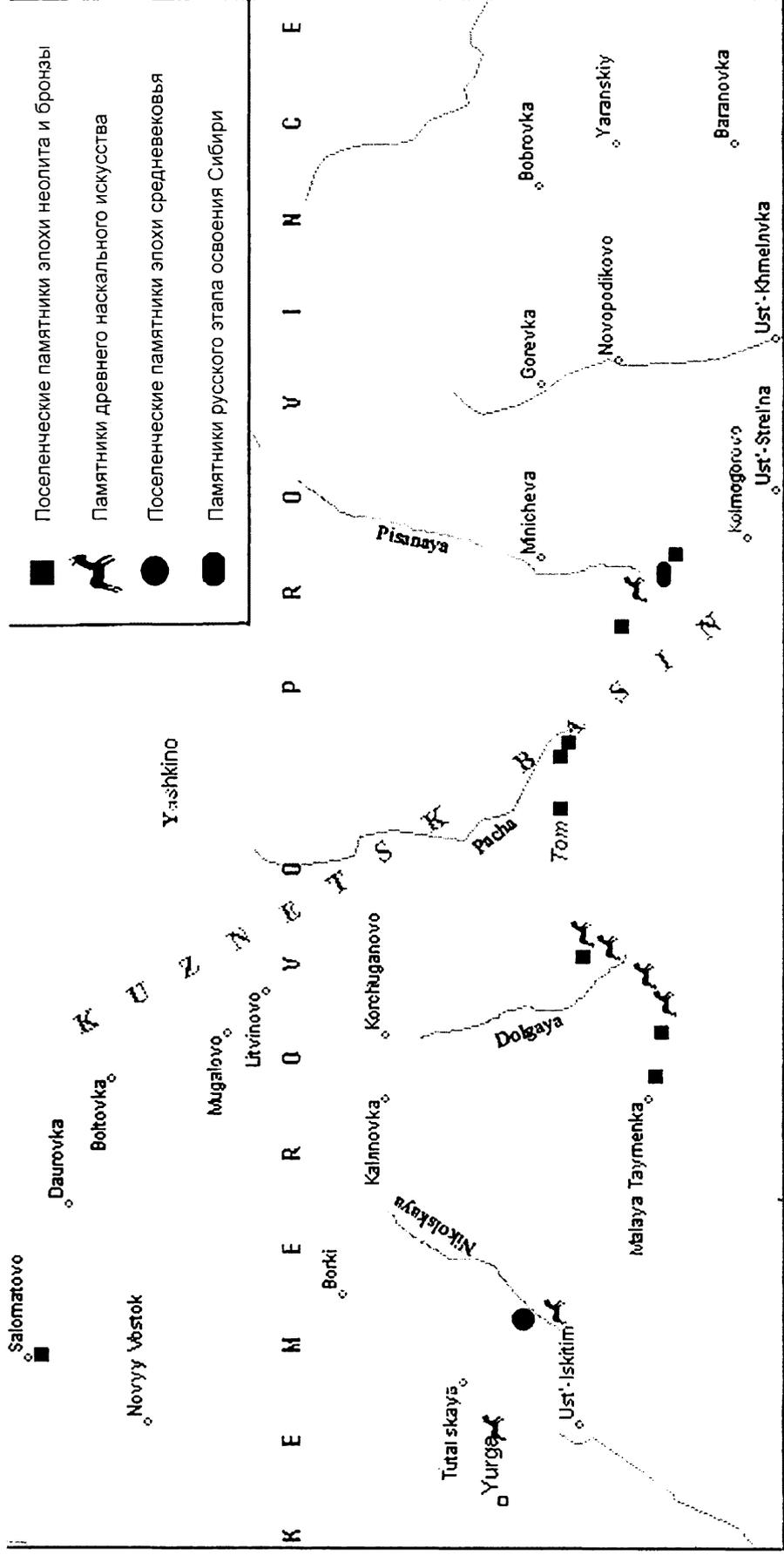
И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин, П.В. Герман
Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

Нижнетомский очаг наскального искусства эпохи бронзы: культурно-историческая проблематика и исследовательская перспектива

1. Первые сведения об археологических памятниках на территории современного Яшкинского р-на Кемеровской обл. относятся к середине (?) XVII в. Сейчас на правом берегу Нижнего Притомья известны 25 поселений, 2 могильника и 7 местонахождений наскальных изображений (рис. 1). Поселения, исключая русские комплексы, датируются эпохой неолита – бронзы, реже средневековья. К эпохе бронзы и, гораздо реже, к раннему железному веку относятся и изображения на скалах. Но имеющийся материал недостаточен для обоснованных выводов о культурно-хронологической принадлежности населения, проживавшего на данной территории и

оставившего своеобразные наскальные изображения. Поэтому взаимосвязь известных археологических памятников и петроглифических комплексов остается неясной.

Вместе с тем, на территории Нижнего Притомья, в Томской обл., обнаружено уникальное поселение Самусь IV. Некоторые изображения, запечатленные на керамических сосудах этого памятника, в основном личины и птицы, обнаруживают параллели с наскальными рисунками нижнетомских писаниц. Но поселений, подобных Самусь IV, вблизи петроглифических местонахождений Нижнего Притомья пока не обнаружено. Обнаружение подобных

комплексов важно для установления узких датировок разновременных серий нижнетомских петроглифов.

2. Томская писаница известна со времени не ранее 1645 г. Обоснование этой даты опирается на датировку, предложенную А.И. Андреевым для хронографа (Андреев, 1960. С. 155), в котором, как предполагается (?), речь идет именно об этом петроглифическом комплексе. Если принять за данность (что, в принципе, никогда не доказывалось, но пока и не оспаривалось, хотя речь могла идти и об ином крупном местонахождении нижнетомских петроглифов), что хронограф повествует о Томской писанице, то упоминание о ней является древнейшим письменным свидетельством о памятнике наскального искусства на территории России. Впервые этот знакомый многим исследователям текст был опубликован в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», собранном и изданном Андреем Поповым в Москве в 1869 г. Но при всех последующих переопубликованиях цитате, лежащей в основании историографии российского петроглифоведения, фатально не везло. В работе А.И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири» она воспроизведена так: «не дошед (Кузнецкого. – А.А.) острогу, на край реки Томи», «лежит камень велик и высок, а на нем писано звери и скот и птицы и всякие подобия; а егда по некоторому прилучаю отторгается камень, а внутри того писано якоже и на краи» (Андреев, 1960. С. 155, 156). В монографии о Шишкинских писаницах А.П. Окладников цитирует этот отрывок несколько иначе: «Не дошед (Кузнецкого. – А.О.) острогу, на край реки Томи, лежит камень велик и высок, а на нем писано: звери и скоты и птицы и всякие подобия; а егда по некоторому прилучаю отторжется камень, а внутри того писано якоже и на краи» (Окладников, 1959. С. 5). В совместной работе А.П. Окладникова и А.И. Мартынова о писаницах р. Томи эта «редакция» воспроизводится, получая статус «канонической». Правда, здесь исследователи уточняют, что речь идет не о Кузнецком остроге, до которого источник автора хронографа либо сам автор «не дошед», а о другом укрепленном пункте: «имеется в виду выстроенный в 1675 г. Верхотомский острог» (Окладников, Мартынов, 1972. С. 9). Верхотомский острог построен не в 1675, а в 1665 г. Но в конечном итоге важнее то, что все это время первое упоминание о российских петроглифах цитировалось с искажениями, повторяемыми в научных, популярных, презентационных и рекламных изданиях. В оригинале же этот текст выглядит так: «а верх Томи же реки острог Кузнецкой, тамоварят железо, железо же земли тоя добро, а не дошед то-

го острогу на край реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем писано звери, скоти, и птицы и всякия подобия, а егда по некоему прилучию отторжется камень, а внутри того писано якоже и на краи» (Изборник... 1869. С. 403).

3. Научное изучение нижнетомских писаниц насчитывает около полувека. За это время были открыты, частично скопированы и отчасти опубликованы материалы семи нижнетомских писаниц. В 1960-х гг. были скопированы, а в 1972 г. изданы, материалы Томской, Новоромановской и Тутальской писаниц. В 1991–1993 гг. открыты еще четыре местонахождения наскальных рисунков: Крутая, Новоромановская 2 писаница, Висящий Камень и Никольская писаница. В последующие годы имели место единичные находки новых изображений на уже известных местонахождениях. Сейчас копии рисунков, сделанные в 1960-е гг., устарели и нуждаются в уточнении, т. е. снятии новых копий с применением современных методов. Это создаст источниковедческий базис для пересмотра и уточнения стилистических, иконографических и композиционных особенностей нижнетомских петроглифов. Промежуточные результаты этой работы включают состоявшееся в 2005 г. снятие микалентных копий Тутальской писаницы и ведущееся на протяжении нескольких последних лет копирование изображений Томской писаницы (Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, И.Д. Русакова).

4. Нижнетомские писаницы являются составной частью обширной проблематики, охватывающей памятники наскального искусства Саяно-Алтайского и Ангаро-Ленского регионов. Местонахождение Нижнетомского очага наскального искусства замыкает северо-западную периферию указанного субконтинентального макрорегиона. Это ключевой лейтмотив проблематики нижнетомских петроглифов как крайней северо-западной оконечности указанного ареала. Своеобразие культурно-исторического статуса региона обусловлено еще и тем, что местоположение петроглифических памятников Нижнего Притомья связано с пограничной зоной Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций. Кроме того, эта территория разграничивает и соединяет зону южнотаежных культур на севере, верхнеобский или алтайский центр эпохи бронзы на юге, обь-иртышский ареал кротовской и других культур на западе, и среднеенисейский поликультурный очаг на востоке. Сквозь призму этого уникального местоположения необходимо рассматривать и проблему хронологии и периодизации наскальных изображений р. Томи. Это позволит включить данные памятники в евразийский хронологический контекст, пересматривающийся в настоящее время от Западной Европы до Северной и Центральной

Азии в связи с обработкой больших массивов калиброванных ^{14}C дат.

5. Петроглифы Нижнего Притомья находят стилистические, иконографические, композиционные и сюжетные параллели в наскальных изображениях Среднего Енисея, Байкала и Ангары, Горного Алтая, Восточного и Центрального Казахстана, Монголии и Тувы. Поэтому решение вопросов хронологии, периодизации и культурной принадлежности нижнетомских писаниц сопряжено с культурно-хронологической интерпретацией памятников вышеуказанных регионов. Вместе с тем, петроглифам р. Томи присущи оригинальные стилистические трансформации, своеобразные сюжеты и уникальные композиции. Компактное, и даже изолированное, местоположение памятников наскального искусства Нижнего Притомья, замыкающих огромный Саяно-Алтайский петроглифический массив, является еще одной особенностью, подчеркивающей их своеобразие. Все это позволяет сформулировать принципиальный подход к проблемам нижнетомских петроглифов концептуально иначе. Этот аналитический ракурс предполагает рассмотрение нижнетомских писаниц не как обособленных памятников наскального искус-

ства, с общим местоположением и параллелями в сюжетах и образах, а как особого нижнетомского очага наскального искусства. Здесь нашли изобразительное воплощение культурные традиции и мировоззренческие представления населения эпохи бронзы и раннего железного века, проживавшего на северо-западе Кузнецкой котловины. Но определяющий признак нижнетомского петроглифического массива как очага наскального искусства обусловлен характером восприятия привнесенных воздействий. В нижнетомских писаницах как в капле воды отразились тенденции развития и упадка серии эпохальных стилистических и иконографических стереотипов, присущих Саяно-Алтайскому петроглифическому массиву в эпоху бронзы.

Андреев А.И., 1960. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый. XVII век. М., Л.

Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Окладников А.П., 1959. Шишкинские писаницы. Иркутск.

Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972. Сокровища томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.

Е.М. Колпаков

МОО «Центр стратегических и политических исследований», Санкт-Петербург

А.И. Мурашкин

Санкт-Петербургский государственный университет

В.Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН

Петроглифы Канозера на Кольском полуострове

Окруженное непроходимыми болотами оз. Канозеро (25 x 5 км) находится в 28 км к северу от Кандакшского залива Белого моря (16 км к северу от Пильской губы) и является разливом р. Умба. Высота над уровнем моря 52,7 м. (Далее все высоты даны над уровнем воды в озере.)

Первые наскальные рисунки на оз. Канозеро были открыты в 1997 г. Юрием Ивановым, сотрудником краеведческого музея п. Ревда. В 1998 г. в экспедиции Ревдинского музея принял участие В.Я. Шумкин и было открыто 8 групп петроглифов. С 1999 г. Кольская экспедиция ИИМК РАН под его руководством приступила к поиску, фиксации и изучению наскальных изображений на Канозере.

По состоянию на 2007 г. на Канозере открыто более 1000 изображений в 18 группах на трех островах и «материковой» скале. Острова и скала расположены в средней части озера в следующем порядке: самый южный остров – Горелый – в 1 км к западу от восточного берега озера; в 0,45 км к северо-востоку от него и в 0,2 км от восточного берега озера находится о. Еловый; в 4,2 км к северо-западу от последнего и в 0,4 км от северо-восточного берега озера расположен о. Каменный, а в 0,5 км к северо-востоку от него, на берегу озера, скала Одинокая.

Остров Горелый (500 x 250 м по оси ССВ–ЮЮЗ; максимальная высота 8 м). Скалы идут узкой полосой по северо-западному и северному берегам.

Петроглифы расположены на протяжении 100 м в юго-западной части острова: 14 фигур в четырех группах.

Остров Еловый (300 x 300 м; максимальная высота 7 м). Скалы идут узкой полосой по северо-западному берегу. Петроглифы расположены на всем его протяжении: 279 фигур в шести группах.

Остров Каменный (330 x 130 м по оси СЗ–ЮВ; максимальная высота 15 м). Скальные выходы сосредоточены в северной и западной частях острова. Петроглифы расположены в западной части острова: 669 фигур в семи группах.

Скала Одинокая (15 x 15 м; максимальная высота 2 м). Отдельная скала, примыкающая своей северо-восточной частью к северо-восточному берегу озера. Петроглифы находятся в южной части скалы: 61 фигура.

Горелый 1. 4 фигуры на крайнем юго-западном мысе острова Горелый: 2 антропоморфа, олень и неясная фигура. Расположены в цепочку длиной 9 м, около 1 м от уреза воды, на высоте 0,4–0,9 м.

Горелый 2. 5 фигур в юго-западной части острова, в 17 м к ССЗ от крайнего северного изображения группы Горелый 1: колесо, антропоморф, два зооморфа и неясная фигура. Расположены компактно на площади 1 x 0,8 м, в 4 м от уреза воды, на высоте 1,2 м.

Горелый 3. Отдельное изображение лодки в юго-западной части острова, в 71 м к северу от группы Горелый 2. Расположено в 1 м от уреза воды, на высоте 0,5 м. К востоку от изображения лодки находится длинная каменная выкладка (22 x 2 м), расположенная по оси ССЗ–ЮЮВ.

Горелый 4. 4 фигуры в юго-западной части острова, в 16 м к ССЗ от группы Горелый 2, на северном берегу небольшого залива: зооморф и чашевидное углубление рядом с ним, в стороне от них – две неясные фигуры, вероятно поврежденные. Расположены по линии длиной 9 м, в 1 м от уреза воды, на высоте 1,5 и 0,7 м.

Еловый 1. 71 фигура на западной оконечности острова Еловый, на ЮЗ скате полусферической скалы диаметром 16 м, у ее вершины: 8 антропоморфов, 13 зооморфов, 10 ихтиоморфов, 14 лодок, олений след, 8 чашевидных углублений, крест, вульва, топор-жезл (в руке антропоморфа) и 14 абстрактных и неясных фигур. Расположены относительно плотно на площади 6 x 2,5 м, около 3 м от уреза воды, на высоте 1,6–2,2 м. В этой группе есть палимпсесты.

Обращает на себя внимание самая крупная в группе антропоморфная фигура с кольцеобразной головой и опущенными вниз трехпальными руками, навстречу которым снизу протягивается другая пара рук. Вся нижняя часть изображения поврежде-

на. Рядом с этой фигурой находится антропоморф с соединяющимися над головой руками и длинным хвостом-фаллосом. В 0,5 м от него профильная антропоморфная фигура с рожками, перед вытянутыми вперед руками которой выбита изогнутая линия (лук?). В северо-западной части группы цепочка из двух оленей, один из которых изображен с рогами.

Еловый 2. 135 фигур в западной части острова, в 26 м к ССВ от группы Еловый 1, в покатоной скальной ложбине: 13 антропоморфов, 8 зооморфов, 13 ихтиоморфов, 28 лодок, 3 антропоморфных следа, крест и 69 абстрактных и неясных фигур. Расположены очень плотно на площади 4 x 2 м, начиная от уреза воды до высоты 1,5 м. Группа размещена так, что даже при слабом ветре на нее постоянно набегает волна. Петроглифы сильно заполированы водой и льдом, часть несомненно уничтожена, от многих сохранились лишь более глубоко выбитые фрагменты, присутствуют палимпсесты.

Для этой группы характерны сцены морской охоты: лодки соединены линиями с фигурами китообразных. В центре группы антропоморф с поднятыми пятипальными руками, а под ним стилизованное четырехногое изображение лося. В северо-восточной части изображение «рыбы», из плавника которой вырастает антропоморфная фигура с трехпальными руками, и ее левая рука наложена на фигуру женщины.

Еловый 3. 53 фигуры на северо-западной оконечности острова, на низкой плоской скале, плавно уходящей в воду: 10 антропоморфов, 14 зооморфов, лодка, крест, 3 колеса, 4 чашевидных углубления и 20 абстрактных и неясных фигур. Расположены вдоль воды на площади 17 x 3 м, до высоты 0,6 м.

Три колеса расположены треугольником, расстояние между ними не превышает 1 м. Для группы характерны четырехногие и трехногие зооморфы.

Еловый 4. 5 фигур в северо-западной части острова, на низкой плоской скале, плавно уходящей в воду: антропоморф, зооморф, вульва, геометризованное изображение головы медведя и неясная фигура. Расположены вдоль воды на протяжении 6 м, до высоты 0,2 м.

Антропоморф является стилистически уникальным изображением с подчеркнутыми женскими признаками: вульвой и грудью.

Еловый 5. 3 фигуры в западной части острова, между группами Еловый 1 и 2, в основании узкого (до 2,5 м) скального мыса: 2 антропоморфа (один из них на лыжах) и зооморф. Расположены в 0,5 м от уреза воды, на высоте 0,4 м.

Еловый 6. 12 фигур в западной части острова, в 21 м к ВСВ от группы Еловый 2, на скате скалы, обращенном внутрь острова: 2 антропоморфа, зоо-

морф, лодка, вульва и 7 абстрактных и неясных фигур. Расположены на площади 2,5 x 2,5 м, в 19 м от уреза воды, на высоте 4,5 м.

Основной фигурой является антропоморф с изображенным фаллосом и с поднятыми руками с растопыренными пальцами – «бес» в русской традиции.

Каменный 1. 87 фигур в северо-западной части острова Каменный, на верхней, слегка наклонной площадке скалы, которая ниже петроглифов круто обрывается к воде: 13 антропоморфов, 5 зооморфов, 10 ихтиоморфов, 4 орнитоморфа, 16 лодок, 10 «человеческих» следов, 6 отпечатков лыж-снегоступов, 11 чашевидных углублений, крест и 11 абстрактных и неясных фигур. Расположены на площади 17,5 x 6,5 м по оси С–Ю, в 8 м от уреза воды, на высоте 4,5–5,3 м.

«Выдающимися» в группе являются две композиции. Первая – бес, хватающий женскую фигуру; бес изображен с фаллосом и тестикулами, огромные пятипалые руки подняты вверх и направлены к антропоморфной фигуре меньшего размера с изображенными вульвой и грудью. Вторая – сценка борьбы за женщину: беременная женщина, к которой направляется ящероподобное существо с длинным хвостом-фаллосом; третья антропоморфная фигура без признаков пола хватает руками эту «ящерицу» за хвост. Под локтем правой руки третьей фигуры находится крест.

Каменный 2. 2 антропоморфа на западном берегу острова, на находящемся в воде отдельном камне размерами около 4 x 2 м, на высоте 0,3 м.

Каменный 3. 73 фигуры в северо-западной части острова, на длинной узкой (15 x 4 м) полуцилиндрической скале, ориентированной по оси ССЗ–ЮЮВ: 4 антропоморфа, 10 зооморфов, 5 ихтиоморфов, 11 лодок, 26 «человеческих» следов, 2 чашевидных углубления, отдельный топор-жест (в руке антропоморфа) и 14 абстрактных и неясных фигур. Расположены на площади 14 x 4 м, в 8 м от уреза воды, на высоте 4,3–6,5 м.

Цепочка «человеческих» следов протянулась по гребню скалы с севера на юг, а остальные фигуры сосредоточены в южной части скалы. Здесь цепочка из четырех оленей или лосей, а бес представлен изображением с головой, напоминающей медвежью.

Каменный 4. 14 фигур в северо-западной части острова, на участке скалы, наклонно спускающейся к воде: 4 антропоморфа, 5 «человеческих» следов, 3 чашевидных углубления, топор-жест (в руке антропоморфа) и абстрактная фигура. Расположены на площади 1,3 x 1 м, в 9 м от уреза воды, на высоте 1,7–2 м.

Вся группа представляет сценку борьбы за женщину, как на Каменном 1: беременная женщина, по

левую руку от нее – антропоморфное существо с длинным извивающимся хвостом-фаллосом и рогами в левой руке, над его головой занесен топор-жест, который держит в руке третья антропоморфная фигура без признаков пола (рис. 1).

Каменный 5. 20 фигур в западной части острова, на скале, уступами обрывающейся в озеро: 4 антропоморфа, 2 зооморфа, китообразное, орнитоморф, 6 лодок, 3 чашевидных углубления и 3 неясные фигуры. Основная часть расположена на площади 1,8 x 1 м, в 1 м от уреза воды, на высоте 1–2 м. Выбивки находятся на верхней площадке скалы, на скате скалы в сторону воды и еще ниже, на уступах скалы.

На скате скалы расположена любовная сцена: две антропоморфные фигуры ногами друг к другу и головами в противоположные стороны. У одной изображены вульва и грудь, у другой – длинный фаллос, направленный к вульве, и тестикулы.

Каменный 6. 27 фигур внутри западной части острова, на скальной поверхности с небольшим наклоном к ближайшему берегу острова: 2 антропоморфа, 3 зооморфа, 13 оленьих следов, 7 чашевидных углублений, колесо и прямоугольная фигура. Основная часть расположена на площади 3 x 2 м, в 24 м от уреза воды, на высоте 6,4–6,8 м.

Антропоморф помещен рядом с колесом, зооморфом и прямоугольником. Оленьи следы изображены с исключительной реалистичностью в натуральную величину.

Каменный 7. 446 фигур внутри западной части острова, на скале полусферической формы, разделенной ложбиной на две неравные части: 45 антропоморфов, 50 зооморфов, 28 китообразных, 5 орнитоморфов, 90 лодок, 23 «человеческих» следа, 28 медвежьих следов, 6 оленьих следов, лыжня из 35 элементов, 21 чашевидное углубление, 3 креста, 2 вульвы, 5 гарпунов, топор-жест (в руке антропоморфа) и 104 абстрактные и неясные фигуры. Расположены на площади 14 x 12 м, в 33 м от уреза воды, на высоте 6,5–8 м.

В группе сосредоточено чуть менее половины всех канозерских петроглифов, представлены почти все сюжеты, имеющиеся на Канозере, имеется много уникальных фигур и композиций, присутствует большое количество палимпсестов.

К уникальным изображениям относятся следующие: летящий «журавль», хищная птица с пятипалой лапой, два бобра, самый большой антропоморф с топором-жестом, гарпуны, самое большое и тщательно выполненное изображение китообразного, выбитый на шлифованном участке скалы антропоморф с длинным извивающимся хвостом-фаллосом. К необыкновенным композициям можно отнести лыжную охоту с копьем на медведя (рис. 2),

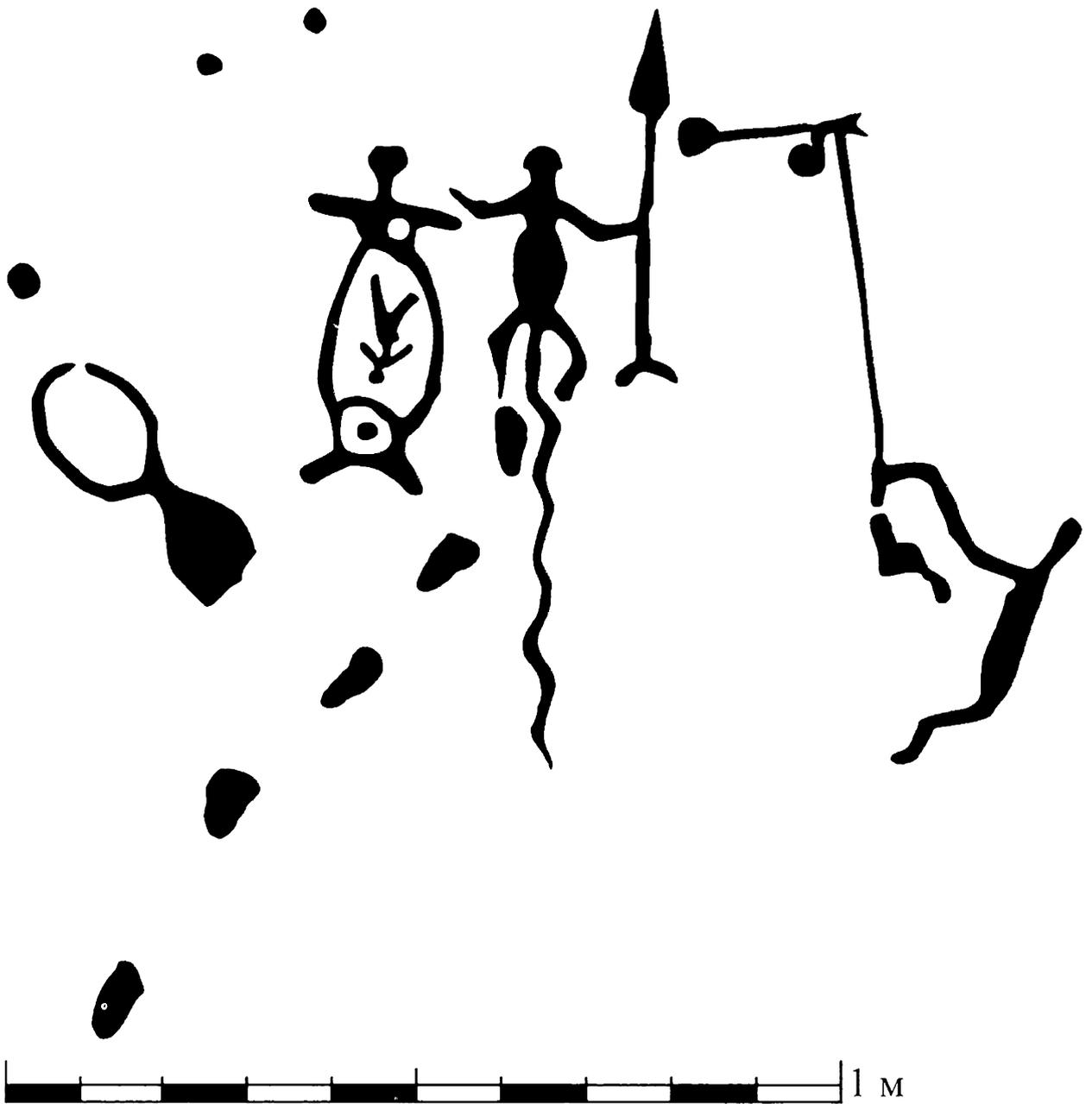

Рис. 1. Группа изображений Каменный-4

Рис. 2. Группа изображений Каменный-7: сцена охоты на медведя

охоту с лодки на выходящего из воды лося, охоту с лодки на медведя и бобра, три вереницы лосей и оленей.

Скала Одинокая. 61 фигура на верхней плоской площадке скалы с наклоном к юго-западу: 21 антропоморф, 11 зооморфов, ихтиоморф, 3 лодки, «человеческий» след, чашевидное углубление, колесо, вувла и 21 абстрактная и неясная фигура. Основная

часть расположена на площади 7 x 4 м, на высоте 1–2 м.

Для группы характерны однолинейные антропоморфные фигуры.

В заключение необходимо подчеркнуть, что работы по выявлению и фиксации петроглифов на оз. Канозеро еще далеки от завершения и каждая новая экспедиция будет приносить новые открытия.

М.В. Константинов, Л.В. Екімова, С.Б. Верещагин

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Чита

Красочное стадо бизонов в гроте Шаман-Горы

Большое стадо бизонов заполнило вертикальную плоскость, при этом красные контурные линии четко выделяются на сером естественном фоне, не оставляя сомнений в том, каких животных изобразил древний художник и что этих животных преследуют охотники, которым помогает шаман.

Такое красочное полотно, представляющее архаичную культуру, выявлено в Забайкалье, в бассейне р. Хилок (приток р. Селенги), на р. Арей, в 262 км к юго-западу от г. Читы, в горно-таежной местности с высотными отметками около 1000 м. К северу от этой местности – Яблонный хребет, к югу – Малханский хребет (Константинов, 2002; Константинов и др., 2003).

Древнее панно защищено гротом, связанным с живописным скальным массивом, который известен как Шаман-Гора.

Основная скала возвышается на 50 м. На высоте 12–13 м над рекой находится грот, открытый в южном направлении. В гроте в 1998 г. выявлены рисунки, выполненные красной охрой (рис. 1). Композиционное панно занимает отвесную плоскость размерами 310 x 200 см. Оно достаточно плотно заполнено 49 фигурами (на рис. 1 они обозначены номерами), из которых 36 изображений бизонов (размерами от 38 до 61 см). Рисунки контурные, толщина линий 0,5–1 см (рис. 1: № 2, 9–35, 42–48). Дополнительно сплошь подкрашены головы, в некоторых случаях чуть заметно – передняя часть или все тело (№ 10, 11, 14, 15, 20, 24, 31, 33, 48). Есть также внутренние короткие линии – вертикальные, горизонтальные, диагональные. Рисунки профильные. Фигуры в основном обращены вправо (35), реже влево – к реке (6). Головы массивные, они плотно, без шеи, сопряжены с туловищем; вытянуты прямо, изредка приподняты. Туловище удлиненное, подпрямоугольное или трапециевидное; линия

брюха слегка вогнутая, в двух случаях (№ 20, 28) оно одутловатое в средней части; линия спины прямая, с горбинкой «на стыке» с головой. Хвосты – в виде короткого штриха – горизонтальные или наклонные вниз, иногда приподнятые (№ 2, 11, 14, 21, 47). У всех животных показаны по две ноги, каждая в виде треугольника, смыкающегося с туловищем, или короткой линии – черточки. Рога – два коротких штриха, прямых или слегка вогнутых. Они отходят от головы вверх, а если голова наклонена, то вперед. Основания рогов сходятся в одной точке и верхними концами расходятся в стороны, но иногда рога показаны параллельными штрихами (№ 9, 11, 20, 22, 27, 30, 44). Наиболее выразительные фигуры – № 11, 14, 15, 28, 31, 33. Контур некоторых фигур искажен, но узнаваем (напр., № 13, 26). Большинство зверей располагается свободно, в отдельных случаях – соприкасаются или частично перекрывают друг друга. Звери составляют 7 горизонтальных рядов, выделяемых с долей условности. По общему облику изображенные звери, несомненно, относятся к крупным копытным, а по характерным деталям – спина с горбинкой, голова, рога – весьма уверенно определяются как бизоны. Это мнение подтвердили консультанты – зоолог О.В. Корсун и палеонтолог Н.Д. Оводов. 36 бизонов составляют стадо, достаточно плотное, скученное.

В верхнем левом углу композиции – рисунки 6 людей (№ 3–8), размерами до 20 см, т. е. в 2–3 раза меньше бизонов. У фигурок людей маленькая голова, раскинутые в сторону руки и широко расставленные ноги, что, возможно, передает движение. Такие фигуры чаще всего при описании рисунков называются человечками. Один из человечков в вытянутой вперед руке держит лук, переданный в виде слегка вогнутой короткой линии. Создается впечатление, что охотник готов спустить тетиву лука (№ 8). Эта

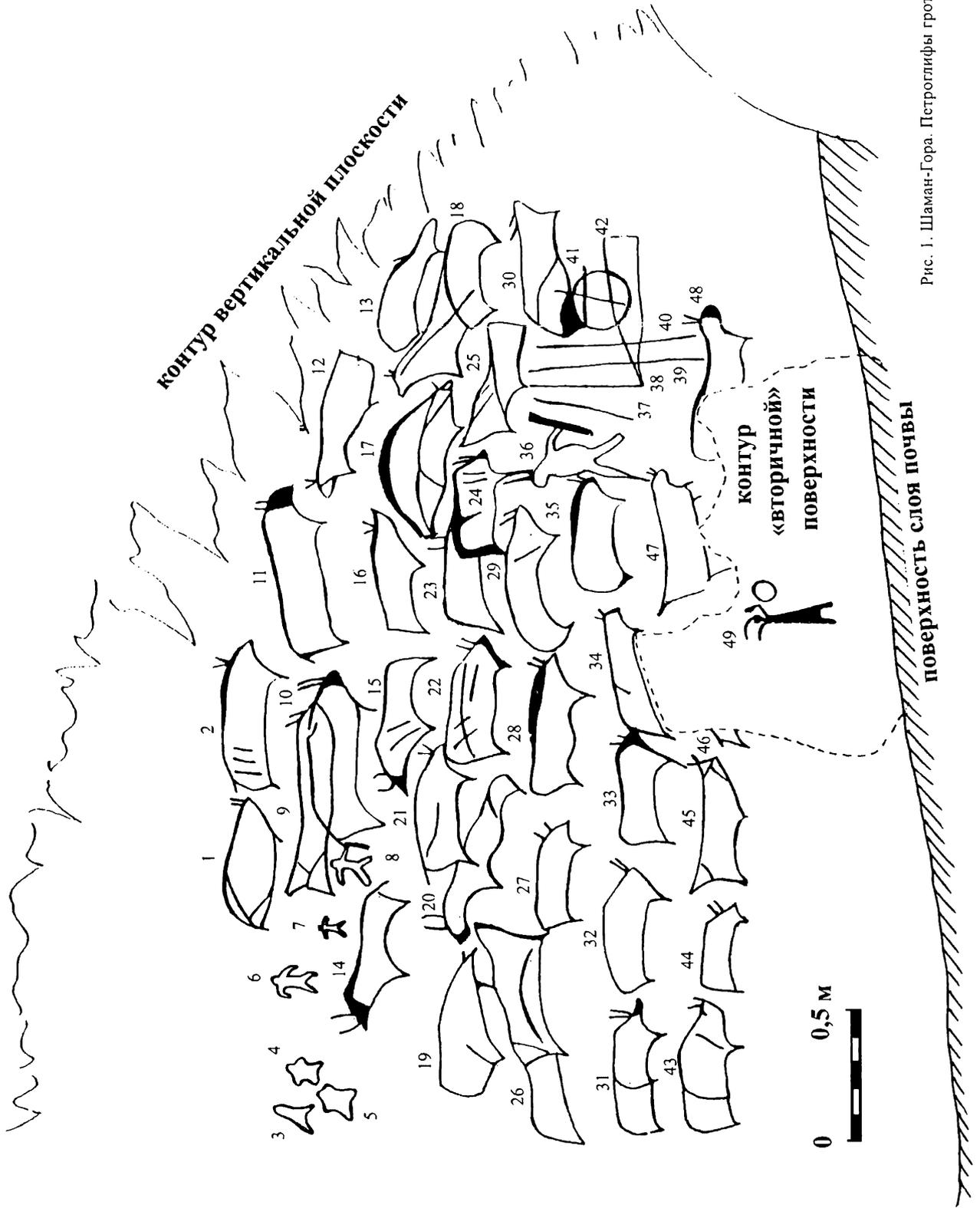

Рис. 1. Шаман-Гора. Петроглифы грота 1

фигурка охотника почти соприкасается с одним из бизонов (№ 10). Человечки переданы более схематично, чем бизоны.

Ближе к нижнему правому углу композиции, т. е. по диагонали вниз от человечков-охотников, располагается крупная антропоморфная фигура (№ 36), по размерам равная самым крупным бизонам (напр., № 11), только вертикальная. Эта фигура имеет округлую голову с двумя стержнями-рогами, вертикальными, похожими на бизоньи, но более длинными. Туловище обрамлено двумя выпуклыми линиями, ноги также очерчены двумя линиями каждая и поставлены в широком шаге, рука откинута в сторону, в ней какой-то предмет, изображенный в виде утолщенной прямой линии. По аналогии с человечком, вооруженным луком (№ 8), в описанном предмете можно также увидеть лук (но возможны и другие интерпретации). Данная фигура больше «верхних» человечков в 2–3 раза и несет на голове звериные рога. Она может трактоваться как изображение колдуна или, по-сибирски, шамана. Шаман находится в окружении бизонов. Он как бы прорвался внутрь стада и почти наткнулся на одного из бизонов (№ 35). Рога этого бизона направлены шаману в живот. Шаман вызвал смятение в стаде. Рядом с фигурой шамана – четыре длинные вертикальные тонкие линии (№ 37–40), очевидно связанные с шаманом, но «по смыслу» не разгаданные. Рядом с линиями – окружность с крестовиной внутри (№ 41). Она интерпретируется как бубен – шаманская принадлежность, но вместе с тем может быть признана и солярным знаком. На вертикальные линии (№ 37–40) и окружность наложен треугольник с узким основанием, расположенный горизонтально (№ 42), догадаться о смысле которого весьма сложно.

Все полотно прочитывается как сцена загонной охоты на бизонов группы охотников-лучников, в которой участвует, реально или умозрительно, шаман, обеспечивающий, очевидно, успешность охоты.

Ниже описанной экспозиции, на вторичной отслоившейся поверхности располагается фигура человека высотой 33 см, с удлинненным туловищем, двумя ногами, похожими на ходули, с маленькой круглой, украшенной изогнутым рогом головой, с раскинутыми в стороны руками, причем в одной из них – колотушка, а рядом – словно зависший в воздухе бубен в форме окружности (№ 49). Скорее всего, фигура изображает шамана и, похоже, нарисована позднее основной картины, хотя и в связи с ней.

Поскольку охота на древней картине проводится с использованием лука, то ее возраст может быть определен не ранее того времени, когда в Забайкалье появились лук и стрелы. По раскопкам на чийском поселении Усть-Менза 1, что находится от

Шаман-Горы за Малханским хребтом, устанавливается, что лук и стрелы стали использоваться с финального плейстоцена, с его норильской фазы (10,8 тыс. л. н.), открывающей эпоху мезолита. Кажется, что такое определение противоречит тому, что объектом охоты на картине являются бизоны, которые связываются обычно с палеолитом. На самом деле, бизоны сохраняются в Забайкалье и в голоцене, причем до окончания атлантического оптимума, о чем свидетельствует обнаружение их костных остатков (определение Н.Д. Оводова) в горизонте 4 той же Усть-Мензы 1 (поздний неолит, около 4 тыс. л. н.). Отсюда вытекает, что на бизонов (наверное, лесных, обитающих в основном по поймам рек) охота могла проводиться не только в мезолите, но и в неолите.

Еще одним источником информации о возрасте картины, а также ее назначении, являются раскопки, проведенные гроте. Вскрыто 5 м², что по площади составляет половину возможного. В отложениях общей мощностью 1,65 м выявлено 4 культурных горизонта. В слое 1 обнаружено 5 артефактов – трехгранная микропластинка (рис. 2: 3), фрагмент микропластинки (рис. 2: 5), двугранная ребристая пластинка (рис. 2: 4), угловой резец из трехгранной микропластинки (рис. 2: 1), отщеп оригинальной формы (рис. 2: 2).

В слое 2 найдены 7 бифасиальных подтреугольных наконечников (рис. 2: 12–18), из них 4 обломанных; 2 подтреугольных наконечника стрелы с ретушью, оформляющей острие (рис. 2: 19, 22); 2 крупных прямоугольных бифасиальных вкладыша (рис. 2: 23, 24), 3 скребка из отщепов (рис. 2: 20, 21, 25), 5 микропластинок (рис. 2: 6–10), миниатюрный хрустальный отщеп.

В слое 3 обнаружена расколотая галька. В слое 4 – отщеп.

В процессе работ выявлена следующая стратиграфия: 1) мелкозем черный мощностью 0,1 м; 2) слабогумусированный песок – 0,35–0,4 м; 3) песок серо-желтый со щебнем и глыбами – 0,35 м; 4) песок темно-серый с включением дресвы, щебня, глыб – 0,8 м; 5) гранитный цоколь.

Слои 3 и 4 по характеру отложений плейстоценовые, в них – единичные вещи палеолитического облика. Основной археологический комплекс связан со слоем 2. Здесь найдено 22 артефакта. Обращает на себя внимание серия наконечников стрел, некоторые из них найдены вплотную к плоскости с петроглифами. Не исключено, что стрелы намеренно нацеливались в эту плоскость, из-за чего часть из них получила изломы. Весьма выразительны и редки крупные вкладыши.

В целом набор изделий является «отборным». Отходов производства не представлено. Не исключена

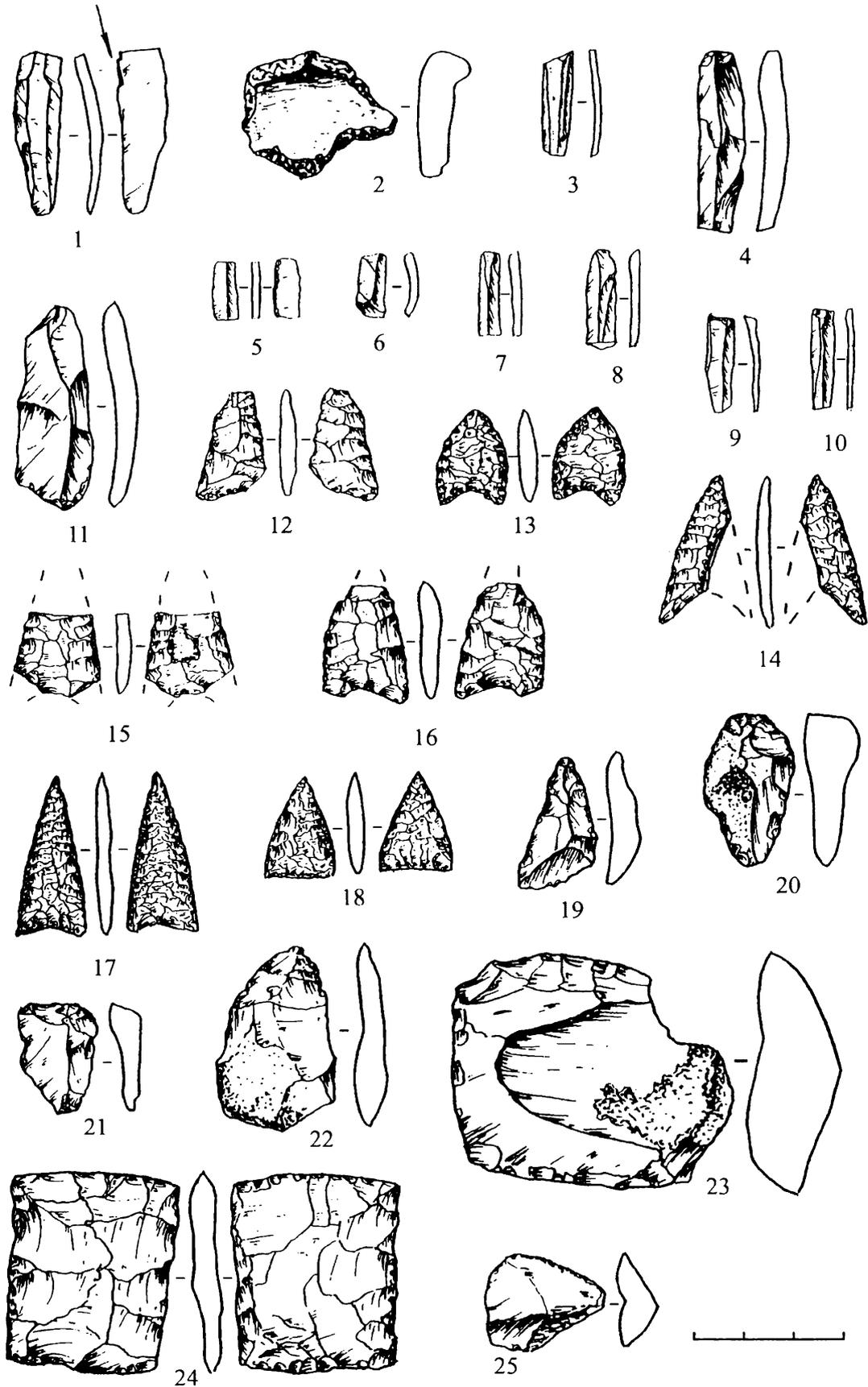

Рис. 2. Шаман-Гора. Находки из грота 1. 1-5 – слой 1; 6-25 – слой 2

взаимосвязь петроглифов со всем комплексом артефактов, при этом каменные изделия могли играть роль «даров». По характеру находок весь комплекс может быть определен как святилище и предварительно датирован поздним неолитом.

В вышележащем слое I найдены отдельные изделия, которые условно можно отнести к эпохе бронзы. Их также можно отнести к категории «даров». В это время, скорее всего, к основной картине дорисован нижний шаман, ставший ее своеобразным оберегом.

Художественное полотно с Шаман-Горы уникально по выразительности и сохранности. В Забайкалье представлен в основном иной мир петроглифов (Окладников, Запорожская, 1969). Для селенгинской группы писаниц, распространенной в степных районах, типичны оградки, птицы, человечки, пятна. Менее представительна и более разрозненна группа лесных писаниц, к которой, по окружающему ландшафту, должна принадлежать и Шаман-Гора. Лесные писаницы, по А.П. Окладникову, строятся по принципу: олень или лось, человечки, иногда

с луком (как в Бутихе на Шилке) и пятна. Они датируются неолитом. Отсюда понятно своеобразие Шаман-Горы, представившей яркую, не виданную прежде учеными картину охоты на лесных бизонов, которая стала невольным реквиемом этому виду животных, а также памятником охотникам на бизонов и вместе с ними – древнему художнику, создавшему законченное, красочное, наполненное смыслом и, вероятно, глубинной мифологией, художественное произведение.

- Константинов М.В., 2002. Древние святилища Шаман-Горы (Забайкалье) // История и культура Востока Азии: Мат. междунар. науч. конф. Новосибирск. Т. 2.
- Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И., 2003. Под покровительством Большого Шамана: Археологическое путешествие по Забайкалью: Путеводитель полевой экскурсии междунар. симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Чита.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1969. Петроглифы Забайкалья. Л. Ч. 1, 2.

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Итоги и перспективы изучения изобразительных памятников Алтая

Изучение оленных камней, древнетюркских изваяний и наскальных рисунков Центральной Азии продолжается уже более ста лет, но даже сегодня ни один исследователь не может с полной уверенностью назвать точное число памятников древнего искусства на этой территории. Петроглифы Алтая и Монголии эпизодически упоминаются как в солидных трудах известных ученых, так и в публикациях краеведов и собирателей древностей. При этом внимание исследователей в большей мере привлекали хорошо заметные на местности, грандиозные сооружения типа керексуров или монументальные памятники – оленные камни и тюркские изваяния. Наскальные изображения практически не фиксировались на картах и схемах маршрутов, а петроглифы, воспроизведенные в публикациях, отличались схематизмом и неточностью копий. Возможно, это было связано с огромным числом рисунков в алтайских горах, а также с заниженной оценкой петроглифов как полноценного исторического источника по древним культурам Центральной Азии.

На территории соседней с Алтаем Монголии в последние годы проводятся интенсивные исследования археологических памятников учеными разных стран. Международные проекты посвящены изучению богатого культурно-исторического наследия страны и древней истории монголов. Однако до сих пор усилия многих археологов, работающих на Монгольском Алтае, не были должным образом скоординированы и носили разобщенный, эпизодический характер. Ситуация кардинально изменилась с созданием в Улан-Баторе института исследования Монгольского Алтая, который возглавил профессор Х. Цоохуу. Определенным результатом деятельности коллектива нового института можно считать издание в 2006 г. альбома с этнографическими материалами (автор – Б.А. Баасанхуу), а также выпуск двух номеров научно-популярного журнала «Монгол Алтай». На страницах журнала, кроме монгольских авторов, опубликовали свои статьи и российские археологи. В них содержатся сведения о неизвестных ранее объектах, приведены карты и координаты разнообразных исторических памятников.

Картографирование памятников с наскальными изображениями в Западной Монголии только начинается. В последние годы Российско-Монгольско-Американской экспедицией открыто несколько крупных местонахождений в пунктах Цагаан-Нуур, Хар-Ямаатын-гол (Улаан Хус сомон), Арал-Толгоя, Бумбугур-Хад, Хатуугийн гол (Цэнгэл сомон), Баян-Олгийского аймака (рис. 1). Новые местонахождения не только по количеству изображений, но и по их качеству (рис. 2), разнообразию сюжетов, являются крупнейшими и выдающимися среди других известных памятников наскального искусства Монголии.

Особое внимание было уделено работам на огромном по площади петроглифическом комплексе, расположенном в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. Две высокогорные реки берут свое начало в отрогах пограничного с Россией Сайлюгемского хребта и являются северо-западными истоками Кобдо – главной реки Монгольского Алтая. Поэтому неудивительно то, что наскальные изображения Российского Алтая не только близки по содержанию петроглифам соседней Монголии, но в отдельных случаях даже дублируют отдельные древние сюжеты. Можно утверждать, что два региона взаимосвязаны и являются свидетельством прямых культурных контактов древнейших племен Алтая и Монголии.

Результаты международных исследований почти ежегодно освещались на региональных конференциях, международных коллоквиумах и симпозиумах в России, Киргизии, Монголии, США, Франции, Италии, Японии и Южной Корее. Сведения об открытии неизвестных ранее памятников и проводившихся на них работах содержатся в наших регулярных сообщениях и статьях.

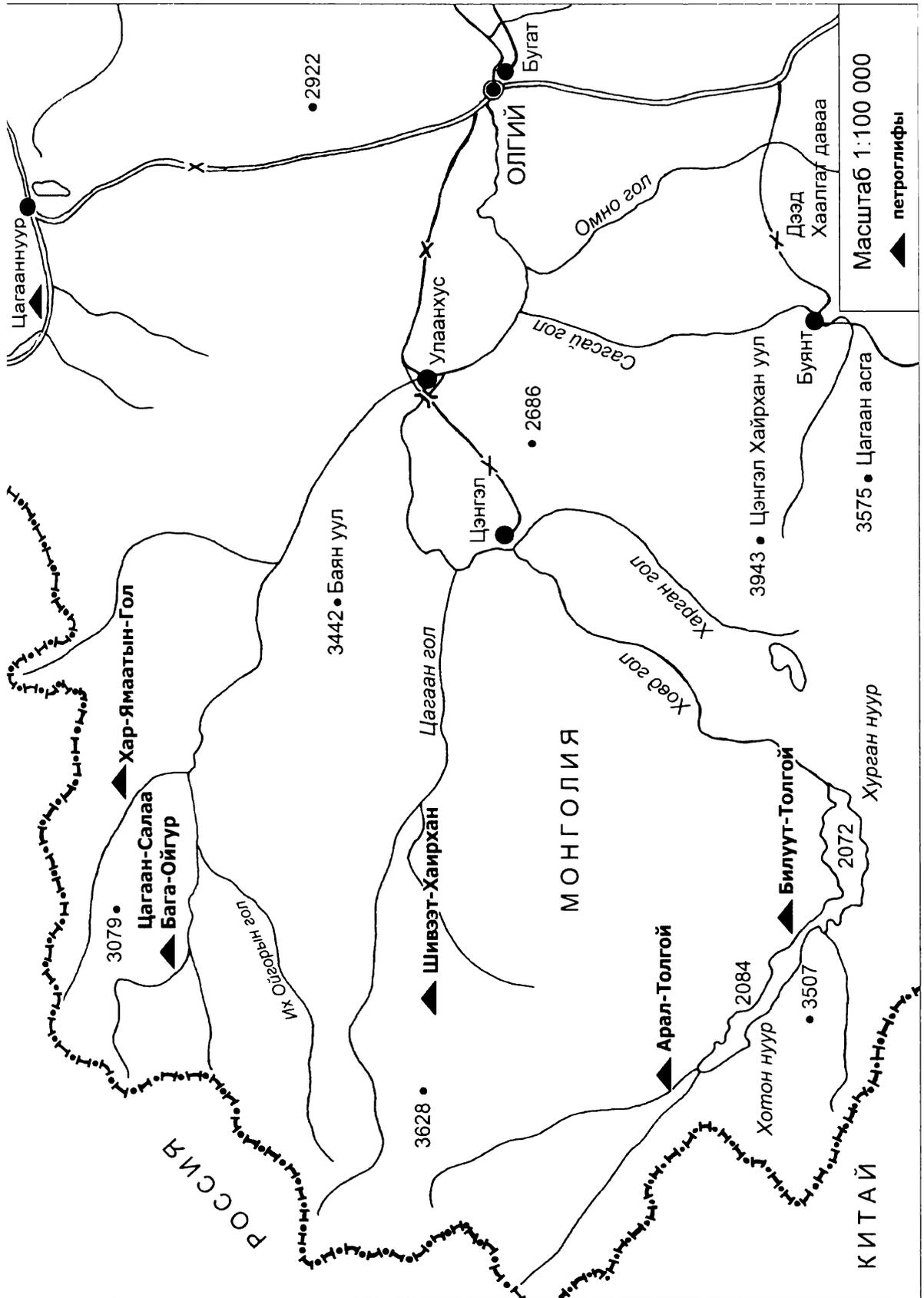
Своеобразным итогом 15 полевых сезонов, проведенных на высокогорном Алтае и в Монголии, являются три монографических альбома. Они были изданы во Франции, в рамках международного издательского проекта «Корпус петроглифов Центральной Азии» (Kubarev V.D., Jacobson, 1996; Jacobson, Kubarev V.D., Tseevendorj, 2001; Jacobson-Tepfer, Kubarev V.D., Tseevendorj, 2006). Одна книга, посвященная наскальным изображениям Арал-Толгоя, опубликована в Монголии (Цэвээндорж, Кубарев В.Д., Якобсон, 2005). В последней монографии (Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005), изданной в России, предпринята попытка классификации полученных материалов визуальными и статистическими методами. Отдельные сюжеты монгольских петроглифов напоминают сцены, запечатленные в полихромных росписях каракольской культуры Алтая. В целом же рисунки Монголии находят прямые

аналогии во многих памятниках наскального искусства Российского Алтая (Калбак-Таш, Елангаш, Чанганка, Туру-Алты и др.), наскальных рисунках Тувы (Мугур-Саргол, Орта-Саргол, Алды-Мозага и др.) и даже в петроглифах Казахстана, Киргизии и Узбекистана (Тамгалы, Саймалы-Таш, Сармыш и др.).

Вопросы хронологии, культурной принадлежности и семантики монгольских петроглифов рассматриваются на обширном историческом фоне, с привлечением изобразительных материалов и предметов, выполненных в зверином стиле и найденных в различных погребальных памятниках Центральной Азии. В этой же книге на конкретном материале кратко освещены проблемы и вопросы, связанные с миграциями населения в область алтайских гор в эпоху бронзы. Для анализа и расшифровки наскальных изображений эпохи бронзы, реконструкции палеоэкономики, мировоззрения, некоторых обрядов и ритуалов привлечены данные археологии и этнографии, источники по мифологии, эпосу индоевропейских, индоиранских и тюрко-монгольских народов.

Совместные работы с коллегами из Южной Кореи позволили выявить новые подходы к интерпретации некоторых редких сюжетов алтайских петроглифов и решать проблемы хронологии древнетюркских граффити Алтая (Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, 2003; Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, Кубарев Г.В., 2006). Сотрудничество с корейскими археологами способствовало и популяризации наших научных достижений на Алтае. Так, например, в Сеуле на высоком полиграфическом уровне издано несколько книг А.П. Деревянко, В.Д. Кубарева и В.И. Молодина. Научно-популярные книги автора – «Каменные изваяния Алтая» (1997), «Наскальное искусство Алтая» (2003) и «Путешествие в страну стерегущих грифов» (2004) – уже давно исчезли с прилавков российских книжных магазинов. Издательством Института археологии и этнографии СО РАН также опубликована монография «Культура древних тюрков Алтая» (Кубарев Г.В., 2005а), посвященная результатам более чем 25-летних археологических исследований на территории Республики Алтай.

Прошедший 28–31 марта 2006 г. в Горно-Алтайске международный симпозиум ЮНЕСКО «Замороженные погребения в горах Алтая: стратегии и перспективы» выработал ряд рекомендаций, адресованных всему научному миру и заинтересованным сторонам. Одна из них гласит: «Вследствие изменения условий в мерзлотных захоронениях, участники симпозиума рекомендуют начать комплексный мониторинг данных погребений, с использованием соответствующих технологий. Все мероприятия, касающиеся изучения и раскопок

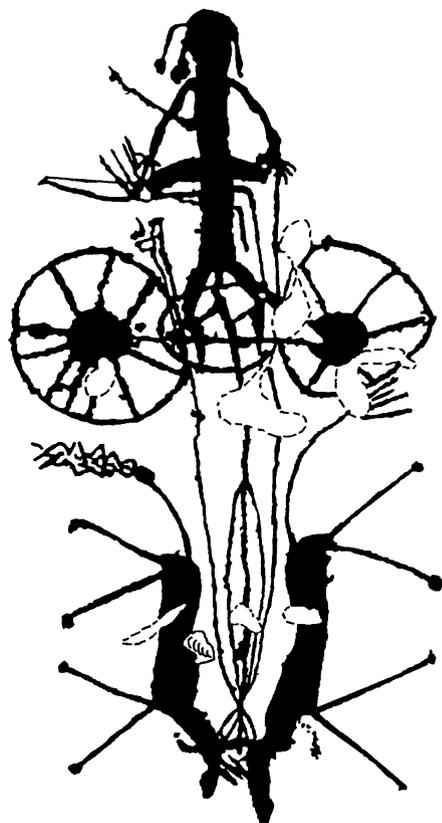

Рис. 2. Изображение колесницы. Из петроглифов Шивээт-Хайрхана. Монгольский Алтай

мерзлотных захоронений, должны осуществляться в соответствии с высокими профессиональными и международными стандартами. Эта деятельность не должна нарушать целостность окружающей среды и проводиться в тесном сотрудничестве с местным населением, с учетом его интересов и нужд» (Погребальные комплексы с мерзлотой... 2007). Уже нет сомнений в том, что с глобальным изменением климата элитные погребения пазырыкской культуры Алтая могут быть утрачены для исторической науки. В настоящее время назрела необходимость в проведении новых работ по изучению элитных курганов пазырыкской культуры. Основным районом таких исследований можно назвать среднее течение р. Урсул, где сосредоточены десятки больших курганов. Весьма перспективным представляется изучение могил, заполненных льдом, у д. Талда, продолжение работ в урочище Башадар, близ с. Кулада и у с. Туэкта (Онгудайский р-н). Здесь известны курганы с необычайно высокими каменными насыпями, окруженными ритуальными выкладками. Для археологов несомненный интерес представляет и группа больших курганов в урочище Соору, расположенном около с. Кулада. Необходимо также продолжить изучение археологических объектов плато Укок (Кош-Агачский

р-н), где все памятники документированы и поставлены на учет (Молодин, 2007. С. 29).

Введенный в 1996 г. правительством Республики Алтай так называемый «мораторий» на исследования любых захоронений заставил археологов более интенсивно заняться поиском и изучением идентичных памятников на территории соседней Монголии (Молодин, Цэвээндорж, Мильников и др., 2004). Однако на Российском Алтае изучение уже известных и новых изваяний, а также раскопки мемориальных комплексов древних тюрок, продолжают до сегодняшнего дня (Кубарев Г.В., Розвадовски, Кубарев В.Д., 2003; Кубарев Г.В., 2005б; Кубарев Г.В., Слюсаренко, Кубарев В.Д., 2006).

Исследование археологических памятников Монгольского Алтая только начинается и также весьма перспективно, потому что до сих пор в его пределах раскопано всего несколько курганов (Варенов, Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2004. С. 211, 212; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж и др., 2006; Ковалев, 2007. С. 69). Здесь мало изучены монументальные памятники раннескифской и древнетюркской эпох (Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2000; 2002). Начало подобным исследованиям положено в долинах рек Хар-Чулуу, Хар-Яматын-Гол в Монгольском Алтае (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2004; Кубарев Г.В. и др., 2007).

Таким образом, будем надеяться, что исследования и публикации уникальных археологических материалов, собранных в труднодоступных областях алтайских гор, послужит нашим скромным вкладом в изучение древней истории Алтая. Древние историко-культурные комплексы петроглифов и новые монументальные памятники Алтая по художественной выразительности и научной значимости, несомненно, должны занять достойное место в ряду других изобразительных шедевров мирового значения.

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д., 1999. Монгол Алтайн хун чулуун хошоо [Каменные изваяния Монгольского Алтая]. Улаанбаатар. (На монгол. яз.)

Варенов А.В., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2004. Разведка пазырыкских курганов в северо-западной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. X. Ч. 1.

Ковалев А.А., 2007. Чемурчекский культурный феномен. Его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // А.В.: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2000. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (1).

- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2002. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (9).
- Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, 2003. Обследование петроглифов Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX. Ч. I.
- Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, Кубарев Г.В., 2006. Мониторинг памятников наскального искусства Монгольского Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.
- Кубарев Г.В., 2005а. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.
- Кубарев Г.В., 2005б. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XI. Ч. I.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2004. О древнетюркских поминальных оградках в устье реки Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. X. Ч. I.
- Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д., 2003. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX. Ч. I.
- Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.
- Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Кан Сом, Чжон Вон Чхоль, 2007. Исследование древнетюркских памятников в долине р. Хар-Ямаатын гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XIII: Мат. Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2007.
- Молодин В.И., 2007. Археологические исследования на плато Укок – итоги и перспективы // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегия и перспективы: Мат. междунар. конф. ЮНЕСКО. Горно-Алтайск.
- Молодин В.И., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Байарсайхан М., Овчаренко А.П., 2004. В поисках пазырыкских комплексов на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. X. Ч. I.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиецонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г., 2006. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.
- Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегия и перспективы: Мат. междунар. конф. ЮНЕСКО. Горно-Алтайск, 2007.
- Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д. Якобсон Э., 2005. Арал толгойн хадны зураг [Петроглифы Арал толгой. Монголия]. Улаанбаатар. (На монгол., русск. и англ. яз.)
- Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D., 2001. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris. T. V. 6.
- Jacobson-Tepfer E., Kubarev V.D., Tseevendorj D., 2006. Mongolie du Nord-Ouest: Haut Tsagaan Gol // Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale, F. 7. Paris. Vol. 2.
- Kubarev V.D., Jacobson E., 1996. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai) // Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. T. V. 3. F. 3. Paris.

А.Р. Ласкин

НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края, Хабаровск

Исследования петроглифов нижнего Амура

В нижнем течении р. Амур и ее притоков на территории Хабаровского края известно 6 объектов древнего наскального искусства. Наиболее изученными из них являются петроглифы Сикачи-Аляна, Шереметьевские и Киинские писаницы. Первыми наскальными изображениями, описанными исследователями

Приамурского края, были петроглифы на р. Уссури у с. Шереметьево. В 1859 г. Р.К. Маак во время своего путешествия по р. Уссури, видел «изображение человека верхом на лошади, птицу, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся, также очерк человеческого лица с лучами, исходя-

щими от него по всем направлениям» (Маак, 1861. С. 43.). Более детальное расположение и описание древних наскальных изображений у с. Шереметьево стало предметом публикации заметки Н. Альфтанна. Он обозначил три пункта сосредоточения Шереметьевских рисунков и сделал зарисовки целого ряда изображений (Альфтан, 1895. С. 10). Первые упоминания о наскальных рисунках у древнего нанайского стойбища Сакачи-Аляна относятся еще к концу XIX в. и принадлежат русскому востоковеду Палладию Кафарову (Ларичев, 1966. С. 121–124). В 1895 г. сведения о петроглифах у с. Сакачи-Алян появились в газете «Приамурские ведомости». Автор дал общую характеристику рисунков, а также техники их исполнения (Ветлицын, 1895. С. 17, 18). Древние легенды, связанные с петроглифами Сакачи-Аляна и народом, населявшим эти места, записал этнограф Л.Я. Штернберг во время своего путешествия по Дальнему Востоку в 1910 г. (Штернберг, 1933. С. 454–458). В 1935 г. петроглифы у сел Сакачи-Алян и Малышево обследовали участники Нижнеамурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством А.П. Окладникова. Были калькированы наиболее значимые рисунки, сделаны первоначальные выводы о стилях и временных рамках древних изображений (Окладников, 1951. С. 36–38). В 1958 г. экспедицией под руководством А.П. Окладникова проводилось детальное изучение древних изображений у сел Малышево и Сакачи-Алян, при помощи калькирования и эскизов удалось документировать большую часть рисунков. В этом же году были исследованы на научном уровне и Шереметьевские петроглифы. Наскальные рисунки удалось не только калькировать, но и снять о них небольшой документальный фильм.

В 1966 г. были открыты петроглифы на р. Кия (приток р. Усури), в урочище с местным названием «Чертово Плесо». Их открытие связано с именами хабаровского археолога Ю.М. Васильева и члена Приамурского географического общества В. Яхонтова. В 1967 и 1968 гг. древние рисунки на р. Кие были обследованы и документированы участниками экспедиции под руководством А.П. Окладникова и А.П. Деревянко. В 1971 г. публикуется итоговая монография А.П. Окладникова, посвященная многолетним научным исследованиям древних наскальных изображений Приамурья (Окладников, 1971).

Петроглифы Сакачи-Аляна, Шереметьево и Кии определенно составляют большой объединенный комплекс памятников наскального искусства, где центральное место занимает Сакачи-Алянская группа. В первую очередь это определено географическим расположением групп петроглифов – на

реках, взаимосвязанных друг с другом: Амур – Усури – Кия. Вторую важную особенность обуславливает единая сюжетная линия и техника исполнения рисунков.

Характерная черта петроглифов Сакачи-Аляна, Шереметьево и Кии – их многосюжетность. Это изображения «личин», зверей, птиц, змей, лодок, чашевидные углубления, концентрические круги. Основное место во всех трех группах петроглифов, безусловно, занимают стилизованные антропоморфные изображения – «личины». Их формы разнообразны: овальные, яйцевидно-овальные, сердцевидные, трапециевидные. Одни с ярко выраженным контуром, у других обозначены лишь глаза и рот. В сакачи-альянской группе присутствует несколько рельефных личин, выполненных на схождение двух или трех граней. В отдельную группу можно выделить череповидные личины, которые есть только на Сакачи-Аляне и Шереметьево. Отсутствие череповидных личин в рисунках на р. Кия, скорее всего, связано с более поздним возрастом этих петроглифов по сравнению с изображениями двух остальных групп.

К фаунистическим рисункам Сакачи-Аляна, Шереметьево и Кии относятся изображения лося, оленя, тигра, кабана, птиц и змей. Фигуры лосей и оленей, выполненные в рентгеновском стиле, присутствуют во всех трех группах петроглифов. Из них самая крупная находится во втором пункте сакачи-альянских петроглифов. Это изображение лося на горизонтальной плоскости, заполненное орнаментом из завитков-спиралей и концентрических кругов, ниже расположено небольшое стилизованное изображение человека, стреляющего в него из лука. Рисунки оленей, выполненные в рентгеновском стиле, есть на скалах Шереметьево и Кии. В сюжетных мотивах петроглифов у с. Шереметьево особенно выделяются рисунки водоплавающих птиц. Один из них – изображение лебедя с крестообразным пересечением туловища.

Повышенный интерес к нижнеамурским петроглифам со стороны ученых, краеведов и просто туристов все глубже выявляет проблемы, связанные с их сохранностью и использованием. Постоянный мониторинг этих памятников, который проводится не один десяток лет, в последние годы показал, что все петроглифы требуют безотлагательных серьезных исследований и комплекса мер по их спасению. Негативное антропогенное воздействие видно на всех трех группах описываемых петроглифов. На поверхностях с петроглифами имеются следы современных надписей, а киинские рисунки были повреждены из огнестрельного оружия еще в 1960-е гг. Сейчас в самой критической ситуации находятся именно киинские петроглифы. Скальный массив с

древними изображениями интенсивно разрушается под воздействием сил природы. Неутешителен прогноз специалистов-геологов и минералогов, специально приглашенных для консультаций. Не принесла обнадеживающих результатов и работа по регулированию растительной среды, усиливающей разрушение базальтового массива. Сейчас рассматривается вопрос о копировании древних рисунков с применением современных технологий и последующем их изъятии и переносе в безопасное место.

Продолжается процесс разрушения скальной поверхности на р. Уссури у с. Шереметьево. В результате неотвратимых эрозивных процессов утрачено несколько рисунков в третьем пункте шереметьевских петроглифов.

Процесс перемещения во время весеннего ледохода базальтовых валунов с древними рисунками у с. Сикачи-Алян позволяет выявлять новые изображения (Ласкин, 2006). Кроме движения льдов, влекущего за собой перемещение камней с петроглифами в первом и втором пунктах Сикачи-Аляна, существуют и другие природные силы отрицательного воздействия. К ним относятся: сезонные колебания уровня воды в реке, резкие перепады температур и замораживание, ветровая эрозия, прогрессирующая растительная среда. Во время сезонных изменений уровня воды, и особенно весенних и летних паводков, река перемещает массы песчаных и илистых отложений, которые впоследствии осаждаются на камнях, находящихся в зоне затопления. После отступления воды слой ила под действием ветра, песка и солнца превращается в твердую корку. Кроме того, почвенные наносы способствуют активному росту растений, корни которых проникают в микроскопические трещины на поверхности камня и увеличивают их. В период высокой солнечной активности (с апреля по август) разница температур между теневой и освещенной гранями валунов достигает

30° С, что создает ежесуточные циклические напряжения в камне, способствующие трещинообразованию. Вода, песок с илом, ветер и солнце в той или иной мере подвергают камень постоянной природной обработке. На пористой поверхности базальта образуются новые углубления и трещины, а многократно проникающая в них и замерзающая зимой влага постепенно разрушает камень.

Сейчас перед заинтересованными государственными структурами и специалистами-археологами Хабаровского края стоит основная задача – сохранить памятники древнего наскального искусства для будущих поколений. Ведь на основе петроглифов выявляются культурно-этнические связи древнего населения Амура и их влияние на становление и развитие культуры коренных народов Приамурья. Образы, воплощенные в древних рисунках Сикачи-Аляна, Шереметьево и Ки, до настоящего времени присутствуют в национальных обрядах и декоративно-прикладном искусстве нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев.

Альфтан Н.А., 1895. Заметки о рисунках на скалах по рекам Уссури и Бикину // Тр. Приамурского отдела РГО. Хабаровск. Т. II.

Ветлицын П.И., 1895. Заметка о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамурские ведомости. Хабаровск. № 56.

Ларичев В.Е., 1966. Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. Сиб. отд. АН СССР. № 1: Сер. обществ. наук. Вып. 1.

Маак Р.К., 1861. Путешествие по долине р. Уссури. СПб. Ч. I.

Окладников А.П., 1951. Раскопки на Севере // По следам древних культур. М.

Окладников А.П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.
Штернберг Л.Я., 1933. Гольды // Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск.

А.И. Мартынов

Кемеровский государственный университет

О возможностях интерпретации тюркских средневековых наскальных изображений

В центре Горного Алтая, в месте слияния рек Каракол и Урсул находится гора Бичикту-Бом. На поверхности сланца на ее южных склонах нанесено около тысячи композиций и отдельных рисунков. Бичикту-Бом – это древний природно-исторический

памятник, святилище, возникшее на рубеже нашей эры. Большое количество петроглифов, сконцентрированных в одном месте, позволило выделить изображения хуннского периода, древнетюркские рисунки VI–VIII и IX–XI вв., изображения уйгурского

периода и времен борьбы с енисейскими кыргызами и джунгарами.

Среди петроглифов Бичикту-Бома есть изображения, связанные с мифологией и эпосом алтайцев. Они выделяются размерами, расположением над общей массой изображений или какими-то деталями, которые можно объяснить как мифологические символы. Их несколько. Это священное животное, как правило, олень, баран или конь; священные дерево и гора; священный мифологический образ – Ульгень, Умай или Эрлик. Все это, несомненно, связано с основными мировоззренческими представлениями.

Причем изображения на плитах Бичикту-Бома не являются иллюстрациями конкретных действий. Они отражают изначальные мифологические категории и составляют мифо-эпическую часть традиционной культуры. Дерево с его кроной, стволом и корнями символизировало представление о трехчленной структуре мира, его круговороте – и в то же время было «дорогой шамана» в небесный мир. Мифологическое дерево – это еще и мировая ось, опора и основа мироздания. Отождествление корня и предка было проявлением универсального мироощущения. По этой причине мы не можем изображения деревьев воспринимать как реальные. С двумя деревьями спускается с небес Умай, с деревом, посохом, опорой связывается большая группа духов. Родственниками шамана, его опорой, корнями тоже были дерево, ствол, палка. Это комплекс, составляющий основу мифологического мировоззрения, философию понимания окружающего мира. На этой общей основе строятся и более конкретные мировоззренческие комплексы изображений.

В рисунках Бичикту-Бома, очевидно, отразился погребальный комплекс с его набором действий, обрядов, символов, ритуалов и комплекс эпический.

Многие животные, изображенные на скалах Бичикту-Бом, имеют нарочито гипертрофированные рога, необыкновенно большие, длинные или невероятно разветвленные. Конечно, это не обычные олени и бараны, основное у них – не фигура животного, а рог, на котором и акцентируется внимание. Рог в данном случае выступает как символ, аналог Древа жизни. С такими рогами-деревьями, кустами мы встречаемся и на других памятниках скотоводческого мира Центральной и Средней Азии.

Такая трактовка священного животного не случайна, она возникла задолго до тюркской эпохи, еще в бронзовом веке, несла многозначную смысловую нагрузку и была своего рода мифологическим символом эпохи. Рог обладает теми же реальными функциями, что и дерево: он растет, меняется, обновляется. И это было важно, т. к. заключало в себе моменты движения, жизни.

Среди композиций есть два рисунка, которые можно принять как изображения Умай и Эрлика. В одном случае – это огромное человекоподобное существо, изображенное в фас, с круглым лицом, в окружении хаотичного нагромождения линий и животных, неясных очертаний деревьев и гор. На другом рисунке изображена большая антропоморфная фигура, тоже анфас, с расставленными в стороны руками, в длинной одежде. Руки и ноги заканчиваются пальцами в виде отростков. Возможно, это образ Эрлика, который в шаманской мифологии алтайцев воспринимался как корень, связанный с нижним миром, и в то же время как опора, основа, предок.

Не случайны и хаотичные линии, круги, перекрещивающие изображения, делающие их неясными, завуалированными. При копировании тюркских композиций они обычно воспринимаются как зачеркивание, перекрывание, уничтожение изображения. Однако в большинстве случаев перекрещивающие линии и сам рисунок одинаковы по «загару» и, очевидно, составляют одно целое. Скорее всего, круги, спирали, линии, зигзаги и черточки, среди которых просматриваются неясные очертания животных и людей, передают состояние стихии. Вероятно, таким путем передается сам процесс в понимании того человека, который изображал. Может быть, так выражается сложность создания мира и присутствие персонажей мифологии – Ульгения, Эрлика, Тенгри или Кудая. Каждый из них выступает в роли демиурга и хранителя какой-то из сфер мироздания. Предпочтение как создателю мира можно отдать Тенгри (Кудая). Однако в этом процессе участвует и Эрлик. Кудай создает землю, а Эрлик – горы и болота. Ими создан весь средний мир – материальный, животный и растительный (рис. 1, 2).

Таким образом, мифологические образы, эпические сюжеты, шаманская атрибутика и основные мифологические сюжеты, составляющие основу традиционной духовной культуры народа, приобрели материализованное воплощение в рисунках святилища Бичикту-Бом.

Рис. 1. Огромная фигура. Возможно, Умай. Бичикту-Бом

Рис. 2. Эрлик с пальцами в виде корней

*А.Н. Мухарева**Кемеровский государственный университет*

Сюжетные композиции в наскальном искусстве Саяно-Алтая (эпоха раннего средневековья)

Изучение изобразительных памятников имеет большое значение для реконструкции мировоззрения, военного дела, хозяйственных занятий и других сфер жизнедеятельности древних обществ. Весьма информативны в этом плане раннесредневековые изобразительные источники, созданные тюркоязычными народами Саяно-Алтая. Яркое и своеобразное изобразительное искусство данного периода представлено обширным корпусом источников, среди которых наименее изученными, пожалуй, остаются наскальные изображения. Особенно ценны сюжетные композиции, позволяющие не только глубже постичь содержание изображенного, но и проследить генезис и эволюцию стиля, выявить определенные закономерности, присущие средневековым изобразительным источникам.

Анализ изобразительных источников Саяно-Алтая позволяет выделить основные критерии атрибуции средневековых петроглифов, включающие не только стиль и иконографию, ведущие образы эпохи, но также и технику их создания.

Раннее средневековье – это время оживления военной активности, усиления роли предводителя, воспевания его подвигов. В числе основных сюжетов эпохи – батальные сцены, сцены охоты, перекочевок, ритуалов, борьбы животных. Главенствуют образы всадников и пеших людей – воинов и охотников, вооруженных копьями, луками и другими видами оружия, а также знаменосцев – активных участников этих сцен. Кроме того, присутствуют изображения реальных и фантастических животных.

Исторические реалии позволяют получить представление о внешнем облике и одежде персонажей, используемом оружии и защитных средствах, снаряжении лошадей и т. д. в конкретный исторический период. Способствуя определению времени создания изображений, реалии также дают возможность «увидеть» способы ношения одежды и причесок или использование «в действии» конкретных видов оружия.

Анализ техники нанесения рисунков в данный исторический период опровергает весьма распространенное мнение об исключительном преобладании в это время техники резьбы или гравировки. Петроглифы демонстрируют наряду с резными

рисунками выбитые и шлифованные. В связи с широким распространением в средневековом искусстве техники гравировки представляется перспективным изготовление прорисовок изображений по цифровым фотографиям при сильном увеличении (например, петроглифы Чаганки, Сулекской писаницы). Данный метод позволяет выявить многие важные элементы изображений, невидимые для невооруженного глаза.

Анализ стилистических элементов позволяет выделить и охарактеризовать несколько вариантов изобразительной традиции древнетюркской эпохи Саяно-Алтая. Один из вариантов представлен динамичными изображениями, выполненными в «классической» для древнетюркского времени манере и принадлежащими, вероятно, алтае-телесским тюркам. Второй вариант демонстрируют петроглифы памятников Шишкино и Улазы. В формировании этой стилистической группы рисунков принимало участие как пришлое население, являвшееся носителем новой культуры, так и местное, таштыкское, что предопределило сочетание в изображениях различных стилистических элементов. Самостоятельную группу, отражающую стадию формирования нового стиля или сосуществования различных традиций, составляют выбитые изображения всадников на территории Алтая. Еще один вариант образуют петроглифы Сулекской писаницы, демонстрирующие иранское и китайское влияния, особенно ярко проявившиеся в изображении некоторых статичных фигур.

Героическая тематика предыдущих эпох нашла развитие в раннесредневековом изобразительном искусстве, которое отразило основные идеалы времени, связанные с доблестью воина, охотника, запечатлело ритуальные действия. Сцены становятся более динамичными, вводятся новые образы. Ведущий образ эпохи – мужчина-победитель, воин или охотник. Во многих публикациях сцены охоты и батальных рассматриваются как иллюстрации к эпосу или героическим сказаниям разных народов, где охота является одной из возможностей демонстрации силы, ловкости, умений героя или богатыря, поскольку с древности ее считали одним из средств подготовки к войне. Неоднократно подчеркивался и героический или эпический характер некоторых

охотничьих или батальных композиций на предметах декоративно-прикладного искусства (Грязнов, 1961 и др.). Наскальное искусство свидетельствует, что и в петроглифах Саяно-Алтая получили отражение темы героической охоты и подвигов. Сцены на скалах, как бы перекликаясь со сценами на кудыргинских пластинах, передают охоту героя одновременно на различных животных.

Наскальные изображения демонстрируют популярный в средневековом изобразительном искусстве сюжет единоборства богатырей, соревнующихся друг с другом в силе и ловкости. Известны также сцены с участием нескольких противостоящих воинов, стреляющих друг в друга из луков или пронзающих друг друга копьями (может быть, подобным образом условно передавали коллективные столкновения?). Участники батальных сцен вооружены. Встречаются воины, оснащенные несколькими видами оружия, одновременное применение которых в реальной практике не представляется возможным (памятник Чаганка). Сходство внешнего вида участников батальных действий, идентичность доспехов и набора предметов вооружения позволяют делать вывод о том, что изображены «одноэтничные» воины (Ермоленко, 2005).

В сценах охоты и батальных отдельные участники выделяются своими атрибутами – костюмом, прической, конским снаряжением, свидетельствующими о том, что здесь запечатлен герой-воин-охотник. Не исключено, что большая часть сюжетных композиций, представляющих охоту или баталии, передает подвиги героев (батыров), а не повседневные занятия обычных людей. Эти сцены демонстрируют охотничью и боевую удалость и ловкость – если персонаж обладает этими качествами, он уже не является обычным, сходным с другими.

Важная роль отводилась образу знаменосца, который был связан не только с ритуальными, но и с батальными сценами, занимая в них одно из ведущих мест. Сцены со знаменосцами получают в этот период широкое распространение. Изобразительные источники демонстрируют использование знамен для обеспечения войсковой коммуникации. Знамя являлось символом, почетным знаком отличия, указывало на принадлежность к отряду, с его помощью отдавались приказы и распоряжения. Формы и типы изображенных знамен разнообразны: с полотнищами в виде прямоугольника на верхнем конце древка, иногда с треугольным вырезом по свободному краю или с украшениями в виде кистей. Среди петроглифов наиболее представительна серия бунчуков и небольших флажков, насаженных на копьяд или пики. С бунчуками или с небольшими флажками на копьях (пиках), всадни-

ки часто изображены мчащимися, нацелившись на противника, либо в момент нанесения удара. Изобразительные источники сопредельных с Саяно-Алтаем территорий (пластины из Орлата, Кызыльские фрески и др.) дают представление и о более сложных вариантах знамен, например о так называемом «драконовом знамени». Возможно, знамена, увенчанные драконьей головой, использовались для устрашения врага с целью его дезорганизации и одержания быстрой победы.

Остаются популярными сцены борьбы животных, прежде всего верблюдов и лошадей. Изображение борьбы животных известно в изобразительном искусстве предыдущих эпох: данный мотив появляется еще в эпоху бронзы, имеет широкий ареал, зафиксирован как в письменных, так и в изобразительных источниках. Сохраняется он в изобразительном искусстве до эпохи средневековья – именно к этому периоду относят наиболее поздние в хронологическом отношении сцены противостояния и борьбы животных, известные по петроглифам Саяно-Алтая. Вероятно, именно в это время рассматриваемые образы и идеи, с ними связанные, становятся здесь популярными. Варианты интерпретаций этого сюжета связаны с мифологическими и эпическими представлениями разных народов или культом плодородия. Факты борьбы животных отражены также в некоторых письменных источниках.

Появляются эпизоды ритуальных действий (сцены коленопреклонения и др.), неизвестные в изобразительном искусстве предыдущего периода. Участники таких сцен особо украшены: на них пышная одежда, оригинальные головные уборы; в отдельных случаях прослеживаются этнические черты. Данные мотивы являются универсальными и получают отражение как в изобразительном искусстве Саяно-Алтая и сопредельных с ним территорий, так и в эпосе.

Таким образом, анализ сюжетных композиций, представленных в петроглифах Саяно-Алтая, позволяет полнее охарактеризовать особенности раннесредневекового наскального искусства, стиль и иконографию изображений, основные темы и образы этого времени, обусловленные культурными и мировоззренческими ценностями раннесредневекового населения.

Грязнов М.П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3.

Ермоленко Л.Н., 2005. Изображение одинаковых или одноэтнических противников в свете эпического мотива тождества «героя» и «врага» // Мир наскального искусства. М.

*С. В. Ошибкина**Институт археологии РАН*

Искусство эпохи мезолита

В окружающей человека действительности существуют мир фактов и мир знаков, иными словами, материальная и духовная культура. При этом вещи духовной культуры, или предметы искусства, особенно знаки и символы, являются источником, позволяющим составить представление о духовной стороне жизни древнего населения, его отношении к окружающему миру, в том числе даже о космогонических представлениях. Искусство палеолита известно на многих пещерных памятниках и стоянках Европы, о его возрасте и особенностях сложились определенные представления, по этому поводу существует обширная литература.

Искусство мезолита известно в меньшей степени, поскольку изучение самой эпохи начато сравнительно недавно, к тому же существование этого исторического периода признано не всеми. Памятники мезолита – это чаще всего стоянки зандровой зоны с бедным или нарушенным культурным слоем, обычно не сохраняющим никаких органических остатков, в том числе и предметов искусства. Однако открытия последнего времени, и особенно изучение торфяниковых стоянок и поселений, позволяют думать, что в эпоху мезолита у побережий Балтики, в лесной зоне и на севере Восточной Европы на протяжении бореала и в начале атлантикума существовали группы населения с достаточно развитой материальной и духовной культурой. Можно назвать несколько археологических культур, на поселениях, стоянках и в могильниках которых сохранились художественно оформленные изделия. Условно могут быть выделены несколько центров искусства мезолита. Следует отметить, что искусство древних по определению не соответствует современным представлениям о роли и значении творческой деятельности человека в обществе.

Существует проблема особенностей мезолитического искусства в отдельных регионах, или этнокультурных различий в среде древнего населения. В этой связи возникают следующие вопросы. Какие именно предметы той или иной культуры оформляли орнаментами или скульптурными деталями? Какие различия присутствуют в стилистике орнаментов? Присутствуют ли среди предметов искусства скульптурные и графические изображения, каковы их сюжеты? Известны ли метки на оружии? Какие художественные предметы помещали в погребения, если таковые известны?

В мезолите важным поделочным материалом служили кости животных. В зоне таежных лесов орудия и оружие делали из костей и рога лося, использовали зубы бобра и мелких пушных зверей, кости водоплавающих птиц, а также собаки. Западнее, у побережий Анцилового озера, в зоне смешанных лесов, применяли не только кости лося, но также рог благородного оленя, клыки кабана, изредка находят изделия из панциря черепахи. Размеры костяных изделий зависели от формы и размеров естественных заготовок. В известной степени форма и размеры костяной заготовки определяли особенности орнамента или резного изображения. Иногда отмечают сходство костяных орудий, в том числе орнаментированных, найденных в разных регионах, что дает основания выделять некие огромные общности эпохи мезолита. Однако это сходство кажущееся, связанное с природными особенностями использованных человеком костей-заготовок. Что касается художественного оформления предметов, оно позволяет видеть характерные особенности искусства у разных по происхождению групп населения, не образующих этнокультурных общностей.

Одним из центров мезолитического искусства является культура веретье, которая существовала на севере, в районе ледниковых озер Восточного Прионежья, на протяжении бореального периода. Наиболее представительная коллекция предметов происходит с поселения Веретье 1 (более 70 экз.), где раскопками вскрыта обширная площадь (рис. 1, 2). Другие поселения и стоянки культуры веретье, даже раскопанные малыми площадями, во всех случаях содержали предметы искусства, сохраняющие традиционные орнаментальные композиции и детали оформления, которые оказались консервативнее, чем меняющие форму орудия, что зависело от их назначения. Подобная устойчивость орнаментальных композиций и деталей, не имеющих функционального значения, подтверждает лишний раз этнокультурное единство охотников-собирателей, оставивших памятники культуры веретье. Большая часть орудий с орнаментами, скульптурными деталями и метками является личным оружием, в меньшей мере украшены орнаментами бытовые орудия, в том числе деревянные. Среди орнаментов представлены геометрический, прочерченный, овальные нарезки в виде поля. Графические рисунки размещены на плоских поверхностях лопаток лося, реже на оружии.

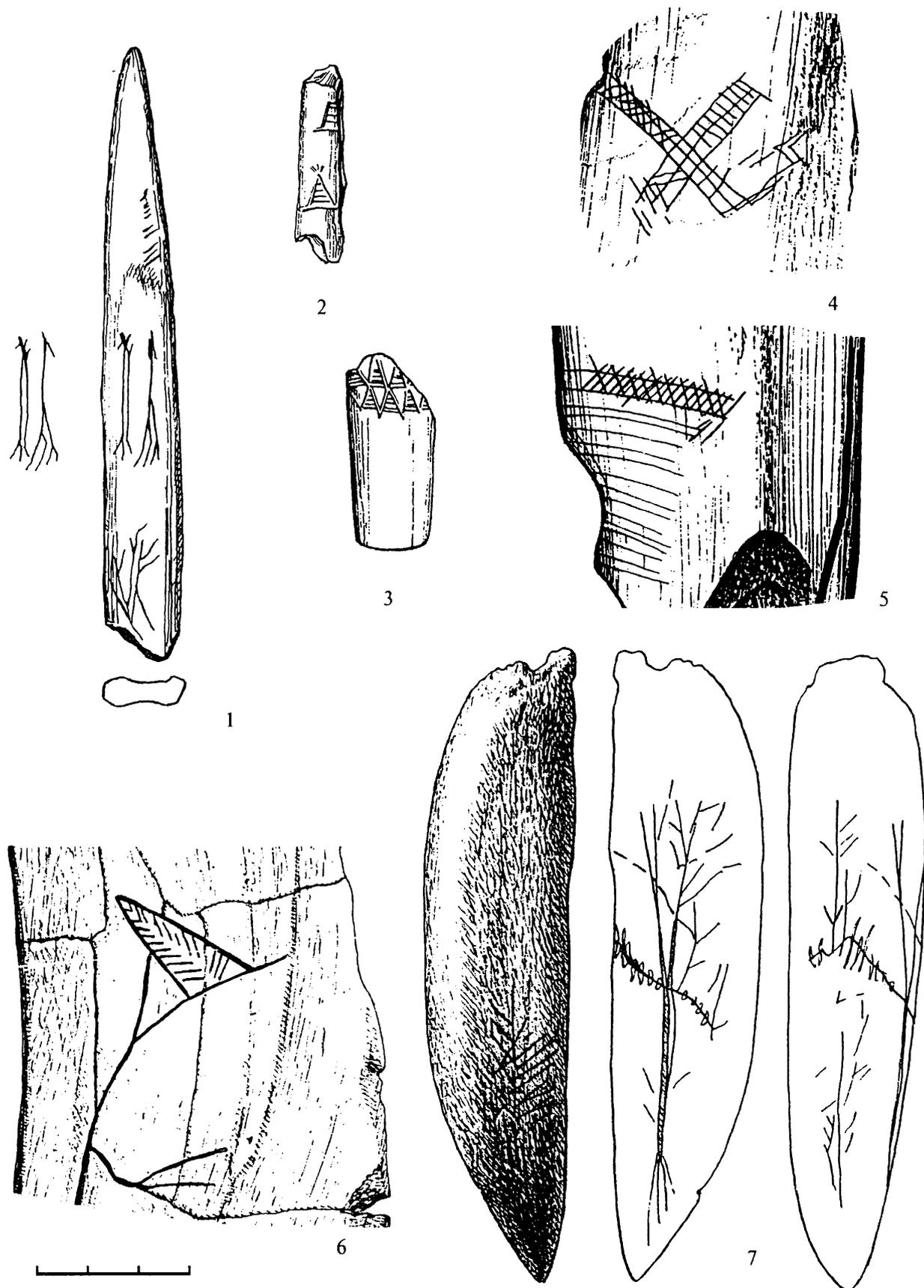

Рис. 1. Гравировки на костяных орудиях культуры веретье. 1, 4, 5 – Веретье 1; 2, 3 – Сухое; 6, 7 – Нижнее Веретье

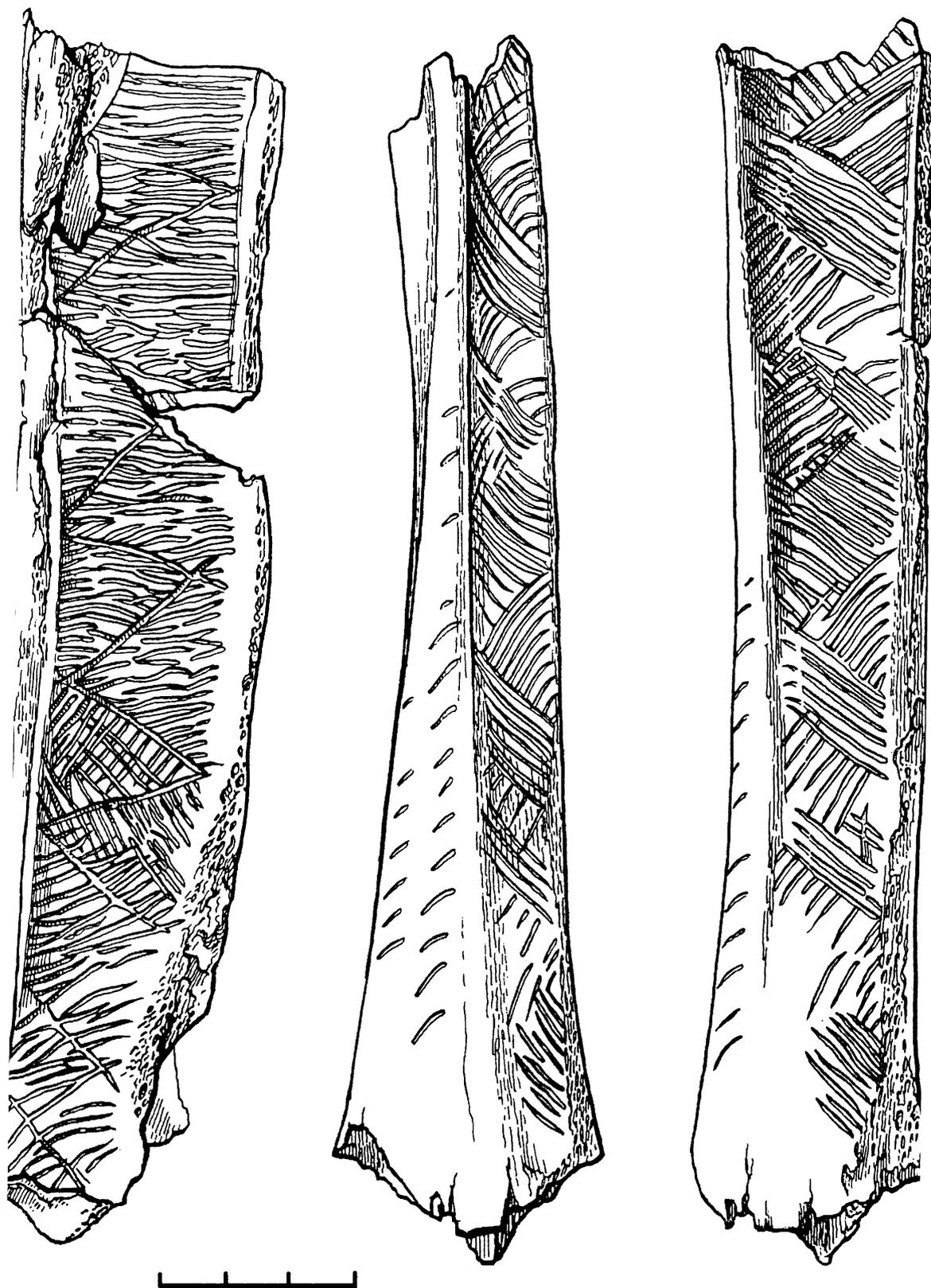

Рис. 2. Пример геометрического орнамента. Кинжал из лопатки лося. Веретье 1

Сюжеты рисунков и скульптурные формы, не всегда ясные, в основном отображают животный мир, жилище или поселение. На одном из кинжалов прочерчены фигуры, похожие на антропоморфные (рис. 1: 1). В погребениях могильника Попово присутствуют украшения из зубов животных и оружие, все без орнамента. В одном случае в погребении женщины сохранился обломок кинжала с рисунком. Он найден под правой ключицей погребенной и мог быть оружием убийства. Весь комплекс предметов искусства культуры веретье отличается своеобразием. Особенностью является полное отсутствие орнаментов на костяных гарпунах, представленных большой серией (более 200 экз.).

В известном Оленеостровском могильнике найдены кинжал и пластинки с геометрическим орнаментом, а также скульптурные фигуры – изображения лосей, змеи, антропоморфные, в том числе двуликая фигурка. На стоянках онежской культуры, к которой относят могильник, подобные предметы не обнаружены, возможно, не сохранились.

На мезолитических памятниках Восточной Прибалтики, таких как Тырвала или Кунда, представлены костяные орудия охоты с геометрическим и прочерченным узором, есть рисунки в виде крестиков, наконечник из Кунды имеет метку из трех крестиков, что напоминает наконечники культуры веретье. Орудия с прочерченным орнаментом найдены в Польше и на севере Германии. Под Штеттином (местонахождение Podyuchy) среди случайных находок присутствуют роговые муфты с контурным изображением зверя и человека. Последнее имеет сходство и фигуркой на кинжале из Веретья 1. В мезолите Германии представлены геометрические и прочерченные орнаменты. Представляет интерес рог благородного оленя с заштрихованными треугольниками, похожими на изображения жилищ, и стилизованной фигурой животного.

В Верхнем Поволжье предметы искусства обнаружены на нескольких стоянках. Костяное оружие – наконечники, кинжалы, ножи – обычно имеют скромный орнамент в виде крестиков, нарезок, геометрических узоров. Рисунки практически неизвестны, метки на оружии включены в орнамент. Представляют интерес ножи, завершающиеся стилизованным изображением головы птицы, и скульптурные фигуры из рога. Особенно яркий набор художественных изделий происходит из Замостья 2, где найдены две роговые муфты в виде головы лося, покрытые сплошными резными узорами, и

серия камней или «чуринг» со сложными орнаментальными композициями. В Замостье 2, Озерках 5, Ивановском 7 представлены гарпуны, украшенные крестиком или нарезками. Костяные орудия стоянок Верхнего Поволжья отличаются своеобразной формой и деталями, а также орнаментальным оформлением. Заметные различия между орудиями и приемами их орнаментации могли быть связаны с разным возрастом стоянок. Могильники здесь неизвестны.

Необходимо упомянуть коллекцию Шигирского торфяника в Зауралье, откуда происходит серия костяных орудий, в том числе орнаментированных. Торфяник имеет огромную площадь, на которой существовал ряд стоянок разного времени. Коллекция в основной своей части собрана золотоискателями, опубликована В.Я. Толмачевым в 1913 г., вещи хранятся в Эрмитаже, ГИМе, Музее Екатеринбурга. В свое время принято было сравнивать эту коллекцию с мезолитическими памятниками европейского Севера России. Действительно, часть находок из Шигирского торфяника происходит из стоянок эпохи мезолита, хотя возраст может быть определен только типологически. В то же время, по форме, деталям оформления, способам оснащения костяной основы кремневыми лезвиями, особенно по орнаментальным композициям и их размещению, они отличаются от инвентарей европейских центров мезолита. Орнаменты на наконечниках, гарпунах и кинжалах резные, геометрические, выполненные исключительно тщательно.

Выводы. Известные в настоящее время центры мезолитического искусства соответствуют этнокультурным группировкам древнего населения и соответствуют уровню развития этих группировок.

Для выделения исторических общностей эпохи мезолита на всей территории от Прибалтики до Зауралья нет никаких оснований, поскольку существование подобных общностей противоречит самому образу жизни и социальной организации небольших групп охотников-собираателей бореального времени.

В каждом регионе может быть прослежено развитие не только каменной и кремневой индустрии определенной археологической культуры, но также изменения в приемах украшения оружия и орудий труда, в личных украшениях, в погребальных обрядах и этнографических подробностях организации поселений. При этом именно предметы искусства могут оставаться достаточно консервативными, что связано с устойчивостью основных традиций.

Т.М. Потёмкина

Институт археологии РАН

Лунарные и солярные символы онежских петроглифов (археoaстрономический аспект)

Петроглифы на Онежском озере известны науке 160 лет. На сегодня на восточном берегу озера открыто 1300 выбитых на скалах отдельных рисунков (Poikalainen, 2004. Р. 42). Они создавались в эпоху неолита в течение длительного времени (с конца V до середины III тыс. до н. э.) носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики (Савватеев, 1970. С. 132; Ошибкина, 1996. С. 215, 218). Среди них присутствуют оригинальные изображения в форме кругов, серпов и полумесяцев, от которых под углом или параллельно друг другу отходят 1–2 линии, нередко соединенные на концах прямой или округлой чертой. Все исследователи сходятся во мнении, что символические фигуры с лучами имеют принципиальное значение для понимания рисунков святилища в целом.

Уже первые попытки ученых понять смысл и назначение этих необычных по форме фигур привели к появлению многих версий. Основная дискуссия, продолжавшаяся более 70 лет, развернулась между двумя исследователями и их сторонниками. А.М. Линеvский определял эти изображения как капканы (Линеvский, 1939. С. 20–28); В.И. Равдоникас – как космические солярные и лунарные символы, а отходящие от этих знаков линии – как изображение лучей Солнца или Луны (Равдоникас В.И., 1936. С. 28; 1937. С. 12. Рис. 2). В последние годы все большее количество специалистов интерпретирует рассматриваемые фигуры как знаки, символизирующие Солнце и Луну (Савватеев, 1983. С. 94, 95; Poikalainen, 2004. Р. 18, 19, 43, 44. Fig. 18; Жульников, 2006. С. 62, 64). Однако убедительных доказательств этому пока не существует, как и определенного мнения по поводу того, что могут означать линии, отходящие в одну сторону от этих изображений.

Единственным исследователем, который рассматривал онежские символические фигуры с точки зрения не только их общей солярной и лунарной семантики, но и астрономической ориентации, был Ф.В. Равдоникас. Он пришел к выводу, что система изображений в форме кругов и полумесяцев является лунным календарем (Равдоникас Ф.В., 1978. С. 129, 130).

Автор данной публикации рассматривает вопрос, связанный с солярными и лунарными фигурами, более комплексно, привлекая наряду с ар-

хеологическими методами исследования данные археоастрономии. Основу комплексного подхода составляют результаты археологических исследований символических фигур с учетом их изобразительных, культурно-хронологических, природно-географических, топографических и астрономических особенностей. Прежде всего, это касается взаимосвязи между ориентационной функцией фигур, особенностями их форм и значением азимутов, вычисленных по направлениям лучевых частей знаков согласно Ф.В. Равдоникасу (1978. С. 121. Рис. 2).

Учитывая специфику поставленных задач, автор использует в настоящей работе символические фигуры с лучевыми линиями только из хорошо документированных изданий (Равдоникас В.И., 1936; Савватеев, 1970; 1983), позволяющих четко определить форму рисунков, их возможную ориентацию и топографическую привязку относительно Севера. Таких рисунков насчитывается всего 62.

Рассматриваемые изображения расположены в исключительных топографических условиях: на мысах восточного берега, глубоко вдающихся в озеро и направленных мысовой частью почти точно на запад. Рисунки выбивались у самой воды на оконечностях мысов и прибрежных островках, где скалы почти горизонтальные, с ровным уклоном и гладкой поверхностью.

Астрономические особенности, связанные с движением основных светил на широте расположения Онежского озера (61°40' с. ш. и 36° в. д.), состоят в том, что вертикальная скорость восхода и захода Солнца и Луны здесь маленькая. В связи с этим скорость их появления над горизонтом и погружения за горизонт более медленная по сравнению с относительно южными широтами. Азимуты восходов и заходов Солнца и Луны в значимые дни года для широты расположения святилища на период его функционирования (3500 г. до н. э.) вычислены по компьютерной программе Red Shift и представлены на диаграмме (рис. 1).

Согласно этим данным, в дни летнего солнцестояния долгота дня на Онежском озере составляет около 20 часов. Ночи в эти дни светлые, и хотя Солнце и Луна видны на небосводе, наблюдать их сложно. В дни зимнего солнцестояния день длится примерно 4 часа.

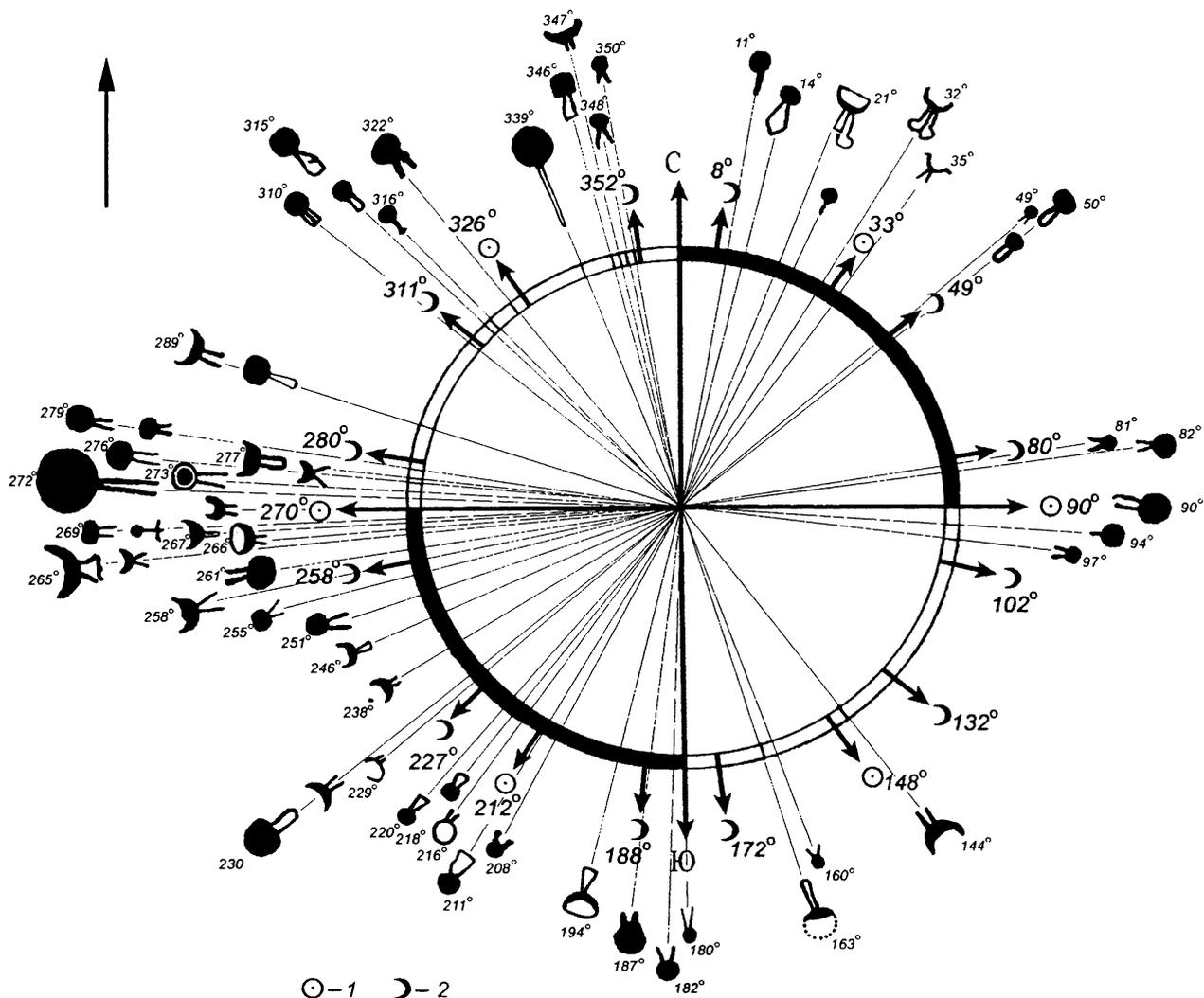

Рис. 1. Святилище на Онежском озере. Диаграмма распределения лунных и солнечных знаков на условном горизонте в соответствии со значением азимутов (см. также табл. 1). 1 – Солнце с указанием азимутов в дни солнцестояний и равноденствий; 2 – Высокая и Низкая Луна с указанием азимутов в крайних северном и южном положениях

Высокая полная Луна в период летнего солнцестояния поднимается над горизонтом лишь на высоту полградуса и фактически «катится» по горизонту в течение короткого времени – не более часа. Низкая полная Луна в это время находится на небе примерно 6 часов.

При зимнем солнцестоянии, когда высокая полная Луна находится в своей крайней северной позиции, она – практически незаходящая. Низкая полная Луна в эти дни также поднимается над горизонтом невысоко и светит до 18 часов.

При отмеченных выше особенностях – низком положении и относительно медленном движении над горизонтом – оба светила красиво отражаются на водной глади огромного Онежского озера с его безупречно ровным горизонтом. Большая часть озера прекрасно обозревается с далеко вдающихся в акваторию (до 750 м) мысов святилища.

В этих специфических условиях есть все основания предполагать, что своеобразными «астрономическими приборами» для древних наблюдателей могли служить отражения света основных светил на водной глади. Беру на себя смелость впервые выдвинуть гипотезу, что точными ориентирами на точки восходов и заходов Солнца и Луны на горизонте для наблюдателя на берегу могли служить *солнечные и лунные дорожки* на воде – хорошо заметные и точные естественные ориентиры (рис. 2: В).

В таком случае есть также основания полагать, что присутствующие на солнечных и лунных знаках парные лучевые линии изображают указанные выше дорожки и, опосредованно, азимуты восходов и заходов Луны и Солнца и должны быть направлены в сторону, противоположную светилу на горизонте, т. е. к месту нахождения наблюдателя на берегу водоема.

4	Формы и ориентация лунных символов		
	Дни солнцестояний		
	Летнее	Зимнее	Дни равноденствий
II	1 2a 2	3	4 5 6 7
III	8		9
IV		10-15	16 17 18
V	13-24	25 26 27	28-32
VI	33 34		35 36
VIII	37 38 39	40	

5		Солярные символы		
		1	2	3
		4	5	6
		7	8	

B

Рис. 2. Лунные и солярные символы в петроглифах Онежского озера.

A – лунные символы: 1, 26, 29, 30, 32, 40 – Пери Нос III; 2, 2a, 8, 15, 17, 31, 33, 34, 36, 37, 39 – Карецкий Нос; -6, 7, 9, 10, 12-14, 18-20, 23, 24, 27, 28, 35 – Пери Нос VI; 3 – Гурьи Острова; 11 – Бесов Нос, северный мыс; 2, 25, 38 – Пери Нос III, экспозиция в Эрмитаже (1-40 – Равдоникас, 1936. Табл. 1; 2; 4; 7; 8; 12; 16; 20; 21; 23; 37 – Савватеев, 1970. Рис. 106; 108; 1983. С. 101. Фазы Луны – Климишин, 1985. С. 34; Цибульский, 1987. С. 13).

5 – солярные символы: 1, 2, 4 – Карецкий Нос; 3, 7, 8 – Пери Нос III; 5, 6 – Пери Нос VI (1, 3, 5, 6 – Равдоникас 1936. Табл. 2, 16, 20; 2, 4, 7, 8 – Савватеев, 1983. С. 83, 101).

B – схема восхода Солнца или полной Луны с отражением световых дорожек на водной поверхности озера и предполагаемым воспроизведением их в наскальных образах

В местных условиях, когда при восходе и заходе диск Солнца и Луны не только медленно появляется над линией горизонта или исчезает за ней, но и постепенно сдвигается вдоль линии горизонта в ту или другую сторону, сдвигается и отражение на воде световой дорожки относительно наблюдателя на берегу. В результате фиксируемые на рисунке ориентиры на восход (заход) наблюдаемого светила от появления (исчезновения) на горизонте первых его лучей или верхнего края диска до полного диска и наоборот отмечены двумя линиями, продолжающимися направления световых дорожек. Тем самым фиксировались видимые в процессе наблюдения края дорожки, отражавшие условное направление и время восходов (заходов) светил на горизонте (рис. 2: В).

С целью получения конкретных результатов все перечисленные выше показатели, характеризующие особенности символических рисунков, положены в основу различного рода корреляционных таблиц и диаграмм.

Основные выводы, полученные по результатам комплексного анализа фигур, сопоставляемых с лунными и солярными символами, сводятся к следующему.

Распределение рисунков относительно Севера и береговой линии на схемах их расположения на отдельных мысах показывают, что у 52 из 62 фигур (84%) лучевые линии направлены в сторону берега и следуют за его очертаниями.

Данные корреляционной таблицы и сводной диаграммы, с распределением всех рассматриваемых знаков на условном горизонте в соответствии с их основной формой и ориентацией, подтверждают в целом гипотезу автора о возможности фиксации азимутов восходов и заходов Луны и Солнца на го-

ризонте по лунным и солнечным дорожкам с помощью одинарных и парных линий (рис. 2: А).

Итоговые результаты анализа позволяют сделать заключение, что рассматриваемые знаки в подавляющей своей части являются лунными символами. При распределении по графам и на условном горизонте в соответствии с ориентацией Луны в различных фазах и в различное время года рассматриваемые изображения достаточно точно тяготеют к лунным азимутам в дни равноденствий и солнцестояний (рис. 1). Ориентация символических фигур на значимые солнечные направления здесь практически отсутствует.

Полученные данные свидетельствуют о том, что на онежском святилище зафиксированы азимуты восходов и заходов Луны во всех видимых фазах и во все сезоны года (табл. 1). Среди представленных в выборке символических фигур достаточно четко читаются образы молодой Луны, полумесяца, полной и старой Луны, соответствующие основным, а также промежуточным, фазам (рис. 2: А).

Наибольшее число лунных знаков имеет ориентиры, соответствующие азимутам восходов и заходов Луны в дни равноденствий. Поскольку в марте скалы Онежского озера еще покрыты ледяными торосами, то речь может идти только о днях осеннего равноденствия и близких к ним в сентябре – начале октября.

С азимутами Луны в дни летнего и зимнего солнцестояний связано почти одинаковое количество знаков, указывающих преимущественно на заходы Низкой полной Луны (табл. 1).

Присутствие среди символических фигур онежского святилища знаков, ориентированных на точки восходов и заходов, близких к азимутам Высокой и Низкой Луны в зимнем солнцестоянии,

Таблица 1. Соотношение фигур, изображающих Луну в различных фазах и сезонах на святилище Онежского озера

Фазы Луны Сезоны года		Молодая Луна, заход	Полумесяц растущий	Полная Луна		Старая Луна, восход	Всего	
				восход	заход		кол-во	%
Летнее солнцестояние		1	–	2	9	3	15	24
Равноденствия		12	2	5	11	–	30	50
Зимнее солнцестояние		–	–	6	9	1	16	26
Всего	Кол-во	13	2	13	29	4	61	100
	%	21	3	21	49	6	100	100

труднообъяснимо, учитывая особенности природных условий на широте памятника. Вероятнее всего, за этими действиями стоят какие-то более глубокие явления, связанные с движением Солнца и Луны, осознанные человеком уже в древности. Например, понимание обратного значения азимутов восходов и заходов Солнца и полной Луны в значимые дни года.

Особенности исполнения некоторых рисунков, выбитых контурно, их ориентация, характер взаиморасположения с лунными знаками дают основание считать их солярными символами. Таких знаков на онежском святилище известно всего восемь (рис. 2: Б, 1–6). К их числу, вероятно, относятся также кружки с треугольными зубчиками (рис. 2: Б, 7, 8).

Лунарные символы онежского святилища подтверждают существующее в науке мнение, что смена фаз Луны была первым астрономическим явлением, на которое обратил внимание человек (Климишин, 1985. С. 33, 34). Одна из важных причин наблюдения за Луной в ту эпоху может быть связана с существованием лунного календаря, который считается наиболее ранним.

Жульников А. М., 2006. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск.

Климишин И. А., 1985. Календарь и хронология. М.

Линевский А. М., 1939. Петроглифы Карелии. Петрозаводск. Ч. 1.

Ошибкина С. В., 1996. Неолит лесной зоны. Север Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М. (Археология.)

Равдоникас В. И., 1936. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.

Равдоникас В. И., 1937. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. № 4.

Равдоникас Ф. В., 1978. Лунарные знаки в наскальных изображениях Онежского озера // У истоков творчества. Новосибирск.

Савватеев Ю. А., 1970. Залавруга // Археологические памятники низовья реки Выг. Л. Ч. 1: Петроглифы.

Савватеев Ю. А., 1983. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск.

Цыбульский В. В., 1987. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М.

Poikolainen Väino, 2004. Rock Art of Lake Onega. Tartu.

Н. С. Савельев

Центр этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа

Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация

Одной из характерных особенностей ряда памятников лесостепи Южного Приуралья последних веков до н. э., относимых к кара-абызской культуре, являются находки бронзовых предметов в зверином стиле. Наиболее известными среди них являются так называемые «оленные бляхи» – поясные пряжки и подвески из Охлебининского, Уфимского, Биктимировского могильников, группы I Шиповских курганов и т. д. (Пшеничнюк, 1976; Королькова, 2006; Овсянников, 2006; Савельев, 2008).

Самая первая поясная пряжка в виде фигуры стоящего оленя была найдена еще в начале XX в. около д. Булычевка в среднем течении р. Уфа. Долгое время эта находка была единственной и поэтому неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, относивших ее к савромато-сарматскому звериному стилю (см., напр.: Смирнов, 1976. С. 75). Однако уже в 1960-е гг. А. Х. Пшеничнюком была получена основная серия «оленных блях» (около 20) и сделано заключение о том, что «кара-абызский

“звериный” стиль весьма своеобразен, устойчив и присущ только рассматриваемому узкому району. Прямых аналогий эти предметы за пределами территории центральной Башкирии не имеют» (Пшеничнюк, 1973. С. 238).

Распространение изображений оленя, как и других образцов скифо-сибирского звериного стиля, в кара-абызской среде непосредственно связано с появлением в середине I тыс. до н. э. в приуральской лесостепи населения – носителя *гафурийского комплекса* материальной культуры (Овсянников и др., 2007; Савельев, 2008). Особенностью его являлось активное смешение с местными племенами и долгое, до конца I тыс. до н. э., существование основного комплекса привнесенной материальной культуры в сильно смешанном виде. Полученные в последние годы результаты позволили вернуться к первоначальному (1960-е гг.) мнению о раннепрохоровской атрибуции гафурийских древностей и сделать заключение о проникновении группы кочевников

Южного Зауралья по системе горных долин на правом берегу р. Белая и их прямом участии в «сарматизации» кара-абызской культуры (Савельев, 2007; 2008). Одним из наглядных подтверждений данного вывода являются «оленные бляхи».

Иконография изображений на бляхах очень близка: олень стоит в спокойной позе, обращенная вперед голова с явно выраженной горбоносостью поставлена прямо, длинное острое ухо вытянуто горизонтально назад, шерстяная опушка на груди, идущие до конца туловища тяжелые ветвистые рога с передним противостоящим отростком, показаны все четыре ноги, объединенные внизу в единую колодку, бедро намеренно подчеркнуто. По технике изготовления и стилистике все известные экземпляры делятся на 2 типа, включающих по 2 подтипа.

Тип 1 – «реалистический». **Подтип 1** (рис. 1: 7, 8). На общем фоне стилизации основные черты изображаемого животного прослеживаются хорошо. Снижение реалистичности проявляется во все более обобщенной передаче мелких деталей. Снижается четкость в передаче тела животного, особенно линии спины, уже практически слившейся с рогами. Рога изображаются в виде ряда вертикальных S-видных фигур, стилизованных под головы грифонов, направленные клювами к голове оленя. На спине округлым выступом показана лопатка, причем на одном из экземпляров она передана рельефом.

Характер изменений свидетельствует о многократном копировании с помощью восковой модели не исходного образца, а копий с него.

Подтип 2 (рис. 1: 9–13). Бляхи уменьшаются в размерах, форма становится ближе к прямоугольной, нарушаются пропорции изображений. Характерной чертой является исчезновение отдельных деталей, морда то пропадает, то закручивается в спираль, ухо редуцируется. Рога сливаются с туловищем и показываются только рядом круглых отверстий под верхним краем пластины. Глаза оленя и грифонов либо исчезают, либо изображаются в виде неестественно расположенных врезных окружностей. Рельефная профилировка исчезает, многие детали прорабатываются врезными линиями.

Данные хаотические изменения свидетельствуют о практически полной утрате изначального иконографического канона и общей деградации образа, а также об изготовлении блях этого подтипа в специальных формах.

Тип 2 – «схематический». **Подтип 1** (рис. 1: 14, 15). Форма блях прямоугольная, размеры уменьшены. Тело оленя переформируется в S-видную фигуру, окантованную псевдошнуром. Ноги переданы прямыми тяжами. Изгиб бедра задней ноги сливается с изображением туловища, образуя нижнюю

петлю S-видной фигуры. Морда исчезает, основной акцент в этой части изображения делается на гипертрофированное ухо. Рога преобразуются в планку из горизонтальных S-видных спиралей, передний завиток изображает первый (противолежащий) отросток рога. Последний завиток обозначает свернутый в спираль хвост.

Появление типа 2.1 свидетельствует о передаче изображения стоящего оленя в совершенно ином стиле и, видимо, носителями совершенно иных образительных традиций. Формирование этого типа произошло на относительно ранней стадии функционирования образа стоящего оленя в кара-абызской среде: в типе 2.1 особый акцент делается на те элементы, которые в типе 1.2 уже полностью деградировали.

Подтип 2 (рис. 1: 16) продолжает линию развития типа 2.1, но происходит еще большее изживание элементов первоначального образа. Линия спины выпрямляется, а линия бедра переформируется в самостоятельный S-видный завиток. Ухо трансформируется в повернутую назад голову, появившийся дополнительный спиралевидный завиток изображает глаз. Еще более гипертрофированным стало изображение хвоста.

Для всего типа 2 характерно изображение копыта в виде тройных арок. Возможно, этот прием вырастает из традиции изображения когтей хищников, что характерно как для Саяно-Алтайского региона, так и для Южного Урала.

Все рассмотренные изображения оленя из лесостепи Южного Приуралья показывают линию развития одного исходного иконографического типа (ср.: Королькова, 2006. С. 41, 42). Одной из важнейших объединяющих черт образов кара-абызских оленей является традиция изображения четырех ног, что особенно характерно для аржано-майэмирского стиля. К другим типобразующим признакам относятся поднятый круп, выделенная лопатка, длинные рога, вытянутые до конца туловища и стилизованные под головы ушастых грифонов, шерстяная опушка на шее, общая S-видность туловища, выделенная линия бедра, показ задних ног с выделенными коленными суставами и т. д. Важно отметить и то, что все рассматриваемые олени кара-абызского ареала сконструированы по единой схеме, состоящей из четырех горизонталей: линии рогов, линии морды, глаза и уха, линии туловища и линии окончания ног, что дополнительно подчеркивается их объединением в общую колодку.

Даже наиболее ранние изображения оленей, известные в ареале кара-абызской культуры, несут на себе явные черты огрубления, что не позволяет рассматривать их в качестве исходных. Истоки данного

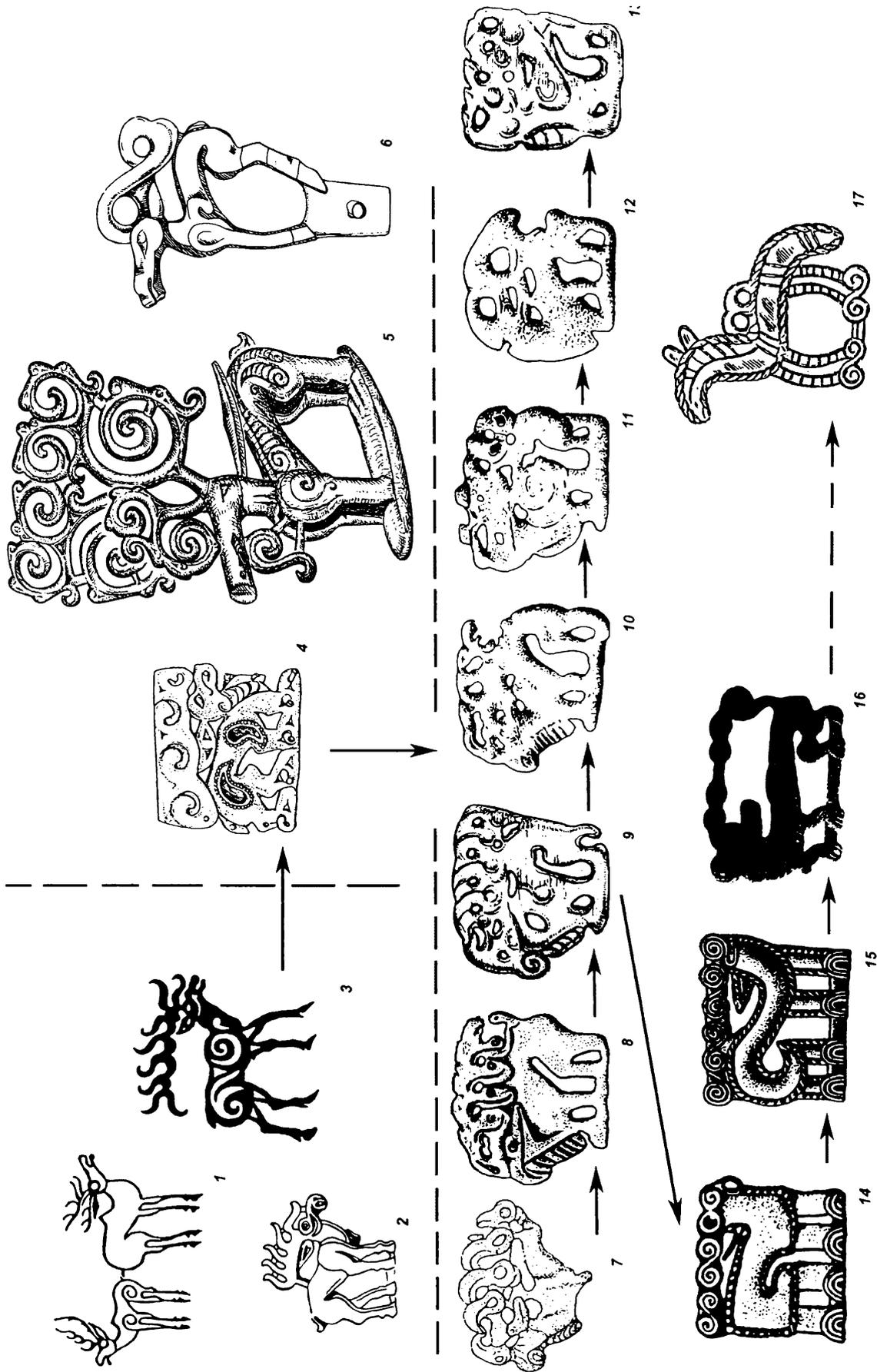

Рис. 1. Истоки образа стоящего оленя и его трансформация в лесостепи Южного Приуралья (вторая половина – конец I тыс. до н. э.). 1 – Аржан, оленный камень; 2 – Енисейский или Минусинский уезд; 3 – Тузукта 2; 4–6 – Филипповский I курган; 7, 10–12 – Шиповские курганы (группа 1); 8 – Биктимировский III могильник; 9, 13 – Охлебининский могильник; 14 – Уфимский могильник; 15 – Биктимировский могильник; 16 – Екатеринбург (Пермская обл.); 17 – Ошкнинский могильник (пьяноборская культура, II–III вв. н. э., р. Вятка). (7, 8 – тип 1.1; 9–13 – тип 1.2; 14–15 – тип 2.1; 16 – тип 2.2)

иконографического типа – на совершенно иных территориях и относятся к значительно более раннему времени.

Так, по трактовке уха, морды и глаза кара-абызские олени не выходят за рамки традиции изображения травоядных в искусстве Саяно-Алтая VI–V вв. до н. э., тяготея к еще более раннему времени (Баркова, 1995. С. 74). Переходя к более общим моментам, отметим, что все или большинство изображений оленей Саяно-Алтая, стоящих на четырех ногах, аржано-майэмирского и более позднего, пазырыкского, времени имеют общую схему, представленную и на оленных бляхах кара-абызской культуры Южного Приуралья.

На Южном Урале только в одном памятнике – Филипповских курганах – ярко проявляется данная схема, причем не только на изображениях оленей. Филипповские же олени данной схемы (большие деревянные скульптуры, часть золотых накладок, бронзовое навершие в виде стоящего оленя) очень близки рассматриваемым кара-абызским образцам (Пшеничнюк, 2006). Однако ближайшая аналогия – это золотая обкладка деревянного сосуда, имеющая сходство, близкое к тождеству (Там же. Рис. 9, 7, 8). Вероятно, именно этот вариант изображения стоящего оленя и мог являться региональным прототипом кара-абызских образцов. Отметим также, что наиболее ранние в эволюционном отношении оленные бляхи являются парными поясными пряжками. В настоящее время ближайшими аналогиями им являются золотые пряжки с изображением лежащего оленя из Иссыка (Акишев, 1978. С. 28. Илл. 19) и деревянные пряжки с изображением идущих барсов из Ак-Алахи I (Полосьмак, 1994. С. 37, 38. Рис. 32, 1).

Распространение в лесостепи Южного Приуралья поясных «оленных блях» привело к сильной трансформации исходных изображений, с постепенной утратой зооморфности, к выработке новых, иногда достаточно сложных, форм, а также к общему усилению декоративности. При этом бляхи типа 1 («реалистичные») полностью деградировали и постепенно вышли из употребления, а бляхи типа 2 («схематические»), возникнув на относительно раннем этапе бытования в приуральской лесостепи изображений типа 1, существовали в местной финно-пермской среде по меньшей мере до рубежа

эр. Сохранение же самого изображения стоящего оленя, даже в столь сильно переработанном виде, свидетельствует о достаточно долгом бытовании отдельных элементов привнесенной кочевниками традиции у лесостепного и даже лесного приуральского населения.

Акишев К.А., 1978. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М.

Баркова Л.Л., 1995. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // АСГЭ. Вып. 32.

Королькова Е.Ф., 2006. Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.

Овсянников В.В., 2006. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов В.В., Васильев В.Н., 2007. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа.

Полосьмак Н.В., 1994. «Стерегушие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск.

Пшеничнюк А.Х., 1973. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа. Т. 5.

Пшеничнюк А.Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А.Х., 2006. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа.

Савельев Н.С., 2007. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа.

Савельев Н.С., 2008. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Мат. междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург.

Смирнов К.Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Д. Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет

Изобразительный пласт как форма существования и изучения наскального искусства (по материалам Центральной Азии и Сибири)

Основная задача исследователя, занимающегося изучением изобразительных памятников древности, независимо от того, в каком материале выполнены те или иные изображения (петроглифы, рисунки на каменных стенах, мелкая пластика, художественная бронза), заключается в максимальном приближении, насколько это возможно, к творческой «лаборатории» создателей изображений, которая складывается из многих компонентов. Это и положительный опыт (свой и предшественников, включая технику исполнения изображений); и неизвестные нам образцы, служившие примером для подражания; и особая значимость некоторых художественных образов; и аура их восприятия соплеменниками; и индивидуальные способности автора; и многое другое, образующее то, что может быть определено как *изобразительный пласт*.

Выражение «пласт» довольно часто встречается в специальной литературе – стилистический пласт, хронологический, художественный, семантический, историко-культурный. В этом же ряду употребляется понятие изобразительный пласт, которое по содержанию не адекватно всем перечисленным и имеет вполне самостоятельное значение. Изобразительный пласт — это пространственно-временное распространение изображений, выполненных в одной изобразительной традиции, соответствующей определенному состоянию духовной культуры. Это то конкретное «поле», где формы существования и возможности изучения изобразительных памятников соприкасаются наиболее близко.

Основой для выделения изобразительного пласта является серия однородных, стилистически определенных и хорошо «узнаваемых» изображений. В этом отношении понятие «стиль» является стержневым для каждого изобразительного пласта. Примеры таким образом выделенных «стилей» в петроглифике Центральной Азии и Сибири достаточно многочисленны: минусинский и ангарский стили эпохи неолита; окуневский, сейминско-турбинский и карасукский стили эпохи бронзы; аржано-майэмский стиль раннескифского времени; пазырыкский стиль ранних кочевников Горного Алтая; «лабиринты» – идеограммы хуннского времени; реалистический стиль многофигурных композиций эпохи раннего

средневековья. Вместе с тем, любой изобразительный пласт включает большое количество изображений, не имеющих четких стилистических признаков и относимых к данному пласту только по условиям нахождения. Причины этого, скорее всего, кроются в семантической значимости определенных стилистических приемов изображения. Петроглифы, находящиеся вне этого семантического поля, оказываются и вне «стиля». Один из примеров этого – крупные наскальные изображения в «стиле оленных камней» и композиционно связанные с ними, но совершенно невыразительные с точки зрения стиля, более мелкие рисунки.

В рамках изобразительного пласта стилистически определяемые изображения не только могут иметь различную датировку, но и вообще выходить за пределы периодов, установленных археологической периодизацией. Так, рисунки лошадей в характерном сейминско-турбинском стиле переживают андроновскую эпоху, для которой наличие фигуративных изображений проблематично, и сохраняются в петроглифах Казахстана вплоть до сакского времени. Окуневская изобразительная традиция закрепилась в антропоморфных личинах из Тувы (Мугур-Саргол и др.), относящихся, по всей вероятности, к следующему историческому периоду. Изображения лосей в ангарском стиле продолжают существовать в эпоху бронзы и даже позже; однако от этого принадлежность их к неолитической традиции не меняется. Очень длинную хронологию демонстрируют подобные изображения на Томских писаницах, хотя распределение их в соответствии с археологической периодизацией – от эпохи неолита до времени кулайской культуры включительно – вряд ли правомерно. Возможно, здесь отражена какая-то иная, еще не познанная форма существования памятников древнего искусства. В этом плане дискуссионный вопрос о самых древних изображениях на открытых плоскостях Южного Алтая (Калгуты) предпочтительно решается в пользу их палеолитической принадлежности, но не в смысле точной датировки, а сохранения той – палеолитической – традиции. Применение к подобным изображениям термина «эпипалеолит» представляется наиболее оправданным.

В многослойных петроглифических комплексах изображения различных пластов «накладываются» друг на друга, образуя сложную хроностратиграфию, изучение которой подобно исследованию поселений. Наиболее насыщены в этом отношении местонахождения Саяно-Алтайской горной системы, особенно Монгольского Алтая. Однослойные петроглифические комплексы, отражающие длительное, переходящее из эпохи в эпоху существование одной изобразительной традиции, обычно связаны со столь же устойчивым существованием одного хозяйственно-культурного типа (например, петроглифы Пегтymeля).

Понятие изобразительного пласта не исключает наличия определенного центра сложения данной изобразительной традиции и, соответственно, возможности определения векторов ее распространения с учетом «скользящей» хронологии – от более ранних изображений к более поздним, часть которых уже является репликами полузабытых образцов. Именно так выглядят наскальные рисунки в «стиле оленных камней» монголо-забайкальского типа из Ферганы и Казахстана (Тамгалы-Тас). На периферии изобразительного пласта количество соответствующих изображений обычно уменьшается, а их характерные стилистические особенности упрощаются (трансформируются).

Особый вопрос – хронологическое соотношение относящихся к одному изобразительному пласту петроглифов и предметов мелкой пластики, которые имели иное, отличное от наскальных изображений, функциональное назначение (например, различного рода наконечники). Синхронизация их возможна (за исключением каких-то редких случаев) в широких рамках существования данного изобразительного пласта в целом, т. е. не является основанием для абсолютной датировки. Обращает на себя внимание и явное стилистическое несоответствие относящихся к одному периоду (или даже одной археологической культуре) некоторых наскальных изображений и бронзовых художественных изделий (например, вполне реалистических зооморфных наконечников карасукских ножей и кинжалов и крайне схематизированных петроглифов карасукского стиля). В то же время, наскальные изображения сейминского пласта были выделены, наоборот, по характерным особенностям мелкой пластики. Очевидно, этот вопрос требует специального изучения.

Изобразительный пласт – это определенный пространственно-хронологический «объем» произведений древнего искусства, создатели которого были связаны между собой какими-то общими представлениями, говорили на одном «языке», обладали единой системой ценностей и традицией передачи их последующим поколениям. В этом плане понятие изобразительного пласта коррелирует с этнокультурным (может быть, этнолингвистическим, в понимании А.П. Окладникова и В.Н. Чернецова) ареалом. Носители одной и той же изобразительной традиции должны были быть понятны друг другу, обитать в одном и том же мифологическом пространстве, адекватно оценивать причинно-следственные связи окружающего мира.

Многочисленность наскальных изображений создает видимость сюжетного разнообразия петроглифов. На самом деле, если оперировать понятием изобразительного пласта, количество устойчиво повторяющихся композиций сравнительно невелико. За каждой из них стоит определенный мифологический (а начиная, вероятно, с хуннского времени – эпический) сюжет, смысл которого может быть понят исходя из контекста самих изображений. Так, антиподально расположенные фигуры означают противостояние, перевернутые – поражение (смерть), круговые композиции – реинкарнацию (возрождение), выделение одной, более крупной фигуры – знак доминирования (или многократности усиления) данного персонажа и т. д. Это позволяет в объяснении смысла и содержания петроглифов отойти от заведомо обезличенных универсалий и обратиться к фольклорным материалам конкретных этнических общностей, обитающих в том же культурно-экологическом пространстве. Локальные различия в изображении одних и тех же сюжетов могут быть определены как *изобразительные диалекты* и стать, наряду с рассмотрением произвольно избранных персонажей (образ оленя, кабана, всадника, лучника и т. д.), темой самостоятельного научного исследования.

Таким образом, изобразительный пласт как форма существования наскального искусства позволяет в равной степени сконцентрировать внимание на данных археологии (условия нахождения, контекст), искусствоведения (стилистический анализ) и мифологии (решение вопросов семантики), т. е. то, к чему стремится современное петроглифоведение.

М.Б. Слободзян

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Об одной группе изображений животных Сакачи-Аляна

Наиболее ярким сюжетом петроглифов Нижнего Амура являются многочисленные антропоморфные личины-маски, широко известные благодаря работам А.П. Окладникова (1968; 1971). Они стали своего рода визитной карточкой наскального искусства данного региона. В этой заметке хотелось бы остановиться на небольшой и, на первый взгляд, менее яркой группе изображений, которые А.П. Окладников выделил в архаический комплекс наскальных рисунков Сакачи-Аляна (Окладников, 1971. С. 86). По описаниям автора, к ней относятся 19 фигур животных и 2 птиц, выбитых на девяти камнях (№ 9, 20, 21, 22, 28, 37, 51, 62, 69). Все они, за исключением одного камня, расположены в пункте втором,

где сосредоточена основная масса петроглифов. По мнению исследователя, эти изображения отличаются две главные особенности: массивное туловище с непропорционально большой головой и «характерная графическая манера передачи ног тремя короткими вертикальными полосками» (Окладников, 1971. С. 79). Контур туловища животных остается при этом разомкнут в области ног. Аналогичным образом, «разомкнутыми желобками», оформлена нижняя часть туловища двух птиц (Там же. С. 86). Именно последняя особенность позволяет предложить новый взгляд на восприятие этих необычных изображений, находящийся, тем не менее, в русле идей, высказанных А.П. Окладниковым.

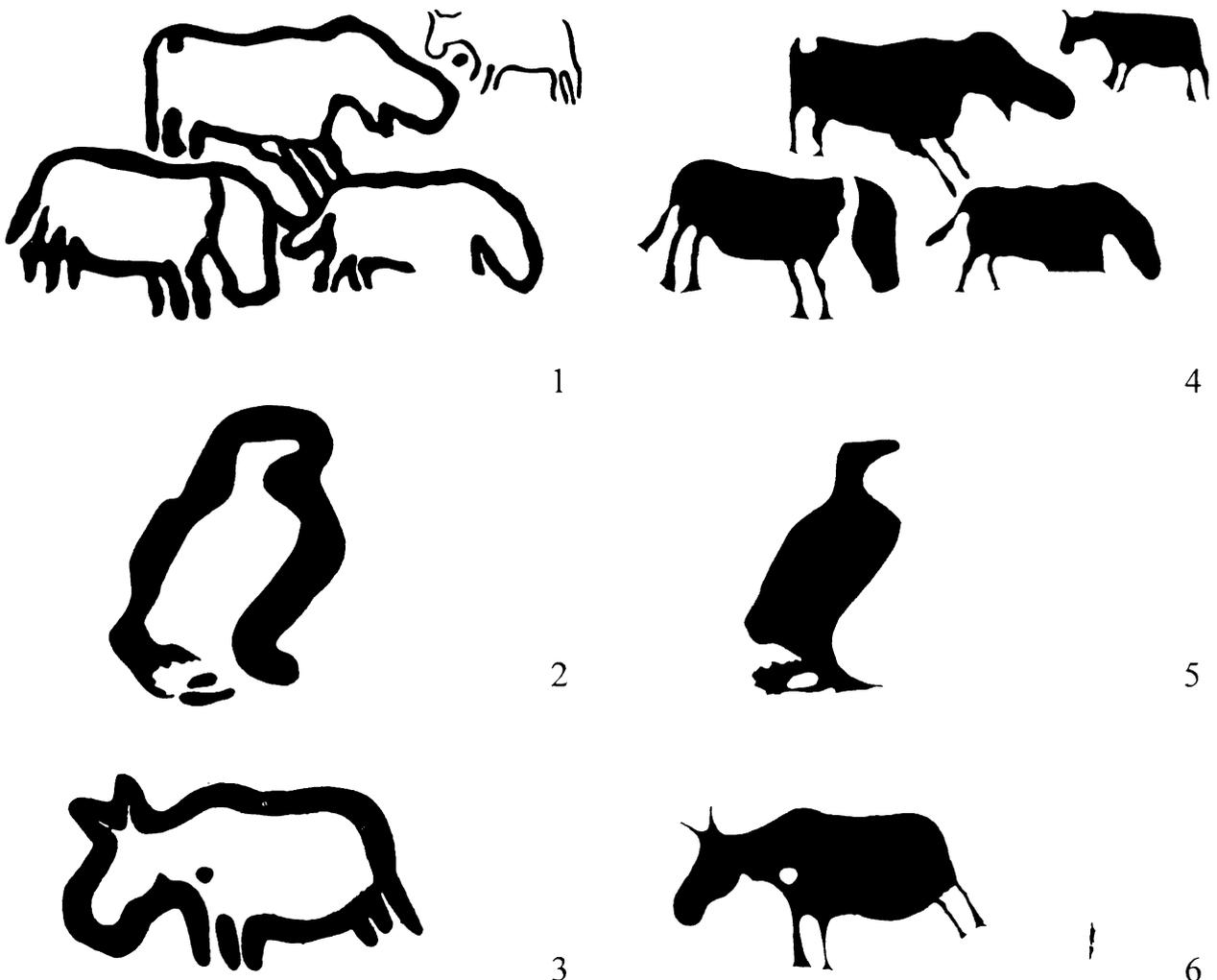

Рис. 1. Изображения животных. Сакачи-Алян. 1-3 – восприятие изображений как контурных фигур (по: Окладников, 1971); 4-6 – предлагаемое восприятие изображений как силуэтных в низком рельефе

Описывая технику исполнения личин, автор подчеркивал стремление древних мастеров к объемности изображения, которая достигалась как сочетанием положительного и отрицательного рельефа (хотя автор и допустил некоторую путаницу в терминах, назвав отрицательный рельеф «горельефом»), так и расположением личин на выпуклой поверхности камня или на двух сходящихся под углом плоскостях (Там же. С. 76, 77). То же стремление к объемности можно видеть на некоторых петроглифах «арханчешской» группы. Широкий желобок, воспринимаемый как контур фигуры, в ряде случаев является не чем иным как выборкой фона вокруг силуэтного рельефного изображения. Короткие желобки не изображают, а ограничивают рельефные ноги животного, в нижней части сливающиеся с необработанной поверхностью камня. При таком восприятии становится понятным, что у животных показаны все четыре ноги, а фигуры не так уж тяжеловесны (рис. 1). Осо-

бенно хорошо это видно на фотографиях животных на камне 37 (Там же. Табл. 155) и птицы на камне 9 (Там же. Табл. 144). Если принимать за абрис изображения внутреннюю линию желобка, перед нами вместо тяжеловесной фигуры появляется вполне изящная птичка с острым клювом.

К сожалению, при написании данной работы использовались только опубликованные прорисовки и фотографии А.П. Окладникова, поэтому она носит гипотетический характер. Высказанные идеи, несомненно, нуждаются в проверке в полевых условиях, но если наши наблюдения верны, это поможет глубже понять, насколько высокий художественный уровень древнего искусства может быть отражен в грубых, на первый взгляд, произведениях.

Окладников А.П., 1968. Лики древнего Амура. Новосибирск.

Окладников А.П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет

Человек и его мир в наскальном искусстве тагарской эпохи

Художественные проявления тагарской эпохи долгие годы были известны главным образом по предметам прикладного искусства, передающего идеи эпохи преимущественно через зооморфные образы. Наскальное искусство значительно расширяет интерпретационные возможности, широко используя в своем репертуаре образ *человека*. Причем нередко это не просто сцены с одним-двумя персонажами, но и многофигурные композиции с несколькими десятками участников. Поскольку они обычно связаны с разнообразными предметами, мы получаем целый комплекс представлений о занятиях, быте местного населения, отчасти о внешнем облике людей этой эпохи, их жизненных установках.

Некоторые авторы, оценивая численное превосходство пеших людей над конными на писаницах Минусинского края, делали вывод об оседлости тагарского населения. Исследования последних лет, как правило, отмечают комплексный, скотоводческо-земледельческий характер хозяйства тагарцев. Таким образом, численное превосходство на изображениях пеших людей над конными не является показателем оседлости местного населения и связано,

скорее всего, с конкретными мировоззренческими установками.

Человек, представленный на петроглифах, исключительно редко изображался хотя бы относительно реалистично. Фигуры, как правило, схематичны, их основным маркером являются лишь характерные «султаны» на головах. У более реалистичных изображений встречаются некоторые разновидности головных уборов. Прежде всего, это своеобразные колпаки, иногда высокие, достигающие одной трети высоты человеческой фигуры. По археологическим материалам, подобных уборов нет не только у тагарского населения, но также и у их ближайших соседей. Очевидно, можно согласиться с мнением Н.Л. Членовой о возможном проникновении на берега Енисея племен саков-тиграхауда – «носящих высокие колпаки», – познакомивших с ними местное население. Судя по контексту наскальных композиций, такие колпаки использовались в особых случаях – при исполнении ритуалов; более низкие, практичные, – скорее всего, в военных условиях, вместо шлема. Кроме того, встречаются уборы типа шляпки с небольшими полями, а также широкополые уборы, конструктивные особенности которых

определить невозможно. Помимо султанов, головные уборы бывают украшены перьями или лентами. Встречаются также изображения людей с небольшими бородками, изредка – с косами.

В наскальных сценах человека окружают и сопровождают одушевленные и неодушевленные объекты; это животные (конь, олень, мелкий рогатый скот), оружие, жилища, утварь (котлы) и др. Но мы не увидим его в привычной повседневной жизни: судя по всему, здесь нет обыденных сцен. Главным образом человек запечатлен во время самых важных событий его жизни – на войне, охоте и в моменты исполнения ритуалов.

Антропоморфные образы, запечатленные в наскальных композициях, как правило, чрезвычайно деятельны. Сцены с их участием значительно расширяют наши представления о военном искусстве рассматриваемой эпохи. Помимо традиционного оружия, обнаруживаемого в погребениях, по петроглифам можно судить и о формах луков (скифского и большого сложносоставного), горитах и колчанах, способах их ношения пешими воинами и всадниками, а также о таких видах оружия, которые пока в погребениях не встречены, – клевцах и копьях. На скалах представлены также изображения некоторых защитных средств, например щитов, тоже пока известных исключительно по петроглифам. Наскальные изображения позволяют увидеть некоторые особенности ведения боя: подготовку к нему (например, изображения конных отрядов, стремительно мчащихся без оружия в руках, а также простое противостояние воинов); вызов на бой (изображение отряда, устремившегося к врагу с поднятым оружием – чеканами); саму схватку. Здесь мы видим и некоторые приемы рукопашного боя, например, когда один из воинов ухватывает противника за волосы и заносит над ним оружие. Этот прием был широко распространен в древности и известен по многочисленным изобразительным аналогиям. Тагарские воины использовали в таких случаях чекан или булаву, которыми наносили решающий удар противнику по голове (у греков это меч, у египтян – булава, и т. д.). И финальный этап – победа одного из участников боя и ранение или смерть другого, когда побежденный воин падает на колени перед победителем с поднятыми руками или оказывается лежащим у его ног.

Можно предположить, что сражения проводились не только в весенне-осенний период, но и зимой, о чем свидетельствуют изображения экипированных лыжников, вооруженных луками, копьями, булавами. В наскальных сценах человека нередко сопровождает конь. Кони под всадниками, как правило, породистые, что говорит об определенном уровне

развития коневодства. Но поскольку изображения седел единичны, говорить об их конструктивных особенностях не представляется возможным, хотя по имеющимся данным можно говорить об использовании местным населением седел мягкого типа. Об отсутствии жестких стремян свидетельствует тот факт, что ноги всадников строго не фиксированы.

Изобразительные источники, в отличие от других археологических материалов, позволяют понять некоторые этические идеалы эпохи. Например, батальные сцены дают представление об этической стороне ведения боя, поскольку отдельные сцены демонстрируют триумф победителя на фоне поражения одного из воинов. В некоторых композициях противник представлен убегающим, что издревле считалось позором для воина, а также в униженной позе – на коленях перед победителем. Кульминацией же многих батальных сцен является демонстрация смерти побежденных воинов, которые нередко изображались перевернутыми. Этот момент следует связывать с комплексом представлений о смерти вообще и процессом «перехода» умершего в загробный мир – другой важнейшей темой наскального искусства тагарской эпохи – в частности.

Создание петроглифов являлось составной частью ритуальных действий местного населения. Целая серия наскальных композиций позволяет реконструировать традиции их погребальной практики. Прежде всего, это проявляется в теме «перехода» умершего в иной мир, в сопровождении предназначенных для этой цели коней, специально подготовленных к жертвоприношению. Умерший, направляющийся в загробный мир, нередко изображался стоящим на коне, с руками, упирающимися в бока, что, очевидно, свидетельствовало о погребении героя (?). Фертообразная поза – поза агрессивности, вызова, – нередко использовалась в батальных сценах для маркировки «выдающегося» персонажа.

Как поселок мертвых (ирреальный) интерпретируется сцена Большой Боярской писаницы (по М.А. Дэвлет, Д.Г. Савинову и др.). Квадратные фигуры с изображением круга посередине на Малой Боярской писанице также трактуются как дома «мертвых», сооружавшиеся для сохранения тел покойных до погребения (Савинов, 2003. С. 101). Поскольку среди антропоморфных персонажей тагарской эпохи распространены фигуры с присогнутыми в коленях ногами, уместно сравнить ее со своеобразной позой (с поднятыми коленями) погребенных в могилах афанасьевской культуры (Там же), т. е. трактовать ее как позу мертвых. Умерших во время похоронных обрядов усаживали на какое-то сиденье и окоченевших в таком положении покойников клали в могилу (Грязнов, Вадецкая, 1968. С. 160, 161).

Не менее важным компонентом ряда наскальных сцен являются изображения *котлов*. Как правило, это котлы на поддоне с ручками. Кроме прямого утилитарного назначения, нередко котлы рассматриваются как ритуальный символ, как сосуды для заупокойной пищи, а также как показатели особого социального статуса их владельца. Л.Н. Ермоленко пришла к выводу об использовании таких котлов не только для варки мяса (в том числе жертвенных животных), но и для приготовления сакральных пьянящих напитков. По ее мнению, на писанице Хызыл-Хайя отражено использование скифских котлов для приготовления кумыса, сопоставимого с сомой индоариев (Ермоленко, 1998. С. 110–116). В некоторых сценах (Апкашево, Черный Июс) присутствовали котлы подобного типа с изображенными во внутренней части фигурами животных (мясо жертвенных животных?). Несмотря на разные, порой противоречивые, трактовки сцен с котлами, представляется наиболее обоснованным предположение, что на скалах котлы изображены именно в *сценах жертвоприношений*.

Следует отметить и тот факт, что петроглифы тагарской эпохи иллюстрируют некоторые темы мифов и сюжеты героического эпоса, имевшие широкое распространение в скифское время на всей территории Евразии. В них выявляются особо значимые фигуры – богатырей или героев, активных, находя-

щихся в гуще событий. Как и воспетые в устной традиции, эти герои участвуют в поединках, мчатся на конях, смело вступают в сражение с великанами, очевидно отстаивая интересы соплеменников («битва с великанами»), попадают в затруднительные ситуации и успешно преодолевают их («лабиринт»). В конечном итоге, во многих из этих сцен отразилась дуалистическая концепция борьбы доброго и злого начал, присущая, очевидно, тагарской культуре так же, как и многим другим культурам скифского круга. Как известно, краеугольным камнем всех индоиранских традиций было представление о космогоническом акте творения как о победе мирового порядка над хаосом, света над мраком и т. д., что в конечном итоге символизировало *победу жизни над смертью*.

Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968. Афанасьевская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней («Древняя Сибирь»). Л. Т. 1.

Ермоленко Л.Н., 1998. О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддоне) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М. Вып. 2.

Савинов Д.Г., 2003. К интерпретации изображений Боярских писаниц // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. Новосибирск.

Ю.П. Чемякин

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Бронзовая металлопластика из раннесредневековых памятников в бассейне Большого Югана

В 2000–2007 гг. в процессе раскопок раннесредневековых памятников на берегу юганской протоки Сартым-урий (окрестности с. Угут Сургутского р-на ХМАО – Югры) на городище Сартым-урий 18 и селище Сартым-урий 16 найдены уникальные предметы бронзовой пластики.

С городища происходят 2 прямоугольные бляхи-накладки и наверхие. Обломок прямоугольной бляхи и бляха в виде фигуры медведя найдены на селище Сартым-урий 16 (Чемякин, Фефилова, 2007). Эти изделия, имеющие аналогии в памятниках карымского типа, потчевашской, рёлкинской, верхнеобской культур, датируются карымским этапом обь-иртышской культурно-исторической общности. Еще две фигурки обнаружены на селище Сартым-

урий 16 в объектах, связываемых с вожпайским комплексом.

Самые ранние предметы происходят с городища. Бляха с изображениями трех горизонтально расположенных голов медведей (в ритуальной позе; рис. 1: 1) найдена рядом с очагом в жилище 4. Известно 65 прямоугольных блях-накладок, изображающих головы медведя между лапами. Н.В. Федорова (2000) относит их к иконографическому типу 5 (ИТ-5), выделяя в нем восемь вариантов. Бляхи с тремя головами, расположенными по вертикали или горизонтали, по Т.Н. Троицкой (2000), существовали в V–VII вв. Типологически наиболее похожи на юганскую обломки блях из д. Зародята, Верх-Саинского могильника (Пермская обл.) и из погребения XX могильни-

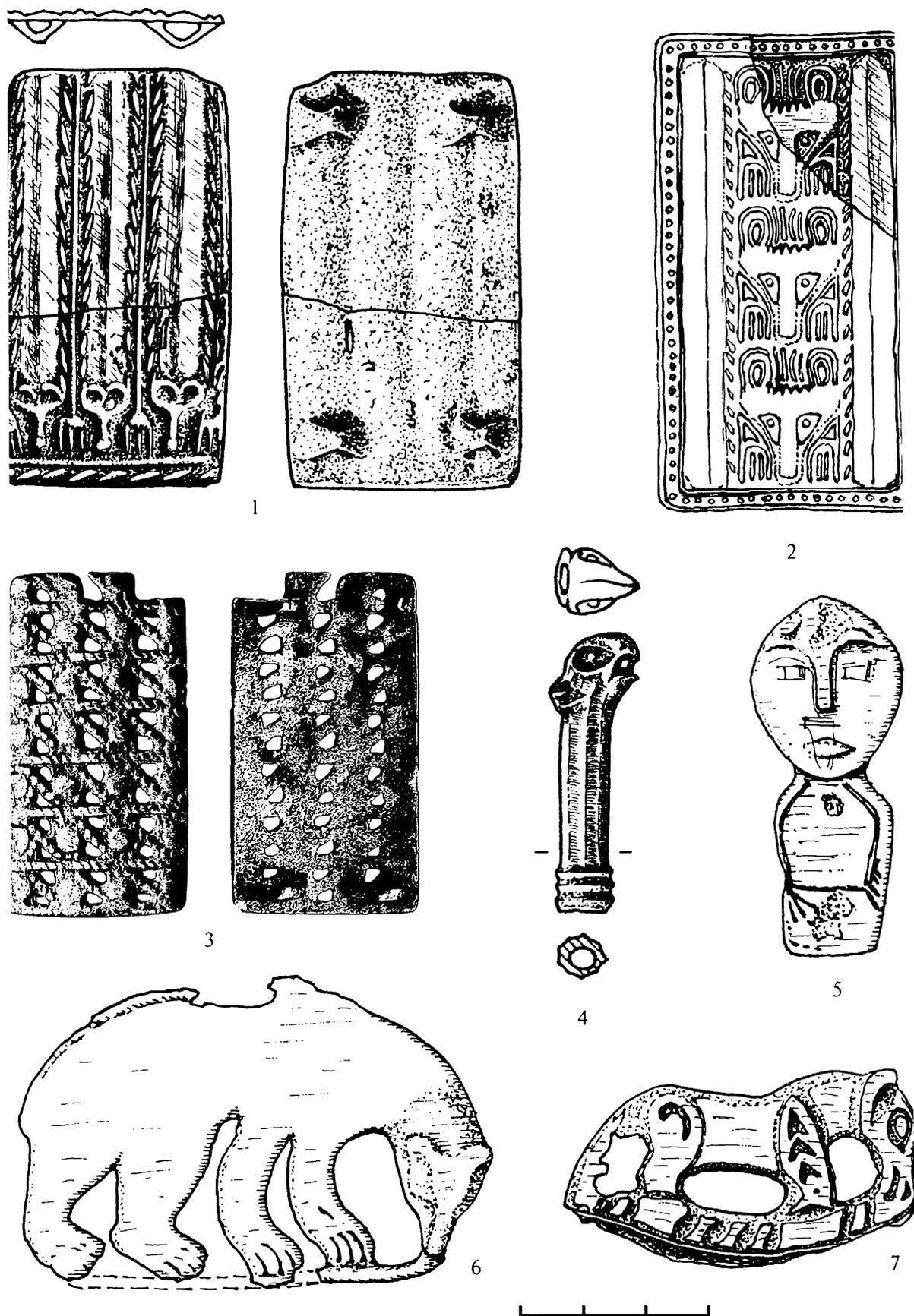

Рис. 1. Предметы бронзовой пластики из раннесредневековых памятников на берегу протоки Сартым-урий

ка Окунево III (Омская обл., потчевашская культура) (Могильников, Конигов, 1983). Хронологически и территориально ей близки и бляхи из Абатского 3 могильника, отнесенные к кашинской культуре и датированные V в. (Матвеева, 1994).

Прямоугольная ажурная бляха-накладка с геометрическим орнаментом тоже имела 4 ушка на обороте (рис. 1: 3). Похожие на нее, но не ажурные, бляхи обнаружены в карымском могильнике Усть-Тара VII и могильниках верхнеобской культуры (Скандаков, Данченко, 1999; Троицкая, Новиков, 1998).

Навершие имеет 9-гранную втулку, заканчивающуюся орнитоморфной головкой с крючковатым клювом и «ушами» из перьев на затылке (рис. 1: 4). Близкие, но более крупные навершия, завершающиеся головами оленей и лосей, найденные в окрестностях Сургута, на Конде и в Ямало-Ненецком округе, датированы в пределах VIII–XI вв. (Карачаров, 1993; Зыков и др., 1994; Сокровища Приобья... 1996. С. 55; Зыков и др., 2006). Приуральские навершия датируют более ранним временем – VII–VIII вв. (Оборин, Чагин, 1988. С. 89), а входящие в Подчеремский клад – V–VI и даже IV в. (Голдина, 1985. С. 116; Городцов, 1937).

Самой ранней из найденных на селище Сартым-урий 16 является фигурка медведя из жилища 10а. Бляха изображает зверя в профиль, с опущенной и повернутой в фас головой (рис. 1: 6). От основания морды к лапам идет узкая полоска – подставка, на которой стоит медведь. На обороте изделия, в самом верху, два недолитых ушка.

Профильные изображения медведей распространены от Приуралья до Верхнего Приобья. По Н.В. Федоровой, они относятся к ИТ-1 с двумя иконографическими вариантами: ИВ-1 и ИВ-2 (Федорова, 2000). В варианте 2 мы бы выделили подвариант – фигура медведя с головой, повернутой в фас. Фигуры, стоящие на основании, видимо, появляются в раннем средневековье, что связано с изменениями в технологии литья (Федорова, 2000. С. 40. Табл.; Троицкая, Дураков, 1995. С. 29, 31). Известны три профильные фигурки медведей, стоящих на подставке, с головой, повернутой в фас. Они происходят с памятников потчевашской (Адамов, 2000. Рис. 20, 4) и рёлкинской (Чиндина, 1977. Рис. 5, 13; 1991. Рис. 21, 10) культур. Наша бляха найдена в карымском жилище.

Обломок прямоугольной бляхи с головой медведя между лапами, позволяющий реконструировать все изделие (рис. 1: 2), найден под обваловкой жилища 6, керамический комплекс которого характеризуют вожпайские сосуды. На ее обратной стороне сохранилось ушко.

По Н.В. Федоровой, бляха принадлежит к ИТ-5:

ИВ-3 – прямоугольные бляхи с тремя головами медведя, лежащими между лапами; головы зверей расположены по вертикали, орнамент расположен по краю (Федорова, 2000). Мной такие изделия отнесены ко второй группе, типу III–3 (Чемякин, 2003). Почти все подобные бляхи найдены в Западной Сибири: на памятниках зеленогорского этапа обиртышской культурно-исторической общности, в могильниках потчевашской, рёлкинской и верхнеобской культур.

Кажется, вертикальные пластины с горизонтальным расположением голов зверя появляются не ранее IV в., бляхи с гладкими боковыми полосами, возможно, самые ранние из них. С V в. известны накладки с вертикальными полосами, украшенными умбонами, а с VI в. – бляхи с вертикальным расположением голов (Чемякин, 2003). Таким образом, бляха из Сартым-урия 16 может быть связана с поздним карымским слоем. Найденная в обваловке вожпайского жилища, она могла попасть туда во время его строительства или из осыпи выворотня.

Анализ угля со дна ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18 дал возраст 1785 ± 30 BP (Ле-7710). Уголь из кузны на селище Сартым-урий 17 дал дату 1680 ± 90 BP (Ле-7713). Видимо, к чуть более позднему времени относится возведение селища Сартым-урий 16. Концом карымского этапа следует датировать и описанную бляху.

Антропоморфная фигурка (рис. 1: 5) найдена на полу жилища 6. Недалеко от нее расчищены развалы сосудов вожпайского типа. На обратной стороне бляхи есть ушко. У фигурки овальное лицо. Нос, брови и рот выполнены высоким рельефом. Глаза процарапаны, над рельефным ртом процарапан прямоугольник. Руки, идущие вдоль тела, отделены от него неглубоким желобком, переходящим в пальцы. Таким же желобком обозначен пояс. Изделие оригинально, хотя известно более двух десятков антропоморфных фигурок, датирующихся временем существования вожпайских и кинтусовских древностей (преимущественно VIII–IX, иногда X в.). Многие из них найдены в Томско-Нарымском и Сургутском Приобье (Чиндина, 1991; Зыков и др., 1994; Первалова, Карачаров, 2006). Три антропоморфа обнаружены на территории усть-ишимской культуры (Конигов, 1993).

Общим для сургутских отливок является выполнение рук высоким рельефом. Они согнуты в локтях, ладони сходятся в нижней части живота. Часть отливок имеет петельку-ушко с обратной стороны, часть – сквозные отверстия в области шеи (плеч) для пришивания. У усть-ишимских блях руки отсутствуют или выделены желобком. Различаются бляхи оформлением голов и другими деталями.

Полая коньковая подвеска (рис. 1: 7) обнаружена в нише жилища 6. Переднее бедро коня орнаментировано картушем, заднее – вдавлением в виде запятой. Основание псевдо-витое.

К востоку от Урала найдено более 20 полых коньковых подвесок, различающихся по размерам и иконографии (Чернецов, 1957; Викторова, 1973; Зыков и др., 1994; Сокровища Приобья... 1996; Арне, 2005). Наша находка относится к типу приземистых коньков, стоящих на дугообразном основании, доходящем до морды животного. Ближайшие аналогии ей – подвески из могильников Барсов Городок, Сайгатинские III и VI в Сургутском Приобье и из могильника Ушья I в бассейне Конды (Федорова и др., 1991; Карачаров, 1993; Каменский, Жирных, 2006). Этот тип подвесок считается ранним (конец IX–X вв.).

Описанные находки расширяют наше представление о культуре древних обитателей западносибирской тайги. Обнаружены новые типы изделий. Особый интерес представляют отливки карымского времени – до сегодняшнего дня наиболее «темной» страницы в истории бронзового художественного литья сибирских аборигенов.

- Адамов А.А., 2000. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск.
- Арне Т.Й., 2005. Барсов Городок: Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут.
- Викторова В.Д., 1973. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. Вып. 12.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Городцов В.А., 1937. Подчеремский клад // СА. Вып. II.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н., 2006. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск. Вып. 3.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие. Екатеринбург. (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета.)
- Каменский С.Ю., Жирных Е.А., 2006. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск. Вып. 3.
- Карачаров К.Г., 1993. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

- Конилов Б.А., 1993. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск.
- Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.
- Могильников В.А., Конилов Б.А., 1983. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. № 2.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н., 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г., 2006. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М., 1999. Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодник. Омск. Вып. 3.
- Сокровища Приобья: Кат. выставки / Под ред. Б. Маршака, М. Крамаровского. СПб., 1996.
- Троицкая Т.Н., 2000. Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н. э. // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995. Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Федорова Н.В., 2000. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20.
- Чемьякин Ю.П., 2003. Образ медведя на прямоугольных бляхах Урала и Западной Сибири // Междунар. (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь.
- Чемьякин Ю.П., Фефилова Т.Ю., 2007. Художественная металлопластика из раскопок селища Сартым-урий 16 // Историческая наука и историческое образование: опыт взаимодействия. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. № 58.
- Чиндина Л.А., 1977. Могильник Рёлка на средней Оби. Томск.
- Чиндина Л.А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск.

Д.В. Черемисин

Институт археологии и этнографии СО РАН

К новейшим дискуссиям о семантике искусства звериного стиля: пазырыкские аргументы

Изучение древностей Евразии скифской эпохи сопровождаются дискуссиями о семантике искусства звериного стиля. Недавно прозвучала резкая критика исследовательского направления, связанного с именем Д.С. Раевского. В.А. Коренько претензии к реконструкциям Д.С. Раевского оформил как демонстрацию якобы неудовлетворительного состояния практики применения методов, по его мнению, лишь претендующих на статус «структурно-семиотических» (Коренько, 2002). Критик подвергает тотальному сомнению предложенные трактовки в рамках собственной «эндогенной» гипотезы, согласно которой истоки искусства звериного стиля связаны с субкультурой охотников-звероловов – участников облавных охот, добывавших охотничьи трофеи живьем.

Принимая во внимание изображения, подобные фигуре кабана на зеркале из могильника Жиланды, В.А. Коренько постулирует прочтение ряда сюжетов искусства звериного стиля как воспроизведение пойманных живьем и «связанных» диких животных и даже считает возможным определить способ «связывания». Эти заключения противоречат выводам Л.Б. Ермолова, показавшего, что только металлические орудия эпохи бронзы сделали охоту на дикого кабана относительно безопасной для человека (Ермолов, 1980). Еще более надежным способом добычи стало поражение кабана с лошади, именно данный сюжет запечатлен в евразийских изобразительных памятниках.

Следует отметить, что претенциозность публикаций В.А. Коренько и «строгость», с которой он проводит экспертизу представлений С.И. Руденко, Н.Л. Членовой, Д.С. Раевского, Д.Г. Савинова, Н.Ф. Корольковой, В.И. Абаева, столь существенно не соответствует методологии (в основе – искусствоведческой), на которой основаны его собственные «эндогенные» построения, что всерьез оценить глубину его экстравагантной гипотезы невозможно. Может быть, эксперимент – поимка голыми руками двух-трех диких кабанов – и опыт их связывания способом, «считанным» В.А. Коренько с зеркала из Жиланды, станет солидным аргументом в пользу его концепции*.

Зафиксированные на пазырыкских материалах принципы сочетания определенных зооморфных об-

разов с определенными группами артефактов, причем вне зависимости от социальных и половозрастных страт общества (часть анализа, соответствующая выяснению синтактики искусства звериного стиля как «текста») (Черемисин, 2006), подтверждают результаты семантических реконструкций Д.С. Раевским «картины мира» ираноязычного населения степной Евразии I тыс. до н. э.

Представления о зверином стиле как феномене, связанном с родовой знатью или с военной дружиной, сформированные на памятниках, не сохраняющих предметы из недолговечных материалов, не соответствуют реалиям пазырыкской культуры. Наличие одинаковых атрибутов с одинаковыми изображениями в социально разнородных захоронениях мужчин, женщин и детей заставляет видеть в стандартном наборе сопроводительного инвентаря выражение определенных мифологем, единых для всего общества, презентация которых в ритуале погребения языком изобразительного искусства кажется наиболее вероятной.

Как отмечает Н.В. Полосьмак, в большей или меньшей степени с образом птицы связана форма всех головных уборов пазырыкцев юго-восточного Алтая (Полосьмак, 1999). Деревянные навершия в Ак-Алахе I и уборы из войлока в Верх-Кальджине соответствуют форме головы птицы с клювом. Деревянные птицевидные навершия мужских уборов из курганов Юстыда и Уландрыка худшей сохранности аналогичны укокским экземплярам. Я предлагаю определение данной формы как соответствующей особенностям птицы, широко представленной в животном мире южного Алтая. Деревянные навершия головных уборов из Ак-Алахи I и форма мужских войлочных уборов из Верх-Кальджина II более всего сходны с обликом журавля-красавки (*Anthropoides virgo*) (рис. 1). Моногамность журавлей, впечатляющие брачные танцы, а также сезонность миграций этих птиц в высокогорье Алтая, очевидно, нашли отражение в мифологии пазырыкцев.

Общеиндоевропейское слово для обозначения журавля, видимо, имеет звукоподражательную природу, как и производные от основы *k'er- (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 540), что находит аналогии в языках народов Сибири, в том числе в этнонимах: Кара/Карра – «журавлиные люди» – этноним

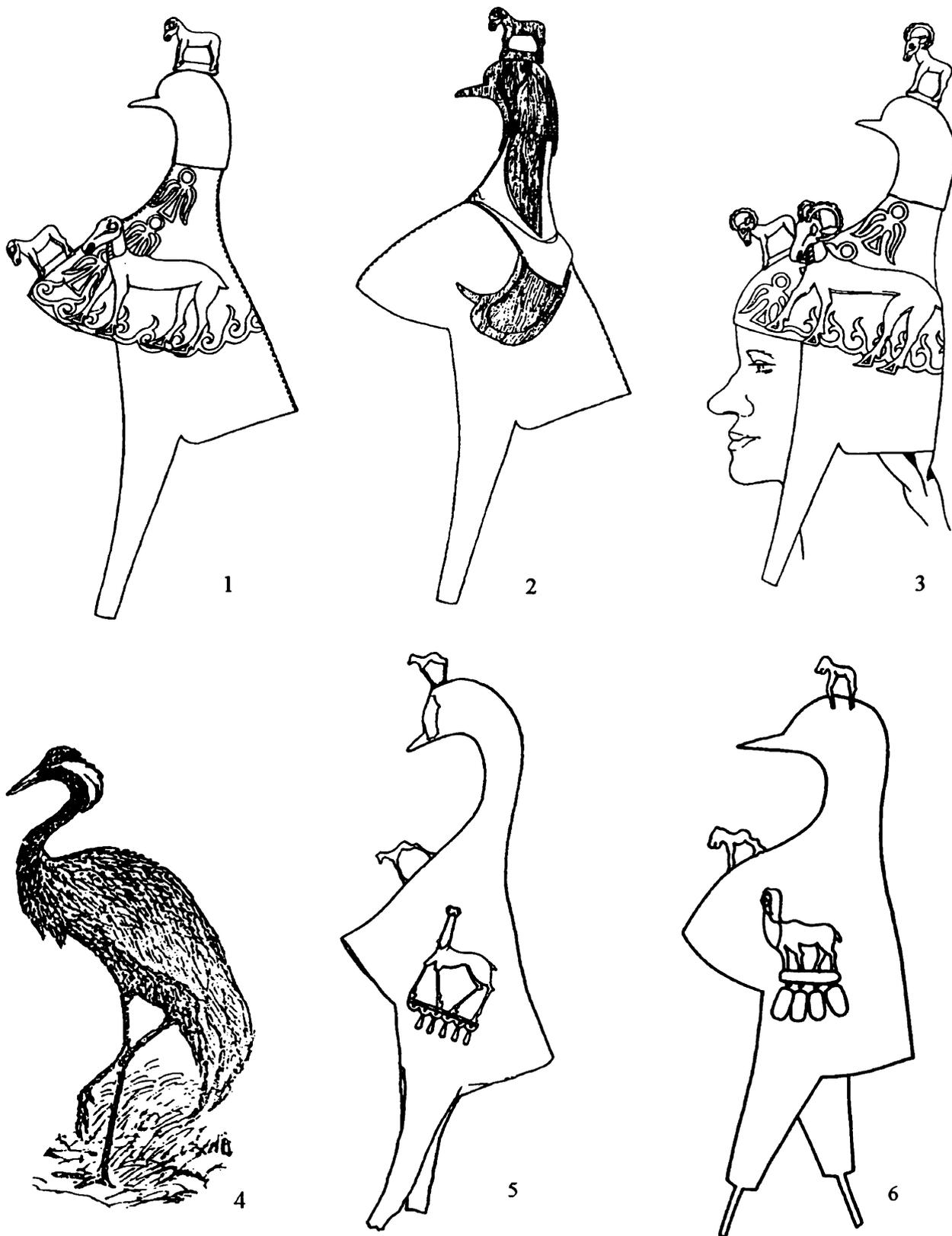

Рис. 1. Пазырыкские головные уборы, журавль-красавка. Могильники Ак-Алаха, Верх-Кальджин (по Н.В. Полосьмак, В.И. Молодину)

селькупов. У селькупов термином *карра* называли и журавлей, и атрибуты шаманов в виде птиц. Данные факты представляют несомненный интерес в связи с концепцией В.И. Молодина о двухкомпонентном составе пазырыкской культуры, один из которых – самодийский (Молодин, 2003). Обратившись к предметным и языковым аналогиям, можно увидеть, что в современном казахском языке *каркара* – цапля, а в говорах и фольклоре – султан из перьев (Кармышева, 1989. С. 32). Слово '*каркара*' у казахов означает журавля-красавку, цаплю, наверхие-эгрет, султан из высоких перьев, саукеле и мужской головной убор с подобным султаном. Истоки данной традиции Б.Х. Кармышева усматривает в культурах сакского круга. Определение верха головного убора и специфических наверхий такого убора термином, обозначающим журавля, может быть связано с семантикой головных уборов пазырыкцев.

Приведу сведения об использовании черепов (изначально, видимо, голов) журавля-красавки в погребениях окуневской культуры, скорее всего, также в качестве наверхий погребальных головных уборов (Черновая VIII, Третий Лог, Лебяжье) (Пяткин, 1997). В контексте идеи о генетической связи окуневского искусства и звериного стиля ранних кочевников Евразии (Б.Н. Пяткин, Я.А. Шер) эти материалы могут рассматриваться в рамках семантических, а также этнокультурных и исторических реконструкций.

* Полагаю, что данное предложение вполне в духе подхода Д.С. Раевского, проводившего экспериментальную проверку собственного прочтения смысла сцен на сосуде из Куль-Обы (Раевский, 1977. С. 35, 183).

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси. Т. I, II.

Ермолов Л.Б., 1980. К вопросу о происхождении культа кабана в скифское время // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Кармышева Б.Х., 1989. К вопросу об украшениях из птичьих перьев у народов Средней Азии и Казахстана // Этническая история и традиционные культы народов Средней Азии и Казахстана. Нукус.

Кореняко В.А., 2002. Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (прагматические аспекты семиотики) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. 1.

Молодин В.И., 2003. Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1999. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Сб. науч. статей. Барнаул.

Пяткин Б.Н., 1987. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. Всесоюз. конф. Омск.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.

Черемисин Д.В., 2006. О языке искусства звериного стиля в пазырыкских комплексах // Структурно-семиотические исследования в археологии. Археология и семиотика. Донецк. Т. 3.

В.Ю. Чигаева

Кемеровский государственный университет

Образ птицы в искусстве и материальной культуре палеолита – неолита народов Северной Азии

Образ птицы является достаточно популярным и широко распространенным в искусстве Северной Азии. Об этом свидетельствует наличие фигур птиц в мелкой пластике и орнитоморфных рисунков в наскальном искусстве практически на всей территории Северной Азии (Кемеровская обл., Алтай, Хакасия и Красноярский край, Бурятия, Иркутская обл., Якутия, Читинская обл., Амурская обл.).

Важно также отметить, что с течением времени (от палеолита к неолиту) популярность этого образа растет. Это выражается, например, в том, что для палеолита зафиксированы лишь предметы мелкой пластики в виде птиц (рис. 3: 2, 3), а с приходом неолита, согласно находкам археологов и петроглифистов, наряду с фигурками птиц – Яйский могильник (Матющенко, 1973. С. 34; Окладников, 1971. С. 8;

Окладников, Молодин, 1978. С. 20), Сакачи-Алян, Базаиха, Ладейка (Генералов, 1979. С. 16; Попова, 1988. С. 163; Окладников, 1950. С. 280–283), Сакачи-Алян (Окладников, 1971. С. 86, 87) – появляются и их изображения на скалах, представленные в сценах и открывающие для нас более широкие возможности семантического определения образа птицы (рис. 1, 2; 3: 1, 4). Кроме того, видовой состав птиц представлен в неолите более широко и разнообразно. Помимо водоплавающих (утка, лебедь, выпь), характерных для палеолитических памятников Северной Азии, таких, например, как Мальта и Буреть (Попова, 1988. С. 160), в искусстве неолита присутствуют хищные птицы (орел, сокол, ястреб), боровые (глухарь), околородные (цапля, фламинго, колпица, кулик, чайка) и другие, такие как ворон, воробей; да и водоплавающие представлены более разнообразно (кроме вышеуказанных, пеликан, гусь). Наскальные изображения птиц выполнены как реалистично в профиль, так и схематично анфас, крестообразно.

С приходом неолита на территории Северной Азии отмечено формирование современных ландшафтных зон. В этих новых естественно-географических условиях одновременно наступают конец и былому единообразию хозяйственного уклада, образа жизни и всей культуры древнего населения Сибири и российского Дальнего Востока. На данной территории формируется несколько больших хозяйственно-культурных областей (Окладников, 1950. С. 37).

Исторически сложившаяся ситуация, вероятно, отразилась и на развитии образа птицы. Выделяются два «макрорегиона» развития стили орнитоморфных изображений. В период неолита в таких регионах, как Алтай (Турочакская писаница и др.), Хакасия (Бычиха), Якутия (писаница Андреевская, Сылгылыыр и др.) и Читинская обл. (Бутиха и др.), рисунки птиц характеризуются манерой изображения силуэтно анфас. В основном птицы нарисованы краской, летящими вправо, реже влево или вертикально парящими (р. Мая – Якутия). Хвост птиц чаще зауженный, крылья – расправленные. Среди более ранних рисунков этого региона встречаются и силуэтные профильные изображения птиц (Бутиха – Читинская обл.). В Бурятии, Иркутской (Большекадинские писаницы), Кемеровской (Томская писаница), Амурской (Сакачи-Алян, Шереметьевское) областях и Туве (Ортаа-Саргол) изображения птиц в неолите исполнены в основном контурно в профиль, идущими вправо/влево, чаще с клиновидным хвостом и сложенными на теле крыльями. Техника нанесения рисунков – выбивка (иногда с зашлифовкой).

Еще одной из областей искусства, связанных с

птицами, являются украшения и предметы быта **в виде** птичек – «ярки», костяные подвески, напоминающие по форме летящих птиц (Окладников, 1974. С. 58, 59), – либо **сделанные из** костей птиц: Верхонский могильник – 10 игольников (и заготовок для них), сделанных из трубчатых костей крупных птиц, возможно гусей, лебедей или глухарей (Окладников, 1978. С. 3, 4, 10, 70, 71, 88); Аносова Гора – 2 клюва водоплавающей птицы, 2 костяные дужки крупной птицы, сложенные вместе, и игольник из трубчатой кости птицы; Малая Мамырь, погребения 1, 2, 3, 4 – игольники из кости птицы; Братский Камень, погребение 3 – игольник из трубчатой кости птицы, погребение 11 – трубчатая кость лебедя; Пономаревский могильник, погребения 13 и 16 – трубчатая кость крупной птицы и 2 игольника из кости птицы; Подострожное («Кирпичный сарай»), погребение 2 – клюв крупной птицы, погребение 3 – колющее орудие из трубчатой кости крупной птицы (Хамзина, 1991. С. 49, 54–57, 63, 71, 87, 103, 111, 122); Подострожное, погребения 2 и 5 – игла и трубочка из кости птицы; Нижнесередкино, погребение 2 – фрагмент острия из расколотой птичьей кости (Окладников, 1975. С. 45, 107–109), Арын-Жалга («Задняя падь»), культурный слой 2 – сравнительно тонкие изящные проколки-шилья удлиненных пропорций, изготовленные из округлых костей птиц (Окладников, Кириллов, 1980. С. 70); Таас-кырдал, культурный слой 2 – кость крупной птицы, по-видимому лебедя, две трубочки с отверстиями, сделанные из кости крупной птицы – лебедя или гуся, – флейты (?), фрагмент костяного игольника с орнаментацией в виде двух параллельных резных линий из кости крупной птицы (Окладников, 1950. С. 21, 34, 74).

Также в культурном слое стоянок, пещер, поселений и в погребальном инвентаре могильников палеолита и неолита археологами были отмечены кости птиц: пещеры Еленева и Тугаринова (Оводов, Мартынович, Заика, 2002. С. 162, 163), стоянка Большая Слизнева (Оводов, Мартынович, Гуляев, 1992. С. 26), стоянки Лиственка (Оводов, Мартынович, Васильев, Зажигин, 1992. С. 39), Каштанка (Дроздов и др., 1992. С. 99), Харга, Посольск, Кибалино и Арын-Жалга (Тиваненко, 1989. С. 53, 55), поселение Итырхей, могильник Аносова Гора, могильник Иригма II, Китойский могильник (Хамзина, 1991. С. 71), Дюктайская пещера (Мочанов, 1977. С. 14), стоянка Белькачи I (Мочанов, 1969. С. 46, 50, 60; 1977), стоянка Сюра-Ары (Кякшто, 1933. С. 78), стоянка Ымыяхтах (Окладников, 1945. С. 27–37; 1950. С. 124–145).

С приходом неолита встречаемость и количество костей птиц значительно увеличивается, что является непрямым свидетельством возросшей роли птиц

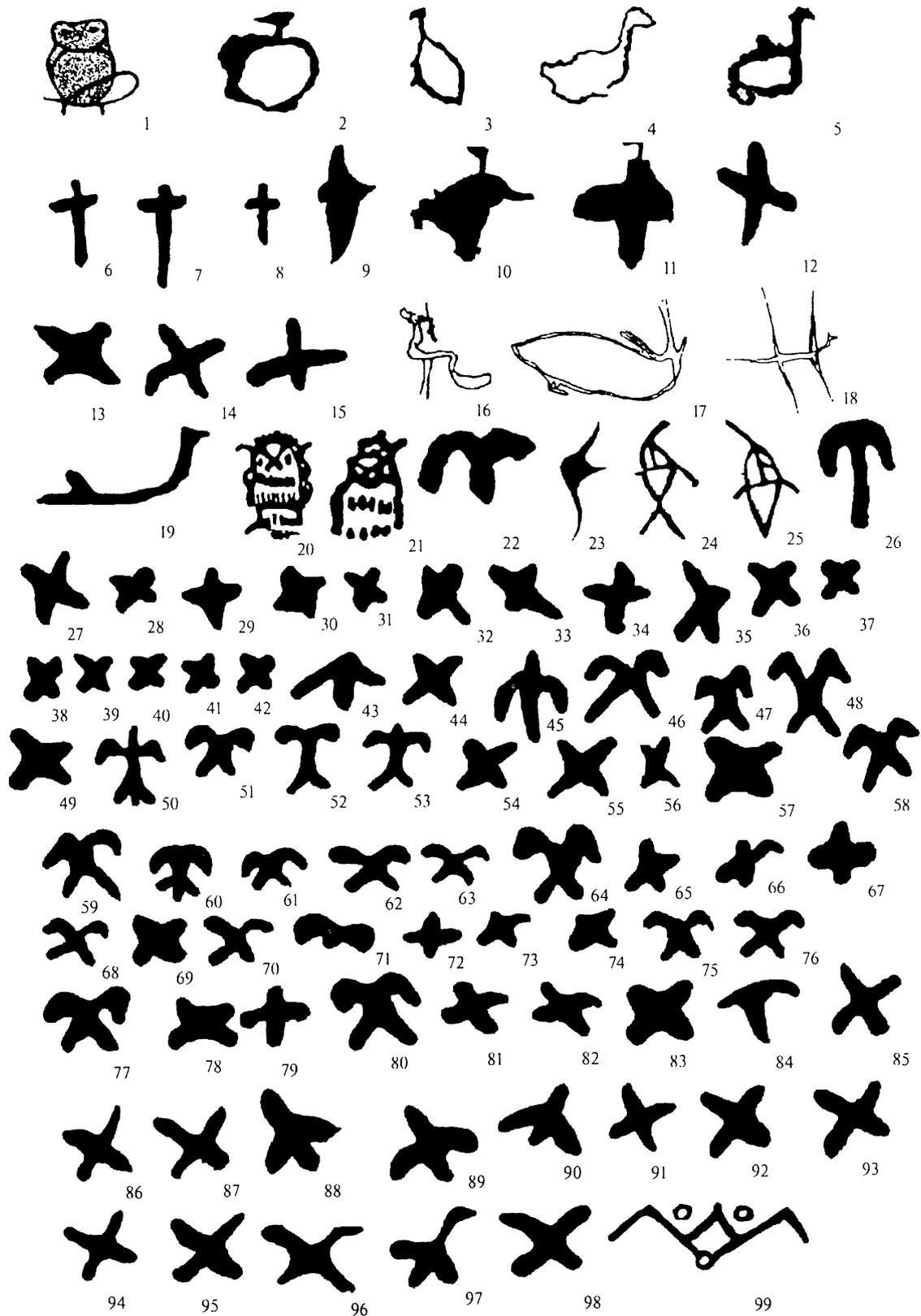

Рис. 1. Изображения птиц на скалах Кемеровской обл.

1–3 – Томская писаница, 4, 5 – Новоромановская писаница; Алтай: 6–8 – II Турочакская писаница, 9–11 – плита с р. Бии; Хакасия: 12–15 – Бычиха (по: Советова, 2003. С. 106); Тува: 16 – Орта-Саргол; Иркутская обл.: 17 – Большесаидинские писаницы, 18 – Писаницы I Каменного Острова; Якутия: 19 – Тинная, 20–22 – Ат-Дабан, 23 – Суруктах-Хая, 24, 25 – Эмэгээтэх-Хая, 26–99 – р. Мая

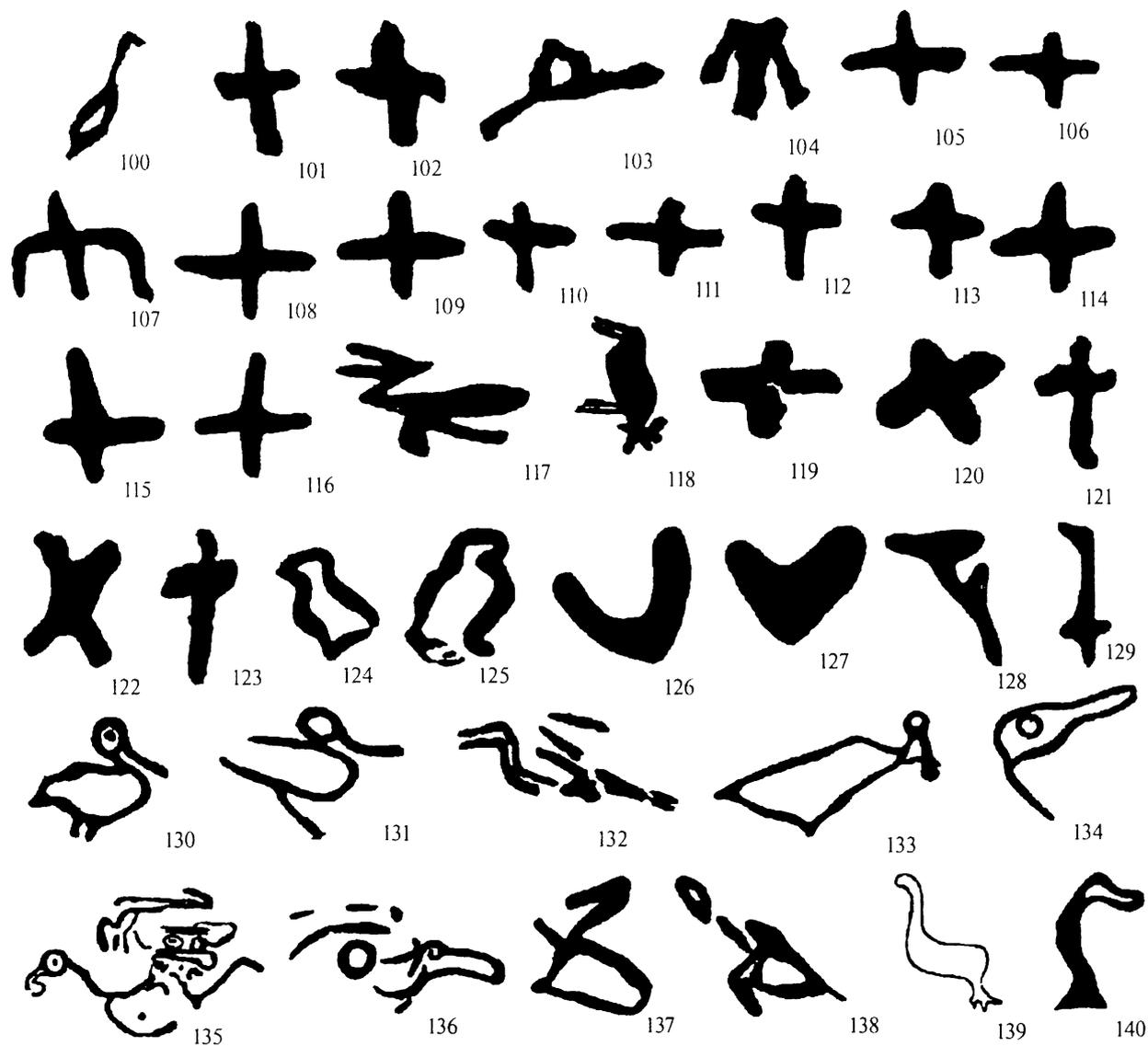

Рис. 2. Изображения птиц на скалах Кемеровской обл. (продолжение). 100-103 – писаница Андреевская, 104 – Дерпукан, 105-116 – Илим-Орго-Юрэх, 117-119 – Бэс-Юрэх, 120 – выше р. Тымпы, 121-123 – Сылгылыыр; Читинская обл.: 124, 125 – Цорон III, 126, 127 – Бутиха; Амурская обл.: 128-138 – Сакачи-Алян, 139 – Шереметьевское, 140 – р. Кия

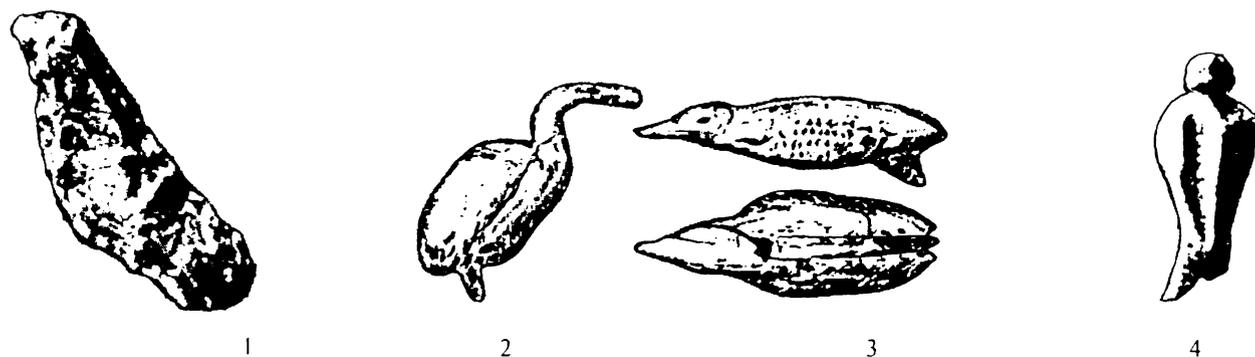

Рис. 3. Орнитоморфные сюжеты в мелкой пластике Северной Азии (палеолит-неолит). 1 – Сакачи-Алян (Амурская обл. – неолит); 2, 3 – Мальта (Южная Сибирь – палеолит); 4 – Базаиха (Красноярский край – неолит)

как источника питания. Это подтверждается и тем, что к эпохе неолита уже практически вымерла мамонтовая фауна, и древние охотники были вынуждены искать новые дополнительные источники пищи. Возможно, переориентация на другие объекты охоты позволила нашим предкам по-иному взглянуть на птиц – как на своих предков, некогда давших им жизнь, защищающих их, в первую очередь от голодной смерти в период вымирания мамонтовой фауны. И именно это, скорее всего, подтолкнуло человека в раннем неолите впервые обратиться к образу птицы в наскальном искусстве. Однако и в эпоху палеолита восприятие птиц не носило только утилитарный характер. Помимо того что птицы воспринимались как дополнительный источник пищи, этот образ и все его воплощения (в мелкой пластике) заключали в себе определенную духовную знаковость. Фигурки птиц из Мальты и Бурети – тому подтверждение. Возможно, в виде них были запечатлены священные духи природы. А учитывая огромное количество интерпретаций космогонических мифов, в которых постоянно главными участниками были водоплавающие птицы, можно сказать, что водоплавающие птицы были для древнего человека началом всех начал, ведь именно они первыми плавали по мировому океану и благодаря их деяниям произошла Земля. Если обратиться к древним индийским мифам, отраженным в Упанишадах, то согласно им, «гусь» – Властитель всего мира, неподвижного и движущегося... единый «гусь» в середине мира, он, поистине, огонь, проникший в океан; лишь познав его, идет (человек) за пределы смерти; нет иного пути, (которым можно было бы) следовать. Согласно Ригведе, под следом птицы понимаются деяния Бога.

Духовной знаковостью обладают и различные неолитические предметы, сделанные из костей птиц (иглы, проколки-шилья, колющие орудия, флейты), и сами клювы и крылья птиц, обнаруженные на памятниках. Например, клювы водоплавающих из погребений могильников Аносова Гора и Подострожное («Кирпичный сарай») могли являться оберегами от злых сил, хранилищами духов-проводников, сопровождающих покойника в иной мир, а костные остатки крыла из погребения Китайского могильника – амулетом, помогающим самому покойному обрести крылья для перемещения в мир иной. Иная символика у колющих орудий, проколки и иглы из кости птицы (Подострожное, Подострожное/«Кирпичный сарай», Арын-Жалга, Нижнесередкино). Это предметы быта, связанные с проникновением, уколом, частично болью, поражением противника. В данном случае, как нам кажется, эти предметы были призваны помогать человеку ежедневно «побеждать»

и познавать окружающий его мир, споспешествовать в работе. Есть и еще два интересных предмета, найденных в поселении Таас-кырдал. Это трубочки с отверстиями, сделанные из кости крупной птицы (лебедя или гуся), – «флейты». Учитывая символику водоплавающих птиц в качестве верховных божеств, можно предположить, что звуки флейты – своеобразный передатчик божественного слова, такого же прекрасного и мелодичного, влекущего в царство мира, умиротворения, благодати.

Таким образом, птицы в изобразительном творчестве и материальной культуре палеолита – неолита Северной Азии играли очень важную роль. Они представлялись и прародителями всего сущего, и переносчиками в мир иной, и помощниками в повседневной жизни человека, и одним из основных источников питания (в неолите), и символом божественной сущности, мира и благодати.

Генералов А.Г., 1979. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.

Дроздов Н.Н., Лаухин Д.В., Чеха А.А., 1992. Позднепалеолитическая стоянка Каштанка // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Красноярск.

Кякшто Н.Б., 1933. Каменные вещественные памятники на Алдане // ПИДО. № 7–8.

Матюшенко В.И., 1973. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч. 1 // Из истории Сибири. Томск. Вып. 9.

Мочанов Ю.А., 1969. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.

Мочанов Ю.А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Васильев С.К., Зажигин В.С., 1992. Позднепалеолитическая стоянка Лиственка // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Красноярск.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Гуляев А.А., 1992. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнева // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Красноярск.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Заика А.Л., 2002. Объекты охоты древних обитателей Средней Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Окладников А.П., 1950а. Ленские древности. Материалы

- по древней истории Якутии: Отчет об археологических исследованиях в районе с. Покровка и г. Якутска в 1940–1946 гг. М.; Л. Вып. 3.
- Окладников А.П., 1950б. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. Т. 18.
- Окладников А.П., 1950в. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск.
- Окладников А.П., 1971а. О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири // Первобытное искусство. Новосибирск.
- Окладников А.П., 1971б. Петроглифы Нижнего Амура. Л.
- Окладников А.П., 1974. Петроглифы Байкала – памятники культуры народов Сибири. М.
- Окладников А.П., 1975. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск.
- Окладников А.П., 1978. Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск.
- Окладников А.П., Кириллов И.И., 1980. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.
- Окладников А.П., Молодин В.И., 1978. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Попова Т.А., 1988. Древние культуры Сибири (по материалам археологического собрания МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. музея антропологии и этнографии (СМАЭ). Л. Т. XLII.
- Тиваненко А.В., 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск.
- Хамзина А.А., 1991. Сравнительный анализ фауны многослойных археологических памятников Итырхей, Улан-Хада, Берлога (Прибайкалье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск.

А.Н. Чистякова

Новосибирский государственный университет

Попытка дешифровки графемы «голова, держащая кольцо»

На ханьских фресках (рельефах) есть множество так называемых изображений «голов, держащих в пасти кольцо», которые обычно помещаются на двери в погребениях-склепах или в кумирнях, монастырях и т. п. В толковом словаре «Цыхай» записано, что голова, держащая кольцо, – это держатель для ручки дверей. Обычно такие держатели сделаны из бронзы в виде тигра, дракона-чи, черепахи и змеи. В «Ханьшу» записано, что на дверях кумирни Сююань были головы, держащие кольцо в виде черепахи и змеи (Цыхай, 1999. С. 1300; Тань Шучин, 1998. С. 60).

Часто такие «головы» сочетаются с «киноварной птицей», «белым тигром», «драконом-ин», воином, быком, медведем, парой рыбок, составляя устойчивую композицию. Считается, что они являются благожелательными знаками и способствуют изгнанию нечисти. Практически для всех композиций на ханьских погребальных фресках общим элементом является «голова, держащая кольцо, и кинноварная птица».

Археологические материалы свидетельствуют о том, что в основном ханьские «головы, держащие кольцо», – это маски фантастических, реально не существующих животных, персонажей древнекитайской мифологии. Данную композицию можно разде-

лить на несколько вариантов. Вариант первый – это одиночные изображения, например, фреска на кирпичах в уезде Синьчжэнь провинции Хэннань (Чжан Сюцин, 1986. С. 22). На фресках в Чжэнчжоу часто встречается мотив «голова, держащая кольцо». Как правило, это личины свирепых животных для отпугивания нечисти (Чжан Сюцин, 1987. С. 29). Помимо Чжэнчжоу, подобные композиции известны в уезде Сихуа у с. Дунфукэцунь (Систематизация... 1998. С. 14), в уезде Вэйшань провинции Шаньдун (Чжан Чжихуа, Ван Фуань, 1987. С. 20).

Вариант второй – композиция «киноварная птица на личине». Примерами являются каменные плиты, найденные в уезде Шэньму провинции Шэньси, у с. Люсянцунь (У Лань и др., 1986. С. 16), и в провинции Хэннань, в г. Чжэнчжоу (Чжан Сюцин, 1987. С. 29).

Вариант третий представляет собой композицию, в которой помимо «маски» и «киноварной птицы» под личиной или на соседней створке изображен «белый тигр» или однорогий буйвол (носорог)-сы. Таких композиций большинство. Среди всех изображений в районе Шанцю можно выделить отдельный вариант, названный «киноварная птица, белый тигр, голова, держащая в пасти кольцо». Такие изображения вырезаны на створке дверей. Размер створ-

ки 135 x 26 см (Чжан Хуатин, 1994. С. 59). В уезде Цзычжоу провинции Шэньси были найдены несколько погребений с изображениями на каменных плитах. Так, во втором погребении обнаружена каменная плита (створка двери) с изображением киноварной птицы. Размеры плиты – 46 x 102 см (У Лань и др., 1985. С. 24, 25). Кроме киноварной птицы, в центральной части плиты изображена голова, держащая кольцо. Нижнюю часть занимает изображение тигра. Парные створки типа «голова с кольцом и киноварная птица» и «голова, держащая кольцо, и белый тигр» обнаружены в провинции Хэнань, г. Наньян (Краткое... 1994. С. 99). Изображение, вырезанное на кирпичах в д. Инчжуан уезда Наньян, стандартное: без рта, в ноздрях кольцо, имитирует ручку двери. Верхняя часть личины похожа на трезубец или на головное украшение. Концы трезубца в виде треугольников. Два крайних зубца напоминают два рога (Тань Шучинь, 1998. С. 61).

Вариант четвертый: изображены сложные композиции, включающие в себя солнца, богиню Сиванму, стражей, колесницы и т. п. Примером могут служить массивные каменные внутренние двери погребальной камеры знатного вельможи в провинции Хэнань, рядом с г. Лоян, датируемые I–II вв. Двери украшены рельефными изображениями хранителей стран света, масками таоте, тигра и феникса. Каменные тимпаны над входом орнаментированы фигурами рыб и драконов. Таким образом, погребение осмыслено как модель мироздания (Искусство... 1988. Илл. 27]. Ли Сун (2000) приводит семь таких фресок из района Шэньбэй, в основном из уезда Суйдэ. На прямоугольном предмете из провинции Гуанси на лицевой стороне створки изображены феникс, таоте и мышь [Цзян Тин'юй, 2002. С. 294, 295]. Особенность данного изображения в том, что феникс опирается на голову, а кольцо находится сбоку. В уезде Фанэн изображены на камне «киноварная птица, воин, голова, держащая кольцо». Глаза личины напоминают персики, в глазах кругами обозначены зрачки. Глаза в виде персика выполнены, вероятно, потому, что персик ассоциировался с изгнанием нечисти, зла. Поза воина необычна: левая рука поднята вверх, ноги согнуты в коленях, тело изогнуто. Похоже, что он совершает изгнание нечистой силы и предотвращает несчастье (Тань Шучинь, 1998. С. 60, 64).

Считается, что изображение головы, держащей кольцо, представляет собой результат эволюции изображения личин с бронзовых изделий династии Чжоу. Согласно древним письменным источникам, первые упоминания о подобной «голове» встречаются в период Чуньцю. Данные «маски» чаще всего встречаются на бронзовых изделиях – чайниках-ху,

тазах-цзянь, кувшинах – и нередко напоминают реальных животных – быков, баранов, оленей и т. п. Скорее всего, они выполняли функцию ручек. Некоторые маски напоминают коров с рогами. В древности коровы использовались в качестве жертвенных животных во время церемоний жертвоприношения духам земли, неба, вод и гор. Часто коровьи лопатки применялись для гадания и поэтому на бронзовых ритуальных изделиях мастера изображали коров. Другим аргументом, приводимым автором в пользу того, что большинство масок – это коровы, является воспроизведение реального кольца «в носу» головы, а заостренные края маски трактуются как «рога» (Тань Шучинь, 1998. С. 59, 62; Кравцова, 2004. С. 419, 420).

На многих ханьских изображениях и у чжоуских личин («голов») нет рта. Некоторые китайские исследователи утверждают, что ханьские личины – это таоте. Так, по мнению Тань Шучиня, при исследовании орнаментации бронз мы легко совместим маску таоте и голову, держащую кольцо. Оба изображения очень похожи. И если мы их сравним, то очевидно, что «головы» – это «эволюционировавшие» маски таоте (Тань Шучинь, 1998. С. 59, 60).

Информация о таоте довольно расплывчатая, можно назвать их личинами (мордами диких зверей) на бронзе. Как правило, это тот или иной мифологический персонаж. Так, в «Люйши чуньцю» записано, что таоте изображался на бронзовых треножниках дин, у него есть голова, но нет тела, и «он ест людей» (Цыхай, 1999. С. 1647; Тань Шучинь, 1998. С. 58). Почему же тогда эти «пожирающие людей» существа встречаются в погребениях? При исследовании выяснилось, что на «головах, держащих кольцо», пасть как таковая отсутствует, а кольцо зачастую выходит из носа. Скорее всего, в ханьскую эпоху мастера учли эту особенность и также изображали маски без пасти.

Головные украшения в виде трезубца на ханьских фресках похожи на трезубцы у личин неолитической культуры лянчжу. Например, единственное отличие нефритового украшения из погребения у горы Яошань (уезд Юйхан провинции Чжэцзян) заключается в том, что «зубцы» трезубца нефритового изделия плоские. Кроме нефритов у горы Яошань, похожие нефритовые изделия культуры лянчжу встречаются у горы Фаньшань. Зооморфные изображения есть также в культуре луншань. Общим для рассматриваемых нами «голов, держащих кольцо», таоте и неолитических личин является завершение личины в виде трезубца. По мнению китайского исследователя Чжан Вэня, личины с трезубцами представляют собой знаки «огонь» или «гору», и, в конечном итоге, «небесные врата» (Чжан Вэнь, 1994. С. 77).

В этой связи композицию «голова, держащая кольцо, и киноварная птица» можно рассматривать как мотив «птица на горе». Само кольцо может считаться «ещё не взошедшим солнцем». Наше предположение подтверждает сюжет на кирпичках в Сюйчан. Его особенностью является то, что в кольце изображен золотой ворон – солнечная птица, т. е. кольцо символизирует солнце. Согласно Каталогу Великих пустынь Востока и Каталогу Великих пустынь Запада «Каталога гор и морей», именно из-за гор (горы) чаще встает солнце (Каталог... 1977. С. 111, 112, 120, 121). Э. Вернер приводит миф, в котором стрелок Шэнь И у берегов Западной реки Сихэ обнаружил, что на трех горных вершинах сидят огромные фениксы, выпускающие клубы пламени, превращающиеся в девять солнц (Вернер, 2005. С. 160, 161).

Солярная составляющая символики птицы феникс очевидна. Считается, что феникс живет (или рождается) в Даньчжу (Киноварной пещере), соотнесенной с югом. В комментариях к «Шаншу» записано, что феникс управляет рассветом. В «Маоши» говорится, что с пением феникса восходит солнце. В «Сяо цзы чжуань» говорится, что феникс зовется (кричит), как петух. Многие факты указывают на тесную связь феникса с петухом, а связь петуха с солнцем очевидна. Поэтому и возникло такое выражение, как «киноварный феникс и восходящее солнце» (Хао Чунь, 1999. С. 18). В китайском языке существует выражение «феникс кричит и восходит солнце». Это выражение – цитата из «Шицзина», раздел «Большие оды»: «Кричит феникс, на том холме растёт утун и там восходит солнце» (Цыхай, 1999. С. 467).

Итак, анализ сюжетов показывает, что на ханьских рельефах воспроизведены различные мифологические сюжеты, корни которых, скорее всего, уходят в мифологию китайского неолита. Изображение «киноварная птица на голове, держащей кольцо (личине)», рассматривается как «киноварная птица на горе», т. е. «восходящее из-за горы солнце», и является символом зарождения новой жизни. В свою очередь, сюжет «птица на личине» известен в качестве составляющей сложной композиции на ханьских погребальных рельефах.

- Вернер Э., 2005. Мифы и легенды Китая. М. Искусство Китая: Альбом. М., 1988.
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977.
- Кравцова М.Е., 2004. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учеб. пособие. СПб. (Мир культуры, истории и философии.)
- Краткое сообщение о раскопках погребения с фресками в г. Наньян, в районе лекарственного рынка // Чжунюань вэнью. 1994. № 1. (На кит. яз.)
- Ли Сун, 2000. От типа «Юн'юань» до типа «Юнхэ» // Каогу юй вэнью. № 5. (На кит. яз.)
- Систематизация материалов о ханьских погребениях с фресками в провинции Шаньдун, уезде Вэйшань // Каогу. 1998. № 3. (На кит. яз.)
- Тань Шуцинь, 1998. Попытка обсудить происхождение изображения «голова, держащая кольцо», в период Хань // Чжунюань вэнью. № 4. (На кит. яз.)
- У Лань, Бан Фу, Кан Ланьин, 1986. Каменные плиты с изображениями эпохи Хань, найденные в провинции Шэньси, уезде Шэньму, у села Люсянцунь // Чжунюань вэнью. № 1. (На кит. яз.)
- У Лань, Чжан Юань, Кан Ланьин, 1985. Каменные плиты с изображениями эпохи Восточная Хань, найденные в провинции Шэньси, местность Цзычжоу // Каогу юй вэнью. № 3. (На кит. яз.)
- Хао Чунь, 1999. Лун фэн чэнсян [Дракон и феникс приносят счастье]. Цзинань. (Сер.: Обычаи Китая.) (На кит. яз.)
- Цзян Тин'юй, 2002. Исследование резных бронзовых изделий эпохи Хань // Каогу сюэбао. № 3. (На кит. яз.)
- Цыхай. Шанхай, 1999. (На кит. яз.)
- Чжан Вэнь, 1994. Объяснение знаков на керамических цзунь в культуре давэнькоу // Каогу. № 3. (На кит. яз.)
- Чжан Сюцин, 1987. Общее описание ханьских фресок в Чжэнчжоу // Каогу юй вэнью. № 2. (На кит. яз.)
- Чжан Сюцин, Лю Сунгэнь, Сюэ Вэньцань, Коу Юйхай, 1986. Ханьские орнаментированные кирпичи, найденные в провинции Хэнань, уезде Синьчжэн // Чжунюань вэнью. № 1. (На кит. яз.)
- Чжан Хуатин, 1994. Обсуждение художественных форм изображений на плитах в эпоху Хань в районе Шанцю // Чжунюань вэнью. № 3. (На кит. яз.)
- Чжан Чжихуа, Ван Фуань, 1987. Ханьские орнаментированные кирпичи, найденные в уезде Сихуа у села Дунфукэцунь // Чжунюань вэнью. № 1. (На кит. яз.)

В.Н. Широков

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

К интерпретации ассоциированных мотивов «змея – копытное – птица» в наскальных изображениях Урала

На уральских писаницах существуют сцены, в которых ассоциированы рисунки птиц, копытных и змей. Иногда такая комбинация сводится только к двум фигурам – змеи и птицы, змеи и копытного или птицы и копытного. Речь идет о композициях на писаницах по р. Тагил – Соколинских Утесах (рис. 1: 5; 2: 1), Писаном Камне (рис. 1: 4), Змиевом Камне (рис. 1: 2, 3; 2: 4); по р. Реж – Шайтан Камне (рис. 1: 6, 7), Бородинской II (рис. 1: 8); по р. Ай – Айской Группе (рис. 1: 1); по р. Юрюзань – Навесном (Старичном) Гребне (рис. 2: 3), Бурановской II (рис. 2: 2). Во всех упомянутых композициях птицы представлены водоплавающими – утками, гусями и, возможно, лебедями (Змиев Камень), а копытные – лосями, оленями и косулями; эти образы хорошо идентифицируются. Что касается змеи, то она только на Айской Группе изображена более или менее натуралистично – двойным зигзагом с треугольной головой, аналогично выполненным в объемной скульптуре. В остальных случаях в качестве змей интерпретированы некоторые вертикальные и горизонтальные зигзаги. Отдельные сцены дополняют человекообразные существа и нефигуративные мотивы.

Выделяя сюжет с изображением птиц, В.Н. Чернецов писал, что в целом он соответствует сюжету с фигурами копытных, и только «иногда изображения птиц оказываются включенными вместе с другими животными в композиции» (Чернецов, 1971. С. 66). Эти композиции, по его мнению, отражают как промысловые культы, так и древнейшие тотемистические представления создателей писаниц. В настоящее время интерпретации В.Н. Чернецова можно дополнить с позиций раскрытия мифо-ритуального содержания наскального искусства Урала.

Благодаря работам Кассирера, Леви-Брюля, Малиновского, Элиаде, Фрейденберг, Мелетинского, Дьяконова и др. в настоящее время сложилось представление о мифологическом мышлении и мифологической картине мира, присущей людям в первобытности. В архаичном обществе мифология проявляется как генератор формирования культуры (Лотман, Успенский, 1971. С. 146), система, тотально моделирующая все стороны мировоззрения (Мелетинский, 1976. С. 163), в том числе и отраженные в наскальных изображениях. Поэтому современные

исследователи считают их памятниками архаичного мышления, ядром которого является миф как способ освоения, осмысления или постижения и «описания» мира. Рисунки представляют собой образно-символические «тексты», в которых таятся древнейшие пласты человеческого сознания, универсальные первообразы, отразившие опыт жизни и познания далекой эпохи, глубинные архетипы (Дэвлет, Дэвлет, 2005. С. 87–90; Жульников, 2006. С. 5–11).

Раскрытие содержания ассоциированных мотивов через обращение к этнографическим материалам народов Урала и Севера Сибири вполне оправданно, т. к. выявлены фактические основания, подтверждающие преемственность этнокультурного развития в этих регионах в последующие периоды (Чернецов, 1971). При этом следует отдавать себе отчет, что мы не в состоянии «воскресить» все то многообразие мифологических сюжетов древности, которые отразили наскальные рисунки. Мы можем реконструировать лишь некоторые скрытые структуры изобразительных «текстов», на которые они нам «намекают».

Взятые по отдельности, образы змеи, копытного и птицы являются многозначными. В нашем случае важно, что, как показывают этнографические материалы, Вселенная, Космический порядок в первобытную эпоху «описывались» с помощью зооморфного кода. Элементы этого кода позволяют условно-символическим языком передать основные представления создателей наскальных рисунков о происхождении Вселенной, мироустройстве, цикличности, времени и пространстве. Рисунки зверей, птиц, рыб, рептилий и амфибий кодируют различные уровни структуры мироздания, выполняют медиативные функции, являются символами космических зон и основных природных стихий, соотносятся с фазами суточного и годового цикла, выступают в роли демиургов и первопредков.

Некоторые исследователи считают памятники наскального искусства святилищами, в которых отражена мифопоэтическая модель, или картина, мира (Окладникова, 1995). Закодированная разными образами и знаками, эта картина мира воплощена не только в наскальных изображениях, но также в неразрывно связанных с ними обряде и ритуале,

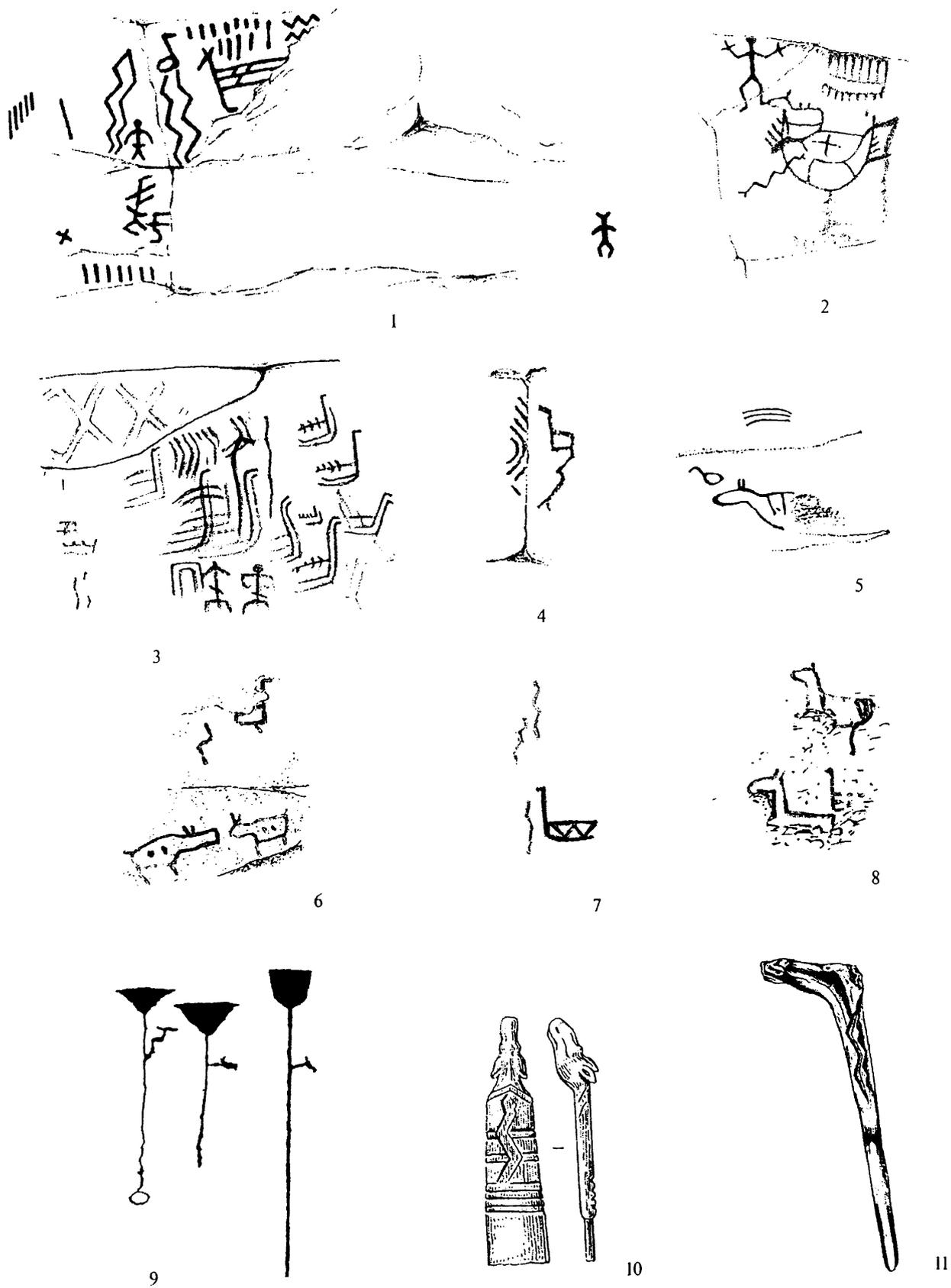

Рис. 1. Изображения на скалах и различных предметах. 1 – писаница Айская Группа; 2, 3 – Змиев Камень; 4 – тагильский Писаный Камень; 5 – Соколинские Утесы; 6, 7 – Шайтан Камень; 8 – Бородинская II писаница; 9 – Пери Нос VI; 10 – Сейминский могильник; 11 – хантыйский деревянный молот для забивания жердей запора

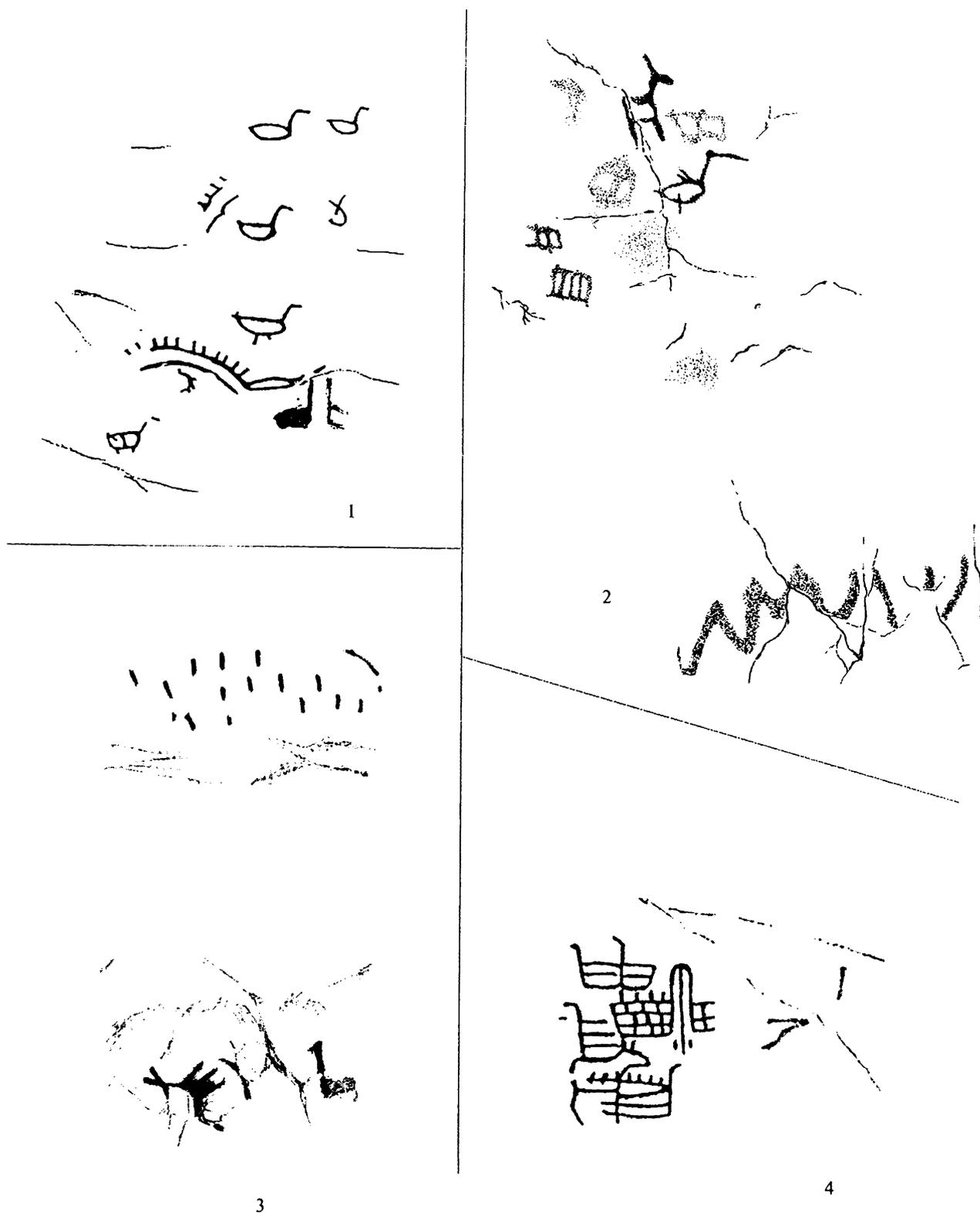

Рис. 2. Изображения уральских писаниц. 1 – Соколыинские Утесы; 2 – Бурановская II писаница; 3 – Навесной (Старичный) Гребень; 4 – Змиев Камень

в котором устанавливается контакт между различными сферами мироздания и решается проблема его гармонизации и равновесия.

Ранее С.В. Студзицкая, проанализировав семантику изображений лося и змеи на сейминско-турбинских кинжалах, пришла к выводу об устойчивости представлений охотников-рыболовов, связанных с образами лося и змеи, которые, по ее мнению «выступают как определенные элементы космической “модели мира”» (Студзицкая, 2006. С. 237–248).

Известно, что птица на мировом древе обозначает Верх и в этом смысле противопоставлена животным-классификаторам Низа – хтоническим существам, прежде всего змее. В отобранных сценах образы копытных, водоплавающей птицы и змеи, будучи символическим воплощением основных семантических оппозиций, выступают в качестве организующего начала в картине мира создателей рисунков. Вместе с птицей змея олицетворяет единство хтонического и верхнего миров; дополненные фигурами лосей, они воплощают единство всех структурных элементов трехчастной картины мира, существовавшей, как показывают исследования, в неолите – энеолите у населения таежно-лесной зоны Северной Евразии, что отразилось не только в наскальных изображениях, но также в кремневой скульптуре, глиняной, деревянной и костяной пластике (Жульников, 2006. С. 7; Кашина, 2007. С. 134).

Любопытна ассоциированность змеи и птицы в одном символе на Шайтан Камне и тагильском Писаном Камне (рис. 1: 7, 4). Скорее всего, перед нами некий сложный мифологический образ, соединяющий черты змеи-птицы. Интересны выявленные мифологические и семантические замены змеи птицей. Широко известен хорошо разработанный мотив крылатого змея, а также его свержения с неба на землю/в воду. «Легкая» замена змеи птицей прослеживается, например, в румынских средневековых заговорах. Змея отождествляется с птицей по сходству плоской, вытянутой головы, длинной, гибкой шеи, как у гуся, блеску, гладкости и пестроты – перьев и чешуи соответственно. Оба животных выводят детенышей из яиц. Известно также поверье, что «гусь из змеиного рода, потому что он шипит» (Цивьян, 1984. С. 47–57). В более общем плане тождество змея = птица может быть отнесено к универсальным мифологемам, описывающим структуру мира, но не в трехчленном варианте, а в двухчленном, «спрессованном» к крайним членам, где птицы и хтонические животные противопоставляются копытным (Цивьян, 1984. С. 53).

Отражение модели мира через символ мирового древа с образами упомянутых животных находит

любопытную аналогию в изображениях жезлов на мысе Пери Нос VI на Онежском озере. Наиболее убедительной кажется их трактовка как символов мирового древа (Жульников, 2006. С. 72–75). Один из жезлов снабжен дополнительным изображением головы лося с зигзагообразным насадом (рис. 1: 9); это полиэконическое изображение удивительным образом напоминает ассоциацию изображений змеи и лося на сейминско-турбинских кинжалах, подтверждая предположение С.В. Студзицкой об их символическом воспроизведении структуры картины мира (рис. 1: 10). Любопытно, что известно воспроизведение змеи на молоте с головой лося, служившем для забивания жердей рыболовных запоров (Мифология хантов... 2000. С. 155) (рис. 1: 11).

В мифологии охотников и рыболовов многие исследователи наиболее архаичными считают сюжеты, связанные с исчезновением и возвращением персонажей, олицетворявших времена года, астральные символы. Год в архаичных культурах делился на два циклично сменяющих друг друга сезона – зиму и лето. Исчезновение одного мифологического персонажа, персонифицировавшего годовой сезон, подразумевало приход другого. Считается, что лось олицетворяет начало осенне-зимнего сезона, а медведь – весенне-летнего (Конаков, 1990. С. 107, 108). Отсутствие рогов у копытных на уральских писаницах отчасти также подтверждает их связь с зимним периодом, когда лоси сбрасывают рога. В то же время, по окончании настоящего промысла лося, т. е. в марте-апреле, устраивался «Лосиный праздник» как выражение благодарности лосям за помощь, который также «обозначал переход “от леса к реке”, рыболовству и охоте на водоплавающую дичь» (Головнев, 1995. С. 353). На Навесном (Старичном) Гребне есть композиция с копытным и птицей, дополненная рядами штрихов (рис. 2: 3). Какова бы ни была интерпретация нумерологии, можно рассматривать эту сцену с позиций смены сезонов года, как переход от зимы к весне, где осенне-зимний период представлен фигурой копытного, а весенне-летний – птицей, как бы следующей за зверем.

Интересна сцена на Змиевом Камне на р. Тагил, где птицы представлены с геометрическими знаками и двумя антропоморфными фигурами (рис. 1: 3). В.Н. Чернецов видел в ней сцену загонной охоты на линную птицу. Мне приходилось уже ранее говорить о противоречиях такой реконструкции (Широков, Чаиркин, Широкова, 2005. С. 99). Кажется более приемлемой реконструкция этого фриза на основе обращения к мифологии манси, у которых существует представление о южной стране Мортим-ма, в которой первопредки – «старик и старуха» – вос-

крешают перелетных птиц. Помимо совпадения фигуративных мотивов –орнитоморфных и антропоморфных, – с данным сюжетом совпадают и знаки в виде «вложенных» углов-дуг и сетки. Первые можно расценить как солярные – см. мотивы на сейминско-турбинском кельте (Эпоха бронзы... 1987. С. 379, Рис. 100, 5). Вход же в Мортим-ма охраняют сторожа и «железный перевес» – сеть на птиц (Мифология манси... 2001. С. 95). Рисунки змей в этой сцене можно считать репликой мировой оси.

Нельзя обойти вниманием и уникальную на сегодняшний день сцену камлания на Змиевом Камне (рис. 1: 2). Рядом с фигурой антропоморфного существа с раскинутыми в стороны трехпалыми руками нарисована окружность с вписанной в нее фигурой копытного и раздвоенным на конце зигзагом. Это не что иное, как изображение бубна с рисунками копытного и змеи. Этнографическая литература, посвященная шаманским бубнам Северной Евразии, однозначно трактует изображения на них как воспроизведение мифологической картины мира, нашедшее воплощение в ином ритуале.

В заключение хочется подчеркнуть, что рассмотренные ассоциированные мотивы обращаются к теме первотворения и так или иначе связаны с графическим воспроизводством не только календарной обрядности, но и архаического образа мира населения Урала в неолите – бронзовом веке.

Головнев А.В., 1995. *Говорящие культуры: Традиции шаманов и угров.* Екатеринбург.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005. *Мифы в камне: Мир наскального искусства России.* М.

Жульников А.М., 2006. *Петроглифы Карелии: Образ мира и мира образов.* Петрозаводск.

Кашина Е.А., 2007. *Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности.* Екатеринбург; Сургут.

Конаков Н.Д., 1990. *Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов.* Новосибирск.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А., 1971. *О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам.* Т. 5. Тарту.

Мелетинский Е.М., 1976. *Поэтика мифа.* М.

Мифология хантов // Энциклопедия уральских мифологий. Томск, 2000. Т. III.

Мифология манси // Энциклопедия уральских мифологий. Новосибирск, 2001. Т. II.

Окладникова Е.А., 1995. *Модель вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки: Проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки.* СПб.

Студзицкая С.В., 2006. *К семантике изображения лося и змеи на сейминско-турбинских бронзовых кинжалах «княжеского типа» // Структурно-семиотические исследования в археологии.* Донецк. Т. 4.

Цивьян Т.В., 1984. *Змея = птица: к истолкованию тождества // Фольклор и этнография. У этнографических истоков сюжетов и образов.* Л.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А., 2005. *Уральские писаницы. Река Тагил.* Екатеринбург.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)

СЕКЦИЯ 13

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.М. Буровский

*Санкт-Петербургский государственный университет
сервиса и экономики*

С.П. Якуцени

Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение или разрушение?

До начала XXI в. никому в России не пришло бы в голову вести раскопки зимой. И в нормативных документах Полевого комитета Института археологии РАН не оговаривалось, что вести раскопки надо в теплое время года: в таких нормативах просто не было необходимости.

Явление возникло потому, что появилось много хоздоговорных, и притом срочных, полевых работ. С одной стороны, сбывается мечта археологов о востребованности и высокой оплате труда. С другой – велик соблазн вести работы в холодное время года. Отчеты о работах на различных объектах свидетельствуют: практически во всех случаях ведения масштабных проектов, требующих археологического изучения памятников, работы хотя бы частично велись в холодное время года*. Многие фотографии из всех этих отчетов показывают шурфы с пятнами снега вокруг, с инеем на днище раскопа и на отвалах. Стенки большей части шурфов неровные, с комьями налипшей земли.

А согласно фотодокументам к Отчету о проведении охранных археологических работ в зоне проектируемого строительства «ВЛ 500 кВ Фроловская-Ростовская с ПС 500 кВ» (С. 108–115), шурфы на курганных могильниках Подстанция I, курганы 8–10, Пруд Образцов, Красные Липки велись под снегом.

Совершенно очевидно, что такая практика ведет к разрушению памятников: бывший шурф неизбежно заполняется талыми водами, что угрожает размывом культурного слоя на участках, граничащих с шурфом.

Естественно, ведение работ в холодное время го-

да не позволяет внимательно просматривать вскрываемый слой.

Очевидно, что исполнитель работ в холодное время года (тем более под снегом) не может выполнять требования, которые предъявляют к методике земляных работ нормативные документы Полевого комитета ИА РАН.

Эти действия вступают в противоречие с пунктами 5.4, 5.5, 6.2, 6.4. «Положения о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах», утвержденного Ученым советом ИА РАН 23 февраля 2001 г.

Но – только по духу, а не по форме. Как справедливо отвечает исполнитель, «данные работы частично выполнялись в холодное время года в связи со сжатыми сроками проектирования и требованиями Заказчика о необходимости срочно приступить к работам по согласованию трассы ВЛ 500 кВ с землепользователями. Следует также учитывать, что время проведения разведочных работ не регламентируется нормами “Положения о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах”» (из письма ООО «Ростовгипрошахт» К» 37-ГО от 15.01.08 г. в Госкомэкспертизу).

Злоупотребление шурфами. В нормативных документах ОПИ, согласно «Положению о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации», утвержденному решением Ученого совета ИА РАН от 30 марта 2007 г., сказано ясно: «При производстве земляных работ необходимо стремиться к минимальному вскрытию культурного слоя, ограничиваясь зачисткой и фикса-

цией уже имеющихся обнажений: обрывов, осыпей, стенок ям, котлованов или других повреждений» (пункт 3.6). И: «Следует стремиться к заложению на одном памятнике археологии минимального числа раскопов» (пункт 4.6).

Но эти положения вступают в противоречие с удобством археологов и с требованиями заказчиков работ. Из очень многих отчетов следует, что на памятниках закладывалось по 5, 6, 7 и даже 8 шурфов (Отчет по проекту ВЛ 500 кВ «Фроловская – Ростовская с ПС 500 кВ Ростовская». С. 86). При этом получатели Открытого листа по форме № 2 вскрывали на нескольких памятниках суммарно по 160 м² (Там же. С. 100), 94 м² (Обеспечение сохранности объектов культурного наследия в зоне строительства. Ч. 5. ВЛ 6-10 кВ для электроснабжения ПС 500 кВ Ростовская, РПБ РП МЭС Юга, ЗКРП, светограждения переходных опор через р. Северский Донец. С. 20) и даже 1652 м² (Отчет по проекту ВЛ 500 кВ «Фроловская – Ростовская с ПС 500 кВ Ростовская». С. 69).

Летний сад. Практика злоупотреблений масштабами полевых работ и приоритета ответственности исполнителя перед заказчиком вопреки интересам науки ярко проявилась в ведении раскопок в Летнем саду на территории Санкт-Петербурга в 2005 и 2006 гг.

Начать следует с того, что сами археологические работы в Летнем саду заявлены как составная часть комплексных реставрационных (фактически – строительных) работ по «Проекту капитального ремонта с элементами воссоздания ансамбля памятника Летний сад и домик Петра I на Петровской набережной» (Научный Отчет о выполнении археологических исследований на территории Летнего сада в 2005 г. С. 3; То же в 2006 г. С. 3).

Реставрация заявлена как основная цель, но что именно собирается реставрировать Русский Музей? Первоначальный облик Летнего сада разрушило наводнение 1777 г. Екатерина II не стала восстанавливать сад петровских времен. Тогда сад и был обнесен своей знаменитой решеткой. С екатерининских и пушкинских времен Летний сад находится в своем нынешнем виде. Любое изменение облика Летнего сада – это изменение исторически сложившегося ландшафта. Любые строительные (в том числе восстановительные) работы в этом месте нуждаются в самом серьезном обосновании. В списке Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО Санкт-Петербург как территория включен 36 комплексными объектами, объединяющими около 4000 выдающихся памятников архитектуры, истории и культуры. Летний сад входит в число этих объектов.

Без объяснения смысла запланированных ре-

ставрационных работ археологические раскопки в Летнем саду могут рассматриваться только как разрушение одного из элементов исторического ландшафта Санкт-Петербурга и как причинение невосполнимого ущерба объекту культурного наследия федерального и международного значения. С тем же успехом можно было бы снести Зимний дворец или Петропавловскую крепость, чтобы изучить располагавшиеся на их месте финские деревни.

При ведении раскопок исполнитель в 2005 г. заложил в Летнем саду «10 шурфов на территории центральной части сада». Размеры шурфов 1 и 2 – 8 x 1,5 м, шурфа 3 – 3 x 1,5 м, шурфа 4 – 6 x 1,5 м, шурфа 5 – 10 x 2 м, шурфа 6 – 10 x 1,5 м, шурфа 7 – 10 x 2 м, шурфа 8 – 6 x 1 м, шурфа 9 – 4 x 1,5 м, шурфа 10 – 9 x 1,5 м (Научный Отчет о выполнении археологических исследований на территории Летнего сада в 2005 г. С. 11–25).

На следующий, 2006 г., исполнитель заложил в Летнем саду уже 33 шурфа. Как и в 2005 г., это шурфы произвольных размеров, площадью от 2 x 1 м (шурф 6а) до 6 x 4 м (шурф 2) или 5,3 x 4 м (шурф 4) (Научный Отчет о выполнении археологических исследований на территории Летнего сада в 2006 г. С. 8, 14, 21).

Раскопки же большими площадями не начаты. Отчет 2006 г. завершается словами: «Для более детального изучения планировки и устройства Лабиринта необходимо производство раскопок широкими площадями. Выводы данного отчета могут считаться предварительными, так как время на его подготовку было ограничено из-за условий проведения проектных работ» (С. 43). Непонятно, что имеется в виду: нехватка времени для проведения работ? нехватка времени для написания отчета? Но работы велись с июня по сентябрь. Отчет готовился с сентября 2006 г.

Некоторые шурфы имеют довольно странные размеры: 3,5 x 2,5 м (шурф 5; Отчет за 2006 г. С. 17), 4,3 x 2 м (шурф 8; С. 22), 5,2 x 1 м (шурф 18; С. 34), 6,8 x 1,5 м (шурф 20; С. 36). Очевидно, что при закладке таких шурфов исполнитель руководствовался не интересами науки, а прямыми указаниями заказчика. Цели же заказчика были просты: затратить минимальные средства, формально выполнить закон, проведя раскопки на месте будущих несущих конструкций.

Размеры многих шурфов таковы, что они являются по существу небольшими раскопами (шурфы 7 и 10 по Отчету за 2005 г., шурф 2 и 20 по отчету за 2006 г.).

Но поставленные задачи изучения исторически известных объектов не были достигнуты. Делается вывод: «археологические исследования утраченных

объектов и элементов исторической планировки на территории Летнего сада предполагается продолжить в 2006 году» (Отчет за 2005 г. С. 32).

Но и 2006 г. не принес решающего успеха: «каких-либо элементов системы подвода-отвода воды при работах в шурфе обнаружено не было» (Отчет за 2006 г. С. 11).

«Для более детального изучения планировки и устройства Лабиринта необходимо производство раскопок широкими площадями. Выводы данного отчета могут считаться предварительными, так как время на его подготовку было ограничено из-за условий проведения проектных работ» (Отчет за 2006 г. С. 43).

«В рамках проекта в Летнем саду археологические исследования проводились на территории расположения исторических объектов: Гаванца, Менажерийного пруда, Парадного партера, Большой и Малой оранжереи, Лабиринта, садовых аллей, оснований скульптуры» (Отчет за 2006 г. С. 3).

Все эти объекты – элементы объекта культурного наследия федерального значения. К моменту начала шурфовки они не находились в угрожаемом состоянии, не разрушались и их сохранность была обеспечена на неопределенно долгий срок.

Эти памятники истории и культуры, часть объекта культурного наследия федерального значения, повреждены и частично уничтожены археологическими раскопками, проводившимися в Летнем саду.

Такого рода деятельность археологов вступает в противоречие с целым рядом Федеральных законов**.

Независимо от содержания «Проекта капитального ремонта...», проведение археологических раскопок в Летнем саду не вызвано нарушением культурного слоя и угрозой для сохранности этого объекта культурного наследия федерального значения.

Проведенные археологические раскопки разрушили целостность памятника истории и культуры, нанесли невосполнимый ущерб объекту культурного наследия федерального значения. Этот ущерб не может быть компенсирован ни проведением широкомасштабных археологических работ, ни проведением реставрационных работ любого характера и масштаба.

Выводы. Фактически многие «охраняемые» раскопки не только не являются научными, но приводят к гибели археологических памятников. Это вызвано

как низким моральным уровнем ряда археологов, так и бедностью существующих нормативов.

Необходимо:

1) изменить «Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах» таким образом, чтобы исключить раскопки в зимнее время и злоупотребление многочисленными шурфами;

2) создать обстановку моральной нетерпимости к нарушениям профессиональной этики.

Насколько серьезны эти задачи, показывает участие археологов в разрушении такого исторического памятника и национальной святыни, как Летний сад.

* Отчет о проведении охранных археологических работ в зоне проектируемого строительства «ВЛ 500 кВ Фроловская-Ростовская с ПС 500 кВ»; Отчет по проекту «Обеспечение сохранности объектов культурного наследия в зоне строительства. Ч. 5. ВЛ 6-10 кВ для электрооборудования ПС 500 кВ Ростовская, РПБ РП МЭС Юга, ЗКРП, светоограждения переходных опор через р. Северский Донец»; Технический Отчет о выполненных археологических изысканиях и разработанном разделе «Охрана объектов культурного наследия» на участках Брянской обл. (Лот № 1. Участок км 0 – км 92), Смоленской обл. (Лот № 2. Участок км 92 – км 218; Лот № 3. Участок км 218 – км 291; Лот № 4. Участок км 291 – км 376); Технический Отчет о выполненных археологических изысканиях и разработанном разделе «Охрана объектов культурного наследия» по объекту: «Балтийская трубопроводная система (БТС-II)» на участках Новгородской обл. (Лот № 7. Участок км 557-км 649; Лот № 8. Участок км 649 – км 730; Лот № 9. Участок км 730 – 786, км 97- км 809) и Ленинградской обл. (Лот № 10. Участок 786 км – 797 км, 809 км – 895 км; Лот №11. Участок 895 км – 942 км; Лот №12. Участок 942 км – 1042 км; Лот №13. Участок 1042 км – 1130 км).

** ФЗ от 25.06.02 № 73-ФЗ в редакции ФЗ от 27.02.2003 № 29-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 03.06.2005 № 57-ФЗ, от 31.12.2005 № 199-ФЗ, от 18.12.2006 № 232-ФЗ, от 29.12.2006 № 258-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Законом РСФСР от 15.12.78 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (в ред. Указов Президиума ВС РСФСР от 18.01.1985, ФЗ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ ст.42), Положением об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865.

С.Г. Быстров, В.Я. Баянкин, А.В. Жихарев

Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск

К.И. Куликов

Удмуртский институт истории, языка и культуры УрО РАН, Ижевск

Вакуумно-плазменный метод консервации для длительного хранения металлических памятников истории и культуры*

Предметы из металлов составляют большую часть фондовых коллекций музеев краеведческого, исторического и технического профиля, поэтому предохранение их от коррозионного разрушения является одной из важнейших задач. Особенно актуальна проблема для археологического металла, поскольку поверхность предметов, долгое время находившихся в культурном слое, морской или речной воде, частично или полностью разрушилась, с образованием продуктов коррозии различного состава.

Среди разнообразных способов консервации предметов из металлов наиболее распространены различные органические покрытия – воски, лаки, композиционные материалы, эмали, парафины, смолы. Однако они имеют ряд недостатков. В частности, большинство используемых покрытий представляет собой лишь физический барьер, препятствующий диффузии коррозионных составляющих атмосферы к поверхности металла, не исключая процессы внутренней коррозии. Кроме того, при использовании лаков в качестве пропитки пористых металлических предметов существует проблема удаления растворителя из пор при высыхании лака. Это приводит, во-первых, к длительному выделению из изделия токсичных паров растворителя, а во-вторых, оставшийся в порах растворитель может инициировать процессы растворения солей и возобновление коррозии изделия.

Нами разработан ряд новых методов сохранения металлических памятников истории и культуры, лишенных недостатков, свойственных перечисленным выше способам (Баянкин, Быстров, Куликов, 2006). В данной работе представлены результаты экспериментов, проведенных с целью оптимизации режимов консервации. Изучены особенности физико-химического строения и свойств защитных покрытий, полученных на тестовых образцах (низкоуглеродистая сталь, окисленная в атмосферных условиях) методом плазменной полимеризации. Для исследований применялись методы оптической микроскопии, атомной силовой микроскопии (АСМ) и рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии

(РФЭС). Получение покрытий производили в специальной установке (рис. 1).

Толщина слоя оксидов на поверхности тестовых образцов составляла в среднем 80 мкм. Данные оптической микроскопии свидетельствуют, что на микроуровне поверхность оксида имеет зернистое строение (рис. 2: а). Также на поверхности отчетливо видны поры диаметром 5–7 мкм. Методом АСМ нами установлено, что на наноразмерном структурном уровне внутренние слои оксидной пленки (снят верхний слой оксида толщиной 20 мкм) также имеют зернистую структуру (рис. 2: б). Размеры зерен меняются от 50 до 200 нм, шероховатость поверхности $R_a=39,2$ нм. Отмечается наличие пор диаметром 50–70 нм. Микротвердость оксидной пленки, измеренная по методу Виккерса, составляла 165 единиц.

Металлические пластинки прогревались в вакууме при температуре 250°C в течение 30 мин. для удаления из пор оксидной пленки воды и адсорбированных газов. Кроме того, в интервале температур от 200 до 450°C, как установлено методом РФЭС, происходят процессы восстановления тонких окисных пленок железа до металла. Эти эффекты, по нашим предположениям, должны приводить к снижению интенсивности внутренней коррозии. После прогрева образцы охлаждались до комнатной температуры при непрерывной вакуумной откачке. Далее вакуумная магистраль перекрывалась и в камеру напускался этилен до остаточного давления 10 Па. Образцы выдерживались при этом давлении в течение 10 мин. для того, чтобы дать возможность молекулам этилена продиффундировать в поры оксидной пленки и заполнить все пустоты в ней. Затем на электроды подавалось высокое напряжение, и в камере зажигался плазменный разряд постоянного тока. Мощность разряда поддерживалась в пределах 16–20 Вт, длительность горения разряда варьировала от 60 до 600 с. Одновременно, для контроля толщины получаемых покрытий, обрабатывались пластинки ситалла с зеркально гладкой поверхностью (замеренная методом АСМ шероховатость R_a составляла 2,5 нм).

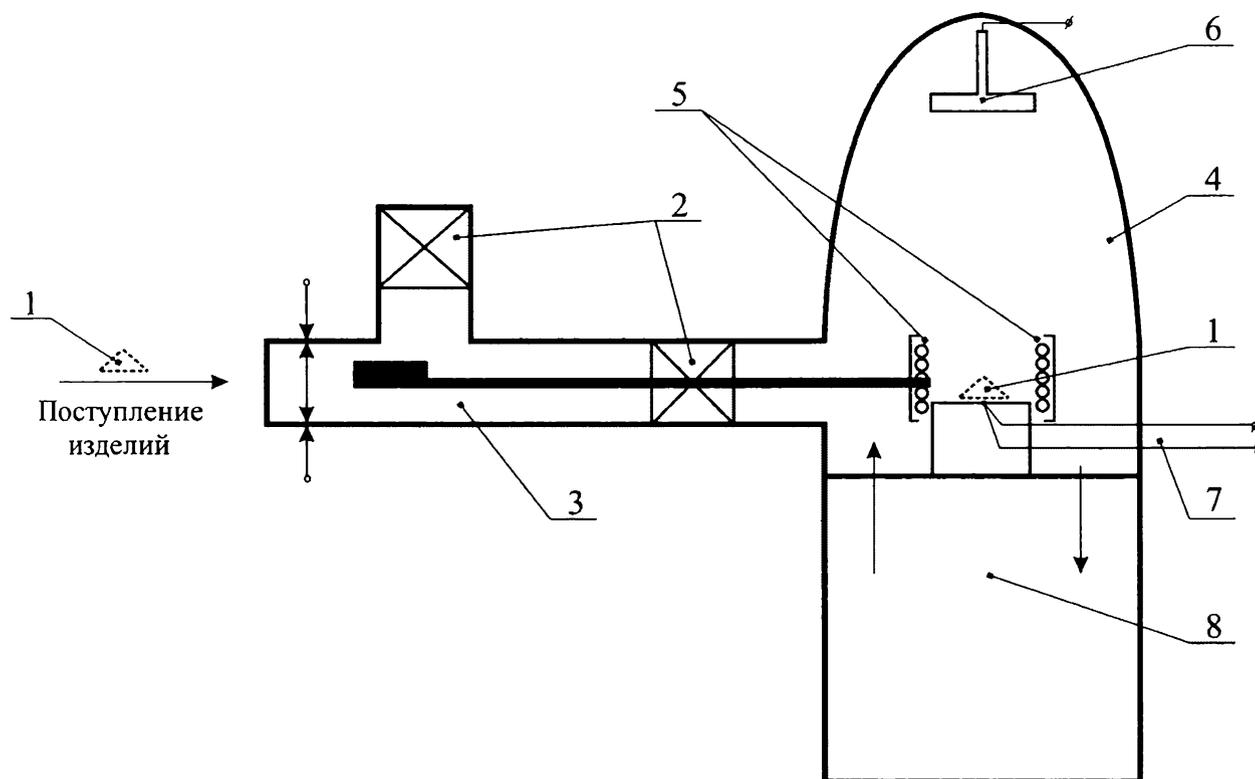

Рис. 1. Схема вакуумной установки для нанесения на археологические изделия антикоррозионных покрытий.
1 – изделие; 2 – шлюзовая камера; 3 – система транспортировки; 4 – вакуумная камера; 5 – система нагрева;
6 – высоковольтный электрод; 7 – термопара; 8 – система вакуумной откачки и напуска газов

Под действием компонентов плазмы (потока электронов, ионов и электромагнитного излучения) происходила активация ненасыщенных химических связей в молекулах этилена и начиналась их полимеризация. Поскольку в данных условиях полимеризация протекает в основном по свободнорадикальному механизму, полимерная пленка образуется не только на поверхности образца, но и в порах оксидной пленки.

По данным АСМ (рис. 2: в), на наноразмерном уровне плазмополимеризованная пленка имеет зернистое строение со средним размером зерен порядка 5 нм, толщина покрытия составляет 150–200 нм, шероховатость $Ra=0,92$ нм. Установлено, что пленка не имеет видимых следов разрушения при испытании на стойкость к истиранию методом АСМ при приложении нагрузки вплоть до 11 нН. Сила адгезии иглы зонда АСМ к поверхности составляет 5,3 нН, что свидетельствует о высокой поверхностной энергии полученного покрытия (рис. 2: г).

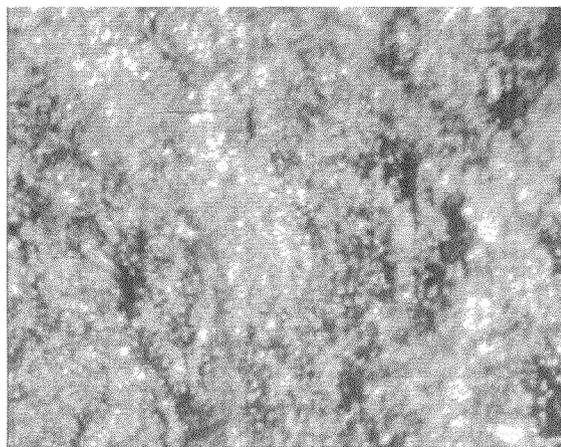
Ускоренные коррозионные испытания исходных образцов и полученных покрытий проводили путем нанесения на образец капли свежеприготовленного 3% раствора хлорида натрия с добавлением гекса-

цианоферрата (III) калия. Испытания показали, что на поверхности исходных образцов следы коррозии появляются через 15 ± 5 с. после нанесения капли и к моменту высыхания капли (порядка 8 мин.) составляют 19,8% от площади капли. В результате эксперимента на тестовой пластинке металла было получено полимерное покрытие, коррозионная стойкость которого составляла в среднем 120 ± 30 с, т. е. на порядок превышала стойкость исходных образцов. Относительная площадь коррозионных пятен составляла 0,9%. Причем эти дефекты имели точечный характер.

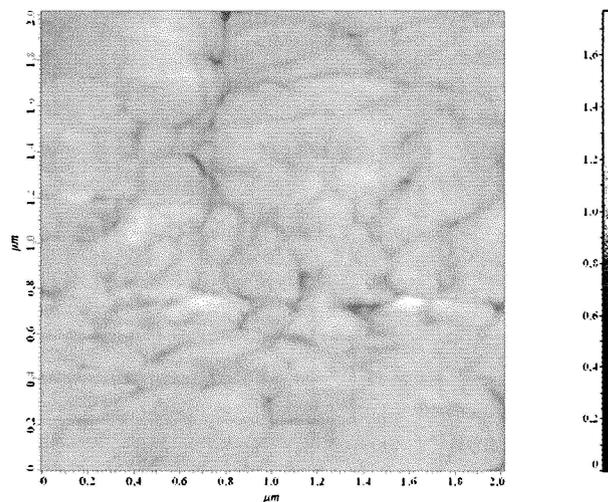
Таким образом, на тестовых образцах показано, что предложенный нами способ перспективен для консервации археологических металлических предметов, имеющих большое количество пор и микротрещин.

* Работа поддержана РФФИ (проект 07-06-96011-р-Урал-а).

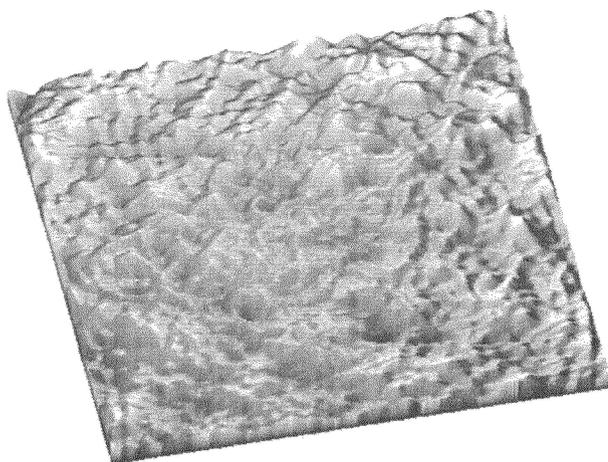
Баянкин В.Я., Быстров С.Г., Куликов К.И. Способ консервации металлических изделий: Патент на изобретение RU 2280512 C2 МПК B05D 3/04 (2006.01).

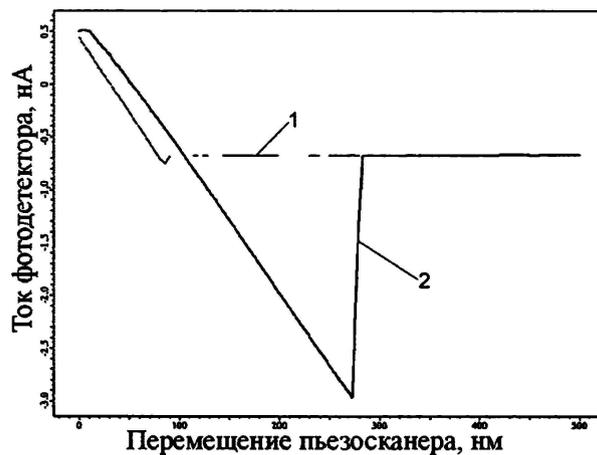
а

б

в

г

Рис. 2. Строение и свойства исходной оксидной пленки и плазмополимеризованного защитного покрытия. а) микроструктура исходной оксидной пленки (оптическая микроскопия, увеличение 600, размер кадра 125x125 мкм); б) АСМ изображение наноструктуры объемных слоев исходной оксидной пленки (режим фазового контраста, размер кадра 2x2 мкм); в) АСМ изображение поверхности плазмополимеризованного защитного покрытия (режим топографии, размер кадра 2,5x2,5 мкм, диапазон изменения высот по оси z от 0 до 10 нм); г) результаты измерения силы адгезии АСМ зонда к поверхности плазмополимеризованного защитного покрытия (1- приближение зонда к образцу, 2- отрыв зонда от образца)

А. Г. Векслер*Заместитель председателя Комитета по культурному наследию г. Москвы – главный археолог г. Москвы*

Спасательная археология Москвы – история и современность

Археологические исследования на территории Москвы продолжаются около двухсот лет. В течение XIX в. и вплоть до 30-х гг. XX в. З.Я. Доленга-Ходаковским, А.Д. Чертковым, Д.Я. Самоквасовым, А.А. Спицыным, Ю.В. Готье, В.А. Городцовым, Б.А. Куфтиным, Б.С. Жуковым, О.Н. Бадером проводились исследования подмосковных городищ и курганных групп, ныне находящихся на территориях, вошедших в границы города. Вместе с тем, клады и древние сооружения, обнаруженные в ходе наблюдений, связанных со строительством храма Христа Спасителя, Большого Кремлевского дворца, привлекли внимание таких ученых, как П.С. Савельев, М.С. Гастев. В историко-археологических исследованиях приняли активное участие члены Московского Археологического Общества.

Начиная с 1909 г., изучение московских древностей велось образованной при Московском Археологическом Обществе Комиссией по изучению старой Москвы. В послереволюционный период эту Комиссию возглавил художник А.М. Васнецов, использовавший для возрождения на своих полотнах облика средневековой Москвы материалы археологических наблюдений.

В 1920-х гг. под руководством П.М. Миллера начались систематические археологические наблюдения, связанные со сносом памятников архитектуры и новым строительством в городе.

В 1934 г. начало планомерным археологическим исследованиям Москвы положило строительство первой линии метро. На грандиозной стройке работала бригада ученых под руководством А.В. Арциховского. В исследованиях принимали участие Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов, Т.С. Пассек, Н.М. Коробков, Е.М. Горюнова и др.

В послевоенный период крупномасштабные раскопки предшествовали строительству высотного здания в Котельниках и сооружению Дворца Съездов в Кремле, гостиницы «Россия» в Зарядье. Продолжались исследования городищ и курганов. Историко-археологические исследования проводили А.В. Арциховский, М.Г. Рабинович, А.Ф. Дубынин, А.Г. Векслер, Н.Н. Воронин, Г.П. Латышева, Т.В. Равдина, Р.Л. Розенфельдт, Н.С. Шеляпина (Владимирская) и др. Блистательной плеядой названных выше исследователей была заложена проч-

ная научно-методическая база археологии Москвы. В 1970–1980-х гг. Музеем истории и реконструкции Москвы велись охранные исследования, связанные с сооружением Калужско-Рижского радиуса метро, раскопки Печатного двора на Никольской улице, усадьбы боярина Н.Р. Захарьина-Юрьева, сооружений Осадного двора, некрополя при церкви Знамения на ул. Варварке. В школьном археологическом клубе музея были воспитаны многие ученые, внесшие в последующем значительный вклад в изучение памятников археологии Москвы.

Новый виток реконструкции исторического центра в 1980-х гг. потребовал возрождения Московской археологической экспедиции ИА РАН. Особую значимость имели раскопки Казанского собора и Пушечного раската на Красной площади, в Богоявленском и Даниловом монастырях, проведенные Л.А. Беляевым, раскопки С.З. Чернова в Историческом проезде, на Монетном дворе, Биржевой площади Китай-города. С особой остротой проблема сохранения археологического наследия встала в Москве в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с новым витком реконструкции центра города. Руководство города в конце 1989 г. принимает решение о создании в системе органов охраны памятников г. Москвы специального подразделения с функциями муниципальной Археологической службы. Любые земляные работы в городе без предварительного согласования с вновь созданным подразделением были запрещены. На данную службу возложили функции организации многопланового комплекса охранных работ: согласование проектов строительства, археологическое проектирование натуральных исследований, координацию работ с ИА РАН и другими археологическими организациями.

Назовем ряд наиболее значимых объектов, работы на которых были организованы Центром археологических исследований – руководителем всего комплекса работ от начала его создания является А.Г. Векслер.

В Китай-городе проведены крупномасштабные раскопки на территории Старого Гостиного двора, в Зарядье – в зоне реконструкции гостиницы «Россия», на трассах ул. Ильинки, Никольской, Черкасского пер., исследованы фундаменты и некрополь церкви Троицы в Старых полях в Третьяковском

проезде. В настоящее время ведутся исследования, связанные с реконструкцией Теплых Торговых рядов в Богоявленском проезде. В Белом городе – в Занеглименье – проведены беспрецедентные по масштабам исследования на Манежной площади и в здании ЦВЗ «Манеж», в зоне архитектурного ансамбля Дома Пашкова. Раскопками также были охвачены ул. Волхонка (древнее Чертолье), район ул. Б. Дмитровки, Театральная площадь. На Хохловской площади раскрыты белокаменные кладки укреплений Белого города. Среди других работ в этой исторической части города отметим исследования ИА РАН в Романовом пер. (Н.А. Кренке) и в Зачатьевском монастыре на Остоженке (Л.А. Беляев).

В Земляном городе в Замоскворечье, где ранее велись в основном наблюдения, раскопками охвачены районы улиц Б. Ордынки, Полянки, а также Казачьего, Щетининского, Толмачевского, Кадашевских, Татарского, Овчинниковского переулков. В 2007 г. завершились раскопки, связанные с развитием территории Третьяковской галереи. В Заяузье продолжены начатые еще в 1940-е гг. М.Г. Рабиновичем раскопки Гончарной и Котельнической слобод. На Сухаревской площади усилиями археологической службы сохранены основания уникального памятника архитектуры XVII в. – Сухаревой башни, попавшей в зону строительства пешеходного перехода на Садовом кольце.

За пределами исторического центра организованы крупномасштабные архитектурно-археологические исследования, связанные с изучением комплекса загородного дворца царя Алексея Михайловича на территории музея-заповедника «Коломенское», первого регулярного парка России в Лефортово, дворцового комплекса «Царицыно», усадеб Воронцово и Кузьминки, в пойме правобережья р. Москвы проведены крупномасштабные раскопки Мякининского селища.

Подводя итоги сказанного выше, отметим следующее.

1) Возникновение в конце 1980-х гг. городской Археологической службы стало новым этапом в истории археологии Москвы. В Москве сформировалась принципиально новая и вполне устойчивая система взаимоотношений между органами охраны памятников, археологами и строительным комплексом, проектными организациями. Предварительные археологические исследования, сопровождающие строительство, являются теперь столь же необходимой частью производственного цикла, как геологические и геодезические работы.

2) Чрезвычайную важность представляет развитие археологического проектирования, постоянное творческое сотрудничество археологов с градостро-

ительной наукой. Выделенный специальный подготовительный этап, удельный вес которого постоянно возрастает, обеспечивает согласованность действий археологов со всей системой города, позволяя выполнять работы иногда в предельно напряженные, но реальные сроки.

3) Постановлениями Правительства Москвы законодательно закреплён статус охранных археологических зон в пределах Камер-Коллежского вала, городской черты XVIII в., 140 территорий в пределах административной границы города.

4) К исследованиям в городе привлечён ряд специализированных научно-производственных организаций, что позволяет в случае необходимости задействовать большой коллектив специалистов – археологов, архитекторов, реставраторов, землекопов – при проведении крупномасштабных исследований в столице. Важным фактором при проведении охранных работ является сотрудничество с академической наукой, в том числе, с ИА РАН, сотрудники которого в 2007 г. провели раскопки совместно с Государственными Музеями Московского Кремля в Тайницком саду (рук. Н.А. Макаров), что стало важным событием в изучении ядра феодального города.

5) В результате раскопок, охвативших практически всю территорию современной Москвы, получены уникальные материалы для создания подробной археологической карты города, данные о стратиграфии многометровых культурных напластований, этапах застройки, планировки, изменениях трассировки древнейших улиц. В ходе крупномасштабных исследований на Манежной площади, в подземном пространстве ЦВЗ «Манеж», Старом Гостином дворе, Теплых Торговых рядах открыты ярусы средневековой усадебной застройки, деревянных мостовых. В Белом городе открыты палаты знатных московских родов: Милославских, Скуратовых, Волынских и др. В Зарядье, Чертолье, на трассах Бульварного и Садового кольца исследованы фундаменты городских оборонительных сооружений, в том числе Всехсвятской и Сухаревой башен. Получены новые данные о производственно-хозяйственной деятельности средневековых гончаров, ткачей, кузнецов, оружейников. Исследованы производственные комплексы, в том числе гончарные горны, в Заяузье. Исследованы сооружения дворцовой и садово-парковой архитектуры в Коломенском, Лефортово, Царицыно. Среди найденных кладов отметим самый крупный из когда-либо обнаруженных в Москве в результате охранных раскопок денежно-вещевой клад XVII в. в Старом Гостином дворе.

6) В ходе работ получены уникальные коллекции находок, насчитывающие тысячи артефактов.

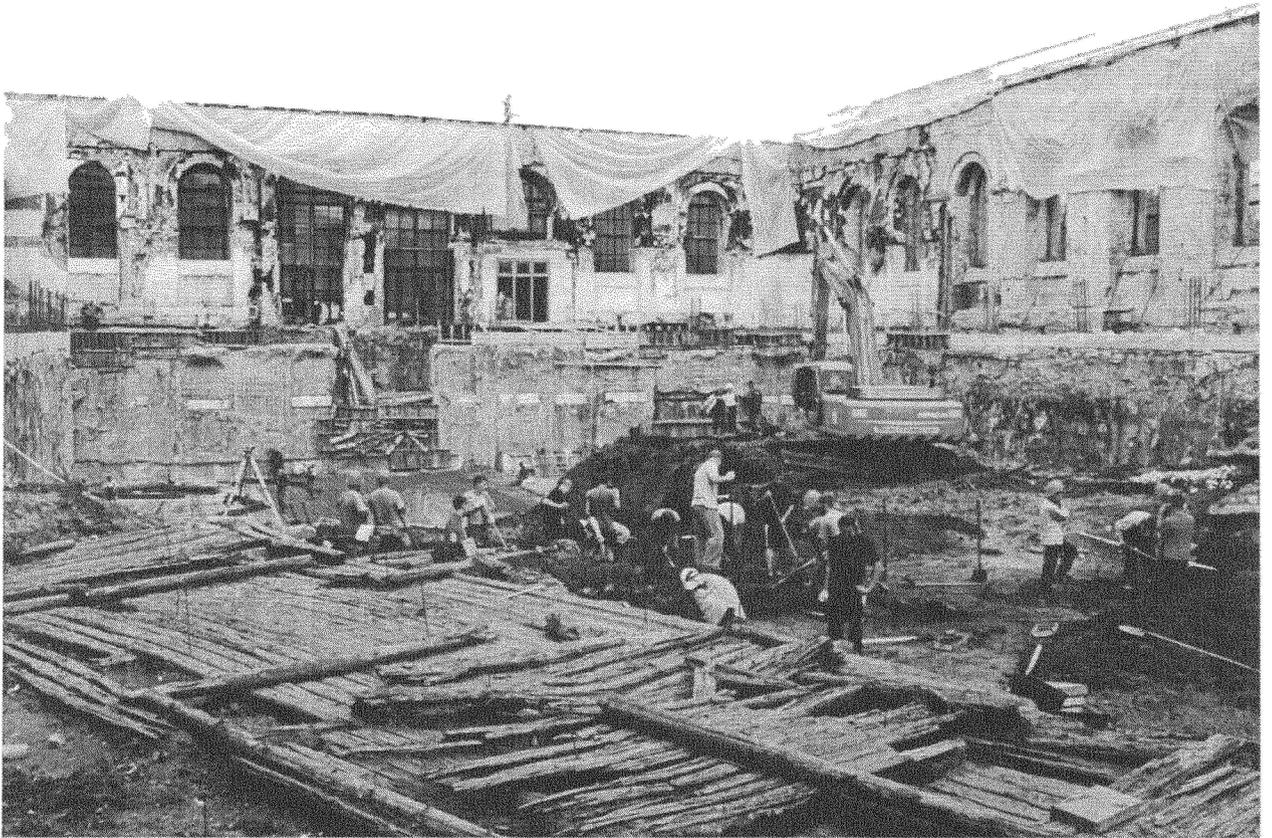

Рис. 1. Охранные археологические раскопки в сгоревшем здании Манежа. 2004 г.
Деревянные мостовые Тверской дороги. XVII в.

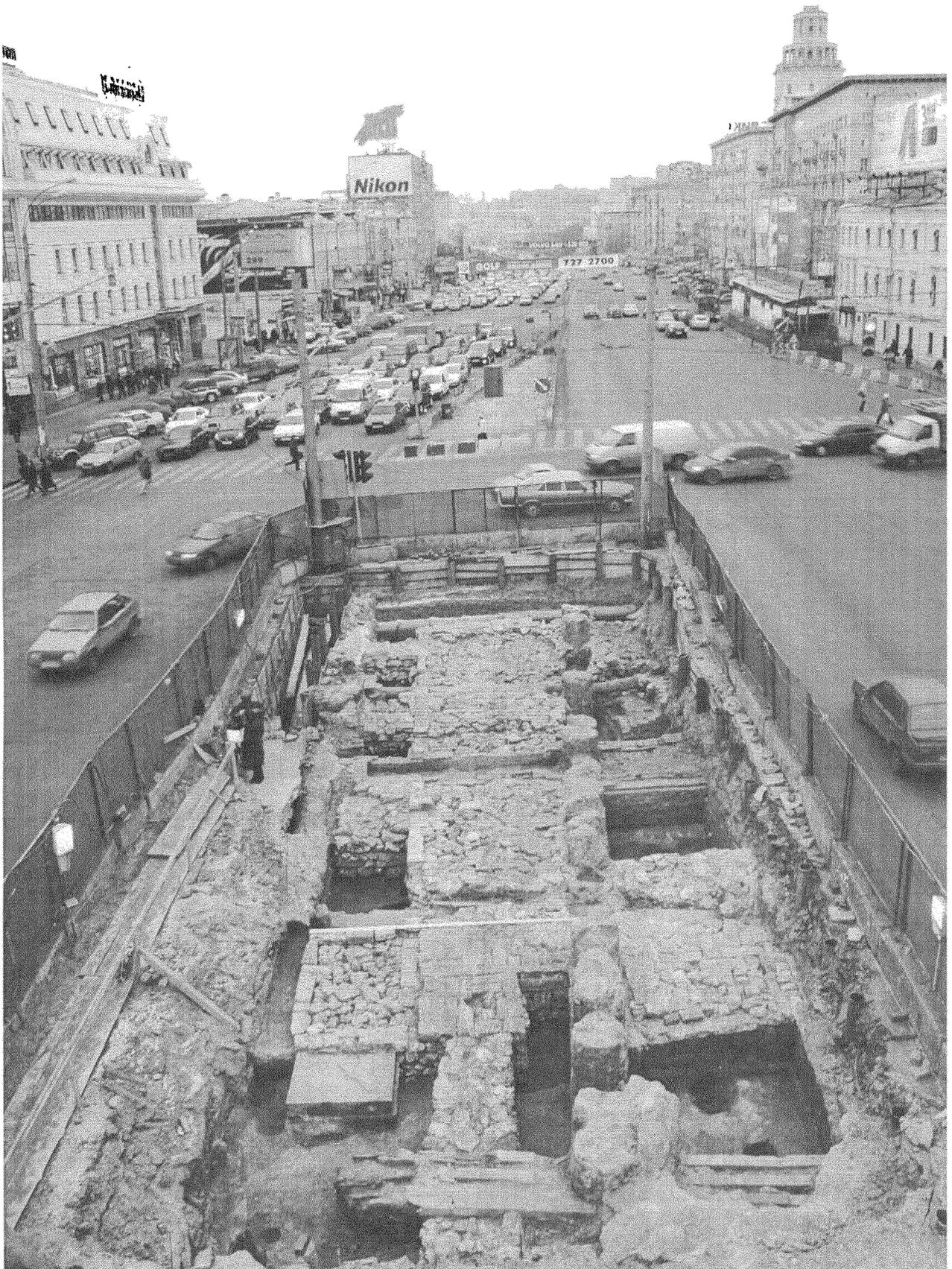

Рис. 2. Охранные археологические раскопки на Сухаревой площади. Белокаменное основание Сухаревой башни. XVII в.

Рис. 3. Клад Старого Гостиного Двора. XVII в. Обнаружен при раскопках в 1996 г.

На основании новых материалов создаются новые археологические экспозиции, зримо представляющие живую связь времен исторического города. В подземном музее на Манежной площади представлен раскрытый в ходе раскопок Воскресенский мост в эволюции его создания. Белокаменные фундаменты четверика церкви Троицы в Старых полях в Третьяковском проезде стали первым в Москве археологическим музеем «под открытым небом». На территории музея-заповедника «Коломенское» музефицированы фундаменты Кормового Двора, в «Царицыно» – сооружения Баженовского ансамбля: Большой Кавалерский и Камер-Юнгфарский корпуса, восстановлен открытый раскопками парадный

мост во входной зоне Воронцовского парка. Археологические экспозиции созданы в выставочном комплексе в Старом Гостином дворе, в Большом Дворце в «Царицыно». В районе Митино впервые в столице создается археологический ландшафтный парк с экспонированием памятников широкого спектра московской археологии.

7) Важнейшим результатом является создание на базе московской археологической службы школы, где методическую подготовку проходят многочисленные специалисты, которые в будущем, несомненно, используют полученный уникальный опыт проведения спасательных исследований в Москве для сохранения археологического наследия России.

А.В. Гонозов

Управление государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской обл.

Государственное управление археологическим наследием на территории Нижегородской области

Начало 1990-х гг. ознаменовалось для Нижегородской обл. несомненным прорывом в области охраны и использования памятников истории и культуры. Нижегородская обл. оказалась в числе единичных регионов России, где был создан (1992 г.) самостоятельный орган охраны памятников в структуре органов исполнительной власти – Комитет по охране и использованию объектов культурного наследия. Как самостоятельный орган комитет (позднее департамент) просуществовал до конца 2002 г. В период потери самостоятельности (конец 2002 – начало 2006 г.) функции, связанные с охраной памятников, передавались сначала в министерство культуры (где на базе ликвидированного департамента было сформировано два отдела), а осенью 2005 г. – в департамент градостроительного развития территории Нижегородской обл.

В феврале 2006 г. государственное управление охраны объектов культурного наследия Нижегородской обл. воссоздано в качестве самостоятельного органа государственной власти по вопросам охраны объектов культурного наследия в региональной системе органов исполнительной власти. Следует заметить, что в процессе происшедших реорганизаций и изменений костяк специалистов с середины – второй половины 1990-х гг. оставался прежним. Во многом благодаря этому, а также преемственности традиций, система охраны объектов археологи-

ческого наследия Нижегородской обл. имела положительную динамику развития, сохраняющуюся до настоящего времени.

В условиях отсутствия в регионе ведущего научного археологического центра, археологических школ управление стало играть ведущую роль в системе охраны наследия. Позиция госоргана во многом нашла понимание и поддержку в археологическом сообществе, увеличившемся с начала 1990-х гг. количественно и приобретшем богатый опыт ведения исследований.

С момента образования самостоятельного управления проделана значительная работа. Выработанные принципы взаимодействия между негосударственными научно-исследовательскими организациями археологического профиля и госорганом охраны объектов культурного наследия, базирующиеся на понимании общности задач, позволили организовывать проведение исследований, находить грамотные решения по сохранению объектов.

По данным об интенсивности полевых исследований в различных регионах России, основанным на статистике выдачи Открытых листов, начиная с 2001 г. Нижегородская обл. находится в десятке регионов-лидеров. По мнению директора ИА РАН Н.А. Макарова, «обусловлена подобная ситуация не столько археологическими богатствами регионов лидеров по интенсивности проведения археологи-

ческих работ и особым статусом исследовательских центров, а прежде всего дееспособностью органов охраны памятников».

Одним из значимых результатов деятельности госоргана представляется постановка на государственную охрану в конце 1990-х – начале 2000-х гг. по новой для того времени методике около 550 памятников, расположенных на территории 18 районов области, двух городов (Арзамас, Н. Новгород) и поселка. При этом постановлениями Законодательного собрания вместе со списками памятников утверждались и планы границ территорий памятников, а также их охранных зон. Эта деятельность заложила хорошую правовую основу для сохранения памятников, а возможно, и для внесения сведений об объектах археологического наследия в земельный кадастр.

Отказ в середине 1990-х гг. от согласования, при условии проведения археологических исследований, любых новых проектов строительства на не обследованных ранее земельных участках до получения результатов археологического обследования, подтолкнул заказчиков (проектировщиков) к проведению археологических разведок на стадии разработки проектной документации.

На современном этапе управление активно участвует в подготовке условий, связанных с ограничениями (обременениями) прав по использованию земельных участков, предоставляемых для реализации всех инвестиционных проектов на территории области.

Подобная практика создает все необходимые условия для того, чтобы еще на старте инвестиционной деятельности застройщики (строители) знали об ограничениях, связанных с сохранением объектов археологического наследия, а управление могло контролировать выполнение этих условий.

Положено начало внедрению практики разработки разделов об обеспечении сохранности объектов археологического наследия в составе проектов строительства на самых ранних стадиях проектирования, включая стадию разработки проектов планировки и межевания (обоснования инвестиций при реализации крупных линейных объектов строительства).

Одним из важных видов связей, обеспечивающих функционирование системы охранной деятельности, является Охранное обязательство по объектам археологического наследия, на котором хотелось бы остановиться подробнее. Отношение к Охранному обязательству как к одному из ключевых в охранной археологии документов сформировалось не сразу. Отправной точкой стал 1994 г., когда госоргану было отказано в возбуждении уголовного дела по факту уничтожения участка культурного слоя

г. Нижнего Новгорода в связи с тем, что с застройщиком не было заключено Охранное обязательство и производитель работ не знал, что работает на памятнике археологии (точнее – не оказалось документов доказывающих, что он знал). Это поставило сотрудников госоргана перед необходимостью организации работ по заключению Охранных обязательств по памятникам археологии, в соответствии с требованиями законодательных и нормативных актов того периода. На первых порах (в первые два-три года) положительного результата приходилось добиваться практически только через предписания о приостановке земляных и строительных работ, содержащие, среди прочих, требование о заключении Охранного обязательства. Работа велась в основном с застройщиком, на территории г. Нижнего Новгорода. По просьбе госоргана требование о заключении Охранных обязательств было включено в распоряжения главы г. Нижнего Новгорода.

Рутинная, бумажная работа постепенно стала давать заметные результаты, выражающиеся в росте строительных площадок, обследуемых археологами. Сократилось количество предписаний, выдаваемых госорганом охраны памятников. Работа проходила под внутренним девизом – «предписание о приостановке работ и обеспечении проведения археологических исследований – это крайняя мера и результат недоработки госоргана». Постепенно охранные обязательства стали заключаться и с собственниками (пользователями) земельных участков, которые не планируют проведение земляных работ. Способствовала этому и сформированная система выдачи Заключений о возможности продажи в собственность земельных участков. Расширилась география деятельности по заключению Охранных обязательств.

После выхода в 2002 г. ФЗ № 73, в связи с тем, что все объекты археологического наследия были отнесены к государственной собственности, не подлежащей отчуждению, встал вопрос о возможности приватизации земельных участков, в пределах объектов археологического наследия, а также целесообразности продолжения деятельности по заключению Охранных обязательств. На основе анализа законодательной базы* был сделан вывод о том, что в ходе приватизации земельных участков, расположенных в пределах объектов археологического наследия, приватизируется только сам земельный участок, а объект археологического наследия остается в государственной собственности. Следовательно, приватизация земельных участков, в пределах объектов археологического наследия возможна, при условии заключения собственником/пользователем земельного участка Охранного обязательства.

Коренной перелом в деятельности по заключению Охранных обязательств произошел после того, как в конце 2004 г. госорган охраны памятников (тогда министерство культуры Нижегородской обл.) обратился в Федеральную регистрационную службу с указанием на обязательность государственной регистрации требований к сохранению объектов археологического наследия, изложенных в Охранном обязательстве.

После этого Федеральная регистрационная служба стала мотивированно приостанавливать регистрацию сделок купли – продажи, договоров аренды и прав собственности на земельные участки, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия, и направлять собственников/пользователей в госорган для заключения Охранных обязательств. Практически сразу же сместился и акцент во взаимоотношениях по данному вопросу между госорганом и собственником/пользователем. Если раньше юридических и физических лиц приходилось разными способами либо «загонять», либо «подталкивать» к заключению Охранных обязательств, то теперь они сами обращаются в госорган охраны, проявляя заинтересованность.

Предпринимались отдельные попытки признать неправомерной передачу земельных участков в пределах объектов археологического наследия в собственность (под видом земель, ограниченных в обороте). Однако Арбитражным апелляционным судом такие попытки были признаны несостоятельными и кассационные жалобы оставлены без удовлетворения.

Механизм заключения Охранных обязательств стал мощным рычагом, способствующим организации проведения археологических работ, осуществлению контроля за соблюдением режима содержания и использования объектов археологического наследия, мониторинга состояния отдельных их участков. В настоящее время данный механизм в той или иной степени работает на территории г. Нижнего Новгорода, г. Городца, г. Арзамаса, г. Балахны, г. Павлово, с. Курмыш. Перед управлением стоит задача организации работы по заключению Охранных обязательств на объекты, расположенные вне населенных пунктов, а также на территории г. Саров. Эта работа тесно взаимосвязана с внесением информации об объектах археологического наследия в Единый государственный земельный кадастр.

В первые 6 лет работы (с 1995 по 2000 г.) госорганом было заключено всего 175 Охранных обязательств, в 2001, 2002 гг. – 63, в 2003 г. – 77, в 2004 г. – 153, в 2005 г. – 276, в 2006 г. – 357, в 2007 г. – 422.

В последнее время на территории области инвестиционный процесс в строительной отрасли полу-

чил мощное развитие. Планируется реализация ряда крупных проектов, затрагивающих большие территории с десятками памятников археологии. В связи с этим резко возросли объемы управленческой работы по сохранению объектов археологического наследия.

Одна из острых проблем, от решения которой зависит многое, – это недостаточное количество специалистов, занимающихся охранной деятельностью. С начала 2008 г. в нашем управлении этими вопросами ведает 1 специалист. Только с увеличением количества специалистов и созданием в структуре госоргана охраны соответствующего подразделения работу можно будет поднять на качественно иной уровень.

Эффективное управление археологическом наследием региона, в конечном итоге, должно сводиться к минимизации воздействия любой хозяйственной деятельности на эти объекты. Осуществлять это возможно следующими способами:

- заранее прогнозируя воздействие проектируемого строительства на археологический объект (археологическое проектирование на самых ранних стадиях процесса подготовки строительства);

- выводя из сферы хозяйственной деятельности: отдельные участки и территории объектов археологического наследия с их охранными зонами; зоны повышенной концентрации археологических объектов (с прилегающими участками ландшафта); территории единовременно бытовавших и взаимосвязанных пространственно комплексов поселений, селищ, городищ, имеющих большое значение для изучения вопросов истории не только отдельно взятого региона, но и России.

Вывод из сферы хозяйственной деятельности должен осуществляться путем:

- объявления территорий или отдельных участков объектов археологического наследия и их охранных зон землями историко-культурного назначения, с последующим переводом земель из одной категории в другую;

- «резервирования» территорий для научных исследований через развитие механизма установления охранных зон (единых охранных зон);

- и, конечно же, создания сети разного уровня историко-археологических и ландшафтных музеев-заповедников (в Воскресенском р-не Нижегородской обл. по инициативе районных властей создан природный историко-археологический музей «Русенихинское городище»).

В основе эффективной деятельности любого регионального госоргана по охране объектов археологического наследия должна лежать концепция его управления, разработанная для конкретного регио-

на и утвержденная Постановлением Правительства этого региона.

Региональные концепции в свою очередь должны базироваться на концепции федерального уровня, разработанной с участием как специалистов ведущих археологических центров России, так и специалистов-археологов, работающих в сфере управления археологическим наследием.

В целях активизации охранной деятельности необходимо инициировать создание Археологической службы России, имеющей статус государственного органа и наделенной в первую очередь контролирующими функциями за реализацией разделов об обеспечении сохранности археологических объектов в составе проектов строительства, а также за деятельностью (бездеятельностью) региональных органов. Разумеется, данный вопрос требует тщательной проработки (хотя само предложение о создании такой службы не ново).

* Согласно п. 2 ст. 49 ФЗ № 73-ФЗ, объект археологического наследия и земельный участок или участок водного объекта, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно. В соответствии с логикой этой статьи, сам земельный участок может находиться в любой форме собственности и подлежит приватизации по ст. 28 ФЗ от 21.12.2001. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».

В соответствии со ст. 27 Земельного кодекса РФ от

25.10.2001. № 136-ФЗ, земельные участки, занятые объектами археологического наследия, ограничиваются в обороте. Однако земельные участки, отнесенные к землям, ограниченными в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами». Указанный выше п. 2 ст. 49 ФЗ № 73-ФЗ устанавливает именно такой случай.

Согласно ст. 29 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», объекты культурного наследия (памятники истории и культуры, а также выявленные объекты культурного наследия) могут приватизироваться в порядке и способами, которые установлены данным ФЗ, при условии их обременения охранными обязательствами по содержанию, сохранению и использованию.

В соответствии с п. 3 ст. 63 ФЗ № 73-ФЗ, требования к сохранению объекта культурного наследия, изложенные в охранно-арендном договоре, охранном договоре и охранном обязательстве, подлежат государственной регистрации и являются требованиями, стесняющими правообладателя при осуществлении им права собственности либо иных вещных прав на данный объект недвижимого имущества.

При государственной регистрации права собственности (пользования) на земельный участок, расположенный в границах объекта археологического наследия, правообладатель должен предъявить соответствующее Охранное обязательство (договор) о сохранности и использовании объекта археологического наследия.

Т.В. Гусева

ООО «Археологическая служба», Нижний Новгород

Охранная археология как вид нормативно-регулируемой деятельности в современном обществе

В последние годы тема охранной археологии все чаще становится предметом обсуждений, как в научных кругах, так и в структурах государственного управления историко-культурным наследием страны.

Разное отношение к охранной археологии проявляется уже в применяемых к ней определениях: «коммерческая», «контрактная», «спасательная». Ни одно из них нельзя признать удачным, т. к. они не отражают ее сущностных особенностей.

Под коммерцией подразумевается деятельность по продаже товаров и услуг с целью получения прибыли. Археология как вид деятельности подразумевает иное целеполагание. Определение «контракт-

ная» указывает лишь на форму взаимоотношений между работодателем и работником. Специфика охранной археологии заключается не в этом. Традиционные методы археологических работ являются разрушающими. Вряд ли можно назвать «спасательной» деятельность, в основе которой лежит методика исследования объекта путем его физического уничтожения.

Перечисленные определения не так безобидны, как это кажется на первый взгляд. Образующиеся с их помощью понятия либо не раскрывают, либо искажают суть охранной археологии как вида деятельности и при попытке ее осмысления вводят в заблуждение.

Определение «охранная» представляется наиболее удачным, т. к. применительно к деятельности в сфере сохранения археологического наследия отражает ее видовой признак и не искажает существенных характеристик. Более того, именно оно дает расшифровку ее специфики как вида социальной деятельности. Охранная археология – это вид археологической деятельности, вызванный к жизни активным хозяйственным освоением территорий, создающим угрозу для сохранения археологического наследия, и жестко регламентированный государством с помощью нормативно-правовых актов об охране историко-культурного наследия страны.

То, что охранная археология, как и археология в целом, является видом научной деятельности, казалось бы, не подлежит сомнению. Они имеют единый объект и предмет изучения. У них единые методы работы. Одни и те же субъекты производят исследования, имеющие целью получение нового знания, что является признаком именно научной (научно-исследовательской) деятельности (ФЗ № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», ст. 2). Отличия от традиционной (академической) охранная археология имеет в части социальных условий. Главным и принципиальным является то, что государство полностью переложило бремя содержания охранной археологии на застройщиков и самих археологов. Застройщик, по закону, оплачивает полный цикл полевых исследований. Другие формы научной деятельности (написание и издание научных трудов, участие в работе научных конференций, повышение квалификации и т. д.), создание и усовершенствование материально-технической базы для ее развития возможны только за счет самфинансирования. Выбор предмета научного исследования, характер, объем и сроки его изучения находятся в полной зависимости от порядка охранной деятельности, которая по целеполаганию не является научной.

Законом контроль за выполнением охранных археологических работ возложен на органы государственной охраны, которые не интересуют научный результат и его качество. Если формально Закон был соблюден, то охранная работа будет принята при любом качестве и объеме произведенных в ее рамках научных исследований. При этом чаще всего как застройщики, так и представители госорганов охраны, будут считать, что археологи за чужой счет «делали свою науку».

Если выполнение охранных задач защищено законом, то защищать научное целеполагание «охранной археологии» приходится в одиночку. При этом у нее нет даже правовой поддержки.

Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах куль-

турного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», вводя понятие археологические полевые работы (работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия), никак не фиксирует их научный статус (ст. 45).

В Налоговом Кодексе археологические работы рассматриваются вместе с земляными в рамках ремонтно-реставрационных работ (ст. 149. 15).

Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, на которое законом возложен контроль за деятельностью в области сохранения объектов культурного наследия, рассматривает охранную археологию как составную часть реставрационной деятельности (Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 7 октября 2004 г., № 40 «О лицензировании деятельности по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)»; Свод реставрационных правил. М., 2007).

В Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД), где есть даже «охрана исторических мест и зданий», охранная археология отсутствует.

Единственным документом, который не только признает охранную археологию составной частью археологической науки, но и пытается регламентировать ее с точки зрения научной методики, является «Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации», разработанное ИА РАН в 2007 г. Но оно является локальным нормативным документом и в правовом отношении обязательно только для сотрудников этого учреждения.

Охранная археология как вид научной деятельности оказывается незащищенной не только в правовом пространстве. В научных кругах она нередко воспринимается как «второсортная» археология. Да и среди тех, кто ею занимается, далеко не все готовы поддерживать ее научный статус.

Поэтому угроза утраты научного целеполагания в этом виде деятельности вполне реальна. Но исходит она не от охранной археологии. Складывающаяся государственная система управления археологическим наследием последовательно подводит к выхолащиванию научной составляющей охранных археологических исследований и превращению их в разновидность сугубо охранной деятельности.

Как будет выглядеть такая охранная археология, можно себе представить, ознакомившись со Сводом реставрационных правил (СРП-2007) изданным Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ под грифом нормативно-методического из-

дания. Археологическим исследованиям посвящен целый раздел. При этом в перечне разработчиков нет ни одной научной археологической организации. В разделе немало полезных рекомендаций для осуществления производственного цикла. Нет только признаков научной деятельности. Сегодня это рекомендации. Завтра они могут стать нормативно-правовым актом. И тогда стерилизация охранной археологии как вида научной деятельности будет узаконена.

Почти 20-летний опыт Нижегородской Археологической Службы показал, что существование отдельно взятой частной (по общероссийскому классификатору форм собственности) коммерческой (с организационно-правовой точки зрения) организации без потери научной жизнеспособности в условиях рыночных отношений, агрессивного вторжения бизнеса во все сферы хозяйственной деятельности, – явление реальное.

Закон допускает, при неизбежности в рамках хозяйственной деятельности частичного или полного физического разрушения объекта археологического наследия, его сохранение в виде извлеченной из него путем проведения спасательных археологических

полевых работ информации (ст. 40. 2). Получить качественную и максимально полную информацию можно, только применяя научные методы. Охранный результат будет целиком и полностью зависеть от профессионального применения этих методов. В противном случае подобное сохранение теряет смысл и превращается в профанацию охранной деятельности.

Кроме того, именно научный характер охранных археологических исследований позволяет накапливать новое знание, получение которого другими способами невозможно, и использовать его не только в интересах научного сообщества, но и общества в целом.

То, что охранная археология как вид социальной деятельности сложилась, – факт свершившийся. Удастся ли ей закрепить за собой статус научной деятельности – вопрос открытый. Это зависит не только от профессиональной ответственности тех, кто в ней работает. Ответственность за это лежит и на научном археологическом сообществе в целом, и на государстве, которое отвечает за политику в деле сохранения археологического наследия страны.

Н.И. Дроздов, В.И. Макулов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Актуальные проблемы сохранения археологического наследия Северного Приангарья в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов

В последние годы Красноярский край стал одной из крупнейших инвестиционных площадок в Российской Федерации. В первую очередь это связано с освоением огромных запасов углеводородного сырья и твердых полезных ископаемых, строительством нефтепроводов и газопроводов, перерабатывающих предприятий и продолжением создания мощного топливно-энергетического комплекса, а также с формированием современной инфраструктуры в развивающихся районах. Эти мероприятия, конечно же, способствуют ускоренному позитивному экономическому и социальному развитию края и сибирского региона в целом. Но наряду с этим продолжает углубляться во многом кризисная ситуация в деле сохранения объектов историко-культурного, в том числе археологического, наследия, особенно в зонах интенсивного хозяйственного освоения тер-

риторий. Одной из таких территорий является зона проектируемого затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС.

Строительство Богучанской ГЭС на Ангаре ведется уже более 30 лет. В последние два года работы по достройке плотины существенно активизировались, и с ее будущей электроэнергией связывают дальнейшее промышленное развитие и освоение Нижнего Приангарья, строительство таких крупных промышленных предприятий, как Богучанский алюминиевый завод, завод по переработке древесины, целлюлозно-бумажный комбинат и др.

В то же время, в 2006 г. было принято решение о корректировке проекта строительства Богучанской ГЭС, в результате которой значительно увеличится подъем воды, расширится площадь зоны затопления проектируемого водохранилища. В административ-

ном отношении водохранилище будет расположено в пределах территории Кежемского р-на Красноярского края и Усть-Илимского р-на Иркутской обл.

В связи с изменением проекта археологи Института археологии и этнографии СО РАН, Красноярского государственного педагогического университета, Иркутского государственного университета, Красноярского краевого краеведческого музея и государственные органы охраны памятников истории и культуры указанных выше субъектов РФ систематизировали информацию об известных археологических объектах и отдельных находках, попадающих в зону затопления, и начали проведение комплексных мероприятий по обследованию памятников археологии.

Изучение археологического наследия Нижнего Приангарья началось еще в XVIII в. В нем принимали участие такие исследователи Сибири, как Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, археологи и геологи Н.И. Витковский, А.П. Окладников, Г.П. Сосновский, А.Я. Тугаринов, А.С. Еленев, А.И. Лопатин, А.К. Рюмин и др. Но до начала 1970-х гг. это был процесс накопления сведений, случайных находок и проведения отдельных археологических разведок в наиболее привлекательных местах.

Ситуация кардинально меняется в 1960–1990-е гг. В зоне будущего Богучанского водохранилища начинаются планомерные и систематические археологические исследования, в результате которых были открыты десятки местонахождений. Ряд памятников был частично изучен археологами Иркутского государственного университета (рук. Г.И. Медведев), Красноярского государственного педагогического университета (рук. Н.И. Дроздов, Е.В. Акимова, В.И. Макулов, А.Л. Заика), Института археологии и этнографии СО РАН (рук. В.В. Бурилов, Д.Ю. Березин, И.В. Асеев, А.В. Ермолаев, В.П. Леонтьев), Красноярского краевого краеведческого музея (рук. Н.И. Дроздов и В.И. Привалихин). На некоторых многослойных стоянках и могильниках работы продолжают в настоящее время, среди них: Усть-Кова, Пашино, Усть-Кова 1, Усть-Кова 1, пункт 2, Кода, Кода 1–4, Усть-Кода, Толстый Мыс, Рожкова, Сергушкин 1–3, Нижняя Изголовь, Слопцы, Капонир, Колпаков Ручей (Колпаковка), Окуневка, Парта и др. Финансирование работ осуществлялось в основном за счет указанных организаций. Нерегулярно и в незначительном объеме средства выделялись Дирекцией по подготовке ложа водохранилища Богучанской ГЭС, но по остаточному принципу.

Находки, сделанные в процессе частичных раскопок отдельных памятников, уникальны. Для изучения древнейших страниц истории и этногенеза коренных народов Сибири их значение невозможно

переоценить. Это многочисленные разнообразные предметы быта и произведения прикладного искусства из камня, кости, рога, керамики, бронзы, железа, наскальные рисунки (Аплинский Порог, Тимохин Камень, Усть-Кова 1 и др.). Но основная площадь археологических объектов, порой составляющая десятки гектаров, остается неизученной. Также необходимо изучение всех остальных объектов, к исследованию которых специалисты, по сути, еще не приступали. Общая площадь известных археологических памятников составляет несколько десятков квадратных километров, и для их изучения необходимы значительные людские ресурсы и финансовые затраты.

На начало 2007 г. на территории Кежемского р-на Красноярского края выявлены 82 археологических объекта – стоянки и поселения с фиксированным культурным слоем, в том числе многослойные, грунтовые могильники, писаницы и петроглифы. Кроме того, зафиксировано 40 местонахождений артефактов и палеонтологических остатков.

Основная часть объектов археологического наследия подвержена значительным разрушениям, как правило антропогенного и техногенного характера, связанным с подготовкой к затоплению ложа водохранилища ГЭС, вырубкой леса и лесосплавом, жилищно-хозяйственным и промышленным строительством, в том числе и отсыпкой тела плотины ГЭС. Поэтому для объективной оценки сохранившейся площади, выработки мероприятий и расчета необходимых затрат на проведение комплекса спасательных работ требуется проведение предварительного археологического обследования.

Многолетние попытки археологов и представителей государственных органов охраны памятников истории и культуры Красноярского края и Иркутской обл. решить вопрос финансирования мероприятий по проведению комплекса спасательных археологических работ оказывались тщетными. Ни инвесторы строительства, ни исполнительная и законодательная ветви власти края не желают должным образом решать эту важную государственную задачу, возложенную на них законодательством РФ. Какие только аргументы при этом ни выдвигаются! Но основная их часть сводится к тому, что средств на все не хватает и поэтому в первую очередь нужно финансировать, например, строительство жилья для переселения жителей населенных пунктов, попадающих в зону затопления. Многочисленные представители чиновничьего аппарата утверждают, что основные мероприятия по проведению спасательных археологических работ уже профинансированы и должны были быть уже проведены, и при этом ссылаются на какую-то программу начала 1970-х гг.

Отсутствие финансирования и бюрократическая волокита дают полное основание утверждать, что двух-трех полевых сезонов, оставшихся до начала наполнения ложа водохранилища, может катастрофически не хватить для проведения на затопляемой территории всего комплекса археологических работ, определенного законодательством РФ. Велика вероятность того, что из-за сжатых сроков невозможно будет в полном объеме изучить даже отдельные памятники до их затопления.

Среди противников проведения широкомасштабных охранно-спасательных работ (а таковые тоже имеются) распространилась аргументация, основанная на мнении отдельных археологов, которые утверждают, что затопление археологических объектов водами водохранилища – это чуть ли не благо для памятников. Тем самым они будут якобы законсервированы, что приостановит процесс их разрушения. Рукотворные водохранилища не вечны, их воды рано или поздно будут спущены, и тогда затопленные объекты можно будет исследовать. В данной ситуации даже непрофессионалу понятно, что в результате длительного воздействия воды произойдет разрушение многочисленного керамического материала, который во многом является основополагающим при определении хронологической и культурной принадлежности стоянок времени неолита – железного века. Произойдет разрушение остеологического материала и угля, являющихся основным датирующим материалом. Безусловно, будут изменены и утеряны стратиграфические особенности и нюансы залегания археологического материала, палинологические и иные материалы, играющие важную роль для комплексного изучения памятников, их культурно-хронологической привязки. Никак нельзя исключить разрушение памятников придонными течениями. Многолетний опыт наблюдений на уже существующих Братском и Усть-Илимском водохранилищах на р. Ангаре и Красноярском – на Енисее, показывает, что в результате интенсивного размыва прибрежных зон происходит разрушение многочисленных археологических объектов, находящихся на высоких гипсометрических отметках и на значительных уровнях залегания культуросодержащих слоев (до 10 м и глубже).

Одновременно с активизацией строительства Богучанской ГЭС начались поисковые работы по выбору створа проектируемой Мотыгинской ГЭС на Ангаре, примерно в 10 км выше с. Мотыгино. Предполагается, что зона затопления новой ГЭС будет достигать границы Богучанского и Кежемского р-нов. Следовательно, под воду должны уйти еще более 60 известных археологических памятников, в том числе более 20 скальных массивов с писа-

ницами, на которые нанесены тысячи уникальных древних рисунков эпохи неолита – железного века. Среди них – широко известные писаницы Манзя, Каменка, Ивашкин Ключ и др. Для выполнения необходимого комплекса охранно-спасательных работ в этом районе потребуются годы и привлечение значительных людских и финансовых ресурсов. Нам представляется, что необходимо организовать вывоз отдельных блоков скальных массивов с уникальными древними рисунками.

Первостепенной задачей в области сохранения объектов археологического наследия на территории Северного Приангарья сейчас является скорейшая организация широкомасштабных охранно-спасательных работ на максимально возможном количестве памятников, попадающих в зону затопления водохранилища Богучанской ГЭС. До сих пор необследованными остаются долины всех притоков Ангары, в которых могут находиться многочисленные археологические памятники и по которым подъем воды произойдет на многие десятки километров. Для этого необходимо в кратчайшие сроки организовать комплексную экспедицию с привлечением максимального количества археологов и представителей смежных наук, при непосредственном участии и под эгидой ИАЭТ СО РАН как ведущего научного специализированного центра, а также вузов и музеев Сибири.

Ситуация, сложившаяся вокруг объектов археологического наследия Нижнего Приангарья, наглядно показывает, что в Красноярском крае, на территории которого расположены многие десятки тысяч археологических объектов, необходимо создать мощную, действенную государственную службу по охране памятников с необходимым количеством специалистов. Не могут 2–3 сотрудника контролировать состояние десятков тысяч памятников на такой огромной территории, как Красноярский край. Структурные подразделения этого органа обязательно должны быть в каждом районе. Примером могут служить субъекты РФ, в которых подобные государственные органы имеют в своем составе десятки штатных сотрудников.

Необходимо на практике добиваться процедуры обязательного согласования проектной документации по объектам строительства, связанным с отводом земель еще на стадии технико-экономического обоснования. Добиваться отмены порочной практики организации хозяйствующими субъектами торгов по выполнению работ, связанных с проведением предварительного археологического обследования территорий, отводимых под какое-либо строительство, и охранно-спасательных археологических раскопок. Памятники археологии, независимо от того,

являются ли они на данный момент выявленными, или еще неизвестны, принадлежат государству. И только государство вправе ими распоряжаться через уполномоченные органы. Практика обесценивает собственно научную составляющую археологических работ, отодвигает ее на второй план, а на первый выводит количество раскопанных квадратных метров и кубометров вынудив из раскопа земли, не позволяет в полном объеме применять в работе новейшие методы и методики исследований. Но в то же время позволяет очень действенно использовать такой рычаг давления на заказчика, как право разрешающей подписи и государственной печати при выборе исполнителя.

Необходимо разработать и законодательно утвердить государственные нормативы и расценки по видам археологических работ применительно к каждому региону и вести их на основании этих документов.

Следует добиваться исполнения законодательства РФ о сохранении памятников истории и культуры всеми проектными и строительными организациями и хозяйствующими субъектами на местах путем действенного контроля за уже известными археологическими объектами и широким применением судебной практики в отношении нарушителей. В первую очередь это касается таких крупных

инвестиционных проектов, как строительство гидроэлектростанций, промышленных предприятий, разрезов, трубопроводов, автотранспортных магистралей и др., связанных с масштабными землеотводами, предполагающими разрушение и уничтожение объектов археологического наследия.

Необходимо возобновление работ по паспортизации памятников и их финансирования на территории края и страны в целом. Администрации и население обязаны знать, какими историческими богатствами мы обладаем и что и как нам нужно сохранять для будущих поколений.

Остается насущной потребность в организации действенной борьбы с разграблением памятников, которое осуществляют «черные археологи», с привлечением для этого государственных силовых структур. На юге края ими раскопаны многие десятки могильных комплексов.

Следует организовать краевую службу археологического мониторинга (в первую очередь на таких объектах, как зоны водохранилищ ГЭС) и вести в этом направлении систематическую работу.

Высшие учебные заведения края должны готовить специалистов в области охраны памятников истории и культуры, музейного дела и музеефикации исторических, в том числе археологических, памятников и историко-ландшафтных зон.

В.Н. Дубов

ООО «Археологическая служба», Нижний Новгород

Юридическое регулирование охранных археологических работ: правовой эксперимент в Нижегородской области

Изменение общественно-политического устройства России привело к основополагающим изменениям в праве. Произошло иное распределение компетенции между органами государственной власти, из системы государственной власти выделилась система органов муниципальной власти. Законодотворчество сосредоточилось в законодательных органах и органах исполнительной власти федерального и регионального уровня. Подзаконное регулирование также претерпело изменения.

Эти изменения отразились и в сфере охраны объектов культурного наследия. При сохранении отдельных нормативных актов прежнего периода были приняты новые законы и подзаконные акты, изменена система государственного управления. Нормы права, касающиеся охраны объектов культурного

наследия, находятся в различных федеральных правовых актах, актах субъектов федерации и органов муниципальной власти. К сожалению, приходится констатировать, что наряду с несогласованностью этих актов между собой, они порой не содержат правовой регламентации мониторинга охранной деятельности.

Применительно к охранной археологии это выразилось в следующем. Законодатель обязал застройщиков за счет собственных средств заключать договоры на охранные работы с археологическими организациями. Эта обязанность обеспечивается государством угрозой административного или уголовного преследования. Такие нормы права фактически определяют назначение использования частной собственности помимо воли собственника, т. е.

ограничивает право частной собственности в общественных интересах.

Развитие охранной археологии, основанной на участии частных застройщиков, потребовало создания государственного контроля как за ними, так и за археологическими организациями, заключившими договор. Такой контроль нуждается в законодательной легитимации и узаконенных процедурах, которые в стране находятся еще на стадии становления.

В Нижегородской обл. предпринята попытка выработать элементы системы регулирования охраняемых археологических работ в регионе, не дожидаясь правотворчества федерального или регионального законодателя, которое порой непредсказуемо.

Ключевым звеном в этой системе стало обязательное заключение с арендаторами и владельцами земельных участков охранного договора (обязательства) о сохранности объекта культурного наследия. Эти договоры имеют публично-правовой характер, они заключаются под угрозой отказа со стороны других государственных органов согласовывать использование этого земельного участка для целей строительства нового объекта недвижимости или его реконструкции. Охранные договоры регистрируются в Федеральной регистрационной службе в качестве обременения земельного участка в публичных интересах. Это позволяет заблаговременно информировать владельца участка о необходимости финансирования охраняемых археологических работ и об ответственности за нарушение законодательства.

Дальнейшим развитием правового регулирования охраняемых археологических работ стал эксперимент по опробованию новых механизмов контроля за этими работами, носивший ограниченный характер, как по числу участников, так и по времени. Его целью была выработка юридических документов и опробование их применения в процессе мониторинга охраняемых археологических работ. В эксперименте принимали участие: Управление государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской обл., областное общество охраны памятников истории и культуры, ООО «Археологическая Служба» и организации, заключившие с ней договоры на проведение охраняемых археологических работ.

В результате эксперимента была выявлена возможность мониторинга охраняемых археологических работ по ключевым точкам, начиная с момента согласования технического задания до завершения этих работ. В процессе контроля составлялись следующие новые документы: акты передачи земельного участка от заказчика археологической организации, акты технического состояния участка завершеного раскопа.

Составление этих документов не вызывало возражений у профессиональных строителей и было принято ими как должное, т. к. вся строительная деятельность находит свое отражение в актах. Это отношение застройщиков показало, что они воспринимают договор на охраняемые археологические работы как один из подрядных договоров, регулирующих строительство. Такое восприятие во многом осложняет взаимодействие между строителями и археологами в силу принципиального различия предметов этих договоров. Археологи обоснованно считают, что заключают договор на выполнение научно-исследовательских работ.

Участие общественной организации, в нашем случае Нижегородского областного общества охраны памятников истории и культуры, позволило перевести закрытую государственную процедуру в русло общественного контроля.

Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской обл. в процессе проведения эксперимента был осуществлен контроль за выполнением полевых работ на всех этапах, что было оформлено документально в виде протоколов. В обычном порядке контроль ограничивается согласованием технического задания на стадии организации работ и выдачей предписаний по устранению нарушений в случае их выявления в процессе этих работ.

Положительные результаты эксперимента пока не реализованы в нормативных актах. Возможно, это дело будущего.

Мотивом для проведения охраняемых археологических работ, в отличие от академических, является властное веление государства, нашедшее свое отражение в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Оставаясь археологическими по существу, они рассматриваются как составная часть охраняемых мероприятий. Если раньше Институт археологии РАН осуществлял контроль за качеством всей полевой научной деятельности на территории страны, то теперь его права подзаконного правотворчества в этой сфере ограничены. Согласно действующему законодательству подзаконные акты могут приниматься государственными и негосударственными организациями, но действие этих актов распространяется лишь на работников этих организаций. Выполнение археологами страны предписаний Института археологии РАН по методике научных полевых исследований носит сегодня принудительный характер и держится на угрозе отказа в выдаче Открытого листа Отделом полевых исследований. Достаточно введения в действие статьи 9.1

ФЗ № 73-ФЗ, которая предписывает передачу полномочий по выдаче открытых листов органам субъектов Федерации, и научный контроль за охранной археологической деятельностью рухнет, что неизбежно приведет к утрате научного статуса охранных археологических работ.

Одним из примеров преодоления этого негативного обстоятельства может служить включение нормативных документов ИА РАН в систему локальных нормативных актов археологической организации. Так, ООО «Археологическая Служба» включила, приказом директора, в состав локальных нормативных актов этой организации «Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации», которое утверждено Решением Ученого совета ИА РАН от 30 марта 2007 г. Это дает возможность синхронизировать научную деятельность академического научного учреждения и негосударственной научной организации.

Основной целью охранных археологических ра-

бот является сохранение для потомков информации о прошлом при помощи научного метода археологической реконструкции. Забвение этой цели может отбросить археологию как науку к временам кладоискателей. Научная деятельность определяется не источником финансирования работ, а целями, которые ставит перед собой исследователь, и методами, которые он применяет.

Таким образом, очевидно, что охранная археология на современном этапе существования сама нуждается в юридической «охране», поддержке, защите. Пока ее статус как естественно-необходимой формы общественно-полезной (в прямом смысле этого понятия) деятельности не закрепился в общественном сознании (и так и не определился в государственном законодательстве), научному сообществу следует предпринять усилия для этого.

Правовой эксперимент в Нижегородской обл. показывает, как совместная деятельность ученых, чиновников и общественности позволяет преодолеть правовую неопределенность.

Е.А. Зайцева

Центр охраны культурного наследия, Ханты-Мансийск

Методика камерального зонирования как фактор обеспечения сохранности объектов археологии в условиях интенсивной хозяйственной деятельности на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Географические (самый заболоченный регион земного шара) и климатические (продолжительная холодная зима и короткое теплое лето с поздними весенними и ранними осенними заморозками) особенности территории, короткий полевой сезон и труднодоступность многих мест Ханты-Мансийского АО – Югры требовали создания особых подходов в сфере охраны историко-культурного наследия округа. С началом интенсивного нефтегазового освоения в 1960–1990-е гг. встал вопрос согласования отвода земель, обоснования ограничений хозяйственной деятельности и обеспечения сохранности объектов культурного наследия. В связи с этим начала формироваться система предварительной историко-культурной оценки территорий в зонах промышленного освоения. Эта система была оформлена и закреплена 30.03.1995 г. распоряжением Администрации округа, утвердившей временное положение «О порядке проведения историко-культурной экс-

пертизы (на землях Ханты-Мансийского автономного округа)». Временное положение определило порядок проведения экспертизы и совокупность мероприятий, проводимых экспертными службами с целью определения наличия или отсутствия историко-культурных объектов на землях округа, разработки рекомендаций и решений, направленных на сохранение и рациональное использование объектов и земель, на которых они расположены.

Согласно временному положению, историко-культурная экспертиза включает:

- анализ исходной документации и натурное обследование отводимых под хозяйственную деятельность земель и земельных участков;
- натурное обследование недвижимых историко-культурных объектов;
- подготовку акта экспертизы и учетной документации по результатам анализа исходной документации и натурных обследований;

– зонирование обследуемых земель и земельных участков, выделение участков, занятых историко-культурными объектами (памятниками), их охранными зонами, зонами регулируемой застройки и охраняемого ландшафта, земель историко-культурного значения;

– разработку рекомендаций и решений, направленных на сохранение историко-культурных объектов (памятников) или на их рациональное использование.

Таким образом, с 1990-х гг. по настоящее время в системе государственной охраны памятников автономного округа действует методика камерального зонирования, которая является одним из факторов обеспечения их сохранности в условиях интенсивного промышленного освоения. Камеральное зонирование проводится с целью оценки территории на предмет наличия или вероятности нахождения на ней объектов историко-культурного наследия и включает в себя следующее:

– анализ картоматериалов и ландшафтно-топографической ситуации с точки зрения благоприятности для заселения ее в древности;

– анализ архивных материалов и литературы с целью определения на исследуемой территории уже выявленных объектов историко-культурного наследия;

– определение закономерностей расположения историко-культурных объектов, как на исследуемой территории, так и на других территориях с близкими ландшафтно-топографическими характеристиками.

Результатом такого комплексного анализа является выделение перспективных и малоперспективных зон, где вероятность нахождения объектов велика, а также неперспективных зон, где нахождение историко-культурных объектов маловероятно в силу ландшафтно-топографических условий или их выявление не представляется возможным.

К перспективной и малоперспективной зонам относят территории, отвечающие следующим критериям:

– расположение на стыке двух или более «кормящих» ландшафтов, позволяющее вести комплексное хозяйство;

– близость водоема;

– наличие участков, выделяющихся из общего ландшафта, особенно по берегам рек;

– хорошо дренированные, не затапливаемые в паводок участки береговых террас и гривы;

– проточные озера;

– приустьевые участки рек, места впадения ручьев в более крупные реки;

– беломощные боры и суходольные урманы.

Итоги проведения камерального зонирования

оформляются в виде проекта историко-культурной оценки территорий с приложением картоматериалов в масштабе 1:25000 и 1:50000, на которые нанесены границы выделенных перспективных и малоперспективных зон, выявленные объекты историко-культурного наследия и охранные зоны. Если согласование хозяйственной деятельности невозможно из-за того, что проектируемый объект попадает в перспективную или малоперспективную зону, тогда проводится сплошное натурное обследование участка земли, отводимого под хозяйственный объект.

К началу 2003 г. на территории Ханты-Мансийского АО было открыто 414 месторождений, из них 358 нефтяных, 22 газовых и газоконденсатных, 34 нефтегазовых, газонефтяных и нефтегазоконденсатных (Атлас ХМАО – Югры, 2004. С. 21). Основные площади месторождений расположены на торфяных болотах (48%); на земли, покрытые лесами, приходится 40%, а на открытые водные пространства, пойменные земли и др. – всего 12%.

С 1995 по 2002 г. камеральное зонирование было проведено более чем на 200 месторождениях, обследованы сотни хозяйственных объектов и выявлено более 3000 памятников культурного наследия. Сегодня эти цифры увеличились, что позволяет нам подвести итоги и оценить результаты введенного в 1990-е гг. метода камерального зонирования территорий. Обследование тысячекilометровых участков в связи с развитием инфраструктуры, освоением нефтяных месторождений, строительством нефтяных и газовых трубопроводов зачастую оказывалось невозможным. А камеральное зонирование стало тем выходом, который позволил согласовывать строительство промышленных объектов в короткие сроки, не замедляя темпы освоения территорий и обеспечивая при этом сохранность историко-культурного наследия.

Однако, несмотря на многие положительные моменты для сохранения объектов культурного наследия, лежащие в основе методики камерального зонирования, опыт прошедших лет позволяет сегодня отмечать не только ее плюсы, но и минусы. Так, например, данная методика не учитывает всех видов объектов историко-культурного наследия. Как показывает опыт, камеральное зонирование применимо сегодня только к памятникам археологии, следовательно, может выступать как фактор обеспечения сохранности лишь объектов археологии, не учитывая при этом, к примеру, объекты этнографии (священные места, святилища и т. д.). К слабой стороне данного метода, на наш взгляд, относится и то, что многие перспективные и малоперспективные зоны выделяются интуитивно, на основании опыта и авторитета автора. Это привело к тому, что

за прошедшие годы были выявлены случаи, когда на территории, отнесенной к неперспективной зоне, в результате натурного обследования были выявлены памятники археологии (Шатунов, 2002).

Количество выявленных объектов историко-культурного наследия на территории Ханты-Мансийского АО – Югры уже превышает 4500. 95% от общего количества составляют памятники археологии. Преобладание памятников археологии в сравнении с другими объектами, на долю которых приходится всего 5%, позволяет нам не отказываться от применения методики камерального зонирования, а искать способы ее совершенствования. В настоящее время ведутся научно-исследовательские и

аналитические работы с применением статистических методов и картографированием расположения памятников на всей территории округа. Это позволит свести к минимуму субъективный фактор, обосновать закономерности в расположении археологических объектов и прогнозировать их выявление на неизученных территориях.

Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск; М., 2004. Т. II: Природа и экология. Шатунов Н.В., 2002. О достоверности камерального выделения историко-культурных зон // Северный археологический конгресс. (Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г.): Докл. Екатеринбург.

Ю.В. Зарубин

ООО «Археологическая Служба», Нижний Новгород

Виды охранных археологических полевых работ на территории исторических поселений и их место в процессе накопления научного знания

В Федеральном законе № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» археологический слой исторического поселения перечислен в составе исторически ценных градоформирующих объектов (ст. 59. 2). Он является частью среды обитания современного населения и постоянно находится под угрозой разрушения.

С начала своей деятельности в 1989 г. на территории Нижнего Новгорода и исторических поселений Нижегородской обл. (Городец, Балахна и др.) Археологическая Служба расширила состав охранных полевых работ по сравнению с традиционно применяемыми в археологии раскопками и разведками, накопила опыт работы на участках, считающихся малоинформативными с научной точки зрения, и научилась извлекать из них полноценную научную информацию.

Применяемые виды охранных археологических работ можно разделить на две группы: 1) применяемые в границах охраняемого культурного слоя и его охранной зоны; 2) применяемые на территории исторического поселения за пределами границ охраняемого культурного слоя и его охранной зоны.

К первой группе относятся: мониторинг, охранные раскопки, археологический надзор, локальные археологические работы, связанные с реставрацией объектов архитектуры, текущее обслуживание.

Мониторинг применяется для определения сохранности культурного слоя и включает в себя комплекс предварительных мероприятий, направленных на выбор режима охранных археологических работ на обследуемом объекте. В него входят:

- осмотр существующих обнажений;
- определение толщины поздних напластований и их снятие механизированным способом или вручную под наблюдением археолога;
- зачистка площадки после снятия балласта;
- выбор дальнейшего режима охранных работ.

Охранные раскопки по составу входящих в них процедур не отличаются от обычных раскопок. Но возможность их применения на территории исторических поселений оказывается в силу ряда причин ограниченной.

Археологический надзор целесообразен на участках с сильно нарушенной стратиграфией культурного слоя. Он включает в себя:

- наблюдение при земляных работах (откопка котлованов, траншей и коммуникационных колодцев, в том числе повторного вскрытия);
- сплошное обследование бортов разрытия;
- диагностику стратиграфии;
- зачистку и фиксацию участков с сохранившейся (частично сохранившейся) стратиграфией;
- разборку стратиграфии по слоям и закрытым комплексам.

В случае выявления неразрушенных участков культурного слоя или остатков построек, их доисследование производится методом раскопок.

Локальные археологические работы, связанные с реставрацией памятников архитектуры, как правило, ограничены в объеме и подчинены реставрационным задачам.

Под текущим обслуживанием территории культурного слоя подразумеваются наблюдения за земляными работами, не требующими археологического вмешательства (незначительные по площади и глубине разрытия, не затрагивающие культурный слой, или работы на участках с полностью разрушенной стратиграфией).

Ко второй группе охранных археологических работ относится экспертиза.

Экспертиза проводится в границах исторического поселения на участках, подлежащих хозяйственному освоению, с целью уточнения границ распространения культурного слоя и выявления новых объектов археологического наследия.

Разнообразие видов полевых работ позволяет использовать их в разных, наиболее целесообразных в каждом конкретном случае, комбинациях. С одной стороны, это позволяет оптимизировать охранную деятельность, снизить не только финансовые, но и временные затраты на выполнение работ, что особенно важно в условиях городского хозяйства. С другой – расширяет возможности изучения территории исторического поселения. Научная отдача от перечисленных видов работ разная, но она присутствует в каждом из них. Значение раскопок большими площадями не вызывает сомнений и поэтому не нуждается в детальной расшифровке. Что же касается остальных видов охранных работ, то при их выполнении накопление археологической информации происходит в меньших объемах, зачастую она носит локальный характер. Однако при регулярном и систематическом применении этих видов работ на

всей территории исторического поселения удается получить качественный научный результат и добыть информацию с участков, недоступных для раскопок. Выявленные таким образом следы исторической застройки, распашки или наличие целинного слоя, не содержащего признаков антропогенного воздействия, являются характерными чертами культурного ландшафта исторического поселения и в совокупности дают всестороннее представление о нем. Обеспечение такого результата возможно только при правильно поставленной научной цели. Проблемы, с которыми сталкивается охранная археология в силу своей специфики, нередко становятся препятствием для этого.

Зачастую археологические работы приходится вести в рамках производственного графика прокладки коммуникаций, на действующих строительных площадках и т. д. Далеко не всегда в графиках строительных работ предусматривается время, необходимое для полноценных археологических исследований.

На территории одного исторического поселения подчас одновременно работает несколько специализированных организаций, причем нередко из разных городов. Отсутствие единого центра координации работ и аккумуляции информации усложняет и замедляет процесс получения консолидированного научного знания. При этом на комплексное осмысление совокупных научных результатов и введение их в научный оборот требуется значительно больше времени.

Несмотря на это, вышеперечисленные виды охранных археологических полевых работ, как показала многолетняя практика, являются надежным инструментом получения нового знания и позволяют сохранять участки культурного слоя исторических поселений, подлежащие физическому разрушению, путем извлечения из них научной информации, без которой само понятие сохранения археологического наследия теряет смысл.

Д.А. Изосимов, Л.Х. Маматова

Краевой НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Пермского края, Пермь

Охрана памятников археологии на территории Пермского края

Как и на территории других субъектов РФ, в Пермском крае к разрушению и, в конечном итоге, утрате объектов археологического наследия ведут три основных фактора: это естественные разрушения, уничтожение в результате хозяйственной деятельности и грабительские раскопки (Губарина, 2004). Помимо перечисленных причин, на сегодняшний день актуальна и четвертая – приватизация памятников археологии, поскольку эти земли приобретаются отнюдь не для обеспечения их сохранности и доступа к ним археологов-исследователей.

С учетом факторов, ведущих к разрушению памятников археологии, и в соответствии с действующим законодательством, охрана археологического наследия в Пермском крае осуществляется по нескольким направлениям.

Для отслеживания естественных причин разрушения, инспекторами Краевого научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Пермского края (далее КЦОП) проводится ежегодный мониторинг объектов археологического наследия.

С целью предотвращения уничтожения памятников археологии в результате хозяйственной деятельности проводится целый ряд мероприятий: согласование земельных участков на этапе оформления землеотводов, проверки выполнения условий согласования, проверка землеотводов, разъяснительная работа с сотрудниками администраций муниципальных образований, включая обучающие семинары.

Для предотвращения грабительских раскопок проводится разъяснительная работа с местным населением, разрабатываются совместные программы с правоохранительными органами, из краевого бюджета выделяются значительные суммы на проведение охранных раскопок наиболее подверженных разграблению объектов археологического наследия (Белавин, Крыласова, 2007. С. 7, 8; Чуйкина, 2008).

На территории Пермского края неоднократно выявлялись случаи незаконного отвода земельных участков, отнесенных к памятникам археологии. По всем выявленным фактам КЦОП либо обращался в прокуратуру Пермского края с просьбой провести проверку и обжаловать регистрацию права собственности, либо выступал в качестве третьего лица при разрешении споров в суде; в последнем случае

все решения принимались с учетом мнения КЦОП о недопустимости приватизации объектов археологического наследия (решение Ленинского районного суда г. Перми от 24.06.2002, дело №2-381/02).

И тем не менее в РФ сложилась критическая ситуация в сфере охраны археологического наследия. Основными причинами этого являются недостатки российского законодательства, лоббирование интересов застройщиков и нежелание (непонимание) властей всех уровней оберегать культурное достояние.

Показателен случай, произошедший в начале прошлого года в Смоленской обл.: определением Президиума Высшего арбитражного суда (ВАС) РФ признан незаконным отказ Департамента имущественных и земельных отношений Смоленской обл. в заключении договора купли-продажи земельного участка, являющегося памятником археологии. Этот прецедент вызвал попытки массовой приватизации земельных участков, являющихся объектами археологического наследия по всей стране.

В частности, письмом от 20 марта 2008 г. Управление земельных отношений администрации г. Перми уведомило КЦОП о том, что им принято решение о предоставлении в собственность земельных участков собственникам объектов недвижимости, расположенных на территории памятников археологии.

Разбираясь в сложившейся ситуации, КЦОП провел экспертизу действующего федерального законодательства и установил следующее.

Предметом охраны объекта археологического наследия является охраняемый культурный слой – исторически сложившиеся напластования земли, неразрывно связанные с деятельностью человека. Культурные слои включают в себя остатки конструкций зданий и сооружений, а также древние артефакты – утраченные людьми в ходе хозяйственной деятельности или во время стихийных бедствий предметы. Единственным способом изучения (получения информации) культурного слоя являются археологические раскопки. Разрушенный культурный слой восстановлению не подлежит, поэтому законодатель делает целый ряд исключений, определяющих особенно высокий уровень охраны объектов археологического наследия.

Тем не менее, Президиум ВАС проигнорировал прямое указание закона на запрет передачи в частную собственность ограниченных в обороте земельных участков, являющихся объектами археологического наследия, – ст. 27 Земельного кодекса РФ, в соответствии с которой земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, в Определении Президиума ВАС не упоминается.

К примеру, археологический культурный слой в пределах исторического центра г. Перми датируется от эпохи палеолита (XV–XII тыс. до н. э.) до нового времени (вторая половина XIX в.) и имеет очень сложную стратиграфию (напластования), глубиной от современной дневной поверхности до 4,5 м, и, таким образом, весь земельный участок в границах охраняемого культурного слоя является объектом археологического наследия и составляет с ним единое целое: культурный слой неотделим от земельного участка, т. к. предметом охраны является сама земля со всеми историческими напластованиями, и отчуждению из государственной собственности не подлежит.

В определении Президиума ВАС РФ от 13 марта 2007 г. №15355/06 пункт 2 ст. 49 ФЗ №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г., где говорится, что объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которого он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно, применен неверно. Названной нормой регулируются особенности владения, пользования и распоряжения земельным участком, в пределах которого обнаружен объект археологического наследия, в тех случаях, когда такой объект, относящийся к государственной собственности, выявлен на земельном участке, принадлежащем иному собственнику. Именно в таком случае земельный участок и памятник археологического наследия находятся в раздельном гражданском обороте.

В соответствии с приведенной в Определении Президиума ВАС ч. 4 ст. 28 Земельного кодекса РФ, «не допускается отказ в предоставлении в собственность граждан и юридических лиц земельных участков, ограниченных в обороте и находящихся в государственной или муниципальной собственности, **если федеральным законом разрешено предоставлять их в собственность граждан и юридических лиц**».

Ст. 27 Земельного кодекса РФ ограничивает оборотоспособность земельных участков, занятых объектами археологического наследия (п. 5.4), и опре-

деляет, что земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, **за исключением случаев, установленных федеральными законами** (п. 2), а статья 56 ограничивает права на землю археологических объектов (п. 2.2).

Таким образом, ст. 27 и 28 Земельного кодекса РФ запрещают предоставление в частную собственность земельных участков, занятых объектами археологического наследия, если это не предусмотрено **специальным федеральным законом**. К настоящему времени **такой федеральный закон отсутствует**, и земельные участки, являющиеся объектами археологического наследия, в силу прямого указания закона ограничены в обороте и не могут быть предметом договоров купли-продажи.

В силу положений п. 1 ст. 27 Земельного кодекса РФ оборот земельных участков осуществляется в соответствии с гражданским законодательством и настоящим Кодексом.

Ст. 129 Гражданского кодекса РФ предусмотрено, что объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте. Виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению (объекты, ограниченно оборотоспособные), определяются в порядке, установленном законом.

В соответствии со ст. 99 Земельного кодекса РФ, земли объектов археологического наследия относятся к землям историко-культурного назначения, которые в свою очередь в силу статьи 94 того же Кодекса входят в состав земель особо охраняемых территорий. Порядок использования таких земель согласно названной норме закона определяется Правительством РФ, органами власти субъектов РФ и местного самоуправления.

В соответствии с определением Верховного Суда РФ от 31.01.2007 г. по делу № 91-Г06-10, земельные участки, на которых расположены объекты археологического наследия, не могут быть изъяты из государственной собственности до исключения объекта археологического наследия из соответствующего реестра в установленном федеральным законодательством порядке.

Очевидно, что на сегодняшний день в полном объеме отсутствует законодательное обеспечение в сфере кадастрового учета археологического наследия. Так, показательным примером является отказ,

а точнее незнание того, как это сделать, чиновников поставить памятники археологии на кадастровый учет – как земли историко-культурного назначения. Это вызвано целым рядом причин, которые, суммировав, можно свести к одному – отсутствию подзаконных актов к ФЗ № 73-ФЗ от 25.06.2002. В то же время, ст. 243 УК РФ, предусматривающая наказание за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, практически не «работает» как на территории Прикамья, так и в других субъектах РФ (Макаров, 2004. С. 13–24).

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым продолжение разъяснительной работы с местными и федеральными органами власти, выступление с законодательной инициативой.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2007. Три века пермской археологии и современность // Докл. XXXIX Урало-Поволжской археологич. студенч. конф. (Пермь, ПГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). Пермь.

Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. Пермь, 2001.

Губарина М., 2004. «Черные» дни российской археологии // «Интерфакс ВРЕМЯ». № 12. 17 марта.

Макаров Н.А., 2004. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: «Круглый стол» Совета Федерации (19 марта 2004 г.). М.

Чуйкина Е.В., 2008. Охранно-спасательные раскопки разрушающихся памятников археологии Пермского края в 2007 году. Пермь.

И.В. Исланова

Институт археологии РАН

И.Н. Черных

Тверской государственной объединенный музей

Дуденевский историко-культурный и природный заказник: история и современность

1. Дуденевский заказник был создан в 1968 г. Постановлением Исполкома Калининского областного Совета депутатов трудящихся в Калининском р-не Калининской (ныне Тверской) обл. (рис. 1). Основанием для создания здесь заказника явилось наличие 1) ландшафта, сохранившего древние формы в неизменном виде; 2) комплекса реликтовых растений и трав; 3) памятников археологии, известных к тому времени (Дуденевский курганный могильник древнерусского времени, остатки городища раннего железного века, неолитические стоянки и сопка «Николка»). Ответственность за сохранность объектов была возложена на организации и предприятия, расположенные на территории заказника и в его охранной зоне, а также на Областное Управление лесного хозяйства и Областное Управление культуры. В первое десятилетие существования заказника мониторинг осуществляли сотрудники Калининского (ныне Тверского) государственного университета. Несмотря на прописанные при определении статуса территории регламенты, в 1990-е гг. началось активное хозяйственное освоение территории.

2. В связи с преобразованием бывших пионерлагерей, расположенных на территории заказника и в его охранной зоне, в круглогодичный детский

образовательно-оздоровительный центр (ДООЦ) в 2006–2007 гг. было проведено детальное обследование юго-западной части территории заказника и его охранной зоны. В ходе исследований на площади около 40 га помимо известных здесь археологических памятников (курганный могильник Дуденево 1, стоянка и селище Дуденево 1) были выявлены еще 14 объектов историко-культурного (археологического) наследия от эпохи раннего мезолита до Нового и Новейшего времени (рис. 2). На уровне разведочных работ определены и нанесены на топографический план территории стоянок, селищ и курганных могильников; предложена общая охранная зона для комплекса памятников в связи с уникальной концентрацией археологических объектов на относительно небольшом участке. При установлении границ охранной зоны учтены геоморфологическая приуроченность выявленных объектов, сложный рельеф, изменявшийся на протяжении последних десяти тысячелетий, сильная поврежденность местности в результате антропогенного воздействия в XX в. Помимо поселений и погребальных памятников на обследованной территории были зафиксированы 4 местонахождения (керамики, кремневых изделий). Не исключено, что при раскопках широкой площадью

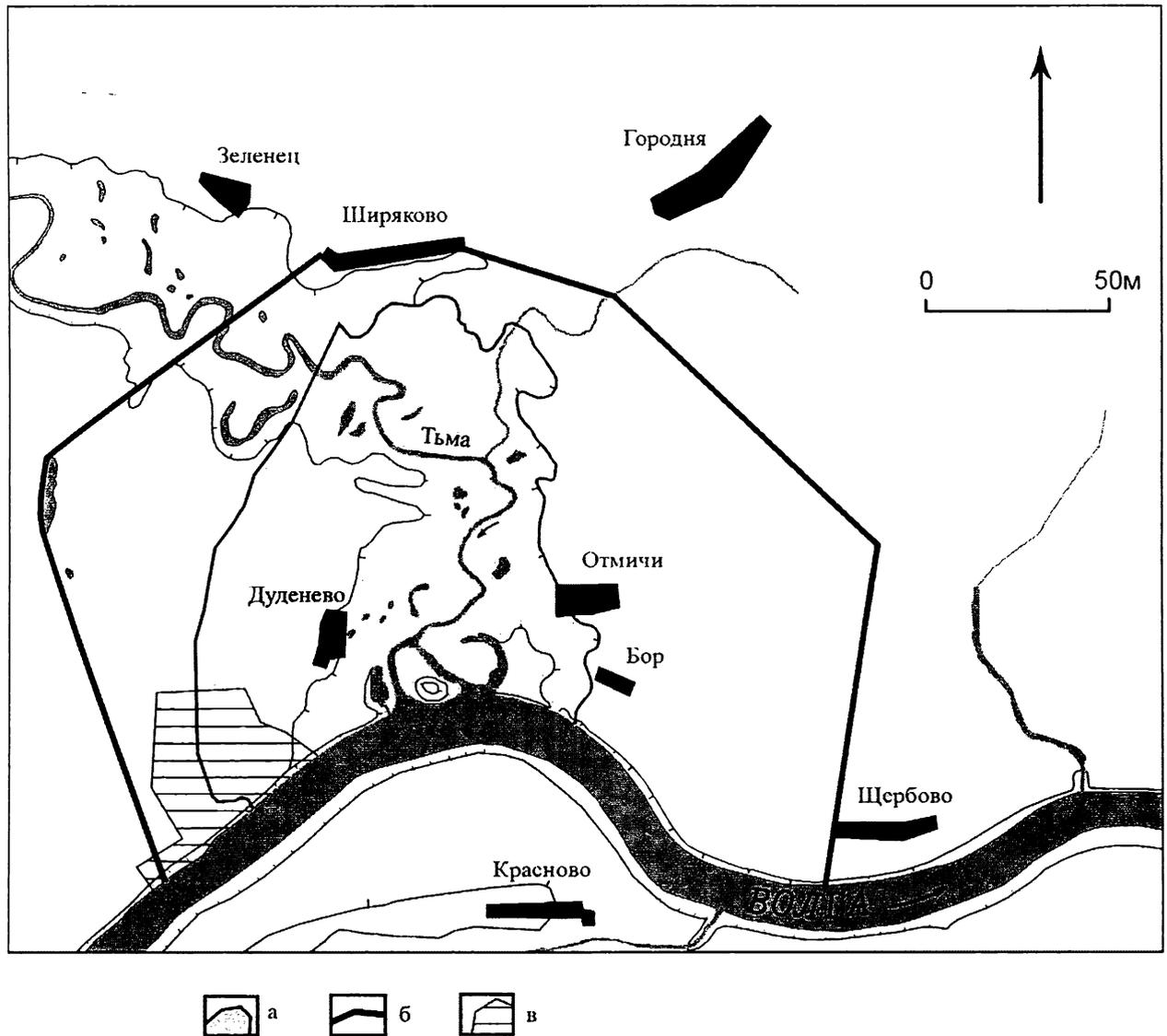

Рис. 1. Местоположение Дуденевского заказника. а – территория заказника; б – граница охранной зоны заказника; в – обследованный в 2006–2007 гг. участок

здесь выявятся «полноценные» объекты историко-культурного наследия. В составе проектной документации по ДООЦ «Кокошки» определены мероприятия по сохранению, в том числе исследованию, памятников при возможных строительных работах на их территории.

3. Существовавшие в микрорегионе благоприятные для жизнедеятельности древнего населения природные факторы предопределили зафиксированную здесь высокую концентрацию объектов археологического наследия. Имеющиеся археологические источники свидетельствуют о неоднократном освоении приустьевых участков р. Тьмы отдельными группами населения в различные исторические эпохи: каменный век – ранний мезолит (VIII тыс. до н. э.), возможно неолит (V–III тыс. до н. э.); поздняя

бронза (II тыс. до н. э.); ранний железный век – раннедьяковский период (вторая половина I тыс. до н. э.); раннее средневековье – середина I тыс. н. э.; древнерусский период (конец I – начало II тыс. н. э.), позднее средневековье (XV–XVII вв.), Новое и Новейшее время (XVIII – начало XX в.). По меньшей мере с древнерусского периода до начала XX в. вдоль берега р. Волги существовала сухопутная дорога.

4. Анализ ландшафтной приуроченности памятников дает некоторые основания для реконструкции этапов заселения исследованной территории, которые напрямую зависели от природных и климатических факторов в тот или иной исторический период. В связи с неоднократными изменениями водного режима менялись русла рек и их береговые

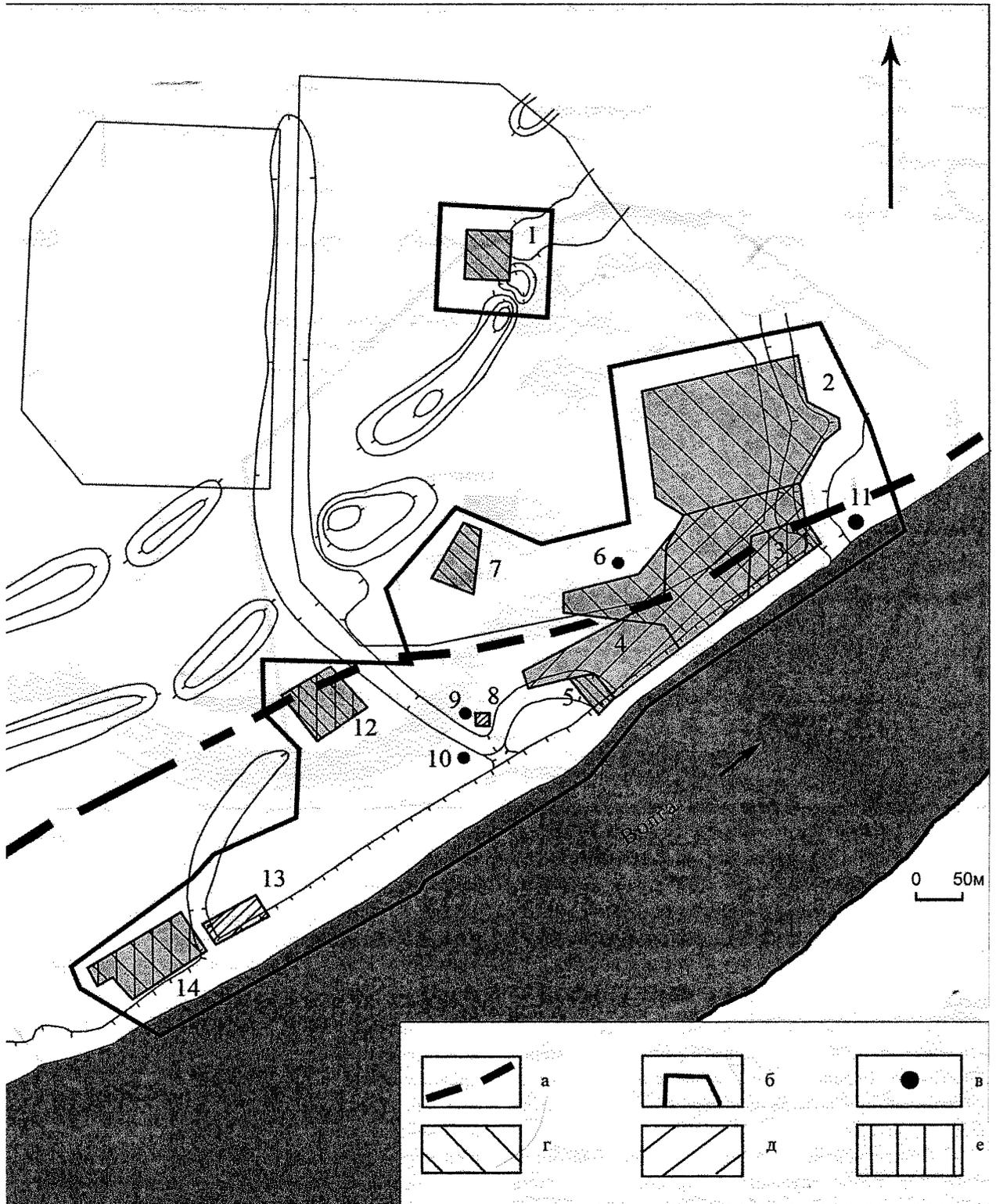

Рис. 2. Схема местоположения археологических объектов и их охранных зон в юго-западной части заказника. а – грунтовая дорога; б – граница охранной зоны; в – местонахождения; г – стоянка; д – курганный могильник; е – селище. 1 – стоянка Дуденево 3; 2 – стоянка Дуденево 1; 3 – селище Дуденево 1; 4 – курганный могильник Дуденево 1; 5 – стоянка Дуденево 5; 6 – местонахождение Дуденево 4; 7 – стоянка Дуденево 4; 8 – одиночный курган № 1 Дуденево; 9 – местонахождение Дуденево 2; 10 – местонахождение Дуденево 3; 11 – местонахождение Дуденево 1; 12 – стоянка Дуденево 7 и селище Дуденево 4; 13 – курганный могильник Дуденево 2; 14 – стоянка Дуденево 6 и селище Дуденево 3

линии, к которым в основном приурочены древние поселения. Три выявленные стоянки (Дуденево 3, 4 и 7), предварительно отнесенные к эпохе мезолита, расположены соответственно: в 300 м от края современной надпойменной террасы р. Тьмы и в 420 м от края современной террасы р. Волги, на древнем берегу старичного (ныне высохшего) озера; в 160 м от края современного берега р. Волги, на берегу возможной древней протоки из старичного озера; в 180–230 м от края берега р. Волги и в 120 м от сухой ложбины (древнего водотока?). Поселение культуры текстильной керамики эпохи бронзы занимает площадь не менее 30 тыс. м². По всей видимости, это однослойный памятник, который может стать эталонным для изучения в Верхневолжье древностей этой эпохи. До наших дней сохранился небольшой участок поселения, имеющего раннедьяковские слои и напластования середины I тыс. н. э., которое находилось за пределами укреплений городища раннего железного века, уничтоженного при разливах рек Тьмы и Волги.

5. Центральное место в обследованном микро-регионе занимает хорошо известный древнерусский курганный могильник Дуденево 1 – один из крупнейших погребальных памятников в Верхнем Поволжье. По сведениям конца XIX в., здесь насчитывалось до 150 насыпей, причем часть прибрежных курганов уже была размыва Волгой. На весьма несовершенном плане паспорта, составленном в 1972 г., обозначено 77 курганов. Судя по проведенной в 2007 г. детальной топосъемке, здесь насчитывается не менее 85 курганов в виде частично сохранившихся насыпей. В площадь могильника были включены не только сохранившиеся остатки курганов, но и территории, где находились ныне сnivelирован-

ные насыпи, а также пространство в непосредственной близости от курганов – за пределами ровиков и между курганами, – где могли сохраниться остатки полностью разрушенных над современной дневной поверхностью объектов: грунтовые захоронения в материковых ямах, ровики, выкопанные в материке, различные культурные остатки (костры, каменные выкладки, вещевой материал, ритуальные ямы). Раскопки курганов, помимо местных жителей и любителей древностей, здесь проводило не одно поколение археологов и историков (В.А. Плетнев, В.И. Колосов, А.А. Спицын, Ю.Г. Гендуне, Е.В. Крылов, С.Ф. Платонов, И.А. Виноградов, А.Н. Вершинский и Н.П. Милонов, Е.Н. Ерофеева). К сожалению, ни один курган не исследован по современной методике, в том числе со вскрытием ровиков. Нерешенным остался вопрос о местоположении поселения, связанного с этим могильником. На роль такого поселения не может претендовать обнаруженное небольшое селище конца I – начала II тыс. н. э. вблизи курганного могильника Дуденево 2 (8 насыпей). По всей видимости, крупное поселение (так же как и расположенное поблизости городище) было разрушено р. Волгой.

6. Дуденевский историко-культурный заказник был создан в основном исходя из наличия уникальных природных объектов, расположенных в неординарной геоморфологической ситуации. Исследования показали уникальность юго-западной части заказника с точки зрения археологии. В настоящее время заказник, существующий де-юре, нуждается в разработке современной документации, уточняющей его границы, назначение, принадлежность, регламентацию любой деятельности в его пределах, включая охраняемые и научные археологические исследования.

А.В. Кениг

*Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского АО – Югры, Ханты-Мансийск*

Развитие региональной системы охраны археологического наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Открытие богатейших нефтяных и газовых месторождений, вызвавшее стремительное освоение Ханты-Мансийского автономного округа в 1970–1990-х гг. негативно сказалось на состоянии окружающей среды и объектов историко-культурного наследия. Официально в этот период сохранением археологических памятников автономного округа

занимались специальные органы Тюменской областной администрации. Однако огромные расстояния и труднодоступность делали невозможным осуществление контроля над объектами историко-культурного наследия в зонах разработки нефтегазовых месторождений, строительства железных дорог, автомагистралей и городов. Вопреки суще-

ствовавшим законам, хозяйственная деятельность велась без учета археологических ресурсов, что неминуемо приводило к их разрушению. Многие памятники и артефакты были полностью или частично уничтожены.

В определенной мере функции органа охраны археологического наследия Ханты-Мансийского округа выполняла Уральская археологическая экспедиция Уральского государственного университета (УАЭ УрГУ). Свердловские археологи на протяжении 25 лет занимались исследованиями памятников археологии, осуществляли учет и, по возможности, контроль над их состоянием. Тем не менее, все эти мероприятия носили скорее эпизодический, чем системный характер. Плановые обследования территории округа не проводились, отсутствовала единая система организации научно-исследовательских работ, унифицированная отчетная документация и нормативно-правовая база.

В 1992 г. по инициативе предприятия АВКОМ Свердловского отделения Российского Фонда культуры была разработана и утверждена концепция сохранения и использования историко-культурного наследия Ханты-Мансийского АО. В документе были охарактеризованы направления развития и принципы организации системы контроля над состоянием объектов историко-культурного наследия, определены основные линии формирования региональной нормативно-правовой базы. Поддержка положений концепции высшими органами исполнительной и законодательной власти округа позволили за четыре последующих года создать организационную и правовую основу системы сохранения объектов культурного наследия. Во-первых, был принят ряд важнейших нормативных актов:

1) закон «О сохранении и использовании историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа»;

2) программа «Инвентаризация объектов историко-культурного наследия»;

3) временное положение «О порядке проведения историко-культурной экспертизы на землях Ханты-Мансийского автономного округа».

Во-вторых, было создано специальное структурное подразделение окружной администрации – отдел по сохранению и использованию историко-культурного наследия, вошедший в состав Управления культуры, в полномочия которого входили охрана памятников, согласование землеотводов под хозяйственную и иную деятельность, лицензирование недропользования. В Нефтеюганском р-не был создан Комитет по сохранению и использованию историко-культурного наследия, в Сургутском – специальное учреждение (ныне МУ ИКНПЦ «Барсова

Гора»), а в Советском и Нижневартовском р-нах введены должности специалистов по вопросам охраны и использования историко-культурного наследия.

В-третьих, к 1993 г. была проведена инвентаризация и составлена учетная документация на 1800 археологических объектов, к 1996 г. осуществлено картографирование всех известных памятников.

В-четвертых, была введена система обязательных историко-культурных экспертиз предпроектной и проектной документации, зон хозяйственной деятельности.

Введение обязательной историко-культурной экспертизы имело важнейшее значение не только для организации работ по сохранению историко-культурного наследия, но и для развития археологической науки в регионе. В тяжелейший для страны период удавалось профинансировать деятельность крупнейших научных подразделений, сохраняя научные кадры и привлекая новых специалистов. Историко-культурная экспертиза во многом изменила подходы к проведению археологических изысканий. Было положено начало координации деятельности научно-исследовательских организаций и унификации отчетной документации. С 1993 г., согласно распоряжению губернатора, начала действовать система выдачи разрешений на проведение археологических исследований на территории округа. Обязательным условием для получения разрешения на проведение последующих изысканий стала передача археологических коллекций после завершения полевых работ и научной обработки в музей округа. С этого же времени из обязательных экземпляров экспертной документации и научных отчетов начал формироваться архив государственного органа охраны памятников истории и культуры.

В конце 1998 г. Правительство округа провело новую реорганизацию органов охраны памятников. В 1999 г. функции управления и контроля над состоянием историко-культурных объектов были возложены на вновь образованное в составе Департамента культуры и искусств Ханты-Мансийского автономного округа структурное подразделение – Службу главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия. Кроме этого было создано Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Научно-производственный центр «Наследие».

Важным шагом в окончательном формировании системы охраны памятников было создание при Департаменте культуры и искусств Научно-методического совета по сохранению и использованию историко-культурного наследия. В его состав вошли руководители всех научно-исследовательских

организаций, ведущих работы на территории округа. В последние годы профессиональные археологи появились в Государственном окружном музее Природы и Человека в г. Ханты-Мансийске, в Няганском городском краеведческом музее, в центрах охраны памятников Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского р-нов.

За последние несколько лет наблюдается устойчивый рост объема проводимых археологических работ на территории округа: в 2002 г. в округе работало 15 стационарных археологических экспедиций (10 аварийно-спасательных, 5 научно-исследовательских), в 2003 г. – 23 (15 аварийно-спасательных, 8 научно-исследовательских), в 2004 г. – 27 (19 аварийно-спасательных, 8 научно-исследовательских). В 2004–2005 гг. по количеству Открытых листов, выданных Отделом полевых исследований Института археологии РАН, Ханты-Мансийский округ занял второе место в Российской Федерации после Тверской обл. В 2007 г. в округе работало рекордное количество археологических отрядов – 40 экспедиций (35 аварийно-спасательных, 5 научно-исследовательских).

Социально-экономические и политические условия, сложившиеся в Российской Федерации и Ханты-Мансийском АО – Югре, диктуют необходимость дальнейшего развития и совершенствования

системы сохранения и использования археологического наследия, его нормативной, правовой, научно-методической, информационной и экономической базы. С целью унификации ведения отчетности о научно-исследовательских работах в 2004 г. на заседании Научно-методического совета по сохранению и использованию историко-культурного наследия автономного округа рассмотрена и утверждена новая редакция инструкции «О порядке составления отчетов об археологических исследованиях: структура и правила оформления». В июне 2006 г. Думой Югры принят новый закон «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Готовится инструкция о порядке проведения инвентаризации археологических объектов. Начата работа по созданию региональной информационной системы «Объекты историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

К сожалению, деятельность в этом направлении тормозится из-за отсутствия на федеральном уровне многих подзаконных актов, регламентирующих механизм проведения историко-культурной экспертизы, порядок организации учета памятников, выдачу Открытых листов на проведение исследований на объектах археологического наследия.

Л.В. Кондрашев

Комитет по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие)

Новые нормативные документы в сфере сохранения археологического наследия и практика их применения

Современная практика работы по сохранению объектов археологического наследия требует нового осмысления законодательства, нормативных документов и правоприменительной практики.

Законодательная регламентация, касающаяся объектов археологического наследия и права проведения археологических раскопок, имеет долгую историю, начиная с середины XIX в. Тем не менее, следует признать, что вопросам сохранения археологического наследия внимания уделяется меньше, чем более заметным памятникам архитектуры и т. п. Это отражается во фрагментарном и неполном закреплении в законодательстве положений, относящихся к археологии.

На данный момент среди ученых нет единого мнения в определении объекта археологического

наследия. На наш взгляд, следует выделить главный постулат: археологические древности – это *источники познания* жизни исчезнувших людей и их сообществ. В законодательстве данное положение отражалось в разной степени. До ФЗ № 73-ФЗ традиционно говорилось о «памятниках» археологии.

Так, наиболее развернутое определение дано на базе ст. 6 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 г.: «3. Недвижимые памятники истории и культуры подразделяются на: ...

3.1. Виды – в соответствии с наиболее существенными типологическими признаками и функциональным назначением: памятники археологии – городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места

захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя»*.

Считаем важным отметить, что статьей 21 вышеупомянутого Закона РСФСР допускалось «использование памятников истории и культуры в хозяйственных целях, если это не наносит ущерба сохранности памятников».

Действующий ФЗ № 73-ФЗ делает смысловой акцент на совокупности археологических древностей:

«Объекты культурного наследия:

Памятники – ...частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки;

Достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок».

В практике часто встречаются обращения обществу по поводу права собственности на земельные участки, на которых расположены объекты археологического наследия. Законодатель определяет, что «объект археологического наследия и земельный участок... в пределах которого он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно» (ст. 49). «...физические и юридические лица осуществляют право пользования... земельным участком... в пределах которого располагается объект археологического наследия... **по своему усмотрению, с учетом требований, установленных настоящим Федеральным законом**» (ст. 52, п. 1). Как видим, главное в рассматриваемой ситуации – при осуществлении законных прав собственника или пользователя земельных участков не нанести вреда объектам археологического наследия. Во-первых, объекты археологического наследия, безусловно, находятся в государственной собственности (ст. 49, п. 3). Во-вторых, особенности объекта, или так называемого «предмета охраны», должны остаться неизменными (ст. 52, п. 3). Поэтому статья 53 упомянутого закона налагает ограничения на использование указанных объектов, кроме того, все действия на данном земельном участке собственник или пользователь должен согласовывать с органом по сохранению культурного наследия (ст. 52, п. 3).

Таким образом, допускается использование земельных участков, на территории которых находятся объекты археологического наследия, но при обязательном проведении мер, направленных на

сохранение их значимости, – т. е. археологических раскопок.

Относительно «черной археологии» следует заметить, что данные самовольные земляные работы собственно археологией не являются. Наиболее точным определением здесь будет «кладоискательство». Гражданский кодекс РФ дает следующее определение клада: «1. Клад, то есть зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право, поступает в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т. п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное...».

2. В случае обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры, они подлежат передаче в государственную собственность. При этом собственник земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и лицо, обнаружившее клад, имеют право на получение вместе вознаграждения в размере пятидесяти процентов стоимости клада...

3. Правила настоящей статьи не применяются к лицам, в круг трудовых или служебных обязанностей которых входило проведение раскопок и поиска, направленных на обнаружение клада» (ГК, ст. 233).

Таким образом, законодатель разделяет процесс нахождения просто материальных ценностей (например, современных денег) и объектов культурного наследия. Конечно, могут возникнуть сложности в связи с отсутствием исчерпывающего перечня предметов, которые могут относиться к памятникам истории и культуры. Поэтому отнесение обнаруженных вещей к указанной категории должно осуществляться при помощи независимой экспертной оценки, а в случае возникновения спора – судом. На наш взгляд, главное отличие объекта археологического наследия – в содержащейся в нем потенциальной информации о жизни и культуре исчезнувших людей и их сообществ, которую ученый получает, изучая не только обнаруженный клад старинных вещей, но и условия его залегания.

Таким образом, целенаправленные поиски древних кладов должны регулироваться Федеральным законом об объектах культурного наследия (№ 73-ФЗ), который гласит: «Объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения... перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред объектам культурного наследия, а также в целях их защи-

ты от неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных воздействий» (ст. 33). Единственными действиями, связанными с данными объектами, могут быть «работы по сохранению культурного наследия», к которым законодатель относит спасательные археологические полевые работы (ст. 40, п. 2).

В июле 2006 г. приняты поправки к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Статья 7-15 Кодекса предусматривает ответственность за ведение археологических разведок или раскопок без полученного в установленном порядке разрешения. В целом указанные поправки надо признать удачными и необходимыми. Однако, как указывалось выше, понятие археологических раскопок точно не определено. В случае так называемой «черной археологии» речь идет не об исследованиях, а о поиске артефактов с целью их присвоения. Следовательно, необходимо дополнительно определить ответственность за целенаправленный поиск объектов археологического наследия с целью приобретения их в собственность физическими и юридическими лицами (разновидность кладоискательства).

Введение в действие ФЗ № 73-ФЗ стало отправной точкой для разработки новой нормативно-методической базы в сфере сохранения исторического и культурного наследия народов Российской Федерации. Однако темпы этой работы не соответствуют требованиям современного этапа. Отсутствие значительного числа утвержденных в соответствии с законодательством подзаконных актов препятствует созданию необходимой регламентации проведения работ по сохранению объектов культурного наследия. Отметим, что ущерб, наносимый памятнику истории и культуры при осуществлении методически неверных работ, невосполним.

В предшествующие годы были разработаны на базе ГУП «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские» и утверждены Реставрационные нормы и правила (РНИП). Этот нормативно-

методический сборник в целом положительно рекомендовал себя в практической работе по реставрации памятников истории и культуры. Однако в связи с идущими в России процессами общего совершенствования и унификации законодательной базы часть данных документов была опротестована Минюстом. Одновременно следует отметить совершенствование современной методики работ по сохранению объектов культурного наследия, в связи с чем многие предшествующие методические документы явно устарели.

Для совершенствования нормативной работы при Министерстве культуры РФ создан Координационный совет по вопросам нормирования и научно-методического регулирования в сфере проведения работ на объектах культурного наследия народов РФ.

В 2007 г. техническим советом, включающим в себя также представителей Комитета по культурному наследию г. Москвы, был разработан Свод реставрационных правил (СРП 2007), содержащий рекомендации по проведению научно-исследовательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия. Существенное место в данном сборнике занимает разработанный сотрудниками Управления контроля за сохранением и использованием объектов культурного наследия раздел, регламентирующий порядок проведения спасательных археологических работ, в том числе археологического проектирования, разведок, раскопок, наблюдений, надзора, согласования и экспертизы документации по сохранению объектов археологического наследия, а также ведения археологических исследований неразрушающими методами – геофизических исследований.

* Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры (утв. приказом Минкультуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203) (с изменениями от 25 марта 1994 г.).

В.Л. Лакиза

Институт истории НАН Беларуси

Итоги новейших археологических исследований первобытных памятников в зонах новостроек и проблема охраны археологического наследия Беларуси

История археологического изучения первобытных древностей Беларуси насчитывает уже более 200 лет. За это время открыты и изучены сотни разновременных памятников, а результаты их анализа представлены в десятках научных монографий. Но в последние пять лет научные исследования археологов страны, и в первую очередь сотрудников Института истории НАН Беларуси, вышли на новый уровень. В результате усовершенствования законодательной базы в области сохранения историко-культурного наследия* Институт истории НАН Беларуси стал главной организацией, осуществляющей разработку мер по охране археологических объектов в зонах земляных и строительных работ, координацию и контроль всех археологических исследований. У археологов, ведущих фундаментальные научные исследования в различных областях первобытной истории (от первоначального освоения территории Беларуси до расселения ранних славян), появились новые возможности как в привлечении дополнительного финансирования, так и в получении большего количества важных материалов – источников для культурно-хронологических обобщений и выводов.

Первые крупные исследования первобытных памятников в зонах новостроек были проведены в 2003 г. Еще на стадии проектирования строительства крупной гидроэлектростанции около Гродно на р. Неман зона будущего водохранилища была обследована археологами. В результате разведочных работ и интенсивной шурфовки местности были зафиксированы 33 памятника – стоянки и поселения каменного, бронзового и железного веков, кремнеобрабатывающие мастерские, городище (Абухоўскі, Калечыц, Лакіза, Чарняўскі Макс., Чарняўскі М., 2004). После рекомендации Института истории НАН Беларуси все обнаруженные памятники были включены в «Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь» и взяты государством под охрану, а средства на проведение охранных мероприятий были заложены в проектно-сметную документацию. У археологов появилась уникальная возможность провести широкомасштабные раскопки на всех разновременных памятниках, которые попадают в зону затопления, а значит комплекс-

ного изучения истории отдельного микрорегиона на протяжении нескольких тысяч лет. И раскопки первого поселения – Жиличи 1 (несколькими раскопками изучено более 600 м²) – подтвердили наши ожидания. Найдены материалы финальнопалеолитической свидерской культуры, впервые для этой территории кремневые наконечники стрел культуры Кунда, а также изделия мезолитической яниславицкой культуры. Получены свидетельства существования данного поселения в неолите (нёманская культура, культура шаровидных амфор, круг культуры шнуровой керамики) и бронзовом веке (тштинецкий культурный круг). Отмечено, что часть кремневого инвентаря практически аналогична материалам из позднебронзовых кремнедобывающих шахт Северо-Восточной Польши (д. Рыбники около Белостока) (Калечыц, Чарняўскі М., Абухоўскі, Лакіза, Крывальцэвіч, Язэпенка, Чарняўскі Макс., 2004).

В 2004 г. были начаты исследования на территории строительства компрессорной станции (КС) Слонимская, газопровод «Ямал-Европа», и в зоне реконструкции Августовского канала. В результате предварительных разведочных работ были открыты несколько новых первобытных памятников, и некоторые из них выбраны как наиболее перспективные для стационарных исследований.

Раскопки в 2005 г. проводились сначала на поселении Новосёлки 1 в бассейне р. Шчара около КС Слонимская. Двумя раскопками исследовано 160 м² культурного слоя, зафиксировано 3 объекта – 2 очага и жилище. Среди артефактов выделяются каменный сверленный топор и кремневый треугольный наконечник стрелы, посуда типа Бершты-Русаково – наиболее показательные вещи для населения круга культуры шнуровой керамики в позднем неолите (конец III – начале II тыс. до н. э.) (Лакіза, Калечыц, Абухоўскі, 2006; Лакіза, 2007).

Затем в Гродненском р-не в бассейне р. Неман были продолжены широкомасштабные исследования памятников Августовского канала (археологические работы в этой части Северо-Западной Беларуси, главным образом из-за вхождения в пограничную зону, ранее не проводились). В результате разведок только в зоне реконструкции Августовского канала – от государственной границы Беларуси

с Польшей до впадения канала в р. Неман – были найдены 47 разновременных памятников археологии: стоянки, кремнеобрабатывающие мастерские, селища. Среди них доминируют памятники каменного и бронзового веков, что обусловлено наличием в изучаемом регионе высококачественного кремневого сырья (выходы меловых пород) (Лакіза, Обуховский, 2007; Абухоўскі, Лакіза, 2008). Раскопки проводились на стоянке Немново 1, которая, по нашему мнению, должна занять достойное место среди туристических объектов Августовского канала. Всего на ней изучено 245 м² культурного слоя, зафиксировано 4 объекта, в том числе следы жилой конструкции (полуземлянки) с остатками захоронения по обряду кремации. Технологические и типологические признаки нескольких тысяч кремневых изделий указывают на их позднемезолитический возраст (VI–V тыс. до н. э.). К сожалению, археологические исследования шли параллельно со строительными работами и в ускоренном режиме. Поэтому для спасательных раскопок на площади свыше 200 м² были выбраны еще 10 памятников, которые подвергались наибольшему хозяйственному воздействию (Абухоўскі, Калечыц, Лакіза, Чарняўскі М., 2006). Ставилась задача изучить характер и мощность культурного слоя, определить культурную принадлежность и хронологию памятников, разработать рекомендации по их дальнейшему изучению и охране. В итоге для данного региона Беларуси прослежена вся схема поэтапного заселения и освоения территории – от первых охотников на северного оленя финального палеолита, распространения мезолитических племен Кунда и яниславицкой культуры, до использования бассейна реки как источника кремневого сырья в неолите и бронзовом веке.

В 2006 г. было проведено сплошное обследование в зоне реконструкции Огинского канала (Брестская обл.). На отрезке в 20 км выявлено 17 памятников. Впервые на этой территории в окрестностях д. Святица Ляховичского р-на, в урочищах Свида и Гряды, удалось выявить целый комплекс археологических памятников, которые датируются временем от финального палеолита и мезолита до неолита и бронзового века (X–II тыс. до н. э.). Главным мероприятием по охране новых памятников археологии (до проведения дальнейших земляных и строительных работ) стали археологические раскопки на трех стоянках каменного века в урочище Куль (стоянки Куль 1, 2 и 3). В общей сложности исследовано более 300 м² культурного слоя. Получена многочисленная коллекция артефактов (около 10 тыс.), состоящая из кремневого инвентаря, каменных изделий, фрагментов керамики, костного материала, позволя-

ющая ввести в научный оборот новые, ранее неизвестные страницы прошлого. Например, на стоянке Куль 1 жили племена кудлаевской мезолитической культуры, а на стоянке Куль 2 – яниславицкой мезолитической культуры. При этом нужно отметить, что во время раскопок получены так называемые чистые комплексы артефактов, относящиеся к одному хронологическому периоду, практически без каких-либо примесей. Кроме того, можно сделать вывод и об определенной специализации мезолитического населения данного региона. Так, это отчетливо прослеживается по материалам стоянки Куль 2. Население яниславицкой культуры, проживавшее здесь, использовало большое количество разнообразных кремневых резцов и специализировалось на обработке и изготовлении костяных и роговых орудий труда (Калечыц, Лакіза, Чарняўскі М., Абухоўскі, 2007).

В 2007 г. исследования проводились в разных регионах Беларуси (особенно активно в зонах строительства газопроводов высокого давления в связи с программой газификации отдельных районов страны), но наиболее масштабными стали работы по изучению археологического наследия Национального парка «Беловежская пушка», которые приурочены к 600-летию установления заповедного режима. Именно благодаря отсутствию активной хозяйственной деятельности здесь сохранились десятки уникальных памятников. Только за несколько месяцев исследований на археологическую карту было нанесено около 50 новых первобытных стоянок и поселений каменного и бронзового веков, а несколько из них раскопано. Впервые для этого региона обнаружены материалы финального палеолита, ряда мезолитических культур, нёманской неолитической культуры и круга культуры шнуровой керамики, тштинцевой и, возможно, лужицкой культур. Наличие большого количества памятников и материалов дало основание поставить вопрос об организации в новом музее истории Национального парка «Беловежская пушка» зала археологии и о создании около д. Каменюки на р. Лесная Правая археологического музея под открытым небом.

В 2008 г. на р. Неман после длительного и сложного подготовительного периода начались работы по строительству гидроэлектростанции. На несколько лет для археологов одной из первоочередных задач становится исследование более чем 30 памятников, которые попадают в зону затопления. Для первобытной истории и археологии Беларуси – это дело уникальное и новое. В планах – изучение более 20 тыс. м² культурного слоя, тысячи новых артефактов, постоянно действующие мобильные экспедиции сотрудников института, ряда вузов страны,

археологические практики студентов. Успешное выполнение намеченных планов возможно только при сотрудничестве нескольких организаций, которые занимаются поиском и научным изучением памятников археологии, разработкой мероприятий по их охране и подготовкой будущих специалистов-археологов.

Проведенные за последние годы в зонах новостроек археологические исследования, кроме осуществления мер по охране историко-культурного наследия и получения значительной научной информации, несомненно, имеют и практическое значение. Наиболее ценные археологические находки украшают экспозиции музейных выставок, используются при создании туристических буклетов и рекламно-информационных проспектов. Августовский канал уже восстановлен и действует, а Огинский канал рассматривается как интересный и важный туристический объект Беларуси, который также должен привлекать в нашу страну туристов. А памятники археологии, внесенные в туристические маршруты, только обогатят представление об одном из красивейших и уникальных уголков мира – Беларуси.

* Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 98-З «Об охране историко-культурного наследия», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.05.2002 г. № 651 «Об охране археологических объектов при проведении земляных и строительных работ» и от 15 июня 2006 г. № 762 «О некоторых вопросах охраны историко-культурного наследия».

Абухоўскі В.С., Калечыц А.Г., Лакіза В.Л., Чарняўскі Макс.М., Чарняўскі М.М., 2004. Археалагічнае абследаванне ўзбярэжжаў Нёмана ў зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 19.

Абухоўскі В.С., Калечыц А.Г., Лакіза В.Л., Чарняўскі М.М., 2006. Раскопкі 2005 г. на Аўгустоўскім канале // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 21.

Абухоўскі В.С., Лакіза В.Л., 2008. Археалагічныя помнікі беларускай часткі Аўгустоўскага канала // Августовский Канал и современный экотуризм. Пултуск; Минск; Гродно.

Калечыц А.Г., Лакіза В.Л., Чарняўскі М.М., Абухоўскі В.С., 2007. Археалагічныя даследаванні ў зоне рэканструкцыі Агінскага канала // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. Вып. 23.

Калечыц А.Г., Чарняўскі М.М., Абухоўскі В.С., Лакіза В.Л., Крывальцэвіч М.М., Язэпенка І.М., Чарняўскі Макс.М., 2004. Раскопкі паселішча Жылічы 1 // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 19.

Лакіза В.Л., 2007. Исследования поселений позднего неолита и бронзового века в бассейне Немана // АО 2005 г.

Лакіза В.Л., Калечыц А.Г., Абухоўскі В.С., 2006. Археалагічныя раскопкі на помніку позняга неаліту – бронзавага веку Навасёлкі 1 // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 21.

Лакіза В.Л., Обуховский В.С., 2007. Исследования в зоне реконструкции Августовского канала // АО 2005 г.

Лакіза В.Л., Ткачоў А.Ю., 2007. Вынікі археалагічных даследаванняў у зоне будаўніцтва газаводу на тэрыторыі Стаўбцоўскага раёна // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. Вып. 23.

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН

Современные формы сохранения историко-культурного наследия Сибири: музеи под открытым небом и историко-архитектурные музеи-заповедники

Музеи под открытым небом – одна из форм сохранения и использования культурного наследия прошлого, это территории с сохранившейся, восстановленной или привезенной из других мест застройкой, с предметами быта и культуры народа. Музей-заповедник – музей, в состав которого помимо экспозиций входят расположенные на его территории заповедника архитектурные или исторические памятники. Такие типы музеев представляют собой объекты туризма, имеющие культурно-

познавательную ценность. С выходом Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ и «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» вопрос о путях сохранения историко-культурного наследия приобретает особую актуальность и современное звучание.

Идея сохранения памятников путем создания музеев под открытым небом не нова, она имеет давнюю историю. Впервые она была высказана в 1790 г. швейцарским ученым Ч. Бонстеттенем, который предложил в Королевском парке Северной Зеландии поставить жилые дома с целью характеристики жизни, быта и народного искусства датских крестьян (Маковецкий, 1963. С. 8). В дальнейшем идея получила развитие, показала свою жизнеспособность, и во многих странах Европы стали появляться и успешно функционировать подобные музеи. На территории Российского государства первая попытка размещения этнографической экспозиции вне стен закрытого музейного помещения была сделана в Риге в 1896 г. (Вилков, 1980. С. 8).

В 1990-е гг. в России отмечался всплеск интереса к музеям под открытым небом и историко-архитектурным музеям-заповедникам, инициированный ростом национального самосознания, поисками «своих корней» и «национального пути развития». В настоящее время в Сибири действуют музеи деревянного и каменного зодчества различного профиля: мемориальные, сельскохозяйственные, промышленные, комплексные и пр. Современной тенденцией в подходе к формированию экспозиции музеев является переход от показа отдельных уникальных построек к воссозданию целостных архитектурно-этнографических комплексов в форме экомузеев. Авторами концепций таких музеев являются деятели культуры, профессиональные этнографы, археологи, архитекторы (Афанасьев, Бедин, Кимеев, 1994. С. 7–13; Гнедовский, 1994. С. 8–19; Кимеев, Шатилов, 1998. С. 24–148; Шагжина, 1996. С. 139–143; Экологические проблемы развития музеев-заповедников, 2006).

Как правило, экспонатами сибирских музеев под открытым небом являются памятники истории, архитектуры и этнографии XVII–XIX вв., а также памятники древнейшего прошлого и природные объекты. Таковы экспозиции в музее-заповеднике в с. Шушенское, Этнографическом музее народов Забайкалья (г. Улан-Удэ), Музее под открытым небом «Ангарская деревня» (г. Братск), Этнографическом музее-заповеднике «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск), Историко-культурном и природном музее-заповеднике «Томская писаница», экомузеех «Чолкой», «Калмаки», «Тазгол», «Село Ишим», «Тюльберский городок», Историко-архитектурном музее-заповеднике «Красная горка» (г. Кемерово), Архитектурно-этнографическом музее под открытым небом «Тальцы» (Иркутская обл.).

В регионах разрабатываются программы создания системы музеев-заповедников. Например, от Иркутского региона были предложены археологи-

ческие заповедники «Глазковский некрополь» в Иркутске и «Шишкинские писаницы» на Верхней Лене, историко-архитектурные комплексы – историко-мемориальная зона «Декабристы в Иркутске» и музей-усадьба В.П. Сукачева, Кругобайкальская железная дорога как уникальный архитектурно-природный и инженерный комплекс (Шахеров, 2007. С. 229).

В Новосибирской обл. также была предложена концепция музея-заповедника, который должен был войти во всероссийскую систему достопримечательных мест. Базой для него должен был стать историко-архитектурный музей под открытым небом ИАЭТ СО РАН, который начал создаваться в 1970 г. по предложению академика А.П. Окладникова в Новосибирском Академгородке и предназначался для размещения подлинных предметов и построек со времени появления первого человека на территории Сибири до начала XX в. В настоящее время на территории музея (46,5 га) расположено более 30 археологических памятников, шатровая Спасская церковь из покинутого якутского города Зашиверска (XVII в.), Казымский (Юильский) острог (XVIII в.), привезенный с берегов р. Казым, реконструируется типичная русская крестьянская усадьба Восточной Сибири (XIX в.). Собрана значительная коллекция утвари и предметов хозяйства и быта XVIII–XX вв.: посуда, мебель, сани, повозки, плуги, бороны и др.

Спасская церковь – уникальный памятник русской деревянной архитектуры – была построена на рубеже XVII–XVIII вв. в заполярном городе Зашиверске на р. Индигирке. В 1639 г. отряд служилых людей под руководством Постника Иванова за порогами-«шиверами» поставил зимовье, которое дало начало будущему городу. Около 1700 г. бригада местных плотников во главе с Андреем Ховаровым (Хабаровым) внутри острога поставила деревянную шатровую церковь. За почти три столетия своего существования церковь неоднократно перестраивалась, но сохранила замечательный по красоте художественный облик. Экспедиции 1970-х гг. под руководством академиков А.П. Окладникова и А.П. Дервянко вывезли из опустевшей местности церковь. В 1987–1990 г. церковь и колокольня были восстановлены на территории Историко-архитектурного музея.

Казымский (Юильский) острог – редкий образец крепостного деревянного зодчества Сибири. Построен русскими в XVIII в. на берегах р. Казым, притока Оби. В архитектуре острога прослеживаются приемы, характерные для русского оборонного зодчества XVI–XVIII вв.: двухэтажные башни с четырехскатными кровлями, обламом, бойницами, тыновое ограждение. Экспедиции 1972–1973 гг. об-

следовали и перевезли башни в Новосибирск. Археологическое исследование территории острога было проведено академиком В.И. Молодиным.

Церковь, колокольня и две башни острога и часть тына были реконструированы по проектам института «Спецпроектреставрация» (г. Москва).

Первоначально музей задумывался как общесибирский, где кроме уникальных археологических находок, культовых и оборонных построек предполагалось собрать подлинные образцы типичных для территориальных зон Сибири жилых и хозяйственных построек. Всего предполагалось формирование трех зон: археологических памятников, жилищ аборигенов Сибири и деревянного зодчества русских крестьян с двумя секторами – Восточной и Западной Сибири. В основу формирования секторов музея должны были быть положены тип и форма поселений с характерными для них крестьянскими дворами, включая бани, амбары, овины, колодцы, а также ветряные и водяные мельницы. Экспонаты предполагалось показывать в органической взаимосвязи с орудиями производства и предметами хозяйства. Для формирования экспозиции были проведены широкие полевые и архивные изыскания для выявления типичных для регионов Сибири построек и памятников деревянного зодчества. В конце 1980 – начале 1990-х гг., когда были восстановлены Спасская церковь и башни Казымского острога, стало ясно, что весь план по вывозу и реконструкции огромного числа построек выполнить невозможно. Однако уже вывезенные крестьянские постройки вполне можно было использовать для восстановления типичной усадьбы русского крестьянина XIX в. из Восточной Сибири. Так было положено начало формированию экспозиции, имеющей в своем составе избу, двухэтажный амбар, навесы, баню, погреб. Усадьба старожилов является примером хозяйственно-экономического комплекса периода аграрного освоения просторов Сибири. Дальнейшее развитие социально-экономической ситуации привело к тому, что работа по формированию музея была свернута,

некоторые постройки, хранившиеся в разобранном виде, в том числе буддийский дуган из Гусиноозерского дацана Бурятии, были переданы по месту их первоначального расположения.

В настоящее время проблема сохранения историко-культурного наследия Сибири решается путем создания и функционирования музеев под открытым небом и музеев-заповедников, разнообразных как по концепциям, тематике коллекций, количеству экспонатов, так и по ведомственной принадлежности. Перспективы их развития связаны с разработкой всероссийской программы создания системы музеев-заповедников.

- Афанасьев А.Г. Бедин В.И., Кимеев В.М., 1994. Экомузей «Чолкой» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.
- Вилков О.Н., 1980. К истории организации музеев под открытым небом // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Новосибирск.
- Гнедовский М.Б., 1994. Тайны под открытым небом: Музей в Варьегане // Мир музея. № 3.
- Кимеев В.М., Шатилов Н.И., 1998. Экомузей «Тазгол» в Горной Шории // Шорский сборник: Этноэкология и туризм в Горной Шории. Кемерово.
- Маковецкий И.В., 1963. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. № 2.
- Экологические проблемы развития музеев-заповедников. М., 2006.
- Шагжина З.А., 1996. Концепция экомузея «Тункинская долина» // Историческое, культурное и природное наследие: состояние, проблемы, трансляция. Улан-Удэ. Вып. 1.
- Шахеров В.П., 2007. Проблемы сохранения историко-культурного наследия Иркутского региона на современном этапе // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: Сб. мат. Всерос. конф. Томск.

А. М. Мурыгин*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар*

Охранные археологические работы в тундрах крайнего северо-востока европейской части России (1992–2007 гг.)

Северо-восточные пределы европейской части России по административному делению соответствуют Ненецкому автономному округу (НАО) Архангельской обл. Основой ландшафта территории являются Малоземельская и Большеземельская тундры, главной водной магистралью – р. Печора. Археологические работы в Печорском Заполярье представляют исключительный интерес для решения ряда актуальных научных проблем, прежде всего этногенеза народов, населявших этот обширный край в далеком прошлом. Между тем, несмотря на почти 200-летнюю историю изучения, европейский северо-восток до сих пор остается одним из наиболее слабо представленных регионов на археологической карте нашей страны.

Полевые исследования по изучению археологической составляющей культурного наследия коренных этносов крайнего Севера в основном проводились специалистами отдела археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Однако с первой половины 1990-х гг. по настоящее время изучение древностей тундр европейского северо-востока перестало являться необходимым звеном фундаментальных научных разработок северной археологии, что объективно связано с резким сокращением бюджетного финансирования. Позитивным моментом здесь является договорная организация охранных археологических работ в зонах промышленного освоения северо-востока Архангельской обл.

Археологические разведки на побережье Баренцева моря, в континентальной и прибрежно-береговой части Малоземельской и Большеземельской тундры проводились в 1992–1993, 2005–2007 гг. Северным (А. М. Мурыгин), II Северным (М. В. Кленов) и Палеолитическим (П. Ю. Павлов) отрядами Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сначала они выполнялись в рамках мероприятий по процедуре ОВОС (оценка воздействия на окружающую среду) в районах намечаемой эксплуатации и обустройства Приразломного нефтяного месторождения (от п-ова Канин на западе до островов Новая Земля на востоке), Ардалинского комплекса и Варандейской группы месторождений (1992, 1993 гг.). Позднее аналогичные работы были проведены по программе археологической экспертизы строительства и обу-

стройства нефтяных месторождений и коридоров проводки межпромысловых путепроводов различного типа (2005–2007 гг.) в Ненецком АО Архангельской обл. Первые результаты исследований были частично опубликованы (Мурыгин, 1999; 2002).

Ранее в местах работ археологические исследования практически не проводились. Из числа уже известных объектов можно отметить случайные сборы древних вещей на п-ове Канин, в устье р. Индига, на р. Колва и на мысе Синькин Нос (Лузгин, 1963; Чернов, 1985). В недавнее время древние поселения, местонахождения и святилища были обнаружены на северо-западном, западном и южном побережье о. Вайгач (Иванов, 1993; Хлобыстин, 1993; Хлобыстин, Питулько, Станюкович, 1993; Pitulko, 1991), на побережье пролива Югорский Шар (Каган, Питулько, 1993).

Итогом поисковых работ стало открытие 49 новых памятников, приуроченных к 13 участкам в районах промышленного освоения (рис. 1). При договорных работах было выявлено: в 1992 г. – 20, в 1993 г. – 15 местонахождений и стоянок эпохи камня, раннего металла, средневековья, остатки погребений более позднего времени и, видимо, поморской промысловой избушки. В ходе разведок 2005 г. найдено 9, в 2006 г. – 5 разновременных археологических памятников – стоянки с разрушенным культурным слоем, и на их месте расположены котловины выдувания (яреи). Только некоторые из них могут быть подвергнуты стационарным раскопкам в дальнейшем. Однако несмотря на свою малочисленность и фрагментарность, инвентарь памятников, например, эпохи железа (Наульто, Нэбтеяха I и II, ряд пунктов на р. Яйяха, Талотаяха и др.), достаточен, во-первых, для того, чтобы определить их датировку, а во-вторых – очертить известные к настоящему времени восточные, западные и южные границы распространения сходной глиняной посуды (рис. 2: 16–22, 24–28, 30–35). Аналогичная ситуация характерна и для стоянок эпохи камня и раннего металла (рис. 2: 1–15, 23, 29). Вместе с тем, работы показали научную значимость полученных источников, перспективность и целесообразность дальнейшего поиска здесь памятников археологии. Это связано

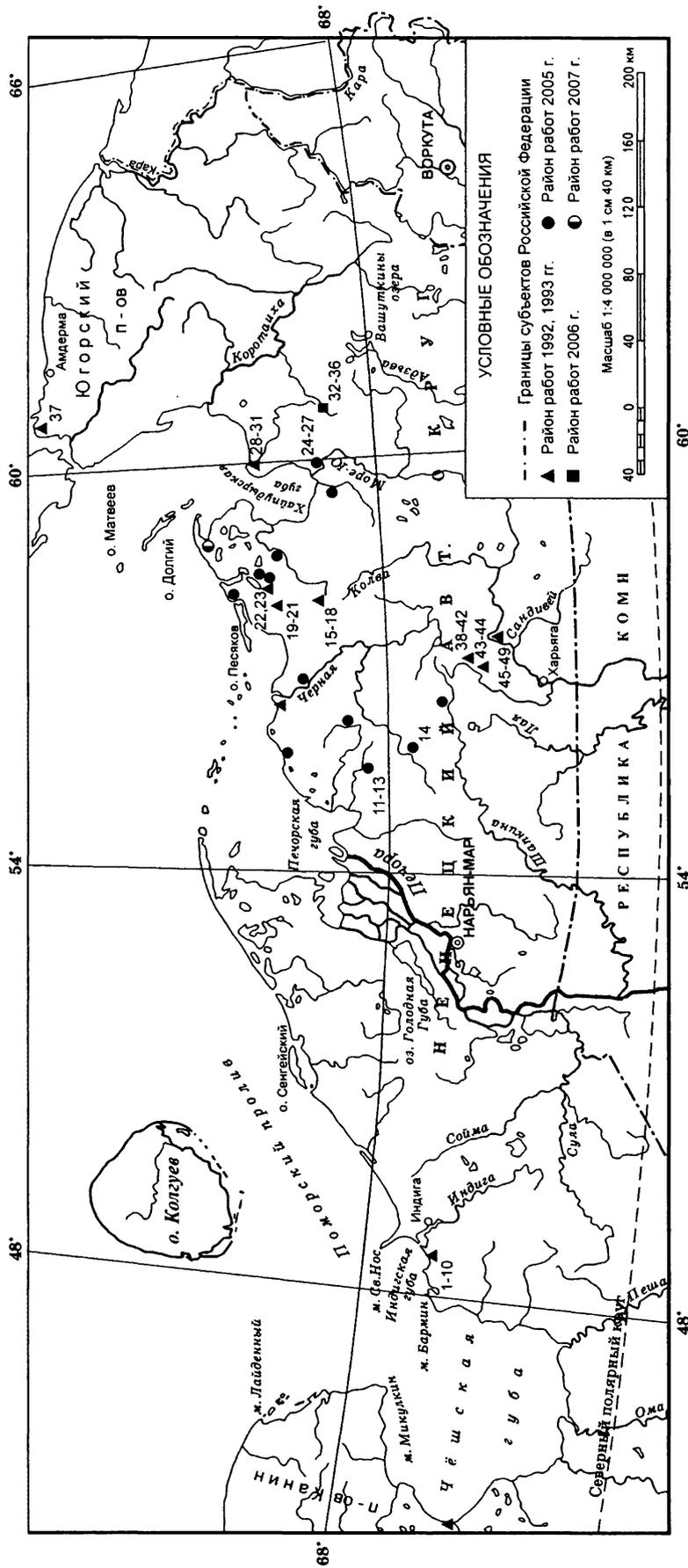

Рис. 1. Карта районов работ археологических отрядов Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в местах промышленного освоения и зона экологического риска материковой части Ненецкого АО. 1-10 – Княкья Губа, Ручей Безымянный, Покойничный, Лямчин I-VI; 11-13 – Ярейтарка I-III; 14 – Россихина; 15-18 – Наульто, Наульто I-III; 19-21 – Пярцарья I-II, Варкнивьяха; 22, 23 – Нэбгтяха I-II; 24-27 – Яйаха I-IV; 28-31 – Талотаха I-IV; 32-36 – Сарембой I-V; 37 – Лакорсала; 38-42 – Кывтангывис I-V; 43-44 – Кывтан I, II; 45-49 – Колва I-V

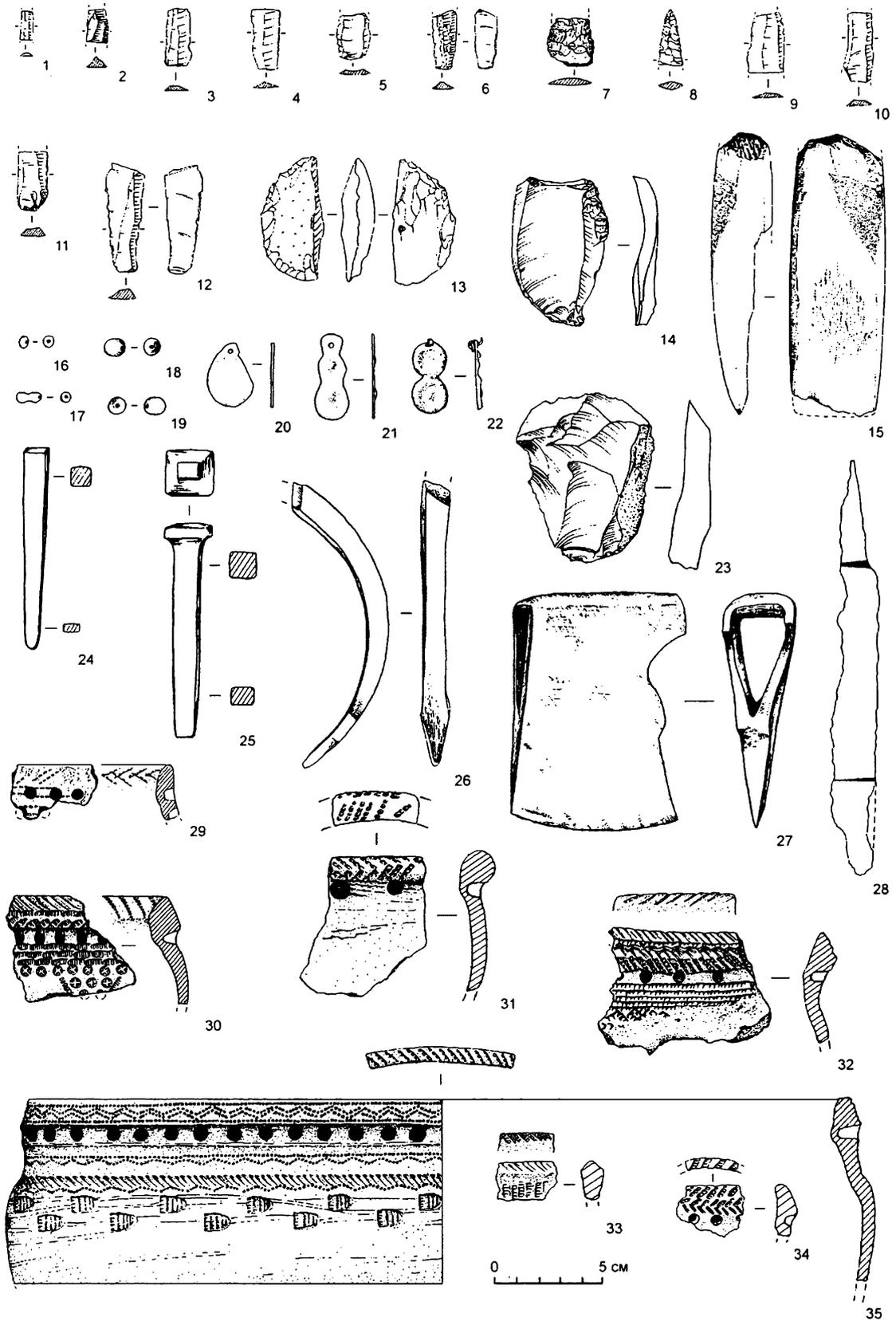

Рис. 2. Вещевой инвентарь археологических памятников. 1-3 – Кывтантывис IV; 4-6 – Кывтантывис V; 13, 15, 29 – Кывтан I; 7, 8 – Кывтантывис II; 9-12 – Кывтантывис III; 14, 23 – Лямчин V; 16-22, 27 – Талотаяха I; 24-26 – Талотаяха III; 28 – Талотаяха II; 30 – Наульто; 31 – Лямчин III; 32 – Покойничный I; 33, 34 – Талотаяха IV; 35 – Нэбтеяха I (1-14, 23 – кремь; 15 – сланец; 16-19 – стекло; 20-22 – бронза; 24-28 – железо; 30-35 – керамика)

не только с решением профессиональных задач северной археологии, но и с расположением объектов археологии на уязвимых территориях районов промышленного освоения.

Исследование найденных объектов археологии показало, что предметы древней материальной культуры (рис. 2), независимо от их культурно-хронологического положения, залежали на небольшой глубине, непосредственно под тонким мохово-лишайниковым покровом. Культуросодержащие отложения представлены кровлей верхнего горизонта почвы, сложенной песками, супесями и супесями с галечником. Отсюда объективно вытекает повышенная уязвимость памятников археологии к различным внешним воздействиям на их площадь. Они разрушают культурный слой и могут привести к необратимым изменениям археологического компонента окружающей среды и тем самым нанести существенный урон археологическому наследию коренных этносов.

Судя по состоянию памятников, обнаруженных в ходе полевых исследований, можно выделить не менее трех основных факторов риска для археологического наследия. Они могут воздействовать на объекты археологии как по отдельности, так и вместе, быть равными по степени этого воздействия, либо один из них может преобладать. К ним относятся: 1) антропо-техногенный фактор, непосредственно связанный с действиями по промышленному освоению территории; 2) природный, обусловленный естественным разрушением поверхности в результате ветровой эрозии почвы; 3) антропогенный, связанный с традиционным природопользованием коренного населения.

В выборе древним человеком мест обитания были прослежены закономерности, которые необходимо учитывать инициаторам хозяйственной деятельности при обустройстве и эксплуатации нефтяных месторождений. Пункты с находками археологического материала тяготеют к водотокам различного типа – вискам, ручьям, рекам. В числе археологически перспективных элементов природного ландшафта следует рассматривать: 1) относительно сухие участки тундры, часто в виде бугров или останцов, приуроченные к песчаным (супесчаным) краям речных и озерных террас, независимо от высоты последних над уровнем воды; 2) одиночные, поднимающиеся над плоской тундрой невысокие сопки конической формы и узкие валообразные возвышения у края озер; 3) топографически выделяющиеся элементы природного ландшафта в виде мысовидных участков берега; 4) площади, тяготеющие к устьям и истокам рек и ручьев. Можно полагать, что распространение объектов археологии в мест-

ности, не отвечающей в полной мере указанным выше характеристикам природного ландшафта, имеет достаточно низкую степень вероятности, хотя и не сводит ее до такого уровня, которым можно было бы полностью пренебречь.

Основываясь на наблюдениях над особенностями пространственного размещения археологических объектов в районах хозяйственного освоения, можно высказать следующие предположения. Из числа обследованных к наиболее вероятным участкам высокой археологической нагрузки относятся бассейны рек Индига, Колва, Ярейтарка, Варкнивьяха, Нэ-ебтеяха, Море-ю, Сарембой-яха, а также все долины крупных рек и берега озер, попадающие в районы месторождений Варандейской группы. В прибрежной полосе Баренцева моря наиболее древние памятники расположены непосредственно на побережье, более молодые – на расстоянии до 4–5 км от береговой линии. В дельтовых зонах крупных рек и низменных прибрежных районах примерно до 10 км в глубину материка, до абсолютных отметок 18–23 м, вероятность нахождения археологических памятников очень мала. Напротив, средневысокие участки побережья (р. Индига, мыс Синькин Нос, Югорский п-ов, западное побережье о. Вайгач) отличаются значительной концентрацией памятников археологии, расположенных непосредственно на побережье и в устьевых частях рек на аллювиальных террасах. Можно полагать, что в восточной части п-ова Канин зона охраняемого археоландшафта (подразумевается неразрывная взаимосвязь археологических объектов и окружающего природного ландшафта) должна начинаться с участков территории, имеющих абсолютные отметки 20 м и выше. В устье рек Индига и Черная, на восточном берегу Хайпудырской губы и на Югорском п-ове, о. Вайгач охранная зона должна начинаться непосредственно с побережья. В безусловной охране с точки зрения сохранения археологического наследия нуждаются район оз. Наульто и озер Кывтанто – Кывтанты-Хасырей.

Наиболее эффективным и результативным способом сохранения археологического наследия в районах промышленного освоения с «легкоранимым» и долго восстанавливаемым тундровым растительным покровом может стать комплекс превентивных мер. Они должны включать разработку режимов и зон охраны, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного и археологического ландшафтов, выявление (разведку) памятников археологии и охраняемые археологические раскопки в зонах промышленного риска. Необходимо четко осознавать, что в противном случае может произойти полная утрата многих археологических памятников, которые, в отличие от целого

ряда других компонентов окружающей среды, визуально крайне редко фиксируются, не реконструируются и не восстанавливаются.

При оценке вероятных отрицательных воздействий на археоландшафт территории необходимо учитывать тот факт, что зоны риска для памятников археологии и археологического ландшафта в целом шире, чем участки территории, отводимой под размещение объектов промышленного строительства и их инфраструктуры. Кроме того, охрана объектов культурного наследия, в силу разных причин, характеризуется низким уровнем контроля со стороны соответствующих органов государственной власти, особенно на удаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях. Эти обстоятельства повышают ответственность государственных органов охраны и инициаторов деятельности по обеспечению правильного регулирования взаимодействия между объектами археологии и строительства. Они ставят перед ними проблему разработки и осуществления, совместно с профильными специалистами, мониторинга состояния археологического ландшафта на всех стадиях проектирования, строительства и эксплуатации нефтяных месторождений, а также подготовку сценариев аварийных ситуаций. Реализация такого мониторинга, в совокупности с отмеченными превентивными мерами, поможет, как минимум, снизить отрицательные последствия от неизбежных антропо-техногенных нагрузок на древние памятники и археологически перспективные участки территории промышленного освоения и эксплуатации.

Иванов Г.В., 1993. Находки каменных орудий на островах Европейской Арктики (1989–1992) // AD POLUS. СПб.

Каган М.М., Питулько В.В., 1993. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трансуральском Заполярье // AD POLUS. СПб.

Лузгин В.Е., 1963. Археологические находки на побережье Чешской Губы и полуострова Канин // Историко-филологический сборник. Сыктывкар. Вып. 8.

Мурыгин А.М., 1999. Новые средневековые памятники севера европейских тундр // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар. (МАЕСВ. Вып. 16).

Мурыгин А.М., 2002. Изучение проблемы антропо-техногенного воздействия на археологические памятники // Экология северных территорий России: Проблемы, прогноз ситуации, пути развития, решения: Мат. междунар. конф. Архангельск. Т. 2.

Хлобыстин Л.П., 1993. Святилища Вайгача // AD POLUS. СПб.

Хлобыстин Л.П., Питулько В.В., Станюкович А.К., 1993. Древнее поселение приморских охотников Карпова Губа на о. Вайгач // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар. (МАЕСВ. Вып. 12.)

Чернов Г.А., 1985. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры М.

Pitulko V.V., 1991. Archaeological Data on the Maritime Cultures of the West Arctic // Fennoscandia Archaeologica.

О.В. Рыжкова, Е.А. Черненко

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

К истории вопроса о сохранении археологического наследия Горбуновского торфяника

На территории, прилегающей к Нижнему Тагилу, известно более сотни археологических памятников. Особое место среди них принадлежит Горбуновскому торфянику, история изучения которого отметит в 2008 г. свой вековой юбилей.

С момента обнаружения первых находок во время торфоразработок в 1908 г. местная научная общественность была обеспокоена сохранностью археологических остатков. Документы, выявленные в фондах Нижнетагильского государственного исторического архива (НТГИА) и Научного архива Нижнетагильского музея-заповедника (НА НТМЗ),

позволяют восстановить деятельность по сохранению археологического наследия Горбуновского торфяника.

Целенаправленная охрана памятников Горбуновского торфяника стала осуществляться с 1920-х гг., когда торфяник был взят под охрану Главнаукой на основании Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 7.01.1924 г. и Инструкции Наркомпроса, изданной на основании п. 9 упомянутого Декрета (НА НТГМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3).

Летом 1924 г. члены Тагильского общества изучения местного края (ТОИМК) С.Н. Топорков,

Н.К. Францев, И.П. Шуберт произвели непродолжительное обследование торфяника, обнаружили много фрагментов глиняной посуды и кости животных. Об этом Тагильский музей известил Уральское Общество Любителей Естествознания (УОЛЕ).

В ответном письме от 18 июля 1924 г. УОЛЕ просит директора Нижнетагильского музея А.Н. Слоцова проследить за древними вещами, которые попадались при ведущихся на торфянике разработках. В случае необходимости допускалось даже произвести небольшие пробные раскопки, обо всех находках и условиях их нахождения необходимо было сообщать УОЛЕ. В письме имелась просьба ко всем советским учреждениям оказывать А.Н. Слоцову возможное содействие при выполнении им поручений Общества (НА НТГМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3).

В связи с тем, что ведущиеся на торфянике разработки могли привести к уничтожению части памятника, в Нижнетагильский окружной исполнительный комитет пришла записка от уполномоченного по охране памятников старины, в которой говорилось о том, что на основании постановления членов музея и ТОИМК участок Горбуновского торфяника в 290 квартале в северо-восточной части торфяника и восточной части торфяника в 313 квартале около Филина острова следует считать заповедными (НА НТГМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3).

Уже в феврале 1925 г. Российская Академия истории материальной культуры обратилась в Уралплан с просьбой обходить при добыче торфа обнаруженные деревянные сооружения и сообщать о них в Академию, а также «находимые в торфянике вещи» (каменные, глиняные, костяные, деревянные) сохранять и отправлять в музей Нижнего Тагила или Екатеринбурга (НА НТГМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3).

Вопросы эксплуатации торфяника стали согласовываться с УРАЛОНО. Так, на запрос Областного финансового отдела УРАЛОНО отвечало, что «не возражает против работ Нижнетагильского Металлургического Треста по эксплуатации Горбуновского торфяника, но ставит неперемные условия, чтобы:

1) никакие хозяйственные работы не велись в той части торфяника, где обнаружена доисторическая стоянка, и чтобы всюду этот памятник древности окружала неприкосновенная охранительная полоса шириною не менее 1-й сажени;

2) предметы доисторической культуры (каменные орудия и оружие, изделия из кости и рога, черепки и пр.), найденные при работах на других участках торфяника, немедленно сдавались для временного хранения Нижнетагильскому Музею Краеведения» (НА НТГМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3).

Большой вклад в изучение и сохранение древно-

стей Горбуновского торфяника внес Д.Н. Эдинг, проработавший на торфянике с 1926 по 1939 г. В письме от 12 сентября 1931 г. он обратился в музей с предложением «возбудить совместно с РЗУ вопрос о восстановлении границы заповедного участка на торфянике, т. к. старые просеки не сохранились, и резка торфа ведется по всей его площади, что может привести к бесцельной порче и гибели свайных сооружений и уничтожить предметы материальной культуры, представляющие большую научную ценность» (НА НТГМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3).

В июле 1932 г. Уральское областное Земельное управление обратилось к Уралпромсоюзу с письмом, в котором говорилось, что «на отведенном Вам под эксплуатацию Горбуновском торфянике производятся раскопки предметов доисторической культуры, [участок,] где производятся раскопки, Главнаукой объявлен заповедником Союзного значения. Вследствие этого, в дополнении нашего с Вами договора от 11/V, с. г. на аренду Горбуновского торфяника, Вам надлежит принять на себя обязательство не производить на заповеднике добычи торфа и вообще не вести на нем никаких хозяйственных работ. И при торфоразработках на других участках в случае обнаружения предметов доисторической культуры (каменные орудия, изделия из кости, рога, черепки и пр.), ставить об этом в известность Тагильский Краеведческий Музей» (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 3).

Следующим этапом в проведении охранной деятельности на торфянике можно считать 1950–1960-е гг. В связи с принятием Постановления Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и утверждением Положения об охране памятников культуры, археологические памятники брались под государственную охрану. Уже 25 марта 1950 г. (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–124) на Горбуновский торфяник было заключено Охранное обязательство, по которому памятник ставился на государственную охрану и был зарегистрирован в государственном списке (Там же. Л. 120). Это послужило основой для проведения технического осмотра археологических памятников. Судя по актам технической экспертизы от 27 декабря 1950 г., нарушений на памятниках не обнаружено (Там же. Л. 24). К 1960 г. под государственную охрану в окрестностях Нижнего Тагила было взято 9 памятников археологии, в том числе 4 неолитические стоянки Горбуновского торфяника и поселение Чашиха (Там же. Л. 50).

В 1965 г. было создано Нижнетагильское отделение (НО) ВООПИИК, которое продолжило работу по учету и охране памятников Горбуновского торфяника. В 1969 г. были составлены учетная карто-

ка и паспорт (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 19. Л. 6). В справке 1970 г., подписанной членами правления НО ВООПИИК Л.П. Лепо и Ю.Б. Сериковым, отмечалось, что «территория торфяника требует дальнейшего исследования, т. к. в процессе разработки карьера будут уничтожены старые памятники, которые до конца не исследованы, и памятники, вновь открытые в процессе работы» (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 13. Л. 45).

В середине 1980-х гг. вновь возникла угроза разрушения памятников Горбуновского торфяника в связи с предстоящим устройством коллективных садов на северо-восточном берегу торфяника. К решению проблемы подключился Институт археологии АН СССР. Директор института, академик Б.А. Рыбаков, в письме к председателю Исполкома Нижнетагильского Совета народных депутатов от 26 декабря 1986 г. предлагал сделать все возможное для спасения комплекса стоянок на Горбуновском торфянике; принять меры Управлению культуры Нижнего Тагила и области, городскому и областному обществу охраны памятников для включения береговых стоянок Горбуновского торфяника в состав охранной зоны и запретить там проведение любой хозяйственной деятельности (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 38. Л. 45).

Временно разбивка садов была приостановлена, о чем председатель Нижнетагильского исполкома В.Д. Шаров уведомил производственную группу по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Свердловской обл. (НТГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 48. Л. 77).

В конце 1980-х гг. началось строительство ав-

тотрассы Серов – Свердловск, в зону разрушения попадали береговые памятники Горбуновского торфяника. В связи с этим был заключен хозяйственный договор № 24-08/88 от 29 июля 1988 г. Нижнетагильского государственного педагогического института (НТГПИ) с Производственной группой по охране памятников истории и культуры на проведение раскопок памятников, попадающих в зону строительства. В раскопках на Горбуновском торфянике принимали участие экспедиции НТГПИ, Нижнетагильского краеведческого музея, Института истории и археологии УрО РАН (Ю.Б. Сериков, В.А. Арефьев, О.В. Рыжкова, П.К. Халаяев, П.Ф. Шорин, П.М. Чаиркина). Продолжены раскопки на 3 береговых памятниках (Береговые I, II, Чашиха I), вновь исследованы Береговая VI, Чашиха II, III, VIII разрез. На карту торфяника нанесены 6 новых памятников и несколько местонахождений.

В настоящее время реальную угрозу сохранению археологических памятников Горбуновского торфяника создают: близость оживленной трассы Екатеринбург – Серов, размещение в его окрестностях трех крупных садоводческих хозяйств и несанкционированный вывоз торфа. Подобное активное антропогенное воздействие на памятники археологии, расположенные вблизи промышленных центров, требует постоянного отслеживания и корректировки их охранного режима.

Рыжкова О.В., 2006. Горбуновский торфяник: некоторые итоги и перспективы исследования // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск. Т. 1.

Т.В. Сергина

Институт археологии РАН

«Малые города» Смоленщины: проблемы сохранения и изучения культурного слоя

Кроме стольного города Смоленска, к числу древних городов Смоленской обл. относятся Вязьма, Дорогобуж, Рославль, Ельня, Красный, Гжатск, Сычёвка и ряд других. Почти все они являются в настоящее время центрами районов, в них масштабно ведется новое строительство, прокладываются коммуникации, происходит оформление участков городской территории в частную собственность. Все это вызывает серьезную тревогу за уникальное археологическое наследие, ведь темпы современных

строительных технологий и размах внедрений на заповедную территорию таковы, что могут за очень короткий срок окончательно уничтожить то, что еще сохранилось. К сожалению, на самой Смоленщине мало кто задумывается над этим вопросом, и нет, на наш взгляд, такого учреждения, которое смогло бы его там решить. Но главная проблема заключается, конечно, в остром дефиците археологических кадров. Чтобы представить себе, насколько Смоленщина отстает в деле изучения и охраны археологи-

ческого наследия, обратимся к статистике по трем регионам России – Тверской, Псковской и Смоленской областям (сведения были любезно предоставлены в ОПИ ИА РАН).

Таким образом (табл. 1), в Твери и Тверской области за последние два года было проведено 191 исследование археологических объектов, в том числе 83 – в Твери, а 108 – в области. Держателями Открытых листов были 10 учреждений различного профиля, причем, только 3 из них – иногородние, остальные 7 – местные научные и культурные учреждения, имеющие в своем составе археологов. Основная нагрузка лежит на археологах из областного музея

и историко-археологического и реставрационного центра. Отрадно отметить появление археологического центра нового типа – АНО «Новоторжская археологическая экспедиция», а также включение в археологическую работу одного из районных краеведческих музеев – Андреапольского. При таком количестве учреждений, занимающихся археологическими исследованиями, за сохранность памятников археологии Тверского края можно быть спокойными. Об этом же говорит и статистика форм выданных Открытых листов: подавляющая часть их (106 из 191) относится к форме 4, т. е. была выдана на охранные работы.

Таблица 1. Данные об Открытых листах, выданных на Тверь и Тверскую обл. в 2006–2007 гг.

Учреждения, проводившие исследования	2006 г.		2007 г.		Всего открытых листов, выданных по учреждению
	Тверь	Тверская обл.	Тверь	Тверская обл.	
ТНИИР-Центр	19	21	15	9	64, из них: форма 2 – 15 форма 3 – 5 форма 4 – 44
ТвГУ	6	4	1	1	12, из них: форма 2 – 5 форма 4 – 7
АНО «Новоторжская археологическая экспедиция»				9	9, из них: форма 1 – 1 форма 2 – 4 форма 3 – 2 форма 4 – 2
Филиал ГАСК в г.Твери	1	6	1	8	16, из них: форма 2 – 5 форма 4 – 11
ТГОМ	22	15	17	15	69, из них: форма 1 – 1 форма 2 – 29 форма 3 – 2 форма 4 – 37
Комитет по охране культурного наследия Тверской области		2		1	3, из них: форма 2 – 2 форма 4 – 1
ИА РАН	1	9		3	13, из них: форма 1 – 1 форма 2 – 10 форма 4 – 2
ИИМК РАН				1	1 (форма 1)
ГУПК «Центрреставрация»				2	2 (форма 4)
Андреапольский районный краеведческий музей				1	1 (форма 3)
Итого выдано по годам и месту исследования:	49	57	34	51	Всего 191, из них: форма 1 – 4 форма 2 – 70 форма 3 – 10 форма 4 – 106

Сходная картина наблюдается в Псковском регионе (табл.2). На Псков и Псковскую обл. за последние два года было выдано 45 Открытых листов, из них 32 – на Псков и 13 – на область. Исследования проводили 8 учреждений, половина из которых – иногородние. С удовлетворением нужно отметить появление в Пскове археологического учреждения нового типа – АНО «Псковский археологический центр». Центр несет основную нагрузку охранных исследований в регионе, которые приобрели здесь большой размах, особенно в Пскове (из 45 выданных Открытых листов 32 относятся к форме 4).

Совсем иная картина наблюдается на Смоленщине (табл.3). За два последних года на Смоленск и Смоленскую обл. было выдано всего 23 Открытых листа, из них 12 – на Смоленск, 11 – на область. В регионе работали 6 учреждений, из которых всего 1 (!) – местное (Центр по охране и использованию памятников истории и культуры). Удивительно, но ни Смоленский университет, ни областной музей археологических работ не проводят. На Смоленщине традиционно работают археологи ГИМ, МГУ,

ИИМК, ГЭ, проводя свои научные исследования, основная же нагрузка – охранные работы – лежит на ИА РАН. Статистика выданных Открытых листов как будто говорит о налаженной охранный работе в этом регионе (по форме 4 выдано 10 из 23 листов), но нужно помнить, что работы эти выполнялись преимущественно приезжими археологами и в основном в стольном городе.

Обобщая наблюдения по представленным выше таблицам, нужно констатировать, что охранные археологические работы во всех трех рассматриваемых регионах ведутся в основном в центрах древних земель. Перейдем теперь к анализу положения с археологическим изучением «малых» городов рассматриваемых регионов (табл. 4).

Как явствует из табл. 4, по изучению «малых» городов лидирует Тверской регион, где в 2006 г. исследовались Старица, Торжок, Бежецк, Осташков, Ржев, а в 2007 г. к ним прибавились еще Кашин, Кимры и Калязин. На Псковской земле кроме столичного Пскова работы велись лишь в Изборске, остальные древние города пока не охвачены

Таблица 2. Данные об Открытых листах, выданных на Псков и Псковскую область в 2006–2007 гг.

Учреждения, проводившие исследования	2006 г.		2007 г.		Всего открытых листов, выданных по учреждению
	Псков	Псковская обл.	Псков	Псковская обл.	
АНО «Псковский Археологический центр»			17	2	19, из них: форма 2 – 4 форма 4 – 15
ПГПУ им. С.М. Кирова	2	1	1	1	5, из них: форма 3 – 1 форма 4 – 4
НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области	4				4 (форма 4)
ИИМК РАН	7	2		1	10, из них: форма 1 – 1 форма 2 – 2 форма 4 – 7
НИИКСИ при СПбГУ		3			3, из них: форма 1 – 1 форма 2 – 1 форма 4 – 1
ГЭ		1		1	2 (форма 1)
Институт «Спецпроектреставрация»	1				1 (форма 4)
Музей-заповедник «Изборск»		1			1 (форма 2)
Итого выдано по годам и месту исследования:	14	8	18	5	45, из них: форма 1 – 4 форма 2 – 8 форма 3 – 1 форма 4 – 32

Таблица 3. Данные об Открытых листах, выданных на Смоленск и Смоленскую обл. в 2006–2007 гг.

Категория	2006 г.		2007 г.		Всего открытых листов, выданных по учреждению
	Смоленск	Смоленская обл.	Смоленск	Смоленская обл.	
	6		4	2	12, из них: форма 2 – 3 форма 4 – 9
		2		2	4 (форма 1)
		1		2	3, из них: форма 1 – 2 форма 3 – 1
К ской обл.			2		2, из них: форма 2 – 1 форма 4 – 1
АН				1	1 (форма 1)
				1	1 (форма 1)
дано по месту зания:	6	3	6	8	23, из них: форма 1 – 8 форма 2 – 4 форма 3 – 1 форма 4 – 10

Таблица 4. Данные об Открытых листах, выданных для изучения древних городов Тверской, Псковской и Смоленской областей в 2006–2007 гг.

Тверь	«Малые» города Тверской земли	Псков	«Малые» города Псковской земли	Смоленск	«Малые» города Смоленской Земли
49	18, в том числе: Торжок – 5 о.л. Старица – 6 о.л. Осташков – 2 о.л. Бежецк – 3 о.л. Ржев – 2	14	–	6	–
34	22, в том числе: Торжок – 6 о.л. Старица – 2 о.л. Осташков – 5 о.л. Бежецк – 2 о.л. Кашин – 4 о.л. Ржев – 1 о.л. Кимры – 1 о.л. Калязин – 1 о.л.	18	1, в том числе: Изборск – 1 о.л.	6	–
83, из них: Ф.2 - 18 о.л. Ф.4 - 65 о.л.	40, из них: Ф.1 - 2 о.л. Ф.2 - 10 о.л. Ф.4 - 28 о.л.	32, из них: Ф.2 - 2 о.л. ф.4 - 30 о.л.	1, из них: Ф.2 - 1 о.л.	12, из них: Ф.2 - 3 о.л. Ф.4 - 9 о.л.	–

охранными исследованиями. Думается, коллегам из Псковского археологического центра и Псковского университете вскоре предстоит пройти через этап разработки зон охраны культурного слоя древних городов и этап их законодательного утверждения и перейти к охранным работам в этих городах.

Что касается Смоленщины, то здесь в первую очередь следует решать проблему дефицита археологических кадров. Возможно, в Смоленском университете нужно повторить опыт Псковского университета, создавшего лабораторию археологии и охраны историко-культурного наследия. В последние годы разработкой охранных зон Вязьмы и Дорогобужа занимался ИА РАН, в итоговых документах были даны рекомендации по практическим мерам, направленным на своевременное изучение культурного слоя древних городов (Сергина, 2006; 2007 а; 2007 б). К сожалению, культурный слой этих древних городов до сих пор не поставлен под охрану. Ни администрации городов, ни Смоленский областной центр по охране и использованию памятников истории и культуры не берут на себя ответственности за судьбу археологического наследия. Остается неосуществленной и рекомендация о создании штата

инспекторов по надзору за соблюдением законодательства в области сохранения и использования историко-культурного наследия.

В заключение высказываю предложение о проведении следующего Археологического съезда в Смоленске. Возможно, всероссийское внимание археологов к региону ярче высветит его археологические проблемы и подтолкнет, наконец, Смоленскую администрацию и органы охраны памятников к действенным мерам по спасению культурного слоя «малых» городов.

- Сергина Т.В., 1999. Вязьма: от средневековья к современности // Исторический город в контексте современности: Мат. науч.-практич. конф. Нижний Новгород.
- Сергина Т.В., 2006. Проект охранных зон культурного слоя Вязьмы и перспективы дальнейшего развития археологического краеведения // Вязьма с древних времен до наших дней. Вязьма.
- Сергина Т.В., 2007а. Опыт разработки охранных зон культурного слоя г. Дорогобужа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Сергина Т.В., 2007б. Проект охранных зон культурного слоя г. Вязьмы // ТАС. Вып 6. Т. II.

А.В. Субботин

Институт истории материальной культуры РАН

Хоздоговорные работы ИИМК РАН в 2006–2007 гг.

ИИМК РАН стоит у истоков хоздоговорной археологии. Еще в 1932 г. наш Институт (тогда ГАИМК АН СССР), являвшийся до 1944 г. головным археологическим учреждением страны, проводил спасательные работы при строительстве Волго-Донского канала. С тех пор и по настоящее время охранная археологическая деятельность является одной из важных составляющих работы Института.

Многочисленные хоздоговорные экспедиции, осуществляющие разведки и раскопки на строительстве крупных народнохозяйственных объектов страны, таких как, например, Новочеркасская ГРЭС или Красноярская и Саяно-Шушенская ГЭС, позволили не только усовершенствовать методику полевых работ, но и сформировать серьезные научные школы, опыт, квалификация и авторитет которых значимы до сего дня.

К этому следует добавить значительный рост объема источников, давших как ученым нашего Института, так и коллегам из других регионов, богатый материал для научного анализа.

Широкие хоздоговорные (или, как они тогда назывались, «новостроечные») работы, проводимые Институтом (в то время являвшимся Ленинградским отделением ИА АН СССР) в 1960–1980-е гг., в немалой степени способствовали появлению и становлению авторитетных научных коллективов в тех регионах, где осуществлялись эти исследования.

Изменения, произошедшие в последние два десятилетия, привели не только к формированию новых археологических центров, – что с точки зрения развития охранной археологии можно рассматривать как положительный фактор, способствующий увеличению возможностей спасения от уничтожения археологических памятников при постоянно возрастающих объемах строительных работ. Перемены затронули центральные, а также региональные, органы охраны памятников, постепенное увеличение значимости и зримое укрепление статуса которых во многих регионах помогло

более надежному контролю за сохранностью археологических памятников и более логичному распределению функций по соблюдению охранного законодательства между научно-исследовательскими организациями, музеями, университетами, с одной стороны, и государством в лице органов охраны памятников – с другой.

Принятые в охранном законодательстве в последнее время весьма чувствительные изменения, подробный анализ которых заслуживает отдельной и достаточно критической статьи, негативно воспринимаются многими археологами, в том числе сотрудниками нашего Института, связанными с охранно-археологическими исследованиями. Тем не менее, все эти изменения не ликвидировали хозяйственную деятельность ИИМК РАН, а лишь заставили Институт скорректировать ее применительно к реалиям настоящего времени.

Собственно говоря, хозяйственные работы никогда не прекращались в нашем Институте, а лишь меняли масштабы и структуру в зависимости от конкретной ситуации и объема заказов.

Ныне они ведутся и координируются Группой археологического мониторинга (ГАМ) ИИМК РАН. Помимо обследований площадок землеотводчиков по договорам со строительными и проектными организациями, в течение ряда лет осуществляются работа по мониторингу федеральных объектов, спасательные раскопки памятников, которым угрожает уничтожение в результате воздействия природных факторов, и, наконец, паспортизация вновь выявленных памятников культурно-исторического наследия по программе Министерства культуры «Культура России», финансируемой Федеральным агентством по культуре и кинематографии. Работы проводятся в тех регионах, где имеются традиционные научные интересы ИИМК РАН и тесные научные связи с местными специалистами и где нередко иные источники финансирования археологических работ найти по целому ряду причин затруднительно. В первую очередь это Республики Тыва и Хакасия в Южной Сибири, где петербургские археологи работают со времен Первой Академической экспедиции по руководством Д.Г. Мессершмидта. Безусловно, это также несколько регионов Северного Кавказа – Республики Адыгея и Карачаево-Черкесия, а также Краснодарский край.

Мониторинг памятников археологии ведется также в Ленинградской обл., причем в одном из самых насыщенных объектами археологии районе – Лужском.

Что касается выполнения заказов строительных и проектных организаций по обследованию территорий строительства, следует отметить, что данные

работы за последние 2 года велись не только в Ленинградской обл., но также в Мурманской, Псковской, Новгородской, Кировской областях, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, а также в упомянутых уже выше регионах. За указанный период было проведено около 70 выездов. Наиболее значительные работы по предварительному обследованию территорий проводились в Ленинградской обл., однако, учитывая то обстоятельство, что достаточно большие площади области покрыты болотами, количество памятников, обнаруженных в коридорах трасс и на площадках строительства, весьма скромно. Тем не менее, в результате разведок обнаружены ранее неизвестные археологические объекты, значение которых для понимания древней истории региона трудно переоценить.

К числу таких объектов следует отнести выявленный на Карельском перешейке многослойный (единственный подобный в северо-восточной Прибалтике) памятник, датируемый переходным от мезолита к неолиту временем (^{14}C дата – 7600 г. до н. э.), с новым для региона типом мезолитической индустрии. Также следует упомянуть уникальные находки чистого комплекса культуры асбестовой керамики (западно-финский вариант), единственного на северо-западной границе России грунтового могильника первых веков н. э., имеющего весьма скромные аналогии только в Эстонии, а также еще двух достаточно редких в Приневье памятников, относящихся к эпохе раннего металла и к бронзовому веку. Все это позволяет заполнить пробелы в стратиграфической колонке региона и дает крайне интересный материал для изучения.

Довольно интересные раскопки памятников археологии проводились ИИМК РАН в Шарыповском р-не Красноярского края и в Саяногорском р-не Республики Хакасия. В первом месте раскопаны два довольно редких, расположенных неподалеку друг от друга объекта, так называемых «kill-site». Оба памятника относятся к эпохе начала верхнего палеолита и по данным радиоуглеродного анализа датируются эпохой между 30 и 40 тыс. лет до н. э. Памятники, исследованные в Хакасии, – это три крупных, крайне трудоемких в раскопках кургана, относящихся к сарагашенскому этапу тагарской культуры и содержащих богатый погребальный материал этой одной из самых ярких и самобытных культур скифского круга в Южной Сибири.

Особо следует остановиться на возросших объемах хозяйственных исследований в административных границах Петербурга. Среди наиболее важных работ следует упомянуть широкие раскопки фундамента разрушенного в 1937 г. собора св. Екатерины

(архитектор – Тон) в центре г. Пушкина; исследование культурного слоя в самом сердце города – Петропавловской крепости, предпринятые в связи с заменой коммуникаций на этом объекте; раскопки старинной крепости Ниеншанц в устье р. Охта, в месте, где пока не отменено строительство «Газпром» своего небоскреба. Все эти исследования уже дали и дают чрезвычайно интересные материалы, позволяющие во многом по-новому взглянуть на некоторые детали и факты не столь уж древней истории столицы Российской империи.

В Группе археологического мониторинга продолжают разработку и совершенствование прототипа автоматической информационной системы «Археограф» для оперативного поиска, описания и мониторинга археологических памятников с возможностью вывода информации в ГИС MapInfo, что позволит весьма оперативно учитывать сведения археологических разведок и создавать базу данных по памятникам региона. Автоматический вывод занесенных в базу памятников археологии на ГИС-карту крайне важно для организации хоздоговорных спасательных работ.

Е.В. Чуйкина

Краевой НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Пермского края, Пермь

Охранная археология в Пермском крае: опыт, проблемы, перспективы

Историю охранных археологических исследований на территории Пермского края (образовавшегося в 2005 г. в результате слияния Пермской обл. и Коми-Пермяцкого АО) можно проследить практически с начала XX в. Однако до середины прошлого века охранная археология носила характер отдельных несистематических раскопок. Создание в 1947 г. О.Н. Бадером на базе Пермского университета Камской археологической экспедиции (КАЭ) во многом определило дальнейшее развитие археологии в крае. Одной из причин создания экспедиции была необходимость проведения масштабных исследований в зоне строительства Камского, а затем Воткинского водохранилищ.

Следующий «всплеск» охранных раскопок в Пермском крае пришелся на 1980-е гг. и был связан с крупными мелиоративными работами в различных районах Пермской обл. В рамках разведочных работ были обследованы многие неизученные территории, а также раскопан ряд памятников различных эпох.

Охранные раскопки начиная с середины 1990-х гг. связаны в основном с исследованием культурного слоя городов перед началом строительных работ и иных видов хозяйственного освоения территорий. Рост масштабов охранных раскопок в Прикамье можно связывать в этот период в первую очередь с изменением ситуации в области охраны памятников. Формирование системы государственной охраны памятников археологии в Пермском крае велось начиная с 1920-х гг., однако лишь с конца 1980-х гг. ситуация в области охраны археологического на-

следия изменяется в лучшую сторону. В 1991 г. из состава управления культуры Пермского облисполкома было выделено самостоятельное юридическое лицо – Областной НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Пермской области (ОЦОП), на который были в полной мере возложены функции госоргана по охране памятников (с 2006 г. – Краевой центр – КЦОП). С 1991 г. проводится инвентаризация и мониторинг объектов археологического наследия, по результатам которых Распоряжением губернатора Пермской обл. №713-р на государственный учет поставлено более 500 памятников (Ремезовская, 2006. С. 48–52).

В 1998 г. было разработано положение «Об охране археологического наследия в Пермской области», прошедшее экспертизу в министерстве юстиции РФ и утвержденное распоряжением губернатора Пермской области №111 от 1.04.1998 г. (Государственные списки... 2001. С. 290–304). Наряду с федеральными законами, данное положение является основным нормативным документом, регулирующим отношения в области охраны памятников археологии в Пермском крае.

По инициативе ОЦОП принято распоряжение губернатора Пермской обл. от 09.06.2001 г. №334-р «О переводе земель, занятых памятниками истории и культуры, в категорию особо охраняемых территорий историко-культурного назначения» (Государственные списки... 2001. С. 305).

С конца 1980-х гг. ведется работа по составлению учетной документации (паспортов) на памят-

ники археологии, проектов зон охраняемого культурного слоя в составе генеральных планов исторических населенных мест. По результатам раскопок уточняются границы памятников, корректируются паспорта и списки памятников археологии. Сотрудниками КАЭ ПГУ разработаны проекты зон охраны археологического культурного слоя Перми (1991 г.), Соликамска (1993 г.), Оханска (2005 г.), Чердыни (2007 г.), в 2008 г. разрабатывается проект зон охраны памятников археологии в черте г. Кунгура.

Включение в государственные списки культурных слоев исторических населенных пунктов позволило проводить охранные исследования в крупных городах края за счет застройщиков.

В штате КЦОП с 2005 г. работают инспекторы-археологи. Они регулярно проводят встречи и совещания с руководителями муниципальных органов власти, представителями органов земельного кадастра, правоохранительными органами по вопросам соблюдения законодательства при отводе земельных участков, постановления на кадастровый учет земель, занятых объектами археологического наследия и пр. Ежегодно инспекторами осматривается до четверти всех памятников археологии и осуществляется надзор за раскопками.

Работа по надзору за соблюдением законодательства в области охраны памятников археологии, проводимая КЦОП при поддержке краевых властей, позволила постепенно сформировать в Пермском крае систему организации охранных исследований. Охранные раскопки проходят не только в городах, но на местах строительства и реконструкции нефтепроводов, газопроводов, дорог.

В 1999 г. проведены разведочные работы в зоне строительства нефтепровода «Пермь – Альметьевск», в результате которых были выявлены новые памятники археологии. В 2000–2001 гг. на более чем 10 памятниках проведены охранные раскопки на общей площади свыше 5000 м².

Охранные работы в зонах строительства автомобильных дорог проводились, например, на поселении Усть-Телес 1 в Уинском р-не (1997 г.), Верхне-Муллинском 2 селище (2004 г.), селище Косогоры 1 (2007 г.) на окраинах г. Перми, селищах Фролы 1–3 (2001 г.) в Пермском р-не; общая площадь составила свыше 3000 м².

В значительно меньшей мере, чем ранее, но все-таки происходят разрушения памятников археологии Пермского края в ходе несогласованных строительных работ. В 2001 г. было зафиксировано несогласованное строительство ветки нефтепровода на окраине Перми на территориях городища Ермаша и поселения Тарасово 1. В ходе охранно-спасательных раскопок в 2001–2002 гг. было изуче-

но более 3000 м², получен ценнейший материал, выявлена шахта с погребением.

Как вариант привлечения нарушителей-застройщиков к ответственности практикуется финансирование нарушителями компенсационных раскопок на других, более значимых, памятниках археологии. Например, в 2005–2007 гг. на средства, полученные в качестве компенсации за самовольное строительство в историческом центре г. Перми, КАЭ ПГУ осуществлены раскопки Гляденовского костыща, Усть-Сылвенского городища, селища Винный Завод 2, Турбинского могильника на площади около 900 м².

Конечно, компенсационные работы в качестве наказания за повреждение памятника – вынужденная мера, и хотелось бы, чтобы хозяйствующие субъекты придерживались установленного порядка проведения охранных мероприятий при строительстве.

КЦОП ведет активную работу с правоохранительными органами по вопросам привлечения нарушителей к административной и уголовной ответственности за разрушение археологического наследия края. Проблемой на этом пути становится несовершенство современного законодательства в области охраны памятников и практически полное отсутствие прецедентов в судебной практике. Уголовные дела по фактам грабежа памятников заводятся редко и в отсутствие подозреваемых. Даже при задержании грабителей на месте преступления (могильник Амбор, 2006 г.) сотрудниками милиции были лишь проверены документы грабителей, изъяты лопаты, металлодетекторы и археологические находки. После закрытия уголовного дела вещи были возвращены грабителям, лишь археологические находки переданы в КЦОП, а затем в музей. Такая безнаказанность влечет за собой уверенность грабителей в своих действиях.

В связи с ростом грабительских раскопок на территории Пермского края с 2005 г. силами КЦОП удалось инициировать краевое финансирование противоаварийных раскопок разрушающихся памятников. Так, в 2005–2006 гг. на средства, выделенные ОЦОП, велись охранные раскопки на Баяновском 1 могильнике (КАЭЭ ПГПУ), Гляденовском костыще (КАЭ ПГУ), раскопано около 500 м²; кроме того, обследовалось около 50 размываемых памятников на водохранилищах. В 2007–2008 гг. по заявке КЦОП на средства краевого бюджета Министерством культуры и молодежной политики края были организованы охранные раскопки ряда разрушаемых грабительскими раскопками могильников (Баяново, Деменки, Залазная, Амбор, Сартаково, Плотниково, Чазево).

На территории самого богатого наследием Чер-

дынского р-на с 1998 г. действует единственный в крае муниципальный орган охраны памятников – МУ «Комплекс по сохранению историко-культурного наследия и охраны памятников» (МУ КСИКНОП, с 2008 г. – АУ КСИКНОП). При содействии МУ КСИКНОП в Чердынском р-не была утверждена районная целевая программа по сохранению наследия, в соответствии с которой ежегодно из районного бюджета выделяются средства на раскопки в местах планируемой реконструкции башен и стен Чердынского кремля (с территориями Троицкого и Вятского городищ) с целью дальнейшей музеефикации Троицкого городища.

Несмотря на широкий спектр проводимых мероприятий по охране памятников археологии, на сегодняшний день в Пермском крае остается довольно много проблем. Основная – отсутствие действующего органа охраны памятников истории и культуры. Дело в том, что с начала 2006 г., в связи с реорганизацией органов исполнительной власти Пермского края, у ОЦОП были изъяты функции государственного надзора и контроля. Однако за прошедшее время в правительстве края не был создан действующий орган, отвечающий за сохранность культурного наследия. Функции госоргана в настоящее время выполняет Министерство культуры и массовых коммуникаций. Однако фактически КЦОП до сих пор является единственным на территории края учреждением, осуществляющим государственную политику в сфере сохранения культурного наследия.

Остро стоит проблема постановки на кадастровый учет памятников археологии, поскольку отсутствие информации о памятниках в кадастровой документации зачастую приводит к отводу земельных участков без согласования и без участия археологов.

Работа по определению четких границ памятников и внесению их в кадастровую документацию,

разработка проектов зон охраны памятников археологии и градостроительных регламентов на охраняемых территориях позволят снять напряженность на территориях археологических объектов, вовлеченных в активную хозяйственную деятельность.

Необходимо более четко проработать механизмы взаимодействия органов охраны памятников, археологических экспедиций с правоохранительными органами, а также с представителями хозяйствующих структур, для предотвращения утраты археологического наследия Пермского края.

Вильданов Р.Ф., 1998. Мониторинг и проблемы сохранения археологического наследия в Пермской области // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России: Мат. Междунар. науч.-практич. конф. Березники.

Государственное областное учреждение культуры «Областной научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Пермской области» (ОЦОП) // ОЦОП. Информационный бюллетень – 2004. Пермь, 2004.

Постановление Губернатора Пермской области от 01.04.98 г. №111 «Об охране археологического наследия в Пермской области» // Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. Пермь, 2001.

Распоряжение Губернатора Пермской области от 09.06.2001 г. №334-р «О переводе земель, занятых памятниками истории и культуры, в категорию особо охраняемых территорий историко-культурного назначения» // Там же.

Ремезовская Т.Б., 2006. Формирование государственной системы охраны археологического наследия Пермского края // Пятые Берсовские чтения: Сб. науч. статей. Свердловский областной краеведческий музей. Екатеринбург.

СЕКЦИЯ 14

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ

Н.В. Беломестнова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

Этапы формирования понятия психического в архаическом сознании

В науках о человеке одним из основных фундаментальных понятий является концепт сознания как второй реальности бытия человека (первая реальность – материальная, объективная).

Научное описание сознания человека в основных категориях системного подхода (Беломестнова, 2005) – компоненты, подсистемы, фундаментальные и сервильные функции, системообразующий и системоформирующий факторы, механизмы генерации и развития – в настоящее время не достигнуто. И даже дефиниция сознания только обсуждается (Беломестнова, 2007). Но содержание сознания как второй (Рубинштейн, 2003) или даже третьей (Беломестнова, 2004) реальности бытия человека исследуется уже вполне объективными методами (по преимуществу психолингвистики и психосемантики). Существуют ли методы столь же объективного исследования содержания сознания древнего человека? Палеопсихология, используя археологические данные, реконструирует содержание архаического сознания, и одной из первых таких попыток является выделение этапов формирования понятия второй, идеальной (по С.Л. Рубинштейну), реальности в коллективном сознании первобытного человека. Отметим, что в данном тексте термины «психическое, идеальное, духовное, сознательное» применяются как синонимы, хотя их содержательное отличие в науках о человеке не вызывает сомнения. Но дифференциация содержания этих терминов в научном языке произошла гораздо позже обсуждаемой эпохи.

Традиция научного анализа исторической динамики психологических понятий была заложена во французской школе исторической психологии (1950–1960-е гг.), хотя еще в 1871 г. этнограф

Э.Б. Тайлор (1989) первым исследовал понятие души у синполитейных народов и ввел в научный обиход понятие анимизма. Философский анализ А.Г. Спиркина (1960; 1961) выявил этапность формирования сознания – от коллективной формы к индивидуальной, но не ставил вопроса о том, что думал первобытный человек о природе души, о ее субстанциальности. С.А. Токарев с 1965 г. считает, что понятие души формировалось в два этапа: на первом душа считалась вещественным (материальным) образованием, на втором – невещественным (Токарев, 1990). В психологии М.С. Роговин (1969), обсуждая проблему осознания человеком природы души и психики, соглашается с С.А. Токаревым. Антрополого-археологические изыскания предоставили вполне объективированные явления для решения этого вопроса.

В антропологии и палеопсихологии считается, что первым объективно фиксируемым признаком наличия сознания у представителей рода *Homo* являются явно преднамеренные захоронения с остатками украшений и/или утвари и орудий (Елинек, 1982) в верхнем палеолите (около 40 тыс. л. н.). Эта тема стала одной из магистральных и в исследованиях Б.А. Рыбакова.

Б.А. Рыбаков считает, что различные способы расставания с покойным отражают «существенные перемены в осознании мира» (Рыбаков, 1987. С. 73). При анализе погребальной обрядности он выделяет три последовательных этапа в формах обрядности, причем последовательность этих этапов не нарушается в разных регионах Ойкумены, хотя и имеются их наслоения, совмещения (типичное в истории явление). Первый этап – ингумация (захоронение), где выделяются два подэтапа: тела, скорченные

(связанные) в позе эмбриона (до рубежа энеолита, или мезолита, и неолита) и останки в вытянутом положении («покойник», «спокойный», «спящий», «усопший»). Второй этап – кремация (с середины II тыс. до Р.Х. до VI–XIV вв. после Р.Х.). Третий – вновь ингумация, с принципиально новыми признаками: выраженной сословной дифференциацией, насыпью (курган, могила) и положением головой на запад (время возникновения варьирует по регионам – V в. до Р.Х., II–IV в. после Р.Х. у славян, и X–XII вв. – специально уточняется и доказывается, что эта форма не связана с христианским вероисповеданием). Интерпретирует Б.А. Рыбаков эти факты очень убедительно. Поза эмбриона означает, что в сознании *Homo sapiens* присутствовала идея второго рождения в буквальном смысле, материальном, т. е. на Земле. Вытянутое положение предполагало, что душа и тело едины и что усопший проснется. Кремация являлась технологией транспортировки души на небо («другой мир», «другая реальность»), а вторая форма ингумации гарантировала дублирование в потустороннем мире привычной («правильной») социальной организации, охрану (насыпь) и будущее воскрешение лицом на восход.

Развивая вышеизложенные идеи, мы предлагаем следующую реконструкцию *этапов дифференцировки психического и непсихического* (выделения идеального, психического мира из материальной реальности) в сознании первобытного человека, подкрепленную данными из других наук.

I. Первый этап – отождествление этих реальностей с материализацией психики («овеществление»).

В пользу этого свидетельствуют следующее аргументы. В лингвистике этимологическая реконструкция формирования слова «душа» в разных языках привела к тому, что убедительно доказано его происхождение от обозначения физиологического процесса – дыхания. Этнолого-археологические данные указывают на существовавшее мнение, что душа находится в крови, откуда и происходит библейский запрет на употребление в пищу крови (Токарев, 1990). По его же интерпретации, локализация души в сердце, ритуальный каннибализм, зооморфизм, магические действия с тенью и с изображением человека (портрет), частями тела (ногти, волосы и т. д.) или личными предметами также являются свидетельствами «овеществления» души. В цивилизованное время реликты этого явления еще сохраняются в древнегреческой классической философии (атомизм досократиков, теория перемещения «животных духов» по сосудам). И даже в Новое время еще имеются отголоски («седалищем души» у Декарта является эпифиз). Подтверждается мнени-

е Б.А. Рыбакова о смысле позы эмбриона первых форм погребального обряда.

II. Второй этап – одушевление не только живого (носителя психики), но и неживого. При этом душа и «тело» (буквальная сома живого существа и материальная форма неживого) являются едиными, хотя и отдельными сущностями. Начинается осознание иной субстанциальности души (она невидима, хотя представить ее себе можно), но она еще находится в прямой зависимости от тела.

Лингвистика свидетельствует, что в строе любого языка наиболее древние выражения (как правило, относящиеся к самым обыденным выражениям современного языка) придают субъектную активность заведомо неживым телам («Солнце встало»). Этнологические исследования описывают явление синкретического антропоморфизма, анимизма, магифрени, неразграничения реального, видимого и воображаемого, невидимого мира (Тайлор, 1989). Археологические факты захоронения в позе «успения» интерпретируются Б.А. Рыбаковым так же. Феномены онтогенеза сознания, описанные Ж. Пиаже в его генетико-эпистемологических исследованиях (анимизм, магическая причинность, артификализм в мышлении детей дологического периода интеллектуального развития), свидетельствуют о том же (Пиаже, 1989). В древнегреческой мифологии зависимость (единство) тела и души при их отдельности отражается в «теории» гибели души (наяды, nereиды, дриады, ореады и т. д.) вместе с разрушением ее «дома» (водного источника, дерева, камня). В древнеримской мифологии присутствует идея *Genius loci*. С.А. Токарев считает, что эти представления доказывают, что в сознании людей «вещественность» души начинает теряться (Токарев, 1990).

III. Третий этап – возникновение оппозиции объективной и субъективной действительности с осознанием их разной субстанциальности и значительной независимости.

В древнегреческих не столько мифологических, сколько уже вполне литературных опусах, известно явление морально-этического характера – человек оказывается ответственным за свои «деяния», которые приснились другому. М.С. Роговин считает, что в этом мнении древних греков нет противопоставления внешнего и внутреннего (Роговин, 1969. С. 43, 44). В классической философии появляются идеи объективного идеализма и первичных и вторичных качеств. В зрелой мифологии всех культур появляется идея Мирового Древа с тремя мирами. В фольклоре идея «щуров» (душ умерших родственников, находящихся рядом, но невидимых) также свидетельствует об этом, как и техника кремации, т. е. транспортировки души на небо (Рыбаков, 1987).

В поздних мифологиях появляется прообраз Рая и Ада (Элизиума и Аида), а еще позже – идея «спасения души» (монотеистические конфессии).

В данной схеме не интерпретирован в философско-психологической картине третий этап Рыбакова – вторичной ингуляции. Но, видимо, более зрелые формы общества и сознания формируют новые формы погребального обряда уже по иным мотивам.

Беломестнова Н.В., 2004. Реальности нашего бытия (третья реальность в мифах современности) // Тр. науч. семинара «Философия – образование – общество» (1–7 июня 2004 г., г. Гагра). М. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. В.А. Лекторского.

Беломестнова Н.В., 2005. Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург. № 10.

Беломестнова Н.В., 2007. Уровни знаковой регуляции (от простейших до человека) // Психология человека: интегративный подход: Сб. статей / Под ред. д. пс. н., проф. В.Н. Панферова. СПб.

Елинек Я., 1982. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага.

Пиаже Ж., 1969. Избранные психологические труды. М.

Роговин М.С., 1969. Введение в психологию. М.

Рубинштейн С.Л., 2003. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Спиркин А.Г., 1960. Происхождение сознания. М.

Спиркин А.Г., 1961. О природе сознания // Вопросы философии. № 6.

Тайлор Э.Б., 1989. Первобытная культура. М.

Токарев С.А., 1990. Ранние формы религии. М.

С.Г. Боталов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Кочевая цивилизация Евразии (дефиниции)

Понятие «кочевая, или степная, цивилизация» не так давно вошло в употребление у кочевниковедов и востоковедов (Степная цивилизация... 2003. С. 3–7), хотя не всегда в полной мере соответствует традиционным дефинициям.

На определенной стадии развития человеческих сообществ, взаимодействующих на гигантских просторах Евразийского степного вмещающего пространства (по Л.Н. Гумилеву), их интеграция достигает такого качества и степени социальной и межэтнической консолидации, что вынуждает развиваться и взаимодействовать многочисленные сообщества по законам единой социальной системы. Учитывая различия в объеме, характере, содержании, вкладываемые в современное понятие *цивилизации*, мы сочли возможным применение его в контексте межэтнических сообществ, различаемых по географически дифференцированному пространству, исторически определенному месту, социокультурному и хронологическому различию (Сайко, 2003. С. 16).

Итак, вмещающее пространство – степная Евразия. Время – «эпоха переселения народов». Хотя здесь следует сделать существенную оговорку. Несмотря на общепринятую традицию считать началом Великого переселения II в. н. э. (нашествие алан и переселение готов из Скандинавии в лесостепную и степную Европу) (Боталов, 2000. С. 111), это по-

нятие мы склонны трактовать широко: как движение народов Евразии с древнейшего периода (X–VIII вв. до н. э.) до позднего средневековья.

Результатом его явилось не только создание первых континентальных кочевых империй – хунну и великих тюркских каганатов, – но и окончательное сложение особой системы взаимодействия и взаимообусловленности историко-культурного развития степных сообществ, для которой предложено определение «*кочевая цивилизация*» (далее КЦ). Ее характерные черты и особенности развития сегодня требуют особой разработки. Важной стороной этих дефиниций является то, что, вероятнее всего, именно после переселения гуннов в Европу многочисленные перемещения и перегруппировки кочевых сообществ происходили в определенной взаимосвязанности и взаимообусловленности. Особенно ярко это проявляется после формирования тюркских империй. Но это далеко не все ее проявления. Поражает чрезвычайная культурно-политическая мобильность кочевых социумов, способных не только совершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, но и молниеносно (с исторической точки зрения) возводить города и ставки в степных оазисах Казахстана, в предгорьях Кавказа, Балкан, на берегах Волги, Дона и Дуная. И, наконец, еще од-

ним проявлением факта возникновения КЦ явилось повсеместное внедрение рунического письма, как в среде кочевой элиты, так и среди рядового населения.

Как известно, за длительный период существования самого определения *цивилизация* (с XVIII в.), существующий обширный ряд признаков данного понятия Г. Чайлдом был сокращен до десяти основных (города, монументальные строения, налоги, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесленничества, письменность, зачатки науки, развитое искусство, социальная дифференциация), которые впоследствии были сведены к трем системообразующим признакам: архитектура, города и письменность (Массон, 1989. С. 6, 7).

На первый взгляд может сложиться впечатление, что предлагаемое нами понятие КЦ не отвечает критериям ранее сложившегося определения цивилизации.

В связи с этим сегодня даже распространилась весьма своеобразная историографическая практика, когда алгоритм исследований национальных исторических школ в целом ряде стран (где «титულными» являлись кочевые народы) подчинен некоему «выдавливанию по капле» кочевого (значит, варварского) естества и мучительному поиску «оседлой автохтонности». Или наоборот – необоснованному акцентированию кочевнической составляющей в истории народов, которые в конечной стадии своего развития были по сути уже оседлым населением. Возможно ли применение понятия «кочевая цивилизация» не в широком (иносказательном) смысле, а непосредственно в социолого-исторической трактовке?

Анализ культурных, хозяйственно-экономических, социальных и идеологических признаков различных кочевых сообществ подсказывает нам, что на определенных этапах развития кочевые суперобщины в разной мере отвечают основным критериям выше обозначенной «цивилизационной триады».

Так, сегодня становится вполне очевидным, что культово-мемориальная архитектура сибирских и европейских скифов, монгольских и забайкальских сунну, тагаро-таштыкских племен Минусы, тюркские пантеоны Монголии и урало-казахстанских степей и др. по объему трудозатрат и архитектурно-технологическому исполнению вполне соответствуют нормам мировой монументальной архитектуры. Что касается письменности и возникновения кочевых (варварских) городов, то они в системе кочевых сообществ появляются на различных этапах ее существования. Данная стадильность была тонко отмечена С.А. Плетневой как четыре основные фазы

(стадии) развития (Плетнева, 1982). Однако на наш взгляд, они отражают не столько процесс развития социумов, сколько некие эпизоды их хозяйственно-культурной и социально-политической адаптации. Этот аспект в большей мере иллюстрирует именно адаптивный характер этого особого типа цивилизаций. Так, к примеру, процесс оседания кочевников и появления городов, представляемый как финальная стадия существования сообщества, на самом деле вероятнее всего отражает наступление благоприятного этапа экологической, социально-политической и экономической адаптации. В этом случае основным объектом производства и критерием этносоциальных приоритетов остается кочевое хозяйство, однако историко-политические реалии вынуждают кочевую элиту создавать ставки-города, впоследствии обрастающие торгово-ремесленными посадами. При этом продуктивность и мобильность именно КЦ в период наиболее эффективного ее функционирования были беспрецедентны. Это было следствием, прежде всего, высокой степени рентабельности самого кочевого скотоводческого производства, а также фактически невероятной для оседлых объединений степени социо-этнической интеграции. Это, в конечном счете, сказывалось на социальной и экономической мобильности и эффективности данных обществ. Так, многочисленные «варварские» города, стремительно возникшие в поясе Евразийских степей и их оазисного и лесостепного пограничья, в короткое время превращались в крупнейшие урбанистические центры, по могуществу далеко обходя столицы оседлых цивилизаций. Они своеобразным ожерельем опоясали контуры степного участка Великого Шелкового пути – основной цивилизационной коммуникации, возникновение которой и определило начало существования самой КЦ. Хотя здесь стоит признать, что эти центры стремительно возникают – и столь же неожиданно способны затухать и исчезать с исторической карты регионов. В этом отразилась специфическая черта КЦ – беспрецедентная мобильность и адаптивность этой социально-экономической системы. Основные исторические фазы развития КЦ Евразии, вероятнее всего, можно представить следующим образом:

1 фаза (VII–VI вв. до н. э. – I–III вв. н. э.). Возникновение ее составляющих черт и сложение как континентальной системы происходит на стадии древних кочевников, когда формируются первые кочевые союзы племен, устанавливается пастбищно-кочевая система, происходят множественные миграции и перегруппировки населения в пределах степного коридора, осуществляющие своеобразную апробацию будущего интегрируемого пространства;

2 фаза (IV–VIII – XIII–XIV вв.) – собственно возникновение и последующее развитие КЦ. Она приходится на рубеж хунно-гуннского и раннетюркского периодов – время первых кочевых империй и «варварских» городов кочевников. В этот период все перемещения внутри макро- и микрорегионов евразийских степей и прилегающих районов носят в определенной степени упорядоченный или взаимосвязанный характер. Массовые миграции сменяют циклические нашествия и набеги. Тюркская – орхонская, енисейская, таласская, хазарская, болгарская и др. – тамго-руническая письменная традиция смогла охватить многодиалектное разнообразие кочевых народов сложившейся цивилизации и стать в ряде случаев государственной письменностью (Кызласов, 1994). Своего пика эта фаза достигает, вероятнее всего, к XIII–XIV вв., с формированием Монгольской империи и существованием ее кочевых государств (Орд).

3 фаза (XV–XVII вв.) ознаменовалась распадом основных структурных элементов системы, геокультурной локализацией и обособлением кочевых социумов, множественными спорадическими миграциями и перемещениями внутри микро- и микрорегионов. Разрушается система политических, культурных и торговых коммуникаций.

Суммируя вышесказанное, констатируем, что *кочевая цивилизация* – это общество с производящей формой экономики, развитой идеологией, стимулирующей ее постоянное поступательное развитие, эффективное функционирование и воспроизводство социокультурной системы, способной поддерживать высокую степень мобильности, коммуникабельности и адаптивности сообщества благодаря письменной традиции, сложившейся и широко распространенной среди ее основных социальных слоев и групп.

Боталов С.Г., 2000. Великое переселение народов // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.

Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. Л.

Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.

Сайко В., 2003. Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома // Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.

Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1: Древние эпохи.

И.Н. Васильева, Н.П. Салугина

Институт истории и археологии Поволжья, Самара

Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства*

1. Планомерная ежегодная работа Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства началась в 1990 г. Она была организована авторами доклада на базе сначала Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), а с 1994 г. – Института истории и археологии Поволжья (г. Самара). Экспедиция работает в тесном сотрудничестве с лабораторией «История керамики» ИА РАН. Ее постоянным научным консультантом является А.А. Бобринский. Информация о работе экспедиции систематически публиковалась в научной и научно-популярной литературе (Васильева, Салугина, Цетлин, 1993; Васильева, Салугина, 1997; 1999а; 2001; 2002; 2007). Результаты исследований с привлечением экспериментального метода опубликованы в ряде статей (Салугина, 1994; 2006; Васильева, 1994; 2006; Волкова, 1998; Бобринский,

Васильева, 1998; Петряшов, Павлов, 2001; и др.). Значительным достижением экспедиции является создание обширной базы эталонов практически по всем ступеням гончарного производства. Прикладная, но не менее важная, задача нашей экспедиции заключается в обучении методике исследования гончарной технологии молодых исследователей. За прошедшие годы в работе экспедиции приняли участие более 30 студентов и аспирантов из различных городов России. Большая их часть в настоящее время занимается традиционной археологией, получив базовые знания о гончарной технологии и методах ее изучения, необходимые в повседневной работе археолога. Другая часть молодых исследователей продолжает трудиться над разработкой сложных проблем древнего и средневекового гончарства. Защищены две кандидатские диссертации, авторы ко-

торых активно участвовали в работе экспедиции и в своих исследованиях использовали результаты ее работ (Кирсанов, 2000; Краева, 2008).

2. Мы хотели бы остановиться на двух наиболее актуальных аспектах деятельности экспедиции. Во-первых, нам представляется важным привлечь внимание исследователей к методике экспериментальных работ, разработка которой в археологии в последние годы практически не проводится. Во-вторых, считаем необходимым обсуждение тех результатов экспедиции, которые изменили наши представления о древнем гончарстве. Возможно, это позволит отказаться от устаревших стереотипов и избежать тиражирования ошибочных суждений в литературе и тем самым способствовать дальнейшему развитию историко-культурного направления в изучении древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским.

3. Перед организацией экспериментальных работ нами была проанализирована научная литература об эксперименте, изучены публикации экспериментов в области археологии и выработаны определенные представления о цели, задачах и структуре эксперимента. Основные подходы и методические разработки были опубликованы в ряде статей (Васильева, Салугина, 1991а; 1991б). Девятилетний опыт работ экспериментальной экспедиции позволил нам дать развернутую характеристику эксперимента в области гончарной технологии (Васильева, Салугина, 1999б).

Обращение исследователя к экспериментальному методу требует четкого понимания цели и задач эксперимента. В методологии науки общепризнано, что эксперимент относится к методам эмпирического уровня исследования и используется для получения эмпирических данных. Разделяя такой взгляд на место эксперимента в научном исследовании, мы не согласились с мнением Ю.Б. Цетлина о цели эксперимента как формулировании «понятия о конкретной культурной традиции» в области технологии (Цетлин, 1995. С. 64). Перевод технологической информации в историческую и использование понятия «культурная традиция» относятся к задачам теоретического уровня исследования. Экспериментальные данные могут значительно расширить фактологическую базу исследования, подтвердить или опровергнуть возникшие в ходе работы гипотезы, помогают понять результаты изучения археологической керамики и организовать систему доказательств: в этом и заключаются задачи эксперимента. Однако формулирование понятия «культурная традиция» возможно только на этапе обобщения исследования конкретного историко-культурного феномена и на основе анализа данных о гончарной технологии конкретных групп древнего населения.

В археологической науке наиболее применима такая форма эксперимента, как модельный эксперимент в виде физического моделирования. В российской археологии оно традиционно используется в сочетании с трасологией и бинокулярной микроскопией. Археологическое моделирование еще не имеет своей научной теории и пользуется положениями общей теории моделирования, где принято определение модели как мысленно представляемой или материально реализованной системы, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте. В области изучения древнего гончарства с помощью модели можно практически всегда получить новую информацию, недоступную при непосредственном исследовании объекта. Поэтому большее значение приобретает возможность многократного изучения моделей и использования их как источников информации в последующих исследованиях, что достигается путем создания эталонных баз по различным ступеням гончарного производства. Нами разработан комплекс программ, которые планомерно выполняются в рамках экспедиции и представляют собой систему многочисленных и взаимосвязанных гипотез. Таким образом, в качестве основной задачи эксперимента в области изучения древнего гончарства мы ставим проверку гипотезы, которая выдвигается на основании результатов изучения археологической керамики и существующих теоретических представлений о различных ступенях производственного процесса. Исходными данными для составления программ служат сведения, содержащиеся в археологической и этнографической литературе и результаты аналитических исследований авторов и их коллег. В целом под физическим моделированием в области изучения древнего гончарства мы понимаем воспроизведение характеристик некоторого объекта (археологической керамики) на другом объекте, специально созданном для его изучения (модели). Процесс исследования идет от результатов технологического анализа археологической керамики и последующих экспериментов на модели к теоретическим знаниям о модели, которые затем переносятся на объект изучения (археологическую керамику). Нами используется следующая структура научного исследования, составной частью которого является модельный эксперимент. Оно включает несколько этапов: 1) выдвижение гипотезы на основе изучения археологической керамики; 2) разработка плана проведения эксперимента; 3) изготовление модели; 4) изучение модели; 5) анализ объекта исследования (археологической керамики). В результате анализа археологической керамики мы получаем технологическую

информацию, которая становится основой для формирования представлений о культурных традициях и изучения историко-культурных процессов.

4. Основная часть доклада содержит развернутую и иллюстрированную характеристику результатов наших исследований по трем направлениям: исходному сырью, лоскутному налепу и термической обработке. Основные положения доклада, которые предлагаются для обсуждения, следующие:

4.1. На основе микроскопического изучения весьма значительного количества керамики неолита, энеолита и эпохи бронзы Восточной Европы и проведения экспериментальных работ мы пришли к выводу о том, что древнейшее гончарство этого региона зародилось на базе опыта использования илов. Дальнейшее эволюционное развитие представлений об исходном пластическом сырье развивалось по линии: илы – илестые глины – глины. В связи с данным выводом актуально обсуждение вопроса об использовании птичьего помета в качестве сырья или добавки к сырью (Бобринский, 1978. С. 102; Цетлин, 1991. С. 93–98). В рамках нашей экспедиции проводился многолетний эксперимент по изучению раковины, в том числе и как компонента птичьего помета. В итоге был получен вывод о том, что проанализированная нами керамика неолита – бронзового века Поволжья содержит в своем составе раковину, которую нельзя идентифицировать как составную часть птичьего помета (Васильева, Салугина, 1999б. С. 241). Второй признак наличия в керамике птичьего помета – пух птиц – также был подвергнут экспериментальному изучению, итоги которого были частично подведены в статье Д.В. Петряшова и биолога С.И. Павлова. Они заключаются в том, что керамика волосовской и имеркской культур эпохи энеолита содержит в своем составе не птичий помет, а пух и перья гусеобразных птиц в качестве искусственной добавки (Петряшов, Павлов, 2001). Таким образом, полученные в ходе исследования результаты ставят под сомнение тезис о птичьем помете как возможном органическом материале, наряду с навозом животных используемым в древнем гончарстве в качестве исходного сырья, по крайней мере, для районов Нижнего и Среднего Поволжья. Биологическая активность этого вещества, а также отсутствие этнографических данных об изготовлении емкостей из чистого помета птиц, являются аргументами в пользу этого вывода.

4.2. В археологической литературе при характеристике приемов изготовления первобытной керамики постоянно тиражируется заключение об изготовлении ее кольцевым налепом из лент. В нашем докладе представлены результаты изучения археологических и экспериментальных материалов и де-

лается предположение об универсальном характере распространения лоскутного налепа и применения различных форм-моделей в первобытном гончарстве Поволжья и сопредельных регионов.

4.3. Для выяснения причин возникновения разных цветовых слоев и окраски поверхностей сосудов нами была осуществлена программа, направленная на изучение обжига керамики в разных обжиговых устройствах и при различных режимах. Для этого были построены и использованы обжиговые устройства: 1) кострища разных вариантов; 2) очаги: углубленный в грунт и наземный со стенками; 3) гончарные горны. Использование измерительной техники (термопары) позволило установить, что температура в костре может достигать более 1000°. Экспериментально зафиксированные данные опровергают устоявшиеся в археологической литературе стереотипы о том, что максимальная температура в костре – 600–650° (Жушиховская, 2004. С. 47) или не более 800° (Глушков, 1996. С. 76). В результате экспериментального изучения процесса обжига удалось выяснить зависимость цветовых слоев в изломах сосудов от значительного числа факторов, которые можно объединить в две группы: 1) факторы, предваряющие обжиг: конструкция и размер обжигового устройства; объем и характер используемого топлива; способ укладки сосудов для обжига; количество сосудов в одном обжиге; размерность сосудов; состав формовочной массы; 2) факторы, связанные непосредственно с процессом обжига: скорость подъема температуры; выдержка при температуре каления; вид атмосферной среды (окислительная или восстановительная); общая длительность обжига; скорость остывания изделий. В последние годы значительное внимание было уделено изучению низкотемпературного обжига, с использованием «прокладки» от прямого действия пламени на обжигаемую продукцию в виде золы. Как показывает исследование древнейшей керамики, такой обжиг был очень распространенным в эпохи неолита – ранней бронзы. Он был необходим для термической обработки сосудов, содержащих в своем черепке примесь раковины пресноводных моллюсков.

* Работа выполнена при поддержке проектов РГНФ № 07-01-26110а/В и № 07-01-26106а/В.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., Васильева И.Н., 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Васильева И.Н., 1994. Илы как исходное сырье для древ-

- нейшей керамики Поволжского региона // Мат. междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии: Тез. докл. СПб.
- Васильева И.Н., 2006а. О происхождении гончарства // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. археологич. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск. Т. I.
- Васильева И.Н., 2006б. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1991а. Роль эксперимента в изучении древнего гончарства (к постановке проблемы) // Керамика как исторический источник: Подходы и методы изучения: Тез. Всесоюз. науч. археологич. конф. (11–16 февраля 1991 г.). Свердловск; Куйбышев.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1991б. О составлении Программы экспериментального изучения формовочных масс // Там же.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1997. Эксперимент как ключ к тайнам древних гончаров // Самарская область. Этнос и культура: Информационный вестник. Самара. № 2–3.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1999а. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1999б. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 2002. О работе Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Современные проблемы археологии: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти В.Ф. Генинга. Киев.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 2007. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства // XVII Уральское археологическое совещание: Мат. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., Цетлин Ю.Б., 1993. Древнее гончарство: экспериментальное изучение // Природа. № 2.
- Волкова Е.В., 1998. Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии // ТАС. Вып. 3.
- Глушков И.Г., 1996. Керамика как археологический источник. Новосибирск.
- Жушиховская И.С., 2004. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток.
- Кирсанов Р.С., 2000. Гончарное производство русского населения Самарского Поволжья в конце XVII – XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Краева Л.А., 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI – I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург.
- Петряшов Д.В., Павлов С.И., 2001. К вопросу о примеси птичьего помета в древней керамике Примокшанья // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Самара.
- Салугина Н.П., 1994. Раковина в составе древней керамики // Мат. междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии: Тез. докл. СПб.
- Салугина Н.П., 2006. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. археологич. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск. Т. II.
- Цетлин Ю.Б., 1991. Периодизация неолита Верхнего Поволжья: Методические проблемы. М.
- Цетлин Ю.Б., 1995. Проблемы научного эксперимента в изучении древнего гончарства // РА. № 2.

Е.И. Гельман

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Керамика и археологические реконструкции

Количественная оценка керамических коллекций имеет несколько наиболее важных последствий для археологических реконструкций. Мы получаем возможность проследить примерно, как формируются керамические комплексы; определить, как долго существовало жилище, поселение; косвенно оценить приблизительную численность населения в одном домохозяйстве и в целом на поселении. Для

этих целей можно ориентироваться, в том числе, на минимальное количество сосудов и степень их сохранности в керамической коллекции, в сочетании со стратиграфическими и другими наблюдениями. Эти простые истины, хотя и известны большинству исследователей, к сожалению, судя по публикациям, используются довольно редко. В этой работе кратко рассматриваются некоторые результаты иссле-

дований, основанных на выделении минимального числа сосудов и среднего числа сосудов в жилищах разных эпох. В качестве сравнения приводятся данные подобных этно-археологических исследований из разных регионов мира.

На протяжении многих лет нами выполнялась, наряду с другими подсчетами, оценка минимального числа сосудов на памятниках разных хронологических периодов. Для этого учитывались не только целые или археологически целые сосуды, но и частично сохранившиеся, в виде верхних частей (редко нижних) либо крупных фрагментов с венчиками. Подсчеты велись как для керамики из заполнения жилищ, так и для собранной в прилегающих зонах. Такой подход позволяет полнее учитывать хозяйственную активность обитателей жилищ, как сезонную, так и по видам деятельности (с использованием керамики). Тотальное картирование керамики (включая небольшие фрагменты стенок) показало, что даже на средневековых памятниках Приморья с многочисленными строительными горизонтами керамические комплексы соседних жилищ хорошо отделяются друг от друга. Для большей точности можно вводить поправочные коэффициенты.

На неолитическом (около 4000 л. н.) прибрежном поселении Зайсановка 1 (Вострецов и др., 2002) из заполнения жилища и прилегающего пространства было извлечено 4173 фрагмента керамики, в том числе 280 венчиков не менее чем от 200 сосудов. Количество выделенных сосудов отразило картину одновременного формирования отложений в данном жилище, которое после прекращения функционирования продолжало использоваться как мусорная яма для соседей – носителей той же керамической традиции, обитавших на поселении. Полученные результаты в совокупности с другими археологическими данными (устройство жилища, орудийный комплекс и др.) существенно повлияли на оценку продолжительности заселения этого памятника. На другом прибрежном памятнике, Зайсановка 7 (около 4500–4700 л. н.), было найдено наземное жилище (Вострецов и др., 2002), в котором обнаружены остатки 47 неплохо сохранившихся сосудов. Эти данные повлияли на оценку характера памятника как долговременного, а не сезонного, поселения, что подтвердилось после изучения костных остатков рыб, добывавшихся здесь круглогодично.

На континентальном неолитическом поселении Кроуновка 1 (около 5300–5700 л. н.) были раскопаны два жилища, относившиеся к разным горизонтам обитания носителей традиции изготовления керамики с веревочным орнаментом (Кроуновка 1... 2004). В нижнем жилище 5 и на прилегающих участках были собраны 816 фрагментов от 23 сосудов, а в

верхнем жилище 4 – 400 фрагментов от 29 сосудов. Увеличение числа сосудов в верхнем горизонте вряд ли является случайным, т. к. оно коррелирует с площадями жилищ – 20 и 23 м² соответственно. Дальнейшие исследования позволят уточнить наше предположение.

Данные о керамических комплексах бохайских жилищ (VIII–X вв.) получены из трех памятников. На городищах Горбатка и Краскинское выявлено по пять строительных горизонтов, относящихся только к бохайскому времени, на Ауровском городище среднее число сосудов определялось только для средневекового слоя (позднебохайского/постбохайского времени). Среднее число сосудов на городище Горбатка составило 53 (для пяти жилищ), на Краскинском городище – 57 (для пяти жилищ), на Ауровском городище – 26 экземпляров (для восьми жилищ).

Разумеется, далеко не все из приведенных данных могут точно отражать реальное число сосудов, использовавшееся одним домохозяйством в ограниченный период времени. Формирование керамической коллекции зависит, наряду со многими другими факторами, и от продолжительности «жизни» самих сосудов. Попытки измерить «жизнь» сосудов предпринимались археологами неоднократно, все они связаны с этно-археологическими исследованиями, немногочисленны и сводятся к трем основным методам.

Один из них, заключающийся в прямом интервьюировании, был применен Дж. М. Фостером во время его полевых исследований в Мексике (Цинцунцан, район Мичуакана) для проверки археологических интерпретаций (Foster, 1960). Он опрашивал четырех хозяек, из которых две сами изготавливали керамику в домашней мастерской вместе с мужьями, а две другие – либо покупали посуду, либо получали в виде подарков. Наряду с характеристикой качества черепка, сведений о назначении, использовании и стоимости сосудов, он называет причины, в результате которых она разбивалась. Наблюдения Дж. М. Фостера показывают, что главной причиной гибели сосудов являлись субъективно-объективные факторы – нерадивость хозяек, допускаящих на кухню детей и многочисленных домашних животных (кошек, собак, кур, свиней), являвшихся в подавляющем большинстве случаев главными виновниками сокращения срока «жизни» сосудов, возраст которых в среднем составил около года. Тем не менее, фактически чаще разбивались емкости, использовавшиеся ежедневно. Сосуды для воды и столовая посуда могли сохраняться по нескольку лет, а праздничная – от 4 до 12 лет. Среднее число сосудов в рассмотренных домохозяйствах составило 50–75 экземпляров. Основным недостатком этого метода

стало небольшое количество опрошенных, не позволяющее сделать полноценные выводы.

Другой метод использовался Н. Дэвидом, который действовал более систематично и обследовал 15 домохозяйств поселения фулани в Северном Камеруне (David, 1972). Среднее число сосудов в одном домохозяйстве он не указывает. Средняя продолжительность жизни часто используемых сосудов объемом от 1 до 10 л составила 2,5–2,7 лет, для других сосудов сроки были более длительными и сходными с данными Дж. М. Фостера. Недостаток метода Н. Дэвида заключался в приравнивании возраста сосудов в момент опроса к полному возрасту классов сосудов, в то время как сосуды еще какое-то время использовались, и продолжительность их жизни в итоге могла в большой степени отличаться от реальной. Хотя в целом это никак не повлияло на сведения о часто используемых емкостях. На зависимость между размерами сосуда и продолжительностью его использования обращали внимание и другие исследователи. Обзор данных, собранных В. Адамсом, изучавшим средневековую и этнографическую нубийскую керамику, показывает, что жизнь маленьких сосудов в среднем составляла 2,5 года, а крупных – 12,5 лет, но в то же время, известны случаи, когда продолжительность жизни очень больших сосудов (для хранения воды) достигала 70 лет (Adams, 1987. P. 37).

Третий метод – «инвентаризационный» – был использован группой археологов в рамках большого (около 20 лет) этно-археологического Проекта Калинга (Филлипины) (Tani, 1994). В процессе реализации проекта акцент делался на понимание через этнографическое исследование формирования археологических данных. В Данталяне в 1975–1976, 1979–1980 и 1987–1988 гг. был «инвентаризирован» 1691 сосуд (Tani, Longacre, 1999). В результате исследований получены данные о продолжительности жизни используемых местными жителями трех типов сосудов – кухонных горшков для варки риса и овощей, а также сосудов для хранения, в том числе воды. Результаты показали, что значительное количество сосудов разбивалось в год изготовления, а среднее значение продолжительности «жизни»

кухонных горшков составило 2,2 года, и лишь отдельные сосуды переживали рубеж в 10 лет (Tani, Longacre, 1999. Fig. 2, 303, 307). Среднее число сосудов, в отличие от данных Дж. М. Фостера, полученных в Мексике, напрямую зависело от наличия в семье гончара (11,9 экз.) и почти в два раза превышало таковое в семьях, где не было гончара (6,4 экз.). Это объяснялось тем, что часть посуды после изготовления оставалась в семье для последующего обмена (Tani, 1994. P. 56, 57).

Этнографические исследования показывают, что при оценке минимального числа сосудов для большей точности нужно отдельно отмечать число кухонных горшков. Количественные подсчеты для керамических комплексов из разных жилищ одного памятника, а также из однокультурных и одновременных памятников, могут дать вполне надежные данные для сравнения.

- Вострцов Ю.Е., Короткий А.М., Беседнов Л.Н., Раков В.А., Епифанова А.В., 2002. Изменение систем жизнеобеспечения у населения устья р. Гладкой и залива Посьета в среднем голоцене // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток.
- Adams W., 1986. Ceramic industries of medieval Nubia. Vol. 1. Part 1. University press of Kentucky.
- David N., 1972. On the life span of pottery type frequencies, and archaeological inference // American Antiquity. Vol. 37, № 1.
- Foster G. M., 1960. Life-expectancy of utilitarian pottery in Tzintzyntzan, Michoacan, Mexico // American Antiquity. Vol. 25, № 4.
- Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto, 2004.
- Tani M., 1994. Why should more pots break in larger households? Mechanisms underlying population estimates from ceramics // Kalinga Ethnoarchaeology / Ed. by W.A. Longacre and J.M. Skibo. Washington; London.
- Tani M., Longacre W.A., 1999. On methods of measuring ceramic uselife: a revision of the uselife estimates of cooking vessels among the Kalinga, Philippines // American Antiquity. № 64 (2).

Т.Н. Глушкова, А.В. Сутула

Сургутский государственный педагогический университет

Опыт систематизации технологической информации об археологическом текстиле

Археологические ткани – нечастая находка. Однако в последний период на территории Западной Сибири скопилась значительная коллекция археологического текстиля из памятников II тыс. до н. э. – XVIII–XIX вв. (Глушкова, 2002). Объем накопленного материала и работа с ним требуют систематизации.

Массовый материал, обработанный по единой методике, единообразно систематизированный, позволяет довести исследование текстиля до этапа реконструкции технологических процессов, связанных с его изготовлением (Глушкова, Сутула, 2007).

Технология – совокупность производственных процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства (Ожегов, 1983. С. 708). Технологическая информация отражает производственный процесс, и в конкретном образце фиксируются сведения о сырье, пряже, структуре и фактуре полотна, о размерах образцов, кромках и ткацких ошибках (если такие имеются). Эта информация может быть описана как качественными, так и количественными характеристиками.

Для определения технологических характеристик необходимо специальное исследование текстиля как археологического источника с применением методов материаловедческого и структурного анализов. На их основе возможно составление описательной характеристики образцов археологического текстиля (Глушкова, 2004). Однако с описательной характеристикой работать не совсем удобно – она громоздка, в подробном описании теряются характерные признаки, в том числе общие и особенные по сравнению с материалом из других памятников. Все это потребовало вариантов более системного упорядочивания технологической информации.

Предшествующие попытки систематизации технологической информации об археологическом текстиле, в разной степени предпринимаемые его исследователями начиная с 1920–1930-х гг. (см., напр.: Технологический анализ... 1931–1932), позволяют адекватно оценить накопленный опыт. Анализ вариантов систематизации технологической информации об археологическом текстиле, имеющийся в работах А. Нахлика (1963), Е.Ф. Федорович (1972), Б.А. Литвинского (1978), О.И. Давидан (1989), А.К. Елкиной и Е.И. Елкиной (2005), а также

О.В. Орфинской (2005), позволяет авторам данной работы предложить иной вариант системного упорядочивания технологической информации.

Он включает в себя фиксацию в графике (в таблице Microsoft Excel) следующих параметров археологического текстиля (см., напр.: Визгалов и др., 2006. С. 118–123; Глушкова, 2002. С. 181–203; Сутула, 2005. С. 68, 69):

1) переплетение нитей в ткани; 2) основа: а) тонина; б) крутка; 3) уток: а) тонина; б) крутка; 4) плотность каждой из структур нитей: а) по основе; б) по утку; 5) характер сырья; б) примечания.

Переплетение нитей в ткани указывается в традиционном варианте: простое полотняное, репс, саржевое (саржа 2/1, 2/2), смешанное и т. д. Технологические параметры основы и утка – тонина (мм) и крутка нитей (Z, S). Плотность, определяемая количеством нитей на 1 см по основе и утку, фиксируется отдельно для каждой из структур нитей.

Информация о сырье, используемом для изготовления текстиля, может быть представлена отдельной колонкой. Примечания, вынесенные в отдельную колонку, содержат сведения об особенностях структуры, фактуры текстиля, цветовой гаммы, а также о сохранности фрагмента ткани, степени его загрязнения, расположения в археологическом памятнике.

Примечания фиксируют не только разительные отличия исследуемого фрагмента текстиля от прочих образцов, но и характерные особенности фрагментов в рамках определенного вида тканей, что дает возможность атрибутировать исследуемые ткани, вписав их в имеющуюся классификацию текстиля. Атрибуция текстиля, выраженная в определении названия ткани, проводится на основании ее технологических параметров и является желаемым итогом работы с археологическим материалом, важным элементом для систематизации информации об археологическом текстиле.

Технологическая информация об археологическом текстиле, систематизированная в рамках предлагаемой таблицы, раскрывает максимальные информативные возможности археологических тканей. Используемый формат электронной таблицы (Microsoft Excel) позволяет осуществлять мобильный поиск информации по различным признакам с помощью фильтров.

Еще одним способом систематизации технологической информации об археологическом текстиле является упорядочивание видов текстиля в рамках классификации. Особого внимания здесь заслуживает использование схем, фиксирующих в качестве классификационных признаков текстиля: сырье, структуру (переплетение нитей) и фактуру поверхности тканей (рис. 1).

Применение классификационных схем позволяет упорядочить комплекс имеющихся текстильных источников, выделив виды, группы и подгруппы тканей (рис. 1), технологические характеристики которых позволят делать выводы, связанные с местом (местное/импортное производство) и технологией их изготовления, что, конечно же, является выходом на реконструктивный уровень исследования.

Таким образом, технологическая информация об археологическом текстиле, систематизированная в рамках предлагаемой таблицы и классификационной схемы, раскрывает максимальные информативные возможности археологических тканей. Предлагаемый вариант унификации и систематизации технологической информации об археологическом текстиле строится с учетом предшествующего исследовательского опыта (известного по литературе) и предполагает вариативность его использования в зависимости от целей, стоящих перед исследователем.

В целом, унифицированные технологические характеристики тканей сделают возможным син-

хронное и диахронное сравнения археологических материалов из разных памятников различных регионов, а сведение технологической информации в таблицы и схемы позволит уменьшить трудоемкость данного процесса и наглядно представить вырисовывающуюся картину. Таблицы, отражающие основные технологические характеристики текстиля, наделены значительными информативными возможностями.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В., 2006. Текстиль Мангазеи (начало XVII в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. М. Вып. 25.

Глушкова Т.Н., 2002. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут.

Глушкова Т.Н., 2004. Схема технологического описания археологического текстиля // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. X. Ч. II.

Глушкова Т.Н., 2005. Источниковедческий анализ саржевых тканей из археологических памятников Западной Сибири (ранний железный век – позднее средневековье) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут.

Глушкова Т.Н., 2006. История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии. Сургут.

Глушкова Т.Н., Сутула А.В., 2007. Методика реконструкции приспособлений для изготовления археологических тканей // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск.

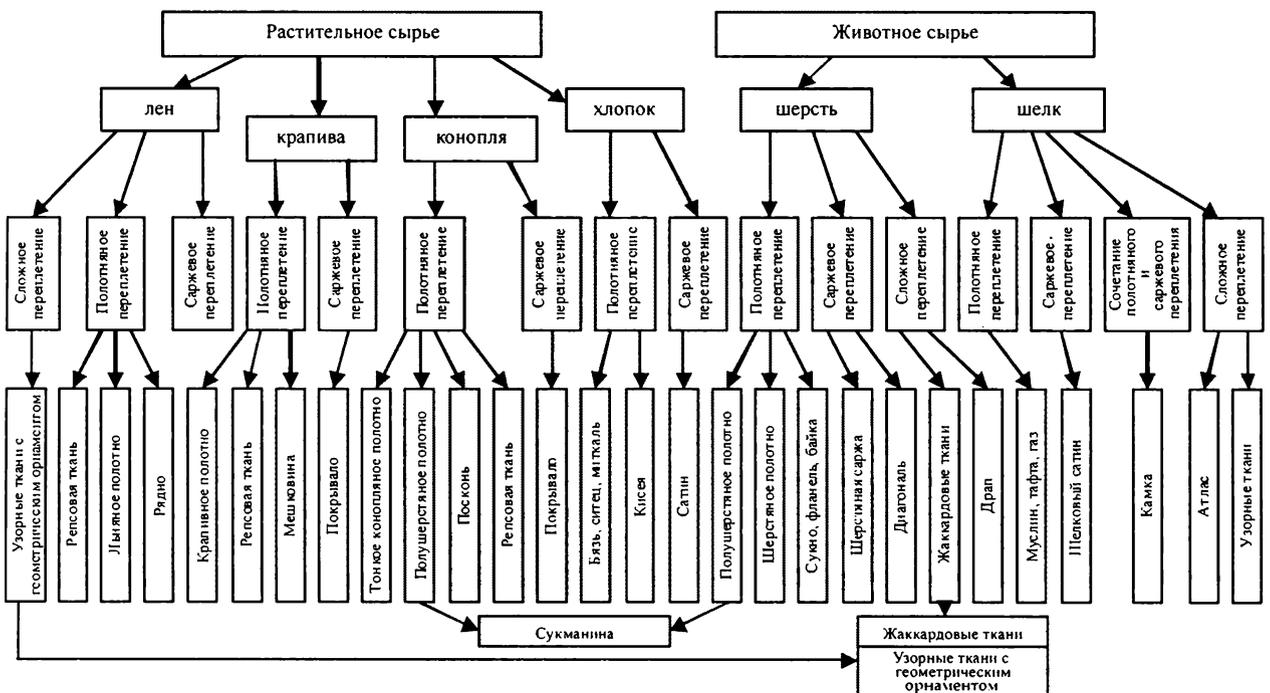

Рис. 1. Схема классификация археологических тканей (по: Глушкова, 2006. С. 95)

- Давидан О.И., 1989. Ткани из курганов юго-восточного Приладожья // С.И. Корчуркина. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.
- Елкина А.К., Елкина Е.И., 2005. Исследование текстиля из Никитинского могильника (из раскопок 1977 г.) // Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М. (Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3.)
- Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии. М.
- Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода // МИА. № 123.
- Ожегов С.И., 1983. Словарь русского языка. М.
- Орфинская В.О., 2005. Исследование текстиля (из раскопок 1978 г.) // Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М. (Тр. отдела Охранных раскопок ИА РАН. Т. 3.)
- Сутула А.В., 2005. Археологический текстиль из памятников Сургутского Приобья (XIII – нач. XIV в.) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут. Технологический анализ материалов из раскопок в Монголии. Ткани // Известия ГАИМК. Л., 1931–1932. Вып. 7–9. Т. XI.
- Федорович Е.Ф., 1972. Исследование средневековых тканей Самарканда // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). Ташкент.

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Обоснование методов в современных археологических исследованиях (теория и реальность)

Археология – одна из немногих исторических дисциплин, где методологические проблемы редко обсуждаются дисциплинарным сообществом. Является ли это следствием ненаучных форм дискуссий 1930-х гг., и коллективная социальная память ученых отторгает обсуждение общенаучных методологических вопросов? Или это демонстрирует имеющуюся специализацию, когда подготовка теоретиков в археологии не ведется, а право теоретизирования признается за сложившимися исследователями (Клейн, 2004. С. 17–21)? Возможно, сообщество полагает, что надо стремиться к накоплению фактов, которых все еще не хватает для методологических обсуждений? Поэтому полезно рассмотреть практику науки, чтобы понять, каково место методологии в современной археологии. Яркий в этом отношении материал предоставляют авторефераты диссертаций. Анализ методологических разделов работ, защищенных в диссертационном совете при Удмуртском госуниверситете в 1993–2007 гг. археологами Урала и Поволжья, позволяет говорить если не об общенациональных тенденциях в развитии методологии археологии, то о региональных – точно.

Четкое обозначение методологии исследования появляется в работах с конца 1990-х гг., что свидетельствует как об изменениях в требованиях к диссертациям, так и о возросшей методологической культуре. Методология работ определяется содержанием решаемых в них проблем, связанных с опи-

санием и объяснением археологического материала. Часть исследований нацелена на обоснование методов изучения источников, их адаптацию к решению конкретных вопросов.

Анализ методологического обоснования решаемых задач требует введения предварительных замечаний. Методология предполагает разработку специфических методов понимания истории, отличных от понимания природных явлений; определение теоретических подходов, составляющих содержание метода (выражается в исследовательских подходах и принципах); обоснование структуры и методов исследования, отличных от способов исследования в других науках; разработку частно-научной методологии (Ковальченко, 2003. С. 37–45).

Подход – основной путь решения проблемы. Чаще всего археологи применяют **комплексный подход**. И если в начале 1990-х гг. его упоминание носило скорее ритуальный характер, то сегодня ученые стремятся через содержание подхода раскрыть свою исследовательскую программу. Подход предполагает использование массовых находок и систематизацию всех доступных данных; стремление к всестороннему охвату памятников, привлечение комплексов источников других наук (Генинг, 1982. С. 170–176).

Достижением в методологии начала 1990-х гг. стало активное освоение **системного подхода**. Вещь рассматривается как система, включающая подси-

стемы: морфологию, технологию, материал, функцию. Подсистемы обладают относительной самостоятельностью и могут быть исследованы отдельно. Изучение целого происходит через исследование частных признаков. Развитием системной методологии стали **конструктивно-морфологический и информационный подходы** (Щапова, 2000. С. 53–65). К сожалению, археологи нередко обнаруживают непонимание системного подхода. Исходя из общности корня слова, некоторые ученые отождествляют системный подход с *систематизацией*! Последняя, как известно, состоит в упорядочении объектов, а оно не всегда исходит из системных критериев.

Широкое распространение в археологии получил **семантический подход**, предполагающий рассмотрение композиций как текста, понимание которого утрачено. В качестве методологической основы археологических работ все чаще выступает **культурно-исторический подход**, позволяющий рассматривать аспекты культуры в историческом развитии. Становление историко-научного направления востребовало этот подход благодаря А.А. Формозову.

Методология чаще стала ориентироваться на **междисциплинарный подход**, связанный с заимствованием методов, подходов, понятий разных дисциплин, конструированием междисциплинарных объектов. Это свидетельствует об определенной исчерпанности познавательных возможностей комплексного подхода. Упоминается **интуитивно-образный подход**, содержание которого, к сожалению, не раскрывается. Часто в качестве подхода выбираются **концепции конкретных авторов**.

Неотъемлемой частью методологии исследования является следование регулятивным требованиям – научным **принципам**. Они тесно связаны с выбором методов. Среди принципов археологического исследования главенствуют общенаучные: **историзм, научность, объективность, системность, взаимосвязь явлений и процессов**. Реже упоминаются частно-научные принципы **моделирования и конечных типологических рядов**. Археологи следуют принципу детерминизма, который часто не осознается как методологическое требование.

Апелляция к научным принципам – значительный прогресс в методологическом обосновании работ, но следует делать следующий шаг – обосновывать их применение к археологическому исследованию. Однако даже в случае наличия такой аргументации археологи нередко некорректно раскрывают познавательный потенциал этих принципов.

Методическая сторона археологических работ больше подвержена рефлексии, чем выбор принци-

пов и подходов. Археологи демонстрируют возрастающую методологическую культуру в обосновании методов, часто описывают процедурные моменты, разделяя методологию эмпирического и теоретического исследования.

В археологии используются **общенаучные методы**, чаще всего – **наблюдение, анализ, индукция**. Причем метод анализа преобладает, позволяя проводить изучение материала путем исследования его отдельных свойств. Археологи не называют метод **дедукции, исторический, логический методы**, хотя на практике они активно используются. Кроме того, важно обратить внимание на то, что методы не только должны называться, но и обосновываться применительно к решаемым задачам. К сожалению, это делается весьма редко.

Большой группой представлены **специально-научные методы**. Однако специально-научная методология в археологии не имеет общепринятой терминологии. Это важно, поскольку от терминологического обозначения метода зависит его познавательный потенциал. Так, типологический метод как специально-научный предполагает упорядочение материала на основе существенных признаков. Он возможен в археологии на стадии объяснения научных фактов. Но на источниковедческой стадии описания материала типологический метод акцентирует внимание лишь на внешних признаках объектов – их форме, когда еще не ясно, какие сущности скрываются за ними. Поэтому правильнее обозначать этот метод как формально-типологический, поскольку он обращен к внешней, а не внутренней, стороне источника.

В ряде работ упомянут описательный метод. В методологии исторической науки существует мнение о выделении описательно-повествовательного метода на начальной ступени исследования исторического события (Смоленский, 2007. С. 222–226). По моему мнению, описание – не метод, а форма выражения знаний об объекте.

Традиционна **частно-научная методология**. Но и в ней обнаруживается разноречивость в терминологическом обозначении методов, а некоторые из них неясны по познавательной направленности. Обратим внимание на многообразие терминологических обозначений формально-типологического метода – формально-типологический, типологизация, технико-типологический анализ, типологический метод с использованием формализованных компьютеризированных процедур, сравнительно-типологический, историко-типологический.

Особую группу частно-научных методов в археологии составляют заимствования из других наук. Три сферы научного познания обогатили методоло-

гический аппарат археологии: естественнонаучная, математическая и социально-гуманитарная. При этом следует подчеркнуть многоголосие в именовании одних и тех же методов. Учитывая, что это методы-заимствования, важно иметь единообразие в их обозначении, поскольку может сложиться мнение, что это разные методы. Часто археологи просто апеллируют к предметной сфере используемых методов, не называя их так, как принято в той или иной науке.

Методологический арсенал археологических изысканий демонстрирует эклектический набор подходов, принципов и методов, вошедших в археологию в разное время под воздействием различных мировоззренческих систем. Методология эмпирического исследования в значительной мере базируется на позитивистских постулатах ценности факта и идеи эволюции как основного закона развития. Закономерный характер общественного развития, обоснованный в марксизме, основывается на принципах системности, причинности, взаимообусловленности явлений. Влияние структурализма отразилось в применении математических методов. Постмодернизм играет роль в семантическом осмыслении материалов. Иными словами, в археологии очевиден методологический синтез. Однако анализ методологии археологических диссертаций позволяет ставить проблему унификации терминологии, обозначающей методы исследования. Часть работ до сих пор несвободна от ритуального упоминания той или иной методологии, которая нередко

противоречит сделанному. Это наиболее очевидно, когда автор использует комплексный подход, а на деле реализует системный, – и наоборот.

По-прежнему актуален вопрос о методологическом выборе исследователя, который должен обосновываться с точки зрения решаемых задач. Он возможен на путях формирования методологической культуры в ходе самообразования и освоения профессиональных ценностей научного сообщества в вузе. Значимая роль в этом принадлежит курсам «История и историография археологии», «Методология и методы археологии». Следует также активно вести специальные методологические исследования, направленные не только на раскрытие методик, но и на их обоснование с точки зрения концептуальных моделей археологии, которые также требуют описания. Это принципиально важно в условиях разрывающихся профессиональных ценностей науки, связанных с активизацией маргинального научного сообщества – разного рода псевдоученых, «черных археологов».

- Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии: У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов. Киев.
- Клейн Л.С., 2004. Введение в теоретическую археологию. СПб. Кн. 1: Метаархеология.
- Смоленский Н.И., 2007. Теория и методология истории. М.
- Щапова Ю.Л., 2000. Введение в вещеведение: Естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М.

Я.М. Паромов

Институт археологии РАН

Таманский полуостров в эпоху камня и бронзы, античное и средневековое время

Таманский п-ов – один из нескольких регионов, где зарождалась и совершенствовалась отечественная археология. За два века труды, посвященные его памятникам, изменились от простых описаний (Паллас, 1883. С. 35–107; Dubois, 1843. Р. 21–108; Гёрц, 1870; 1876) до разработок, созданных с привлечением аэрофотосъемок и крупномасштабных карт (Паромов, 1992а; 1992б; 2008). В древности полуостров состоял из нескольких островов, разделенных протоками и лиманами (рис. 1). Ландшафт характеризуется долинами широтного направления, холмами и грядами – грязевыми вулканами. От степного его отличают

лишь водные пространства и пойменные леса. Большое количество выявленных здесь поселений объясняется благоприятной средой обитания.

Древнейшие каменные орудия найдены на раннепалеолитической стоянке Богатыри у п. За Родину. Они залегают совместно с костными остатками палеонтологического местонахождения Синяя Балка, датированного 1,1–0,8 млн. л. н. (Щелинский, Кулаков, 2007). В связи с этим новое значение приобретают близкие по характеру находки в карьере Цимбал у п. Сенной (Формозов, 1965. С. 10, 22; Иессен, Миллер, 1932. С. 59).

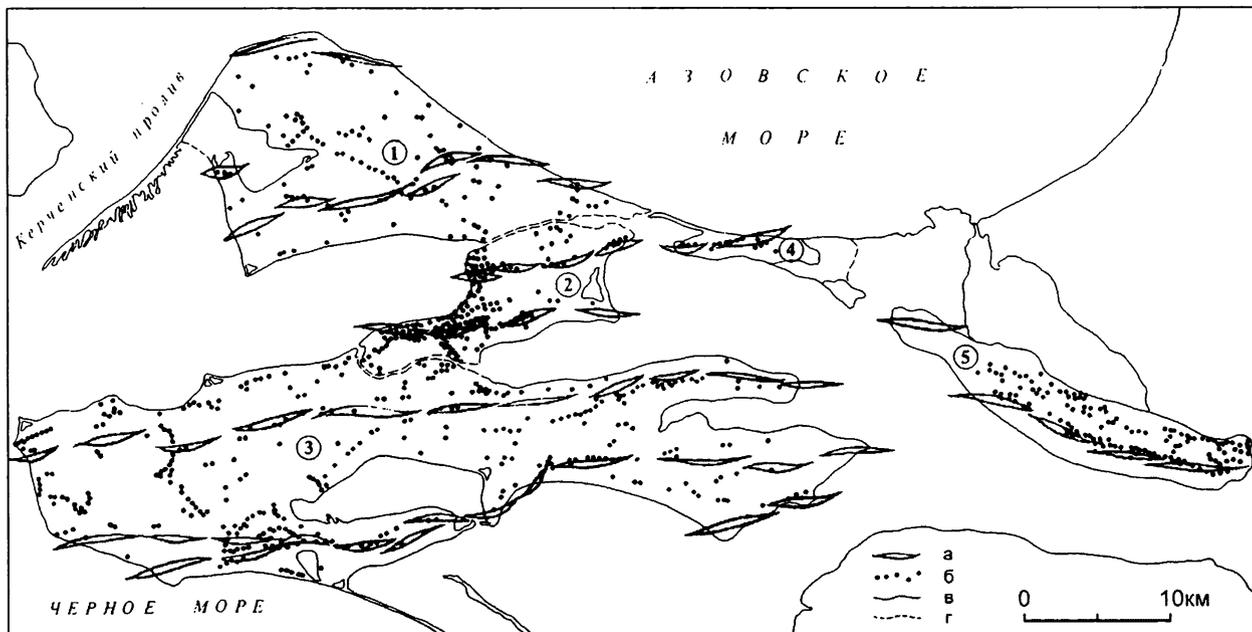

Рис. 1. Таманский полуостров. Элементы ландшафта и размещение курганов. 1 – Киммерийский остров; 2 – Фанагорийский остров; 3 – Синдика; 4 – Голубицкий остров; 5 – Кандаур; а – вулканические гряды; б – курганы; в – линии берегов; г – реконструируемые протоки

Эпоха бронзы известна по погребениям, случайным находкам и данным разведок. На территории полуострова насчитывается более 1300 курганов (рис. 1). В XIX – начале XX в. их раскопки шли исключительно под знаменем антиковедения. Первая сводка древних погребений включала всего 16 курганов (Спицын, 1899. С. 87–89), вторая – 27 (Коровина, 1964. С. 40, 41), сейчас их известно около 120 (Паромов, Гей, 2005. С. 321). Большинство исследованных памятников относится ко времени ранней (середина IV – первая треть III тыс. до н. э.) и средней (вторая треть III – начало II тыс. до н. э.) бронзы – к майкопской, новотиторовской, нижнемихайловско-новосвободненской и катакомбной культурам. Многие погребения представляют локальные варианты и отражают собственные таманские традиции. Расположение курганов в ландшафте свидетельствует о древнейших дорогах и связях полуострова с соседними регионами – Прикубаньем и Северным Кавказом, Крымом и Поднепровьем. По аналогии со Степным Прикубаньем можно предположить, что хозяйство древнего таманского общества было скотоводческое полукочевое со вспомогательным земледелием. Отсутствие повозок в погребениях говорит о передвижении жителей лишь на небольшие расстояния. По расчетам, в это время на территории полуострова могло проживать несколько небольших коллективов или родов. Наиболее обжитыми были его центральная (Фанагорийский остров), восточная (Кандаур) и юго-западная (Синдика) части.

В позднем бронзовом и раннем железном веке (вторая четверть II – первая треть I тыс. до н. э.) роль земледелия в общем хозяйственном укладе значительно повысилась. Кремневые вкладыши, каменные шлифованные песты, терочники, ладьевидные зернотерки и другие атрибуты раннего земледелия найдены при разведках в 40 пунктах Таманского п-ова. Главными предметами клада бронзовых орудий у п. Батарейка и близкого по характеру клада из ст. Курчанской были серпы. Оба клада занимают промежуточное положение между раннесрубными и белозерскими комплексами, соответствуя по времени сабатиновским памятникам XIII–XII вв. до н. э. (Сокольский, 1980; Паромов, Гей, 2005. С. 332–335).

В период греческой колонизации Северного Причерноморья (конец VII – начало V в. до н. э.) в Нижнем Прикубанье (включая Таманский п-ов) и Приазовье обитали меотские племена – синды, дандари и др. Во второй четверти VI в. на территории полуострова зародилась и быстро развивалась античная система расселения (рис. 2). В это время были основаны Гермонасса, Кепы, Патрей. В третьей четверти VI в. число поселений составило уже 31, включая Фанагорию, ставшую в дальнейшем главным городом Азиатского Боспора. К середине V в. их количество превысило 90. Столь быстрый рост объясняется не только благоприятными для сельского хозяйства природными условиями, но и греческой культурой землепользования, принесенной первыми

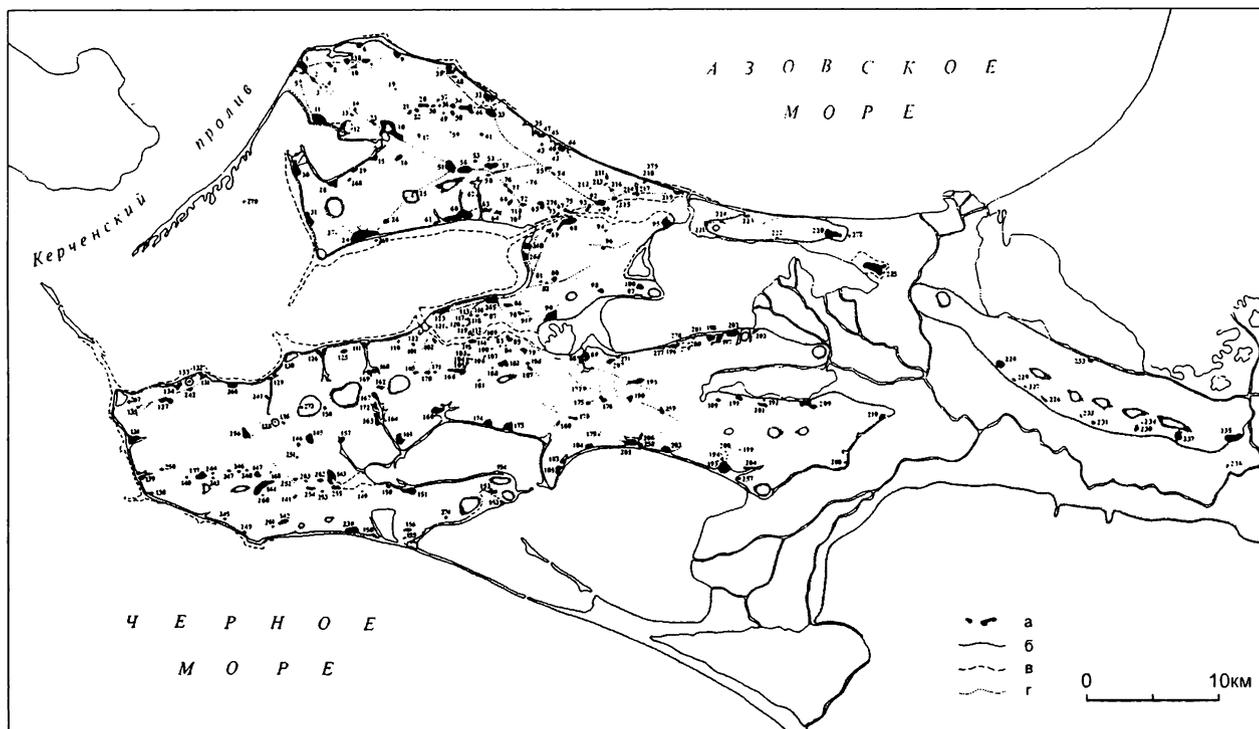

Рис. 2. Археологическая карта Таманского полуострова. а – поселения античного и средневекового времени; б – линии берегов; в – реконструируемые древние берега; г – древние дороги

колонистами и воспринятой местным населением. Уже для ранних этапов расселения были характерны развитая сеть дорог, иерархия населенных мест, межевание земельных наделов, устройство святилищ, гаваней, переправ. С V в. до н. э. Таманский п-ов входил в состав Боспорского царства. Экономика Боспора базировалась на производстве пшеницы. Только Афины ежегодно закупали здесь более 16 тыс. т хлеба. Почти половину его, согласно расчетам, мог поставлять Таманский п-ов, где в период расцвета (IV–II вв. до н. э.) число сельских поселений достигло 211. На Боспоре успешно развивались виноградарство, садоводство, огородничество. Кузнечное ремесло, обработка дерева, камня, ткачество появились со времени основания первых поселений и городов. Большого развития достигло монетное дело и производство всех видов керамической продукции. Ювелирные мастерские выпускали образцы высокого искусства. Заметную роль играла торговля с варварским миром. В больших курганах Таманского п-ова (Близницах, Васюринских, Артюховском, Зеленском, Буеровой Могиле) были погребены представители местной знати. Известные всему миру находки говорят об огромных богатствах и синкретическом характере боспорской культуры, основанной на греческом влиянии. С III в. до н. э. меняются внешние торговые связи Боспора: место Афин, Фасоса, Гераклеи занимают Родос, Кос, Синопа, далекий Египет.

В конце II в. до н. э. власть в Боспорском царстве перешла к правителю Понта Митридату VI Евпатору, за полвека истощившему финансовые, материальные и людские ресурсы Боспора в войнах с Римом, окончившихся поражением и гибелью царя в 63 г. до н. э. В этот период на Таманском п-ове более чем вдвое сократилось число поселений. Около полвека правители Боспора назначались или утверждались Римом, но в первые века н. э., при «сарматских царях», Боспор зависел от Рима лишь номинально, сохраняя, по сути, полную самостоятельность. Это время характерно большими демографическими изменениями, связанными с миграционными волнами представителей малоазиатских племен, южнопонтских иранцев и иудеев, зафиксированных в составе населения Фанагории наряду с представителями местных варварских племен и сармато-аланами (Даньшин, 1992). Однако греческая часть составляла не менее половины населения Фанагории. Античные традиции в культуре продолжали преобладать, государственным языком являлся греческий. I–III вв. н. э. были временем нового подъема сельской территории Таманского п-ова (число поселений снова возросло и превысило 140). Однако в это же время происходит угасание греческих традиций и усиление иудаизма, а позднее – христианства. Гибель Боспорского царства связана с нашествием варварских племен

во главе с готами и аланами в середине – третьей четверти III в. н. э. В IV в. прекратилась монетная чеканка, число поселений на Таманском п-ове сократилось почти в 5 раз. В ранневизантийский период (V–VII вв.) здесь насчитывалось лишь около 30 поселений, находившихся в округе Гермонассы, Фанагории и Кеп (едва ли уже бывших городами), около Ильичевского городища и на Кандауре (восточная часть полуострова).

Новый расцвет земель Таманского п-ова приходится на VIII – начало X в. В это время здесь сложился один из шести геоэтнических вариантов Хазарского каганата, материальную культуру которого определяли праболгары. Двумя центрами ремесла и торговли были портовые города Фанагория и Таматарха (на месте Гермонассы), экономической базой – более 80 сельских поселений, основанных преимущественно на местах заброшенных античных. В хозяйственном комплексе хазарского времени скотоводство преобладало над земледелием, площадь распаханых земель была на порядок меньше античной хоры. Ландшафт полуострова представлял собой множество небольших поселений с прудами для домашней птицы и водопоя скота, с лоскутами полей около поселений, с дорогами, их соединяющими, и все это – на фоне обширного степного пастбища, что, как и в эпоху бронзы, составляло его главную черту. В тмутараканский период (X – начало XII в.) общее число поселений на Таманском п-ове почти не изменилось, однако городской центр остался один – Тмутаракань (на месте Таматархи). Главными изменениями стали прекращение существования Фанагории (Плетнева, 1981. С. 15; Атавин, 1992. С. 173, 174) и сокращение поселений ее округа, связанные, вероятно, с изменениями природных условий. Хазарский и тмутараканский периоды были временем наивысшего подъема средневековой системы расселения на Таманском п-ове. В последующий, домонгольский период (XII – начало XIII в.) число поселений на его землях значительно сократилось. Отдельные погребения печенего-торческого круга и половецкое погребение, найденные в разных частях полуострова, могут говорить о постоянном давлении на него со стороны степей (Паромов, 2003. С. 151–170). Более поздние поселения относятся к золотоордынскому (середины XIII–XIV в.) и турецко-татарскому (XV–XVII вв.) периодам. Как и в ранние эпохи, в это время была заселена и освоена вся территория Таманского п-ова.

В заключение отметим редкое археологическое богатство этого региона. Обнаружение следов раннего палеолита делает его перспективным для поисков древнейших следов жизнедеятельности чело-

века. Последние пять с половиной тысяч лет представлены на его территории огромным количеством самых разнообразных памятников. Однако изучение их до настоящего времени однобоко. В сравнении с античным временем, публикации о памятниках других эпох численно составляют менее одного процента, а по объему – лишь тысячные доли одного процента. В связи с этим следует осознать, что для археологии всех эпох Таманский п-ов является таким же редчайшим заповедником, каким он стал для антиковедения. Исследования его должны носить комплексный характер.

- Атавин А.Г., 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. 1. М.
- Гёри К.К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.
- Гёри К.К., 1876. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М.
- Даньшин Д.И., 1992. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. (этнический состав и этнокультурные традиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Иессен А.А., Миллер А.А., 1932. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК. № 11–12.
- Коровина А.К., 1964. Некрополи Синдики VI–II вв. до н. э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Паллас П.С., 1883. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. XIII.
- Паромов Я.М., 1992а. Археологическая карта Таманского полуострова // Деп. ИНИОН РАН. № 47103.
- Паромов Я.М., 1992б. Очерк истории археологического топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1. М.
- Паромов Я.М., 2003. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII века. М. (Археология.)
- Паромов Я.М., 2008. Методика разработки современной археологической карты Таманского полуострова // Древности юга России: Памяти А.Г. Атавина. М.
- Паромов Я.М., Гей А.Н., 2005. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. М. Т. 8.
- Плетнева С.А., 1981. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. София. № 2.
- Сокольский Н.И., 1980. Таманский клад бронзовых орудий // СА. № 2.
- Спицын А.А., 1899. Курганы с окрашенными костяками // Зап. Русского Археологического общества. Т. XI.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
 Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2007. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка зоплейсто-

ценового возраста на Таманском полуострове // РА. № 3.

Dubois de Montpereux F., 1843. Voyage autour du Caucase. Paris. T. V.

И.И. Разгильдеева

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Чита

Планиграфия жилищно-хозяйственных структур: метод кругового моделирования

Развитие методов планиграфического анализа (ПА) в археологии тесным образом связано с историей исследования древних жилищ. Закономерности, проявляющиеся в локализации культурных остатков на участках «искусственно выделенного пространства с постоянно поддерживаемым микроклиматом, способствующим повседневной жизнедеятельности человека» (Шовкопляс, 1964. С. 28), отмечались исследователями изначально на основе визуальных наблюдений. Уровень их обоснованности зависел от степени научного опыта, методик раскопок, площади вскрытия, тщательности фиксации материала, геостратиграфических наблюдений. Внедрение уже на ранних этапах изучения комплексных подходов – раскопки Н.Ф. Кашенко (1889), И.Т. Савенкова (1915), Г.А. Бонч-Осмоловского (1924) и др. – создавало условия для первых планиграфических наблюдений. В 1923 г., предлагая классификацию памятников археологии, В.А. Городцов выделил среди структурных элементов комплексы типа «жилищ», с учетом внутренних планиграфических связей. Последующие исследования (середина 1920-х – 1930-х гг.) в европейской части России (Гагарино, Костёнки, Тельманская стоянка, Мезина, Авдеево, Пушкири и др.) и Сибири (Мальта, Буреть) актуализировали «жилищную» тематику. Предлагаются типологии жилищ, опирающиеся на планиметрические признаки и характер конструктивных элементов (Борисковский, 1956; Рогачев, 1962; Сергин, 1974; Тарасов, 1979). В научный оборот входит определение хозяйственно-бытового комплекса (Рогачев, 1962; Шовкопляс, 1964; 1965; 1977). Изучение пространственных закономерностей оформилось в планиграфическое направление (Гвоздовер, Леонова, 1977; Леонова, 1977; 1983; Александрова, 1973; 1974; 1990; Гречкина, 1984; Сергин, 1974; 1975; Васильев, 1987; 1992; и др.), чему в значительной степени способствовали и данные этнографических программ (Борисковский, 1958; Леруа-Гуран, 1966; 1972;

Binford, 1978; 1983). В научных работах апробируются критерии выделения скоплений и структурных взаимосвязей элементов, используются основы пространственного, статистического, математического, технико-типологического методов анализа. Уделяется внимание оценке информативности остеологических коллекций (Ермолова, 1985; Соффер, 1993; Leonova, Min'kov, 1998).

Открытие в Сибири и Забайкалье верхнепалеолитических комплексов, включающих простые и сложносоставные жилища, акцентировал внимание на детальном анализе внутреннего пространства хозяйственно-бытовых структур (Абрамова, 1979а; 1979б; Васильев, 1996; Акимова, 1998; Инешин, Тетенькин, 1998; Разгильдеева, 2001; 2002). Степень информативности данных при этом напрямую зависит от многоаспектности приемов ПА.

Общий характер материалов забайкальских многослойных поселений (тип «сезонных кратковременных охотничьих стоянок»; см.: Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2002) позволил в ПА жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК) использовать методику построения круговых моделей. Оценка планиграфии жилищных структур, имеющих четко выраженные границы округлых или овальных очертаний, проводилась с разделением внутренней площади ЖХК на сектора (с ориентацией по странам света) и периметры удаления. Условный центр (центры) определялся относительно очагов как основных структурирующих элементов комплексов. Ориентация систем по странам света основывалась на наблюдениях за организацией поселений – учитывались южное и северное направления. Округлым одноочажным структурам соответствует простая модель с единой системой координат (рис. 1: а), для многоочажных – модель состоит из нескольких систем (рис. 1: б). Это позволяет анализировать части сложносоставных ЖХК как самостоятельные структуры и выявлять их взаимодействие друг с другом и в целом.

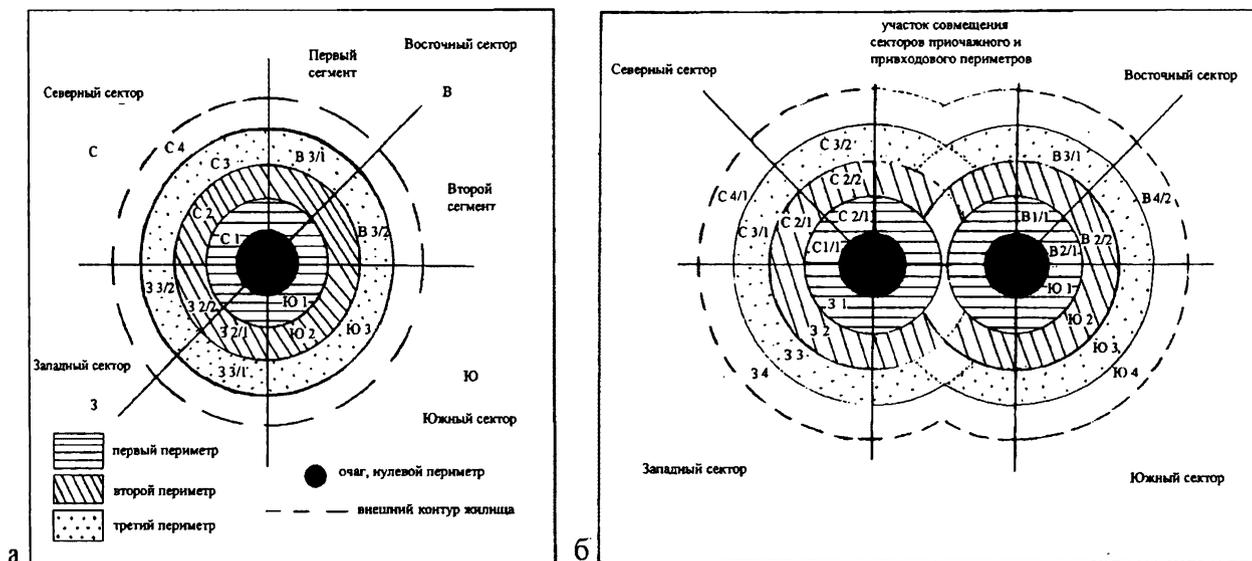

Рис. 1. Круговые модели одноочажного (а) и многоочажного (б) комплексов

Для построения общей круговой модели жилища по середине длинной оси (выбирается max) отмечается условный центр. При наличии округлой внешней обкладки он находится в точке пересечения длинных осей. Через центр проводится система координат (оси ориентированы по странам света и проходят по линиям румбов), которая делит внутреннюю площадь на четыре сектора (С, Ю, З, В). Относительно центра комплекса определяется месторасположение очага, смещение его в тот или иной сектор, при сложной линии внешней обкладки – направление изгибов, ориентация возможных входов и т. д. Приняв за константу, что деятельность людей была привязана к очагу, определяем его центр, через который проходит вторая система координат. Анализ распределения артефактов идет относительно второй системы координат по условным окружностям – «периметрам». Очаг – нулевой периметр. Условные границы последующих проходят через равное расстояние: радиус окружностей зависит от размера очага. Он соответствует диаметру очага, если последний не превышает 1 м, и равен радиусу при размерах более 1,2 м. Данная зависимость отражает соотношение между внутренней площадью жилищ и размерами очагов. Периметры имеют цифровые обозначения 1, 2, 3 и т. д. При ярко выраженной локализации зон скопления или для более точного определения их местоположения в удаленных периметрах сектор делится на два сегмента. Разделение проходит по основным линиям координат. Они получают цифровое обозначение внутри сектора 1, 2 по часовой стрелке (рис. 1: а). Таким образом, описание скопления находок в первом сегменте второго периметра восточного сектора будет выглядеть так: скопление находок «В 2/1».

В сложносоставных моделях системы координат строятся относительно каждого очага. Сохраняется ориентация и обозначение секторов по странам света и нумерация периметров, с уточнением описания принадлежности тому или другому очагу. Построение самостоятельных систем позволяет проследить наложение зон скопления артефактов, их направленность или расхождение с учетом предполагаемого развития деятельной ситуации, выявить закономерности во внутривидовых взаимосвязях. Именно сочетание метода развития деятельной ситуации (Инешин, Тетенькин, 1998) и анализа размещения скопления по секторам позволяет рассматривать вопросы относительной хронологии элементов сложносоставных комплексов. При наличии «внешних» групп камней, образующих элементы, не связанные с очажными конструкциями, на схемах выделяются периметры, ориентированные на соответствующие культурные компоненты с учетом тяготеющих к ним скопления артефактов.

Метод кругового моделирования использовался при анализе ЖХК культурных горизонтов финального палеолита поселений Студёное 1, 2 (Западное Забайкалье). Наиболее интересные наблюдения были сделаны по материалам сложносоставных комплексов (Студёное 2, к/г. 4/5, 5) (рис. 2). Результаты сопоставлялись с традиционными схемами французских исследователей (Leroi-Gourhan, Brézillion, 1972. P. 256; Binford, 1983) и экспериментальными данными (Мещерин, 1997). Планиграфия сложносоставных комплексов продемонстрировала следующие закономерности в распределении находок: 1) зоны внутренней активности тяготеют к очагам (нулевым периметрам) и зонам входов/выходов либо

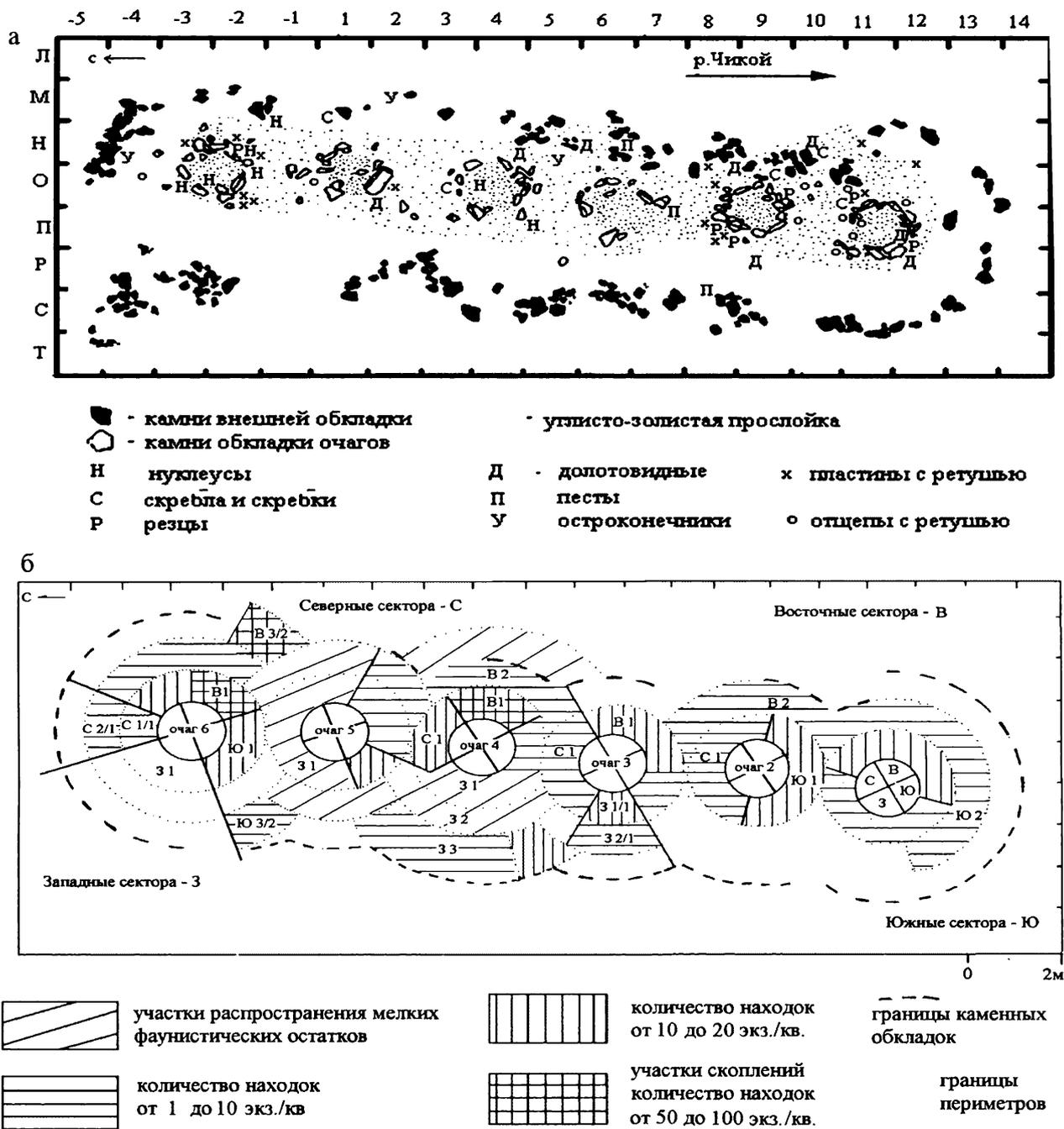

Рис. 2. Студёное 2. а – план жилищно-хозяйственного комплекса (к/г. 4/5); б – круговая модель

сторонам комплекса, не имеющим фиксированного ограждения; 2) очаги располагаются относительно друг друга на расстоянии, не превышающем размеры диаметров; 3) участки слоя около очагов с единой деятельной ситуацией распределяются по следующей схеме:

- между очагами количество каменных артефактов составляет до 10 экз. на квадрат, с преобладающим присутствием в заполнителе слоя мелких осколков костей;

- скопления находок по секторам, ориентированным в сторону входов (в конкретном случае восточный), с векторной направленностью по отношению друг к другу в первом, редко – втором периметре;
- специализированные скопления орудий связаны с «боковыми» секторами вторых периметров;
- «чистые» участки или участки с редкими находками находятся в противоположных входах секторах (западных);
- в «спальных» местах фиксируются локализо-

ванные скопления – «кучки» и узкие шлейфы мелких фаунистических остатков – свидетельства, по наблюдениям Л. Бинфорда (Binford, 1983. P. 162, 163), «утренних трапез».

Кроме того, наблюдения за внутренней поверхностью структур типа «жилище» показали, что в результате активной антропогенной депрессии в микрорельефе «пола» формируются соответствующие хозяйственным зонам «трассы». Поверхность обитания выполаживается, приобретает профиль искусственного микротеррасирования с асимметрично выгнуто-вогнутым контуром профиля. Эти закономерности были зафиксированы в ходе раскопок экспериментального чума (Мещерин, 1997), затем проявились в ходе ПА палеолитических комплексов поселения Студёное 2 и нашли аналогии в микрорельефе «пола» жилых комплексов палеолитического местонахождения Этьоле (Olive, 1988. P. 24, 34; Olive, Pigeot, 1990). При этом закономерности в планиграфии находят отражение и в планиметрических характеристиках хозяйственно-бытовых зон.

- Абрамова З.А., 1979а. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск.
- Абрамова З.А., 1979б. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск.
- Акимова Е.В., 1998. Позднепалеолитическое жилище – мастерская в 19 культурном слое стоянки Лиственка // Палеогеология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 1.
- Александрова М.А., 1974. Древнейшие нижнепалеолитические жилища и поселения // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л.
- Александрова М.В., 1990. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // КСИА. Вып. 202.
- Борисковский Н.И., 1956. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним // Докл. на V Междунар. конгрессе антропологов и этнографов. М.
- Васильев С.А., 1987. Проблемы реконструкции палеолитических стоянок в свете данных этноархеологии (обзор современной зарубежной литературы) // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.
- Васильев С.А., Бойко Н.Н., 1992. Палеолитические жилища стоянки Уй II на Енисее: опыт планиграфического анализа // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.
- Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б., 1977. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Проблемы палеолита восточной и центральной Европы. Л.
- Городцов В.А., 1923. Археология. М.; Л. Т. 1: Каменный период.
- Гречкина Т.Ю., 1984. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите: По данным планиграфии и ремонтажа материалов Кокоревских стоянок: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Ермолова Н.М., 1985. Охотничья деятельность человека // КСИА. Вып. 181.
- Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1998. Некоторые аспекты применения системно-деятельного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток.
- Кашенко Н.Ф., 1901. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Зап. Импер. АН по физико-математическому отделению. СПб. Т. XI. № 7.
- Константинов А.В., 2001. Древние жилища Забайкалья: Палеолит, мезолит. Новосибирск.
- Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита.
- Леонова Н.Б., 1977. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Леонова Н.Б., 1983. О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок // Вопросы антропологии. М. Вып. 71.
- Леонова Н.Б., 1985. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // КСИА. Вып. 181.
- Леонова Н.Б., 1990. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. Вып. 202.
- Разгильдеева И.И., 2001. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственного комплекса культурного горизонта 5 поселения Студёное 2 // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск.
- Разгильдеева И.И., 2002. Планиграфия культурного горизонта 3 поселения Студёное 2 // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке. Владивосток.
- Рогачев А.Н., 1962. Об ановско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. Вып. 92.
- Сергин В.Я., 1974. Палеолитические жилища европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сергин В.Я., 1975. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей // КСИА. Вып. 141.
- Соффер О.А., 1993. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянки на Русской равнине // РА. № 3.

- Тарасов Л.М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.
- Шовкопляс И.Г., 1964. Мезинская стоянка на Десне. К истории средне Днепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху: Дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Шовкопляс И.Г., 1977. Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М. № 47.
- Binford L.R., 1978. Dimensional analysis of behavior and site structure: learning from an Eskimo hunting stand // *American Antiquity*. Vol. 43. № 3.
- Binford L.R., 1983. In pursuit of the Past: Decoding the Archaeological Record. GDR.
- Leonova N.B., Min'kov E.V., 1998. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II // *Journal of Anthropological Archaeology*. 7.
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M., 1972. Fouilles de Pincevent: Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalénien (La section 36) // *Gallia Préhistoire*. Paris. Suppl. VIIe.
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M., 1966. L'habitation magdalénienne № 1 de Pincevent pres Montoreau // *Gallia Préhistoire*. Paris. 9.

О.С. Свешникова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

«Все едут в экспедицию, включая и меня...»*. О причинах участия в археологических экспедициях непрофессиональных кадров**

Археология, как всякая наука, представляет собой конвенциональное знание. Историографические исследования, получившие в последнее десятилетие широкое распространение в археологии, являются, по сути, реконструкцией процесса достижения конвенций по отдельным более и менее общим и частным вопросам. Кроме исторического, возможен еще и социологический подход – фиксация взаимодействия индивидов и групп. На уровне здравого смысла понятно, что в процессе получения знания, и археология здесь не исключение, большую роль играют отношения между различными организациями (институтами, кафедрами, лабораториями и т. д.), между отдельными учеными, отношения научного сообщества к конкретным ученым и институциям. Так, например, очевидно, что на признание научного открытия влияют такие понятия как «репутация» или «авторитет». Подходы, сложившиеся в социологии науки (довольно разнообразные и многочисленные к настоящему моменту), используются в изучении археологического знания довольно слабо и только в рамках ретроспективных исследований. Изучение современного состояния археологии не стало пока предметом внимания ни со стороны социологов, ни со стороны археологов.

Настоящая работа представляет собой попытку социологического взгляда на археологию. Для примера взята проблема участия в археологических экспедициях непрофессиональных кадров. Если посмотреть на состав экспедиций, то практически в каждой

кроме профессионалов-археологов, полупрофессионалов – студентов-практикантов и школьников-кружковцев, есть и непрофессионалы – люди, которые в обычной (городской) жизни никак не связаны с археологией. Что заставляет их тратить свой отпуск/каникулы на копание в земле, жизнь в крайне некомфортабельных условиях, а некоторых – делать это по много лет подряд?

Цель настоящего исследования – выявление мотивов участия в археологических экспедициях людей, профессионально не занимающихся археологией. При этом в качестве объекта изучения не рассматриваются те, кто ездит в силу семейных обстоятельств (супруги и дети археологов) или профессиональных обязанностей (водители, фотографы и прочие сотрудники учреждений, осуществляющих раскопки). Нас интересуют люди, добровольно участвующие в экспедициях. Также мы не рассматриваем участие местных жителей в изучении древностей в городах, т. е. раскопки, не связанные с отрывом от места постоянного проживания.

Исследование проводилось с использованием метода свободного и неструктурированного интервью. Было проведено 15 бесед на тему «Опыт участия в археологических экспедициях». В качестве респондентов выступили люди разного возраста, пола, профессии, времени участия в экспедициях. Исследование носит, говоря языком социологии, пилотажный характер, т. е., переводя на археологический, проведена разведка, заложен шурф.

В результате работы были сделаны следующие выводы. Установлено, что различаются причины первой и повторных поездок в экспедиции. Среди мотивов первого (иногда единственного) участия в экспедиции важное место занимает представление о раскопках как о возможности прикоснуться к древности своими руками. В рассказах о повторных поездках этот мотив не присутствует вообще. Некоторые респонденты указывают на несовпадение их представления об обращении с находками как на причину отказа от попыток поехать повторно. Причем это несовпадение может быть как результатом неожиданной для респондента строгости – «было так обидно, так хотелось ее (ножевидную пластину. – О.С.) себе в карман, прикарманить, это же мое» (Интервью с К.О., жен., 25 лет***), так и вольности – «конечно, такой шок был... как это выбрасывается, но нам сказали, все это неинтересно» (Интервью с Т.Г., жен., 34 года). Следует также отметить, что ни один из респондентов не помнил, что именно копали, т. е. информация о названии, датировке, культурной принадлежности памятника и пр. не является значимой для непрофессиональных участников раскопок. Одним из основных мотивов повторных поездок является особый тип межличностных отношений, складывающийся в экспедиции. Все респонденты, многократно участвовавшие в экспедициях, отмечают, что «там люди искренни до конца. И ты, получается, искренен до конца» (Интервью с К.А., муж., 20 лет).

Другие причины участия в экспедициях являются значимыми как для первых, так и для повторных поездок, и четко ранжируются по популярности. Наиболее часто в качестве мотива выступает возможность путешествовать, отдыхать на природе. Эта тема отражена в каждом интервью, но значение этого мотива варьирует в широких пределах – от простого упоминания о прекрасной природе места раскопок до таких рассказов: «Кияшко нас всех звал купаться на Дону. Там великолепные пляжи. Я даже не помню, что там копали. Мне было абсолютно все равно. Там великолепные пляжи и мы, аспиранты, там неделю грелись» (Интервью с В.К., жен., 64 года).

Второй популярный мотив – романтика: возможность вести непривычный образ жизни: жить в палатке, готовить на костре, не соблюдать режим дня, петь особые экспедиционные песни, употреблять спиртные напитки и т. д. Наиболее яркие рассказы об особой экспедиционной жизни принадлежат респондентам, участвовавшим в археологических экспедициях в школьные и студенческие годы. «Вот жизнь, она обыденная и скучная была. А тут возможность в какую-то необычную обстановку по-

пасть со своими сверстниками» (Интервью с Л.Е., жен., 57 лет).

Третий мотив – поездка за компанию. «У нас был скаут-лидер, который непосредственно учился на историческом, вот и мы в принципе собирались просто как бы в лагерь, там организовывать сами, но он предложил, то есть у него практика должна была быть. И он предложил, чтобы мы поехали вместе с ним» (Интервью с Г.К., жен., 24 года).

Четвертый мотив, указанный студентами и выпускниками худграфа, – это «попытка найти новое вдохновение» (Интервью с Е.Д., муж., 47 лет).

Пятый мотив – педагогический. «У меня был воспитательный мотив. Я ездила в экспедицию со своим чадом. Трудный возраст моего ребенка требовал каких-то неординарных мер воспитания, и я решила, что экспедиция – это совершенно другое место, совершенно другая общность людей, которая может отвлечь от уличной жизни» (Интервью с В.К., жен., 64 года).

Следует отметить, что среди мотивов участия в раскопках непрофессиональных кадров отсутствует их научная значимость. Даже если респондент отмечает интерес к результатам раскопок, – «Когда при тебе находят берестяную грамоту и к вечеру тебе ее интерпретируют, ну, прочитают, в общем, это балдеж полный» (Интервью с К.С., муж., 52 года), – он никогда не является основанием для участия в экспедиции.

Анализируя взаимосвязь характеристик респондентов (пола, возраста, рода занятий и т. д.) и мотивов их участия в экспедициях – независимых и зависимых переменных, говоря языком социологии, – кроме отмеченных выше, можно указать еще два момента. Во-первых, чем старше становится человек, тем большее значение для него приобретают межличностные отношения (другие мотивы становятся, соответственно, менее значимыми). И наоборот, чем меньше возраст участника экспедиции, тем реже он обращает внимание на отношения и тем более значима экспедиционная романтика. Во-вторых, не существует взаимосвязи между причинами участия в археологических экспедициях и полом респондента.

Перспективы исследования связаны с необходимостью проведения массового опроса участников экспедиций, что позволит уточнить, подтвердить или опровергнуть полученные в ходе пилотажа выводы и, возможно, установить региональные особенности.

Возможности использования социологических подходов и методов в изучении археологии довольно широки и охватывают такой круг тем, как профессиональная социализация археолога, факто-

ры выбора археологии в качестве специализации, причины разочарования в археологии, специфика и значение различных способов научных коммуникаций (конференции, публикации, выставки, личные контакты), структура научного сообщества, ценности и нормы научной деятельности и т. д.

*А. Милн. «Вини-Пух и все-все-все». Пересказ. с англ. Б. Заходер.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МК-3087.2008.6.

*** В соответствии с правилами, принятыми в социологии, интервью используются в анонимизированном виде.

К.М. Свирин

Тверской государственный университет

Языческие ритуальные объекты в археологических исследованиях: к вопросу о терминологии

Разработанный терминологический аппарат является обязательной составляющей всех научных исследований. Термин и понятие, которое он определяет, необходимы для точной идентификации предмета исследования. Незавершенность терминологии вынуждает исследователя объяснять вновь используемый термин.

В области изучения двух основных категорий археологических памятников – поселений и погребений – проблемы терминологии решены, по крайней мере, на макроуровне, при обозначении основных видов археологических объектов («стоянка», «селище», «городище», «город», «курган», «грунтовый могильник» и т. д.). Например, «селище» – это неукрепленное поселение, относящееся к эпохе, когда человечество уже знало фортификацию, напротив, поселения этого периода, имевшие оборонительные сооружения, именуются «городищами» (Археология, 2006. С. 8).

В области изучения культовых памятников (в данном случае речь идет о языческих памятниках) существуют серьезные проблемы терминологического характера. Прежде всего это связано с незавершенностью системы признаков культовых объектов (а в более широком контексте – с проблемой выделения культовых комплексов в археологическом окружении). Исследователи часто относят к культовым памятникам все, что не обладает признаками объектов жилого (бытового) назначения и носит необычный характер, в силу этого и используемый комплекс терминов настолько неоднородный, что совершенно размывает единую категорию памятников с культовой функцией. До сих пор термины, употребляемые при описании культовых памятников, не вошли в научный археологический язык как некая устоявшаяся и принимаемая всеми терминологическая система.

В.Н. Седых в одной из своих работ привел далеко не полный перечень используемых в данной области терминов: «“Святылище”, “капище”, “культовый объект” (вар.: “культовый центр”, “культовое место”), “жертвенник” (вар.: “жертвенное место”, “жертвенная площадка”), “ритуальный комплекс”, “языческий храм”, “курган”, “сакральный объект”, “городище-святылище”, “священное место” (“священный дуб”, “священная роща”)...» (Седых, 2000. С. 16).

В основном исследователи оперируют двумя наиболее распространенными терминами: *святылица* и *культовые места*. Обычно *святылица* трактуется как «собираемый термин для обозначения места, где совершаются какие-либо культовые отправления во всех ранних и развитых формах религии» (Религиозные верования, 1993. С. 184), либо как «место совершения религиозных обрядов, которое считалось местопребыванием божества» (Токарев, 1976. С. 95). В.А. Семенов дает более развернутое определение: «в роли святылица может выступать любой изолированный (окруженный стеной, валом, рвом) участок, расположенный в условном центре Мира, вокруг которого разворачивается организованное пространство (космос)... Важнейшими функциями святылица являются периодические жертвоприношения... и определенные ритуалы...» (Семенов, 2000. С. 183). Исследователь славянских культовых древностей И.П. Русанова определяет святылица как «специальные сооружения, где находился идол и постоянно совершались моления и жертвоприношения» (Русанова, 1992. С. 53). Автор вводит в определение *качественные археологические* характеристики – искусственные сооружения, наличие материального предмета поклонения – идола, продолжительность использования. Исследователь вос-

точносибирских святилищ А.В. Тиваненко также одним из признаков святилища называет продолжительность функционирования: «святилище – долговременный комплекс, вобравший объекты культового характера различных эпох и в силу своей древности получивший общеплеменное (общеродовое значение)» (Тиваненко, 1989. С. 5). Однако в данном случае автор относит к святилищам петроглифы.

Понятию «святилище», как правило, противопоставляется понятие «культовое место». И.П. Русанова к культовым местам относит «жертвенные площадки» и «жертвенные ямы», устроенные человеком по определенному поводу, а затем оставленные. Главными отличиями от святилищ является непродолжительность использования и отсутствие идола. А.В. Тиваненко также относит к культовым местам недолговременные ритуальные объекты, связанные с жизнью одного или нескольких поколений.

Отметим, что на первоначальном месте идолы сохраняются лишь в исключительных случаях. Кроме того, известны варианты устройства жертвенных ям перед предметами поклонения. Балтские ритуальные комплексы позднего средневековья (напр., Падевайтис, Антакмене) состояли из предметов поклонения в виде культовых камней, рядом с которыми выявлены жертвенные ямы (Урбанавичюс, 1971. С. 420, 421). В данном случае непонятно, можно ли эти памятники относить к «святилищам» (в терминологической системе И.П. Русановой). Продолжительность использования культового сооружения также является спорным признаком при отнесении памятника к святилищу или культовому месту. Большинство так называемых «культовых мест» Северо-Востока Европейской России функционировало не менее нескольких веков и даже тысячелетий (Хэйбидя-Пэзара, Городецкое, Канинское, Уньинское, Адакское). Таким образом, очевидно смещение признаков святилищ и культовых мест, выделяемых разными исследователями.

Продуктивным представляется мнение исследователя культовых памятников народов Севера А.А. Бурькина (2000. С. 180, 181). Автор предлагает различать понятия «культовые места» и «святилища» в плане осмысления членения окружающего пространства носителями археологической культуры с сакральными целями. Термин «святилище» можно применять к объектам, имеющим признаки создания определенной пространственной структуры (строения с ритуальными функциями), признаки полифункционального использования естественно-ограниченного пространства (например, пещерные комплексы) или признаки маркировки какой-то части пространства с сакральными целями. В случае с «культовыми местами» не предполагается наличие

материальных признаков намеренного изменения или разметки структуры пространства, полифункциональности использования пространства или создания строений, границы культовых мест характеризуются меньшей определенностью и материально не выражены.

Нередко дефиниции предмета исследования даются исходя из конструктивных особенностей культового памятника или специфики отправления культа: «пещерные святилища», «открытая культовая площадка», «городище-святилище» (Балина, 2000. С. 162; Смирнова, 2000. С. 150; Тимошук, 1989. С. 75).

Авторские определения, как правило, включают этнические, стадийные, хронологические и территориальные различия культовых памятников, которые часто несопоставимы при попытке обобщения понятия «святилище» как археологического памятника. Следует также отметить, что за терминологическим разделением на виды стоит некое ранжирование памятников, и может сложиться субъективное впечатление о неразвитости у отдельных этносов системы культовых памятников (например, у славян есть святилища, а у угров – только жертвенные места), что в корне неверно, поскольку у этносов доминанта развития структуры культовых памятников могла быть разной (например, у славян в раннем средневековье при создании святилища основная идея могла быть связана с пространственно-организующими мотивами, а у финно-угров Европейского Северо-Востока – с жертвенными мотивами). При этом, несомненно, комплексы жертвенных вещей являются таким же существенным признаком структуры культового памятника, как и разные типы сооружений (жертвенников, ограждений, культовых построек и т. д.), и должны анализироваться с ними в общем контексте.

Учитывая современный уровень изучения проблемы, на данном этапе предлагаем рассматривать культовые памятники в рамках единого понятия «святилище» либо использовать его синоним «ритуальный археологический комплекс», понимаемый как совокупность (комплекс) жертвенных вещей и/или культовых сооружений и/или предмета поклонения, являющихся результатом действий, связанных с какой-либо магической или религиозной практикой. При этом считаем обоснованным включать в категорию «святилищ» и так называемые «жертвенные ямы», «жертвенные площадки», «культовые места» и т. д., поскольку все эти объекты, безусловно, входят в единую категорию памятников с ритуальной функцией, а морфологические признаки лишь демонстрируют степень развитости их конструкции. Дальнейшее возможное развитие терминологии в данной области может оказаться

продуктивным только с учетом выделения особых групп ритуальных комплексов и их археологических диагностирующих признаков. Современное состояние источников пока не позволяет дать четкого терминологического разделения для памятников с разной конструкцией.

Археология: Учебник / Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. М., 2006.

Балина Н.Н., 2000. К археологической реконструкции Канинского и Уньинского пещерных святилищ на Печорском Урале // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Мат. тематич. науч. конф. СПб.

Бурыкин А.А., 2000. Культурные места и святилища коряков и чукчей: к изучению материала на стыке археологии и этнографии // Там же.

Религиозные верования // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1993.

Русанова И.П., 1992. Культурные места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // РА. № 4.

Седых В.Н., 2000. Святилища, кумиры, храмы... // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Мат. тематич. науч. конф. СПб.

Семенов В.А., 2000. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство // Там же.

Смирнова М.Е., 2001. Открытые культурные площадки северного побережья Самбии // Практика и теория археологических исследований. М.

Тиваненко А.В., 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск.

Тимошук Б.А., 1989. Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ // Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. тр. Киев.

Токарев С.А., 1976. Святилище // БСЭ. М. Т. 23.

Урбанавичюс В., 1971. Языческие святилища XVI–XVII вв. в Литве // АО 1970 г.

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН

Проблемы реконструкции сооружений из дерева (по данным археологии)*

Специфика исследования археологических деревянных предметов

Изучение разнообразных археологических конструкций и предметов из дерева ведется очень давно и достаточно интенсивно. Тем не менее, проблема получения максимальной информации о первоисточнике остается актуальной. В первую очередь это имеет отношение к деревянным конструкциям. При их изучении сбор адекватной информации во многом зависит не только от степени сохранности археологического памятника, но и от методики его исследования (Вадецкая, 1981. С. 56).

Доскональный анализ археологических деревянных предметов в поле имеет существенное значение. Основной процент информации по технологии обработки дерева добывается во время полевых изысканий. Лишь незначительную часть дополнительных сведений удается получить в камеральных условиях. В первую очередь это относится к погребальным сооружениям. Погребальные сооружения из дерева, оставаясь наиболее трудоемкими и консервативными в плане технологии изготовления деревянными предметами, хранят в своей архитектуре, традициях обработки поверхностей древесины, особенностях изготовления узлов и деталей отличительные осо-

бенности, присущие данной культуре, данному этническому образованию. Поэтому так важно во время археологических раскопок в каждом этапе работ собирать максимум информации об источнике.

Статистика показывает, что по разным объективным и субъективным причинам у деревянных погребальных сооружений (срубов), за редчайшим исключением, в ходе раскопок должным образом не проводится необходимое полное комплексное обследование с фиксацией всех особенностей монтажа конструкции и обработки ее деталей снаружи и изнутри. Чаще всего изучаются только внутренние поверхности бревен и плах, внешние остаются за пределами интересов большинства исследователей.

Случается, что в ходе работ по исследованию курганов с деревянными конструкциями, даже очень хорошей сохранности и у достаточно опытных исследователей, принимавших непосредственное участие в раскопках, в силу ряда объективных и субъективных причин, появляется значительная часть неадекватной (неправильной) информации о первоисточнике, которая с годами все более облекается в искаженные формы. И как следствие этого, даже по прошествии многих лет после исследования памятников, возникают дискуссии, затрагивающие

вопросы достоверности первоначально полученных сведений (Гаврилова, 1996, с. 91–93; Марсадилов, 2000. С. 105–107).

Нам представляется, что эти разногласия в определении истинности (*подлинности, достоверности*) добытых в свое время артефактов и их атрибуции, сокрыты в неразработанности методики фиксации всех нюансов общего вида и деталей деревянных предметов в процессе раскопок и, как следствие – в недостаточном объеме извлекаемой информации о первоисточнике.

Основные проблемы исследования древней деревообработки

1) неоднородность состояния используемых источников, которая обусловлена различиями их структурных и качественных характеристик, находящихся в прямой зависимости друг от друга: сохранность – следы обработки – пригодность для исследований и реконструкций;

2) многочисленность реконструкций типов жилищ, погребальных сооружений и погребальных лож, построенных на анализе вторичных и косвенных источников с привлечением некорректных аналогий этнографического времени;

3) ускоренное введение не верифицированных реконструкций в научный оборот, которые, становясь привычными, переходят из одной публикации в другую и используются в качестве неких эталонов (Медведев, Несмеянов, 1983. С. 113);

4) отсутствие единой системы универсалий – общепринятых понятий и терминов. Нередко археолог использует в исследовательской практике свой собственный арсенал обозначений предмета, его узлов и деталей, технологических операций, приемов и способов обработки дерева. Отсюда возникают различия в определении вида и конструкции одного и того же предмета исследования;

5) отсутствие единой системы комплексного анализа источников.

Особенности изучения внутримогильных погребальных сооружений

Внутримогильное погребальное сооружение является наиболее трудным для изучения, в силу того, что оно помещено в узкую и тесную могильную яму, границы которой исследователь не может нарушить по определению, предписанному правилами общепринятой методики. Прирезкой, расширяющей рабочее пространство, можно уничтожить один из важнейших источников дополнительной информации по стратиграфии. В силу этих причин, например, в Горном и Центральном Алтае у подавляющего большинства раскопанных до 90-х годов прошлого века погребальных сооружений из дерева не были изучены должным образом внешние поверхности срубов,

не была зафиксирована на фото общая архитектура сооружения, не была проведена его ландшафтная реконструкция. Об общем виде погребальной конструкции следующие поколения исследователей могут судить только по воссозданным и интерпретированным художниками преимущественно двухмерным моделям в виде чертежей, разрезов и планов конструкций внутри могильной ямы и редким фотографиям процесса изучения деревянной конструкции в поле. Между тем, подлинный внешний вид, архитектурные и технологические особенности древних строений, досконально выявленные и зафиксированные в процессе раскопок, имеют важное значение в плане получения достоверной информации об объекте исследования в полном объеме, равноценном этнографическим наблюдениям за действующими постройками (Мыльников, Парцингер, Чугунов, Наглер, 2002; Мыльников, 2006; Молодин, Парцингер, Цвээндорж, и др. 2006; Мыльников, Молодин, Парцингер и др., 2007).

Проблемы интерпретации археологических строений из дерева

Комплексное изучение деревянных конструкций происходит, как правило, по следующей схеме: планиграфический, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический и трасологический анализы – мыслительный эксперимент (теоретические построения) – физический эксперимент (изготовление реплик-копий) – этнографические сравнения и графическое моделирование – поиск проявления стереотипов методами технологического, трасологического, планиграфического экспериментов – культурно-историческая интерпретация материала (Глушков, Бородовский, 1988. С. 27–29; Молодин, Глушков, 1989; Волков П.В., 2000. С. 30–35; Васильев, 2000. С. 6–21). Окончательная реконструкция строительных сооружений бывает представлена в следующих вариантах.

1. *Условная (умозрительная)*. При полном отсутствии дерева и следов-признаков деревообработки исследуются форма и параметры котлована, порядок расположения столбовых ям и ровиков по периметру и в центре объекта (конфигурация, глубина, ориентация и угол наклона, расстояние друг от друга и т. п.). Внешний вид объекта, устройство стен, крыши, перекрытий потолка и настила пола воссоздаются предположительно (умозрительно). Для технолога такая реконструкция дает минимум специальной информации по технике и технологии обработки дерева, т. к. не содержит ни материала, ни следов его обработки.

2. *Фрагментарная (частичная, неполная)*. Устанавливаются и изучаются порядок расположения отпечатков бревен в стенках могильной ямы и

жердей на дне, стратиграфическое залегание слоев древесного тлена, сгнивших или обгоревших остатков конструкции. За исключением отдельных деталей с фрагментарно сохранившимися следами-признаками, все остальное – внешняя форма конструкции, устройство стен, вид крыши, способ перекрытия потолка, типы угловых сопряжений, наличие и технологические особенности дверных и оконных проемов воссоздаются условно.

3. *Целостная (практически полная)*. Полуистлевшие конструкции в момент раскопок почти всегда имеют частично сохранившиеся следы-признаки обработки материала. Но все это деградированное дерево, кроме отдельных наиболее сохранившихся частей или образцов для дендрохронологического анализа, ввиду сложности или невозможности консервации и хранения приходится оставлять на месте. Досконально изучаются и многократно фиксируются на фотографиях, видеопленке и в чертежах форма объекта, размеры и особенности каждой детали конструкции, порядок и взаимное расположение венцов бревен, угловых сопряжений и т. д.

4. *Эталонная*. Стопроцентно целостные объекты, как правило, всегда подвергаются музеефикации. Они, к сожалению, встречаются крайне редко, преимущественно в курганах с мерзлотными образованиями. Хорошая сохранность таких образцов позволяет проводить технико-технологические исследования на этнографическом уровне.

Важно учитывать, что при любом виде интерпретации деревянных конструкций должна решаться двудеиная задача по реконструкции типа сооружения (архитектура – внешний вид предмета, элементы, детали) и способа его создания (технология изготовления деталей и узлов, монтаж конструкции). Иными словами, чтобы установить, как это сделано, следует изучить обработку поверхности каждой части каждого предмета, угловые сопряжения, способы перекрытия, виды настилов и т. д. Если эти требования не соблюдаются, то в результате получаем половинчатое решение задачи. Кроме того, существуют также реконструкции типов жилищ по глиняным моделям, наскальным рисункам, письменным источникам, этнографическим описаниям, устным преданиям. Разумеется, все введенные в научный оборот реконструкции имеют право на существование, однако проведение сравнительно-типологического анализа в рамках детальных комплексных исследований по технике и технологии деревообработки предполагает взвешенный, критический отбор этих реконструкций, основанный на полном соответствии технико-технологических данных предлагаемых образцов максимальному объему информации заключенной в первоисточниках.

Проблемы классификации археологических деревянных конструкций

Широкое разнообразие видов строительных конструкций и техник их возведения сформировало проблему классификации древних деревянных построек, которая до сих пор окончательно не разработана. Главная трудность систематизации такого рода археологических как впрочем, и этнографических памятников, заключается в сложности выбора основного принципа классификации (Засурцев, 1959. С. 277-289; Грацианская, Листова, Токарев, 1968. С. 8-9).

Исследовав остатки десятков деревянных «гробниц», В.С. Ольховкий убедился, что «конструкция их не всегда ясна, в ряде случаев классификация предположительна». Тем не менее, комплексный анализ позволил ему выделить три типа степных гробниц (1978, 1991. С. 40; Мелюкова, 1989. С. 55). Являясь, на наш взгляд, наиболее приемлемой, данная классификация была построена на конкретных региональных особенностях архитектуры погребальных сооружений. Она, к сожалению, не учитывает общего принципа технологии изготовления всего многообразия типов строительных конструкций из дерева (принцип возведения стен, угловые сопряжения, особенности перекрытия, настила пола, дополнительные сооружения), а в основном отражает внешние морфологические признаки предмета.

В исследовательской практике существует несколько подходов к классификации этого вида памятников, основанных на использовании данных какого-то конкретного научного направления: этнографический, археологический, архитектурный (внешний вид и интерьер), технологический (особенности устройства конструкции и ее деталей). Каждая система исследований имеет свои плюсы и минусы. Лучшим, на наш взгляд, является комплексный подход, когда применяется весь арсенал накопленных знаний об источнике, приняв на начальном этапе за основной один из наиболее значимых – технологический.

* Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН: №№ 2.1.; 2.9.; 2.11.; Гранта Президента РФ по поддержке научных школ НШ – 1648.2008.6.

Вадецкая Э.Б., 1981. Археологический и этнографический аспекты исследования погребальных памятников//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Васильев В.Г., 2000. Экспериментальное моделирование археологических жилищ. (По материалам памятников неолита-бронзы таежной зоны Среднего Приобья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

- Волков П.В., 2000. Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // Археология, этнография антропология Евразии. № 4.
- Гаврилова А.А., 1996. Пятый пазырыкский курган. Дополнения к раскопному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы Международной конференции. СПб.
- Глушков И.Г., Бородовский А.П., 1988. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск.
- Грацианская Н.Н., Листова Н.М., Токарев С.А., 1968. Типология народного жилища в странах зарубежной Европы // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М.
- Засурцев П.И., 1959. Постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М.
- Марсадалов Л.С., 1996. Краткое послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы Международной конференции. СПб.
- Медведев Г.И., Несмеянов С.А., 1988. Типизация культурных отложений и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск.
- Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баирсайхан М., Байтлеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиенонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г., 2006. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск.
- Мыльников В.П., 2006. Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск.
- Мыльников В.П., Парцингер Г., Чугунов К.В., Наглер А., 2002. Элитное погребальное сооружение из дерева в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2002 г.). – Новосибирск.
- Мыльников В.П., Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., 2007. Новое о конструкциях погребальных сооружений из дерева у носителей пазырыкской культуры в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. – Новосибирск.
- Ольховский В.С., 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. № 4.
- Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной скифии (VII–III вв. до н. э.). М.
- Самашев З.С., Мыльников В.П., 2004. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11, могильника Берел). – Алматы (на англ., рус., яз.).

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет

Семантика колокольчиков и бубенцов в культуре селькупов

Этнографические свидетельства, собранные у нарымских селькупов, отчетливо показывают, что так же как культурам других таяжных этносов, им свойственно употребление в обрядовой практике шумящих предметов идеофонов (колокольчики, бубенцы, колоколовидные предметы). Остановимся на некоторых аспектах семантической составляющей таких предметов.

Наиболее ранним таким примером стало описание обряда камлания шамана «самоеда», использовавшего ритуальные стрелы с колокольчиками

(Костров, 1867. С. 8). В 1950–1970-е гг. Г.И. Пелих выделила в культуре селькупов этно- и культуропоказательный компонент *киенкум* (или *А*), для которого свойственно использовать колокольчики в погребальном обряде, а под носовой выступ шаманской и погребальной лодки *ронтык* крепить колокольчики типа *ронтка* (Пелих, 1972а. С. 13–14; 1972б. С. 15, 86, 87). По сведениям Г.И. Пелих, *киенкум* наиболее явно проявился в культуре локально-диалектной группы палеоселькупов «*шиешгула*». Верхний хронологический предел указанных этнографом ритуа-

лов фиксировался в XVII в., а нижний, как можно понять, на ранней фазе становления этноса. У северной группы селькупов колокольчики отмечены в качестве подвесок к шаманской колотушке: «...к лопатке колокольчик привязан. Это большой шаман» (Пелих, 1980. С. 55). Этнографические источники, таким образом, послужили отправной точкой для археологического поиска, в результате которого идеофоны палеоселькупов стали предметом настоящего изучения.

В 1950-е гг. А.П. Дульзоном были обнаружены первые археологически документированные образцы шумящих подвесок интересующего нас типа. В погребениях XVI в. Пачангского могильника найдены маленький серебряный колокольчик и медный бубенец (Дульзон, 1955. С. 119), а в захоронениях XVII в. Остяцкого могильника – нашивки из привозных (русских) наперстков. Последние, по мнению А.П. Дульзона, не использовались в те времена по их прямому назначению (Дульзон, 1955. С. 113), а следовательно, несли статус имитаторов обычных колокольчиков.

Исследования 1970 – начала 1990-х гг. существенно дополнили собрание идеофонов и расширили географические пределы их распространения. При этом большая их часть выявлена в погребениях «*шиешгула*» (Пелих, 1981. С. 49–50, рис. 2), некрополи которых в названный период изучались наиболее интенсивно.

Корпус находок, собранный автором в могильниках Барклай на р. Чая и Кустовский на р. Кёнга, включает материалы от XIII–XIV вв. до середины XIX в., и лишь четыре идеофона, т.е. так же мало, как у А.П. Дульзона. Два колокольчика было найдено в захоронениях, один бубенец также был в погребении, а второй – среди прикладов поминального столба на многоактном кургане. Этим ограничились находки из 170 вскрытых погребений двух достаточно крупных некрополей. Статистически цифра необыкновенно мала, а объяснения такой ситуации пока нет. Не исключено, что колокольчики и бубенцы на ранних этапах были просто малодоступны населению нарымской тайги и укладывались в погребения только в исключительных случаях.

В этом смысле достаточно наглядным аргументом выступает обрядовая специфичность объектов, хранивших данные предметы. Погребение с колокольчиком в Барклае, где были захоронены женщина 18–20 лет и ребенок 3–5 лет, отличалось необыкновенно богатым набором украшений одежды: бронзовые накладки, бисер, бусы. Но самой большой неожиданностью стали 11 немецких счетных жетонов XVII в. Небольшой бронзовый колокольчик находился не на теле умерших, а в пространстве между ко-

лен женщины. Очень похожая ситуация зафиксирована М.П. Грязновым в могильнике Тоянов городок, где было вскрыто погребение женщины 14–20 лет, у правой голени которой лежал колокольчик. И вновь это рядовое захоронение молодой женщины с обильным и дорогостоящим инвентарем. В ногах, в отличие от других погребений, стояли два сосуда (Грязнов, 1976. С. 87, табл. VI-20).

Примерно то же можно сказать о находке колокольчика в Кустовском могильнике. Этот образец находился в погребении ребенка 5–7 лет. Как и названные выше захоронения, оно отличалось особой спецификой: помимо украшений в нем было два глиняных сосуда, поставленных один в другой.

Находки бубенцов также сопряжены с необычными объектами. Экземпляр шаровидной формы из белого металла (серебро?) найден в кургане 15, который, помимо неординарности обряда, располагал редким по представительству (для данного могильника) набором бронзовых колоколовидных и плоских зоо- и орнитоморфных подвесок XIII–XIV вв.

Совокупность этнографических и археологических свидетельств сливается в единую систему представлений, суть которой обнаруживается в раннеписьменных и фольклорных источниках ранних цивилизаций. Реплики древних мировоззрений сохранились в селькупской среде, воплотившись в материализованные символы прошлых времен. К таким выводам приводят результаты исследований Г.И. Пелих, находившей аналоги отдельным элементам культуры селькупов в культурах Передней и Средней Азии (Пелих, 1963). Сопоставление ритуалов показывает, что совпадения носят не случайный, но системный характер, позволяющий экстраполировать идейную канву от древности к этнографической современности.

В какой-то мере подтверждением долгого пути идеофонов на томской земле стали находки колоколовидных подвесок в Еловском могильнике поздней бронзы, колокольчиков раннего железного века из памятников на Старом мусульманском кладбище и у Малой Киргизки, а также колоколовидные подвески средневековья. Практически все ранние образцы генетически уходят в культуры юга и запада, где собственно и зародились идеофоны как сакральное средство борьбы с нечистыми силами. В Китае они появляются в III тыс. до н.э. в Эрлитоу, а широко распространяются к эпохе Шань (Есипова, 1993. С. 237). В Сибири изображения колокольчиков наносят на афанасьевские и окуневские плиты в конце III тыс. до н.э. (Шейкин, 2002. Рис. 3), что убеждает в идейной близости населения двух далеко отстоящих территорий. О том, в чем они заключаются, много сказано в работах о китайском экзорцизме и

борьбе с демонами (Гроот, 2001. С. 351; Малявин, 2001. С. 245). Убедительно показал значение колоколов в качестве гонителей нечисти Д.Д. Фрезер, осветивший проблему на широкой географии (Фрезер, 1983. С. 524–525).

Д.К. Зеленин в свое время писал, что магическую роль металлических колокольчиков, отгоняющих своим звоном нечистую силу, еще в 1897 г. выяснил P. Sartori. В подтверждение он приводит массу примеров из апотропеической практики изгнания злых сил у европейских и сибирских народов и приходит к выводу, что вся их польза в звоне (Зеленин, 1999. С.120–121).

Распространенное толкование роли колокольчиков у сибирских этносов сходится, словами хантов, в одном: «..колокольчики – охрана от злых духов». Например, через кладбище ездили только с колокольчиками, только так «черти ничего не сделают» (Материалы по... С.161). Алтайцы полагали, что идеофоны «служат шаману броней данной от бога. При нападении злых духов шаман ограждает себя от них...при помощи звона» (Анохин, 1994. С. 39).

Дело шамана, ударявшего палочкой по стрелам с колокольчиками, завершается, «когда появляются духи» (Костров, 1867. С. 8). Считалось, что шаман звоном призывал духов помощников, с приходом которых он начинал обряд. Ритуалы призывания зафиксированы В.Н. Чернецовым в медвежьем празднике манси. Шаман прячется под шкурой медведя, а помощник звонит в колокольчик, призывая духов. Перед началом «танцев» по домам поселка ходили два человека со стрелами с колокольчиками и звоном созывали жителей (Источники... С. 42, 239). Колокольчики выступают в качестве своеобразных магических идеофонов сигнального назначения.

Объяснение надобности колокольчиков в погребальном обряде не столь много. К.Ф. Карьялайнен считал, что колокольчики на перекладинах над могильными домиками северных остяков (ненцы – Ю.О.) своим звоном радуют умерших (Карьялайнен, 1995. С. 117). В реальности же колокольчики были призваны защищать могилы от посягательств потусторонних существ, стремившихся забрать душу умершего. С другой стороны, постоянно существовала опасность со стороны души умершего в адрес живых. Ее возвращение в поселок могло нести опасность, присущую неуспокоенной человеческой душе. Колокольчики своим звоном отпугивали как тех, так и других, перекрывая им вход-выход из могилы. Находясь же внутри могилы, колокольчики

и бубенцы выполняли знаковую апотропеическую роль, располагаясь на границе двух миров. В добавок к звону, духи боятся света и блеска металла, особенно светлого, это в свою очередь усиливает отвращающую способность металлических идеофонов.

Второй бубенец, вероятнее всего, был подвешен на поминальный столб, имитирующий своей искусственной кроной мировое древо, и также нес специфическую идейную нагрузку. К.Ф. Карьялайнен по этому поводу писал: «...Кажется, повсеместно принято подвешивать на дереве священного места медные колокольчики, которые должны своим звоном радовать духа (Карьялайнен, 1995. С.117). Возможно, как и в случае с могилами, бубенец выступал здесь апотропеем, магически защищавшими умерших и живых от демонических сил.

- Анохин А.В., 1994. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск.
- Грязнов М.П., 1976. Дневники раскопок Тояного городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Вып. 19. Томск.
- Де Гроот Я.Я.М., 2001. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае. М.
- Дульзон А.П., 1955. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби // Ученые записки Томского государственного педагогического института.. Томск.
- Есипова М.В., 1993. Колокола Восточной Азии – их функции и семантика. М.
- Зеленин Д.К., 1999. Магическая функция примитивных орудий // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М.
- Карьялайнен К.Ф., 1995. Религия югорских народов. Т. II. Томск.
- Костров Н., 1867. Томские самоеды // Томские губернские ведомости. Томск.
- Малявин В.В., 2001. Китайская цивилизация. М. Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978.
- Пелих Г.И., 1963. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов // Сборник трудов исторических кафедр. Томск.
- Пелих Г.И., 1972а. Происхождение и история селькупов. Атореф. дисс. ...д.и.н. Томск.
- Пелих Г.И., 1972б. Происхождение селькупов. Томск.
- Пелих Г.И., 1981. Селькупы XVII века. Новосибирск.
- Пелих Г.И., 1980. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск.
- Фрезер Дж.Дж., 1983. Золотая ветвь. М.

С.Н. Гринченко

Институт проблем информатики РАН, Москва

Развитие человечества, часть 1: кибернетическое моделирование процесса

Структура и приспособительное поведение Мироздания (системы Природы в самом широком смысле этого слова) может быть интерпретировано – на соответствующем уровне абстракции – на языке теории управления, т.е. в терминах структуры и приспособительного поведения **единого информатико-кибернетического иерархического механизма** (поисковой оптимизации энергии) (Гринченко, 2004, 2007). Модифицируя его вид, удастся выявить основные особенности составляющих Мироздание систем неживой, живой и социально-технологической природы, включая особенности их развития. Рассмотрим последнюю систему подробнее, введя для удобства следующие обозначения:

– *метаэволюцию* как процедуру наращивания уровней/ярусов в иерархической системе в ходе ее формирования как таковой;

– *метафазу* как период развития метаэволюционирующей системы между возникновением в ней смежных ярусов в иерархии;

– *меташаг* как момент возникновения в метаэволюционирующей системе нового яруса в иерархии;

– *Человечество-И* как Человечество, находящееся на *И*-й метафазе метаэволюции социально-технологического.

Сформулированы (Гринченко, 2007) следующие основные утверждения о закономерностях прогрессивного развития Человечества:

«Утверждение 0. Системная причина прогрессивного развития Человечества: известные в истории Человечества *кардинальные “прорывы”* в его развитии, которые обычно называют *“технологическими революциями”* (например, аграрной, промышленной, компьютерной и т.п.) имеют своими системными причинами возникновение соответствующих *информационных факторов*, или *информатико-управленческих технологий* (как-то: возникновения компьютеров, книгопечатания, письменности, речи/языка, и т.д.)».

Это утверждение утверждает лишь *приоритетность* в прогрессе Человечества именно *информационных факторов* – не отрицая при этом важную роль целого ряда иных факторов его развития: освоения огня, domestikации, изобретения колеса, технологий использования бронзы и железа, и т.п.

«Утверждение 1. Соответствие последовательности моментов возникновения инфор-

мационных факторов прогрессивного развития Человечества схеме метаэволюции “человеко-искусственного”: моменты *кардинального* расширения спектра *информационных факторов* прогресса Человечества (т.е. начала возникновения – в потенции – новых прогрессивных *информатико-управленческих технологий*) соответствуют *меташагам* метаэволюции иерархической системы “человеко-искусственного” на Земле».

Последнее сопряжено с *кардинальным* увеличением сложности (и, тем самым, возможностей) *расширенной системной памяти* социально-технологической системы Человечества (т.е. памяти структур, иерархически вложенных в рассматриваемый элемент, о его прошлом приспособительном поведении, расширенной за счет учета антропогенных влияний, как отдельных людей, так и их сообществ).

«Утверждение 2. Меташаги метаэволюции “человеко-искусственного” определяют следующие события – информационные перевороты, – играющие кардинальную роль в развитии Человечества:

0) начало процесса цефализации позвоночных (в рамках вырожденной до одного яруса системы «Задолго-до-Человечества-0», и – одновременно – иерархической системы живого);

1) возникновение гоминоидов *Hominoida* (и трехъярусной иерархической системы Человечества-1);

2) возникновение «человека прямоходящего» *Homo erectus* (и пятиярусной иерархической системы Человечества-2);

3) возникновение «человека разумного» *Homo sapiens* (ЭВРИ-человека), обладающего речью и языком (и семиярусной иерархической системы Человечества-3);

4) начало создания АГРО-людьми письменности (и возникновения девятиярусной иерархической системы Человечества-4);

5) начало создания ПРОМ-людьми технологии тиражирования информации (и возникновения одиннадцатиярусной иерархической системы Человечества-5);

6) начало создания компьютерной (КОМП) аппаратуры (и возникновения тринадцатиярусной иерархической системы Человечества-6);

7) начало создания КОСМ1/сетевой аппаратуры

(и возникновения пятнадцатиярусной иерархической системы Человечества-7);

8) начало создания КОСМ2/нано-аппаратуры (и возникновения семнадцатиярусной иерархической системы Человечества-8);

9) начало создания КОСМ3/субнано-аппаратуры (и возникновения девятнадцатиярусной иерархической системы Человечества-9);

10) начало создания ЗВЁЗД1/пико-аппаратуры (и возникновения двадцатидвоярусной иерархической системы Человечества-10); и т.д.».

Таким образом, указанные события возникают в истории развивающегося Человечества не случайно, а подчиняясь некоторой, весьма фундаментальной закономерности, определяемой системными свойствами Человечества как целого.

«Утверждение 3. Длительность лидирования метафаз, т.е. периодов между меташагами, метаэволюции “человеко-искусственного”: длительность каждого последующего периода меньше длительности предыдущего в $e^e = 15,15426\dots$ раз».

Подобная – т.е. зависящая от e^e – закономерность ранее выявлена для иерархических систем живой и неживой природы (Гринченко, 2004). Именно эта закономерность определяет, как представляется, основную периодизацию истории Человечества как системы:

«СЛЕДСТВИЕ Утверждения 3 (математическое): Все возможные меташаги метаэволюции “человеко-искусственного” уже состоялись (причем последние из них произошли в начале 80-х гг. XX столетия)».

То есть прообразы всех возможных иерархических подсистем, составляющих Человечество, уже сформировались, и теперь его развитие состоит в их эволюции и коэволюции.

«Утверждение 4. Пространственные характеристики ярусов в иерархии “человеко-искусственного” совпадают с таковыми для соответствующих ярусов в иерархии живого».

Наконец, актуально

«Утверждение 5. Длительность периодов запаздывания активизации технологических революций в историческом прошлом Человечества

(до завершения его метаэволюции): длительность каждого последующего периода – от момента меташага социально-технологической метаэволюции (т.е. информационного переворота) до “момента активизации” инициируемой им технологической революции – меньше длительности предыдущего в $e^e = 15,15426\dots$ раз».

Предлагаемая **базисная интерпретация** модельных структур иерархической системы Человечества (последовательно усложняющихся в процессе его метаэволюции) и расчетных значений их параметров (пространственно-временных характеристик) как **идеальных**, к которым **реальные** структуры и параметры *стремятся* в ходе своего «воплощения» (но не обязательно достигают этого), имеет важное значение. Как представляется, *идеальные* структуры и параметры можно рассматривать как наиболее *эффективные энергетически*. Тогда степень отклонения «реальности» от «идеала» отражает возможности по увеличению энергетической эффективности, потенциально имеющиеся у конкретного объекта, но не реализовавшиеся в процессе его метаэволюции, эволюции и текущего приспособительного поведения.

Базируясь на вышеприведенных гипотезах и положениях и используя некоторые дополнительные соображения, удастся наметить следующие основные этапы (*метафазы*) социально-технологической метаэволюции Человечества, т.е. выявить *основную периодизацию* его истории (табл. 1).

На весьма упрощенных схемах (примеры, актуальные для рассматриваемой темы, приводятся на рис. 1 и 2) ход социально-технологической метаэволюции Человечества можно представить себе довольно наглядно.

Гринченко С.Н., 2004. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). М. (электронная версия: <http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/>)

Гринченко С.Н., 2007. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М. (электронная версия: http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/book_2/)

Таблица 1. Основные характеристики метаэ

Расчётное время начала формирования (лет назад, гг.)	Формирующийся субъект метаэволюции
415,0-440,7 млн.	Цефализация позвоночных ⇒ организменная память
132,1 ÷ 148,1 млн.	млекопитающие, птицы ⇒ головной мозг
53,0 ÷ 56,3 млн.	высшие позвоночные ⇒ протопозы
27,4-29,1 млн.	ПСЕВДО-гоминиды (Hominoidea) + ПСЕВДО-позы
8,7 ÷ 9,8 млн.	гоминиды (Hominidae)
3,51 ÷ 3,72 млн.	австралопитеки ⇒ протомими-ка/протожесты
1,81-1,92 млн.	КВАЗИ-люди (Homo erectus) + КВАЗИ-мимика/КВАЗИ-жесты
577 ÷ 647 тыс.	"гейдельбергский человек"
224 ÷ 238 тыс.	«пресапиентные» неандертальцы эпохи мустье, проторечь/протоязык
119-127 тыс.	ЭВРИ-люди (Homo sapiens) + речь/язык
38,0 ÷ 42,6 тыс.	ЭВРИ'-люди: всеобщность использования речи/языка (верхнепалеолитическая революция)
15,25 ÷ 16,15	ЭВРИ"-люди: макросемья пра-языка, протописьменность эпохи верхнего мадлен
7,9-8,35 тыс.	АГРО-люди + уникальные тексты (письменность)
2,5 ÷ 2,8 тыс.	АГРО'-люди: революция носителя письменной информации
916 ÷ 976 гг. н.э.	АГРО"-люди: развитая алфавитная письменность, прототехнологии тиражирования информации (ксилография)
1431-1461	ПРОМ-люди + тиражированные тексты
1796 ÷ 1816	ПРОМ'-люди: промышленная революция
1912 ÷ 1914	ПРОМ"-люди: офсетная печать, электронный триггер
1946	КОМП-люди + компьютерная аппаратура
1969 ÷ 1970	КОМП'-люди: микропроцессорная революция
1976 ÷ 1978	КОМП"-люди: «локальные протосети»
1978-1980	КОСМ1-люди + сетевая аппаратура
2003 ÷ 2004	КОСМ1'-люди: мобильная сетевая телефонная революция
2 месяца в период 1980 ÷ 1982 гг.	КОСМ1"-люди: «прото-КОСМ1/наноаппаратура»
1980-1982	КОСМ2-люди + КОСМ2/наноаппаратура
1980-1982	...

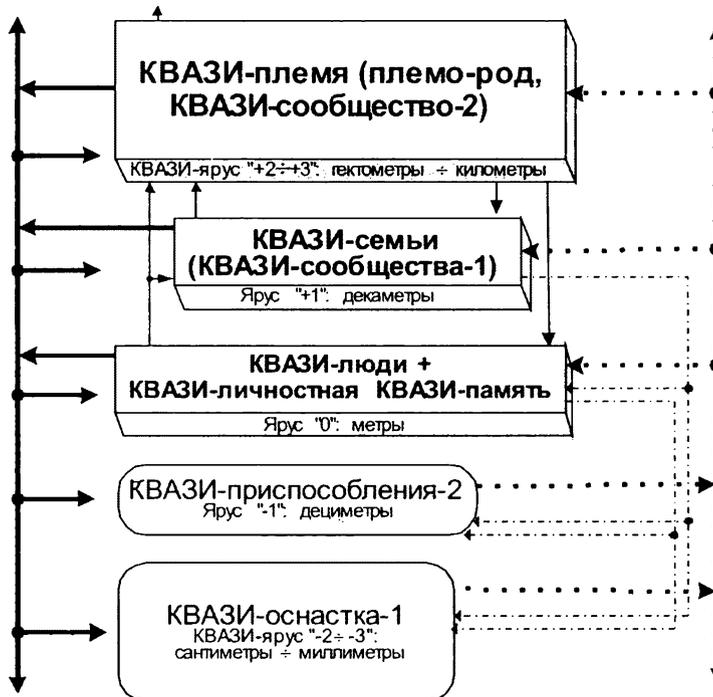

Рис. 1. Иерархическая подсистема № 2 Человечества (КВАЗИ-Человечество)

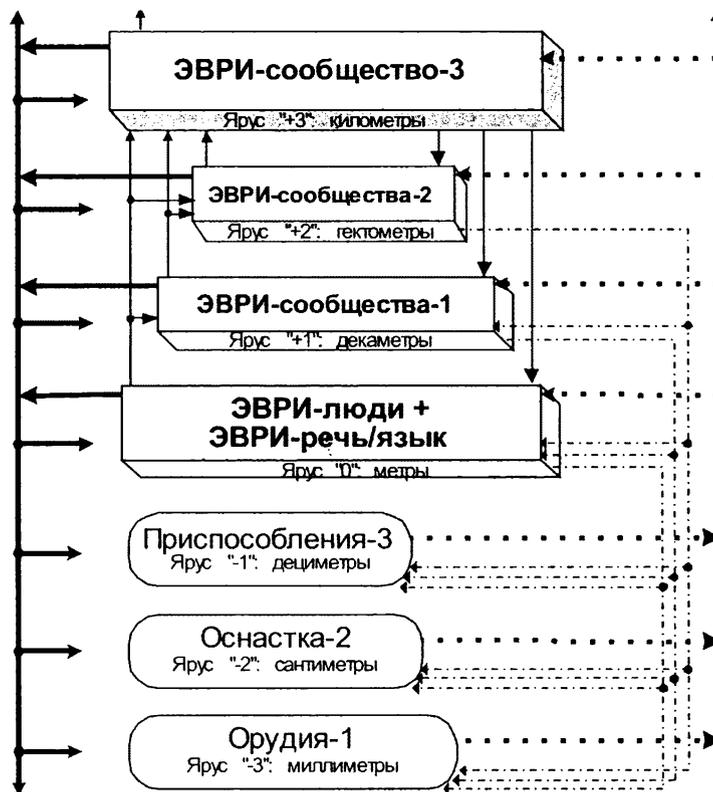

Рис. 2. Иерархическая подсистема № 3 Человечества (ЭВРИ-Человечество)

Примечание к рис. 1, 2: полужирными стрелками в левой части схем показана активность индивидов и их групп, которую целесообразно трактовать как «трудовую деятельность по созданию соответствующего инструментария»; пунктирными полужирными стрелками в правой части схем – процессы применения этого инструментария и вовлечения их результатов в «тело» соответствующей иерархической подсистемы Человечества.

Ю.Л. Щапова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Развитие человечества, часть 2: материальное производство в археологическую эпоху (концепция и археологическая модель)

Археологическая эпоха (далее АЭ) – это период возникновения материального производства, социальной организации и духовной культуры в пространстве ойкумены. Отсчет ее времени ведут с появления предков человека около 6,8 млн. л. назад.

Содержание и предмет изучения АЭ – все виды производства, его энергообеспечение, информация, культура и интеллект человека, которые изменяются с течением времени. По отношению к ним время выступает в качестве уникального, объединяющего начала. Существует два образа времени, физическое и историческое. Кроме того, существует археологический «Образ времени – 3», сочетающий признаки того и другого. Образы времени связывают АЭ воедино с историей живого на Земле и историей Человечества. Значение целостного рассмотрения хронологии и периодизации АЭ возрастает. Информатико-кибернетическая (Гринченко, 2007, 2008) и математическая (Щапова, 2005) модели хронологии и периодизации АЭ не зависят от археологического контекста. Модели были верифицированы и интерпретированы каждая отдельно, а также в сравнении друг с другом и с хронологией, принятой в археологии (Гринченко, Щапова, 2008).

В качестве математической модели хронологии и периодизации АЭ предлагается использовать ряд Фибоначчи (далее – РФ), каждый член которого, начиная с третьего, равен сумме двух предыдущих (1–1–2–3–5–8–13–21–34–55–89–...), а соотношение смежных членов стремится с его ростом к «золотому сечению». Если добавить к числам наименование «тысяч лет», то этот ряд с достаточной точностью

моделирует известную археологическую хронологию (Щапова, 2005).

Периодом (обозначен в записи РФ длинным тире) будем называть промежуток времени, заключенный между двумя соседними числами ряда (подробнее см.: Щапова, 2005. С. 129–150).

Результат такого модельного представления – дополнение к хронологии периодизации и принятому в археологии делению на «века» (палеолит, неолит, энеолит, бронзовый, железный) и их отделы: ранний (нижний), средний и поздний (верхний). Каждая строка в таком модельном ряду – своего рода макроединица процесса, всего их восемь (табл. 1). Вторая строка этой таблицы моделирует более древнюю эпоху, чем нижний палеолит, ее я назвала археолитом. Первая же строка – дополнение, отражающее предысторию АЭ.

Анализ показывает, что все макроединицы имеют трехфазную структуру: скрытая фаза – явная фаза – скрытая фаза. Явные фазы в палеолите имеют по три периода, во всех остальных – по два. Явные фазы последовательно замещают друг друга, на этом основана номинативная периодизация «веков»: олдован, ашель, мустье, верхний палеолит и далее. Скрытая фаза становления, два ее периода, предваряет явную, конец одной фазы и начало другой точно совпадают (возможно, что такие совпадения приоткрывают структуру макроэволюционных процессов, составляющих АЭ). Скрытая фаза инволюции следует за явной.

Первая скрытая фаза – фаза становления (один или два периода), вторая – фаза исчезновения, или инволюции (всегда один период). Скрытые фазы, параллельные явным, почти удвоили продолжитель-

Таблица 1. Хронология и периодизация АЭ (математическая модель)

28657–17711–10946–6765–4181–2584–1597

6765–4181–2584–1597–987–610–377

1597–987–610–377–233–144–89

377–233–144–89–55–34–21

89–55–34–21–13–8–5

21–13–8–5–3–2

5–3–2–1–1

2–1–1

ность АЭ. Согласно рассматриваемому алгоритму, скрытая фаза становления – это время становления последующей явной фазы. Полная эволюция каждой макроединицы представлена графически (рис. 1)

Синхронизация макроединиц эволюции внутри хронологической модели не только подтвердила очевидное, но и выявила некоторые новые закономерности и особенности.

Фрагмент таблицы рассмотрим подробнее, начиная с 6765 тыс. л. = 6,8 млн. л. – с появления *Hominidae*, по А.П. Бужиловой. На уровне 2584 тыс. л. появился *Homo habilis*, хабилиновые и приспособленная галька; на уровне 377 тыс. л. последняя оставалась известной, а *Homo habilis* и хабилиновые исчезли. Это первый пример того, насколько разная историческая судьба техноценоза и его создателя: развитие техноценоза – своего рода континуум, у истоков нового техноценоза стоит новый носитель. В той же строке на уровне геометрического пика, в середине II млн. л. (по модели, – это 1597 тыс. л.), появился архантроп, скрытая фаза эволюции которого началась тотчас. Он и станет носителем следующего, ашельского техноценоза. Примерно около 600 тыс. л. складывается классический ашель, согласно модели, он существует с уровня 610 тыс. л. В геометрический пик строки, соответствующей нижнему палеолиту и ашелю, на уровне 377 тыс. л., возникнет новый носитель, и техноценоз еще более усложнится.

Появление *Homo habilis* в археолите на рубеже первого и второго периодов явной фазы было закономерным. Эволюция АЭ – нелинейный процесс, развертывающийся по меньшей мере в две параллели. В столбцах на уровнях 1597, 377, 89, 21, 5 и 2 тыс. л. по три строки, в остальных случаях по две. Строенные моменты времени удобно назвать узловыми. В эти моменты завершается скрытая фаза инволюции одной макроединицы, явная фаза актуальной достигает геометрического пика, и начинается период скрытой фазы становления следующей.

Кстати: узловой момент – это целая тысяча лет, в течение которой сменилось 30–40 поколений. Для закрепления возникшей новизны достаточно не более половины.

Узловые моменты открывают, закрывают и делят каждую строку (всего их восемь). Интервал между соседними узловыми моментами (по нисходящей) в 4,2 раза больше предыдущего, интервалы между периодами – в 1,618 раза. Последняя величина соответствует «золотому сечению», первая – ему же, возведенному в третью степень. «Космическая гармония», «золотое сечение» процессов эволюции и развития в АЭ заканчивается на уровне 5 тыс. л.

Возможно, что эволюция человека, начиная с 5 тыс. л., обрела новую специфику. Из пошаговой модели техноценоза, построенной с учетом узловых моментов, следует, что потенциал, которым техноценоз обладал исходно (на уровне 2584 тыс. л.), раскрылся полностью тоже к 5 тыс. л., пройдя через критические точки согласованной модели (Гринченко, Шапова, 2008).

Основная идея предложенной модели: эволюция и развитие материального производства в АЭ представлены как процесс закономерный, внутренне согласованный и управляемый общими законами эволюции, и поэтому предсказуемый, если смотреть на него в ретроспективе, идя от сложного к простому, к его истокам.

Гринченко С.Н., 2007. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.

Гринченко С.Н., 2008. Развитие Человечества, часть 1: кибернетическое моделирование процесса (в настоящем сборнике).

Гринченко С.Н., Шапова Ю.Л., 2008. Развитие Человечества, часть 3: кибернетическое и математическое моделирование (в настоящем сборнике).

Шапова Ю.Л., 2005. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М.

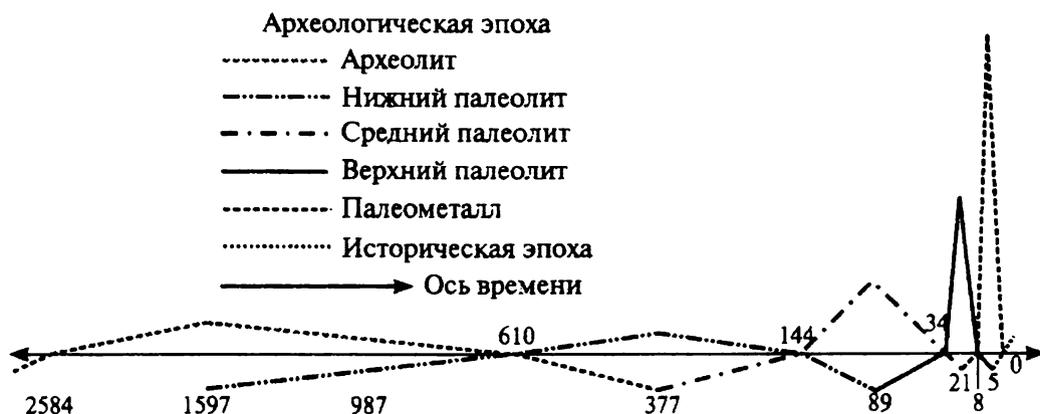

Рис. 1. Эволюция макроединиц эволюции в хронологической модели

С.Н. Гринченко

Институт проблем информатики РАН, Москва

Ю.Л. Шапова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Развитие человечества, часть 3: кибернетическое и математическое моделирование

Структура и развитие Человечества могут быть интерпретированы – на соответствующем языке и уровне абстракции – в терминах структуры и приспособительного поведения *иерархической информатико-кибернетической системы* (Гринченко, 2007). Такая модельная интерпретация обеспечивает не только качественные, но и количественные оценки основных характеристик моделируемого объекта. В частности, длительности периодов между моментами возникновения новых ярусов в иерархии социально-технологической системы Человечества, определяющими соответствующие «информационные перевороты» в его истории, соотносятся как $e^e = 15,15426\dots$. Следует указать, что это значение знаменателя геометрической прогрессии, характерное для природных систем, впервые получено А.В.Жирмунским и В.И.Кузьминым (1982) при исследовании критических уровней в процессах развития биосистем; будем называть ряд с таким знаменателем РЖК.

Схема основных этапов развития Человечества в археологическую эпоху (в своей скрытой форме начинающейся около 6,8 млн. лет назад) может быть представлена математически (Шапова, 2000, 2005) – с помощью ряда Фибоначчи (РФ), каждый член которого, начиная с третьего, равен сумме двух предыдущих, а соотношение смежных членов стремится с его ростом к «золотому сечению» (соответственно 1,618034... либо 0,618034...).

Эти работы отражают количественно наблюдаемое археологами и историками качественное явление, которое иногда называют «ускорением исторического времени» (об этом писали И.М. Дьяконов, С.П. Капица, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев и др.). Понятно, что степень успешности той или иной трактовки хода исторического развития Человечества (на соответствующем его этапе) определяется предъявлением фактов, которые смогли бы подтвердить адекватность качественной и, тем более, количественной модели такого развития. Настоящая работа содержит такие факты, причем в сопоставлении для обоих предлагаемых подходов: кибернетического (на основе иерархической модели системы Человечества и соответствующего ей РЖК (Грин-

ченко, 2007, 2008)) и математического (на основе РФ (Шапова, 2005, 2008)).

В этой связи необходимо отметить, что расчеты на основе кибернетической модели (т.е. использующие РЖК) относятся к оценкам *длительностей последовательных периодов* в процессе развития Человечества, а расчеты на основе математической модели (т.е. использующие РФ) – к оценкам *абсолютных возрастов* соответствующих событий в этом процессе. Эти модели, описывая различные временные ряды, впрочем, могут взаимно дополнять друг друга и демонстрировать совпадающие тенденции. При этом оценки и кибернетического, и математического расчетов всегда ориентировочны, поскольку точность хронологических оценок, на которые они опираются, всегда ограничена.

Сопоставим обсуждаемые кибернетический и математический подходы и сведем результаты расчетов и их интерпретации в таблицу 1. Анализируя ее содержание, приходим к следующим основным выводам:

1. Констатируем: интерпретация математического РФ как ряда временных дат, *исчисляемого в тысячах лет*, является вполне приемлемой для сопоставлений как с эмпирической информацией, так и с соответствующими результатами расчетов по РЖК.

2. РЖК и РФ *дополняют* друг друга (последний заполняет лакуны, образующиеся в РЖК по той причине, что его знаменатель почти на порядок больше знаменателя «золотого сечения», аппроксимирующего РФ). Вследствие этого их следует использовать для периодизации археологической эпохи совместно, в качестве средства задания реперных/ориентирующих точек.

3. Строки таблицы 6-7, 9-10, 15-16, 19-20, 23-25 и 28-29 вполне можно считать совпадающими, поскольку рассогласование между расчетными цифрами в них не превышает 11%, 13%, 13%, 6%, 18% и 18% соответственно, что находится в рамках точности имеющихся эмпирических оценок.

4. Сопоставление РЖК и РФ позволяет выявить соответствие оценок дат событий, относящихся к *материальным и информационным маркерам* в развитии Человечества.

Таблица 1. Периодизация археологической эпохи: расчетные данные и интерпретация результатов кибернетического и математического подходов

Кибернетический подход (РЖК $e^e = 15,15426\dots$)		№ п/п	Математический подход (РФ: 1-1-2-3-5-8-13-21-34-55-89-...)	
1	2	3	4	5
Интерпретации	Расчётная дата, тыс. лет до н.э.	№п/п	Расчётная дата, тыс. лет до н.э.	Интерпретации
Hominoidea (появились ~28,4±0,1 млн. лет назад); общение на базе ПСЕВДО-поз; начало формирования ПСЕВДО-технологий с точностью ~28 см (Гринченко, 2007)	29080-28230-27390	1	28663	Не входит в археологическую эпоху
		2	17714	Не входит в археолог. эпоху
		3	10949	Не входит в археолог. эпоху
Технологическая революция: появление Hominidae около 9 млн. л.; начало формирования ПСЕВДО-приспособлений	9790- 9260-8740	4		Не входит в археолог. эпоху
Первые австралопитековые: Sahelanthropus tchadensis 6–7 млн. лет назад, Orrorin tugenensis > 6 млн. л.		5	6765	Первая скрытая фаза археолита (Щапова, 2005)
Australopithecus anamensis 4,2-4,12 млн. л.		6	4181	Вторая скрытая фаза археолита
Australopithecus afarensis 4–3 млн. лет назад, Kenyanthropus platyops 3,5 млн. лет назад, Australopithecus bahrelghazali 3,5–3 млн. л., Australopithecus africanus 3,5–2,5 млн. л.; общение на базе протомимики/протожестов	3720-3615-3510	7		Эолиты
Homo habilis 2,4 млн. л.		8	2584	Первая явная фаза археолита: «приспособленная галька» (Щапова, 2008), чопперы по М.Лики
Homo ergaster (1,8-2 млн. л.); общение на базе мимики/жестов; начало формирования КВАЗИ-технологий с точностью ~1,8 см	1920-1860-1810	9		
Homo erectus (1,7-1,6 млн. л.)		10	1597	Вторая явная фаза археолита, первая скрытая фаза ашеля; (Щапова, 2005); технокомплекс чоппера и пики
		11	987	Третья явная фаза археолита, вторая скрытая фаза ашеля
Технологическая революция: появление «гейдельбергского человека»; всеобщность использования мимики/жестов; начало формирования КВАЗИ-оснастки	645-610-575	12	610	Скрытая фаза инволюции археолита; первая явная фаза ашеля
		13	377	Вторая явная фаза ашеля; первая скрытая фаза мустье; Homo sapiens primigenius-1 в Африке; Homo neanderthalensis-1 в Европе
Homo neanderthalensis-2; появление у африканского Homo sapiens primigenius-2 проторечи/протоязыка	238-231-224	14	233	Третья явная фаза ашеля; вторая скрытая фаза мустье
		15	144	Скрытая фаза инволюции ашеля; первая явная фаза мустье, Homo neanderthalensis-3
Homo sapiens, речь/язык, начало формирования ЭВРИ-технологий с точностью ~1,2 мм, освоение ареалов с типичным размером ~15 км	124,6-120,9-117,3	16		Нуклеус, рубило с рукоятью, появление конструктивных элементов орудий
		17	89	Вторая явная фаза мустье; первая скрытая фаза верхнего палеолита; появление Homo sapiens neanderthalensis-4
		18	55	Третья явная фаза мустье; вторая скрытая фаза верхнего палеолита
Технологическая революция верхнего палеолита: всеобщность использования речи/языка, начало формирования ЭВРИ-орудий	40,6-38,3-36,0	19		

		20	34	Скрытая фаза инволюции мустье; первая явная фаза верхнего палеолита
		21	21	Вторая явная фаза верхнего палеолита; первая скрытая фаза неолита; Homo sapiens sapiens
Макросемьи пра-языка, речь современного типа, протописьменность эпохи верхнего палеолита	14,15-13,70-13,25	22	13	Третья явная фаза верхнего палеолита, вторая скрытая фаза неолита. Доместикация (собаки, КРС, МРС)
		23	8	Скрытая фаза инволюции верхнего палеолита; первая явная фаза неолита; земледелие, серпы
Начало письменности, АГРО-технологий с точностью ~80 км; освоение ареалов с типичным размером ~222 км	6,35-6,10-5,90	24		Мотыга, соха
		25	5	Вторая явная фаза неолита (энеолит); скрытая фаза бронзового века; Homo sapiens sapiens sapiens
		26	3	Скрытая фаза инволюции неолита; первая явная фаза бронзового века
		27	2	Вторая явная фаза бронзового века; скрытая фаза железного века
		28	1	Скрытая фаза инволюции бронзового века; явная фаза железного века; Homo sapiens sapiens sapiens sapiens
Технологическая революция носителя письменной информации (появление папируса, пергамента), всеобщность использования письменности, начало формирования АГРО-инструментов	0,82-0,67-0,52	29		
Развитая письменность; прототипирование информации (ксилография и т.п.)	916-976 гг. н.э	30	1 тыс. л. н.э.	Скрытая фаза инволюции железного века

Примечания: 1) расчёты на основе РЖК даны в трёх вариантах – раннем, наиболее вероятном и позднем; 2) полужирным шрифтом показаны моменты начала формирования новых ярусов в иерархической системе Человечества; 3) серым фоном в 1-й колонке выделены моменты технологических революций в его развитии; 4) серым фоном в 3-й колонке выделены строки, которые с допустимой точностью могут рассматриваться как совпадающие.

. Сам факт того, что основные вехи событий в эволюционной эпохе могут быть рассчитаны из формальных математических и кибернетических соотношений, представляется исключительно важным, поскольку указывает на непосредственную зависимость хода истории Человечества от фундаментальных законов Мироздания (справедливых и неживой, и для живой природы).

Ченко С.Н., 2007. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.

Ченко С.Н., 2008. Развитие Человечества, часть 1: кибернетическое моделирование процесса (в настоящем сборнике).

Жирмунский А.В., Кузьмин В.И., 1982. Критические уровни в процессах развития биологических систем. М.

Щапова Ю.Л., 2000. Хронология и периодизация древнейшей истории как числовая последовательность (ряд Фибоначчи) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 25 (электронная версия: <http://www.kleio.asu.ru/aik/bullet/25/bullet25.html>).

Щапова Ю.Л., 2005. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М..

Щапова Ю.Л., 2008. Развитие Человечества, часть 2: материальное производство в археологическую эпоху (концепция и математическая модель) (в настоящем сборнике).

СЕКЦИЯ 15

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

А.П. Окладников: интуиция и предвиденье

При жизни А.П. Окладникова мне приходилось слышать критику в адрес ученого: опирается на интуицию, пренебрегает аргументацией. Алексей Павлович действительно обладал прекрасной профессиональной интуицией и даром предвиденья, но и строгой аргументацией никогда не пренебрегал.

Впервые я столкнулся с удивительной интуицией своего учителя еще студентом, когда при обсуждении в 1961 г. избранной мною темы дипломной работы «Культура луншань», А.П. Окладников высказал мне пожелание доказать, что луншань – энеолит. В тогдашней китайской литературе луншань относили к позднему неолиту, моих познаний никак не хватило, чтобы аргументировать догадку А.П. Окладникова. Такие аргументы появились и прочно вошли в китайскую археологию только в 1980-е гг.

В 1959 г. во Владивостоке вышла книга «Далекое прошлое Приморья», в ней меня долго смущал раздел «Древняя культура Приморья и 80-е годы. Акуаждени в 1961 г. огой аргументацией никогда не происхождение эскимосской культуры» (Окладников, 1959. С. 148–151]. Из него следовало, что простейшие поворотные гарпуны в культуре раковинных куч (с 1972 г. – янковской), а также шиферные ножи и носки гарпунов, полуподземные жилища связывают эту культуру с генезисом эскимосов. Смущала синхронность древнеэскимосских памятников Берингии и приморской янковской культуры. В 1987 г. мне посчастливилось открыть Бойсмана II, в 1991–2005 гг. под руководством А.Н. Попова раскопаны две трети этого памятника, открыты, среди прочего, 2 могильника, в них 6 тыс. л. н. погребены арктические монголоиды (Попов, Чикишева, Шпакова, 1997. С. 67, 79), а бойсманская неолитическая культура (6825–4470 л. н. – более 40 дат) (Попов, 2006) содержит целый букет протоберингийских черт: охота на морских животных, гарпуны, в том

числе поворотные, лодки, лабретки, изображения Ворона, Хозяйки моря, гагары, кита и тюленя в одной полиэikonической фигурке – персонажи цикла мифов о Вороне. Более многочисленные земледельцы – зайсановцы – вытеснили бойсманцев на север. А.П. Окладников уловил еще в 1950-е гг. протоберингийские черты культуры, сохранившиеся у янковцев – таких же людей моря, как и бойсманцы.

В 1960 г. А.П. Окладников опубликовал тезисы о неолитическом земледелии на Дальнем Востоке, позднее появилась наша статья о дальневосточном очаге древнего земледелия (Окладников, Бродянский, 1969). У идеи нашлись критики, в 1990-е гг. один из них нашел зерна проса в неолитическом зайсановском поселении, сегодня целая серия таких находок в Приморье, Корее, Маньчжурии оставила критикам лишь вопрос о первичности или вторичности дальневосточного очага.

В 1961 г. А.П. Окладников открыл Улалинку; много усилий ученый потратил на аргументацию нижнепалеолитической датировки памятника. В августе 1982 г. на археологической секции Международного четвертичного конгресса в Москве яростно критиковал эту работу умершего в 1981 г. А.П. Окладникова один из его бывших учеников. Не прошло и месяца, как этот критик открыл у себя в Якутии Диринг-Юрях и стал столь же яростно доказывать, что Якутия – внетропическая колыбель человечества. Сегодня, когда А.П. Деревянко, М.В. Шуньков и большой коллектив исследователей открыли и раскапывают на Алтае Караму, вопрос о раннем палеолите юга Сибири с датами до 800 тыс. л. перестал быть дискуссионным (Деревянко, Шуньков и др., 2005).

Целая серия великолепных прозрений принадлежит А.П. Окладникову в деле изучения палеолитического искусства, его «Утро искусства» и сегодня

удивляет множеством продуктивных идей. Говоря об ашельских рубилах, А.П. Окладников видит их «правильные и законченные формы» как отражение потребности в ритме и симметрии, «наслаждение красотой вещи» (Окладников, 1967. С. 31). Признаки «художественной деятельности» видит в мустье (Там же. С. 30). Очевидна в книге мифологическая парадигма при анализе семантики древнейшего искусства (Там же. С. 34–40, 73–83). Задолго до появления датировок отдельных рисунков высказана догадка, что известные пещерные полотна создавались разными художниками в разное время (Там же. С. 100).

Археологи, занимающиеся древним искусством, знают историю дискуссии о возможности открытия в Сибири наскальных палеолитических рисунков, сохранившихся на открытом воздухе в условиях сибирского климата. А.П. Окладников, еще в 1941 г. открывший среди Шишкинских писаниц рисунок лошади, отнесенный им к палеолиту, первым поверил в такую возможность. А.А. Формозов пролил немало критического яда по этому поводу. Иркутские археологи также отвергают эту датировку (Мельникова, Николаев, 2003). Допускаю, что в этом случае А.П. Окладников, возможно, ошибся, но сама идея нашла блестящее подтверждение: палеолитические рисунки сохранились на суровом плато Укок на Алтае (Молодин, Черемисин, 1999).

Я мог бы привести еще много примеров того, как при минимуме информации А.П. Окладников вы-

сказывал удивительно продуктивные идеи, по сей день работающие в археологии.

Интуиция – ценнейший инструмент исследователя, дается этот инструмент только тем, кто глубоко погружен в процесс познания, умеет прозревать этот процесс при минимуме информации. А.П. Окладников умел.

Деревянко А.П., Шульков М.В., Болиховская Н.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.А., Ульянов В.А., Чиркин К.А., 2005. Стоянка раннего палеолита Карам на Алтае. Новосибирск.

Мельникова Л.В., Николаев В.С., 2003. Шишкинские писаницы. Иркутск.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск.

Окладников А.П., 1959. Далекое прошлое Приморья. Владивосток.

Окладников А.П., 1967. Утро искусства. Л.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л., 1969. Дальневосточный очаг древнего земледелия // Советская этнография. № 2.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г., 1997. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск.

Попов А.Н., 2006. Средний неолит в Приморье // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийск. археологич. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск. Т. 1.

С.А. Васильев

Институт истории материальной культуры РАН

Научное наследие А.П. Окладникова и современная наука о палеолите

Литература, посвященная деятельности одного из крупнейших отечественных археологов XX столетия, А.П. Окладникова, обширна. К имеющимся обзорам (Ларичев, 1958; 1970; Деревянко, 1980; Васильевский, 1981) в последнее время добавился биографический очерк, доведенный до середины 1950-х гг. (Конопацкий, 2001). Несмотря на наличие ряда статей, специально посвященных вкладу ученого в развитие археологии палеолита (Маркин, 1998; Абрамова, 1985; 1998; 1999), многие стороны научного наследия А.П. Окладникова ждут своих исследователей.

Не останавливаясь на неоднократно описанной

фактической стороне дела, а именно грандиозной по масштабу деятельности А.П. Окладникова по открытию и исследованию палеолитических памятников Северной и Центральной Азии, рассмотрим вклад ученого в разработку периодизации палеолита Северной Азии. В своих работах А.П. Окладников (1950а; 1950б) выделял два цикла развития позднепалеолитической культуры Сибири. На ранней фазе, представленной такими комплексами, как Военный Госпиталь, Мальта и Буреть, облик культуры в целом соответствовал европейским нормам, и эта фаза синхронизировалась им с памятниками типа Костёнок I в Восточной Европе. Объяснение сходства ис-

следователь видел в заселении сибирских просторов с запада. В дальнейшем Сибирь утрачивает связь с Европой из-за географической изоляции и здесь возникает особая «культурно-этническая область». Под воздействием хозяйственных изменений, перехода от оседлого образа жизни к подвижному, меняется характер каменной индустрии, происходит возврат к макролитизации, возрождаются мустьерские приемы обработки камня. По мнению А.П. Окладникова, эти процессы имели не регрессивный, а прогрессивный характер, знаменуя собой раннее начало перехода к индивидуальным формам охоты, выразившийся в широком распространении вкладышевой техники.

В сотрясавших отечественную археологию палеолита в 1950–1960-е гг. спорах о локальности и стадильности в развитии палеолитической культуры А.П. Окладников занял взвешенную позицию. С одной стороны, исследователь всегда считал необходимым максимально точно выяснить место того или иного памятника среди его ближайшего окружения, проследить особенности культуры. Напомним, что сам термин «конкретно-исторический» применительно к палеолиту впервые был введен именно А.П. Окладниковым задолго до начала дискуссии (Окладников, 1941).

С другой стороны, исследователь призывал не увлекаться и видеть за мозаикой местных особенностей общие, генеральные черты развития палеолитической культуры. Так, признавая сложность хода культурного процесса в палеолите на Русской равнине, А.П. Окладников (1954) все же считал невозможным сужать поле зрения археолога до истории отдельных общин. Его в большей степени, как и С.Н. Замятнина, интересовали черты, присущие палеолиту крупных областей, таких как Восточная Европа, Средняя Азия, Сибирь. Работая с единообразными на большом пространственном протяжении сибирскими материалами, А.П. Окладников считал, что мелкие локальные подразделения играют второстепенную роль (Окладников, 1973).

Не ограничиваясь рамками Сибири, исследователь смело брался за рассмотрение сложнейших вопросов культурно-исторического деления палеолита в глобальном масштабе. Следуя пути, намеченному С.Н. Замятниным (1951), он обрисовал не три, как у С.Н. Замятнина (средиземноморско-африканская, европейская приледниковая и сибирско-китайская), а целых пять областей распространения позднепалеолитической культуры, не считая рассмотренного в особых разделах палеолита Америки и Австралии. Кроме приледниковой европейской зоны, он выделил внеледниковую область, охватывавшую юг Европы, Африку, Переднюю Азию, Кавказ и отчасти

Среднюю Азию и Индию. Рамки ее, таким образом, оказывались гораздо шире, чем у средиземноморско-африканской области С.Н. Замятнина. В качестве эталона позднепалеолитической культуры данного региона рассматривался капсий Северной Африки. Отмечается раннее появление микролитов и вкладышевой техники, обилие острий с затупленным краем, геометрических форм, резцов, массивных каменных орудий, пластинок с выемками, скребков. Двусторонне обработанные клинки отсутствуют, костяной инвентарь скуден и примитивен. В качестве особой зоны развития выступает Экваториальная и Южная Африка, где за мустье следует своеобразный верхний палеолит с остриями, близкими солютрейскому типу. В целом же культура здесь сохраняет многие мустьерские черты, наряду с пластинками с притупленным краем, резцами, скребками, отщепами с подтеской. Четвертая зона – Восточная и Северо-Восточная Азия, Сибирь, Северный Китай. Особенности развития индустрии в данном регионе рассматривались А.П. Окладниковым во временном плане, в духе упомянутой выше концепции «двух циклов» североазиатского палеолита. Последняя, пятая, зона – Юго-Восточная Азия. В качестве примера берутся бакшонская и хоабиньская культуры с их традицией рубящих орудий на гальках. Интересно, что к этой же зоне А.П. Окладников отнес материалы из Верхней пещеры Чжоукоудяня. Облик палеолита Австралии исследователь связывал с особенностями первоначального заселения континента. Из Юго-Восточной Азии сюда проникла индустрия грубых галечных орудий и двусторонне обработанных топоров типа тула, в то время как генезис микролитической техники был связан с территорией Индии. Упомянут и своеобразный палеолит Америки с метательными наконечниками.

Как и П.П. Ефименко (1953), А.П. Окладников выводил особенности развития культуры в различных зонах из специфических черт хозяйственной деятельности охотников-собираателей, обусловленных природным фактором. Так, сходство культур Палестины, Ирана, Малой Азии, Кавказа и Крыма с памятниками Северной Африки объяснялось им за счет близости именно природных условий. Специфика культур Юго-Восточной Азии определяется собирательством, отсутствием долговременных поселений, палеолита Америки – напротив, охотничьим образом жизни (Окладников, 1955).

Естественно, что для А.П. Окладникова проблема историко-культурных областей в первую очередь была связана с традиционной темой определения специфики североазиатских индустрий. В его работах 1950–1960-х гг., в свете новых открытий в Монголии, на Алтае и в Забайкалье, к двум упо-

минавшимся циклам развития палеолита Сибири (мальтинскому и афонтовскому) добавился еще один этап – леваллуазский, объединяющий, по А.П. Окладникову, памятники, соответствовавшие по возрасту позднему мустье – раннему верхнему палеолиту европейской шкалы. Основные типологические характеристики леваллуазского этапа – нуклеусы для снятия пластин, дисковидные ядрища, ретушированные пластины-ножи, проколки, скребла, чопперы, выемчатые орудия. Истоки леваллуазской индустрии исследователь видел в памятниках позднемустьевого круга Средней Азии и Ирана (Окладников, Кириллов, 1980; Окладников, 1981). Правда, А.П. Окладников не всегда был последователен и иногда вместо термина «леваллуазский этап», «леваллуазская общность» употреблял традиционные понятия «леваллуа-мустье» и «ранний верхний палеолит», разделяя их (Окладников, 1983). На базе технических достижений леваллуазского этапа складывается специфическая для Северной Азии техника торцового (клиновидного) нуклеуса.

Что касается мальтинского цикла, то А.П. Окладников в работах разных лет постоянно колебался, склоняясь то к признанию его закономерным этапом развития североазиатских индустрий, то к определению Мальты как чужеродного явления западного происхождения, вклинившегося в процесс автохтонного развития.

За прошедшие десятилетия многое изменилось в наших представлениях о палеолите Сибири, да и Азии в целом. По-иному, чем во времена А.П. Окладникова, смотрим мы теперь на периодизацию древнекаменного века Северной Азии, на характер эволюции культуры в различных регионах материка. Между тем позиция А.П. Окладникова, учитывающая сложное сочетание местных особенностей культуры и общих закономерностей развития, на проверку оказалась гораздо более актуальной, чем популярные в ту пору взгляды сторонников повсеместного дробления материала на «локальные культуры».

Абрамова З.А., 1985. Роль А.П. Окладникова в изучении палеолита Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.

Абрамова З.А., 1998. Наследие А. П. Окладникова // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века

Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 1.

Абрамова З.А., 1999. Памяти учителя (к 90-летию со дня рождения А. П. Окладникова) // АВ. № 6.

Васильевский Р.С. (ред.), 1981. Алексей Павлович Окладников: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М. Сер. истории. Вып. 13.

Деревянко А.П., 1980. В поисках оленя-золотые рога. М. Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. Киев.

Замятин С.Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // ТИЭ. Н.с. Т. XVI.

Конопацкий А.К., 2001. Прошлое великий следопыт: академик А.П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск.

Ларичев В.Е., 1958. А.П. Окладников – исследователь древних культур Азии. Иркутск.

Ларичев В.Е., 1970. 40 лет среди сибирских древностей. Новосибирск.

Маркин С.В., 1998. Эволюция взглядов А. П. Окладникова в палеолитоведении Северной и Центральной Азии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 1.

Окладников А.П., 1941. [Рец.] Г.А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба. М., 1940 // КСИИМК. № 9.

Окладников А.П., 1950а. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л. Вып. 2.

Окладников А.П., 1950б. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18.

Окладников А.П., 1954. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований // СА. Т. XXI.

Окладников А.П., 1955. Развитие первобытнообщинного строя. Поздний древнекаменный век // Всемирная история. М. Т. I. Гл. 2.

Окладников А.П., 1973. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Окладников А.П., 1981. Палеолит Центральной Азии. Мойльтын Ам (Монголия). Новосибирск.

Окладников А.П., 1983. Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск.

Окладников А.П., Кириллов И.И., 1980. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.

Поездка В.А. Городцова в Сибирь (1924 г.)

Тема «В.А. Городцов и Сибирь» не получила должного освещения в литературе. Во многом это связано с тем, что Городцов не проводил самостоятельных исследований, да и был в Сибири всего один раз во время кратковременной командировки 1924 г. Тем не менее, Городцов немало сделал для сибирской археологической науки, как в теоретическом, так и в организационном плане.

С 1923 г. Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский, В.И. Громов проводят раскопки под Красноярском на Афонтовой горе, и вновь, как и во времена И.Т. Савенкова, этот памятник привлек внимание археологов всего мира.

Городцов в письме к Ауэрбаху пишет: «Мысль побывать в Красноярске у меня была в 1914 году, но тогда у меня не хватало средств... в настоящее время... еще более затруднительно... когда улучшится наше финансовое положение, то я не премину побывать у Вас и поработать при Вашем просвещенном содействии» (АИАиЭ СО РАН. Ф. Н.К.Ауэрбаха. Б/н). В другом письме к Ауэрбаху: «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали и мне не раз выпадала мысль посмотреть ваши драгоценные коллекции и удивительный по своему богатству край, но, к сожалению, отсутствие средств являлось для меня непреодолимым препятствием. Быть может теперь, с расцветом новой жизни, удастся осуществить мечты, так как интерес к науке заметно растет и уже можно надеяться на поддержку в столь отдаленной экспедиции... Палеолитические древности и бронза Сибири стали большим сфинксом в археологии. Находки, сделанные за последнее время на берегах р. Енисея возбуждают изумление. Однако требуется огромное усилие, чтобы еще лучше, еще ярче осветить повсюду рассыпанные по берегам Енисея факты. Это большое дело – местных работников, от которых наука ждет крупных трудов» (Там же).

Летом 1924 г. по направлению Главнауки при Наркомпросе В.А. Городцов отправляется для обследования сибирских музеев и знакомства с археологическими исследованиями.

В отделе письменных источников ГИМ сохранилось немало материалов, связанных с этой поездкой, благодаря которым можно восстановить основные события пребывания В.А. Городцова в Сибири.

6 августа 1924 г. Городцов выехал из Москвы в Иркутск. На вокзале в Красноярске он отправил от-

крытку Ауэрбаху: «Дорогой Николай Константинович, опускаю это письмо в Красноярске, на вокзале; я еду в Иркутск, откуда, дней через пять, приеду в Красноярск, где хотелось бы побыть несколько больше. Если можно, подготовьте, хотя небольшие раскопки на Афонтовой стоянке» (Там же).

Прибывшего в Иркутск 12 августа В.А. Городцова сопровождает П.П. Хороших. В течение пяти дней, кроме изучения коллекций Иркутского музея, они посещают ряд стоянок в окрестностях Иркутска – в урочищах «Звездочка», «Царь-Девница», Горохово, «на 6-й версте железнодорожной линии из Иркутска на Байкал». На Верхоленской горе были проведены раскопки на небольшой площади, где «собранную же нами коллекцию кремневых орудий, дополнив некоторыми дубликатами из ранних сборов, хранящихся в Иркутском научном музее, сдать на хранение в Российский исторический музей, в память моего участия в раскопках» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 255. Л. 105, 118.)

17 августа, выехав из Иркутска, он вечером следующего дня прибыл в Красноярск. Утром 19 августа посетил представителей городской власти – Отдел народного образования, Политпросвет, Губисполком и Госпароходство (Там же. Л. 127 об.).

Весь следующий день В.А. Городцов провел на раскопках Афонтовой палеолитической стоянки. В дневнике записал: «Прибыв на место раскопок и осмотрев их разрезы, я поставил себе задачу выяснить геологические условия залегания остатков палеолитической стоянки, чтобы потом вернее поставить решение вопроса о ее времени. С этой целью мною был описан, на сколько это можно в спешной работе, тщательно профиль и затем сделан широкий обход, прилегающих к стоянке окрестностей» (Там же. Л. 135 об.).

21 августа Городцов выехал на пароходе «Спартак» в Минусинск, в поездке он не теряет времени зря, «решив по пути, насколько можно заняться изучением геологического строения берегов р. Енисей» (Там же. Л. 145).

25 августа ученый прибывает в Минусинск. В течение двух дней осматривал коллекции местного музея. Работа в Минусинском музее оставила двойственное чувство. С одной стороны, коллекция музея восхитила метра, даже ходил такой анекдот: Городцов, войдя в музей, воскликнул: «Вот эта бронза...». Большое внимание его к бронзе было связано

с поиском связей сибирских памятников с сейминской культурой. «Итак... нам удалось, как мне кажется, весьма важное открытие, осветившее доселе неизвестную культуру, памятники которой, будучи рассеянными по музеям, висели как бы в воздухе. Теперь же они связаны в один комплекс и поставлены в довольно точную хронологическую рамку. Эта культура находилась в связи с культурами Европы испытывала их влияние и сама оказывала влияние на них (XV в. до н. э. – «минусинская культура», по В.А. Городцову. – А.В.) (Там же. Л. 154).

Второе обстоятельство, которое отметил Городцов, было связано с отношением к археологическим коллекциям заведующего музеем В.А. Кожанчикова. «В заключении нам все же удалось расклассифицировать богатые коллекции музея, находящиеся в совершенно хаотическом состоянии. Я осторожно дал мысль заведующему музеем о возможности перестановки коллекций в открытом зале, на что этот совершенно невежественный в археологии человек, заметив, что он вообще не придает никакого научного значения археологическим памятникам, и поэтому не может придать значение и их расстановкам» (Там же. Л. 158 об.). Отношения с руководством музея у столичного ученого не сложились. В отчете за 1924 г. Кожанчиков язвительно отметил: «В отчетном году в музее (но не для музея) работали: проф. С.А. Теплоухов около месяца, проф. Городцов – три дня...» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1047. Л. 17).

В дневнике Городцов приводит такой эпизод: «... археологический отдел не имеет даже каталога, по крайней мере, мне такой не показан, под предлогом, что его вероятнее всего, по нечаянности увез с собой в Красноярск проф. Теплоухов. Встретив последнего в Красноярске, я спросил его, не увез ли он по нечаянности каталог из Минусинского музея! Теплоухов ответил: можно ли такое дело сделать? Так объяснили в Минусинском музее не найдя каталог, ответил я, – Ну, значит в Минусинском музее все рехнулись – ответил собеседник» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 255. Л. 151 об.).

После осмотра Минусинского музея Василий Алексеевич вернулся на пароходе в Красноярск. Два дня посвятил изучению археологических коллекций Красноярского музея. 31 августа принял участие в объединенном заседании Красноярского географического общества и коллегии музея, на котором выступил с докладом «О результатах изучения археологических отделов в музеях Иркутска, Красноярска и Минусинска». В своем выступлении московский ученый подверг критике некоторые выводы иркутских археологов, в первую очередь Б.Э. Петри, которые «долго считали Верхоленскую стоянку палеолитической. Эту ошибку мы испра-

вим, указав место стоянки во времени никак не ранее средней поры неолитической эпохи; но возможно, что стоянка окажется еще более поздней, но все же вероятнее всего, она не выйдет из неолита. Все другие осмотренные мною стоянки Иркутской и Енисейской губерний, относимые к неолитической эпохе, принадлежат к металлическому периоду. Характернейшими для дат в этих стоянках являются наконечники кремневых стрел с выемкой в основании. Раз эти стрелы в культуре имеются, то время поселений должно быть в металлическом периоде (Там же. Л. 161).

Позже Г.П. Сосновский писал, что многие «ученики Петри, хорошие знакомые, коллеги по университету и пр. отвернулись от него в трудную минуту его жизни (приезд Городцова и пр.), хотя Петри к критике Городцова отнесся довольно спокойно и у него есть много доказательств против поспешных замечаний В.А. [Городцова] по археологии Сибири и о коллекциях в г. Иркутске. Старик спешил, во многом не разобрался и может себя поставить в очень неудобное, даже смешное положение с поспешностью выводов...» (АИАиЭ СО РАН. Ф. Н.К. Ауэрбаха. Б/н).

Во время выступления Городцов критиковал не только Петри, но и выводы Г. Мергарта, отмечая, что ранее он был склонен относить стоянку в окрестностях Батени, вслед за Мергартом, к ранней поро палеолитической эпохи. «Теперь же ближе познакомившись с самими предметами, я решительно отказываюсь от этого определения и отношу стоянку в Батенях к одному времени с Афонтовой горой. То орудие, которое Мергартом изображалось с характерною ориньякскою ретушью на нижней плоскости, оказалось для ориньяка и вообще не характерным и совершенно не соответствующим рисунку. Оно сделано не из кремня, а из какого-то кристаллического сланца, да и найдено не *in situ*, а на поверхности дюнной почвы, о чем исследователь не упомянул» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 255. Л. 160). Эти высказывания Городцова против Мергарта имели последствия и привели к конфликтной ситуации. Почти через год на Совете КОРГО 20 мая 1925 г. красноярцы рассматривали создавшуюся ситуацию и постановили: «у присутствовавших на заседании не было повода сомневаться в научной добросовестности Мергарта и слово проф. Городцова понято как выражение разногласия во мнениях» (АААКК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 4. Л. 28).

Таким образом, посещение Сибири в целом оставило у Городцова благоприятные впечатления. Особо ученый отметил успехи красноярских археологов: «Нужно полагать, что Красноярск в недалеком будущем займет выдающееся положение в от-

ношении палеолитических памятников. Гарантией успеха в дальнейшем исследовании служит то, что в Красноярске за дело археологии взялись местные молодые ученые, окруженные целой школой совсем юных учеников» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 255. Л. 160 об.).

После этой научной командировки В.А. Городцов приходит к выводу о необходимости усиления сибирских музеев квалифицированными археолога-

ми, для этого в разное время в Сибирь отправляются его ученики – В.П. Левашева, В.Г. Карцов, Н.Ф. Катков, С.М. Сергеев, П.А. Дмитриев, планировал приехать Д.А. Крайнов (Вдовин, 2005).

Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П., 2005. В.А. Городцов и формирование сибирской школы археологии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск.

А.С. Вдовин

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

С.В. Кузьминых*

Институт археологии РАН

Д.В. Серых

Самарский государственный университет

От XVI Всероссийского к I Всесоюзному археологическому съезду: несбывшаяся надежда

Более 90 лет отделяют состоявшийся в Новосибирске в 2006 г. I (XVII) Всероссийский археологический съезд (АС) от последнего (XVI) дореволюционного АС, намеченного на июль 1914 г. в Пскове и отмененного в связи с началом мировой войны. В этот период неоднократно предпринимались попытки возрождения АС в масштабе всей страны. Долго надеялись, что по завершении войны и революции XVI АС благополучно состоится. В Московское археологическое общество (МАО) поступали и приглашения к созыву АС.

После октября 1917 г. управление археологической и музейной деятельностью в стране перешло в РАИМК/ГАИМК, где работали ведущие археологи. После эмиграции П.С. Уваровой и смерти Д.Н. Анучина в 1923 г. свертывается деятельность МАО. Казалось, уйдут в прошлое и АС. Но научное сообщество пыталось возродить их на новой основе. В 1928–1929 гг. была проведена большая организационная работа по созыву АС. Восстановить в общих чертах ход подготовительных работ позволяют архивные материалы, выявленные в ГАРФ (документы Отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР), ОПИ ГИМ, ОР РНБ, РА ИИМК, РОБХУ, АИАЭ СО РАН (личные фонды В.А. Городцова, С.Ф. Платонова, А.А. Спицына, А.М. Тальгрена, Н.К. Ауэрбаха).

Государственной структурой, на базе которой попытались возродить АС, стал в первой половине 1920-х гг. Музейный отдел Главнауки Наркомпро-

са РСФСР. Активную роль в деятельности отдела играл руководитель его археологической секции В.А. Городцов, который создал несколько проектов организационного оформления советской археологии. В частности, к проекту создания Центрального археологического бюро (ЦАБ) при Академическом центре Наркомпроса (от 23.02.1923 г.) прилагался «Проект инструкции Ежегодных съездов представителей археологических обществ РСФСР». Намечалось создать организационную систему, отдаленно напоминающую схему МАО – АС – региональные общества, но жестко централизованную. Низшими ячейками предполагались столичные, губернские, областные и университетские научные общества; руководящим органом – ЦАБ; высшим представительным органом – ежегодные АС. Функции АС по этому проекту – утверждение отчетов о раскопках, ходатайства в ЦАБ о выдаче открытых листов, планирование археологических работ на следующий год, распределение находок по музеям. Желание продолжить традицию АС не оставляло и ведущих сотрудников РАИМК. Свидетельством тому переписка А.А. Спицына с В.А. Городцовым и А.М. Тальгреном 1923 г.

Документы Отдела по делам музеев Главнауки дают основания считать, что подготовка Всесоюзного АС началась в 1924 г. К концу года Музейный отдел завершил подготовительную работу и направил ее результаты в организационно-инспекторский от-

дел Наркомпроса РСФСР для дальнейшего рассмотрения. В начале 1925 г. здесь прошло совещание по выработке программы съезда (теперь в документах его называют съездом археологов и реставраторов). В программу археологической секции включались вопросы о состоянии и наиболее действенных мерах по охране археологических памятников на местах и в музеях, принципах экспонирования археологических коллекций, научных достижениях в области археологии в СССР и за границей, о социологическом методе в археологии.

В.А. Городцов, один из организаторов форума, написал в апреле 1925 г. «Тезисы к организации археологических исследований в СССР». Один из них гласил: «С целью надлежащей систематической организации в Союзе исследований по истории древнейших материальных культур, является необходимость организовать орган, периодически созываемый по согласованию и урегулированию вопросов общесоюзного характера по охране и изучению памятников археологии». Однако внутривластная борьба в стране привела к тому, что в 1927 г. отстранили от занимаемой должности руководителя Отдела по делам музеев Главнауки Н.И. Троцкую (Седову), жену Л.Д. Троцкого. В итоге вопрос об АС «лег под сукно».

В 1926 и 1928 гг. предприняты попытки придать статус АС археологическим конференциям, посвященным столетиям Керченского музея древностей и начала раскопок Херсонеса. В резолюциях обеих конференций указывалось на желательность созыва Всесоюзного АС в 1928 г. в Москве. Несмотря на кадровые перемены в Наркомпросе, механизм по организации АС запущен, в регионах проходят конференции и съезды, на них обсуждаются вопросы, сформулированные в начале 1925 г. на совещании по выработке программы съезда. Посылаются, пусть неофициальные (Спицын – Тальгрену), приглашения зарубежным коллегам. В Москву начала стекаться информация с мест.

Намеченные сроки из-за различных организационных сложностей сдвинулись примерно на год. В апреле 1928 г. на учено-консультационном совещании по археологии в Музейном отделе Главнауки Всесоюзный АС в Москве предполагалось созвать осенью 1929 г. В состав ПК АС по РСФСР вошли 27 человек (Ф.Н. Петров, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, А.А. Спицын, В.А. Городцов, К.Э. Гриневич, Б.В. Фармаковский и др.). Общие основы программы АС и проект организационных форм его созыва поручили разработать Подкомиссии ПК (К.Э. Гриневич, В.А. Городцов, И.Н. Бороздин, Н.И. Новосадский). В эти же дни прошло «неофициальное совещание», на котором В.А. Городцов зачитал свой проект организации АС. Съезд намечался на

1–15 сентября 1929 г., второй предполагалось провести в Киеве.

Огромный интерес к АС проявили регионы. В апреле 1928 г. проведено расширенное заседание учено-консультационного совещания по археологии при Музейном отделе ГНП, которое постановило принять озвученные К.Э. Гриневичем проекты об организации АС и обращения к Главнаукам республик Союза с предложением участвовать в работе съезда. Указывалось, что АС должен сосредоточить внимание на вопросах изучения памятников материальной культуры, исключив из круга своих занятий вопросы истории права и литературы. Проекты были разосланы Наркомпросам республик Союза, членам ПК по РСФСР и в АН СССР.

На первом заседании ПК по РСФСР в ГИМ в конце мая обсуждались вопросы организации Всесоюзного АС и его программа. Заседание неофициально приурочили к празднованию 40-летия научной деятельности В.А. Городцова. 28 мая Главнаука окончательно утвердила состав ПК АС по РСФСР в составе 27 человек. Материалы проектов, сохранившиеся в архивах, дают развернутое представление как об общих принципах организации АС, так и о масштабе планируемых работ.

В течение 1928 г. шла организационная работа по подготовке АС, в том числе в регионах. В начале ноября ПК по РСФСР (за подписью Городцова) опубликовал и направил на места обращение с просьбой об организации местных комитетов содействия Съезду. К началу 1929 г. они были созданы в ряде городов РСФСР. Особенно активно действовал Сибирский краевой комитет по содействию организации АС, приступивший к сбору информации для составления общесибирского плана археологических работ на ближайшее пятилетие.

В конце января 1929 г. ПК по РСФСР разослал на места проект основных вопросов для обсуждения на пленарных заседаниях съезда, а именно: о месте археологии среди других наук и выяснение методологических основ восстановления общественно-экономических формаций по памятникам материальной культуры; методика археологических работ; итоговые доклады археологов всех республик Союза; разработка генерального плана археологических работ в СССР; о распределении материалов по музеям; о методах учета, хранения и экспозиции памятников; о методике подготовки кадров в области археологии и др. Съезд предполагалось провести 20–31 декабря 1929 г.

Важно отметить, что намеченный проект программы АС не несет отпечатка партийно-идеологического гнета. Только в пункте 1 от дана дань новым, послереволюционным, веяниям в

исторической науке, внедрению в нее марксизма. Остальные – вполне традиционны и касаются существа и путей развития самой археологии.

Тогда же Главнаука разослала 150 приглашений на заседание ПК по РСФСР, намеченное на 16 февраля. В повестке дня намечались: информация о текущей работе ПК Союзных республик и местных комитетов содействия; доклад комиссии по разработке Генерального плана археологических работ в СССР; об использовании лета 1929 г. для достижения максимальной эффективности к АС; выработка проекта регламента АС; утверждение кандидатур докладчиков от РСФСР по главным вопросам; о созыве Центрального ПК СССР и утверждение его повестки дня; о выставке к АС; об экскурсиях; об изданиях АС.

Состоялось ли это заседание и каковы были его конкретные результаты, выяснить не удалось: не найдены официальные документы, датированные позже января 1929 г. С этого рубежа организационная активность резко пошла на спад. 9 июля К.Э. Гриневиц сообщает С.Ф. Платонову о плачевном положении дел с созывом АС в Главнауке и просит Академию наук взять на себя решение организационных вопросов. В последующих письмах того года Гриневица к Платонову, Городцову к Ауэрбаху о подготовительных работах – уже ни слова. В конце сентября Спицын написал Тальгрену: «В Москве перемены в Главнауке, и мне пока неизвестно, состоится ли предполагавшийся в 1929 г. Археологический Съезд». Кадровые перестановки года «великого перелома», положившего начало разгрому отечественной науки и культуры, коснулись всех головных научных организаций (АН СССР, Главнауки, ГАИМК, РАНИОН) и свели к нулю усилия по организации АС.

Однако археологи, музейщики и краеведы в провинции, не владевшие всей полнотой информации, надеялись на созыв АС. И когда в декабре 1930 г. в Москве состоялся I Всероссийский музейный съезд (МС), многие делегаты ехали на него с надеждой, что съезд будет именно археологическим. Примечательно, что проект МС обсуждался одновременно с проектом АС. Формирование оргкомитетов обоих съездов происходило в одни и те же сроки. В списке Оргкомитета I МС из 17 человек семь являлись членами ПК АС: Ф.Н. Петров, С.Ф. Платонов, Н.Я. Марр, В.А. Городцов, Б.П. Денике, К.Э. Гриневиц, Н.Р. Левинсон. Увы, надежды делегатов из провинции не оправдались: I Всероссийский МС стал прежде всего идеологическим мероприятием.

Вопрос о созыве Всесоюзного АС на протяжении 1930-х гг. не поднимался. К нему вернулись лишь в предвоенные годы, когда оказались востребованными традиции дореволюционной российской археологии. В частности, на состоявшейся в апреле

1939 г. I Всероссийской археологической конференции музеев системы Наркомпроса РСФСР вновь был поднят вопрос о созыве Всесоюзного АС. В мае 1941 г. ИИМК, как явствует из письма его директора М.И. Артамонова академику С.Н. Джанашиа, поддержал инициативу грузинских коллег о созыве съезда в Тбилиси в 1942 г., но этому помешала начавшаяся вскоре война.

Еще до ее окончания с инициативой по созыву АС выступил коллектив археологов ИИМК (его московской части), обратившихся с докладной запиской на имя президента АН СССР академика В.Л. Комарова о разрешении созвать Всесоюзное АС в Москве при АН СССР. Поводом к обращению стали два юбилея: в 1944 г. исполнялось 85 лет со дня основания Императорской Археологической комиссии и 25 лет – ИИМК. Президиум АН СССР поддержал эту инициативу. Совещание намечалось на ноябрь-декабрь 1944 г., но в итоге прошло в конце февраля – начале марта 1945 г.

В обращении Оргкомитета по подготовке совещания к его участникам подчеркивалось, что «Всесоюзное археологическое совещание ныне состоится впервые». Первое из них собиралось в Москве, последующие совещания или съезды намечались (как то было в дореволюционной России) в других городах Советского Союза.

Совещание 1945 г. по масштабу и значимости в полной мере сопоставимо с дореволюционными АС. Однако в последующие годы ИИМК/ИА АН СССР уже не собирал столь внушительных форумов. Основных причин тому, вероятно, две: организационная сложность проведения подобных мероприятий в Москве и Ленинграде и централизация археологической науки, в условиях которой возвращение к системе прежних, демократических по своей сути, Всероссийских АС не укладывалось в организационные рамки развития советской науки. Пленумы ИИМК/ИА АН СССР, инициированные С.В. Киселевым, посвящались теперь в основном итогам полевых исследований.

На рубеже XX и XXI вв. российская археология вступила в новый период развития. Возобновление практики Всероссийских АС – в 2006 г. в Новосибирске, а теперь в Суздале – возвращает нас к истокам и традициям отечественной археологической науки. Хотелось бы надеяться, что АС, проводимые ныне под эгидой Российской Академии наук, продолжат дело, начатое в 1869 г. Московским археологическим обществом, и станут столь же важной формой организации нашей науки, как то было до 1914 г.

* Один из авторов работал при поддержке гранта РГНФ (проект № 08-01-00024а).

Е.А. Гаджиева, О.В. Рыжкова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Источники по истории исследования археологических памятников Горбуновского торфяника

За столетнюю историю изучения Горбуновский торфяник (Рыжкова, Гаджиева, 2007. С. 122–126) стал широко известен своими уникальными находками, прежде всего изделиями из органических материалов. Несмотря на достаточно внушительный список научных статей и монографий, материалы большинства раскопанных памятников полностью не опубликованы. Полученные при раскопках коллекции находок, даже с одного памятника, но исследованного разными авторами в разные годы, рассредоточены по нескольким фондохранилищам: ГИМ, ИА РАН, ИиА УрО РАН, Нижнетагильский музей. Создание целостного представления об этих памятниках актуализирует проблему воссоздания истории их изучения. Ее решение видится во введении в научный оборот различных источников.

Полевые отчеты об исследовании памятников Горбуновского торфяника хранятся в научных архивах ИИМК и ИА РАН. К сожалению, материалы личных фондов сотрудников ГИМ – исследователей Горбуновского торфяника – остаются пока недоступными.

В фондах научного архива Нижнетагильского музея-заповедника (НА НТМЗ) были выявлены следующие документы: полевые отчеты, дневники, коллекционные описи и описи вещей, акты передачи находок на хранение в ГИМ, официальные и личные письма, телеграммы, деловые записки, заявления о приеме на работу, ведомости по учету рабочего времени и на выдачу хлеба сотрудникам экспедиции, расписки в получении денег, счета, авансовые отчеты и объяснительные записки к ним, накладные и т. д.

Примечательно, что в полевых отчетах содержится описание не только процесса исследования памятника, но и сложностей в организации работы экспедиции. Так, в отчете 1932 г. Д.Н. Эдинг с горечью отмечает: «Работа археологической экспедиции Государственного Исторического Музея на Горбуновском торфянике, проведенная совместно с Тагильским Музеем шла в исключительно тяжелых условиях. Кустпромсоюз, разрабатывающий торфяник, выделил 10 пайков для рабочих экспедиции, но дать самих рабочих отказался, поскольку сам располагал не более чем 20 человек. 24.07 удалось привлечь 7 человек, обеспечив их личным пайком и повышенной зарплатой; однако уже 29.07 паяк на

торфяник был снижен до 12 клг. И последние рабочие ушли с работы. Весь август ушел на вербовку рабочих, но новое снижение пайка до 11 клг. делало все попытки бесплодными. Обращения в Райком, РКИ и ЗРК помогли сохранить за экспедицией все 10 пайков в размере 13 клг., но только доведение пайка до нормального размера и снабжение иждивенцев могло вернуть рабочих на торфяник и, следовательно, – на раскопки. В конце августа было получено распоряжение о выдаче пайка в нормальном размере, но к этому времени все окрестное население, закончившее страду, разошлось на стройки новых гигантов, обеспечивающих рабочих лучше, чем торфяник. Поэтому приступить к работе удалось только 3.09, причем до конца раскопок число рабочих колебалось от 1 до 5, обычно 2-3 чел. Располагая таким количеством рабочих, не имеющих к тому же стажа по работе на глубоких выемках, нельзя было и думать о продолжении раскопок на 6-м разрезе. С другой стороны, разведка, намеченная в плане работ у соединения старой и новой капитальных канав, подтвердила наличие там не только культурного слоя, но и присутствие в нем костей животных, совершенно отсутствовавших в выемках 6-го разреза. Все изложенное побудило перенести раскопки на “стрелку” между канавами с тем, чтобы вернуться к работам на 6 разрезе при наличии соответствующей рабсилы» (Архив ИИМК. Ф. 2/1932. Д. 166. Л. 2).

Информацию о первоначальном размере и форме деревянных вещей, которые со временем могут поменяться под воздействием различных факторов, содержат описи, сделанные в процессе полевых работ (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 4; Д. 5. Л. 1-2).

Особый интерес представляет деловая и личная переписка Д.Н. Эдинга и А.Я. Брюсова. Кроме вопросов, связанных с производством раскопок, подготовкой отчетов о полевых исследованиях и публикаций, фотографированием вещей, передачей обработанных коллекций, в ней отражены и другие формы сотрудничества двух музеев – Тагильского окружного музея краеведения (с 1934 г. – Нижнетагильского музея краеведения) и ГИМ: создание выставок, участие в проведении историко-бытовых экспедиций, комплектование фондов и т. д.

Переписка Д.Н. Эдинга с сотрудниками музея свидетельствует о теплых дружественных, доверительных взаимоотношениях, сложившихся между

ними (Гаджиева, Рыжкова, 2007а. С. 186–222). Адресатами Дмитрия Николаевича были директора А.Н. Словцов, А.А. Саматова, Т.К. Грушина и заведующий историческим отделом Нижнетагильского музея О.Н. Бадер. В одном из писем А.Н. Словцову (1928 г.) Дмитрий Николаевич сетует: «Трудно работать, когда никто не заинтересован, а главное – когда не понимают свои же. Что касается сторонних – восхищение полное: были Спицын, Шмидт, Янович, ассистент Дерптского Университета, и все говорят о необходимости скорей печатать – даже в заграничных научных изданиях. Что этот год готовит? Сказать трудно: просил на Горбуново 2000, чтобы закончить раскопки; конечно дадут меньше, если вообще дадут...» (Гаджиева, Рыжкова, 2007а. С. 189, 190).

В письмах А.Я. Брюсова обсуждаются планы на предстоящий сезон и трудности, которые могут помешать их исполнению: «Что касается раскопок этого года, то в этом году обстоятельства складываются немного хуже, чем в прошлом. Основное – сокращение ассигнований. Тем не менее на раскопки в Горбунове я получу в Москве 10.000 руб., так что мы с Верой Михайловной обязательно приедем. При этом привезем Вам, наконец-то, коллекции, как из раскопок 1948 г., так и давно обещанную керамику из раскопок Д.Н. Эдинга» (НА НТМЗ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 3-4)

Документы финансовой отчетности воссоздают условия труда и круг участников археологических экспедиций того времени.

Большое внимание исследователи, проводившие раскопки на Горбуновском торфянике, уделяли популяризации археологических открытий. Не случайно

на страницах газеты «Тагильский рабочий» (Гаджиева, Рыжкова, 2007б. С. 150–177), самой читаемой в городе в то время, периодически появлялись их заметки, статьи, рассказывающие о результатах очередного полевого сезона.

Разрозненные подшивки газеты были просмотрены нами в Нижнетагильском историческом архиве, Центральной городской библиотеке г. Нижнего Тагила, Краеведческой библиотеке Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». К сожалению, не все нужные номера были найдены. Возможно, они не сохранились.

Выявленные материалы позволяют воссоздать атмосферу эпохи, в которой проходили исследования. Они являются непосредственным откликом свидетелей событий на происходящее, хранят самую первую оценку результатов исследования, которая с течением времени могла быть существенно дополнена или изменена. Сравнение первого впечатления с итогами дальнейших исследований позволяет воссоздать путь научного осмысления археологического источника.

Гаджиева Е.А., Рыжкова О.В., 2007а. Письма Д.Н. Эдинга в архиве Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» // Тагильский вестник: Город: Годы, События, Люди: Историко-краеведческий альманах / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил. Вып. 5.

Гаджиева Е.А., Рыжкова О.В., 2007б. «Тагильский рабочий» об исследовании древностей Горбуновского торфяника // Там же.

Рыжкова О.В., Гаджиева Е.А., 2007. Летопись исследования археологических памятников Горбуновского торфяника // Там же.

П.Г. Гайдуков

Институт археологии РАН

Иван Иванович Толстой как коллекционер*

В «Справочной книге для коллекционеров памятников старины в России» Н.В. Белозерского в списке коллекционеров Санкт-Петербурга имеется следующая запись: «Граф Толстой, Иван Иванович. Гофмейстер двора его Императорского Величества. Вице-президент Императ. Академии Художеств, помощник председателя Императорского Археологического Общества. Васильевский Остров, 5-я линия, д. № 2. *Русские монеты, медали и жетоны. Византийские монеты. Картины и скульптурные*

произведения (для музея Императ. Академии Художеств)» (Белозерский, 1903. С. 27).

До недавнего времени И.И. Толстой – выдающийся русский ученый, государственный и общественный деятель, сторонник равноправия народов, организатор науки, художественного образования и просвещения, коллекционер – был известен, в основном, как автор капитальных трудов по русской и византийской нумизматике, а также древнерусскому искусству (Толстой Иван Иванович, 2002;

Толстой Иван Иванович (1858–1916), 2003; К 100-летию научно-нумизматической деятельности И. И. Толстого, 1986). О других сторонах деятельности И.И. Толстого до конца XX в. было известно немного.

В последнее десятилетие ситуация кардинально изменилась: написан обстоятельный очерк жизни и творчества ученого, изданы мемуары И.И. Толстого и его дневник (в сокращении) (Толстой, 1997), переизданы «Заметки о народном образовании» и газетные статьи по национальному вопросу, публикуются воспоминания современников о нем, исследуются отдельные стороны его многогранной общественной деятельности. Готовится к печати часть обширного эпистолярного наследия И.И. Толстого за 1889–1898 гг., а также полное издание его дневниковых записей, которые он вел ежедневно с сентября 1906 г. почти до самой смерти (Гайдуков, 2008). Недавно издана книга, посвященная творчеству, общественной и государственной деятельности И. И. Толстого (Ананьич, 2007). Только сейчас можно по достоинству оценить истинную роль этой незаурядной личности в общественной и культурной жизни России конца XIX – начала XX в. Но несмотря на повышенный интерес в последние годы к И.И. Толстому его полная научная биография не написана. Не отражена в должной мере и его коллекционерская деятельность.

Изучение ранних этапов истории формирования коллекции русских и византийских монет И.И. Толстого затруднено рассеянностью необходимых сведений в архивных источниках (в основном эпистолярных). С 1906 г. И.И. Толстой начинает вести дневник, аккуратно фиксируя в нем все случаи приобретения древностей у различных фирм в Европе на аукционах и по почте, у частных лиц в Санкт-Петербурге и других регионах России. В дневниковых записях отражены встречи с учеными, коллекционерами и торговцами древностей; отражена деятельность Российского общества нумизматов, работа по созданию жетонов и памятных медалей деятелей культуры и событий Первой мировой войны. Дневник И.И. Толстого является первостепенным источником по истории коллекционирования в предреволюционной России.

И.И. Толстой принадлежал к «петербургскому роду» потомков фельдмаршала М.И. Кутузова по женской линии (Ананьич, 2007. С. 10-11). Иван и его младший брат Дмитрий рано осиротели. Для их воспитания был приглашен немец Христиан Христианович Гиль, который фактически стал членом их семьи и прожил с И. И. Толстым до своей смерти в 1908 г. Он не только привил своим подопечным интерес к коллекционированию, но и был,

по словам И. И. Толстого, его «старейшим руководителем в нумизматике» (Толстой, 1882. С. IV). Несмотря на то, что Х.Х. Гиль не был ученым, а типичным собирателем-практиком, его роль в развитии нумизматики в России очень велика. По словам А.А. Ильина, за последнюю четверть XIX в. «вопрос классификации русских монет почти всецело находился в руках гр. Толстого и Хр. Хр. Гиля» (Ильин, 1999. С. 364).

Будучи вместе со своим братом Дмитрием Ивановичем обладателем крупнейшей в России коллекции русских средневековых монет И.И. Толстой уже в студенческие годы занялся их научным изучением. В 1880-х годах он издал капитальные нумизматические монографии, в основе которых лежит каталогизация и изучение монет собственного собрания, а также других доступных коллекций (Толстой, 1882, 1884, 1886).

В конце первого десятилетия XX в. И.И. Толстой готовил к изданию монетные каталоги Великого княжества Московского. В 1910 и 1913 гг. он опубликовал труды о монетах Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389) и Василия Дмитриевича (1389–1425) (Толстой И.И., 1910; 1913а). В каталоге первого исследования описано 20 монет (14 из них происходят из собрания автора), в каталоге второго – 311 монет (все из собрания И.И. Толстого).

И.И. Толстой хорошо знал, интересовался и собирал русские монеты позднейшего периода. Вместе с А.А. Ильиным он издал «Практическое руководство для собирателей» монет XVIII в. (Ильин, Толстой, 1910). После смерти Х.Х. Гиля, в 1908–1913 гг., помогал А.А. Ильину и М.Г. Деммени завершить подготовку к изданию тома монет Петра I для Корпуса русских монет XVIII–XIX вв. (Георгий Михайлович, вел. кн., 1914; Спасский, 1989. С. 41-43). В него вошли монеты из собрания И.И. Толстого.

Особой страницей в научной биографии И.И. Толстого является его незавершенный труд «Византийские монеты» (Толстой, 1912–1914). Монетами Византии он заинтересовался еще на заре своей научной деятельности, поскольку, изучая русские сребреники и златники, пытался отыскать их прототипы среди византийских монет. С 1880-х годов И.И. Толстой в России и Европе «по случаю» и на аукционах покупал византийские монеты, активно помогал ему в этом Х.Х. Гиль. К началу XX в. Толстому «посчастливилось составить коллекцию, которая, пожалуй, может считаться лучшей среди европейских частных собраний такого рода» (Толстой, 1913б. С. 86).

Работу над книгой «Византийские монеты» И.И. Толстой начал осенью 1910 г. В предисловии к первому выпуску И.И. Толстой так объяснил чи-

тателям цель всего издания: «Будучи обладателем одного из крупных собраний византийских монет, я решил издать его описание, имея в виду: 1) желательность иметь труд на русском языке, посвященный существенной вспомогательной отрасли византологии, т. е. науки, которую с честью разрабатывали и продолжают разрабатывать русские ученые, 2) частые находки византийских монет в пределах России, особенно на юге и на Кавказе, 3) желательность обратить внимание на собирание этих монет в нашем отечестве, признавая, что плодотворное и осмысленное коллекционирование возможно только при существовании достаточно полного печатного пособия, посвященного разработке интересующей собирателя области» (Толстой, 1912. С. VI).

В июне 1913 г. И.И. Толстой был утвержден на посту городского головы Санкт-Петербурга. Он продолжал работу над византийскими монетами, но служебные обязанности отнимали слишком много времени. Все реже в его дневнике содержатся записи о «византийцах». Начавшаяся Первая мировая война вообще остановила эту работу.

Всю книгу автор планировал уложить в 12 выпусков. К концу 1914 г. вышел в свет девятый выпуск «Византийских монет» и на этом издание прекратилось. Последняя книга заканчивается описанием монет Михаила III (842–867 гг.). Труд И.И. Толстого насчитывает 1060 страниц и 72 таблицы. В нем описано более 4000 монет. На начало XX в. это был самый полный каталог по византийской нумизматике (Гурулёва, 1991. С. 273).

Дневник И.И. Толстого свидетельствует о том, что он был заядлым коллекционером. В 1906–1911 гг. во время путешествий с дочерью по Италии (Рим, Генуя, Флоренция, Неаполь), Греции (Афины), Египту (Каир, Александрия, Луксор, Асуан), Тунису, а также будучи проездом в Австрии и Германии он постоянно интересовался предметами антиквариата. Кроме византийских монет он покупал для себя и детей античные и средневековые европейские монеты, средневековые медали, античные статуэтки из мрамора и бронзы, глиняные сосуды, предметы из стекла, средневековые картины, статуэтки и ткани, египетские древности. О коллекционерской страсти И.И. Толстого говорит следующая дневниковая запись, сделанная им 4/17 марта 1910 г. в Риме: «Лиличка [дочь И.И. Толстого – П. Г.] хотела купить себе кусок старой материи. Мы ходили по лавкам Нового Борго, но ничего подходящего не нашли. После завтрака отправились пешком на Via Condotta, к Сантамария [антиквар – П. Г.], у которого купили брошку для жены. Затем (сердце не камень) – на аукцион [к антиквару Fegoni – П. Г.], где на сей раз купили всего на 24 франка».

И.И. Толстой поддерживал тесные связи с владельцами фирм из Австрии, Англии, Германии, Голландии, Италии, Франции, а также России. Живя в Петербурге, он активно переписывался и получал по почте монеты и различные предметы не менее чем от 16 европейских антикваров. Наиболее активно он контактировал с антикварными домами Гесса (Франкфурт), Эггера (Вена) и Спинка (Лондон). К нему домой часто заходили коллеги-нумизматы, а также коллекционеры и торговцы древностями. И.И. Толстой постоянно посещал монетные аукционы банковской конторы Б.Ф. Копылова – редактора-издателя журнала «Старая монета», в поисках византийских монет наведывался в различные меняльные лавки города (в том числе к торговцу И.Н. Конасову). Античные предметы покупал у антиквара А.Ф. Эльтермана. Получал древности с юга России: из Николаева, Херсона и Кубанской области. Уже будучи смертельно больным, в Крыму, И.И. Толстой несколько раз посещал в Ялте антикварную лавку Запорожского (записи в дневнике от 5, 9, 16, 18 и 19 апреля 1916 г.). В одном из своих последних писем в Петербург он писал: «... было забавно купить недурной рубль Екатерины! В Ялте» (И.И. Толстой – А.А. Ильину. 10 апреля 1916 г. // Ананьич, 2007. С. 156).

Близкий друг, коллега по коллекционированию и соавтор И.И. Толстого А.А. Ильин писал о нем: «Для собирателей личность Ивана Ивановича Толстого неразрывно связана с его собранием. Глубоко снисходительное отношение к людям вообще, а в особенности к начинающим собирателям, делали его коллекцию не только доступной для обозрения и сравнения, а во многих случаях и для изучения. Всякий входивший в стены его дома выносил оттуда полное удовлетворение тем запросам, с которыми он туда пришел. Оговариваюсь, иногда и разочарование, если та или другая монета оказывалась либо подделкою, иногда весьма искусною, либо неправильно определенной ее владельцем» (Ильин, 1999. С. 365).

О большом авторитете И. И. Толстого в среде петербургских коллекционеров говорит следующий анекдот:

«Приобрести интересную монету трудно, определить же ее подлинность и значение еще труднее.

Два нумизмата:

– Откуда и куда?

– От Толстого в Эрмитаж, а Вы?..

– Из Эрмитажа к Толстому!..» (Старая монета. 1910. № 2. С. 12).

Коллекционерская деятельность И.И. Толстого – яркий пример взаимодействия частного коллекционирования и фундаментальной науки в России.

Собирая русские и византийские монеты, Толстой в первую очередь заботился о составлении и издании нумизматических каталогов, тем самым способствуя развитию нумизматических и общеисторических знаний.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-00060а).

Ананьич Б.В., 2007. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб.

Белозерский Н.В., 1903. Справочная книга для коллекционеров памятников старины в России (преимущественно монет). СПб.

Гайдуков П.Г., 2008. К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. № 4 (в печати).

Георгий Михайлович, вел. кн., 1914. Монеты царствования императора Петра I. Т. II. СПб.

Гурулева В.В., 1991. И. И. Толстой и византийская нумизматика // ВИД. Т. XXIII. Л.

Ильин А.А., 1999. Граф Иван Иванович Толстой среди собирателей монет // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.

Ильин А.А., Толстой И.И., 1910. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. Практическое руководство для собирателей. СПб.

К 100-летию научно-нумизматической деятельности И. И. Толстого / Публикация Л. И. Толстой // Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. Ч. IX. (Труды ГИМ. Вып. № 61). М., 1986.

Спасский И.Г., 1989. К истории создания Корпуса русских монет XVIII и XIX вв. // ВИД. Т. XX. Л.

Старая монета: Нумизматический журнал. СПб., 1910. № 2.

Толстой Иван Иванович // Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений: 1802–1917. Биобиблиографический справочник. 2-е изд., исправл. и доп. СПб., 2002.

Толстой Иван Иванович (1858–1916) // Полунина Н.М. Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М., 2003.

Толстой И.И., 1882. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб.

Толстой И.И., 1884. Русская допетровская нумизматика. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода. СПб.

Толстой И.И., 1886. Русская допетровская нумизматика. Вып. 2: Монеты псковские. СПб.

Толстой И.И., 1910. Деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Записки нумизматического отделения ИРАО. Т. I. Вып. IV.

Толстой И.И., 1912. Византийские монеты. Вып. I. СПб.

Толстой И.И., 1912–1914. Византийские монеты. Вып. I–IX. СПб.

Толстой И.И., 1913а. Монеты великого князя Василия Дмитриевича // Записки нумизматического отделения ИРАО. Т. II. Вып. III–IV.

Толстой И.И., 1913б. Как я стал нумизматом. Автобиографический очерк // Аргус. № 10. СПб.

Толстой И.И., 1997. Дневник. 1906–1916 / Публ. Л. И. Толстой. СПб.

А.Н. Голотвин

Воронежский государственный университет

Д.Я. Самоквасов и его вклад отечественную археологию

Д. Я. Самоквасов (1843–1911) – известный историк русского права и археолог последней трети XIX– начала XX в. Как и большинство историков этого периода, он испытал влияние идей позитивизма, один из главных принципов которого, объективность, предполагал критическое отношение к источникам (Нечухрин, 2003). Следствием этого стало комплексное источниковедение, предопределившее обращение к «вещественным памятникам». Однако славяно-русская археология, находившаяся на стадии зарождения, еще не могла предоставить необхо-

димое количество и качество источников (Лебедев, 1992), в результате чего Самоквасовым и были начаты самостоятельные полевые исследования.

Работая над магистерской диссертацией, посвященной проблемам древнерусского города, ученый осуществляет разведочные исследования городищ (Самоквасов, 1873). Кроме того, он принимает участие в реализации плана ИМАО по археологическому изучению летописных племен, начав раскопки на территории северян. Всего к концу 1875 г. им было изучено несколько городищ и около 300 курганов

(Самоквасов, 1878а; 1878б). В последующем Самоквасов производит полевые исследования на более обширной территории, главным образом Поднепровья (Щавлев, 2004).

Восприятие археологических памятников как полноправных исторических источников предопределило внимание ученого не к отдельным находкам, использовавшимся только для иллюстрации исторических построек, а к городищу или кургану в целом. Такой подход нашел отражение в его методике раскопок, ставшей основой инструкции, принятой на III АС (Инструкция... 1878). Методология Самоквасова, будучи шагом вперед для этого периода, сказала на внутренней критике источника и понятийном аппарате. Так, для обозначения керамики использовался только термин – «сосуд», – не отражающий свойств и признаков объекта.

Уже первые исследования молодого историка стали заметным вкладом в разработку проблематики древнерусского города. Установление жилого и военно-оборонительного назначения городищ позволило говорить о существовании в домонгольской Руси нескольких тысяч укрепленных поселений. Этот вывод и анализ источников по колонизации юго-востока России в XVI–XVII вв. стали основой теории исторического развития поселений через последовательное прохождение трех фаз: город → село → хутор, доказывающей, что уже в VI–VII вв. н. э. восточные славяне жили в укрепленных поселениях и были объединены в несколько самостоятельных общественных союзов (Самоквасов, 1873).

Подтверждали эти выводы и результаты исследования курганов северян. Характерные для славянских погребений археологические признаки не были выделены, и определение этноса строилось на сопоставлении открытых погребальных обрядов и данных письменных источников. Поскольку летопись и арабские авторы сообщали только о трупосожжениях, то курганы с погребальными урнами и кострищами, в том числе и такие как «Черная могила», определялись как северянские (Самоквасов, 1878б).

Именно после его работ в науке утвердился подход к изучению древнерусских городищ как центров общественно-политической и культурной жизни восточных славян накануне и в период образования древнерусского государства и распространилось мнение о принадлежности северянам всей левобережной части Среднего Поднепровья.

Полученные результаты способствовали разработке других вопросов исторического развития восточных славян. В 80–90-е гг. XIX в. свое основное внимание ученый сосредоточил на историко-археологическом изучении проблемы этногенеза

славян, которое находилось в тесной взаимосвязи с созданием периодизации могильных древностей.

Отправной точкой в решении этих проблем следует считать начало раскопок памятников бронзового и раннего железного веков. Исследование курганов с трупосожжениями в Поросье и сопоставление их со славянскими кремациями, исследованными в Чернигове, привело к выводу «о стародавнем пребывании Славян внутри России и самобытном развитии их культуры». Еще одним следствием расширения хронологических и географических рамок полевых исследований стала первая попытка классификации древностей (Самоквасов, 1880). Все археологические памятники Малороссии были разделены на эпохи «каменной», «бронзовой» и «железной» «культур». Последняя делилась на скифскую и славянскую эпохи, рубежом между которыми был VI в. н. э. Это была одна из первых попыток уточнения «системы трех веков» для определенного региона.

Если в работах 70-х гг. к славянским, а точнее к северянским, относились только курганы с трупосожжениями, то теперь выделялся и третий «вид» – труположения в ямах (Самоквасов, 1880). Доказательством их этнической принадлежности стало сопоставление инвентаря из погребения у д. Гушино (Черниговский уезд) с вещами из «Черной могилы» и других курганов с кострищами. Такое разнообразие в погребальном обряде одного племени объяснялось различным социальным положением умерших.

В 1884 г. выходит монография Самоквасова «Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян». В этногенезе восточных славян он выделял два этапа: образование общей славянской народности и ее распад на славян южных, западных и восточных. Предками славян, германцев и балтов он считал скифов, но славяне, по его мнению, сохранили больше общих с ними черт, поскольку обособились последними. Доказывая это, ученый приводил сообщения древних авторов, называвших славян скифами, находил общие этнографические черты в их религии, одежде и погребальном обряде. Более подробно профессор останавливался на втором этапе. Он считал, что во II в. до н. э. сарматские племена, покорившие скифов, передвигаются в области между Днестром и Дунаем и, смешавшись с местными племенами, образуют государство во главе с гетами. Выселение последних за Карпаты под натиском римлян отождествлялось с летописным свидетельством о переселении славян из дунайской прародины. Основным археологическим доказательством этой колонизации стали клады римских денариев, попавшие в число важных исторических источников (Самоквасов, 1884).

Открытие древностей новых исторических периодов во время раскопок на Кавказе (Самоквасов, 1887) и в Екатеринославской губернии (Самоквасов, 1886) позволило все языческие могилы южных и центральных областей Российской империи распределить по киммерийской (до VI века до н. э.), скифской (VI–I вв. до н. э.), сарматской (I–V вв. н. э.), славянской (VI–XI вв. н. э.) и половецко-татарской (XII–XVII вв. н. э.) историческим эпохам (Самоквасов, 1892).

Осуществленную Д.Я. Самоквасовым процедуру классификации могильных древностей вполне можно считать зачатком внутренней критики археологического источника. Кроме того, курганы, часто содержащие несколько разновременных захоронений, стали рассматриваться как могильники, а отдельное погребение превратилось в наиболее употребительную категорию источников. В методике трансформации подверглись способы вскрытия курганов. Здесь следует отметить исследование насыпи одного из больших курганов не колодецем, а системой траншей (Самоквасов, 1908а). Для определения этнической и хронологической принадлежности памятника применяются не только данные письменных источников, но и сопоставление между собой обрядов и вещей, в том числе и керамики, что сказалось на понятийном аппарате (Самоквасов, 1892).

Наиболее существенные изменения в теоретико-методологических подходах Самоквасова фиксируются в работах начала XX в. В качестве вещественного источника стали выступать не только городища и погребения, но и отдельные находки, для обозначения которых впервые употребляется термин «археологический источник» (Самоквасов, 1906). В целом ряде работ ученого упор сделан не на исторические выводы, а на изложение методики раскопок, устройство исследованного памятника и источниковедческий анализ вещей, т. е. превращение «археологического материала» в исторический источник и введение его в научный оборот (Самоквасов, 1915; 1917). Это позволяет сделать вывод, что для Самоквасова археология, воспринимаемая как наука, занимающаяся изучением ископаемых «древностей» и их «форм», была источниковедческой, вспомогательной по отношению к истории, дисциплиной.

Подготовка к XIV АС в Чернигове послужила причиной возобновления полевых и обобщения теоретических работ ученого. Его классификация могильных древностей, изложенная в обобщающем исследовании «Могилы Русской земли», в отличие от предшествующих вариантов, представляла собой уже опыт распределения всех исследованных

Самоквасовым археологических памятников не по эпохам, а по этносам, в отдельных случаях и по племенам (Самоквасов, 1908а).

Изменение объема применявшегося ученым понятия «культура», выделение в нем этнического аспекта, при наложении на эволюционистские воззрения привело к формированию автохтонной теории славянского этногенеза. В отличие от работ 80–90-х гг., больший акцент был сделан на роли местных «скито-сарматских» племен, с которыми соотносились конкретные типы древностей, в том числе городища и поля погребальных урн. Увеличилась роль данных археологии и в изучении собственно славяно-русских древностей. Так, картографирование городищ и курганов позволило определить границы «племенного княжения» северян и его внутреннее деление (Самоквасов, 1908б).

Однако в целом методология ученого уже серьезно уступала подходам А.А. Спицына и В.А. Городцова, больше внимания уделявших керамическому материалу и строивших первые типологические ряды вещей.

Подводя итог, отметим, что Самоквасовым были не только проведены масштабные полевые исследования и накоплен солидный фонд источников, но и сформулирована оригинальная историко-археологическая концепция ранних периодов развития восточнославянского общества, создание которой оказало заметное влияние на формирование отечественной археологии.

Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Тр. III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. I.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.

Нечухрин А.Н., 2003. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно.

Самоквасов Д.Я., 1873. Древние города России: Историко-юридическое исследование. СПб.

Самоквасов Д.Я., 1878а. Историческое значение городищ // Тр. III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев. Т. I.

Самоквасов Д.Я., 1878б. Северянские курганы и их значение для истории // Там же.

Самоквасов Д.Я., 1880. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии. М.

Самоквасов Д.Я., 1884. История русского права. Варшава. Вып. 2: Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян.

Самоквасов Д.Я., 1886. Могильные древности Александровского уезда. Одесса.

- Самоковасов Д.Я., 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V AC в Тифлисе в 1881 г. М.
- Самоковасов Д.Я., 1892. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава.
- Самоковасов Д.Я., 1906. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического Съезда // Тр. Московского предварительного комитета по устройству четырнадцатого Археологического съезда. М. Вып. 1.
- Самоковасов Д.Я., 1908а. Могилы Русской земли. М.
- Самоковасов Д.Я., 1908б. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М.
- Самоковасов Д.Я., 1915. Атлас Гочевских древностей. М.
- Самоковасов Д.Я., 1917. Могильные древности Северянской Черниговщины. М. Посмертное изд.

В.А. Гуркин

*Центр историко-научных и региональных исследований «Генезис»
Ульяновского государственного технического университета*

Археологические съезды и возникновение губернских ученых архивных комиссий

Одним из первых, кто понял, что для решения проблемы эффективной сохранности древних текстов следует создавать целую систему научной архивной службы в регионах, был известный археограф академик Николай Васильевич Калачов (1819–1885). В 1869 г. он выступил на I археологическом съезде с предложением об усовершенствовании архивной деятельности. Тогда же было высказано пожелание о создании архивов во всех крупных российских городах. На реализацию этой идеи Калачову понадобилось 15 лет. В течение этого времени он неустанно обращался и к правительству, и к научной общественности, предпринял ряд поездок по зарубежным архивам, с тем чтобы перенять там лучшие способы организации архивного дела. Выступая в 1874 г. на III археологическом съезде в Киеве, он высказал идею создания при областных архивах исторических обществ, которые должны были не только решать собственно архивные задачи, но и помогать молодым людям, «приготавливающим себя к историко-археографической деятельности» (Калачов, 1878. С. XXXIX).

Значение будущих научных архивных центров Калачов видел не только в обработке документов, но главным образом в просвещении провинциального общества: «Дело в том, что изыскатели старины, работая на той же почве, которую возделывает земледелец, объясняя тот же памятник, мимо которого столько раз проезжает и пахарь, и прасол, и всякий другой местный житель, выслушивая их легенды, былины и песни, этим самым с одной стороны, развивают в народе дремлющие без того нравственные его силы и сочувствие к минувшему быту, а с другой стороны, возбуждают и укрепляют в нем любовь,

которая хотя и без того есть в каждом к своему родному пепелищу, но любовь эта делается чрез то и сознательнее и сильнее... Это воспитание конечно чрезвычайно медленное, но верное и прочное» (Там же. С. 24).

Научная общественность неизменно поддерживала все предложения Н.В. Калачова, и в 1884 г. все-таки было получено высочайшее разрешение открыть архивные комиссии в Тверской, Тамбовской, Орловской и Рязанской губерниях. Вместе с тем, было предоставлено право открывать такие же комиссии и в других губерниях. Вскоре и там стали образовываться архивные комиссии и другие научные сообщества. В этом отношении роль археологических съездов как катализаторов социальных перемен была достаточно велика. Как писал Уваров, «Сознание важнейшего назначения археологических съездов – возбуждать в деятельности местные силы и подвигать изучение местных историко-археологических вопросов...» (Уваров, 1878. С. 5). Так, в Казани в 1884 г. образуется Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. При открытии Общества выступил профессор С.М. Шпилевский, который, в частности, отметил, что двери этого научного объединения открыты для всех желающих: «Наше Общество – ученое братство, в которое вступают все без различия чинов, званий, народностей и вероисповеданий, в котором все пользуются одинаковыми правами. Для вступления в нашу среду требуется только доказательство желания и способности трудиться... Успехи нашего будущего в значительной степени зависят от всего местного общества, разумея последнее в самом широком смысле. При полном равнодушии

к нашим целям и работам, при совершенном отсутствии поддержки в вышеуказанном смысле, наше ученое братство, замкнувшись в немногочисленном составе лиц, бедное материалами и средствами для ученого труда, не может быть ни производительным, ни долговечным. Да, господа представители местного общества, мы зависим от Вас! Ваше внимание, сочувствие и помощь нам необходимы!» (Шпилевский, 1884. С. 31, 32).

Благодаря деятельности комиссий были сохранены, разобраны, опубликованы десятки тысяч исторических документов, многие из которых потом погибли и дошли до нас только в виде публикаций. Автор статьи, посвященной 25-летию Археологического Института, писал: «Комиссии эти беспримерные даже в целом мире ученые учреждения, возникшие по частной инициативе и на частные средства, число которых теперь простирается уже до 20, не только в большинстве случаев с успехом выполнили свои главные обязанности, но и обратились в местные историко-археологические общества, труды которых давно обратили на себя внимание ученых и исследователей нашей родной старины...» (С.-Петербургский Археологический Институт... 1903. С. 650–668). Но этим далеко не исчерпывалась их деятельность. Архивные комиссии были инициаторами создания краеведческих и художественных музеев в различных уголках страны, подготовили не одно поколение опытных архивистов и археографов, археологов и искусствоведов, историков и краеведов.

Характеризуя деятельность губернских ученых архивных комиссий России, исследователи прошлого и советские ученые, как правило, делали акцент на слове «архивные». Однако сами деятели губернских ученых архивных комиссий особо выделяли слово «ученые». Так, например, в 1895 г. на открытии Симбирской ГУАК ее председатель В.Н. Поливанов назвал комиссию учреждением, «преследующим научные цели», и, говоря о важности архивной работы, поставил задачу перехода к более высокой форме деятельности – «занятиям научным».

Можно попытаться обозначить главные отличия губернских ученых архивных комиссий от иных научных организаций в провинции.

1. Высокая планка научных требований, ориентация на мировой уровень научных исследований, в отличие от иных региональных научных организаций*, а также от последующих краеведческих организаций.

2. Тесные связи с иными архивными комиссиями и с ведущими научными организациями по всем регионам России, а также за рубежом.

3. Относительная финансовая независимость

от государства (согласно общественному характеру комиссий, что, впрочем, не мешало широкому поиску финансовых источников не только среди общественности, но и у государственных организаций).

4. Добровольное объединение участников комиссий на основе их личных интересов, а не как выполнение директивы сверху.

5. Широкая активность в сфере книгоиздательства.

6. Активная работа по преобразованию культурной среды города, что ставит их в один ряд со всеми просветительскими сообществами.

7. Оригинальность и уникальность предмета исследования.

8. Высокий общий образовательный уровень большинства членов губернских ученых архивных комиссий.

9. Возможность использовать межрегиональные контакты для повышения квалификации (курсы, регулярные съезды и т. п.).

10. Создание базы для деятельности дальнейших поколений и, тем самым, включение губернских ученых архивных комиссий в культурно-образовательный процесс в провинции.

Деятельность комиссий проходила на фоне усиления интереса к краеведению в среднем образовании. Это вылилось, в частности, в развитие «экскурсионного движения», захватившего всю страну на рубеже XIX–XX вв., главной задачей которого являлось преодоление недостатков кабинетной системы образования, оторванной от реальной жизни (К истории... 1992; Гревс, 1926. С. 7–32; 1925. С. 9–35; Бакушинский, 1919; Ангерт, Райков, 1923; Русский экскурсант... 1915).

Следует отметить еще одну черту деятельности этих научных сообществ – их высокий нравственный потенциал. Стремление пробудить в народе чувство «умного хозяина» во многом обуславливало занятия членов ученых архивных комиссий просветительской деятельностью. Показательны в этом отношении слова замечательного рязанского краеведа, бессменного председателя Рязанской ГУАК (с 1905 по 1918 г.) Степана Дмитриевича Яхонтова: «Русские люди! Много нам работы впереди. Широко поле исторической науки перед нами... Потрудитесь с нами и после нас, родненькие!» (Юбилей... 1911. С. 14.).

Возможно, отсутствие развитого научного краеведения сегодня говорит о том, что современное общество, несмотря на определенный научно-технический прогресс, еще не достигло того уровня самооценки и самосознания, который был столь характерен для российского общества второй полови-

ны XIX в. Возрождение традиции проведения Всероссийских археологических съездов дает надежду на то, что со временем может быть достигнут и тот высокий научный уровень в российском краеведении, который был характерен для деятельности губернских ученых архивных комиссий.

* Н.В. Макарихин, сравнивая архивные комиссии с многочисленными научно-историческими обществами России, отмечал в их деятельности много общих черт. Они состояли как из профессионалов, так и из любителей. Однако объектом научного исследования каждой из архивных комиссий был свой регион. Через изучение истории отдельных регионов открывался путь к углубленному изучению общерусского исторического процесса. Не случайно в 1920-е гг. бывший сотрудник Нижегородской ГУАК проф. С.И. Архангельский активно обосновывал плодотворность «локального метода» в исторических исследованиях (Макарихин, 1991. С. 16, 17).

Ангерт Д.Н., Райков Б.Е., 1923. Экскурсионный метод в просветительной работе. М.; Пг.

Бакушинский А., 1919. Музейно-эстетические экскурсии. М.

Гревс И.М., 1925. Природа экскурсионности и главные типы экскурсий в культуру // Экскурсии в культуру: Метод. сб. / Под ред. проф. И.М. Гревса. Л.

Гревс И.М., 1926. Экскурсионный метод и краеведческий подход // По очагам культуры: Новые темы для экскурсий по городу: Метод. сб. / Под ред. проф. И.М. Гревса. Л.

Калачов Н.В., 1878. В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества? // Тр. III АС в Киеве. Т. I. Киев.

К истории отечественной экскурсионной школы / Под ред. Н.Г. Колокольцевой. М., 1992.

Макарихин Н.В., 1991. Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород.

Русский экскурсант: Ежемес. иллюстр. журнал, посвящ. родноведению и экскурсионному делу. Ярославль. 1915. № 4.

С.-Петербургский Археологический Институт: По поводу 25-летия его существования // Русский Вестник. 1903. № 2.

Уваров А.С., 1878. Отзыв о сочинении С.М. Шпилевского: «Древние города и другие Булгарско-татарские памятники в Казанской губернии». СПб.

Шпилевский С.М., 1884. О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии и возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края. Казань.

Юбилей двадцатипятилетия Рязанской губернской ученой архивной комиссии (1884–1909). Рязань, 1911.

М.А. Дэвлет

Институт археологии РАН

Из прошлого. Рисунок Б.А. Рыбакова

Первое занятие для первокурсников истфака МГУ по традиции открывается лекцией по отечественной истории. В 1962 г. вводную лекцию читал Борис Александрович Рыбаков на заседании Ученого совета. Пожалуй, именно она оставила самый неизгладимый след в моей памяти за все время учебы на истфаке. Помнится, как мы, новоиспеченные студенты, буквально ошеломленные услышанным, высыпали из аудитории клубного корпуса на ул. Герцена и, радостные и счастливые, шли по улицам столицы, переполненные чувством гордости за свое Отечество, твердой верой в светлое будущее страны.

Шли годы. В дальнейшем именно по совету Б.А. Рыбакова я занялась изучением сибирских петроглифов, и Борис Александрович председательствовал на заседании Ученого совета в связи с защитой мною докторской диссертации «Петроглифы

Енисея». За столом президиума мы сидели рядом. Судя по комментариям, которые Борис Александрович отпускал в адрес выступавших, он слушал внимательно и вникал в суть дела. Временами его мнение расходилось с тем, что говорилось в официальных отзывах, и он шепотом аргументировал свое несогласие, попутно иллюстрируя свои мысли на бумаге. Так произошло, когда речь зашла о геометрических фигурах с точечным заполнением на скалах святилища Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисея.

В отзыве ведущего учреждения говорилось: «Не кажется правдоподобной и убедительной интерпретация, предлагаемая автором для некоторых своеобразных фигур из Мугур-Саргола, в качестве изображенных в плане (?) жилищ “со входами и отсеками для сна”, с очагами и “с примыкающими к ним оградками – загонами для скота”. Необоснованно и

отнесение этих редких для Тувы и Хакасии рисунков к бронзовому веку. Детальные планы жилищ и загон для скота, как явление глубоко рационалистическое, не могли ни в какое время воспроизводиться на скалах, где изображалась не реальная жизнь людей, а сакральные, связанные с ритуалом или с мифологией, рисунки. Ведь сама же М.А. Дэвлет, например, справедливо пишет, что “на Боярской писанице представлены иррациональные, идеальные поселки...”. Какой человек захотел бы подвергать страшной опасности свою семью и свой скот, изобразив детальный план своего дома и даже (условно точками) число голов своего скота?».

В ответном слове я сказала: «Что касается изображений, которые я трактую как представленные в плане жилища, то я совершенно согласна с тем, что это ирреальные, а не конкретные постройки. Я никогда не придерживалась мнения, как это можно было бы заключить, ознакомившись с отзывом, что изображение жилища с загонem представляет собою детальный план конкретного дома конкретного человека, того самого, который выбивал рисунки на скале. Напомню, что в отношении точек внутри оградок, изображенных на скалах в Забайкалье, А.П. Окладников писал, что “пятна символически, условно, обозначают, нужно думать, тех же людей и их души, а может быть, и самое ценное их достояние – скот”».

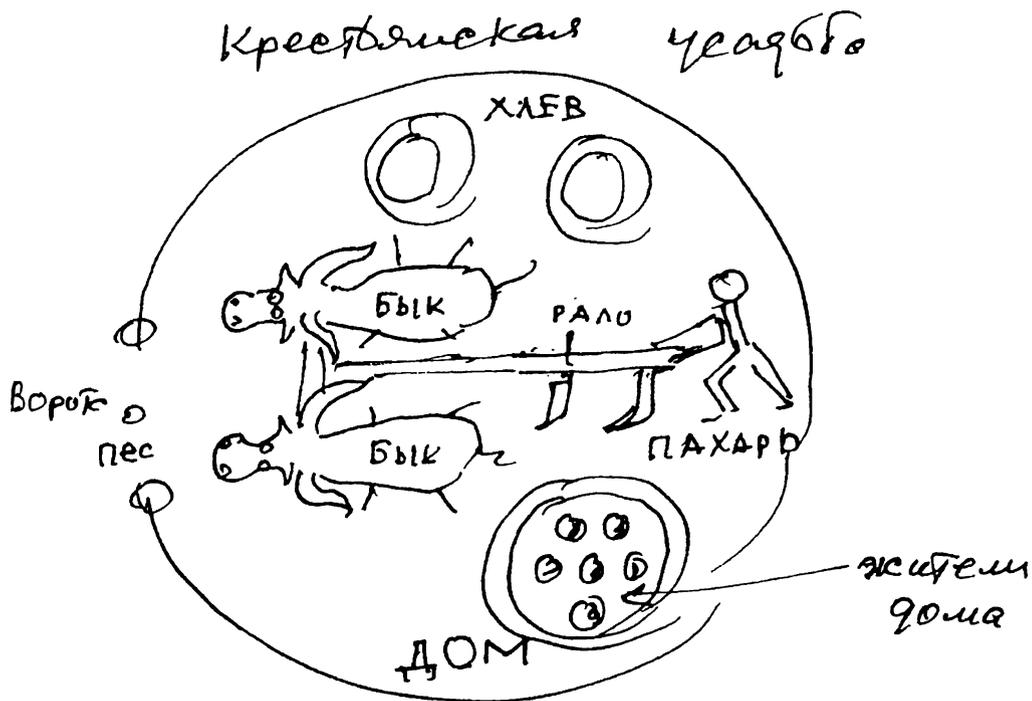
Несмотря на всю ирреальность, условность наскального искусства, в рисунках жилищ, по всей видимости, нашли отражение типы построек, подобные реально существовавшим в те времена, когда древние художники наносили изображения на поверхность камня. Хотя петроглифы в той или иной мере передают конструктивные и планиграфические особенности древних строений, зачастую бывает трудно отнести наскальные изображения жилых сооружений к тому или иному классу или типу, выделенному этнографами для традиционных жилищ. А.А. Попов выделял три класса сибирских традиционных построек: наземные и полуподземные, свайные, подземные. Согласно типологии З.П. Соколовой, таких классов четыре: каркасные, срубные, каркасно-срубные, бескаркасные. В каждом классе традиционных жилищ исследователи выделяют подклассы.

В наскальном искусстве в плановой проекции жилища изображались в бронзовом веке, возможно, и в начале железного. На древнейших петроглифах встречаются постройки круглые, квадратные и прямоугольные в основании. В последующие эпохи жилища бывают представлены сбоку.

Наибольшее число изображений жилищ, представленных в плане, было зафиксировано в Саянском каньоне Енисея на святилище бронзового века Мугур-Саргол, один наскальный рисунок – на правом берегу Енисея у подножия горы Алды-Мозага. Аналогичные петроглифы известны на Алтае в Елангаше, в Средней Азии на святилище Саймалы-Таш, в Монголии в местности Сальхинд, во Внутренней Монголии в горах Иньшань. Таким образом, в бронзовом веке наскальные рисунки жилищ, представленных в плане, были немногочисленны, однако имели широкий ареал.

Линии внутри контуров квадратных фигур, представленных на скалах, могут рассматриваться как детали внутренних конструкций жилищ. Постройки бывают переданы в плане с основаниями в виде столбов, поддерживающих кровлю, с жилыми отсеками, лежанками, входом и порогом. В центре квадрата, выбитого по контуру, часто имелся кружок, который означал очаг или дымовое отверстие. Поскольку жилища изображены в плановой проекции, как бы с птичьего полета, вероятно предположение, что это дымовое отверстие. Однако, может быть, древний художник в данном случае изображал не то, что видел, а то, что знал о предмете, и это не дымовое отверстие, а очаг. Во многих случаях к подобным фигурам подквадратной формы с разработанным внутренним пространством примыкают «оградки» округлых, овальных или подпрямоугольных очертаний с точечным заполнением – загоны для скота. Точки внутри оградок, на мой взгляд, символизировали скот в загонах, и каждая точка означала отдельное животное. В некоторых загонах в таком случае могло предположительно находиться до ста голов скота.

Борис Александрович поддержал мою точку зрения. Его рисунок четверть века хранился в моем домашнем архиве. Теперь же я предлагаю его вниманию читателей (рис. 1).

Священный новогодний хлеб
 ("богач") Болгария 1946г.

Хлеб изображает усадьбу пахаря
 и в кругах показаны люди (только по числу
 членов семьи) скот (рог.) овцы

Это имеет охранительное значение.

Рис. 1. Священный новогодний хлеб-«богач» из Болгарии.
 Рис. Б.А. Рыбакова

Е.Н. Жукова

Тверской государственный университет

Регистрация и учет археологических памятников Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.

Формирование базы исследования на этапе становления археологии было наиболее важным процессом. Первичным этапом изучения археологических памятников является поиск и фиксация данных источника. С течением времени этот аспект развития науки не потерял своей актуальности, изменились лишь приемы и методы исследования, связанные с накоплением знания самой науки и развитием научно-технического прогресса. Количество типов памятников, открытых и описанных в XIX – начале XX в., значительно уступает их современному разнообразию. Многие объекты не были доступны для исследования. Прежде всего изучались памятники, визуально фиксируемые на местности и очевидные своей древностью.

Основным способом сбора информации об археологических памятниках во второй половине XIX в. был метод опосредованного наблюдения. Информация основывалась на устной фольклорной традиции, обобщавшей в себе интуитивное знание простых обывателей об историческом прошлом.

По инициативе Д.Я. Самоквасова в начале 70-х гг. XIX в. усилиями Центрального статистического комитета во многие губернии Российской империи были высланы анкеты, нацеленные на сбор данных о городищах и курганах. Опросные листы, размноженные типографским способом, были разосланы волостным старостам в уезды Тверской губернии. Метод анкетирования оказался довольно эффективным средством для организации учета памятников древности в губернии. Его часто использовали тверские краеведы и в частной переписке, и прибегая к помощи губернской прессы.

Формой реализации собранного банка данных служили списки памятников и специальные топографические карты, с нанесенными на них археологическими объектами. Официальные списки исторических памятников, составленные на основании циркуляра Министерства внутренних дел, содержали данные о памятниках новейшего времени. Памятники археологии фиксировались исключительно на общественных началах. Возглавляли эту работу в Тверской губернии А.К. Жизневский и В.А. Плетнев.

Со второй половины XIX в. стали появляться пер-

вые археологические карты России. Идея издания подобного рода работ возникла в процессе деятельности Археологических съездов. Координатором и инициатором выступало Московское археологическое общество. Если подобная работа удавалась, то в издании присутствовало и графическое, и текстовое отображение данных о памятнике. По актуальности для своего времени подобные карты можно сопоставить с современными «Археологическими картами» отдельных областей Российской Федерации. В 1903 г. В.А. Плетневым была опубликована археологическая карта Тверской губернии. Издание было подготовлено в двух частях: собственно карты и каталог археологических памятников.

Все памятники, расположенные на территории Тверской губернии, можно традиционно разделить по принятым в настоящее время археологическим эпохам – период каменного века, эпоха бронзы, ранний железный век и средневековье.

Для эпох каменного века и бронзы более характерным является способ регистрации отдельных находок. Каменные орудия находили как сопутствующий материал при раскопках курганов и городищ, уникальные вещи (чаще всего фатьяновские топоры) привлекали внимание людей при случайных обстоятельствах и хозяйственной деятельности. Находимые в изучаемый период каменные орудия можно сопоставить с современными материалами эпох мезолита, неолита и бронзы на территории Тверской обл. Местонахождения каменного века, с более подробной хронологической классификацией, различали исключительно столичные исследователи, работавшие на территории губернии: в начале XX в. – А.А. Спицын, в конце 1920-х гг. – Б.С. Жуков. Из региональных исследователей можно выделить П.Ф. Симсона, осуществлявшего целенаправленный поиск источников каменного века в районе Ржевско-Старицкого течения Волги.

В первой трети XX в. А.А. Спицын классифицировал известные ему памятники эпохи бронзы и раннего железного века на территории губернии. На основании анализа вещевого материала (каменных топоров, изделий из кремня, бронзы и керамической посуды) им были выделены 5 могильников и 30 местонахождений фатьяновской культуры, а

также 22 городища дьякова типа. В целом на территории губернии было зарегистрировано 175 городищ. Наибольшее их количество приходится на Осташковский уезд – 35 памятников. По доле данного типа памятников среди других в каждом уезде наибольший процент приходится на Корчевской (27%), Осташковский (23%) и Ржевский (24%) уезды. Приведенные данные в целом подтверждаются современными исследованиями. В настоящее время А.Д. Максимовым выделено 5 групп наибольшей концентрации памятников раннего железного века. Если сопоставить приведенные выше данные и выводы А.Д. Максимова, то городища Осташковского уезда соотносятся с памятниками Северо-Западной, Ржевского – Южной, а Корчевского – с восточной частью Юго-Восточной групп (Максимов, 1994. С. 109.). Наличие этих территориальных групп А.Д. Максимов объясняет причинами историко-культурного характера. Для периода древнерусского времени А.В. Куза выделил территориально локализованные группы городищ Древней Руси, среди которых фигурирует регион Верхневолжских озер, оз. Селигер и верхнего течения Волги до устья р. Тверцы (5,65% всех городищ) (Куза, 1996. С. 17). Это соответствует по дореволюционному административно-территориальному делению Тверской губернии Осташковскому и Ржевскому уездам. В качестве причин территориальной локализации древнерусских городищ А.В. Куза называет географический и социально-экономические факторы. Таким образом, фиксация городищ дореволюционными исследователями отражала объективный фактор разной плотности размещения памятников на территории Тверской губернии.

Большая часть зафиксированных во второй половине XIX – начале XX в. памятников приходится на период средних веков, который охватывает хронологический диапазон от V до XVII в., – около 64% от общего количества памятников (657). Основными категориями источников, попавших в поле зрения исследователей, были погребальные памятники (сопки, курганы, жальники, христианские кладбища), поселения (городища, культурные слои средневековых городов), а также отдельные находки и клады. Подавляющее большинство зафиксированных средневековых памятников относится к погребальным сооружениям. При этом, по характеру погребального обряда, данная категория источников включает в себя памятники от самых ранних (трупосожжения в сопках) до поздних христианских (обозначаемых как заброшенные кладбища или могилища).

Курганные погребальные комплексы были безусловным лидером по частоте фиксации в губернии. Данный тип памятника характерен для всех уездов

губернии. В среднем 41% всех типов памятников приходится на курганные группы (по современной классификации в данную категорию также входят сопки). Больше всего их зафиксировано в Вышневолоцком (77 местностей с курганами) и Осташковском (66) уездах. Почти полным их отсутствием характеризуется Калязинский уезд (4 объекта). Современные исследования подтверждают объективность такого распределения зарегистрированных к концу 1920-х гг. средневековых погребальных насыпных памятников. Из поволжских районов Тверской обл. в количественном отношении преобладают данные по Осташковскому и Селижаровскому р-нам, в дореволюционный период входившим в Осташковский уезд. Кроме того, к курганным насыпям причислялись и погребальные памятники раннего средневековья – длинные курганы и сопки, которые, в соответствии с результатами современных исследований, концентрируются исключительно в северо-западных районах области (Малыгин, 1994). Это добавляет в количественном выражении наполняемость дореволюционного понятия «курганы». Ситуация с калязинским течением Волги остается схожей с дореволюционным временем и в настоящий момент, что определяется причинами культурно-исторического развития региона.

Поселения периода средневековья начали выделять среди других типов памятников лишь с начала XX в. А.А. Спицын определил как отдельную категорию памятников «остатки старых городов», объединив в данном случае городища и средневековые слои современных городов. В особую категорию памятников можно выделить клады и отдельные находки (89 случаев, 8% от всех зарегистрированных памятников).

Таким образом, более всего на территории губернии были известны археологические памятники эпохи средневековья. К началу XX в. было известно большинство типов памятников, однако вне поля зрения археологов оставались неукрепленные сельские поселения. Своеобразной компенсацией может служить информация о заброшенных кладбищах (ныне уже не существующих), которые локализовались рядом с позднесредневековыми поселениями и служили ориентирами сельских памятников XV–XVII вв.

Куза А.В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников. М.

Максимов А.Д., 1994. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 1.

Малыгин П.Д., 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Там же.

*Е.Ю. Захарова**Воронежский государственный университет*

Роль столичных учреждений и научных обществ в становлении воронежской археологии*

Возникновение научного интереса к памятникам старины в среде воронежской интеллигенции относится ко второй половине XIX в., что во многом стимулировалось столичными научными организациями. Осуществление связи с ними происходило, главным образом, в виде исполнения местными краеведами инструкций Императорской археологической комиссии (ИАК) и запросов Московского археологического общества (МАО) при подготовке к очередным Всероссийским археологическим съездам (АС).

Единственным учреждением в Воронеже второй половины XIX в., объединявшим местных любителей старины, был губернский статистический комитет (ВГСК), который и осуществлял взаимодействие со столичными учреждениями. В 1863 г. в Воронеже, как и в других губернских городах, из ИАК была получена программа по собиранию сведений об археологических памятниках, которую ВГСК опубликовал в «Губернских ведомостях» и разослал отдельные ее оттиски в уездные полицейские управления с «приглашением приводить в известность наличные в губернии памятники древности и сведения о них доставлять в комитет» (Зверев, 1893. С. 162). Спустя десять лет по запросу из столицы вновь собирались сведения о местных городищах, для чего в архиве ВГСК было заведено отдельное дело (Там же). Одним из итогов проведенных работ стали первые публикации археологической статистики Воронежской губернии (Вейнберг, 1887. С. 412–420; Спицын, 1896а. С. 132–140; 1896б. С. 286–306).

В конце XIX – начале XX в. значительный вклад в становление воронежской археологии внесло МАО. ВГСК начиная с 1880-х гг. находился в постоянной переписке с МАО, охотно отвечая на различные запросы из столицы (Зверев, 1893. С. 163). Воронежские краеведы-археологи высоко оценивали и значение АС, неизменными участниками которых были начиная с VIII съезда. А в период подготовки к XII АС активизация местных сил в археологическом изучении региона достигла своего апогея. В Воронеже были образованы сразу два научных сообщества с археологической направленностью: Воронежская ученая архивная комиссия (ВУАК) и Воронежский церковный историко-археологический комитет. К сожалению, по отношению к воронежским краеведам-

археологам МАО ограничилось лишь установлением формальной связи.

Несмотря на явное стремление ВУАК наладить сотрудничество с МАО (Тр. ВУАК, 1904. С. XII–XIII; 1908. С. XVIII), большую заинтересованность в археологическом исследовании Воронежской губернии проявила ИАК, о чем и уведомила воронежцев (Тр. ВУАК, 1908. С. XLV). Именно деятельность А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко – квалифицированных и авторитетных специалистов из числа сотрудников ИАК – в начале XX в. способствовала качественному росту археологического знания в губернии и, что не менее важно, обеспечила координацию усилий археологов-специалистов и краеведов.

Таким образом, в первое десятилетие XX в. активизация местных исследовательских сил при стимулировании содействия столичных археологов за короткое время обусловила оформление в Воронеже самостоятельного краеведческо-археологического центра, развитие которого в последующее десятилетие определялось его организационными и материальными возможностями и самобытностью местной проблематики.

Но события 1917 г. прервали естественный ход дальнейшего развития местной археологии. Старое поколение исследователей ушло со сцены, не подготовив смены, а те краеведы-археологи, которые оставались в живых, сосредоточили свои интересы на иных вопросах.

Вновь потребовался мощный столичный импульс для возобновления археологической деятельности в регионе. С 1923 г. возобновилась традиция проведения археологических исследований, в ходе которых под руководством квалифицированных археологов из центра объединялись усилия местных краеведов из числа сотрудников Воронежского краеведческого музея (С.Н. Замятнин, Н.В. Валукинский). При этом роль столичных научно-исследовательских учреждений, прежде всего ГАИМК, в планировании, организации и проведении работ в регионе становится определяющей.

В этой связи, прежде всего, следует отметить деятельность П.П. Ефименко, который в 1920–1930-е гг., будучи ведущим научным сотрудником ГАИМК, в течение ряда лет руководил экспедицией для изучения палеолитических культур (1923–1926 гг.), Юго-

Восточной (1925–1929 гг.), а затем Костёнковской (1931–1938 гг.) экспедициями. Основным объектом исследования этих экспедиций стал костёнковско-боршевский микрорайон памятников. Заслуживает внимания и экспедиция ГАИМК 1936 г. под руководством Г.В. Подгаецкого, в процессе работы которой были получены яркие свидетельства металлургии и металлообработки на Среднем Дону в эпоху бронзы (Подгаецкий, 1941. С. 156–160).

С территорией Воронежской губернии в 1920-е гг. была связана и деятельность В.А. Городцова, в то время руководившего отделом археологии РАНИОН. В 1927 г. он возглавил Воронежскую экспедицию по изучению могильника «Частые курганы» (Городцов, 1947. С. 13–27).

В целом же полевые археологические работы в Среднем Подонье в конце 1920-х – 1930-е гг. приобрели систематический характер и способствовали выходу на концептуальные обобщения в рамках набравшей силу стадиальной теории. Костёнковско-боршевский микрорайон вошел в вузовский учебник по истории первобытного общества как яркий пример наличия на ограниченной территории «вещественных памятников по крайней мере от трех ступеней развития первобытного общества: от ступени возникновения родового общества – охотничий лагерь древнекаменного века, от ступени возникновения патриархата – пастушеско-земледельческое поселение периода бронзы с соседними курганами, от ступени образования сельской общины – Боршевское городище также с курганами, но более позднего типа» (Равдоникас, 1939. С. 16, 17). На материалах, полученных в эти десятилетия, базируется и первое диссертационное исследование по археологии нашего региона (Подгаецкий, 1949. С. 134 – 137; РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 145, 146). В 1948 г. появляется первая монография по археологии донских славян, также основанная на материалах раскопок конца 1920-х – 1930-х гг. (Ефименко, Третьяков, 1948).

В послевоенные десятилетия лидирующая роль центральных учреждений в организации археологических работ в Среднем Подонье сохраняется. В то же время наблюдается активизация местных организаций, в первую очередь Воронежского госуниверситета, где с 1948 г. начинает свою деятельность А.Н. Москаленко.

Прежде всего, возобновляет работу Костёнковская палеолитическая экспедиция ЛО ИИМК (ИА) АН СССР под руководством А.Н. Рогачева (Векилова, 1977. С. 210). В эти же годы экспедицией ГИМ были проведены раскопки кирпичных золотоордынских построек в окрестностях Красного Хутора на р. Мечетке (Левашева, 1948).

С 1954 г. началась полевая археологическая деятельность в Среднем Подонье П.Д. Либерова (в его лице – ИИМК, затем ИА АН СССР). Во второй половине 1950-х – 1960-е гг. именно его работы определяли уровень изучения проблематики эпохи бронзы и раннего железного века в Среднем Подонье. Им написаны первые для этой территории монографии по данной проблематике (Либеров, 1964; 1965), а в 1971 г. защищена докторская диссертация.

Начало собственно региональной полевой археологии связано с работами в зоне строительства Воронежского водохранилища. Организация в 1969 г. Воронежской экспедиции стала значительным событием, как по масштабам выполненных работ, так и с точки зрения становления воронежской школы археологии. Впервые на паритетных началах в ее составе сотрудничали столичные и местные исследователи. Представляется неслучайным отказ П.Д. Либерова от постоянного участия в работе экспедиции и возложение руководства ею на Б.Г. Тихонова и А.Д. Пряхина (Либеров, Тихонов, 1969. Л. 1-2).

Работы этой экспедиции знаменуют собой начало нового периода воронежской археологии, в ходе которого она становится центром региональной археологии Черноземья. Основными характеристиками ее последующего развития стали организация планомерного систематического изучения края, создание системы подготовки кадров и координация деятельности археологов всего черноземного региона.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-56101 а/ц.

Вейнберг Л.Б., 1887. Городища и курганы в Воронежской губернии: Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты. Воронеж. Т. 1.

Векилова Е.А., 1977. Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.

Городцов В.А., 1947. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // СА. IX.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.

Зверев С.Е., 1893. Воронежские древности (статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 г.) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж.

Левашева В.П., 1948. Отчет о раскопках, произведенных летом 1948 г. близ с. Красный Хутор на р. Мечетке в Хреновском р-не Воронежской обл. // Архив ИА. Р-1. № 286, 287, 288.

- Либеров П.Д., 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.
- Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31.
- Либеров П.Д., Тихонов Б.Г. Отчет Воронежской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках в зоне строительства водохранилища на реке Воронеж // Архив ИА. Р-1. № 3945, 3945а.
- Подгаецкий Г.В., 1941. Гор. Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л.
- Подгаецкий Г.В., 1949. Предскифский период на Среднем Дону // КСИИМК. Вып. XIII.
- Равдоникас В.И., 1939. История первобытного общества. Л. Ч. 1.
- Спицын А., 1896а. Обзорение некоторых губ. и обл. России в археологическом отношении. III: Воронежская губ. // Зап. ИРАО. СПб. Т. VIII.
- Спицын А., 1896б. Сведения 1873 года о городищах и курганах: Воронежская губерния // Там же.
- Тр. ВУАК. Воронеж, 1904. Вып. 2.
- Тр. ВУАК. Воронеж, 1908. Вып. 4.

В.Ф. Зуев

Музей истории Комсомольского отделения Дальневосточной железной дороги, Комсомольск-на-Амуре

А.П. Окладников и древнее поселение Кондон

Древнее поселение в с. Кондон Солнечного р-на Хабаровского края расположено на правом берегу р. Девятки, вытекающей из оз. Эворон и впадающей в р. Гэрин (Горюн, Горин). Напротив с. Кондон возвышается гора (310 м над уровнем океана) – это главный сэвэдаи сэвэ Кайласу. В середине XIX в. нанайцы стали называть ее Кондонгка Хурэни, т. е. Кондонская Гора – голова Дракона (Кондо).

А.П. Окладников, производивший раскопки в с. Кондон, пришел к выводу, что первым здесь было поселение эпохи неолита. Таким образом, на месте этого села люди жили уже в каменном веке. Безусловно, племена менялись, изменялся облик поселения, но жизнь на этом месте, возможно, не прекращалась более пяти тысяч лет.

Первые небольшие археологические раскопки в Кондоне, по некоторым данным, произвел крупный американский ученый Бертольд Лауфер, работавший на Амуре в составе этнологической экспедиции в 1899–1902 гг. Его внимание привлекли различные изображения на обнаруженных во время раскопок древних керамических сосудах. В фондах Эрмитажа хранится также коллекция этнографа Н.Р. Шнейдера, собранная в 1926–1927 гг., – различные сосуды, наконечники стрел, меч и доспехи воина эпохи чжурчжэней.

В 1930 г. с. Кондон посетил выдающийся дальневосточный исследователь и писатель В.К. Арсеньев. Он произвел небольшие раскопки в районе стойбища Сорголь.

Следы древних поселений в виде чашевидных углублений прослеживаются во многих местах вдоль берегов оз. Эворон, рек Девятки и Горюна. Местные

жители при распахке огородов и строительстве домов находили самые различные древние изделия. Так, в 1955 г. при строительстве дома Ф.А. Зуева в с. Кондон мной была найдена сунская монета времен правления чжурчжэньского императора Агуды (1115–1123 гг.), а также фарфоровые чашечки. В моей коллекции были и другие монеты – периода империи Цзинь, а также времен Бохая и династий Ляо, Сун, Мин, Цин и др. Вся эта коллекция была передана Кондонскому краеведческому музею в 1962 г.

В мае 1960 г. ученики Кондонской восьмилетней школы – автор этих строк, С. Бельды, П. Оплятов, А. Самар, А. Саяпин, – копая ямы для столбов школьной метеоплощадки, обнаружили три больших глиняных сосуда и кучу пластинчатых наконечников стрел и копий из кремня, ножи и нефритовые топоры. Эти находки учитель школы И.М. Шабуров показал директору Хабаровского краеведческого музея В.П. Сысоеву (в настоящее время – известный натуралист, писатель), а тот в свою очередь – А.П. Окладникову. Заинтересовавшись находками и отобрав некоторые из них, профессор решил выехать в с. Кондон и слово свое сдержал.

А.П. Окладников организовал большую экспедицию. Для первоначальных раскопок выбрали место у школы, где были обнаружены находки. В раскопках участвовали студенты Комсомольского педагогического института, учащиеся Кондонской школы, молодые колхозники артели «Сикау Покто». Часто приходили к археологам, предлагая свою помощь, старые охотники Н.Д. Дзяпи, А.С. Тумали, А.М. Самар, И.М. Самар, П.Д. Самар, В.П. Самар, Н.С. Самар, И.В. Дигор, О.А. Самар, А.М. Самар, В.А. Са-

мар, Ф.М. Самар и др. В минуты отдыха они рассказывали археологам старинные легенды и предания. Председатель сельсовета Е.М. Самар, руководители колхоза И.А. Герасимов и Е.В. Самар старались организовать дело так, чтобы у археологической экспедиции не возникало проблем.

Е.В. Самар и А.П. Окладников обсудили предложение: в обмен на помощь ученых по организации в селе народного музея колхоз будет начислять трудодни тем, кто будет работать в экспедиции землячками или проводниками. Ученый горячо поддерживал эту идею.

По итогам раскопок 1960 г. Алексей Павлович организовал в школе выставку особо интересных находок: керамики, каменного инвентаря, образцов искусства опорных памятников эпохи неолита, времен мохэ и чжурчжэней, предметов быта XIV–XIX вв. Часть этой выставки и вошла в состав Кондонского краеведческого музея им. Акима Самара, который расположился в большой комнате сельского клуба. Первым директором музея был избран старейший охотник Н.Д. Дзяпи, его заместителем – учитель истории И.М. Шабуров. При музее был организован кружок краеведов. На заседание кружка часто приходил А.П. Окладников и с большим интересом рассказывал нам о поиске и находках.

Юные краеведы вместе с ним и с Н.Д. Дзяпи совершили несколько экскурсий на лодках по рекам Девятке, Горюну, Харпи и оз. Эворон и его притокам Эвур, Харпичикан, Сироки, Чаны и Холодная. Н.Д. Дзяпи во время походов и у таежного костра рассказывал нам обо всем, что знал о родных местах, о расположении древних стойбищ и стоянок, легенды и предания своего народа. Краеведы помогали знаменитому ученому производить рекогносцировочные раскопки. Особо отличившимся ученикам, в том числе и автору, профессор вручил по 40 рублей и медаль «Лучший краевед села». И пусть они были изготовлены из бумаги, от этого они не становились менее почетными для юных краеведов.

В 1962 г. раскопки были продолжены. Теперь они велись в 200 м от здания почты, в котором раньше (1891–1930 г.) располагалась церковь, и на берегах р. Девятки, оз. Эворон и его притока Эвур. В этих местах раньше были нанайские поселения: Эвур, Десилен, Кача, Чэны, Начанка, Тоокса, Сороки, Кадан, Джаубжах, Харпичан, Хагду, Каогани, Дабаку, Сорголь, Юктакан, Три Речки, Чендока, Морин, Альгакан, Синдан, Хуинда, Таракан, Гэри, Наан. В 1962–1963 гг. к участию в экспедиции были привлечены молодые ученые А.П. Деревянко, В.Е. Ларичев, А.И. Мартынов, Ю.А. Мочанов (помню его с 1960 г.) и студенты педагогических институтов из Новосибирска, Хабаровска. Активное участие в

разведывательных раскопках приняли краеведы из Кондонской школы. В 1962 г. А.П. Окладников совершил экскурсию с юными краеведами на р. Эвур, приток оз. Эворон, а в 1963 г. – по р. Горюн, от с. Кондон до амурского с. Нижние Халбы и обратно. Велись небольшие раскопки и наблюдения, нас сопровождал наш учитель-наставник Н.Д. Дзяпи. А на участке экскурсии Бичи – Нижние Халбы, а затем назад до стойбища Таладда, нас сопровождал старейший житель с. Бичи, отец первого нанайского поэта Акима Самара Д.А. Самар.

За годы поисков обнаружены удивительные находки – печи для выплавки чугуна и железа, следы развитого скотоводства и земледелия, керамическая посуда. Было выявлено несколько поселений древних людей – свидетельства высокого уровня развития, самобытной культуры народа, населявшего некогда берега Эворона и Горюна. Тогда же, в 1963 г., в раскопе была найдена керамическая фигурка миловидной девушки (Окладников, Деревянко, 1973. С. 120, 121). Ее нарекли «Кондонской Венерой». Теперь она известна археологам разных стран.

Нижне-Амурский отряд Дальневосточной археологической экспедиции СО АН СССР продолжал работу в районе с. Кондон в 1971 и 1972 гг. В работах принимали участие В.Е. Медведев (нач. отряда, ныне доктор исторических наук), Л.Ф. Каурова, Л.И. Афанасьева, О.С. Медведева, И.С. Троицкая, М.И. Угрин, А.Ф. Фелингер, студенты Хабаровского и Благовещенского педагогических институтов и учащиеся Кондонской школы. Общее руководство работами осуществлял академик А.П. Окладников (1984. С. 4, 5). Исследования экспедиции показали, что на кондонской земле люди жили не только в эпоху неолита, но и позже, обитали также предки нанайцев – мохэ, чжурчжэни. Были изучены и описаны многие жилища, инвентарь, открыто более трех десятков древних поселений.

Пройдет время – археологи найдут и изучат другие древние поселения на Горюне, Эвороне, Девятке, но окно в неведомый исчезнувший мир, открытое экспедицией Алексея Павловича Окладникова, уже никогда не закроется. Доказательство тому – сегодняшний всплеск интереса к местам обитания священного мзогэна Када-Качан, мифического хозяина озера Эворон.

Окладников А.П., 1936. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // СА. № 1.

Окладников А.П., 1983. Древнее поселение Кондон. Новосибирск.

Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток.

Н.В. Иванова

Нижегородский государственный педагогический университет

Переписка В.А. Городцова и В.Т. Илларионова

В Центральном областном архиве Нижнего Новгорода хранятся письма выдающегося русского ученого Василия Алексеевича Городцова. Они адресованы известному горьковскому историку Виктору Трофимовичу Илларионову, ответные письма которого хранятся в ОПИ ГИМ в Москве. Переписка этих людей длилась более двадцати лет. Первое из известных нам писем – ответ В.А. Городцова В.Т. Илларионову – датировано 22 мая 1923 г., а последнее написано В.Т. Илларионовым 28 октября 1943 г.

Понимая значение В.А. Городцова как выдающегося ученого и незаурядного человека, В.Т. Илларионов собирал о нем материалы, с тем чтобы написать статью или книгу.

В одном из писем, написанном, вероятно, в ответ на просьбу Илларионова, содержатся автобиографические заметки; Городцов рассказывает о своей научной деятельности, в частности о выработанном им типологическом методе и основанном на нем методе определения времени культур посредством исключения крайних дат. Он пишет о созданной им оригинальной классификации первобытных древностей, отличающейся от классификации Г. Мортилье, об изучении техники обработки каменных орудий. Он упоминает археологические памятники, раскопками которых руководил или принимал в них участие, называет ряд работ, явившихся результатом его исследований. Городцов утверждает, что он первым из русских археологов составил и напечатал курсы Первобытной и Бытовой археологии, прочитанные в Московском Археологическом Институте и в Народных университетах в Москве и Нижнем Новгороде. Дополнением к этому письму является листок по учету кадров, заполненный В.А. Городцовым 7 марта 1935 г., где содержатся официальные биографические сведения.

В письмах Василий Алексеевич делится своими планами подготовки к экспедициям, где он продолжал работать, несмотря на преклонный возраст и запрет врачей. Он пишет о будущих публикациях, в частности о втором издании I тома «Археологии», и о необходимых для составления II тома раскопках. Очень интересны замечания Василия Алексеевича по поводу стиля работы его современников – археологов М.В. Воеводского, Д.А. Крайнова, Г.П. Соновского, С.Н. Замятина.

В 1938 г. в Ленинграде – в Институте истории

материальной культуры и в Институте этнографии АН СССР – чествовали В.А. Городцова в связи с пятидесятилетием его научной деятельности. Это событие также нашло отражение в письмах. Городцов получил огромное количество поздравлений со всей страны, в том числе и от музейных работников г. Горького. Ответить каждому было невозможно, а отблагодарить всех через газеты не удалось, т. к. вся московская пресса была занята агитацией в связи с выборами депутатов Верховного Совета и ни в одной газете не нашлось места для краткой публикации.

На вопрос о намеченной В.Т. Илларионовым теме «В.А. Городцов» он отвечает сомнением в том, что такая монография будет напечатана, т. к. считает, что «освещение такого труда не нужно, не своевременно». К сожалению, Илларионову не удалось осуществить задуманное, книга о Городцове не была написана, но материалы остались в архиве.

Практически все письма связаны с интересами Илларионова в области древнейшей истории. Они касаются таких тем, как подготовка к печати его работы «Развитие в России знаний о доисторическом человеке», сбор материала для диссертации, в связи с чем он просил Василия Алексеевича воспользоваться его картотекой и предоставить информацию о его научных трудах. Любопытно высказывание Илларионова о своем первом сочинении на тему археологии – брошюре «Обзор археологических открытий в Нижегородской губернии».

Среди писем есть датированный 1934 г. отзыв Городцова о начатой Илларионовым работе «Проблемы ископаемого человека Восточной Европы и Сибири». Он поддержал начинающего историка своим авторитетом признанного ученого, подтвердив новизну выбранной им темы, не проработанной к тому времени в советской научной литературе. Спустя несколько лет Городцов поздравлял Илларионова с окончанием большого научного труда, но отзыв дал лишь после того, как получил ответ на свое письмо, в котором хотел выяснить некоторые важные для него моменты. Это чрезвычайно интересное письмо с объяснением сущности разработанного им типологического метода, по сути, явилось оценкой Городцовым собственной научной деятельности.

Критический отзыв доктора археологии на первую редакцию работы – «Ископаемый человек Восточной Европы и Северной Азии. Опыт историогра-

фии палеолита СССР» – также хранится в личных фондах Городцова и Илларионова.

Илларионов с учетом замечаний рецензентов несколько лет выправлял свой «Опыт историографии палеолита СССР». В 1941 г. после доработок одна из восьми глав работы была защищена в ГАИМК как кандидатская диссертация по теме «Ископаемый человек в историографии палеолита СССР». Затем он приступил к работе над историографией палеолита Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии. Он вновь обратился с просьбой к Городцову предоставить список его иностранных публикаций по палеолиту и список откликов в иностранной литературе на его исследования в области палеолита. Что ответил на это Василий Алексеевич, неизвестно, т. к. писем более позднего времени в нашем распоряжении нет.

В нескольких письмах обсуждались вышедшая в 1934 г. книга П.П. Ефименко «Дородовое общество» и возможность публикации критической статьи, написанной Илларионовым по совету Городцова. Василий Алексеевич был не согласен с утверждением П.П. Ефименко, что человечество в период палеолита оставалось в состоянии дородового общества, и считал, что автор не раскрыл обозначенную в заглавии книги социологическую тему. Он указал на недостатки работы и высказал свои критические замечания по ряду пунктов, но писать статью считал неудобным, т. к. опасался быть заподозренным в пристрастном отношении к человеку, который работал с ним в одной области знания. Городцов приложил немалые усилия к тому, чтобы опубликовать рецензию Илларионова. Наконец в мае 1935 г. редактор журнала «Советская этнография» С.Н. Быковский назначил статью к печати и собирался поместить ее вместе со своим отзывом на книгу «Дородовое общество», но публикация не состоялась.

Городцов писал также, что в Институте антропологии, этнографии и археологии АН в Ленинграде готовится первый выпуск сборника «Советская археология», в котором предполагается печатать исследовательские археологические работы и различные сведения о неизданных археологических находках. Безусловно, это было заметным событием для археологов.

В рассматриваемых нами письмах нашло отражение стремление объединить археологические силы страны, возобновив традицию проведения систематических конференций и съездов. Благодаря энергии Городцова были организованы I и II Всесоюзные Археологические конференции. По его инициативе проведена большая организационная работа по созыву I Всесоюзного археологического съезда и в 1927 г. учреждены комитеты содействия

в столицах и больших городах СССР. «Чтобы возбудить и поднять интерес к съезду, В.А. Городцов, избранный Председателем московского (главного) Комитета съезда, лично объехал города: Минск, Харьков, Тверь, Ярославль, Н. Новгород, Казань, Симбирск, Самару, Саратов, Уфу, Пермь, Красноярск, Иркутск и Минусинск». Председателем нижегородского комитета был назначен Илларионов. В письмах к Городцову он выяснял рабочие моменты организации съезда, просил выслать инструкции и другие документы. Нижегородский комитет обратился с просьбой ко всем краеведческим организациям и музеям края о содействии работе по созыву съезда. К сожалению, I Всесоюзный съезд тогда не состоялся. Причиной этого Городцов считал то, что «инициатива в археологическом деле перешла из Наркомпроса в Академию Истории материальной культуры, оказавшейся большим гнездом вредителей. Любопытно, что ГАИМК, захватив инициативу работ на археологическом фронте РСФСР, в течение времени своего существования не организовала ни одной Всесоюзной археологической конференции и ни одного археологического съезда». Илларионов же был уверен, что съезд не состоялся «в силу соответствующих решений партии и правительства, поскольку в тот период содействовал объединению многочисленной армии местных и центральных работников, чуждых, методологически, советской науке и советскому обществу, что и было продемонстрировано на двух археологических съездах, непродуманно созданных Археологическим отделом НКП РСФСР, центральной фигурой которых был В.А. Городцов».

Вся бурная научная и общественная деятельность происходила в обстановке идеологической и классовой борьбы, политических дискуссий, борьбы с «врагами народа» и «вредителями». Эта атмосфера ощущается во многих письмах. В них отражается и внутренняя политика страны, и взаимоотношения в научной среде, и отношение к Городцову как к ученому, и его личные проблемы.

В начале 1930-х гг. закрывались все краеведческие общества, музеи, прекратилась подготовка историков и археологов, происходила так называемая «чистка» – из вузов и научно-исследовательских институтов увольняли ученых старой школы. Не избежал этой участи и В.А. Городцов. Он потерял работу в МГУ, в РАНИОН, в Историческом музее и был вынужден уехать в Ленинград, где работал в Музее антропологии и этнографии АН СССР.

О тяжелой обстановке в стране говорят высказывания Городцова об окружающих его людях науки, его впечатления о том, как изменилось отношение к М.Н. Покровскому, бывшему в недавнее время

«крупным идеологическим вождем». В 1936 г. он писал Илларионову: «Все мои знакомые, да и сам я, стали какими-то не в меру, а иногда и не по летам, суетливыми, мрачными и главное странно трусливыми. Все как будто боятся сказать не впопад слово. Да и, в самом деле, жутко».

Илларионов интересовался переменами, происходившими в составе служащих Академии наук, и Городцов сообщал о преобразованиях в структуре научных учреждений, связанных с археологией. В 1936 г. В.А. Городцов писал, что с приходом нового ученого секретаря в Академии наук приоритет отдается развитию технических, а не гуманитарно-исторических знаний, и вопрос об открытии кафедры археологии снят с очереди.

Российская Ассоциация научных институтов общественных наук была закрыта еще в 1929 г. Археологов из Академии искусствознания объединили в Московском отделении ГАИМК. Всероссийское

археолого-этнографическое совещание в 1932 г. приняло решение об упразднении археологии, которая стала рассматриваться как вспомогательная историческая дисциплина. Все же положение исторической науки и археологии постепенно менялось. С 1934 г., после постановления партии и Совнаркома СССР, восстановилось преподавание истории в школе, начали возрождаться исторические факультеты в МГУ и ЛГУ, открывались кафедры археологии. В 1938 г. Городцов писал Илларионову об учреждении Института истории материальной культуры и о вошедших в его состав специалистах. Он опасался, что вновь созданный институт может быть расформирован так же, как и Институт археологии, антропологии и этнографии.

Несомненно, переписка В.А. Городцова и В.Т. Илларионова представляет интерес как для исследователей истории палеолита в СССР, так и для специалистов по истории археологии.

Ю.Ю. Каргин

Саратовский государственный университет

Охранные исследования на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье во второй половине XX в.

Мелиоративное строительство, развернувшееся в Заволжье в 1970–1980 гг., стало важной вехой в становлении хозяйственной археологии. Являясь одним из факторов интенсификации археологических исследований, оно способствовало совершенствованию законодательной и методологической базы в области охраны памятников историко-культурного наследия. Эти вопросы в «эпоху великих строек» длительное время оставались без должного внимания со стороны государственных органов, следствием чего явились колоссальные разрушения и массовое уничтожение памятников археологии в ходе строительных работ.

Широкомасштабное мелиоративное строительство началось после сооружения Волжского каскада – системы ГЭС на р. Волга. Именно в тот период памятникам археологии в Заволжье был нанесен наибольший ущерб. В Саратовской обл. это связано с сооружением Сталинградской (1951–1957) и Саратовской (1956–1967) ГЭС. Земляными работами, а также подтоплением берегов рек, было уничтожено огромное количество памятников. Лишь незначительная их часть была спасена в 1951–1957 гг.

Заволжским отрядом Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР во главе с И.В. Синицыным. Охранные работы на разрушающихся памятниках с тех пор ведутся непрерывно, что обусловлено нескончаемым процессом обрушения берегов водохранилищ.

Археологические работы на объектах мелиоративного строительства имели свою специфику. Сплошное обследование местности, отведенной под строительство, позволяло выявить и изучить компактные группы памятников. Поскольку государственное финансирование масштабных полевых исследований всегда было недостаточным, археологические работы на новостройках стали основным источником поступления новых материалов. Таким образом создавалась база данных по конкретному региону и появлялась возможность глубоких теоретических исследований. Имелась и обратная сторона. Широкомасштабность новостроечной археологии не оставляла возможности оперативно вводить в научный оборот накопленные материалы и соотносить их с теоретическими построениями. Многие до сих пор не опубликовано.

В 1972 г. был организован сектор Новостроечных экспедиций ИА АН СССР (с 1984 г. – сектор охранных раскопок). В Саратовской обл., в районах строительства гидромелиоративных сооружений (Энгельсская и Балаковская оросительные системы) в 1974–1979 гг. работал Заволжский отряд Средневожской (Волго-Уральской) экспедиции под руководством Л.Л. Галкина и П.Д. Либерова (табл. 1). В это время сектор Новостроечных экспедиций возглавлял Ю.А. Краснов, много сделавший для его становления и развития.

Финансирование охранных исследований на объектах мелиоративного строительства осуществлялось крупнейшими проектными организациями, которые, согласно законодательству, выступали в качестве заказчиков. ИА АН СССР и региональные научные центры являлись исполнителями охранных работ.

Штат сотрудников ИА АН СССР был, однако, недостаточен для выполнения столь масштабных задач, а темпы археологических работ не поспевали за темпами строительства. Между тем, задачи десятой пятилетки (1976–1980 гг.), определенные XXV съездом КПСС, требовали увеличения масштабов строительства народнохозяйственных объектов. В связи с этим определяющее значение приобрела подготовка специалистов в региональных научных центрах. Отношения между заказчиками и исполнителями работ были существенно урегулированы Законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятым в 1977 г. и закреплённым в ст. 68 новой Конституции.

В Саратовской обл. такими специалистами стали работавшие в составе Средневожской экспедиции выпускники СГУ Н.М. Малов, М.Г. Ким, В.И. Мельник, А.А. Хреков. За несколько лет они освоили методику работ на новостройках и могли вести самостоятельные исследования в зонах строительства оросительных систем.

В 1978 г. в СГУ образовалась научная группа из трех человек (Н.М. Малов, С.Ю. Монахов, руководитель – Е.К. Максимов), приступившая к проведению хозяйственных охранных исследований. Группа выполняла функции археологической лаборатории, но не имела официального статуса в НИС СГУ. В 1981 г. В.Г. Миронов добился официального оформления научно-исследовательской археологической лаборатории СГУ (НИАЛ СГУ) и возглавил ее. Тогда же ему удалось заключить первый договор с проектным институтом «Саратовсовхозстрой» на охранные исследования в зоне строительства Мурманской оросительной системы в Ровенском р-не Саратовской обл. Исполнителями договора стали В.Г. Миронов и В.А. Лопатин. С этого момента и до 1986 г.

полевые исследования НИАЛ СГУ осуществлялись в основном по хозяйственным договорам в зонах мелиоративного строительства в Саратовском Поволжье. Увеличение финансирования способствовало расширению штата лаборатории и объемов работ.

В дальнейшем организацию археологических работ в зонах строительства оросительных систем осуществляли наиболее опытные сотрудники лаборатории – Н.М. Малов и В.А. Лопатин. В зоне строительства Приволжской (северный и южный массивы), Североершовской и Приветской оросительных систем были произведены разведки и исследованы компактные группы памятников в Энгельском, Марковском, Пугачёвском и Духовницком р-нах (табл. 2).

Помимо этого коллектив НИАЛ участвовал в хозяйственных работах в пограничных областях и в Калмыкии, выполнял научно-исследовательские работы по составлению археологической карты области, сотрудничал в охранных исследованиях с Саратовским областным музеем краеведения и Областной станцией юных туристов, работал по госбюджетным темам, финансируемым Минвузом.

В 1984 г. Пленум ЦК КПСС принял решение о разработке «Долговременной программы мелиорации», предусматривающей широкомасштабное сельскохозяйственное освоение новых территорий. В связи с этим в декабре 1985 г. в ЛОИА АН СССР состоялась всесоюзная научно-практическая конференция «Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации». Здесь были рассмотрены важные организационные и методологические вопросы, среди которых фигурировали сложности в организации и финансировании университетских экспедиций, отсутствие возможности введения в научный оборот большого объема новых материалов.

НИАЛ СГУ испытывала те же трудности. Остро стоял вопрос нехватки рабочих кадров для экспедиций. Руководители охранных раскопок (кроме В.Г. Миронова) не являлись преподавателями исторического факультета и не имели возможности вывозить студентов на исследуемые в зонах новостроечных памятники. Поэтому на добровольной хозяйственной основе с 1981 г. на правах ССО активно привлекались специально созданные студенческие отряды «Археолог» и «Скиф». Другая сложность состояла в том, что СГУ, не участвуя в деятельности лаборатории, забирая с хозяйственной прибыли высокий процент, часто задерживал финансирование работ НИАЛ. Многие материалы новостроечных экспедиций также оставались неопубликованными.

Таблица 1. Охранные исследования Средневожской (Волго-Уральской) экспедиции ИА АН СССР на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье

Год	Название экспедиции, отряда	Район работ	Объекты мелиоративного строительства	Источник финансирования	Археологические работы	Исследователи	
1974	Заволжский отряд	<u>Энгельский</u> : западный берег р. Сухая Саратовка	III очередь Энгельсовской оросительной системы	Главсредвожго- водстрой	Раскопки: 1-я кург. гр. (8 курганов); пос. сруб. к-ры	<u>Галкин Л.Л.</u> , <u>Мельник В.И.</u> , <u>Ким М.Г.</u> , <u>Ледяйкин В.И.</u> <u>Хреков А.А.</u>	
1975		<u>Питерский</u> : <u>Энгельский</u> : берег р. Сухая Саратовка; <u>Краснопартизанский</u> , с. Подшибаловка			разведки на р. Малый Узень; Раскопки: пос. сруб. к-ры у с. Анисовка; 2-я кург. гр. (4 кургана); 3-я кург. гр. (3 кургана).		
1976		<u>Энгельский</u> : <u>Ровенский</u> : р. Еруслан; <u>Питерский</u> ; <u>Балаковский</u>			Раскопки: кург. гр. у с. Осиновка (9 курганов) кург. гр. Луговское I (6 курганов); Разведки Разведки Разведки		<u>Галкин Л.Л.</u> , <u>Либеров П.Д.</u> , <u>Мельник В.И.</u> , <u>Ким М.Г.</u> , <u>Малов Н.М.</u>
1977		<u>Питерский</u> : <u>Балаковский</u> : <u>Новоузенский</u>			Балаковская оросительная система		Раскопки. 1 курган у с. Алексашино; кург. гр. I, ст. Новотулка II Разведки; кург. гр. (4 кургана) у с. Натальино; кург. гр. (3 кургана)
1978		<u>Питерский</u>	III очередь Энгельсовской оросительной системы		Раскопки: 2 кургана у с. Решетниково, 1 курган у с. Козловка, кург. гр. I и II у с. Новотулка, ст. Новотулка II; пос. сруб. к-ры, 1 курган и грунт. мог. сруб. к-ры у опыт. Ст. ВАСХНИИЛ на р. Малый Узень		
1979	Саратовский отряд	<u>Ершовский</u> : <u>Духовницкий</u> :	? ?		Раскопки: кург. гр. Мошкова (3 кургана) у с. Новорепное и 1 кург. у с. Осинов Гай; кург. гр. у с. Александровка	<u>Мельник В.И.</u>	

Таблица 2. Охранные исследования НИАЛ СГУ на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье

Год	Название экспедиции, отряда	Район работ	Объекты мелиоративного строительства	Источник финансирования	Археологические работы	Исследователи
1981	Заволжский отряд	<u>Ровенский</u> : пос. Мирный, свх. «Мурманский»	Мурманская оросительная система	Проектный институт «Саратовсовхоз-водстрой»	Разведки; Раскопки: кург. гр. у пос. Мирный (2 кургана), пос. Мирный, кург. гр. I у свз. «Мурманский» (1 курган)	<u>Лопатин В.А.</u>
1982	Приволжская экспедиция	<u>Энгельский</u> <u>Ровенский</u>	Приволжская оросительная система (южный массив)		Разведки; Раскопки: кург. гр. у с. Яблоновка (1 кург.) Разведки	<u>Малов Н.М.</u>
1983	Марковская экспедиция	<u>Марковский</u> : сред. теч. р. Малый Караман	Приволжская оросительная система (северный массив)	Ленинградский институт «Ленгипро-водстрой»	Раскопки: кург. гр. у с. Чапаевка (6 курганов), пос. Чапаевка II, пос. Чапаевка III, кург. гр. у с. Караман (3 кургана), курган у свх. Орошаемый	<u>Лопатин В.А.</u>
	Приволжская экспедиция	<u>Энгельский</u>	Приволжская оросительная система (южный массив)		Разведки; Раскопки: пос. Смеловка I кург. гр. у с. Терновка (4 кургана)	<u>Малов Н.М.</u>
1984	Заволжский отряд	<u>Энгельский</u>	Приволжская оросительная система (южный массив)	Проектный институт «Саратовсовхоз-водстрой»	Раскопки: пос. Смеловка I; 2 кургана в с. Узморье	<u>Малов Н.М.</u>
1985	Приволжская экспедиция				Раскопки: пос. Смеловка I	<u>Малов Н.М.</u>
	Заволжский отряд	<u>Пугачёвский</u>	Североершовская оросительная система		разведки на р. Большой Иргиз. Раскопки: пос. Преображенка I; кург. гр. близ пос. (1 курган)	<u>Лопатин В.А.</u>
1986	Заволжский отряд	<u>Пугачёвский</u>	Североершовская оросительная система		Раскопки: пос. Преображенка I; кург. гр. близ пос. (2 кургана)	<u>Лопатин В.А.</u>
	Заволжский отряд	<u>Пугачёвский</u> <u>Духовницкий</u>	Приветская оросительная система	Институт «Приволжгипроводхоз»	Разведки Раскопки 1 кург. на р. Солянка	<u>Четвериков С.И.</u> <u>Малов Н.М.</u>

В 1986 г. на XXVII съезде КПСС была оглашена долгосрочная программа, предусматривающая развитие мелиоративного строительства до 2000 г. Этим планам, однако, сбыться было не суждено. Уже в 1987 г. в соответствии с концепцией перестройки предприятия и трудовые коллективы начали переходить на самоокупаемость и хозрасчет, получив право выбирать себе партнеров. Этот шаг подвел черту под широкомасштабными исследованиями на объектах мелиоративного строительства. В 1986 г. НИИАЛ СГУ провела последние за свою историю работы в зоне строительства оросительных систем (табл. 2). Коренная перестройка государственных структур и законодательства привели к длительному отсутствию хоздоговоров, что сделало невозможным дальнейшее существование лаборатории в прежнем виде. В начале 1990-х гг. штат НИИАЛ СГУ резко со-

кратился, и она фактически прекратила свое существование. Лишь в начале 2000-х гг. существенные изменения в законодательстве и получение новых хоздоговоров обусловили второе рождение археологической лаборатории СГУ как учебно-научного подразделения в рамках исторического факультета (УНАЛ СГУ).

Охранные исследования на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье были кратковременным, но весьма ярким явлением, способствовавшим становлению здесь хоздоговорной археологии, освоению новых методик полевых работ, подготовке широкого круга опытных специалистов, формированию традиции региональной издательской деятельности археологических сборников и археологическому изучению региона в целом.

Л.Ю. Котова

Кемеровский государственный университет

Феномен расцвета археологических исследований в Сибири в 1919–1920-х гг.

В год столетия со дня рождения выдающегося ученого А.П. Окладникова необходимо напомнить, что он одним из первых отметил бурный подъем и рост археологических работ в Сибири после Октября 1917 г. Алексей Павлович причиной этого явления считал общий культурный рост Сибири при советской власти, советское культурное строительство, ликвидировавшее тяжелое наследие царизма, империалистической войны и колчаковщины (Окладников, 1950. С. 38). Прошло почти 60 лет после этой оценки А.П. Окладникова. Рухнула советская тоталитарная система. Сегодня можно говорить свободно о событиях советской эпохи и необходимо заново проанализировать феномен расцвета археологических исследований в Сибири после октября 1917 г. Для этого необходимо рассмотреть ситуацию предшествующего периода.

Корифей отечественной археологии А.А. Спицын (научное сообщество в 2008 г. отмечает 150 лет со дня его рождения) перед Первой мировой войной негативно оценивал состояние сибирской археологии: «1. В курганах разочаровались (Радлов, Клеменц, Адрианов). 2. Каменный век беден. 3. Медный век однообразен. 4. Могильники Иркутского типа и Базаихи оказались одиночными. Усталость и равнодушие. Покупка вещей. Исследователей не появля-

ется. Раскопок нет. Музеи довольны собой» (цит. по: Окладников, 1950. С. 38).

Характеристика резкая, но в основном верная. На самом деле с археологической арены Сибири в конце XIX – начале XX в. удалились ведущие исследователи. В.В. Радлов и Д.А. Клеменц переехали в Петербург и активно занялись музейным строительством. В.В. Радлов возглавил сначала Азиатский музей, а затем МАЭ. Д.А. Клеменц руководил этнографическим отделом Русского музея. В 1904 г. умер директор Минусинского музея Н.М. Мартынов, под руководством которого была собрана одна из лучших археологических коллекций Сибири. С наступлением XX в. прекращаются полевые археологические изыскания в Томске, наблюдается угасание деятельности археологического музея университета. Это объясняется тем, что, во-первых, не имелось такого сильного организатора, заинтересованного в деятельности музея, как В.М. Флоринский (умер в 1899 г.). Во-вторых, в 1899 г. известный сибирский публицист, археолог, этнограф А.В. Адрианов был переведен по службе из Томска в Иркутск, а его возвращение в 1907 г. в Томск было прервано ссылкой 1913–1916 гг. После достаточно продолжительного (1889–1898) и умелого заведования археологическим отделом музея уехал С.К. Кузнецов. Музей остался

без специального работника, отвечающего за археологические коллекции и знающего музейное дело. В 1913 г. археологический музей Томского университета находился в состоянии запущенности, а коллекции – в полном беспорядке (Китова, 2007. С. 31, 32). В 1914 г. умирают Д.А. Клеменц и И.Т. Савенков. Исследователей такой величины, как В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.В. Адрианов, в Сибири больше не было. Безусловно, все эти события способствовали стагнации в археологических исследованиях края.

С началом гражданской войны в России усугубилась кризисная ситуация. Тем не менее, временное затишье в археологических исследованиях Сибири в период Первой мировой войны сменилось в 1919 г. их подъемом. На первый взгляд кажется невероятным возрастание интереса к археологии и формирование центров изучения археологических памятников в Сибири в этот сложный период, но исторические условия в России сложились именно так, что часть исследователей после Октября 1917 г. переехала в Сибирь.

После Октября 1917 г. привычный уклад жизни людей был разрушен. Страна была разделена на «белых» и «красных». Большевики в центре России уже проводили первые репрессии, а в Сибири действовали правительство и армия А.В. Колчака. Интеллигенция была напугана.

Многие ученые первоначально с надеждой смотрели на деятельность адмирала Колчака и связывали с его правлением возрождение страны. Ряд мероприятий, проведенных на территории Сибири по инициативе Министерства народного просвещения правительства А.В. Колчака, подкреплял эти ожидания. Поскольку именно по решению этого правительства в 1918 г. был открыт университет в Иркутске, созданы новые кафедры в Томском университете, создан Институт исследования Сибири в Томске, а многие ведущие исследователи Казанского, Пермского и других российских университетов были приглашены или переведены в сибирские вузы.

Для большинства ученых причиной отъезда в Сибирь было простое желание выжить. Здесь они хотели переждать репрессии, а кроме того, в Сибири, несмотря на повсеместные голод и болезни, до 1921 г. было немного легче, чем в столицах. Гражданская война, несмотря на весь трагизм происходящих событий, ускорила процесс формирования новых археологических центров в Сибири (Китова, 2007. С. 7–11). «Характерной чертой времени стало расширение географии распространения вузов и научных учреждений. Война, голод, репрессии и политические пристрастия гнали ученых в регионы,

куда раньше они ни за что бы не поехали» (Наука и кризисы... 2003. С. 396).

В Томский университет на открытые 1 июля 1917 г. физико-математического и историко-филологического факультетов приехали С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, А.К. Иванов, В.Ф. Смолин, Ф.А. Фиельструп. С.И. Руденко был избран профессором и возглавил кафедру географии и антропологии, а с 1920 г. – и весь физико-математический факультет. По личностным качествам лидер, он в сложных условиях сформировал работоспособный коллектив, который трудился и в университете, и в открытом в январе 1919 г. Институте исследования Сибири. С.И. Руденко создал при кафедре кабинет географии и антропологии, а после отъезда в 1920 г. В.Ф. Смолина, заведовавшего университетским музеем, присоединил к нему археологический музей. В 1920 и 1921 гг. С.И. Руденко и С.А. Теплоухов организовали продолжительные археологические и этнологические исследования в Минусинском крае и на территории северо-восточного Казахстана. За время работы в Томске С.А. Теплоухов разработал основные позиции классификации культур Минусинского края. В.Ф. Смолин организовал при историко-филологическом факультете Общество этнографии, истории и археологии, участвовал в создании Томского краевого музея и службы по охране памятников искусства и старины в Томской губернии. В 1920 г. он, совместно со студентом историко-филологического факультета И.М. Мягковым, вел раскопки Томского могильника.

Еще одним центром археологических исследований был Иркутск. Здесь в 1918 г. открылся университет, в котором, по стечению семейных обстоятельств, стал работать известный палеоэтнолог, сотрудник МАЭ Б.Э. Петри, сначала приват-доцентом, потом профессором на кафедре истории первобытной культуры историко-филологического факультета. Он был создателем музея этнографии, кабинета археологии и этнографии туземных народов Сибири, организатором студенческого научного кружка «народоведение». Одна из главных заслуг Б.Э. Петри – создание школы археологов с собственной методологией исследования, методикой раскопок, с организацией полевых работ и системой подготовки научных кадров. Его учениками были такие известные в будущем ученые, как М.М. Герасимов, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, Г.Ф. Дебеч, П.П. Хороших и др. В 1922 г. под руководством Б.Э. Петри была создана этнологическая (с 1925 г. – палеоэтнологическая) секция ВСОРГО, на заседаниях которой его ученики выступали с самостоятельными докладами, обсуждали планы работ на лето, разрабатывали для краеведов анкеты и программы для изучения памят-

ников археологии, истории и культуры, инструкции об их охране, составляли археологическую карту Восточной Сибири, словарь археологов Сибири, заслушивали информацию о новых российских и зарубежных исследованиях.

Особый интерес у Б.Э. Петри вызывали проблемы палеолита и неолита, он внес существенный вклад в их решение. Каменный век Сибири стали главной темой исследований иркутской школы археологов. Однако не оставалось без внимания и изучение памятников эпох бронзы и железа. Именно многие его ученики внесли большой вклад в изучение памятников Прибайкалья эпохи палеометалла. Деятельность иркутской школы археологов имела свои результаты: создание типологий могильных сооружений и погребального инвентаря, анализ обряда погребений, их хронологическая привязка к определенным этапам развития края, – все это позволило получить Б.Э. Петри и его ученикам первую культурно-хронологическую периодизацию от эпохи камня до позднего средневековья, пусть пока еще достаточно условную.

Годы военного лихолетья свели в 1918–1919 гг. в одном музее Приенисейского (Красноярского) края сразу четырех исследователей – Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского, В.И. Громова, Г. Мергарта, – которые определили задачи и сформировали план археологических изысканий. Они вели планомерные и результативные разведки и раскопки на Среднем

Енисее, исследуя разнообразные памятники от эпохи палеолита до позднего средневековья, разрабатывали классификации археологических памятников края, изучали древнюю историю Сибири, систематизировали и активно пополняли коллекции музея.

Таким образом, кризисная ситуация в стране, открытие Иркутского университета, новых факультетов в Томском университете, приезд молодых высококлассных специалистов, которые начинают подготовку археологов, ведут разведки и раскопки, создают первые периодизации памятников и классификации культур, а также сосредоточение под сенью Красноярского музея исследователей-единомышленников, – все это способствовало подъему археологических изысканий в 1919–1920-е гг. в Сибири. Развитие провинциальных археологических центров в этот период нужно рассматривать как следствие попытки науки выжить в кризисных исторических условиях. Правда, государство не воспользовалось этой ситуацией, не поддержало их развитие, а даже приняло меры к их уничтожению.

Китова Л.Ю., 2007. История сибирской археологии (1920–1930): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск.

Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003.

Окладников А.П., 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.

Д.Н. Лохов

Иркутский государственный университет

К истории изучения археологии долины р. Илим

Река Илим – правый приток Ангары – один из крупнейших в ее бассейне из условно относимых к водотокам равнинного типа. Его протяженность – 650 км. В субширотной части долины нижнего течения р. Илим правым крутым бортом ее как бы подчеркнут контур южного фаса Тунгусского плато в его Катанго-Катском участке, левый борт долины в низовье отодвинут, погружен на юго-запад Ангаро-Илимской депрессией, и здесь камуфлированы северные границы Лено-Ангарского плато. Тем самым в геологическом прошлом был создан как бы коридор в долину р. Лены. На юго-восток от этого коридора долина р. Илим имеет субмеридиональное направление, очень узкая и глубоководная, она делит западный фас Лено-Ангарского плато в его северной оконечности на две параллельные водораздельные

ступени – Ангаро-Илимскую и Лено-Илимскую. В районе истока Илима, на Погодаевском терминале Березового хребта Лено-Ангарского водораздела, между Илимом и Ангарой издревле существует волок. Таким образом, долина р. Илим во все времена являлась «ходовой», имея волоки между водными магистралями – Ангарой и Леной. Находясь лишь немного севернее центра геоландшафтной Приангарской провинции, она органически вписывается в восточным соединительным крылом в территорию Северного Приангарья. Диаметральной «визави» долины р. Илим является открытый на запад район слияния Ангары и Енисея. Административное управление регионом делят Усть-Кутский и Нижнеилимский районы.

Илим – река «историческая», сыгравшая важ-

ную роль в продвижении на Лену и далее на северо-восток русских «служилых людей», присоединявших сибирские территории к русскому государству.

Свидетельства древнего пребывания человека в долине Илима получены во время многократных археологических экспедиций. Сегодня можно говорить об обнаруженных в долине Илима археологических местонахождениях, возраст которых определяется широким хронологическим диапазоном – от 200–300 тыс. л. н. до периода заселения Сибири русскими землепроходцами.

Первые сообщения о древностях этого района относятся ко времени работ в Сибири экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1700–1726 гг.), организованной по инициативе Петра I. Сотрудник экспедиции Мартин Канифер сообщил о находке около Илимска каменных «клиньев», шлифованных тесел и топоров (Шерстобоев, 2001. С. 118, 119). Большой вклад в изучение первобытной истории внес А.Н. Радищев, в 1791–1796 гг. находившийся в ссылке в Илимске. К первым же археологическим разведкам с научными целями (в современном их понимании) можно отнести маршрут В.И. Подгорбунского в 1916 г.

В 1926 г. Я.Н. Ходукин совершил археологическую поездку по долине р. Илим. Ему удалось обследовать 260-километровый участок побережья Илима и 30-километровую зону его притоков: Коченга, Борисовского Ириека, Буканки и Игирмы. Он открыл 20 разновременных объектов. По наблюдениям Я.Н. Ходукина, неолитические племена, жившие здесь, «находились в постоянной культурной связи с обитателями ближайших окрестностей Байкала, с верховьев и низовьев Ангары и с жителями р. Лены» (Ходукин, 1928. С. 114–123).

В 1929 г. археологические исследования в долине Илима были продолжены Г.Ф. Дебецем. Он провел стационарные раскопки на ранее открытых Я.Н. Ходукиным стоянках, а также зафиксировал несколько новых местонахождений. Материалы раскопок Г.Ф. Дебеца не были своевременно опубликованы. А.П. Окладников частично описал эту коллекцию (Васильевский и др., 1988. С. 12).

После этого вплоть до 1960-х гг. исследования на Илеме не проводились. Лишь в 1960 г. в связи с намечаемым строительством Усть-Илимской ГЭС были возобновлены поиск и изучение археологических объектов долины р. Илим.

Первая экспедиция Иркутского государственного университета 1960 г. во главе с Ф.А. Кудрявцевым и П.П. Хороших носила рекогносцировочный историко-этнографический характер. Был обследован участок р. Илим до устья р. Тушамы (Нижне-Илимск) (Хороших, 1960).

Летом 1961 г. было проведено специальное ар-

хеологическое обследование р. Илим на участке будущего затопления от п. Илимск до п. Невон. Было открыто 20 новых местонахождений, а также проведено обследование уже известных археологических объектов. Главной задачей экспедиции была археологическая разведка в долине Илима, направленная на обнаружение новых объектов с последующим более детальным изучением.

Результаты этой разведки в значительной мере определили и районы последующих поисков, и выбор объектов для раскопочных работ. С 1967 г. начинается период комплексного археологического изучения региона экспедициями Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

В 1973 г. обнаружены первые верхнепалеолитические объекты, возраст которых оценивается приблизительно в 25–15 тыс. л. н. Основным районом работ являлся приустьевой участок долины Илима. В 0,5 км выше Симахинского порога раскопан комплекс из трех поселений – Большая Курья I–III, нижние культуросодержащие слои которых предварительно были отнесены к эпохе палеолита (Васильевский и др., 1988. С. 16).

В 1974 г. в устье р. Игирмы было обнаружено еще одно местонахождение палеолитических материалов, которое по времени, возможно, соотносится с предыдущими археологическими объектами. Найдены 3 изделия, несомненно обработанные рукой древнего человека, – грубое рубящее орудие, крупное архаичное скребло и скол архаического облика (Лапшин, 1978. С. 153).

В 1980 г. Среднеангарский археологический отряд Комплексной археологической экспедиции ИГУ провел разведку по Илимскому участку от д. Кочерга до п. Шестаково. На протяжении 200 км было обнаружено 5 новых пунктов концентрации археологического материала – Абакшино, Солодково, Наумово и Коченга I и II (Соколов, 1981). Уникальность этих местонахождений в том, что они сконцентрированы в верховьях реки Илим и являются пока единственными раскопанными объектами голоценового времени.

В 1989 г. было открыто палеолитическое местонахождение в устье Тушамского залива. Полученный материал, вполне вероятно, может быть продолжением комплекса некогда обнаруженных А.М. Георгиевским в этих же местах древних каменных орудий и датироваться, скорее всего, концом среднего – началом верхнего палеолита в диапазоне 70–100 тыс. л. до н. э. (Роговской, 1995. С. 4).

В 1991 г. было открыто еще одно верхнепалеолитическое местонахождение – Усть-Яра. Материал собран на узкой (3–4 м) береговой полосе. Кроме того, на местонахождении обнаружены фаунистические

остатки плейстоценового времени (бизон, плейстоценовая лошадь, мамонт) (Роговской, 1995. С. 5).

Археологические объекты периода мезолита в долине Илима постигла та же участь, что и палеолитические местонахождения, открытые до заполнения ложа Усть-Илимского водохранилища. Все мезолитические местонахождения – Симахинский Порог, Бубновский Порог, Ручей Гремячий и V–VIII горизонты поселения Усть-Игирма – ныне скрыты водами водохранилища.

Наиболее многочисленные и разнообразные коллекции в долине Илима собраны на местонахождениях периода неолита – палеометалла. Все открытые за 70-летний период исследований местонахождения были приурочены в основном к 8–17-метровым террасам р. Илим, а обнаруженные на этих высотных отметках стоянки по преимуществу укладывались во временные рамки от неолита до эпохи палеометалла.

Несмотря на почти 100-летнюю историю изучения археологических местонахождений в долине р. Илим, на сегодняшний день этот район можно назвать чуть ли не «белым пятном». В первую очередь это связано с тем, что почти весь археологический материал не был окончательно обработан и опубликован и известен лишь по отрывочным сообщениям. Во-вторых, проведение археологических изысканий здесь изначально сдерживалось ориентацией иссле-

довательского внимания на Верхнее Приангарье и Верхнюю Лену. Тем не менее, данные, полученные в прошлые годы, составляют ценный фонд, позволяющий изучать последовательность культурно-исторического развития Северного Приангарья, ставшего сегодня широко известным в связи с огромными масштабами археологических изысканий, предстоящих в ближайшее время.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И., 1988. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск.

Лапшин Б.И., 1978. О новых местонахождениях кварцитового палеолита в Приангарье // Древние культуры Приангарья. Новосибирск.

Роговской Е.О., 1995. Отчет о полевых исследованиях в Илимской части Усть-Илимского водохранилища (Нижне-Илимский р-н Иркутской области) // Архив ИЛАиП ИАЭт СО РАН – ИГУ.

Ходукин Я.Н., 1928. Материалы по археологии р. Илим // Изв. ВСОРГО. Иркутск. Т. 53.

Хороших П.П., 1960. Отчет экспедиции 1960 года // Архив ИЛАиП ИАЭт СО РАН – ИГУ. (Рукопись.)

Соколов В.Н., 1980. Отчет об археологических исследованиях в Братском и Нижнеилимском районах Иркутской области летом 1980 года // Архив ИЛАиП ИАЭт СО РАН-ИГУ.

Шерстобоев В.Н., 2001. Илимская пашня. Иркутск. Т. 1.

Т.В. Наумова

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Из истории изучения каменного века на Верхней Оке (вторая половина XIX – начало XX в.)

Начало развития археологии каменного века в России пришлось на вторую половину XIX в. (Формозов, 1983. С. 25; 1986. С. 60). Территория бассейна Верхней Оки в пределах Тульской губернии стала одним из тех регионов, где это направление получило бурное развитие. Частично данная тема уже затрагивалась в литературе (Полякова, 1970. С. 79, 80; Грудинкин, 2004. С. 63, 64; Археологическая карта России... 1999. С. 13, 14), в том числе и автором статьи (Наумова, 1997. С. 10, 11).

Первые сведения о каменном веке в Тульской губернии были связаны с коллекцией каменных орудий (152 находки) тульского помещика С.С. Стрекалова (?), около 1873 г. собранной на водоразделе р. Упы и Оки. В начале 1870-х гг. коллекция была

изучена археологом и искусствоведом Г.Д. Филимоновым (1829–1898), посвятившим ей отдельную публикацию (Филимонов, 1876).

Стрекаловская коллекция была выставлена на Антропологической выставке в Москве в 1879 г. Также для выставки хранителем Зоологического музея Н.К. Зенгером (1841–1877) была приобретена небольшая коллекция (6 каменных орудий, молотов и стрел) из Крапивенского уезда (Антропологическая выставка, 1878. С. 425). Коллекция С.С. Стрекалова привлекла внимание натуралиста, археолога И.С. Полякова (1847–1887). В 1880 г. он обследовал места сбора стрекаловской коллекции и опубликовал результаты исследований (Поляков, 1880). И.С. Поляков приобрел несколько кремневых

орудий у местных жителей, собрал сведения о находках орудий у с. Высокое под Тулой, обследовал местонахождение кремневых находок у Торховского городища (Там же. С. 4–6).

В начале 90-х гг. XIX в. в Московское археологическое общество поступили сведения о коллекции каменных орудий (около 5000 предметов) протоирея М.Ф. Бурцева (1842–1906), собранной в г. Белеве и его окрестностях. Из этого же уезда происходило собрание священника с. Старые Дольцы Н.А. Преображенского, состоявшее из нескольких тысяч экземпляров каменных орудий и керамики с берегов р. Оки. Часть своих коллекций краеведы подарили Московскому археологическому обществу (Городцов, 1905. С. 516, 533–535). В 1890 и 1892 гг. находки Н.А. Преображенского и М.Ф. Бурцева экспонировались в Историческом музее в дни проведения VIII Московского археологического съезда (Спицын, 1899. С. 197) и Международного Конгресса доисторической археологии и антропологии (Каталог... 1892. С. 3), а затем поступили в фонды музея (Полякова, 1970. С. 79; Грехова и др. С. 231). Кремневые орудия были встречены в ходе раскопок кургана у д. Городище Белевского уезда в 1887 г. помещицей Болховского уезда М.А. Лавровой (1888. С. 211, 213).

Московское археологическое общество, заинтересовавшись сведениями из Тульской губернии, поручило своему члену-корреспонденту, В.А. Городцову, произвести археологическое обследование берегов Оки в пределах Белевского уезда и трех уездов Рязанской губернии. Главная задача поездки, состоявшейся в 1895 г., заключалась в «исследовании остатков каменного века» и составлении археологической карты этой территории (Городцов, 1905. С. 515).

В.А. Городцов тщательно осмотрел все места находок каменных орудий Н.А. Преображенского и М.Ф. Бурцева, провел рекогносцировочные раскопки на территории Жабынской террасы. По результатам материалов 7 траншей В.А. Городцов обнаружил культурные напластования двух неолитических стоянок (Там же. С. 518–526), что подтвердили современные исследования (Наумова, 2000. С. 25–51).

Большинство найденных в ходе поездки кремневых орудий и фрагментов керамики археолог отнес к эпохе неолита. При анализе находок он старался учитывать не только внешний вид, особенности обработки, но и стратиграфические условия их залегания в культурном слое, геологические данные, что значительно повышало научную ценность его наблюдений. Часть предметов (у д. Мелтиново), ссылаясь на их грубую форму и обработку, автор

отнес к эпохе палеолита. В качестве доказательства В.А. Городцов указывал на аналогичные орудия, найденные на палеолитической стоянке Костёнки в Воронежской губернии, и результаты геологического разреза берега ручья Долец (Городцов, 1905. С. 536, 540–542). Исследования, проводившиеся в советское время, подтвердили наличие в этой местности палеолитических местонахождений (Воеводский, 1937. С. 111–114; 1950. С. 218; Любин, 1960. Л. 8–10).

Большое место В.А. Городцов отвел описанию многочисленных остатков костей мамонта и других представителей четвертичной фауны, хранящихся в Белевской публичной библиотеке. Самому исследователю удалось собрать несколько обломков костей у д. Мелтиново, два обломка зубов мамонта у деревень Жабынь и Береговой и получить в дар обломок рога северного оленя, найденный в окрестностях последней (Городцов, 1905. С. 527).

В 1897 г. В.А. Городцов вновь предпринял поездку в Белевский уезд с целью более подробного изучения памятников у деревень Федяшево и Воронеж (Городцов, 1898. С. 217–229). При раскопках Федяшевского городища на его площадке и в подножии вала В.А. Городцов зафиксировал сильно разрушенные культурные слои неолитического времени (Городцов, 1900. С. 2, 6–7). В ходе раскопок курганной группы и неолитической стоянки у д. Воронеж были выявлены значительные напластования неолитического времени, следы кострищ, собрана коллекция кремневых орудий, керамики. Археолог сделал вывод, что курганная группа и городище возникли значительно позднее неолитических стоянок (Городцов, 1898. С. 218, 219, 226–229). По своей научной значимости и масштабам исследования В.А. Городцова – важный этап в изучении древнейших памятников Верхней Оки.

В конце XIX в. сведения о находках и исследованиях каменного века бассейна Верхней Оки были обобщены в работе председателя Московского археологического общества А.С. Уварова (1881. С. 16, 116–119. Рис. 11–13) и археологической сводке по нескольким губерниям России известного археолога А.А. Спицына (1899. С. 195).

Помимо В.А. Городцова в этот период работы на Верхней Оке проводили другие исследователи. Местонахождения остатков костей мамонта в устье р. Исты, кремневых орудий у д. Ростки открыл и обследовал член Орловской ученой архивной комиссии В.Р. Апухтин (1902. Л. 26). В 1906–1907 гг. председатель Орловского церковного историко-археологического общества И.Е. Евсеев, исследуя Шлыковскую курганную группу в устье р. Зуши в Чернском уезде, описал расположенную здесь

стоянку-мастерскую каменного века. Обобщив данные собственных работ и других исследователей, И.Е. Евсеев пришел к выводу, что Шлыковская стоянка – часть большой территории правобережья р. Оки, населенной человеком в каменном веке (Евсеев, 1906. Л. 37; 1907. С. 5). В ходе исследований в Центральной России в 1904 г. член Черниговского статистического комитета С.А. Гатцук обнаружил кремневые орудия и неолитическую керамику на городище у с. Щучье и в окрестностях с. Скородня в Веневском уезде на р. Осетр (Гатцук, 1904. Л. 342, 353–354; 1905. С. 137). Сборы каменных орудий и неолитической керамики у д. Бехово Алексинского уезда проводил художник В.Д. Поленов (Полякова, 1970. С. 80; Грехова и др., 1970. С. 237).

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX в. стали важным первоначальным этапом накопления данных в исследовании каменного века на Верхней Оке в пределах Тульской губернии. Этот этап начался со сбора и изучения коллекций любителями-краеведами. Их деятельность обратила на себя внимание крупных археологов, центральных и губернских научных обществ, послужила побудительным мотивом для первых научных публикаций. Открытие разновременных стоянок, сбор коллекций и находок стали прочным фундаментом для всего последующего развития археологии каменного века этой территории.

Антропологическая выставка. М., 1878. Т. 1.

Апухтин В.Р., 1902. О раскопках в Болховском уезде Орловской губернии // РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. № 110.

Археологическая карта России. М., 1999. Ч. 1: Тульская область.

Воеводский М.В., 1937. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г. // Антропологический журнал. № 2.

Воеводский М.В., 1950. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны // СА. № XII.

Гатцук С.А., 1904. Отчет о раскопках в 1904 г. // РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. № 91.

Гатцук С.А., 1905. Отчет о раскопках 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1.

Городцов В.А., 1898. Результаты археологических исследова-

ний в Белевском и Рязанском уездах в 1897 году // АИЗ. № 7–8.

Городцов В.А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII АС. М. Т. 1.

Грехова Л.В., Полякова Г.Ф., Раушенбах В.М., Цветкова И.К., 1970. Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне // Тр. ГИМ. Вып. 44.

Грудинкин Б.В., 2004. Изучение белевской неолитической культуры // Белевские чтения. Вып. IV.

Евсеев И.Е., 1906. О раскопках Церковного историко-археологического общества // РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. № 72.

Евсеев И.Е., 1907. Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 г. Орел.

Каталог Археологической выставки при международных Конгрессах. М., 1892.

Лаврова М.А., 1888. О раскопках курганов в Белевском уезде Тульской губернии // Вестник археологии и истории. Вып. VII.

Любин В.П., 1960. Отчет о работе Окского отряда ИА АН СССР в 1960 г. // Архив ИА. Р-1. № 2177.

Наумова Т.В., 1997. История изучения памятников археологии каменного века в Тульской губернии во 2 половине XIX – начале XX века // Краеведческие чтения, посвященные 220-летию образования Тульской губернии. Тула.

Наумова Т.В., 2000. Многослойное поселение Жабынь 1 на Верхней Оке // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Полякова Г.Ф., 1970. Племена белевской культуры // Тр. ГИМ. Вып. 44.

Поляков И.С., 1880. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. СПб.

Спицын А.А., 1899. Обзор нескольких губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2.

Уваров А.С., 1881. Археология России. Каменный период. М. Т. 2.

Филимонов Г.Д., 1876. Промышленность каменного века в Тульской губернии. М.

Формозов А.А., 1983. Начало изучения каменного века в России. М.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.

*Н.И. Платонова**Институт истории материальной культуры РАН*

«Национальная» русская археология середины – второй половины XIX в.

В большинстве стран Европы представление об отечественных памятниках как о национальном достоянии оформилось уже в 1820–1830-х гг. В результате к середине XIX в. эти страны заметно продвинулись вперед в деле постановки исследований.

В речи при открытии МАО (1864 г.) А.С. Уваров говорил: «...Мы видели, как чувство народности быстро подвинуло западную Археологию и как сильно оно возбудило деятельность ученых Обществ; пусть то же чувство поможет теперь и нам уничтожить равнодушие к отечественным древностям и научит нас дорожить родными памятниками...» (Материалы... 1910. С. 127, 128).

Тот же взгляд на положение в европейской археологии середины XIX в. высказывал К.М. Бэр, основатель этнографического отдела РГО: «...Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим. Но затронется и разовьется интерес чисто национальный, если мы узнаем результаты всего того, что сделано на этом поприще другими народами...» (цит. по: О разыскании... 1865. Л. 4 об. – 6).

П.И. Лерх, последователь К.М. Бэра, также указывал, что подъем национального самосознания повсеместно способствовал развитию интереса к археологии в Западной Европе. К тому же следовало стремиться нам – в «нашем обширном отечестве»: «...Наше доисторическое прошлое дорого нам, как зародыш нынешнего нашего существования и всей нашей будущности... Кто посещал за границей собрания... отечественных древностей... тот знает, с какой ревностью и успехом в упомянутых странах, кроме так называемых классических древностей, собирают и изучают еще и древности народные...» (Лерх, 1863. С. 146, 147).

Из высказываний А.С. Уварова, К.М. Бэра и П.И. Лерха следует, что внимание к «народным древностям», стремление познать по ним свое далекое прошлое, служило для них не только показателем уровня культуры в стране, но и важной предпосылкой развития археологической науки. Национальные чувства вдохновляли многолетние работы европейских ученых по первичному сбору и систематизации данных археологии; они же двигали вперед дело создания ее инфраструктуры.

В России появление широкого интереса к «национальным древностям» запоздало примерно на 20–40 лет по сравнению с Западной Европой и проходило в совсем иной атмосфере. Начало осмысления археологических памятников как национального достояния совпало здесь с победным шествием идей Ч. Дарвина. Поэтому оно изначально пошло в условиях крайней поляризации взглядов на начало человеческой истории.

Немаловажно и другое: вторая половина XIX в. в России стала периодом бурного культурного строительства – одним из плодотворнейших за всю ее историю. Это способствовало накалу страстей вокруг русской археологии. Жажда национального самоутверждения не мирилась с привычными представлениями о «бедности» древней истории России событиями и памятниками мирового значения. Стремление доказать право русских называться европейским народом с богатой историей объединяло людей самых разных политических позиций.

Опыт первой теоретической разработки русской археологии, вышедший из-под пера И.П. Сахарова, имел явную ультрапатриотическую направленность: «Мы долго безмолвствовали пред вековыми памятниками своего Отечества! Ныне да не будем безответными зрителями своих древностей. Да не думают чужеземцы, что у русских писателей нет стремления к изучению своих памятников...» (Сахаров, 1851. С. 4).

Цитированная статья встретила жесткую критику со стороны И.Е. Забелина. Но сам по себе тезис Сахарова об «изучении русского человека как творца своих искусств и художеств» и воссоздании его «древней жизни» был близок и самому И.Е. Забелину. В середине XIX в. эта идея буквально носилась в воздухе. Не случайно сходную позицию обнаруживают печатные высказывания ученого совершенно иного склада – А.А. Иностранцева: «...Наши западные соседи, часто даже с предвзятой мыслью, дабы и с исторической стороны выставить нас народом крайне молодым... населяли Россию... совершенно дикими народами, относя такое население ко времени призвания варягов...»

Продолжительное время образованная часть нашего общества, с первых шагов своего воспитания и образования, росла на мысли, что раньше рассказа нашего знаменитого летописца Нестора на Руси ни-

чего не было или, по меткому выражению г. Забелина, характеризующего отношение нашего общества к этому вопросу, на Руси было «пустое место»... Эта мысль должна была лежать тяжелым и продолжительным гнетом над умами даже талантливых деятелей...» (Иностранцев, 1880. С. 275, 276).

Таким образом, страна, чья история не уходит корнями в глубь времен, оказывалась в глазах нашего соотечественника второй половины XIX в. вроде бы не вполне полноценной. Находки памятников древнейших эпох воспринимались с удовлетворением, т. к. заполняли пресловутое «пустое место». Однако стоит отметить: ни А.А. Иностранцев, ни А.С. Уваров, ни П.И. Лерх не делали даже попыток напрямую связать эти первобытные древности с позднейшим населением России.

Характерно то возмущение, с которым ученые второй половины XIX в. относились к ученым эстетам старшего поколения, демонстрировавшим полупрезрительное отношение к русским национальным древностям. Известный публицист В.В. Стасов, не чуждый археологии, приводил в связи с этим цитату из предисловия А.П. Оленина к альбому «Древности Российского государства»:

«В числе моих рисунков находятся и такие, которые грубостью и уродливостью... покажутся недостойными сего собрания; но, за совершенным недостатком хороших того времени памятников, и сии, так сказать, карикатуры весьма драгоценны...» (цит. по: Стасов, 1882. С. 170).

Подобные взгляды вызывали у В.В. Стасова яростное отторжение. Он писал: «...Оленин заставлял своих рисовальщиков выправлять иное в лицах, складках и проч. изображаемых в его атласе фигур. Нынешние археологи посмотрели бы с презрением на такие поправки... Нынешний археолог заботится только об одном: как бы с наибольшей верностью и неумытою правдою передать... черты и особенности своего оригинала...» (Там же).

А.С. Уваров, со своей стороны, определял саму «русскую археологию» как «науку, занимающуюся исследованием древнего русского быта по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом Русское государство» (Уваров, 1878. С. 32). Здесь как будто бы наблюдается прямая идейная переключка со старой работой И.П. Сахарова. Но есть одна немаловажная поправка.

Для А.С. Уварова историческую ценность имели не одни «древности русских», но «древности Российской империи», представлявшие собой в совокупности ее национальное достояние. Независимо от личных пристрастий, он полагал своим долгом ученого изучить все, что сохранила русская земля от самых отдаленных эпох каменного века. Поэтому

му уваровский «древний русский быт» следует толковать расширительно. Это культура (вернее, культуры) самых различных «населенников России» в различные периоды. Позиция А.С. Уварова – это позиция историка-государственника, исследующего почву, на которой выросла современная ему многоликая Россия. Забегая вперед, отмечу: именно такое понимание «национальной археологии» имело прямое продолжение в трудах А.А. Спицына 1890–1920-х гг.

Идейное богатство «золотого века эволюционизма» интенсивно осваивалось в России 1860–1880-х гг. Но до поры оно существовало как бы в отрыве от памятников, от проблем «практической» археологии. Именно в силу неразработанности инфраструктуры дело первичного сбора и систематизации российских древностей подвигалось вперед очень медленно. Требовалась долгая работа в этом направлении, чтобы на базе их стал возможен, к примеру, серийный анализ отдельных категорий находок. А без такого анализа эволюционная идея неизбежно оставалась посторонней археологическому исследованию – вне зависимости от мировоззрения самих археологов.

В этой связи следует по-особому оценить настоячивые призывы А.С. Уварова развивать в России отечественную, национальную археологию. По своим взглядам граф был далек от ультрапатриотизма. Но, одаренный огромным талантом организатора, он безошибочно определил путь, который позволял ускорить процесс первичного освоения отечественных древностей. Это был путь пробуждения общественной самодеятельности и привлечения широких кругов общества к работе по сбору информации о памятниках археологии. Создавая МАО, ученый апеллировал именно к национальному чувству – тому, что могло сплотить (и спланивало!) людей различных взглядов и убеждений.

Становление национальной археологии в России следует рассматривать в рамках всего комплекса научного и культурного строительства середины – второй половины XIX в. Отход от антикварианизма и начало разработки отечественных памятников – именно как национальных древностей, памятников родной истории – составляли на том этапе самую суть процесса становления археологии как науки. Главным вектором развития отечественной археологии 1860 – начала 1880-х гг. представляется мне постепенное изживание национальной ограниченности исследований. Вначале влияние ультрапатриотических тенденций ощущалось в ней довольно отчетливо. Но в дальнейшем оно как бы отошло на периферию, в «околонаучные» круги, уступив место «позиции спокойного историка», сформулированной в конце XIX в. акад. С.Ф. Платоновым.

- Иностранцев А.А., 1880. Человек каменного века у Ладожского озера // Вестник Европы. Кн. 5.
- Лерх П.И., 1863. Орудия каменного и бронзового веков в Европе. Ч. I // Изв. РАО. Т. IV. Вып. 2.
- Материалы для биографии гр. А.С. Уварова // Сб. к 25-летию со дня кончины гр. А.С. Уварова. М., 1910. Т. III.
- Сахаров И.П., 1851. Обзорение русской археологии // ЗОРСА РАО. СПб. Т. I.
- Стасов В.В., 1882. Заметки о древнерусской одежде и вооружении // ЖМНП. Ч. ССХІХ.
- Уваров А.С., 1878. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии // Тр. III АС в Киеве. Киев. Т. I.
- О разыскании г. Лерхом древностей в губерниях Олонецкой, Вологодской и Вятской // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1865. № 15.

А.Д. Пряхин

Воронежский государственный университет

Эпоха бронзы евразийской степи-лесостепи в отечественной археологии XX в. (к истории изучения)

На состоявшемся в 2006 г. в Новосибирске первом Всероссийском археологическом съезде мною был сделан доклад, в котором предпринята попытка обоснования выделения основных периодов в развитии археологии в стране. Предлагаемый доклад фактически продолжает начатый тогда разговор, но теперь уже на примере изучения эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи.

О возможности вычленения древностей бронзового века на пространствах России хотя и говорилось еще в третьей четверти XIX в., но серьезное внимание к их осмыслению отмечается лишь в третий период развития русской дореволюционной археологии, хронологические рамки которого – вторая половина 1880-х гг. – два первых десятилетия XX в. В конце XIX в. А.А. Спицыным предпринимается попытка осмысления массива «погребений со скорченными и окрашенными костяками». В начале XX в. В.А. Городцов проводит получившие широкую известность раскопки серии курганных могильников эпохи бронзы в Изюмском уезде Харьковской и Бахмутском уезде Екатеринославской губерний, предопределивших выделение и осмысление трех важнейших культур степной бронзы Восточной Европы: ямной, катакомбной и срубной; результаты их изучения вскоре были опубликованы в трудах XII и XIII археологических съездов. В 1910 г. В.А. Городцов публикует курс лекций «Бытовая археология», где была дана по тем временам развернутая оценка палеометаллической эпохи. Нелишним будет напомнить, что поначалу В.А. Городцов пространства России, в том числе и степной зоны, воспринимал как непригодные, в силу природных условий, для развития ранних очагов древнейшей металлургии, находившиеся под влиянием культурных тече-

ний, из которых более ранними были кавказское и среднеазиатское, а более поздним – сибирское. Об отдельных археологических культурах идет речь в опубликованной несколькими годами позже книге В.А. Городцова «Культуры бронзовой эпохи в Средней России».

Имевшиеся направленности в изучении эпохи бронзы проявляют себя на протяжении почти всего следующего, четвертого, периода в развитии отечественной археологии (первый период советского времени), хронологические рамки которого – конец второго десятилетия – середина 1930-х гг., когда формируется целостное восприятие археологии как научной дисциплины, занимающейся изучением связанных с жизнью и деятельностью человека ископаемых свидетельств. В 1927 г. публикуется статья В.А. Городцова по бронзовому веку на территории СССР, где речь идет уже почти о двух десятках археологических культур, рассматриваемых в системе их хозяйственной и хронологической увязки. Свои подходы к изучению древностей эпохи бронзы он реализует и в археологической экспозиции ГИМ. С.А. Теплоухов, развернувший с начала 1920-х гг. раскопки курганных могильников в Минусинской котловине на территории Сибири, выходит на выделение афанасьевской, андроновской и карасукской культур эпохи бронзы. Первые шаги в науке делает и ученик В.А. Городцова С.В. Киселев, с именем которого будет связано формирование нового подхода в оценке эпохи бронзы, основывающейся на марксистской концепции развития исторического процесса.

Последовавшее с конца 1920-х гг. включение археологии в историческую науку, сопровождавшееся распространением марксистских концепций

развития исторического процесса и попыткой чуть ли не растворить археологию в исторической науке, сочеталось с резкой критикой прошлой археологии, формально-типологического метода, буржуазного вешеведения, с отрицанием археологических культур и др. Поиски новых направлений исследовательского поиска сопровождалась абсолютизацией социологического подхода, стадийными построениями. Жесткой критике были подвергнуты взгляды В.А. Городцова.

Одновременно проявляет себя стремление к изучению хозяйственной деятельности и оценке общественных отношений в древности, что предопределило возрастание внимания к изучению поселений эпохи бронзы. Совершенствуется методика изучения памятников. Показательна деятельность в ГАИМК исследовательской группы по истории кочевого скотоводства (В.В. Гольмстен, М.И. Артамонов, М.П. Грязнов и др.), в рамках которой сформировалось представление, что собственно кочевническому этапу в истории скотоводческих обществ предшествовал этап пастушеского скотоводства, в значительной степени соотносившийся с эпохой бронзы. Эта идея нашла отражение, например, в опубликованной в 1935 г. книге А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы».

К концу 1930-х гг. археология воспринимается как неотъемлемое звено в системе исторической науки, с признанием ее специфики. В рамках нового периода своего развития (с конца 1930-х до начала последней четверти 1960-х гг.) археология функционирует как «отдел» исторической науки, ориентированный на реализацию конкретных исследовательских задач в изучении исторического прошлого. Постепенно изживается гипертрофированно трактуемый автохтонистский подход. Обращается внимание на роль перемещений групп населения, что особенно важно, когда речь идет о пастушеских, в том числе и в достаточной степени подвижных, скотоводческих массивах населения эпохи бронзы. Разворачиваются масштабные археологические исследования в зонах новостроек на территории восточноевропейской степи и лесостепи (работы Волго-Донской, Куйбышевской, Нижневолжской экспедиций), а вскоре и ряда экспедиций на территории Сибири и Дальнего Востока (руководители М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, С.В. Киселев, А.П. Смирнов, К.Ф. Смирнов, А.П. Окладников и др.). Следует сказать о публикации в 1950-е гг. О.А. Кривцовой-Граковой, Т.Б. Поповой, другими исследователями итоговых работ по катакомбной, срубной, андроновской культурам. Выделяются и новые археологические культуры.

Ощущается потребность дать целостную оценку сделанного в изучении эпохи бронзы. За реализацию этой задачи взялся С.В. Киселев. За несколько месяцев до кончины он завершил рукопись «Бронзовый век СССР», предназначавшуюся для подготавливаемого ИА АН СССР I тома «Истории СССР», где излагается версия бронзового века, отражающая достижения отечественной археологии на то время.

К концу периода намечается выход на качественно новый уровень изучения металла, когда последний становится объектом специального исследования, в том числе и с опорой на естественнонаучные методы. Признается факт использования степными скотоводами поздней бронзы верховой лошади. Коневодство и верховая езда у племен эпохи бронзы Поволжья и Казахстана, по К.Ф. Смирнову, возникают не позднее середины II тыс. до н. э. Проявляет себя стремление к этногенетическим построениям, в основе которых ретроспективный подход, с привлечением данных лингвистики и заключений антропологов.

В последний период советского времени (шестой, по общей периодизации, – конец 1960-х – самое начало 1990-х гг.) археология все более воспринимается как одна из исторических наук, что отражалось и на характере изучения эпохи бронзы. Четко обозначилась тенденция к специальному изучению проблематики эпохи бронзы. Формируются исследовательские коллективы и группы, ведущий профиль научных интересов которых – изучение эпохи бронзы.

Особую значимость приобретают многолетние исследования фактически на междисциплинарном уровне комплексов памятников, отдельных микро- и макротерриторий. Показателен пример раскопок под общим руководством В.Ф. Генинга Синташтинского комплекса памятников конца средней – поздней бронзы в Зауралье (укрепленное поселение, большой грунтовый могильник, серия грунтовых и подкурганых захоронений, малый грунтовый могильник, малый курган и большой курган-святилище). Из работ на так называемых микротерриториях назову исследования новострочной экспедицией ИА АН СССР и Воронежского госуниверситета поселений эпохи бронзы в зоне Воронежского водохранилища, а применительно к макротерриториям – многолетние работы под руководством В.И. Молодина в Барабинской лесостепи (раскопки могильника Сопка 2, комплекса Преображенка 3 и др.). Важнейшее значение имели и раскопки практически всей площади специализированного Мосоловского поселения металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы в лесостепном

Подонье. Но масштабы проводимых в это время полевых исследований оказываются столь значительными, что постепенно все более проявляет себя отставание с публикацией вновь получаемых данных, особенно результатов массовых раскопок курганных могильников эпохи бронзы на основных территориях евразийской степи и лесостепи.

Становится основополагающим подход, когда массивы населения эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи воспринимаются как пастушеско-скотоводческие. А В.П. Шилов пишет о нескольких моделях скотоводческого хозяйства на пространствах степной зоны Поволжья и других территорий, включая фиксацию наличия у ямников, и не только у них, в достаточной степени подвижной, чуть ли не кочевнической, формы скотоводческого хозяйства.

Применительно к массивам памятников евразийской степи и лесостепи начинает применяться термин «культурно-историческая общность (область)», осмысление которого было предложено в конце 1960-х гг. Н.Я. Мерпертом. Но употребление данного термина (терминов) нельзя признать устоявшимся. Для обозначения соответствующих массивов древностей продолжает применяться и термин «археологическая культура». Стремление к выделению культурно-исторических общностей (областей) влияло и на содержание того, что вкладывается в понятие «археологическая культура».

Важнейшее значение приобрело обозначившееся еще в предшествующее время стремление опереться в изучении металла на спектральный и металлографический анализы. Е.Н. Черных выделяет конечные типологические разряды металла и основанные на данных спектрального анализа металлургические группы. Их сопоставление в сочетании с опорой на комплексы и стратиграфические наблюдения обусловили возможность выделения и оценки древнейших металлургических областей и центров, отдельных металлургических и металлообрабатывающих очагов, соотносимых с конкретными культурно-историческими образованиями эпохи меди-бронзы, в том числе и пространств степи и лесостепи. Во второй половине 1970-х гг. Е.Н. Черных вводит в научный оборот и понятие «металлургическая провинция».

В самом начале рассматриваемого периода Е.Н. Черных выделяет досейминский, сейминский (сейминско-турбинский) и предананьинский хронологические горизонты Волго-Уралья и Подонья, что сопровождалось приведением синхронистической таблицы археологических культур, наиболее значимых памятников и комплексов. Позже В.И. Молодин выделяет самусьско-сейминский культурно-хронологический пласт, в систему которого наряду

с памятниками Восточной Европы включаются самусьская, кротовская, еловская и другие археологические культуры средней (развитой) бронзы сибирских пространств.

Для оценки металлопроизводственной деятельности важнейшее значение имел экспериментально-трассологический анализ орудий труда, происходящих с памятников эпохи бронзы степи и лесостепи (Г.Ф. Коробкова, В.В. Килейников и др.). Завершая оценку периода, следует констатировать, что на начало 1990-х гг. изучение проблематики эпохи бронзы воспринимается уже как одно из ведущих направлений исследовательского поиска.

Возникшие в 1980–1990-е гг. тенденции в изучении эпохи бронзы находят свое логическое продолжение и на современном этапе развития археологии.

Проявляется направленность на изучение комплексов памятников, отражающих горно-металлургический цикл производственной деятельности (раскопки последнего десятилетия XX в. – комплекса памятников Каргалы в Южном Приуралье под руководством Е.Н. Черных, а затем и Картамышского комплекса памятников в Подонцовье совместной экспедицией ИА НАН Украины, Донбасского технического и Воронежского государственного университетов). Получает подтверждение ремесленный характер металлопроизводственной деятельности, особенно когда речь идет об эпохе поздней бронзы евразийской степи и лесостепи. Обозначилась возможность выхода на выделение производственных зон.

Е.Н. Черных и работающие с ним коллеги предприняли попытку системного сопоставления «металлургической» и «радиоуглеродной» хронологических схем в рамках изучения двух металлургических провинций – Карпатской (медный век) и Циркумпонтийской (ранняя и средняя бронза).

Следует отметить возрастающую роль в изучении производственной деятельности в эпоху палеометалла металлографических исследований Н.В. Рындиной и ее учеников, в сфере научных интересов которых все чаще оказываются и серии металла, связываемые с культурно-историческими образованиями степи и лесостепи Евразии. Возрастает роль и экспериментально-трассологических исследований.

Нетрудно заметить, что ныне изучение эпохи бронзы, как и в целом эпохи палеометаллов, все более превращается в отрасль археологического знания, которую оправданнее всего именовать палеометалловедением. Вырисовывается и возможность оценки эпохи бронзы рассматриваемых пространств с позиций постпервобытности.

С.Н. Савенко

*Ставропольский государственный историко-культурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*

Принципы комплексного анализа развития исследований по археологии Северного Кавказа в рамках конференции «Крупновские чтения» (I–XXV, 1971–2008 гг.)

Уникальным явлением в отечественной практике организации и проведения гласных форм представления и коллективного обсуждения научных разработок является действующая вот уже 37 лет Международная научная конференция по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения», посвященная памяти выдающегося археолога-кавказоведа, наставника большой научной школы Евгения Игнатьевича Крупнова (1904–1970). В 2008 г. во Владикавказе (Республика Северная Осетия – Алания) состоялись юбилейные XXV чтения. К началу конференции был издан сборник тезисов, включивший материалы 122 заявленных докладов и сообщений 154 авторов. Непосредственное участие в конференции приняли около 100 ученых из 13 городов региона, Саратова, Оренбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Баку, Цхинвали, Сухуми, Симферополя, Одессы, Берлина и Парижа. Всего заслушано и обсуждено более 70 докладов. В качестве приоритетной темы рассматривалось «Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий».

История этой одной из наиболее жизнеспособных регулярных отечественных археологических конференций уже привлекала внимание специалистов (В.И. Козенкова, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов) и характеризовалась в ряде публикаций. Но сейчас назрела необходимость и появилась возможность более обстоятельного анализа материалов Конференции. Благоприятным условием для этого явилось уникальное издание монументального сборника всех опубликованных и части не публиковавшихся ранее тезисов, информации, хроник, воспоминаний и др., осуществленная ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края (А.Б. Белинский).

Из общего обзора этих материалов вытекает необходимость выделения этапов функционирования Конференции, прежде всего потому, что она существовала и существует в менявшихся условиях развития отечественной науки в целом и археологии в частности. Неоднозначными были не только внешние обстоятельства, но и внутренняя организация

работы форума на отдельных временных отрезках. Сейчас можно говорить о 4 этапах истории «Крупновских чтений»: 1971–1981 гг. – становление, организационное оформление и раннее развитие; 1982–1990 гг. – дальнейшая эволюция при накоплении организационных проблем; 1991–2002 гг. – сохранение конференции в условиях системного кризиса в стране и стабилизация ее деятельности; 2003 г. – наше время – возрождение и закрепление традиций.

То, что «Крупновские чтения» сложились в виде конференции и одновременно «чтений», не случайно. В этом проявились отечественные научные традиции, тенденции предшествующего ее организации раннего советского периода и особенности времени организации форума. С начала 1970-х гг. конференции стали абсолютно преобладать среди других форм (совещания, пленумы, сессии, семинары и т. п.). Термин «чтения» вошел в употребление в связи с деятельностью дореволюционных отечественных научных обществ (например: «Чтения в Обществе истории и древностей российских»). В середине – второй половине XX в. «чтения» стали носить в основном мемориальный характер и приобрели особую популярность.

В докладе предлагаются принципы комплексного системного подхода к анализу материалов Конференции по развернутому ряду показателей: различным статистическим данным; географии исследований; характеру источниковой базы; эпохально-хронологической принадлежности, тематической и проблемной направленности тезисов, докладов, выступлений в прениях; содержанию наиболее общих выводов и новых научных построений (версий, гипотез и т. п.), соотношению их с положениями кавказоведческих монографий и обобщающих статей последних десятилетий; более частным позициям.

Из статистических данных показательными являются сведения, определяющие масштаб, представительность и авторитет Конференции: 1) количество участников; 2) представительство: а) от городов и иных поселений Северного Кавказа, других субъектов РФ, зарубежных стран, б) от учреждений и

организаций (научные институты, образовательные заведения, музеи и др.); 3) число докладов (опубликованных в тезисах, реально прозвучавших, озвученных без публикации тезисов); 4) общее число обсуждений и дискуссий, количество обсуждаемых тем и участников. Могут анализироваться детальные сведения о персональном участии. Различные количественные характеристики приводятся и для содержательных показателей научных разработок, выдвинутых на Конференцию и обнародованных на ней.

При рассмотрении географии исследований учитываются 3 применяемых археологами подхода: 1) административно-территориальный (связь памятников с населенными пунктами, административными районами, субъектами Северного Кавказа); 2) физико-географический (Северный Кавказ в его физико-географических границах в соотношении с более крупными территориальными комплексами – Кавказ, Юго-Восточная Европа и т. п., географические части региона по странам света, рельефным зонам и обособленным ареально-ландшафтным единицам, бассейнам рек); 3) смешанный (выделение географических частей в границах административных единиц, например: Горная или Юго-Восточная Чечня, Прикаспийский Дагестан и т. п.). Важно иметь в виду, что географическое и административное понимание Северного Кавказа не совпадают. Распределение географии докладов и сообщений по подходам проводится в соответствии с позициями авторов, без возможной смысловой замены одного подхода другим.

Характер источниковой базы выражается в разновидностях артефактов и памятников, исследуемых специалистами: отдельные категории предметов (с широким спектром категорий и видов); погребения и погребальные памятники в целом; бытовые постройки, сооружения и бытовые памятники; культовые сооружения и комплексы; хозяйственные (поля, террасы, дороги, рудники и т. п.) и иные объекты; группы памятников различных категорий; все виды памятников на определенной территории. В ходе анализа составлен общий список памятников Северного Кавказа, которые исследовались на Конференции специально или приводились в качестве аналогий, с определением рейтинга их научной популярности (всего около 1000 объектов, привлекаемых 5 и более раз – до 40 по всем эпохам).

Эпохально-хронологическая принадлежность рассматривается в двух аспектах: а) в соотношении с общей эпохально-этапной шкалой и б) по конкретным датировкам рассматриваемых материалов (тысячелетия, века, периоды тысячелетий и веков,

года – когда они приводятся). Для сравнительной характеристики проводятся группировки и обобщения.

При определении проблемно-тематической направленности докладов и выступлений учитываются приоритетная тематика и отраслевые разделы. О приоритетной направленности «Крупновских чтений» заговорили на V Конференции в г. Махачкале (1975), но впервые такая тема была определена для VII «Чтений» в Черкесске (1977) – «Проблемы древнего и средневекового города на Северном Кавказе». На всех «Чтениях» значительная часть докладов может быть объединена под общим названием – «Представление новых материалов (памятников) и предварительных результатов их обработки». Объявленная приоритетная проблематика и реальная преимущественная направленность докладов и сообщений не всегда совпадали.

Выделяется следующие тематические разделы: 1) хронологические исследования; 2) типологические и классификационные построения; 3) реконструкция погребальной обрядности; 4) реконструкции бытовых и иных объектов; 5) культурологические разработки; 6) этнические определения и этногенетические построения; 7) социальная интерпретация материалов; 8) изучение религиозных воззрений и верований; 9) древнее и средневековое искусство; 10) проблемы хозяйственно-экономического развития; 11) урбанизация, история городов; 12) история политических образований; 13) история оружия и военного дела; 14) история изучения памятников и территорий; 15) вопросы историографии; 16) связи населения региона и его частей с контактными и отдаленными территориями; 17) смежные научные дисциплины; 18) применение естественнонаучных методов; 19) археология и этнография; 20) доклады сугубо исторического характера; 21) доклады по территориям за пределами Северного Кавказа. Материалы последних двух видов детально не анализируются. Отдельно учитываются и рассматриваются новые и дискуссионные положения. Внутри разделов возможны более узкие и конкретные подразделы. В связи со сложным содержанием многих докладов и выступлений они могут одновременно входить в несколько тематических разделов.

При рассмотрении вопросов культурной и этнической идентификации материалов составлен общий перечень археологических культур, упоминаемых и рассматриваемых в докладах и выступлениях на Конференции. Выделяются наиболее популярные из них (майкопская, катакомбная, кобанская, аланская и др.) на отдельных «Чтениях», на этапах их развития, на Конференции в целом. Аналогичным

образом оценивается и этническая интерпретация изучаемых материалов.

Из сравнительного анализа ясно, что абсолютное большинство авторов монографий, книг, обобщающих статей по проблемам археологии Северного Кавказа, опубликованных в последние десятилетия, были участниками, а многие и активистами «Крупновских чтений». Они часто выдвигали и «обкатывали» на Конференции свои научные построения. Труды ученых, составляющих редкие исключения из указанного правила, не оставались без внимания

участников Конференции и по различным поводам затрагивались на заседаниях.

Общий вывод заключается в том, что в материалах «Крупновских чтений» мы имеем разносторонне информативный срез состояния и динамики развития археологического изучения Северного Кавказа в течение последних четырех десятилетий. Дальнейшее детальное рассмотрение материалов Конференции на основе предложенных принципов представляется перспективным. Опыт этой работы может быть полезным и при анализе других подобных материалов.

И.Е. Сафонов

Воронежский государственный университет

В.А. Городцов и проблема выделения культур эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи (1920–1940-е гг.)*

Роль В.А. Городцова в изучении проблематики эпохи бронзы общепризнанна. В свое время его работы стали основополагающими для культурной и хронологической дифференциации памятников эпохи бронзы Восточной Европы, в том числе евразийской степи и лесостепи.

Как правило, в отечественной археологической литературе выделение ямной, катакомбной и срубной культур связывают с раскопками, проведенными Городцовым в преддверии XII Харьковского и XIII Екатеринославского археологических съездов, материалы которых опубликованы в соответствующих Трудах (Городцов, 1905; 1907). Данная Городцовым характеристика курганных захоронений «южнорусской» степи с учетом всех необходимых показателей полностью соответствовала основным критериям современного понятия «археологическая культура» (Мерперт, 1991. С. 88, 89). Но сам автор рассматривал их прежде всего с позиции хронологического изменения типа погребального обряда, не употребляя термина «археологическая культура», а подразумевая за обрядом и некий этнический показатель – «ямный народ», «катакомбные люди», «культура срубного народа» (Городцов, 1905. С. 208, 209; 1907. С. 247, 248; 1910).

Любопытна динамика подходов Городцова к понятию «археологическая культура», свидетельствующая о постепенном переходе от эмпирического восприятия группы памятников как некой исторической дефиниции к чисто теоретическому их определению.

В своей концепции развития бронзового века на

территории Евразии, изложенной в «Бытовой археологии», Городцов (1910) большое внимание уделял распространению различного рода влияний на южнорусские степи из более развитых культурных очагов, в первую очередь переднеазиатского и средиземноморского, считая население этого региона неспособным к развитию самостоятельной высоко развитой культуры. В начале 1920-х гг. он дает более четкое определение, которое практически полностью совпадает с современным понятием «археологическая культура»: «культурой я называю большой комплекс памятников, связанных территориально и хронологически, характеризующийся рядами вещей, свойственных только этому комплексу» (ОПИ ГИМ. Ф. 431). В опубликованном виде наиболее полная картина распространения культур бронзового века в Восточной Европе приводится Городцовым лишь во второй половине 1920-х гг. (Городцов, 1927), а затем дорабатывается в 30–40-е гг.

Первая мировая война и годы революции послужили объективной причиной прекращения полевых исследований памятников эпохи бронзы на территории России. Это побудило археологов сконцентрировать свои усилия на систематизации и классификации полученного ранее материала, а также на разработке теоретических вопросов археологии (работы В.А. Городцова, М.В. Ростовцева, А.А. Спицына, Б.В. Фармаковского и др.).

В первой половине 1920-х гг. Городцов совершил целый ряд поездок по музеям страны с целью изучения находившихся там археологических коллекций (Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Самара,

Уфа, Саратов). Это дало возможность сопоставить древности восточных и лучше ему известных западных областей.

Итогом работ Городцова стала новая экспозиция в отделе доисторических древностей ГИМ, которая строилась теперь уже не по географическому и региональному принципу, как это было раньше, а по конкретным археологическим культурам (Городцов, 1921. С. 53–66). Он разработал периодизацию степных культур эпохи бронзы и развернул в зале № 5 ГИМ систематическую экспозицию по этому периоду. Отдельные витрины были посвящены древнеямной курганной культуре, донецкой катакомбной, днепровской (ныне среднеднепровской) культурам. Особое место занимала «донская срубная культура». Городцов не стал называть срубную культуру, по аналогии с катакомбной, «донецкой», а сознательно расширил регион распространения ее памятников.

В начале 1920-х гг. В.А. Городцов несколько модернизирует и разработанную им ранее систему культурных влияний в бронзовом веке. Наиболее сильное культурное течение отмечается со стороны Малой Азии, затем Урала, а наименее сильное – Венгрии (Городцов, 1921. С. 66).

В эти же годы внимание Городцова привлекают и памятники бронзового века более восточных территорий, в первую очередь Минусинской котловины. В немалой степени этому способствовали удачные раскопки С.А. Теплоухова в окрестностях с. Батени на Енисее. Поставив перед собой задачу установить относительную классификацию типов погребений в Хакасско-Минусинской котловине, Теплоухов во многом повторил методику Городцова – последовательных раскопок в одном районе, где были бы сосредоточены разновременные памятники.

В июле-августе 1924 г. В.А. Городцов от Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР отправляется в научную командировку в Иркутск, Красноярск и Минусинск, где знакомится как с новыми археологическими коллекциями, так и с полученными в ходе полевых работ до революции.

Уже осенью того же года на заседаниях Отделения археологии научно-исследовательского Института археологии и искусствознания (РАНИОН) В.А. Городцов делает серию докладов по проблематике эпохи бронзы в Сибири, среди которых особый интерес представляет доклад «Об отношении енисейских и ангарских культур III–II тыс. до н. э. к европейским и русским культурам того же времени» (РА ИИМК. Ф. 1. Р-4). В этом докладе Городцов впервые дал характеристику западно- и восточно-сибирских культур эпохи бронзы: глазковской, андроновской, афанасьевской, минусинской (карасук-

ской). Это было пока еще предварительное сообщение, имелись отдельные неточности в определении хронологии культур, оценке отдельных категорий инвентаря. Важно отметить, что в докладах шла речь о конкретных археологических культурах.

В 1927 г. вышла работа Городцова по бронзовому веку на территории СССР (Городцов, 1927). В сжатом энциклопедическом очерке ученый попытался дать хронологическую и культурную классификацию бронзового века на обширной территории – от Днестра на западе до Ангары на востоке.

Городцов дал характеристику 18 культур, из которых около десяти было выделено на территории евразийской степи и лесостепи. Фактически работа послужила определенным итогом научной деятельности Городцова по проблематике эпохи бронзы. Его внимание к открытию ярких памятников соответствовало широте его научных интересов, умению интерпретировать полученные материалы, а также практически мгновенно вычленять наиболее актуальные направления дальнейшего археологического исследования.

Первая половина 1930-х гг. – тяжелый период в научной деятельности Городцова. Он был снят практически со всех постов. По материалам личного архива В.А. Городцова прослеживается, что, несмотря на все трудности, в том числе и публикационного характера, в 30–40-е гг. он продолжал заниматься проблематикой эпохи бронзы.

Одним из основных направлений в изучении эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи, которому В.А. Городцов уделял немалое внимание в эти годы, стала дальнейшая конкретизация представлений об археологических культурах (их характеристика, относительная и абсолютная хронология, происхождение).

Интерес представляет неопубликованная работа Городцова «Обзор трудов по исследованию древнейших памятников в СССР с 1917 по 1930 гг.», написанная в начале 30-х гг. В ней дается подробный перечень выделенных к тому времени культур в соответствии с хронологической классификацией металлургического периода. По сравнению с более ранними работами Городцова здесь подробнее определена относительная хронология культур, особенно их синхронизация в рамках различных периодов и этапов. Значительно выросло и их число. Если в 1927 г. им было выделено и описано 18 культур, то спустя несколько лет их число увеличилось до 24. Важным представляется упоминание в этой работе и некоторых ранее практически не охарактеризованных Городцовым археологических культур евразийской степи и лесостепи (в первую очередь абашевской, андроновской, хвалынской). Выписки,

заметки, черновики исследователя, хранящиеся в ОПИ ГИМ, дают возможность составить определенное представление об этих культурных образованиях.

Напомню, что в 1930-е гг. получила распространение отличная от «городцовой» трактовка древностей эпохи бронзы, в основе которой лежали идеи стадильности и автохтонизма. Поэтому важно отметить здоровый «консерватизм» Городцова, продолжавшего упорно отстаивать свою точку зрения о наличии такой научной дефиниции, как «археологическая культура».

В 1930-е гг. он продолжал собирать материал для второго тома «Археологии», посвященного металлическому периоду. Непосредственно к написанию тома исследователь приступил в начале 1940-х гг. Том сохранился в рукописи (ОПИ ГИМ.

Ф. 431). Приведенная Городцовым во втором томе характеристика культур была существенным шагом в развитии его идей (см.: Сафонов, 2002). Многие из направлений исследований Городцова в области изучения эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи по-настоящему будут оценены и развиты уже в послевоенные десятилетия.

В 1920–1930-е гг. В.А. Городцов вплотную подошел к выделению археологических культур на всем обширном пространстве евразийской степи и лесостепи. Это время можно назвать неким рубежом в изучении и осмыслении проблематики эпохи бронзы Евразии, ставшим отправной точкой ее дальнейшего развития уже в послевоенное время.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект 08-01-00024а).

А.С. Смирнов

Институт археологии РАН

Российская дипломатия на Ближнем Востоке и археология (вторая половина XIX – начало XX в.)

Связь археологии и дипломатии не является новостью. Многочисленные научные представительства западных государств помимо чисто исследовательских целей выполняли задачу политического утверждения интересов своей державы в стране пребывания. Особенно широкое распространение подобная форма дипломатического присутствия получила в странах Востока. Археологические миссии в европейской Турции, Египте, Палестине, Персии всячески способствовали утверждению в регионе авторитета той или иной европейской империи. Сочетание государственных интересов и научных устремлений ученых способствовало развитию ориенталистских направлений в европейской археологии.

Не было чуждо подобным приемам и дипломатическое ведомство Российской Империи. В контексте внешней политики обычно вспоминают Русский археологический институт в Константинополе и различные представительства в Иерусалиме, в первую очередь Императорское православное палестинское общество. Но эти учреждения формально не входили в круг российского внешнеполитического ведомства, хотя и были связаны с ним многими нитями.

В то же время, в анналах императорского министерства иностранных дел присутствуют документы, в которых российские представители на Ближ-

нем Востоке сообщают о фактах использования западными державами археологических исследований в качестве способа утверждения в этом регионе, а также предлагают аналогичным образом использовать археологическую деятельность отечественных ученых в интересах Российской империи. Насколько же удалось реализовать эти предложения, и оказали ли они существенную поддержку изучению древней истории стран востока в России?

Российские дипломаты, понимая идеолого-политическое значение археологических исследований, старались всячески противодействовать акциям противников Империи и внимательно следили за шагами союзников. Одним из главных политических оппонентов России на Ближнем Востоке в конце XIX – начале XX в. была Германская империя. Посему российская дипломатия очень скрупулезно следила за действиями германских ученых в пределах Турецкой империи. Российские консулы в Багдаде, Дамаске, Кони, Самсуне, Смирне постоянно информировали МИД о действиях немецких археологических экспедиций в Вавилоне, Алярасе, Амнаусе, Приене. Подчеркивая при этом политическую составляющую этих исследований и активное участие германского правительства и императора в их финансировании. Так же внимательно россий-

ские консулы следили за действиями археологов Австро-Венгрии.

Нередко действия немецких ученых давали российским представителям возможность проводить весьма шумные популистские антигерманские акции. Так, немецкие археологи в окрестностях Баальбека изъяли из православной церкви в селении Ниха «камень, представляющий... значительный интерес для археологии», что вызвало бурную реакцию российской дипломатии. Отказ в грубой форме немецких археологов вернуть камень на место дал русскому дипломату «...нравственное право усомниться в нормальности писавшего ответ или, по меньшей мере, предположить в писавшем зазнавшегося немца, уверенного в поддержке пославших его». Дело о камне дошло до разбирательства в Антиохийской патриархии и вызвало широкий резонанс.

Активность немецких ученых, разработавших многолетнюю программу «археологических путешествий» на территории Турции, вызывала большую настороженность русских. Проведение и расширение этих исследований российские дипломаты расценивали, и не без оснований, как один из путей проникновения германо-австрийского политического влияния на те или иные территории. А также как прикрытия для действий, «ничего общего с археологией не имеющих».

Агрессивное поведение немецких коллег не могло не вызвать тревогу и сожаление российских ученых. Как тут не вспомнить слова М.И. Ростовцева, утверждавшего, что «до сих пор, за отсутствием надлежащей среды и подходящих материальных условий развития, у нее успешно вырывали из рук ее германские соседи: назову византиноведение и изучение Востока».

В то же время, российские дипломаты, озабоченные отсутствием реальных действий их сограждан на ниве изучения древних центров мировой цивилизации, пытались использовать политические противоречия Турции с европейскими державами, в частности с Британией. Так, российский консул в Багдаде, приглашая «Московское археологическое общество принять участие в научной миссии в Месопотамии», как на положительный фактор ссылается «на невыгодное положение в настоящее время Англичан» в этой стране.

Желая противодействовать гегемонии германских экспедиций, российский консул в Смирне ходатайствовал перед директором Азиатского департамента МИД о приглашении русских ученых к исследованию местных древностей. Консул даже договорился с властями о ремонте дороги для облегчения проезда археологов к месту работ. Но эти предложения остались лишь благими намерениями

и не реализовались в какие-либо существенные акции.

Российские ученые смогли реализовать свои исследовательские устремления в Палестине, в рамках исследований ИППО, и в районах, прилегающих к южным границам России. Если в первом случае поддержка археологических исследований происходила за счет ИППО, то во втором их проведение во многом обязано активной поддержке российских дипломатических представителей. Российская дипломатия всегда внимательно относилась к археологическим исследованиям в этом регионе, имевшем стратегическое значение для России. Наибольшее внимание привлекали Эрзерумский и Ванский вилайеты, где в начале XX в. побывало множество российских экспедиций, изучавших местные древности. Не вспоминая о естественниках и лингвистах, в 1907, 1909 гг. там побывал Н.Я. Марр, который числился переводчиком МИД, что обеспечивало поддержку ученому в его поездках со стороны этого ведомства. В 1911 г. в г. Ван, по рекомендации академика Н.Я. Марра, направляют «оканчивающего весной 1911 года Факультет Восточных Языков ИМПЕРАТОРСКОГО С. Петербургского Университета студента Орбели». Вице-консул в Ване не только всячески поддерживал археологические исследования соотечественников, но даже финансировал их, причем из личных средств. Помимо понятного интереса к древностям подобная забота вице-консула объяснялась и тем, что руководивший одной из археологических экспедиций «г. Лалаянц, в бытность свою в Ване, оказал большие услуги вверенному мне ИМПЕРАТОРСКОМУ Вице-Консульству, в деле привлечения симпатий местных армян к России, о чем я неоднократно доводил до сведения ИМПЕРАТОРСКОГО Посольства в Константинополе». Во многом протекционизм вице-консула русским ученым объяснялся и активизацией немецких исследований в районе Вана.

Земли Ближневосточной Порты, исконного противника Российской империи, привлекали внимание русских дипломатов, что отражалось в их поддержке научным исследованиям на этих территориях. Хотя оно никогда не было щедрым. Но попытки проведения археологических исследований на территории дружественных азиатских государств, где не требовалось утверждать российское влияние, были лишены даже такой, во многом символической, поддержки. Наиболее ярким примером может служить ситуация в Персии. Несмотря на откровенные предложения своей союзницы Франции, активно проводившей там археологические исследования и недвусмысленно предложившей России под прикрытием археологических исследований расширить

свое присутствие на севере Персии, российское правительство ответило отказом. Переписка по поводу этого предложения между дипломатическим и военным ведомствами России однозначно объясняет причину такого равнодушия. Россия и без того имела достаточно рычагов влияния в Персии, которая в это время старалась поддерживать дружеские отношения со своим северным соседом. А военные имели при дворе персидского шаха своих, весьма осведомленных, представителей и в дополнительных источниках информации не нуждались. Посему выделение средств на раскопки памятников северной Персии в Петербурге считали излишним.

На развитие российской археологии оказывали существенное влияние политические устремления Российской империи. Археологическое изучение сопредельных с Россией стран, нередко в составе ориентологических исследований, и государственная внешняя политика находились в двусторонней связи, но первенство было за государственными интересами. Как правило, развитие получали те направления этих наук, которые изучали страны, представляющие интерес для правительства России. На Ближнем Востоке таковыми были, в первую очередь, закавказские вилайеты Турецкой империи. Именно здесь предложения дипломатических представителей о поддержке археологических исследований русских ученых чаще всего получали одобрение МИД. В Палестине археологические

исследования патронировало лишь Императорское православное палестинское общество. Профессиональные дипломаты были более ориентированы на нейтрализацию и противодействие акциям немецких ученых и их союзников. Предложения об организации на Святой земле российских экспедиций не находили реальной поддержки у руководства Певческого моста.

Все остальные пограничные Российской империи восточные страны были лишены даже такого ограниченного внимания и какого-либо достойного научного исследования. Хотя, казалось бы, географическое положение России подталкивало к изучению Переднего Востока, Персии, Афганистана и других стран азиатского материка. Но отмечаются лишь спорадические всплески интереса к тем или иным регионам, объясняющиеся локальными политическими или экономическими устремлениями, когда желания ученых получали хотя бы мизерную поддержку.

Отсутствие государственного интереса в ряде случаев отзывалось и отсутствием интереса в научных кругах. Например, обильные материалы по истории Персии в университете, различных музеях и учреждениях Петербурга долгое время оставались не востребованными научным сообществом. Не было даже попытки составить свод сведений о Персии на русском языке, в русской литературе долгое время не было исследований о прошлом Персии.

И.Л. Тихонов

Санкт-Петербургский государственный университет

Императорская археологическая комиссия – «придворная контора по добыванию древностей» или общероссийский центр археологии?

В феврале 2009 г. исполняется 150 лет со дня учреждения Императорской Археологической комиссии (ИАК). К этой дате готовится большая коллективная монография, представляющая собой всестороннее комплексное историографическое исследование. Но уже в последние годы наблюдался значительный подъем интереса к ее истории, появилась серия публикаций (Васильева, 2000; Длужневская, 2006а; 2006б; 2007; Елшин, 2007; Медведева, 2007; Мусин, 2007; Тихонов, 2003; 2006; 2007; и др.), освещающих как общие вопросы, связанные с историей создания и деятельности ИАК, так и отдельные стороны работы комиссии и ее сотрудни-

ков. Во всех этих работах деятельность ИАК по налаживанию системы научных исследований и контролю над раскопками археологических памятников в Российской империи оценивается весьма высоко. Только несколько публикаций, посвященных ИАК, или поверхностно, неточно и малокомпетентно освещают ее историю (Хартанович, 2006. С. 109–127), или вообще ставят под сомнение некоторые аспекты деятельности ИАК (Медведь, 2002; Смирнов, 2006; Комарова, б/г). Самое широкое распространение получило мнение о том, что, являясь единственным государственным органом археологии, ИАК с самого начала выполняла функции общегосударственного

координирующего и контролирующего центра отечественной археологии. Между тем, историю ИАК можно довольно четко разделить на два периода.

Создание ИАК ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного патронажа над только начинающей свое становление отечественной археологией. Еще в 1830-е гг. президент Академии художеств А.Н. Оленин предлагал создание правительственного органа, который взял бы под свой контроль все вопросы, связанные с проведением археологических раскопок. В дальнейшем руководство этим делом сосредоточилось в министерстве внутренних дел и Кабинете Его Императорского величества, где под руководством министра Л.А. Перовского возникла группа «чиновников по археологической части». В 1840-е – первой половине 1850-х гг. ими была проведена серия исследований в Северном Причерноморье, Поволжье, Центральной России. По результатам раскопок 1853 г. было издано специальное «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.», ставшее прообразом будущих Отчетов ИАК. В 1856 г. после смерти Перовского «заведывание археологическими разысканиями» было поручено С.Г. Строганову, который и разработал проект положения об ИАК. Очень важно отметить, что в этом проекте Строганов стремится придать ей статус центрального государственного органа, главной задачей которого является «разыскание древностей посредством земляных раскопок». Этим комиссия изначально отличалась от археологических обществ, которые трактовали археологию очень широко, как изучение любых памятников старины, в том числе и не вещественных. Первый параграф проекта гласил: «Главной Археологической комиссии подлежит заведование всеми археологическими раскопками в России и местными музеями древностей». Восьмой параграф указывал, что «раскопки на землях казенных и общественных производятся не иначе, как с разрешения председателя комиссии». Но в окончательном варианте, утвержденном императором Александром II 2 февраля 1859 г., эти формулировки были изменены на очень расплывчатые и неопределенные, не дающие ИАК, созданной в ведомстве Министерства Императорского двора, реальных полномочий для выполнения намеченных задач. Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что сотрудник и племянник Перовского А.С. Уваров, руководствуясь мотивами личного характера, с самого начала встал в резкую оппозицию Строганову. Соответственно, созданное Уваровым в 1864 г. Московское Археологическое общество (МАО) постоянно пыталось перехватить инициативу в деле изучения и, особенно, охраны па-

мятников древности, выдвигая различные проекты, попросту игнорирующие сам факт существования ИАК. Отношения с МАО еще более обострились, когда общество возглавила П.С. Уварова.

Исходя из понимания С.Г. Строганова, что главная задача комиссии – пополнение Эрмитажа, ее сотрудники И.Е. Забелин, В.Г. Тизенгаузен, Н.П. Кондаков и др. проводили свои раскопки преимущественно на некрополях в окрестностях Керчи и на Таманском п-ове. По сути дела, члены Археологической комиссии в это время полагали свои функции выполненными после завершения раскопок и доставления находок в Петербург и практически не занимались научной обработкой добытого материала, за исключением подготовки небольших текстов о самих раскопках к ежегодно публикуемому «Отчету ИАК». Обработкой и публикацией почти всего добытого на юге России материала занимался в основном академик Л.Э. Стефани, с 1851 г. являвшийся хранителем отделения классических древностей Императорского Эрмитажа, а с 1860 г. – членом-корреспондентом ИАК.

В первые два десятилетия своего существования ИАК лишь изредка поручала своим сотрудникам или финансировала археологические исследования в других регионах. Связи с Эрмитажем еще более упрочились, когда председателем ИАК в 1882 г. был назначен его директор А.А. Васильчиков. С этого времени комиссия переехала в здание Эрмитажа, окончательно обосновавшись в 1889 г. в помещениях на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки. В годы председательства Васильчикова превалось издание ежегодного «Отчета», а некоторую активность в деле отстаивания и расширения прерогатив комиссии, вероятно, следует отнести на счет ее старшего члена с 1876 г., В.Г. Тизенгаузена, который впрямую писал в 1886 г.: «С новым председателем Комиссии, по-видимому, дела ее будут поведены несколько энергичнее, чем при его предшественнике».

Новый этап в деятельности ИАК начинается с 1886 г., когда ее председателем был назначен граф А.А. Бобринской, сумевший добиться издания Высочайшего Повеления от 11 марта 1889 г., которое предоставило комиссии «исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в Империи на землях казенных, принадлежавших разным установлениям, и общественных», а также контроль над охраной и реставрацией монументальных памятников древности. Эти крайне своевременные меры превращали ИАК в действительно центральное государственное учреждение российской археологии. Разрешение на раскопки (открытый лист) выдавалось при условии

обязательного предоставления отчета и находок и только для исследований археологических памятников с научными целями. Главным принципом, которым комиссия руководствовалась при решении вопроса о выдаче открытого листа и денежных средств на раскопки, было научное имя заявителя и известность его комиссии. Никогда не получали отказа уже известные, зарекомендовавшие себя научными работами исследователи. Большие шансы получить открытый лист имели представители провинциальной интеллигенции: учителя, врачи, чиновники и т. д. Но и в этом случае, если заявитель впервые обращался за листом, комиссия, как правило, требовала рекомендаций уже известных ей исследователей.

Бобринскому удалось добиться и значительного увеличения финансирования деятельности ИАК. В 1888 г. начались масштабные раскопки в Херсонесе. Еще более масштабные и систематические раскопки в 1901 г. были начаты в Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского, после того как Бобринской добился выделения на них специальных средств в размере 4000 руб. в год. К началу XX в. годовой бюджет комиссии достиг 57 915 руб., из которых 4000 выделялось на раскопки Ольвии, 6000 – Херсонеса, 4000 на раскопки в Керчи, 12 000 на остальные раскопки, 3240 на приобретение древностей, 7000 на издания. В 1885–1894 гг. на приобретение древностей у частных лиц было отпущено 29 000 руб. Всего только за период с 1881 по 1894 гг. на деятельность комиссии было истрчено почти полмиллиона рублей казенных средств.

Значительно увеличился кадровый состав ИАК: если в начале 1880-х гг. весь ее коллектив состоял из двух членов и трех чиновников, то начиная с конца этого десятилетия членами-корреспондентами ИАК стали В.В. Стасов, Ю.Б. Иверсен, Д.Я. Самоквасов, Н.И. Веселовский, И.А. Лопатин, В.В. Латышев, А.Л. Бертъе-Делагард, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.Н. Пантусов, В.А. Жуковский, И.С. Китнер, Г.И. Котов, В.К. Мальмберг, К.К. Косцюшко-Валюжинич, С.А. Жебелев, А.К. Марков, Н.Я. Марр, К.К. Романов; а сверхштатными членами – М.П. Боткин, В.Б. Антонович, Н.В. Покровский, Ф.А. Браун, Н.В. Султанов, Б.И. Ханенко, Э.Р. Штерн, Ю.А. Кулаковский, М.И. Ростовцев. В 1890-е гг. штатными сотрудниками комиссии стали А.А. Спицын и Н.И. Веселовский. Председатель ИАК всегда проявлял немалую заботу о сотрудниках: так, например, по его ходатайству, в обход существующих правил, Спицыну в начале 1916 г. был присвоен чин 4 класса – действительного статского советника, а К.К. Косцюшко-Валюжиничу и В.В. Шкорпилу в 1904 г. было предложено отправиться на двухмесяч-

ную «стажировку» в Германский Археологический институт в Афинах за счет средств комиссии.

В 1890-е гг. при ИАК был учрежден специальный реставрационный отдел, вокруг которого группировались лучшие архитекторы и художники, искусствоведы и реставраторы. Сотрудники отдела, архитекторы-реставраторы П.П. Покрышкин и К.К. Романов, ежегодно объезжали значительные территории по всей России, делая обмеры и составляя чертежи бесценных памятников архитектуры. В 1898 г. ИАК выступила с инициативой создания при МВД новой комиссии для выработки положения об охране памятников старины, а также обосновывала необходимость создания при губернских статистических комитетах специальных отделений, которые могли бы заняться составлением сводов древних памятников и вопросами их охраны. Предусматривалось и распространение прав комиссии по разрешению раскопок на бывшие общинные земли, переходящие в собственность крестьян в результате аграрной реформы. Затрагивался и вопрос об археологических памятниках, находящихся на частных землях. ИАК предлагала объявить их собственностью государства, распространив на них действие указа 1889 г.

В годы председательства Бобринского заметно активизировалась и издательская деятельность комиссии: возобновилось регулярное издание «Отчета», в серии «Материалы по археологии России» с 1888 по 1916 гг. были выпущены 35 из всех 37 изданий этой серии. В 1901 г. началось издание «Известий Императорской Археологической комиссии», которые стали подлинно научным журналом, с присущими подобным изданиям стилем публикаций и структурой, охватывающей обзоры отдельных групп памятников, хронику деятельности археологических обществ и музеев, библиографию.

- Васильева Р.В., 2000. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. СПб. Вып. II.
- Длужневская Г.В., 2006а. Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859 – 1917 гг.) // Записки ИИМК РАН. СПб. № 1.
- Длужневская Г.В., 2006б. Императорская Археологическая комиссия на службе Российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. 4.
- Длужневская Г.В., 2007. Фотографы Императорской Археологической комиссии // Археологические вести. М. № 14.
- Елшин Д.В., 2007. Раскопки Императорской Археоло-

- гической комиссии в Киеве 1908–1914 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. 4.
- Комарова И.И. Справочник научных обществ России // http://www.snor.ru/?an=about_arl
- Медведева М.В., 2007. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Медведь А.Н., 2002. Высочайшее повеление 1889 г. и взаимоотношения научных обществ во второй половине XIX в. // Восточноевропейский археологический журнал. 2 (15). (<http://archaeology.kiev.ua/journal/020302/medved.htm>)
- Мусин А.Е., 2007. О роли личности в археологии: Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки ИИМК РАН. СПб. № 2.
- Смирнов А.С., 2006. Представления об охране древностей в обществе и государственных институтах Российской империи // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (историография, публикации).
- Тихонов И.Л., 2003. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.
- Тихонов И.Л., 2006. «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...»: К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб.
- Тихонов И.Л., 2007. Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.
- Хартанович М.Ф., 2006. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб. (Рец. И.Л. Тихонова см.: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. 1. 2007. С. 312–320.)

Н.А. Тропин

Елецкий государственный университет

Елец и его историческая округа – уникальная территория России (историографический аспект)

Интерес к письменной средневековой истории г. Ельца прослеживается в трудах отечественных историков с XVIII в. Однако в середине – второй половине XX в. возможности привлечения письменных сведений оказались ограничены из-за их немногочисленности. Лишь сравнительно недавно, на рубеже 1980–1990-х гг., была сформулирована проблема археологического поиска летописного города и в равной степени – идея уникальности Ельца и его исторической округи (Пряхин, 1991; 1995; Цыбин, 1991; Тропин, 1994; 1996).

Сказанное ни в коей мере не умаляет того значения, которое имели археологические исследования, проводившиеся начиная с рубежа 1950–1960-х гг. Целенаправленное изучение елецкой округи началось в конце 1950-х – начале 1960-х гг. экспедициями, прежде всего, Воронежского госуниверситета (А.Д. Пряхин) и ЛОИА АН СССР (В.П. Левенок). Результаты раскопок ВГУ, особенно материалы эпохи бронзы с Воргольского городища, легли в основу

тогда кандидатской, а чуть позже докторской, диссертаций А.Д. Пряхина, кандидатской диссертации В.И. Беседина, а находки славянского времени попали в текст докторской диссертации А.Н. Москаленко. Однако несмотря на определенные успехи в исследовании и открытии памятников славяно-русского времени, находок, связанных с летописным Ельцом XII в., не обнаружено.

В 1970-х гг. в г. Ельце работала Верхнедонская экспедиция ИА АН СССР (В.И. Матвеева). Основные ее работы проходили в 1972–1973 гг. на Кошкиной горе, где было раскопано 130 м². Несмотря на мощные (до 3 м) культурные отложения, находки древнерусского времени и здесь встречены не были.

Важный этап в изучении г. Ельца начался в конце 1980-х гг. Он связан с совместными работами Воронежского университета и Елецкого пединститута, проводившимися в рамках реализации федеральной программы «Народы России: воз-

рождение и развитие» по теме «Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов РФ», а также разработки научно-прикладной программы «Елец – уникальная историческая территория России».

Работы, направленные на изучение сельской округи летописного Ельца и его локализацию, приобрели систематический характер. Осуществлялись сплошные разведки в округе современного г. Ельца, результатом которых стало вычленение зоны наиболее плотного хозяйственного освоения территории (в 1989–1992 гг. выявлено около сотни памятников). Проводились небольшие по объему, но результативные раскопки на Паженском городище IX–XI вв. (А.Д. Пряхин, В.И. Беседин), на селище XIV в. у Александровского городища раннего железного века (Ю.Д. Разуваев), изучались раскопками укрепления на городище Лавского археологического комплекса (Ю.Д. Разуваев и А.Д. Пряхин). Эти работы определили перспективу дальнейших научных изысканий в округе Ельца и позволили заявить о концентрации в нижнем течении Быстрой Сосны памятников разных эпох, прежде всего раннего железного века и славяно-русского времени.

Тогда же экспедиция Елецкого госуниверситета проводила раскопки ряда поселений в ближайшей округе города. Среди наиболее известных по результатам раскопок памятников – Лавский археологический комплекс, поселения 1, 5 у с. Аргамач-Пальна. Особо следует подчеркнуть важность результатов раскопок Лавского археологического комплекса за период 1991–2006 гг. (вскрыто более 6000 м²). Он представляется нам одним из ключевых памятников в изучении юго-восточных пределов Черниговской земли. Его осмысление неразрывно связано с историей Ельца и сельской округи.

Предварительные итоги совместной работы были подведены в 1991 г. на научной конференции «Елец и его окрестности», где работала секция «Археологические исследования в Центральном Черноземье». Несколько позже результаты раскопок составили источниковую базу кандидатской диссертации Н.А. Тропина (1996) «Елецкая земля в XII–XV вв.», а материалы городищской культуры раннего железного века в 1997 г. вошли в текст кандидатской диссертации, защищенной воронежским исследователем Ю.Д. Разуваевым.

В этот же период проводятся наблюдения за культурным слоем и осуществляются небольшие по объему охранные работы на территории города. В 1990 г. закладываются шурфы в сквере по ул. Шевченко, в которых были обнаружены немногочисленные фрагменты керамики XII–XIV вв.

В 1996 г., в год 850-летия первого упоминания Ельца, проводятся небольшие по масштабу раскопки в центре города на Соборной (Красной) площади. Раскопом (41 м²) частично вскрыт фундамент Воскресенского Собора начала XVIII в. и кладбище XVI–XVIII вв. Следует отметить, раскопанный участок вскоре был музеефицирован.

В 1998 г. с целью проверки гипотезы о местонахождении летописного Ельца автором проводятся поисковые работы на территории бывшего Знаменского монастыря. Обнаружены остатки рва предположительно раннего железного века и начала XVII в., т. е. времени сооружения мужского скита. Кроме того, здесь встречены единичные фрагменты керамики домонгольского периода древнерусского времени.

Итоги работ в черте города позволили тогда сделать вывод, что нижнее течение р. Ельчик, включая исторический центр современного города, было освоено древнерусским населением. Однако говорить о том, что обнаружен четко выделяющийся культурный слой, относящийся к раннему этапу города, не приходилось.

Второй этап в реализации идеи уникальности Ельца и его округи начинается со второй половины 1990-х гг. Он связан с расширением географии полевых исследований вуза, что позволило рассматривать уникальность Ельца в системе истории Чернигово-Рязанского порубежья. Такой подход нашел отражение в защищенной Н.А. Тропиным в 2007 г. докторской диссертации «Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв.», где выделены этапы заселения и хозяйственного освоения в нижнем течении Быстрой Сосны в древнерусское время, показаны границы Елецкой земли по данным археологии, охарактеризован Лавский археологический комплекс и подведены первые предварительные итоги изучения летописного Ельца. В это время в практику археологических исследований, преимущественно на Лавском археологическом комплексе, внедряются междисциплинарные методы: металлографические, почвоведческие, остеологические.

Важным событием в археологии Ельца и региона в целом оказалось проведение в стенах университета 23–25 мая 2005 г. при поддержке РГНФ IV научной конференции «Археология Юго-Востока Руси». В ее работе принимали участие член-корр. РАН, директор ИА РАН Н.А. Макаров, зав. Отделом славяно-русской археологии ИА РАН проф. А.В. Чернецов и др. По итогам работы конференции был издан сборник ее материалов.

Активизировавшиеся с 2003 г. охранные работы в городе позволили сделать важные наблюдения над территорией распространения находок древнерус-

ского времени. Такой участок площадью не менее 300 х 500 м зафиксирован в историческом центре современного Ельца. Проведенные в 2007 г. самые масштабные раскопки в городе (ул. Маяковского, 5; площадь раскопа 448 м²) позволили выявить и изучить часть городской усадьбы XIV – начала XV в. Осуществленные тогда же докторами физических наук П.А. Морозовым и В.В. Копейкиным, при участии И.А. Козмирчука, георадарные исследования зафиксировали остатки фортификации (часть вала и ров) Ельца летописного времени.

Георадарные исследования оказались весьма эффективными и при поиске Елецкой крепости XVI–XVII вв. Обнаруженные участки ровов позволили,

в комплексе с данными письменных источников, очертить границы крепости и выявить наиболее перспективные для раскопок участки. Таким образом, реализация идеи уникальности исторического пространства Ельца получила новые возможности в изучении и позднего средневековья, тем более что эти работы во многом опираются на письменные сведения по истории города (Ляпин, 2006).

В настоящее время результативность исследований позволяет говорить о преемственности исторических, культурных традиций населения начиная с эпохи IX–XI вв., известной нам по раскопками Воргольского и Паженского городищ, по новое время включительно.

И.В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х – начала 1930-х гг.*

1. На вторую половину 1920-х гг. пришелся всплеск активности научных контактов в области археологии стран, оказавшихся «париями» после заключения Версальского мирного договора, завершившего Первую мировую войну, – Веймарской Германии (1918–1933) и Советской России. «Брак по расчету с Германией» выразился не только в развитии обмена специалистами, но и в организации совместных археологических экспедиций. После проведения недели советских историков в Германии (июль 1928 г.), куда был командирован акад. С.Ф. Платонов, в сентябре того же года последовал ответный визит президента Объединения для содействия немецкой науке государственного министра Ф. Шмидт-Отта и секретаря Общества по изучению Восточной Европы Г. Йонаса, которые посетили научные учреждения СССР с целью нормализации международных научных контактов.

2. С 1921 г. крымский археолог, доктор филологии Берлинского университета Н.Л. Эрнст начал эпизодические исследования городища на плато Эски-Кермен, в 1923–1926 гг. работы на памятнике проводил Севастопольский музей краеведения, с 1927 г. – Эски-Керменская экспедиция Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) и Главнауки под руководством Н.И. Репникова, который еще в 1908 и 1913 гг. предпринял рекогносцировки ряда пещерных городов Крыма. Следы «древнего готского города» на плато Эски-Кермен

Репников отождествил с Доросом – столицей Крымской Готии. О работах Репникова узнали немецкие ученые, которые предложили организовать совместную экспедицию по изучению этого памятника.

3. В феврале 1929 г. в ЦГРМ в Москве была устроена выставка материалов экспедиции и проведено заседание Ученого совета ЦГРМ и Московского отделения Общества по изучению Крыма «по вопросам изучения пребывания готов в Крыму», где с докладами выступили проф. Ю.В. Готье, Н.И. Репников, проф. А.И. Анисимов. Ученый совет отметил большой научный интерес этих исследований для решения проблемы пребывания готов в Крыму и необходимость скорейшей публикации собранных материалов.

4. Акад. С.Ф. Платонов поставил в известность руководство АН СССР о раскопках Репникова. Комиссия по истории знаний, Византийская и Археологическая комиссии АН СССР в марте 1929 г. провели совместное заседание по «вопросу об открытии в Эски-Кермен (Крыму) готского города», заслушав доклады научного сотрудника Яфетического института В.А. Брима «Изучение готской культуры в русской историографии», Анисимова «Росписи Эски-Кермена», Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 г.», Б.Н. Вишневого «Антропологический материал Эски-Кермена».

5. Эрнст полагал, что локализация на Эски-Кермене готской столицы Дороса, предложенная

Репниковым, ошибочна, и связывал Дорос с Мангупом. На обвинения Эрнста в захвате «чужого» памятника Репников ответил коллективной резолюцией в свою защиту, направленной в адрес АН СССР Севастопольским музеем краеведения (1929), сотрудники которого постановили «считать первым углубленно-научным изучением этого памятника... раскопки 1926 г., которые велись... Репниковым и были поставлены безукоризненно широко... в тесном... контакте с... Севастопольским музеем краеведения».

6. При деятельном участии акад. Платонова на средства, ассигнованные ЦГРМ, Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР, Комиссией по экспедиционным исследованиям АН СССР и Севастопольским музеем краеведения, в 1929 г. под руководством Репникова проводились рекогносцировочные раскопки Эски-Керменского городища. Согласно Репникову, они подтвердили его гипотезу, что развалины городища Эски-Кермена – «крупнейший в крымском нагорье готский город, существовавший уже в V в. как серьезная крепость», линия обороны которого была разобрана в IX в.: «Уже при систематических раскопках как самого города (82000 кв. м. площади внутри стен), так и грандиозного по размерам сплошного могильника развернется ясная картина исторического прошлого этого пункта... Окончательное оформление имени древнего Эски-Кермена состоится в момент находки соответственной надписи, на что вполне можно рассчитывать при дальнейших изысканиях». В августе 1929 г. раскопки осмотрели акад. Платонов, чл.-корр. АН А.И. Маркевич, И.Э. Грабарь, Г.О. Чириков, Л.А. Моисеев, Л.А. Мацулевич. Приехавшие в СССР в сентябре 1929 г. немецкие ученые, представители Объединения для содействия немецкой науке – профессор патрологии, христианской археологии и истории искусств теологического факультета университета Альберта-Людвига во Фрейбурге И. Зауер, основатель и руководитель Восточноевропейского семинара на философском факультете Гамбургского университета проф. Р. Саломан и сотрудник Берлинского музея народоведения доктор Г. Финдейзен – приняли участие в раскопках и осмотрели все предполагаемые «готские» места Крыма. Переводчиками к немецким ученым были назначены Эрнст и ученый хранитель МАЭ А.М. Мерварт. 30 сентября 1929 г. на Общем собрании АН СССР Платонов выступил с сообщением о сотрудничестве советских и немецких ученых при раскопках Эски-Кермена, а уже в январе 1930 г. он был арестован по «академическому делу» и обвинен в шпионаже в пользу Германии, что привело к свертыванию советско-немецких научных связей.

7. ГАИМК – главное археологическое учреждение страны – стремилась сама возглавить исследования «по готскому вопросу» в Крыму, поэтому с 1 декабря 1929 г. пригласила Репникова занять должность научного сотрудника 1 разряда в составе разряда средневековых культур Европы и Передней Азии. Лидер марксистской археологии В.И. Равдоникас с конца 1930 г. возглавил специальную Готскую группу в составе сектора Архаической формации ГАИМК. Целью своих работ группа ставила «тщательный пересмотр готского вопроса заново», с помощью комплексного изучения всех материалов с упором на реконструкцию социально-хозяйственных отношений в русле теории стадийности Н.Я. Марра. В состав Готской группы вошли также Репников, А.А. Спицын, Ф.И. Шмит, при участии «сотрудников-добровольцев» (Н.Я. Марр, Л.А. Мацулевич, Н.В. Малицкий, М.И. Артамонов, Е.В. Веймарн, А.Н. Бернштам, П.П. Ефименко). Равдоникас сделал доклад «Сармато-готская проблема в связи с социально-экономическим развитием Северного Причерноморья» (1931 г.), переработанный в статью «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» (1932 г.), где представил историю Причерноморья как «единый диалектический процесс», начиная с эпохи бронзы вплоть до формирования готского государства. Автор увязал появление «пещерных городов» с «готской» стадией, понимавшейся как переходный этап от античной эпохи к средневековой с ее классическими признаками феодальной формации. Им был прозорливо отмечен идеологический аспект готской проблемы и возможность ее использования в пропаганде пангерманизма и откровенного расизма.

По плану Готской группы Репников работал над составлением исчерпывающих отчетов и подготовкой к публикации материалов городища и могильника Эски-Кермен, Шмит изучал архитектурные памятники и сделал доклад «Эски-Кермен в свете раскопок 1928–1930 гг.» (1931 г.), который рассматривал историю средневекового Крыма в контексте истории Византии. Шмит считал Эски-Кермен типично византийской крепостью, ближайшие аналогии которой он видел в укреплении Рум-Кале в византийской провинции Коммагена. Спицын, выведенный за штат ГАИМК в декабре 1930 г. и оформленный как внештатный сотрудник, подготовил два больших исследовательских обзора – «Сводка фактических данных по сарматской культуре» и «Сводка фактических данных по полям погребальных урн». Малицкий должен был подготовить к печати свод эпиграфических памятников византийской эпохи Северного Причерноморья объемом около 20 а. л. и

3 том («Эпоха феодализма») «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе» В.В. Латышева, но из-за ареста исполнителя был издан лишь первый выпуск «Известий византийских писателей о Северном Причерноморье», включивший переводы В.В. Латышева трактатов Константина Багрянородного, пересмотренные Малицким и И.А. Карабиновым (ИГАИМК, 1934. Вып. 91).

8. Раскопки в Эски-Кермене продолжились под руководством Шмита (1930, 1932, 1933 гг.), Репникова (1931, 1936, 1937 гг.) и Равдоникаса (1934 г.). В 1933 г. политическая ситуация в Германии из-за прихода фашистов к власти разительным образом изменилась; напротив, США в том же году признали Советский Союз. В июне-сентябре 1933 г. ГАИМК и Пенсильванским университетом в Филадельфии была организована совместная советско-американская экспедиция для изучения могильника Эски-Кермена и его окрестностей, в которой Репников, ненадолго арестованный ОГПУ и проведенный в заключении март-апрелем 1931 г., числился «прорабом». Результаты работ Эски-Керменской экспедиции были изданы отдельным томом в 1935 г. (ИГАИМК. Вып. 117).

9. Начиная с 1932 г. в документах ГАИМК упоминания о Готской группе отсутствуют, что было связано с арестами ученых «по делу Желёва» (1928–1929 гг.), «академическому делу» (1929–1931), «делу славистов» (1933–1934) и их обвинениями в шпионаже в пользу Германии. От неумолимо надвигавшегося ареста Спицына спас-

ла смерть. Показательно, что в 1932 г. тему научной работы М.М. Цвибака по Феодальному сектору ГАИМК «Методология Спицына» стали именовать «Платоновская школа в археологии». Историк-византинисты Шмит и Малицкий в ноябре 1933 г. были арестованы по «делу славистов» как германские шпионы. Аналогичные обвинения при аресте были выдвинуты переводчикам Эски-Керменской экспедиции Мерварту в январе 1930 г. и Эрнсту в феврале 1938 г. Все эти ученые погибли в лагерях. Научное сообщество прекрасно понимало, что в волнах репрессий 1930-х гг. любые международные контакты могли стать поводом к обвинениям в шпионаже. Политическое безумие той эпохи, атмосфера подозрительности и нестабильности, запрет на публикацию трудов в зарубежных изданиях привели советскую археологию к неизбежной изоляции от мировой науки.

10. В отечественной археологии исследования по «готскому вопросу» вернулись в строго научное русло лишь в 1970–1990-х гг. Раскопки последующих лет подтвердили гипотезу, что не Эски-Кермен, а городище на горе Мангуп, являлось столицей княжества Феодоро. Локализация столицы крымской Готии Дороса и «страны Дори» до сих пор остается дискуссионной.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80283, и РГНФ, проект № 08-01-91113а/У.

В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН

Таманская археологическая экспедиция 1952–1955 гг. под руководством Б.А. Рыбакова

В 1952 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР была организована Таманская археологическая экспедиция под руководством Б.А. Рыбакова (1908–2001). Создание экспедиции было непосредственно связано с сессией Отделения истории и философии АН СССР, состоявшейся в мае 1952 г. в Крымском филиале АН. На сессии специально рассматривался вопрос о месте Крыма в истории восточных славян. Вопрос весьма актуальный после открытых на территории Крыма погребальных комплексов, по обряду захоронения и сопровождающему инвентарю напоминающих памятники черняховской культуры, связываемой с до-

летописными славянами. В целом крымская сессия имела скорее не научное, а идеологическое значение (Брайчевский, 2001. С. 145–184; Гадло, 2004. С. 49–51), и в этом отношении знаменательными стали слова Б.А. Рыбакова: «*Мы можем проследить проникновение славян в Крым и на Тамань почти за тысячу лет до образования Тмутараканского княжества*» (Рыбаков, 1952. С. 14).

В свете царивших на Крымской сессии настроений, а также в русле принятых там решений, Б.А. Рыбаковым была сформулирована основная цель Таманской экспедиции: исследование слоев древнерусской Тмутаракани. Здесь, прежде всего,

предполагались поиски фундаментов известной по летописным сообщениям церкви Рождества Богородицы, заложенной в 1023 г., где должны были покоиться останки князя Ростислава Владимировича (ум. 1066 г.). Еще одним объектом поиска являлись остатки средневекового монастыря, основанного Никоном Печерским около 1059 г. В задачи экспедиции входили также определение границ города в средневековую эпоху, характеристика культурных напластований на различных участках, составление хронологической шкалы керамики, поиск оборонительных сооружений и фундаментов, а также изучение посада и определение границ некрополя (Рыбаков, 1953. С. 2–4).

Работы экспедиции продолжались с 1952 по 1955 г. Можно отметить, что Таманская археологическая экспедиция являлась одной из крупнейших в то время, а к ее работе было привлечено значительное количество специалистов (Рыбаков, 1963. С. 4). В общей сложности на памятнике и прилегающей к нему территории было заложено более 40 раскопов, несколько шурфов и траншей.

На самом городище было заложено 32 раскопа (площадь более 1000 м²). Основные силы были направлены на поиски церкви 1023 г., в связи с чем обследовался центр городища, где было разбито 11 раскопов, 4 шурфа и 2 траншеи (первоначально руководство осуществляли В.В. Кропоткин, Л.А. Алексеев, И.Б. Зеест, а впоследствии – С.А. Плетнева). Раскопы разбивались в шахматном порядке.

В первый же год раскопок на юго-западном участке (самая южная часть городища) отрядом под руководством Н.И. Сокольского на двух раскопах площадью 137 м² были обнаружены остатки крепостной стены, изучение которой и прилегающих к ней жилых кварталов проводилось в последующие годы, для чего рядом были разбиты еще три раскопа (400 м²).

У западного обреза городища на раскопах и в шурфах Н.П. Сорокиной были исследованы остатки стены и примыкающие к стене жилые комплексы.

Для изучения территории посада и обнаружения некрополя отрядом, руководимым А.К. Коровиной, к западу от городища был заложен ряд шурфов и раскопов, а впоследствии, с выявлением некрополя, его исследование проводилось Н.П. Сорокиной. В западной части городища располагались раскопы И.Б. Зеест и Т.И. Макаровой.

Северный край городища, у берегового обрыва, исследовался Ю.С. Крушкол и В.С. Левашевой.

У восточного обреза городища, на самом берегу моря, был заложен специальный лабораторный раскоп, где под руководством Т.И. Макаровой изучалась стратиграфия городища и создавалась хронологическая шкала керамики.

На восточной окраине городища под руководством В.И. Цехмистренко был заложен шурф, впоследствии вошедший в границы раскопов (130 м²), исследовавшихся отрядом во главе с Н. И. Сокольским. Севернее располагался раскоп, работами на котором руководил Н.В. Анфимов.

Вне территории городища, к югу, с целью обнаружения монастыря на месте современной церковной усадьбы и исследований некрополя, были заложены раскопы и несколько шурфов (32 м²). Работами у церкви руководила Н.Н. Стоскова, на выявленном близлежащем некрополе – Н.П. Сорокина.

Широкомасштабные разведочные работы проводились в окрестностях Тамани: специальный разведывательный отряд под руководством В.Б. Ковалевской по подъемному материалу должен был наметить распространение античного и средневекового поселений, выяснить протяженность городища, изучить его планировку и застройку, найти некрополь «тмутараканского» времени, городскую пристань.

В самой станице Тамань этнографические исследования проводил отряд под руководством Я.А. Федорова.

Отряд под руководством А.Л. Монгайта вел разведочные и раскопочные работы в Прикубанье (Борисовский могильник, селище близ Краснодара) – на территории, как предполагалось, входившей в состав Тмутараканского княжества.

За все время работ на территории Таманского городища была вскрыта площадь, составляющая около 6000 м². Результаты исследований показали, что толщина верхних слоев памятника (раннее средневековье – современная поверхность) равна примерно 6 м, античные слои – около 3–4 м. В средневековой жизни городища на основе стратиграфических данных было выделено пять периодов – XIX–XX, XVII–XVIII, XIV–XV, XIII–XIV, X–XIII вв. (Рыбаков, 1953. С. 7), – впоследствии существенно «подкорректированных» на основании анализа керамики: V–VII, VIII – первая половина X, вторая половина X – XI, XII – первая половина XIII, середина XIII – начало XIV, XIV–XV вв. (Плетнева, 1963. С. 63).

Следует отметить, что в основной своей массе работы были прекращены на уровне слоев не ранее середины X в. – времени возникновения Тмутаракани. На 24 раскопах были затронуты и частично исследованы слои предшествующего «хазарского» периода: VII – первой половины X в. Между тем, тщательные послойные подсчеты материала на V стратиграфическом раскопе, где было выявлено четыре строительных периода X–XI вв., теряют свое значение, потому что работа здесь была прервана на слое X в. В центре городища раскопы были доведены

до слоя IX в., на западе и юго-западе – до слоя начала X в., на востоке – до периода античности. После окончания работ раскопы были засыпаны. Только на трех раскопах вся толща культурных напластований была пройдена до материка благодаря работам, возглавлявшимся И.Б. Зеест уже после окончания работ экспедиции Б.А. Рыбакова в 1956–1957 гг.

В целом можно констатировать, что результаты работ Таманской экспедиции оказались более реалистичны, чем это представлялось ее руководителю Б.А. Рыбакову. Так, было окончательно установлено возникновение первого поселения на территории городища в VI в. до н. э. Были намечены элементы планировки средневекового города: в центре трапециевидной крепости находилась площадь, от которой на восток шла узкая улица, выявлено не менее сотни остатков жилых и производственных сооружений. Отмечено, что мощность культурного слоя увеличивается по направлению к морю. У восточной части крепости, по-видимому, находилась пристань. На запад от города простирался некрополь, датированный всем периодом существования города. В южной части станицы находился некрополь античного времени. Было установлено, что во второй половине X в. и в начале XIII в. город горел во время сильных пожаров. Керамический, стеклянный, монетный и вещевой комплексы были обработаны, став фундаментом для хронологии средневековых слоев городища (Плетнева, 2003. С. 172–174, 178, 179). В юго-западной части городища была обнаружена часть мощной сырцово-кладки, служившей основанием крепостной стены со второй половины IX до начала XIII в. (Плетнева, 2000. С. 21–28). Успехом экспедиции стало обнаружение в 1955 г. в центральной части городища фундаментов церкви, идентифицируемой с храмом 1023 г. С севера и северо-запада от церкви располагалось синхронное кладбище (Макарова, 2005. С. 377–389). Церковь могла просуществовать до конца XVIII в., т. к. на одном из планов этого времени здесь отмечена «армянская церковь».

Между тем, следов монастыря, несмотря на усилия, прилагаемые экспедицией, так и не было найдено. Также в литературе встречается утверждение о находке в 1953 г. на городище фундаментов еще одного крестообразного храма, возникновение которого датируется IX в. – 960-ми гг. (Рыбаков, 1954. С. 19). На самом деле, желание обнаружить храм было так велико, что за его фундаменты был принят комплекс из трех жилых построек на центральных раскопах. Сейчас эти постройки опубликованы (Плетнева, 2001. С. 97–106).

Однако основным итогом, не оправдавшим ожиданий Б.А. Рыбакова, явилось отсутствие массовых следов славянского населения. На Таманском городи-

ще были обнаружены фрагменты всего лишь двух (!) лепных горшков второй половины X в., относимых к роменско-боршевскому типу (Плетнева, 1963. С. 17–20. Рис. 9, 15, 16). Вместе с тем, в течение последующих десятилетий работы на городище подобные фрагменты более не встречались, а само отнесение этих фрагментов к славянской керамике вызывает сомнение. Находки славянской керамики отсутствуют и на всей территории современного Таманского п-ова. Обнаружены лишь три славянские кириллические надписи-граффити. Абсолютное большинство находок отсюда имеет греческое (византийское) происхождение, и славянские артефакты «тонут» в этом массиве (Чхаидзе, 2006. С. 159–161).

Подобная ситуация наблюдалась и по результатам работ отряда А.Л. Монгайт: обследованные им памятники, а также осмотренные коллекции, принадлежали не славянскому, а протоадыгскому населению (Монгайт, 1955. С. 323–339). Этнографические исследования Я.А. Федорова также показали, что славянское население появилось на Тамани не ранее конца XVIII в., с переселением казаков, принесших сюда свои традиции и новую строительную технику (Чхаидзе, 2004. С. 40–48).

Вероятно, именно эта «неудача» явилась причиной свертывания работ Таманской экспедиции в 1955 г. и отказа ее руководителя от публикации материалов (единственный сборник при жизни Б.А. Рыбакова появился в 1963 г.), выход в свет которых начался только в последние годы.

Безусловно, результаты работ экспедиции Б.А. Рыбакова привнесли много нового в средневековую археологию Северо-Западного Предкавказья, но, как саркастически подмечено одним из историографов (Воеск, 2005. Р. 32–46), не привнесли ничего в идею о славянской доминанте на этой территории в средневековье.

Брайчевський М., 2001. Кримська сесія 1952 року // *Ruthenica*. Киев. Т. 1.

Гадло А.В., 2004. Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб.

Макарова Т.И., 2005. Церковь св. Богородицы в Тмутаракани // *МАИЭТ*. Вып. XI.

Монгайт А.Л., 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // *СА*. Т. XXIII.

Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. М.

Плетнева С.А., 2000. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // *Историко-археологический альманах*. М.; Армавир. Вып. 6.

- Плетнева С.А., 2001. Кочевники в Таматархе // РА. № 2.
- Плетнева С.А., 2003. Таматарха-Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. (Археология.)
- Рыбаков Б.А., 1952. Славяне в Крыму и на Тамани. Симферополь.
- Рыбаков Б.А., 1953. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции на Таманском городище и в его окрестностях (1952–1953 гг.) // Архив ИА. Р-1. № 918–919.
- Рыбаков Б.А., 1954. Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья // Тез. докл. на сессии отделения историч. наук и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологич. и этнографич. исследований 1954 г. М.
- Рыбаков Б.А., 1963. Предисловие // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Чхаидзе В.Н., 2004. Народное жилище в станице Тамань (XIX – первая половина XX в.) // ЭО. № 3.
- Чхаидзе В.Н., 2006. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // МИА Северного Кавказа. Армавир. Вып. 6.
- Boeck B.J., 2005. Stone of Contention: Medieval Tmutarakan' As a Measure of Soviet Archeology in 1950s and 1960s // Ruthenica. Киев. Т. 4.

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет

«Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» Д.Я. Самоквасова (1909 г.): век археологического изучения комплекса памятников на верхнем Псле*

В 2009 г. исполняется 100 лет с начала изучения археологического комплекса в районе с. Гочева некогда Обоянского уезда Курской губернии, а ныне Беловского р-на Курской области. Здесь расположен сгусток объектов разных эпох, от неолита до позднего средневековья (Археологическая карта... 1998. С. 130–152). О его существовании в Губернской ученой архивной комиссии узнали в 1905 г. из сообщения здешней учительницы Е.И. Резановой (1866 – после 1936), собиравшей фольклор (Резанова, 1911). А еще раньше некто А.А. Филиппенко из Обоянского уезда писал о Гочеве в ИМАО (Филиппенко, 1897).

1. Разведка, произведенная по верхнему течению Псла главой губернского акциза К.П. Сосновским (1861 – после 1916), очертила центр Гочевского комплекса – два близлежащих городища и курганник, насчитывавший первоначально от 4 до 5 тыс. насыпей. Сердцевинная его часть – между бывшим валом и рекой, так называемое Предгородье, – давно и все шире распахивалась (Сосновский, 1915). Так что задуманные курянами раскопки носили охранной и даже спасательный характер. Руководить ими был приглашен известный археолог Д.Я. Самоквасов, имевший давние связи с Курщиной и предложивший финансировать поездку.

2. В 1909 г. состоялась экспедиция членов ГУАК во главе с Д.Я. Самоквасовым, которая с 18 по 26 августа вскрыла там 278 курганов, шурфовала (с помощью 4 траншей) городища, разведывала урновые

погребения возле соседней д. Шмыревой. Профессору, который «переходил от кургана к кургану и руководил работами, постоянно заглядывая в журналы, обсуждая записи и поправляя их, если было нужно» (Дневник... 1915, С. IV–V), сопутствовали председатель комиссии А.Н. Кобылин, ее члены Н.И. Златоверховников, К.П. Сосновский, Ф.П. Амелин, П.П. Афанасьев. Добытые вещи реставрировали и нашили на картонные помогильно. Попав впоследствии в областной краеведческий музей, гочевские древности оказались все-таки депаспартизованы.

Обострение смертельной болезни помешало профессору самому довести до конца издание гочевских древностей. В его завещании 300 руб. отводились на публикацию «Дневника раскопок в окрестностях с. Гочева» и большеформатного «Атласа гочевских древностей». В 1915 г. эти издания увидели свет и стали своеобразным эталоном публикации помогильных комплексов курганных находок, с их полным перечнем, точными изображениями, как правило в натуральную величину или же в масштабе; с характеристикой состава и структуры соответствующих погребений.

3. Первым желание «продолжить исследования, произведенные проф. Д.Я. Самоквасовым», выразил в 1912 г. выпускник Московского Археологического института, учитель Курского реального училища П.С. Рыков. К нему присоединился гимназист Л.Н. Соловьев (1894–1967). Сосновский рекомен-

довал им «повести раскопки планомерно», т. е. не в разных местах могильника, наудачу, как с рекогносцировочной целью делалось ранее, а срыть все насыпи подряд на одном определенном участке. Молодые люди так и сделали – раскопали целиком, на снос, 109 курганов, обнаружив там 111 погребений. Находки подтвердили самоквасовскую атрибуцию основной части могил как славянских, причем накопившихся за несколько веков (X–XII). Профессор вычленил здесь разные типы могил: захоронения остатков кремации покойников на стороне в керамических урнах; погребения с обугленными костяками и богатым инвентарем; гробницы христианского обряда, почти без вещей. Рыкову и Соловьеву удалось проследить в Гочеве переход от полной, затем частичной кремации к ингумации в ямах и, наконец, в гробах.

Позднее и тот и другой стали видными советскими археологами, и П.С. Рыков опубликовал результаты своих гочевских раскопок с посвящением первоисследователю памятника (Рыков, 1923).

В 1913 г. здесь работал «окончивший курс в Московском Археологическом институте» В.С. Львович, менее опытный археолог, что видно по его слишком обобщенному, раскритикованному А.А. Спицыным отчету (Львович, 1913). Его послала сюда графиня П.С. Уварова, чтобы «не уступать» богатого памятника «конкурентам» из Петербурга. На его долю пришлось 35 могильных насыпей. В том же 1913, а затем в 1915 г., в Гочеве работал член-сотрудник ИРАО В.Н. Глазов, всего раскопавший 206 насыпей и обследовавший городище «Крутой Курган» (Глазов, 1913; 1915).

Сохранившиеся в архивном фонде ИАК отчеты всех этих раскопок используются современными исследователями археологического Гочева, тем более что за прошедшее время многие его части оказались разрушены распашкой и прокладкой ЛЭП.

4. В советское время гочевскую экспедицию возглавил «старший научный сотрудник Института истории АН тов. Рыбаков», будущий академик. Решение доцента МГУ возобновить раскопки на Курской земле поддержали не только указанный академический институт, но и ГИМ, и МГУ, где Рыбаков также сотрудничал. Часть денег и рабочих рук дал курский областной музей, с которым москвич заключил джентльменский договор о разделе находок (по заранее намеченным частям раскопа). После первого сезона работ в 1937 г. Рыбаков пришел к выводу, что «Гочевское городище весьма интересный памятник, имеющий значение для решения ряда важных общих проблем и необходимо дальнейшее исследование его», и решил предпринять «раскопку полностью всей его территории, срез всех валов и пробную раскопку городища «Царский дворец»».

Что и было сделано той же экспедицией в 1939 г. Результаты этих раскопок отражены в сугубо конспективных отчетах Б.А. Рыбакова, затем надолго затерявшихся в архивах (см. их публикацию: Шавелёв, 2002. С. 161–176). Автор задумывал итоговое издание этого памятника (объемом до 5 п. л.) – «Гочевское городище и его могильник». «Книжка, – по его мнению, – должна быть написана популярно (но не элементарно) и рассчитана на среднего массового читателя (учителя, студента, школьника старших классов и т. д.). Здесь должны быть даны некоторые общие сведения о славянах, их хозяйственном и бытовом укладе, специально сведения о племени северян, населявших курскую область, и обобщены данные о Гочеве как интереснейшем комплексе славянских древностей (городище, селище и курганы)... Для могильника можно будет сделать сводную таблицу типов вещей, чтобы не повторять, как это делал Самоквасов, один и тот же (точнее, похожий. – С.Ш.) рисунок десятки раз» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 8 об. – 9). Однако вместо отдельной книжки суммарный очерк своих раскопок Гочева Б.А. Рыбаков привел в монографии «Ремесло Древней Руси», где применительно к данному памятнику говорится о пограничном укреплении Киевской державы в XI–XIII вв., с разноплеменным гарнизоном (северяне, радимичи, мордва).

Вспоминая на склоне лет вехи своей работы как археолога-полевика, Б.А. Рыбаков перечисляет раскопки на местах 12 древнерусских городов, но не упоминает Гочева. Запомнилась академику только подаренная ему судьбой именно тут «возможность видеть огромный ритуальный хоровод всех женщин и девушек села (около 150 человек), собравшихся перед полночью в честь праздника древних славянских богинь Лады и Лёли, покровительниц брака» (Рыбаков, 1997. С. 10, 11). В устных беседах престарелый академик припоминал лишь свою версию названия безымянного поселения Древней Руси – город «Гостев» (по его расположению на торговом тракте Киев – Булгар, им же предположенном).

Планы продолжить раскопки Гочева на рубеже 1930–1940-х гг. строил, но не осуществил Д.Н. Эдинг (1887–1946).

5. В послевоенные десятилетия Гочевский комплекс археологических памятников разных эпох неоднократно привлекает к себе внимание исследователей. Среди них Б.А. Шрамко (Харьков), Е.А. Шинаков (Брянск), Е.А. и В.М. Горюновы, О.А. Щеглова (Санкт-Петербург), Р.В. Терпиловский (Киев), Ю.А. Липкинг (гипотетически отождествивший Гочевские городища с летописным городом Римовым), Н.А. Тихомиров, А.Н. Апальков, А.В. Зорин, при помощи Г.Ю. Стародубцева (1998

и др.) (Курск). Отчеты об этих раскопках и публикации по их материалам лучше известны нынешним специалистам (подробнее см.: Шинаков, 1982; Щавелёв, 2002). В 1990–2000-е гг., наряду с археологами, гочевские курганы ежегодно посещают так называемые «черные копатели». Их незаконные находки отсюда активно участвуют в распродаже на Интернет-рынке антиквариата (Незаконные раскопки... 2002. С. 85–89; Щавелёв, 2007. С. 154–161).

6. Один из археологических сюрпризов Гочева – обряд погребения в камерах, больших могильных ямах с деревянными сооружениями под курганами, который пришел из Скандинавии на Русь вместе с варягами в IX–X вв. Пересмотр старых отчетов позволил и здесь выделить серию сугубо камерных захоронений, а также целый ряд похожих на них ингумаций в подкурганых ямах. Как видно, престижная на севере Европы погребальная традиция претерпела на просторах Руси некоторые изменения, послужила формой перехода от языческой к христианской ее стадии (Щавелёв, 2002).

7. Кроме отчетов Рыбакова, нам удалось выявить рукопись первоначального, более полного, иного по структуре по сравнению с публикациями, полевого отчета Д.Я. Самоквасова. Заглавие этой рукописи перенесено в название настоящего сообщения. Данный манускрипт печатается нами в виде отдельной брошюры, посвященной вековому юбилею изучения уникального объекта русской археологии. Это весьма информативное для археологов-славистов издание может быть представлено на II (XVIII) Археологическом съезде, который в свою очередь продолжает ту славную традицию, у начала которой стояли А.С. и П.С. Уваровы, их непосредственные ученики и преемники, начиная с Дмитрия Яковлевича Самоквасова.

Вековое изучение курского Гочева представителями всех поколений русских археологов – яркая страница истории отечественной науки о древностях. Предстоящий вскоре столетний юбилей этих раскопок предоставляет удобный случай более полно ввести их материалы в научный оборот, продолжить их интерпретацию с позиций исторической археологии.

* Работа подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (08-01-72-102 а/Ц) по региональному конкурсу 2008 г. «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее».

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 / Автор-сост. А.В. Кашкин. М., 1998.

Глазов В.Н., 1913. Отчет о раскопках курганной группы близ д. «Гочев» Обоянского у. Курской губ. // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913 г. Д. 123.

Глазов В.Н., 1915. Отчет о раскопках, произведенных... в Обоянском у. Курской губ. // РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1915 г. Д. 93.

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., 1998. Этапы становления древнерусского порубежного города (попытка реконструкции) // Юг России в прошлом и настоящем: Мат. междунар. науч. конф. Белгород.

Львович В.С. Дневник раскопок, произведенных в некрополе у с. Гочева Курской губ. Обоянского у. // РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913 г. Д. 330.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России: Мат. круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4.

Резанова Е.И., 1911. О курганах близ с. Гочева Обоянского уезда: Материалы по этнографии Курской губернии // Тр. Курской ГУАК. Курск. Вып. 1.

Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках городища «Крутой курган» близ Гочева Курской обл. в 1937 г. // ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 2.

Рыбаков Б.А. Курская область. Гочевское городище. [Отчет о раскопках 1937, 1939 гг.] // РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1937 г. Д. 239.

Рыбаков Б.А., 1997. Заглядывая в предисторию Руси // Историки России о времени и о себе. М. Вып. 1.

Рыков П.С. Отчет о раскопках, произведенных близ с. Гочева Курской губ. Обоянского у. // РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1912 г. Д. 116.

Рыков П.С., 1923. Юго-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии) // Уч. зап. гос. Саратовского университета. Саратов. Т. I. Вып. 3.

Сосновский К.П., 1915. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла... // Тр. Курской ГУАК. Курск. Вып. 2.

Филиппенко А.А., 1897. Городище «Гочев» Обоянского уезда Курской губернии // Древности: Тр. ИМАО. М. Т. XVI.

Шинаков Е.А., 1982. Население верхнего течения р. Псла в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Сер. 8: История. № 2.

Щавелёв А.С., 2002. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск.

Щавелёв С.П., 2002. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск. Вып. 3.

Щавелёв С.П., 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 гг. (Курский «филиал»). Курск.

В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Сорок лет среди алтайских древностей

Известно, что на территории Алтая сосредоточены тысячи ценнейших памятников всех исторических эпох: от стойбищ и мастерских первого в Сибири человека до этнографических петроглифов алтайцев. Особенно широкую известность в нашей стране, да и за рубежом, получили исследования промерзших курганов в Центральном Алтае. После сенсационных открытий М.П. Грязнова, С.И. Руденко и С.В. Киселева археологическое изучение Алтая, как это ни парадоксально, затормозилось на многие годы. Материалы больших курганов буквально обрушили на археологов лавину уникальных находок, изучение и интерпретация которых затянулась на десятилетия. Многие исследователи понимали, что таким грандиозным результатам вряд ли можно что-либо противопоставить. Может быть поэтому со времени последних исследований С.И. Руденко и до начала 1970-х гг. в пределах Алтая не проводились экспедиционные работы. Это был период своеобразного насыщения археологической информацией, как казалось, исключительно полно характеризующий эпоху древних кочевников. Но проблемы остались. Одной из первых можно назвать неравномерность изученности исторических памятников на территории Алтая. В большем числе исследовались различные археологические памятники в северных, центральных и юго-западных районах, тогда как Юго-Восточный Алтай для археологов оставался настоящим белым пятном. Здесь до начала 70-х годов не было исследовано ни одного объекта. До сих пор в этом микрорайоне неизвестны памятники неолита, ранней бронзы, а до недавнего времени совершенно были неизвестны и памятники хунно-сарматской эпохи, а также эпохи позднего средневековья. Только слабая изученность исторических памятников алтайских высокогорий не позволяет сегодня очертить ареалы таких древних культур, как афанасьевская или каракольская, а также определить этническую принадлежность, географические и точные временные параметры существования, казалось бы, самой изученной на Алтае, пазырыкской культуры.

Можно без преувеличения сказать, что с раскопками первых курганов высокогорного урочища Уландрык в 1968 г. начался новый этап в археологическом изучении Алтая. Широкомасштабное изучение Восточно-Алтайским отрядом ИАЭТ СО РАН разнообразных исторических памятников в последние 40 лет позволило создать ценный источник-

ведческий фонд. Его материалы, всесторонне освещающие историческое развитие культуры древних и средневековых кочевников, позволили решать круг обозначенных проблем. Среди них главной является проблема выявления своих локальных особенностей и общих закономерностей культурного развития населения в специфичных условиях горного региона, что, несомненно, имеет принципиальное значение и для археологии других горных областей Центральной Азии.

В составе Восточно-Алтайского отряда впервые проходили археологическую практику известные сегодня на Алтае ученые: А.С. Суразаков, В.Н. Елин, Л.М. Чевалков, В.А. Кочеев, С.М. Киреев, В.И. Соёнов, А.В. Эбель и П.И. Шульга. Некоторые исследователи впоследствии многие годы принимали участие в работе Восточно-Алтайского отряда. В соавторстве с ними написан ряд статей об открытии и изучении уникальных археологических памятников Алтая. Совместные исследования с алтайскими коллегами продолжались и в охранных раскопках на памятниках, расположенных в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС. Результатам этих полевых работ был посвящен специально изданный в г. Новосибирске сборник: «Археологические исследования на Средней Катуни» (1990 г.), в котором представлены статьи алтайских и новосибирских археологов.

За прошедшее время на Алтае только одним Восточно-Алтайским отрядом было открыто и изучено более 800 разнотипных и разнокультурных памятников (палеолитические местонахождения, курганы и ритуальные сооружения эпохи бронзы, оленные камни и стелы в оградках, курганы древних и средневековых кочевников, железоплавильни, тюркские изваяния, поминальные оградки, этнографические погребения и разновременные петроглифы). Но основную источниковедческую базу составляют материалы, ограниченные скифским временем или периодом древних кочевников (VII–III вв. до н. э.). В научный оборот введены материалы из 242 раскопанных курганов в 43 могильниках, исследованных нами в долинах рек Уландрык, Ташантинка, Юстыд, Барбургазы, Бугузун, Бураты, Елангаш, Аргут, Курота, Чуя и Катунь. Итогом проделанной работы стали три монографии одного из авторов, изданные в Новосибирске (Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992).

В течение двух десятилетий на Алтае велась

разведочные работы, специально нацеленные на поиски разновременных каменных изваяний, стел с рисунками и чашечными углублениями. Сотрудниками отряда учтено более 100 оленных камней. Из них более половины памятников опубликованы в отдельной книге (Кубарев В.Д., 1979), а также в ряде небольших статей (Кубарев В.Д., 1986; 1993; 1997; Кубарев В.Д., Кочеев, 1989). В.Д. Кубаревым впервые был издан и свод древнетюркских изваяний Алтая VII–X вв. н.э., в который включены сведения о 256 объектах (1984). Древние монументальные памятники и сопровождающие их ритуальные комплексы оставались в сфере научных интересов авторов и сотрудников отряда и в последующие годы (Кубарев В.Д., 2000; 2001; 2003; 2004; 2005; 2006; Kubarev V.D., 2002; Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, 2004; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2004).

Сотрудниками отряда в разные годы найдены неизвестные ранее рунические надписи (Кубарев В.Д., 1992). Особенно интересны древнетюркские тексты, обнаруженные совсем недавно на скалах Кургака (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001) и на разбитой в древности стеле, найденной у подножия горы Кызыл-Кабак (Кляшторный, Кубарев Г.В., 2002).

Сенсационным следует признать открытие и полное исследование комплекса хуннских керамических печей в долине р. Юстыд, – единственного археологического памятника подобного рода на Алтае (В.Д. Кубарев, Журавлева, 1986). На нем найдено свыше 5 тысяч фрагментов керамики, часть коллекции передана Барнаульскому и Горно-Алтайскому краеведческим музеям.

Другим важным событием для археологии Алтая стало открытие и исследование, начиная с 1980-х гг., выдающихся памятников древнего искусства – каменных гробниц Каракола с полихромными росписями (Кубарев В.Д., 1987, 1992; 1995; 1998; Кубарев В.Д., Соенов, Эбель, 1992; Ларин, Суразаков, 1994). Первое погребение не известной ранее культуры эпохи бронзы на Алтае было исследовано в с. Озерном около 30 лет назад (Погожева, Кадиков, 1979). Открытие его осталось незамеченным, так как могильник оказался почти полностью разрушенным. Еще один памятник эпохи палеометалла – погребение в с. Бешозек – раскопано алтайскими археологами (Кубарев В.Д., Ларин, Суразаков, 1992; Соёнов, Эбель, 1994).

Написанная одним из авторов книга «Древние росписи Каракола» (1988), в настоящее время является библиографической редкостью. Фотографии и иллюстрации полихромных росписей в ней воспроизведены в черно-белом виде. Поэтому назрела необходимость в издании нового каталога, в котором будут обобщены и рассмотрены все известные на се-

годняшний день материалы каракольской культуры, а рисунки и фотографии будут даны в цветном исполнении. Росписи и гравюры Каракола несомненно должны быть отнесены к уникальным произведениям древнего изобразительного искусства Алтая. Об этом, в частности, свидетельствуют и тот факт, что некоторые каракольские рисунки помещены в антологии памятников мировой наскальной живописи, изданной итальянским ученым Анати в 1997 г.

Памятники каракольской культуры (погребения и петроглифы) были известны только в центральных районах Алтая. Но последние открытия на Восточном Алтае, граничащим с Монголией и Китаем намечают пути продвижения каракольцев на юго-восток. Основанием для такого вывода послужил всего один рисунок из местонахождения петроглифов у горы Курман-Тау (Кош-Агачский район республики Алтай). На одной скале с уже известными и опубликованными ранее изображениями оленей и лосей была обнаружена контурная фигура лосихи, выполненная красной краской. На наш взгляд, наибольшее сходство рисунок лосихи из Курмантау обнаруживает с подобными же контурными фигурами лосей или лосих из Каракола. Поиски погребений каракольской культуры необходимо продолжить.

Одним из параллельных направлений научных исследований Восточно-Алтайского отряда на всем протяжении его деятельности было изучение наскальных изображений Алтая. В 1992 г. появилась первая сводная работа, включающая около 200 местонахождений петроглифов Алтая (Кубарев В.Д., Маточкин). Но одной из самых ярких творческих удач коллектива Восточно-Алтайского отряда было изучение и публикация комплекса наскального искусства в комплексе Калбак-Таш I. Итогом многолетней работы на этом уникальном памятнике наскального искусства можно назвать публикацию альбома в Париже, в известной серии «Корпус петроглифов Центральной Азии». Этот труд, изданный в 1996 г. (Kubarev V.D., Jacobson), иллюстрирован фотографиями, планами и многочисленными прорисовками наскальных изображений. На меньшем по масштабу памятнике наскального искусства Калбак-Таш II (территория природного парка «Чуй-Оозы») в основном закончены работы по сплошному копированию петроглифов, а полученные изобразительные материалы обрабатываются и готовятся к печати. В этом же природном парке, в местности Кыйу, открыто четыре древнетюркских изваяния (Кубарев Г.В., Оцука и др., 2002; Кубарев Г.В., Розвадовски, Кубарев В.Д., 2003). У одного комплекса сотрудниками Чуйского отряда ИАЭТ СО РАН проводились охранные раскопки (Кубарев Г.В., 2005).

В 2005 г. были начаты исследования по новому международному проекту «Петроглифы Северо-Западной Азии и реконструкция первобытных мифологий», разработанному Ассоциацией исследователей наскального искусства Кореи (г. Сеул) и ИАЭТ СО РАН. На Российском Алтае в основном проводился мониторинг самых крупных местонахождений наскальных изображений (Куюсский грот, Калбак-Таш, Елангаш, Жалгыз-Тобе, Курман-Тау, Туру-Алты) и на недавно открытых петроглифах Ирбисту и Кургака. Обследовано также уже известное древнее святилище у горы Атер-Кая на р. Чуе.

В 2006 г. опубликована монография Г.В. Кубарева – постоянного сотрудника Восточно-Алтайского отряда и участника всех международных экспедиций на Алтай и в Монголию. Его книга «Культура древних тюрок Алтая» посвящена результатам более чем 25-летних археологических исследований

на территории Республики Алтай. Материалы погребений древних тюрок анализируются автором с привлечением данных по другим древнетюркским памятникам (оградкам, изваяниям, граффити), а также с использованием письменных источников и этнографических свидетельств. Такой комплексный подход позволил всесторонне охарактеризовать материальную и духовную культуру древних тюрок Алтая, включая погребальную обрядность, военное дело, костюм и осветить целый ряд других важных вопросов.

Таковы, вкратце, итоги работ только одного отряда ИАЭТ за последние сорок лет. В настоящее время ясно одно, что необходима разработка новой долгосрочной программы комплексного изучения археологических памятников Алтая. В ней должны принять участие высококвалифицированные специалисты из различных областей науки.

СЕКЦИЯ 16

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ И КАБИНЕТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

А.Б. Белинский

ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края, Ставрополь

Применение методов дистанционного зондирования земли при создании геоинформационной системы «Археологическое наследие Ставропольского края»

Историческое культурное наследие является общечеловеческим достоянием, данным ныне живущим поколениям во временное пользование. Одной из важнейшей гуманитарных задач человечества является его сохранение для потомков. Однако в связи с мощнейшей антропогенной нагрузкой на окружающую среду, особенно в последние несколько десятилетий, прогрессирующее разрушение памятников археологии стало печальной реальностью.

Одной из главных причин этого является недостаточное внимание государства к этим проблемам, отсутствие специальных программ по выявлению археологических памятников с целью постановки их на специальный учет. Именно памятники археологии, в силу своей специфики не выявленные и, соответственно, не имеющие статуса объектов культурного наследия, подвергаются разрушению в первую очередь.

К сожалению, приходится констатировать, что таких памятников на территории Северного Кавказа большинство. Стала очевидной необходимость разработки комплекса мероприятий, с помощью которых можно было бы в кратчайшие сроки выявить и поставить на учет памятники археологии. Такие подходы вырабатываются сейчас в ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края.

За последние четыре года была создана базовая ГИС, куда внесены выявленные по данным архивных материалов более 70 тыс. памятников – в основном курганов. До создания этой базы на учет состояло только около 400 объектов археологии. Для наполнения данной ГИС была разработана многоэтапная схема работы.

Эти задачи реализуются различными способами, в том числе проведением археологических разведок и полевых исследований, созданием базы данных по памятникам истории и культуры и т. д.

Начиная с 1997 г., в условиях практически полного отсутствия целевого финансирования со стороны государства, предприятием для решения задач по охране памятников историко-культурного наследия активно используются современные технические достижения, такие как анализ аэро- и космодатасъемки, геоинформационные системы, геофизические методы (георадарные съемки) и 3D визуализация исследованных объектов.

При проведении археологических разведок была выработана определенная многоэтапная схема работы.

Первый этап – предварительная подготовка – включает в себя:

- подбор топографических карт, аэрофотосъемка, анализ аэрофотоснимков, космоснимков по конкретному объекту, изучение исторических данных;
- сканирование, геокодирование, трансформация топографических карт и аэро- и космодатаснимков (используется программа ER Mapper);
- подключение полученных растровых изображений к ГИС программам (ArcView или MapInfo);
- определение полигона археологических исследований. Анализ топографических карт и аэро- и космодатаснимков. Занесение в предварительную базу данных ГИС видимых наземных археологических объектов, ввод их координат и основных ориентиров в приемники спутникового позиционирования (GPS).

Такая подготовка существенно сокращает время

проведения разведки и, соответственно, сокращает финансовые затраты.

Второй этап – наземная разведка. В ходе ее проведения интенсивно используется взаимодействие работы GPS-приемников и GIS. Это позволяет оперативно находить отмеченные на первом этапе объекты и немедленно вносить вновь выявленные памятники в базу данных. Изучается географическая ситуация, антропогенное воздействие на местность.

С 2002 г. на этапе наземной разведки активно используются георадарные съемки и электроразведка. Они позволяют быстро обследовать археологический памятник, определить его границы, глубину, ширину или направление различных аномальных зон, конструктивные особенности объекта.

Третий этап – анализ и обработка полученных данных. Данные топографических карт и аэро- и космифотоснимков анализируются и сопоставляются с данными наземной разведки, с последующим нанесением выявленных объектов на предварительно геокодированные рабочие проекты объектов строительства. Предварительный анализ показывает, что использование дешифрированных аэро- и космифотоснимков позволяет выявлять на 600–800% больше памятников, чем традиционные методы.

Таким образом, применение ГИС в археологических разведках позволяет предприятию проводить их с высокой точностью и максимальной отдачей. Так, подробный анализ и дешифровка архивного космифотоснимка высокого разрешения в программе ER Mapper позволили выявить только на одном контрольном участке около десятка полностью рас-

паханных курганных насыпей, не имевших внешних признаков при наземном визуальном осмотре. Дальнейшие раскопки этих объектов, найденных с использованием геокодированного космифотоснимка и GPS-приемника, подтвердили данные дешифровки. Это были полностью распаханные насыпи курганов с одиночными погребениями раннего железного века. На других аэрофотоснимках удалось выявить несколько сотен раннесредневековых полностью распаханных насыпей курганов, отдельные конструктивные элементы близлежащих городищ, также не имеющих наземных признаков.

Сопоставление данных аэро- и космифотоснимков разных лет позволяет определить тенденции разрушения памятников в зонах антропогенного воздействия.

Применение ГИС-технологий и методов дистанционного зондирования земли в историко-культурной экспертизе проектов строительства, связанного с воздействием на окружающую среду, позволяет на ранних стадиях выявлять и классифицировать памятники, попадающие в зону строящихся объектов, значительно сокращает сроки экспертизы и затраты на нее.

Создание ГИС по памятникам археологии всего региона дает возможность проведения многоуровневого анализа данных – от количества и распространения разных видов памятников в различных природных зонах до прогнозирования очагов и скорости антропогенного воздействия на них, что позволяет заранее предпринимать меры по их сохранению.

Л.Н. Водолажская

Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону

Компьютерная программа для расчета объема античных амфор Северного Причерноморья I–III вв. н. э.

Исследование торговли античных государств Северного Причерноморья важно для изучения социально-экономической истории древнего мира. Одним из ведущих направлений античного обмена являлась торговля товарами, перевозившимися в амфорах. Возможность количественной оценки ее объема тесно связана с объемом самих амфор. Среди всего массива керамики первых веков н. э. из Северного Причерноморья особенно выделяются узкогорлые светлоглиняные амфоры. Их целые экземпляры и фрагменты – самая распространенная категория на-

ходок. Однако большое количество амфор реставрировано, что делает невозможным непосредственное измерение их объемов из-за риска разрушения. В таких случаях возникает необходимость в применении математических методов расчета объема амфор, особенно с помощью компьютерных технологий.

Среди исследователей распространено мнение, что в античности при производстве амфор мастера руководствовались лишь эстетическими критериями. Исходя из существования древних формул Герона (Hultsch, 1864. P. 202–203) для вычисления объема

сосудов как фигур вращения, мы проанализировали форму узкогорлых светлоглиняных амфор с позиции предварительного проектирования амфорных эталонов и пришли к выводу о возможности их конструирования с помощью геометрических моделей, основанных на телах вращения, образованных коническими сечениями Архимеда (1962. С. 168–170). Выявление конкретных тел вращения для каждого типа амфор позволило вычислить их объем и дать дополнительную информацию для классификации. Российские исследователи Э.Н. Абросимов (1999. С. 123), И.Б. Брашинский (1984. С. 72–74), С.Ю. Монахов (1986. С. 107–110; 1992. С. 97, 166), В.И. Кац (Кац, Монахов, 1977. С. 103) разработали свои способы интерпретации древних формул и расчета по ним объемов амфор. Однако их методы не связаны с описанием математических линий профиля амфор. Для определения объема амфор как фигур вращения на современном этапе развития науки разработано множество методов расчета. Так, объем может быть вычислен с помощью компьютера по прорисовке профиля керамического сосуда, в том числе и амфоры, если только профиль полный, а сосуд представляет тело вращения, близкое к идеальному (Louise, Dunbar, 1995). Этот метод базируется на наблюдении, что трехмерный сосуд может быть восстановлен с помощью его профиля, вращающегося вокруг центральной оси. Различные способы математического описания кривой профиля представлены в ряде работ зарубежных специалистов (Leumarie, Levine, 1988; Mokhtarian, Bober, 2003). Для получения математического выражения профильной алгебраической линии нами также использовалась компьютерная программа аналитических вычислений Maple. Она позволяет использовать метод наименьших квадратов полиномиального приближения данных (Говорухин, Цибулин, 2001). При этом в качестве алгебраической линии для каждой амфоры подбирались свои функции в виде полинома, совпадающие с линией профиля и тем самым аппроксимирующие его. В рамках нашего исследования был разработан также алгоритм анализа профиля амфор с помощью геометрической аппроксимации и проанализированы геометрические модели узкогорлых светлоглиняных амфор вариантов А–D. Были получены формулы для расчета их объемов как сложных тел вращения, образованных коническими сечениями. Анализ формы на основе конических сечений одного из типов узкогорлых светлоглиняных амфор – амфор варианта D III в. н. э. из Танаиса – уже опубликован (Vodolazhskaya, 2007. P. 231).

Разработанная нами компьютерная программа создана на базе электронных таблиц MS Excel 2003, входящих в состав MS Office Professional 2003. Она

предоставляет возможность расчета объема узкогорлых светлоглиняных амфор каждого из типов по небольшому количеству основных метрических параметров: максимальному диаметру тулова и диаметру его основания, диаметру основания горла, диаметру горла в месте верхнего крепления ручек и соответствующих высот. При расчетах учитывается и наиболее характерная для каждого типа амфор толщина стенок. Одновременно, при введении в программу координат точек профиля, получаемого при прорисовке, программа позволяет визуализировать сам профиль и его аппроксимацию математическими линиями второго порядка. Тем самым обеспечивается возможность дополнительного анализа точности используемой математической модели и адекватности ее применения к конкретной амфоре.

Разработанная программа по расчету объема узкогорлых светлоглиняных амфор вариантов А–D может быть использована не только для расчета объемов амфор, но и для реконструкции их профилей и выявления как объемных, так и метрических эталонов узкогорлых светлоглиняных амфор.

- Абросимов Э.Н., 1999. Стандарты емкости амфор Гераклеи Понтийской в IV в. до н. э. // *Античный мир и археология*. Саратов. Вып. 10.
- Архимед, 1962. Сочинения. М.
- Брашинский И.Б., 1984. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.
- Говорухин В., Цибулин В., 2001. Компьютер в математическом исследовании. СПб.
- Кац В.И., Монахов С.Ю., 1977. Амфоры эллинистического Херсонеса с поселения Панское I в Северо-Западном Крыму // *Античный мир и археология*. Саратов. Вып. 3.
- Монахов С.Ю., 1986. О некоторых особенностях расчета стандартных мер емкости остродонных амфор // *Античный мир и археология*. Саратов. Вып. 6.
- Монахов С.Ю., 1992. Динамика форм и стандартов синопских амфор // *Греческие амфоры*. Саратов.
- Hultsch F., 1864. *Metrologicorum scriptorum reliquiae*. Lipsiae.
- Leumarie F., Levine M.D., 1988. *Curvature morphology* // Technical Report TR-CIM-88-26. Montreal.
- Louise M. S., Dunbar P.B., 1995. *Accurately Estimating Vessel Volume from Profile Illustrations* // *American Antiquity*. Vol. 60. № 2.
- Mokhtarian F., Bober M., 2003. *Curvature Scale Space Representation: Theory, Applications, and MPEG-7 Standardization* // *Computational Imaging and Vision*. Dordrecht. Vol. 25.
- Vodolazhskaya L.N., 2007. *Effective and simple method volume calculation of Roman light-clay narrow-necked amphorae of III-rd century A.D. from Tanais* // *Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology*. Berlin.

Ю.Е. Вострецов*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

К методике раскопок раковинных отложений

Раковинные отложения, или раковинные кучи (РК), известны по всему миру. Они являются одним из самых информативных источников для реконструкции жизни древнего и средневекового населения и его природного окружения. Важность их для изучения региона бассейна Японского моря заключается в том, что в условиях доминирования кислых почв РК являются почти единственными видами отложений (кроме редких пещерных памятников и «зольников» средневековья), где хорошо сохраняются органические материалы – экофакты.

Раковинные кучи распределены по бассейну Японского моря неравномерно. Около 100 известно на западном побережье Японских островов, около 100–120 зафиксировано в заливе Петра Великого и, вероятно, более 50 – на южном и восточном побережьях Корейского п-ова. РК очень хорошо различимы на дневной поверхности памятников и в культурных отложениях, как стратиграфически, так и планиграфически. РК накапливаются относительно быстро. В большинстве случаев – в результате обработки собранных и отсортированных на берегу раковин моллюсков. Именно быстрота накопления культурных слоев за счет объема раковин и их дискретность дает возможность реконструировать краткосрочные события – в пределах одного дня, года и сезона, а также реконструировать годичный хозяйственный цикл. В российской археологии есть отдельные прецеденты раскопок раковинных куч, но нет традиции их исследования как специфических объектов, нет также и общепринятой методики их раскопок. По этой причине часто к исследованию РК подходят так же, как к изучению обычных отложений, что приводит к потере потенциальной информации.

Ниже мы кратко охарактеризуем информативные возможности методики раскопок, применяемой при исследовании РК. Рассмотрим типичные варианты их формирования. Обычно РК с высокой концентрацией раковин моллюсков имеют линзовидное сечение и округлую форму в плане. В большинстве случаев раковинные отложения располагаются в котлованах заброшенных жилищ и ямах и имеют «усеченно-линзовидное» сечение. Раковинные кучи состоят из слоев раковин также линзовидного сечения, разделенных тонкими слоями почвы. В свою очередь, отдельные слои раковин или отдельные маленькие раковинные кучи состоят из единиц от-

ложений. Единица раковинных отложений – это результат, вероятно, единовременной, возможно однодневной, хозяйственной активности отдельных членов группы доисторического населения. Они также обычно имеют сечение, близкое к линзовидному. Основная проблема полевого исследователя – это выделение в РК отдельных единиц отложений. Это возможно далеко не всегда и требует значительных трудовых затрат, тем не менее дает уникальные возможности для реконструкции различных сторон жизни доисторического человека.

Наиболее критическим аспектом раскопок является выработка критериев выделения единиц отложений. В разных случаях такими критериями могут быть: 1) расположение раковин отдельной лежащей кучкой или степень фрагментарности раковин и насыщенности (концентрации) в слое; 2) вмещающая почва, которая в разных единицах отложений может иметь различный цвет, консистенцию, соотношение с раковинами моллюсков; 3) наличие прослоек между единицами отложений, что может быть представлено в виде слоя углей, пепла, кострища, скопления керамики, костей рыб и т. п.; 4) форма в плане.

Эти критерии далеко не всегда наблюдаются в полном наборе при раскопках всех единиц отложений. Поэтому при описании каждой из них используется универсальная схема, которая максимально полно характеризует каждую единицу отложения и позволяет сравнивать их между собой, а также с другими слоями (Вострецов, 1998а. Табл. 2.2). Эта схема включает описание: 1) визуального восприятия соотношения количества раковин и почвы по четырем позициям; 2) цвета вмещающей почвы; 3) типа почвы; 4) видового состава раковин моллюсков; 5) концентрации раковин по четырем позициям; 6) степени фрагментарности раковин моллюсков; 7) артефактов (керамики, каменных и костяных изделий) в случае их наличия; 8) экофактов в случае их наличия и их качественную и количественную характеристику; 9) взаиморасположения единиц отложений относительно друг друга; а также такие количественные характеристики, как 10) максимальная мощность единицы отложения; 11) объем в см³.

Описание каждой единицы отложения заносится в таблицу, которая позволяет компактно представить информацию, что очень облегчает анализ и интер-

претацию. Следующий способ организации и представления информации заключается в реконструкции последовательности образования единиц отложений и структуры РК в целом, как это делается по методу, называемому «хэрис метрик» (Вострецов, 1998а. Рис. 2.5–2.7). Полученная схема отражает степень сложности процесса накопления. Кроме того, такая схема последовательности формирования единиц отложений позволяет проследить динамику изменения отдельных экофактов и артефактов и таким образом реконструировать жизнеобеспечивающее поведение людей и изменение окружающей среды в очень короткие отрезки времени. В случае с тремя дискретными РК на поселении Бойсмана I стратиграфическое распределение экофактов и энергетические подсчеты показали, что раковинные отложения формировались в течение одного года, причем в основном теплого сезона (Вострецов, 1998б). Таким образом, мы получаем «календарную» последовательность хозяйственной деятельности доисторического населения за дискретный отрезок времени, равный одному году.

В результате применения этой методики на материалах трех отдельных РК на поселении Бойсмана I мы пришли к некоторым выводам. Выяснилось следующее:

1) судя по наличию устричника и теплолюбивых моллюсков, поселение находилось на берегу лагуны атлантического времени, т. е. примерно на пике трансгрессии моря 6,5–6 тыс. л. н.;

2) каждая отдельная РК сформировались в течение теплого сезона одного года;

3) из предыдущего стратиграфического наблюдения вытекала возможность реконструкции годового хозяйственного цикла или сезонного цикла жизнеобеспечения каждой из групп населения, оставившей отдельную РК;

4) кроме того, эта методика давала возможность сделать подсчеты пищевой ценности видов животных, содержащихся в РК, исходя из подсчетов минимального количества особей (МКО). Выяснилось, что суммарный калорийный выход от каждого из видов животных каждой из РК примерно соответствовал годовой норме для малой семьи;

5) вероятно, моллюски добывались в основном ради пополнения белковой компоненты диеты. В случае использования устриц это делалось от 27 до 54 раз в сезон. Калорийный вклад в диету устриц колебался от 0,74 до 1,53% (Вострецов, 1998б);

6) судя по стратиграфическому изменению видового и размерного состава моллюсков, имела место переэксплуатация наиболее доступной части устричной банки;

7) исчезновение теплолюбивых видов моллюсков и появление холодостойких от ранней РК к поздней свидетельствует о похолодании климата, регрессии уровня моря и заполнении лагуны наносами;

8) в результате предыдущих событий изменилась система жизнеобеспечения. Увеличилась ориентация на морские виды моллюсков, рыб и млекопитающих.

Описанная методика дает максимум возможностей для реконструкции окружающей среды, годового цикла жизнеобеспечения, поведения людей и их взаимной динамики.

Вострецов Ю.Е., 1998а. Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3, 4, Ханси-1, Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана / Отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток.

Вострецов Ю.Е., 1998б. Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения бухты Бойсмана в неолите // Там же.

З.М. Габдрахманова

ОАО «ТомскНИПИнефть ВНК», Томск

Создание «Автоматизированной информационной системы мониторинга археологических объектов» как составной части экологического мониторинга

Одной из форм сохранения археологических объектов в зонах хозяйственного освоения является их мониторинг. На настоящий момент нет каких-либо утвержденных форм проведения мониторинга не только археологического, но и всего культурного

наследия в целом. Как правило, все предлагаемые программы мониторинга сводятся к очередной фотосъемке памятников и топосъемке их планов, без тщательного анализа и прогнозирования ситуации в рамках территориального развития.

Согласно нормам законодательства РФ и международного права, при оценке воздействия на окружающую среду в понятие «окружающая среда» помимо таких факторов, как флора, фауна, почва, воздух, вода, климат и ландшафт, входят исторические памятники*, а «при оценках экологических последствий и в принимаемых по ним решениях в полной мере»** необходимо обеспечивать учет археологических объектов и окружающей их обстановки. «Экологически и экономически обоснованные решения инициаторов хозяйственной и иной деятельности должны гарантировать... сохранение исторического наследия»***.

Археологические памятники являются основными объектами культурного наследия, подвергающимися опасности разрушения при разработке месторождений. Они относятся к участкам недр, представляющих особую научную и культурную ценность и в связи с этим подпадающих под действие не только законодательства об охране и использовании культурного и природного наследия, но и законодательства о недрах****.

В рамках соблюдения федерального и международного законодательства для каждой разрабатываемой территории необходимо создать программу комплексного сохранения культурного наследия, расписывающую, какие меры необходимо предпринять для обеспечения сохранности объектов культурного наследия, и способы их достижения.

Такая программа не может быть эффективно использована, если предусмотренные меры не будут вписываться в рамки общего развития территории и являться частью программ сохранения окружающей среды.

Поэтому необходима четкая регламентация всех видов работ, проводимых в рамках сохранения объектов культурного наследия. Эти мероприятия должны отвечать следующим параметрам:

- они не должны быть необоснованно затратными;
- не должны разрушать общей системы развития территории;
- должны плавно вписываться в общую схему проведения экологических мероприятий;
- должны максимально исключать трудозатратные и весьма дорогостоящие аварийно-спасательные работы и способствовать физическому сохранению объектов культурного наследия;
- должны соответствовать техническим нормативам эксплуатации территории и быть более гибкими, чтобы позволить выполнение работ по комплексному освоению территории.

В планах и документах по сохранению объектов культурного наследия необходимо определять:

- охраняемые зоны и объекты;
- применяемые к ним особые условия и ограничения;
- нормы, которые следует соблюдать при работе вблизи объектов культурного наследия.

При этом так называемые «анализы рисков» должны включать в себя «системное исследование, позволяющее идентифицировать и оценить все риски, которые угрожают физическому состоянию и экономико-культурной ценности» культурных ландшафтов, чтобы грамотно провести так называемое «управление риском», характеризующееся «оптимизацией важнейших финансовых, технических и людских ресурсов, основанных на знаниях и умениях, а также на координации, где согласованность между всеми участниками имеет важнейшее значение»*****.

Планируемые мероприятия должны плавно вписываться в экономические, социальные и культурные направления регионального и местного развития. По сути, должно произойти органичное встраивание развития культурного ландшафта в пространственное планирование и отраслевые программы, касающиеся экономики, инфраструктурного развития, культуры, экологии, социального развития, – всего, того, что прямо или косвенно влияет на развитие территории.

Очень часто и практически повсеместно для нашей страны возникают противоречия между основными направлениями хозяйственного освоения территорий (в частности, при разработке месторождений) и необходимостью сохранения так называемых культурных ландшафтов.

Смягчить проблему противоречий между различными функциями территории возможно при помощи программы комплексного пространственного развития, неотъемлемым элементом которой становится комплексный экологический мониторинг. При этом программа мониторинга культурного наследия становится частью общего экологического мониторинга, способствуя предотвращению возникновения тех экологических проблем, которые возникают в результате недостаточной согласованности отраслевых программ, отдельных проектных решений, а также решений, принимаемых на местах.

В свете задач, поставленных перед проектными институтами, программа мониторинга культурного наследия должна способствовать общей оптимизации так называемого бизнес-процесса проектирования и разработки месторождений и удовлетворять перечисленным ниже требованиям.

1. Программа должна содействовать комплексному управлению культурным достоянием, понимаемому как эволюционный процесс охраны и сохра-

нения всеобщего достояния с учетом потребностей современного общества.

2. Мониторинг культурного наследия должен содействовать согласованности отраслевых программ, а также решений, принимаемых на местах относительно развития территории, и должен быть направлен на пространственное планирование (которое содействовало бы предотвращению или ограничению наносимых объектам культурного наследия и среде их обитания различных видов ущерба) и комплексное управление культурным достоянием, понимаемое как эволюционный процесс охраны и сохранения достояния с учетом потребностей современного общества.

3. Основной целью мониторинга культурного наследия должна стать не столько консервация прошлого, отраженного в объектах культурного наследия, сколько достижение пространственной гармонии и креативности территорий с историческим наследием, направленной на преумножение экономических достоинств территории. Мониторинг культурного наследия должен помогать решать важные экономические и социальные задачи. Его результаты должны служить справочной основой для проектов и планирования мероприятий по дальнейшему освоению территории.

4. Каждые вновь планируемые мероприятия по хозяйственному освоению территории вблизи объектов культурного наследия должны быть согласованы с мероприятиями по сохранению этих объектов.

5. Мониторинг должен быть связан не только с количественными показателями, но и с качественной информацией, касающейся, в частности, внутренних ресурсов и потенциалов осваиваемой территории.

6. Программа мониторинга культурного наследия должна позволить собственникам или пользователям территории ознакомиться с их правами, обязанностями и возможностями по сохранению объектов культурного наследия на вверенной им территории, а также с общими требованиями охраны культурного наследия и природой их использования.

7. Информация, полученная в ходе мониторинга культурного наследия, должна быть доступна широкой общественности и органам государственной власти, осуществляющим надзор за данной деятельностью, быть хорошо иллюстрированной, адаптируемой к иным программам развития территории, иметь возможность интеграции в различные технические и иные решения. Преимущества и обязательства, вытекающие из перечня мероприятий должны стать предметом наиболее полной информации, адресованной публичным и частным владельцам, пользователям и другим заинтересованным сторонам, а

также избранным должным образом представителям местных властей.

8. Должна быть обеспечена преемственность фиксируемой информации, и в случае перехода права пользования территорией к иному пользователю, к нему же должна перейти и вся накопленная информация.

9. Выработка и ведение мероприятий по мониторингу культурного наследия должны осуществляться на высокопрофессиональном и техническом уровне, соответствующем уровню проектных и хозяйственных работ по освоению территории.

10. Методы, используемые в мониторинге объектов культурного наследия, должны быть максимально прагматическими и задействовать техническую организацию или небольшую группу специалистов.

Такова в общих чертах концепция мониторинга культурного наследия как составной части экологического мониторинга. Памятники археологии выступают в данном случае не только в роли наиболее ценных объектов культурного наследия, но и как неотъемлемая часть окружающей среды.

Для реализации программы в современных условиях необходимо максимальное автоматизирование указанного процесса. С этой целью была начата разработка «Автоматизированной информационной системы мониторинга культурного наследия», ставшей по сути своей универсальной программой для общей ресурсной оценки любой территории, т. к. предлагаемые технические решения разрабатываемого программного продукта позволяют расширить сферу его применения, вплоть до создания ведомственного, и в то же время общедоступного, регионального информационного ресурса, с помощью которого можно делать полную ресурсную оценку по любым территориальным единицам.

* Руководства «По проведению оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) при выборе площадки, разработке технико-экономических обоснований и проектов строительства (реконструкции, расширения и технического перевооружения) хозяйственных объектов и комплексов» (п.п. 4.4.1 (2)(ж), 4.4.4 (2)(ж), 4.4.4. (4)(в), 4.4.5 (б), 7.3 (2)(а).

** Европейская конвенция об охране археологического наследия от 16.01.92, СЕД № 143) (ст. 5).

*** Инструкция по экологическому обоснованию хозяйственной и иной деятельности. Приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ от 29.12.95, № 539 (п. 1.5).

**** Закон РФ «О недрах» от 03.03.95, № 27-ФЗ (с изменениями на 01.12.2007) (ст.33); Правила охраны недр. Постановление Федерального горного и промышленного надзора России от 06.06.203, № 71 (п. 20); Правила охраны

недр при переработке минерального сырья. Постановление Федерального горного и промышленного надзора России от 06.06.2003, № 70 (п. 26); Классификация запасов и прогнозных ресурсов нефти и горючих газов. Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 01.11.2005, № 298 (п. 26); Классификация запасов и прогнозных ресурсов твердых

полезных ископаемых. Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 11.12.2006, № 278 (п. 7.2).

***** Рекомендация о постоянной защите культурного наследия от физического разрушения, вызванного загрязнением окружающей среды и иными сходными факторами, № R (97) от 04.02.97 (гл. I).

И.В. Журбин

Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск

Комплексные геофизические исследования оборонительных сооружений: методика изучения и интерпретации*

Исследование процессов формирования и развития поселений основывается на комплексном анализе планировки и системы укреплений. В рамках данной задачи геофизические методы широко используются для изучения планировки – поиска сооружений, котлованов, ям, печей и других объектов. Однако при реконструкции системы обороны археогеофизика применяется достаточно редко. В большинстве случаев цель исследований состоит в определении расположения оборонительных сооружений, которые в настоящее время визуально не прослеживаются (засыпанные рвы, сглаженные распашкой валы и пр.). При этом геофизика практически не применяется для изучения структуры земляных укреплений и восстановления их формы. Развитие этого направления весьма актуально с точки зрения археологических реконструкций. Безусловно, для определения хронологии формирования оборонительных сооружений, выявления их конструктивных особенностей, а также изучения технологии их возведения, необходимы раскопки. Однако учитывая специфику археологических исследований оборонительных сооружений и существенные трудозатраты, их изучение без геофизического прогноза малоэффективно.

Разработанная методика предполагается комплексные исследования земляных укреплений методом электроразведки. При этом методика измерений позволяет изучить планиграфию и стратиграфию объектов. На основе результатов «планиграфических» геофизических исследований (электропрофилирование) производится оценка изменения контура вала и рва в горизонтальной плоскости, параллельной современной поверхности. Интерпретация этих данных позволяет определить местоположение объектов различных типов, а также дает предварительную оценку глубины их залегания. При «стра-

тиграфических» геофизических измерениях (электротомография) строятся вертикальные сечения оборонительных сооружений. Геоэлектрические разрезы позволяют оценить структуру напластований и форму изученных объектов. Обязательным условием проведения комплексных измерений является единая координатная сетка. Оптимальный способ представления полученных результатов – трехмерная модель археологического объекта по геофизическим данным.

Важным элементом методики интерпретации является обоснованный выбор участка геофизических исследований. Первоначально комплексные измерения проводятся на небольших по протяженности участках, расположенных вблизи раскопов предыдущих лет. Данные о пространственных характеристиках вала и рва, составе грунтов используются для оценки корректности предварительной геофизической реконструкции. Дальнейшие исследования связаны с раскопками ключевых участков линии обороны, которые выявлены по геофизическим данным. При этом предполагается изучение не только самих оборонительных сооружений, но и участков, примыкающих к линии укреплений. Непосредственная проверка геофизических реконструкций позволяет создать эталоны для определения различных типов напластований по геофизическим данным. Это обеспечивает верификацию методики комплексных геофизических исследований, предназначенной для восстановления формы, размеров и структуры оборонительных сооружений.

Экспериментальная апробация разработанных методов проводилась на городище Иднакар – одном из наиболее крупных поселений Прикамья эпохи средневековья. Поселение защищено тремя линиями разновременных земляных укреплений, культурный слой памятника неплохо сохранился. Как показали

предварительные археологические исследования, система укреплений Иднакара многократно перестраивалась и подновлялась, изменялась внутренняя конструкция валов. Вероятно, эти преобразования связаны с развитием городища. Необходимо отметить, что все линии оборонительных сооружений различаются по технологии их возведения (состав грунтов, упрочняющие конструкции, форма и пр.). Поэтому система укреплений городища представляет собой благодатный объект для эксперименталь-

ной апробации методики комплексных геофизических исследований.

Сравнительный анализ результатов междисциплинарных исследований внутреннего вала городища Иднакар показал эффективность предложенного подхода при восстановлении формы, размеров и структуры археологических объектов по геофизическим данным.

* Исследования выполняются при финансовой поддержке РФФИ, грант 08-06-00002-а.

М.Г. Иванова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

Городище Иднакар IX–XIII вв.: этапы освоения площадки и особенности развития планировочной структуры*

Активное внедрение широкого спектра методов естественных наук в археологию открыло новые возможности интерпретации археологических материалов и выполнения историко-культурных реконструкций. Объединение познавательных возможностей гуманитарных и естественных наук при изучении средневековых поселений Прикамья и Поволжья обусловило неуклонное возрастание их роли в источниковой базе исследований. Планомерные изыскания на ряде чепецких (Иднакар, Гурьякар, Восьякар), вятских (Еманаевское), верхнекамских (Верх-Саинское, Шудьякар, Кыласовское, Анюшкар, Рождественское), марийских (Васильсурское, Важнангерское/Малосундырское) городищ с использованием новых методик предоставили огромные фонды источников для разработки направлений, обращение к которым ранее было затруднено.

Среди вышеуказанных памятников наиболее полно изучено городище Иднакар IX–XIII вв. Начиная с 1974 г. здесь вскрыто более 9000 м² площади (из 40 000 м²), значительная часть охвачена геофизическими исследованиями (Иванова, 1998; Журбин, 2004). К одному из существенных достижений последнего десятилетия можно отнести результаты исследований по реконструкции планировки памятника, позволившие обосновать этапы его формирования и развития, краткому обобщению опыта которых посвящен настоящий доклад.

Следует оговорить, что работы по восстановлению планировочной структуры затруднены многими обстоятельствами. Во-первых, крайне мало поселений, сохранившихся полностью, и лишь малая их часть изучена широкими площадями, поэтому

возможности привлечения аналогий крайне ограничены. Во-вторых, существенной проблемой является плохая сохранность объектов: в слое поселений лесной зоны остатки сооружений из дерева почти полностью разрушаются. Этот фактор в полной мере касается городища Иднакар: памятник функционировал на протяжении четырех веков, за этот период деревянные сооружения многократно перестраивались, площадка расширялась, могла меняться структура планировки и функциональное зонирование.

Именно поэтому в исследованиях памятника особое внимание уделялось детальному анализу содержания культурных напластований, характера изменения их структуры и мощности. Выделение отдельных слоев, их устойчивых сочетаний, относящихся к конкретным объектам, дало возможность определения последовательности изменения параметров отдельных объектов, выявления комплексов сооружений, выделения стратиграфических периодов функционирования, закономерностей возникновения и локализации участков производственной и хозяйственной деятельности (Иванова, Степанова, 2004; 2005).

С 1997 г. в качестве обязательного элемента методики раскопок введены инструментальные замеры в единой трехмерной системе координат. Разработанный формат полевой документации определяет структуры созданных баз данных находок (более 50 000 единиц). Многообразие выделенных слоев (до 30) на основе цветности и структуры, с уточнением лабораторными исследованиями образцов, позволило создать специальную базу (Иванова, Степанова, 2005. Прилож. 1; вкл.: рис. 1–4).

Кроме того, документирование результатов раскопок производится на основе технологии компьютерного картографирования в среде ГИС MapInfo, позволяющей создавать цифровые карты планиграфических и стратиграфических разрезов в качестве основы для последующего моделирования. Основная задача состоит в построении пространственной модели культурного напластования памятника, включая все слои, зафиксированные в процессе раскопок, в максимально точном отражении формы, геометрических параметров и особенностей взаимного расположения их планиграфических срезов. На основе составленных цифровых карт производится выделение объектов планировки и их интерпретация. Для реализации пространственной модели слоя разработано специализированное программное обеспечение (Журбин, Груздев, 2004). С целью выявления тенденций в распределении вещевого материала, маркирующего различные направления хозяйственной и производственной деятельности, разработан также программный комплекс по реализации алгоритмов и технологии пространственного моделирования археологических объектов, создания карт распределения вещевого материала на различных уровнях культурного слоя (Груздев, Журбин, 2005).

Комплексный анализ материалов всех структурных частей городища показал, что освоение площадки началось с мысовой части в конце IX в. Первоначальная площадь, ограниченная внутренней линией обороны, составляла 10 000 м², где на площади 4126 м² изучены остатки 45 сооружений. По характеру слоя мощностью до 120 см (в ямах до 200 и более), изученного с использованием традиционных методик, выделено два основных строительных периода, хотя стратиграфические разрезы глинистых площадок сооружений позволяли определить три и четыре этапа их перестройки. К раннему этапу отнесены 28 сооружений, среди которых выделено 17 жилых, 7 производственных и 4 хозяйственных. Из них 13 жилых и 2 хозяйственные постройки продолжали функционировать и на более позднем этапе, вновь построены 4 жилые, 5 производственных и 5 хозяйственных, вписанных в сложившуюся систему планировки.

С самого начала территория, ограниченная внутренним валом, была интуитивно распланирована населением с максимальным учетом природно-климатических ресурсов. Жилая застройка занимала центральную часть склона, наиболее оптимальную по показаниям ветрового режима и поверхностного стока вод. Жилища располагались рядами, вытянутыми вдоль площадки от мысовой части к валу. На южной и северной части располагались производственные и хозяйственные сооружения. Застройка

с самого начала была очень плотной, поэтому развитие поселения было возможно только за счет расширения территории.

Вскрытая площадь на **средней части** к 2008 г. составляет 1853 м², культурный слой аналогичен внутренней части. Исследования здесь проводились в разные годы, с использованием разных методик. Именно здесь в 1999–2004 гг. отрабатывались новые методики фиксации и компьютерная обработка данных. Стратификационный и планиметрический анализы распределения слоев и находок (преимущественно массовых категорий) позволили выделить четыре этапа функционирования городища, проследить изменения планировочной структуры на каждом этапе и обосновать их хронологические рамки. Самыми ранними являются две ямы, которые по характеру заполнения определены как хозяйственные. На рубеже IX–X вв. начинается более интенсивное производственное использование участка: сооружаются постройка 2, связанная с железоделательным производством, и 3 ямы. Комплекс перестал функционировать к X в., что было, по-видимому, связано с возрастанием населения, расширением жилой части городища и перенесением хозяйственных и производственных комплексов на вновь формирующуюся окраину. В дальнейшем, вплоть до конца функционирования поселения, жилые помещения перестраивались преимущественно в рамках сложившейся структуры. Приблизительно в X в. жилые постройки начинают вытеснять производственные комплексы (Иванова, Степанова, 2004). Таким образом, детальный пространственно-морфологический анализ слоев позволил установить, что при освоении этой части первоначально возводились постройки хозяйственно-бытового и производственного назначения, на месте которых на следующих этапах строились жилые сооружения, а первые переносились на вновь формирующуюся окраину.

Культурные напластования **внешней** части значительно меньше в сравнении с внутренней и средней (30–60, в ямах – до 280 см). Здесь на площади 1683 м² изучены остатки 8 построек, 64 ямы и множество ямок от столбов и кольев, свидетельствующих об активном функционировании этой структурной единицы. Ямы, расположенные на южном склоне мыса группами, подразделены на хозяйственные (30) и производственные (13). Постройки, прослеженные по площадкам сухой глины с углисто-зольной основой очагов и примыкавшими хозяйственными ямами, размещенные ближе к центру, могли использоваться в качестве жилых (сооружения I, II, IV, VI), но, по всей вероятности, жилая застройка на внешней части не успела сформироваться. Анализ коллекции позволяет утверждать,

что территория между средним и внешним валами начала застраиваться не ранее XI в., возможно даже в его середине, и функционировала весь XII и отчасти XIII в., когда интенсивность жизнедеятельности на городище угасла.

Развитие Иднакара в течение четырех столетий, сопровождавшееся многократным расширением территории, усилением фортификационных возможностей, свидетельствует об интенсивном росте производительных сил и численности населения, укреплении внутреннего потенциала общества. Углубленное изучение ряда категорий источников методами естественных наук убедительно показывает наличие мощных внутренних ресурсов для поступательного развития железообработки, обработки цветных металлов со многими технологическими операциями, высокоразвитого косторезного ремесла. Но, как показывает незавершенность формирования планировочной структуры внешней части, внутренние ресурсы не были реализованы в полной мере, развитие городища оказалось прерванным внешними факторами.

* Исследования выполняются при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменени-

ям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

- Груздев Д.В., Журбин И.В., 2004. Программа для пространственного моделирования археологических объектов // Археология и компьютерные технологии: Представление и анализ археологических материалов. Ижевск.
- Журбин И.В., 2004. Геофизика в археологии: Методы, технология и результаты применения. Ижевск.
- Журбин И.В., Груздев Д.В., 2004. Компьютерный анализ распределения вещевого материала в культурном слое // Археология и компьютерные технологии: Представление и анализ археологических материалов. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.
- Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2004. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Мат. Всероссийск. науч. конф. Ижевск.
- Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2004. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар // Археология и компьютерные технологии: Представление и анализ археологических материалов. Ижевск.

А.А. Клочко, Д.Л. Шишков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

А.В. Чернецов

Институт археологии РАН

Георадиолокационные исследования на Старорязанском городище

Старорязанский археологический комплекс (Спасский р-н Рязанской обл.) помимо домонгольского городища и посада включает и расположенный в непосредственной близости крупный Шатрищенский могильник V–VIII вв. н. э., на территории которого исследовано около 200 погребений, а также две Шатрищенские палеолитические стоянки (возраст около 20 тыс. лет).

Разоренная нашествием Батыя в 1237 г., Старая Рязань более уже как крупное поселение не возрождается; этим объясняется редкая для раннесредневековой археологии сохранность домонгольского культурного слоя практически на всей территории городища и посада. Несмотря на исключительное

историко-археологическое значение Старой Рязани, на сегодняшний день раскопками вскрыто лишь около 6% укрепленной территории города. Такая сравнительно слабая (в статистическом отношении) изученность средневекового города, а также продолжающееся разрушение памятника не только естественными процессами (оползнями и овражной эрозией), но и «черными копателями», заставляет рассматривать геофизические исследования как реальную возможность масштабного и оперативного изучения территории памятника.

Задача реконструкции исторической топографии Старорязанского городища георадиолокационным методом малоглубинной геофизики является крайне

актуальной, как с точки зрения определения стратегии дальнейшего изучения и музеефикации городища, так и для разработки археологического приложения данного метода дистанционного зондирования. На примере этого выдающегося древнерусского памятника авторы продолжают разработку метода трехмерного площадного георадиолокационного картирования обширных исторических территорий (Klochko, Shishkov, 2007).

Старорязанский археологический комплекс включает многочисленные и разнообразные объекты: фортификационные сооружения (валы, рвы, остатки башен и проездных ворот), усадебные комплексы (жилые и хозяйственные постройки), княжеские палаты, ремесленные мастерские, древние дороги, улицы и площади, языческие святилища и христианские храмы, а также многочисленные разновременные некрополи. Значительная площадь, занимаемая памятниками Старорязанского археологического комплекса, разнообразие входящих в его состав объектов, а также различие в его пределах геолого-геофизических условий, создают исключительно благоприятные предпосылки для постановки здесь современных геофизических исследований.

К настоящему времени начаты работы по масштабному площадному обследованию георадаром территории Старорязанского археологического комплекса.

Комплектация используемого георадиолокационного (георадар SIR-3000, США) и высокоточного GPS (Махог, США) оборудования уникальна для российской археологической геофизики. Предлагаются оригинальные способы полевой съемки, разрабатывается специальное программное обеспечение для повышения разрешающей способности метода и адаптивирования геофизических материалов к археологическим задачам.

На основе результатов георадарной съемки, с учетом геолого-геоморфологических наблюдений и дальнейших проверочных раскопок, формируется трехмерная георадиолокационная модель характерных участков археологического памятника. Визуализация 3D модели задумана в виде атласа карт планировки территории, выполненных для последовательных стратиграфических уровней разреза. Также предполагается создание виртуальной интерактивной модели обследованной части памятника.

Осуществление проекта коллективом, объединяющим археологов и геологов, позволит с высокой степенью достоверности, детальности и точности выполнить реконструкцию исторической топографии Старой Рязани, проследить стратификацию культурного слоя за пределами раскопанных участков, определить места концентрации наиболее ин-

тересных археологических объектов. На основании проведенных исследований возможно научно обоснованное долгосрочное планирование направлений и объемов археологических раскопок.

В рамках проекта предполагается разработка специальных методов и подходов для всех этапов его осуществления: полевого обследования территории (например, рассматривается возможность зимней съемки городища с использованием снегохода), камеральной обработки геофизических данных и их последующей геолого-археологической интерпретации.

Используемая комплектация георадиолокационного оборудования позволяет производить обследование территорий по весьма плотной сетке профилей. Так, съемка производится квадратами со стороной 50 м. Профилирование осуществляется в одном направлении с интервалом между профилями 1 м. Плотность съемки – 40 сканов (электромагнитных импульсов) на метр. Картированные к настоящему времени более чем 4 га площади городища пересечены 867 профилями. Таким образом, суммарная протяженность георадарных профилей превышает 43 км.

Применение профессионального высокоточного GPS-оборудования и георадара в режиме синхронной записи либо GPS-позиционирование квадратов съемки обеспечивает высокую точность локализации обнаруженных аномалий и последующей реконструкции археологической топографии.

Трехмерный анализ малоглубинной структуры территории осуществляется путем объединения профилей в так называемые 3D кубы. Объединение нескольких таких кубов в супер-3D проекты, выполненное с помощью оригинального авторского программного обеспечения, дает возможность картирования подповерхностной структуры сразу на участках площадью в первые гектары. Подобный подход к обследованию культурного слоя территории значительно более информативен и существенно производительней, чем анализ отдельных профилей.

Более того, для археологических памятников, подобных Старой Рязани, со сложно стратифицированным и изменчивым по мощности домонгольским культурным слоем, выявление элементов древней планировки возможно только при площадной генерализации геофизических данных.

Анализ материалов первого полевого сезона позволил определить принципиальные особенности георадиолокационного облика культурного слоя городища. Намечены признаки самой древней планировки, фиксируемой в нижней части культурного слоя. Картированы крупные «пятна», образованные скоплениями георадиолокационных аномалий раз-

личного размера, облика, глубинности и контрастности свойств. В пределах одного из таких «пятен» разведочным раскопом вскрыт обрушившийся слабо обгоревший угол деревянной постройки с остатками глиняной печи и множеством керамики домонгольского типа. Намечены элементы планировки этой, вероятно достаточно плотно обжитой, части городища, выраженные в чередовании «пятен» – следов построек, дворов и т. п. – и разделяющих их областей или полос с относительно маломощным культурным слоем.

Различие в волновом облике групп аномалий дало основание сделать предположение о значительно большей освоенности этой части территории в последующие века (XVII–XIX).

В настоящее время авторами разрабатываются дополнительные возможности для трехмерного моделирования подземной структуры территорий крупных археологических памятников. Авторское программное обеспечение ускоряет компьютерную обработку больших цифровых объемов данных, повышает (по сравнению со стандартными приложениями, в том числе программой Radan 6 фирмы GSSI) детальность визуализации материала, упрощает создание 3D моделей, адаптированных для пользователей, не владеющих специальным геофизическим программным обеспечением (Klochko, Shishkov, 2007).

Визуализация 3D модели территории археологического памятника осуществляется следующими способами: в виде атласа карт погребенной планировки территории, выполненных для последовательных стратиграфических уровней разреза; библиоте-

ки георадиолокационных аномалий, типичных для разреза памятника; видео-моделей, демонстрирующих изменение георадиолокационной картины на всей площади по мере увеличения глубины проникновения сигнала.

На основании предварительного анализа полученного материала предполагается возможность разделения в разрезе памятника как объектов древнерусского времени (ям, следов отдельных строений и усадеб), так и позднейших объектов (поселения XIX в.), причем, возможно, что последние распространены на большей площади, нежели считалось ранее. Намечена возможность на основании георадарного обследования стратиграфического и хронологического разделения аномалеобразующих археологических объектов, а также проявлений разнообразных естественных – геологических, почвенных и гидрогеологических – процессов.

Осуществлялась археологическая проверка некоторых аномалий, подтвердившая эффективность метода в условиях Старорязанского городища и адекватность геофизического прогноза параметрам раскопанных объектов. Примечательно, что все обследованные георадиолокационные аномалии оказались теми или иными археологическими объектами.

* Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ, проект 08-06-00459-а.

Klochko A., Shishkov D., 2007. Virtual GeoRadar Modeling of Archaeological Monument // Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. Layers of Perception: Abstracts. Berlin.

В.Б. Ковалевская

Институт археологии РАН

Компьютерное картографирование и анализ этнокультурных связей населения Кавказа I тыс. н. э.*

Применение математических методов к изучению массового археологического материала в целях углубления наших знаний о природе вещей, характере и силе их связей,дробного датирования и т. д. имеют долговременную историю в нашей и зарубежной науке.

Восходят они еще к докомпьютерной эре, тогда как применение географических компьютерных программ к пространственному анализу значительно моложе. Компьютерные карты мы строим, обраба-

тывая массовый материал, насчитывающий десятки тысяч артефактов, происходящих из сотен точек на карте (поселения, погребения, случайные находки), разбитых на сотни таксонов дробной классификации. Эти материалы рассматриваются во времени, позволяя строить карты в синхронии и диахронии. И, главное, карты исследователь строит не как единичную иллюстрацию к тому или иному положению, а как Атлас электронных карт, объединенных тематически и предоставляющих возможность мате-

матически сравнивать их между собой и с другими пласами (включая геногеографический). Характер материала определяет выводы, полученные при компьютерном картографировании: импортные бусы рисуют направление и интенсивность использования в разные исторические периоды трансконтинентальных путей, бусы местного, в частности северокавказского, производства указывают на направление местных путей и ареал сбыта. Пространственное распределение поясных наборов «геральдического типа» указывает на культурно-исторические связи местного населения Северного Причерноморья и более отдаленных территорий с Византией и Ираном. Бронзовые зеркала-подвески – хроноиндикаторы культуры причерноморских и предкавказских алан – документируют расселение последних как в пределах Кавказа, так и в Центральной и Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» (в докладе будут рассмотрены эти карты). Сопоставление геногеографических карт с археологическими позволяет рассматривать миграционные потоки, выявляя разные формы отношений между пришлым и местным населением по разным археологическим источникам в различные моменты истории.

Подвижность евразийского населения I тыс. н. э. способствовала быстрому передвижению ряда элементов потестарно-престижной культуры дружинников (оружие, воинские пояса, конское снаряжение) и распространению моды на украшения из драгоценных металлов, камней и стекла (фибулы, бусы, амулеты, серьги, зеркала). В этом случае передвижения вещей отражают передвижения людей при расселении, воинских походах, инфильтрации отдельных групп населения в инокультурную среду.

Разные задачи требуют использования разных методов и процедур. Нами были применены для археологического картирования геногеографические методы компьютерного картографирования, успешно используемые и развиваемые с начала 1980-х гг. проф. Ю.Г. Рычковым в лаборатории Генетики человека Института общей генетики РАН и позволяющие с помощью непрерывной интерполирующей функции создавать количественные картографические модели распределения отдельных руководящих типов и признаков (методы средневзвешенной и аналитической сплайн-интерполяции, перспективной проекции и т. д.). Возможность такой адаптации методики (программ GGMag и Map Developer Studio) основывалась на явном соответствии руководящих признаков в археологическом исследовании гену в геногеографическом исследовании. Общей являлась возможность выразить признак через число (частоту или количественный показатель) и характер пространственного распространения, с его

максимумами и минимумами (центр и периферия), возвышенностями и понижениями, в зависимости от концентрации признака.

От традиционных ареальных и значковых карт распространения отдельного признака компьютерные карты отличает то, что мы получаем модель распространения изучаемого признака на изучаемом пространстве для каждого участка карты, которая оказывается разделенной изолиниями на территории, характеризующиеся одинаковой частотой, вычисленной на основании всех эмпирических данных. Мы видим области максимальной концентрации (центры) и пути передвижения вещей (по постепенной минимизации частоты признака).

Изучая этнокультурную ситуацию в Предкавказье в I тыс., мы должны оценить направление, интенсивность и характер миграций степного евразийского населения на равнинный и предгорный Кавказ. Для этого нам следует учесть серию геногеографических карт в рамках Евразии, Восточной Европы, Кавказа и Предкавказья, прежде всего карты главных компонент, позволяющих выделить и картировать факторы, управляющие развитием всего генофонда и географическим распределением всех, а не отдельных, генов. Далее мы должны исследовать появление на исследуемой территории новых археологических памятников – новых типов поселений и могильников, новых категорий вещей – с наиболее дробной датировкой указанных явлений. Последнее – комплексное сопоставление этих данных между собой и с системно рассмотренными свидетельствами письменных источников, предпочтительно относящимися к различным историческим традициям.

Этот пример сопоставления разноприродных источников мы рассмотрим в контексте проблемы появления алан в Центральном Предкавказье. Специальная литература на эту тему обширна, а некоторые положения дискуссионны. Важно отметить тот факт, что имя «алан» на страницах китайских и античных источников появляется не ранее I в. н. э. и связано оно с Приаральем, Северным Причерноморьем и Предкавказьем. Подчеркивается восточное происхождение алан и кочевой быт, воинственность и участие в военно-политической жизни Рима и Ирана.

С приходом алан в Предкавказье можно связать появление в I (?) – II вв. в Кумско-Терско-Сунженском междуречье системы находящихся в зрительной связи обширных, укрепленных рвами и сырцовыми стенами, городищ, окруженных огромными полями подкурганых Т-образных катакомб с ровиками. Обе эти категории памятников новы для Предкавказья. Их компьютерное картографирование

представляет интерес для сопоставления с геногеографическими картами Предкавказья, сделанными на той же географической основе. Визуальное сопоставление геногеографических и археологических карт показывает, что совпадает общая конструкция карт, направление изолиний и, следовательно, импульса, направленного из степных пространств в сторону предгорий и гор, характер и направление клинообразных выступов в сторону Закавказья.

Мы остановимся на карте второй главной компоненты предкавказского генофонда, отражающей роль степного импульса (Ковалевская, 2005. Карты 2, 4. С. 364, 365). Сопоставление направления расположения изолиний указывает на центр сложения картируемых признаков, на характер их изменений перпендикулярно направлению Главного Кавказского хребта и на глубину проникновения. В целом они находят очень близкую аналогию в карте двух основных типов укрепленных аланских поселений II–X вв. (Там же. Карта 5. С. 365). Мы не приводим ряд других имеющихся в нашем распоряжении археологических компьютерных карт различных артефактов аланского времени, например ареала подкурганых катакомб, или же диахронные карты грунтовых катакомбных или скальных захоронений (Там же. Карты 25–27, 32, 41–42). Пример показателен в том смысле, что объединяет в одну карту данные о многих сотнях поселений населения, сопоставляемого, на основании письменных источников, с историческими ираноязычными аланами, относительно восточного происхождения которых ни в источниках, ни у современных исследователей нет расхождений. Интересно, сравнивая эти две карты (Там же. Карты 4, 5), видеть, насколько близко направление степного импульса, как соответствуют конфигурации изолиний расположения «земляных городищ» направлению степного импульса в генофонде, который и останавливается там, где мы видим южную границу «земляных городищ», в чем читатель может убедиться, внимательно, интервал за интервалом, сопоставляя представленные данные.

Для сопоставления использовано обобщение карт распространения разных типов погребальных сооружений скифского, сарматского и аланского времени (VII в. до н. э. – IX в. н. э.) и типов средневековых поселений II–X вв., включающих в себя информацию о более чем тысяче памятников, рассмотренных по 50 признакам (Там же. Карта 3. С. 365).

Приведенными примерами мы ответили на вопрос об использовании археологом тех возможностей, которые предоставляет сравнение геногеографических и археологических карт. Следующий вопрос касается путей и методов использования археологических данных для построения электронных

карт и извлечения максимальной информации из их анализа, с учетом традиционного подхода, проверенного временем, и возможностей компьютерной обработки. Речь идет о картировании огромного материала (более 40 000 экз.) импортных каменных, янтарных, коралловых и стеклянных бус восточно-средиземноморского, египетского и византийского происхождения, найденных в юго-восточной Европе. Обобщен материал в Атласе Электронных карт, количеством в 355 карт, разных по представленным типам и их сочетанию в синхронии и диахронии. На картах выделены локальные максимумы, которые соответствуют или центру производства данного типа бус, или ареалу его максимальной плотности – что характеризует начало того пути, которым распространяются бусы. Изолинии рисуют нам распространение вширь, вплоть до локального минимума. Процедура «чтения» позволяет определять направление и характер торговых или историко-культурных связей и решать хронологические вопросы по картам отдельных типов и отделов бус, как импортных, так и местных по своему происхождению. Среди компьютерных карт выделяется несколько групп, рисующих те черноморские пути, которыми в V–VII вв. попадали бусы с помощью византийских торговцев.

Начиная с середины VI в. выделяется ответвление северного участка Великого Шелкового пути в византийской торговле (долина Кодора – верховья Кубани), которым бусы попадали на Северный Кавказ, чтобы через него далее проникнуть на Дон и Волгу вплоть до их верховьев. Большой Кавказ «проницаем» для пересечения отнюдь не только по тем трем перевалам, которые используются вплоть до сегодняшнего дня. Для караванов с верховыми и вьючными лошадьми в эпоху средневековья использовалось значительно больше путей, по меньшей мере 10–15, и все они документированы картами ряда таксонов бус. Параллельно Кавказскому хребту, в пределах Северного Кавказа, Е.Г. Пчелина по этнографическим данным и письменным источникам насчитала 13 путей. Следовательно, весь Северный Кавказ был покрыт сетью широтных и долготных дорог, пересекающихся в долинах и на плоскогорьях и направленных перпендикулярно или параллельно хребту. Имеющиеся в нашем распоряжении могильники, содержащие соответствующие находки, как правило, и являются точками этих путей. Причем восточное Предкавказье связано с каспийской морской и сухопутной торговлей с Индией. Конкретные карты указывают направления передвижений и тенденцию в направленном увеличении или уменьшении количества циркулирующей продукции в разное время. И, главное, мы имеем дело не с умозритель-

ыми построениями, а со статистической обработкой большого объема материала, представленного картографической форме, удобной для анализа и опоставлений. Карты перестают быть иллюстрацией и становятся источником новой информации для решения вопросов, связанных с этнической ситуа-

цией, определением историко-культурных связей и каркаса сухопутных трансконтинентальных и местных торговых путей средневековья.

* Подготовлено при поддержке РФФИ, проект 06.06.80041, и РГНФ, проект 06.01.00011а.

Д.С. Коробов

Институт археологии РАН

Применение геоинформационных технологий при изучении системы расселения алан Кисловодской котловины*

Изучение системы расселения людей в древности и средневековье является одним из приоритетных направлений в археологии на протяжении всей истории ее развития (Гарбузов, 2007). В последние десятилетия проводимые в этом направлении работы объединены в рамках так называемой «ландшафтной археологии» (landscape archaeology), исследующей взаимодействие человека и его природного окружения. Мощным инструментом, стимулирующим повсеместное развитие ландшафтной археологии, стало применение географо-информационных систем (ГИС), которые, начиная с середины 1980-х гг., все активнее используются археологами (Афанасьев, 2004).

Система расселения алан в Кисловодской котловине изучается уже не одно десятилетие. Полевыми и камеральными работами краеведов и археологов была заложена основа для создания археологической карты памятников этого уникального по плотности заселения уголка Северного Кавказа, которая недавно была опубликована в виде коллективной монографии (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004). Особенность данной карты заключается в том, что она, пожалуй, впервые в российской археологической науке, была создана на единой основе ГИС в результате непосредственного полевого обследования более 800 археологических памятников, упоминаемых в издании. Этой работой заложена основа для дальнейшего анализа древностей Кисловодской котловины, оставленных в различные эпохи ее населением.

Без сомнения, периодом наиболее плотного заселения Кисловодской котловины является эпоха раннего средневековья. В это время, определяемое в рамках V–VIII вв., в котловине появляется большое количество поселенческих и погребальных памятников, которые большинство исследователей свя-

зывает с аланским населением. Одна из основных задач вестущегося в последние годы исследования системы расселения алан Кисловодской котловины заключается в адаптации и использовании методов ГИС, применяемых в рамках ландшафтной археологии. Некоторые из них уже освещались автором в докладах и статьях, в частности анализ видимости с аланских укреплений и палеоклиматическое моделирование условий существования укреплений и поселений рассматриваемого периода (Коробов, 2006; 2007). В данном докладе речь идет о двух аспектах пространственного анализа: изучении доступности водных источников для средневекового населения котловины и моделировании потенциальных экономических зон вокруг основных мест проживания алан.

В работе автором использовались имеющиеся в ИА РАН лицензионные пакеты ГИС-программ ArcView 3.1 и ArcGIS 8.3, снабженные специальными модулями («расширениями») пространственного анализа (Spatial Analyst), геостатистического анализа (Geostatistical Analyst) и трехмерного анализа (3D-Analyst). В качестве топографической основы использовались векторные слои рельефа, речной сети, лесных массивов и родников, созданные в Центре исследования экстремальных ситуаций на основе топографических листов К-38-1 и К-38-2 масштаба 1 : 100 000. Некоторые векторные слои корректировались, и даже заново создавались (в частности, слой родников), с использованием растровых «подложек» – листов карт региона масштаба 1 : 25 000, космоснимков LANDSAT и КФА-1000, аэрофотосъемки. Векторные слои поселений наносились на слои топографической информации с использованием проекции UTM зоны 38 на основе геоцентрической модели WGS-84.

В соответствии с поставленными задачами применялись два метода пространственного анализа. При изучении степени близости расположения памятников к источникам воды использовалась процедура расчета кратчайшего пути, в которой учитываются энергетические затраты на преодоление расстояния с учетом крутизны склона и его направления. Данная процедура является частью метода расчета подобных затрат, получившего в литературе название Cost Distance Analysis (Wheatley, Gillings, 2002. P. 151–159). В археологии подобный анализ применяется весьма редко (Leusen, 1999. P. 216), в отечественной практике это один из первых подобных опытов.

По результатам анализа определения линейных расстояний от изучаемых объектов осуществлялось выделение потенциальных экономических зон вокруг раннесредневековых укреплений. Для этого использовалась процедура Allocation Distance модуля Spatial Analyst, которая фактически является построением полигонов Тиссена. Эти полигоны проводят границу между потенциальными экономическими зонами двух близлежащих функциональных центров по прямой линии, соединяющей точки пересечения окружностей, очерченных вокруг центров (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004. С. 67, 68; Wheatley, Gillings, 2002. P. 149, 150). При этом используется двумерная модель деления территории, без учета рельефа местности. Поскольку местность в Кисловодской котловине пересеченная и разделяется порой весьма трудно преодолимыми каньонами основных рек, данный анализ осуществлялся по так называемым «маскам» – специально созданным полигонам, границами между которыми являлись основные линии речной сети. В результате полученные полигоны Тиссена более адекватно отражают потенциальное экономическое деление территории котловины вокруг укреплений.

Другими уже отмеченными в литературе ограничениями в использовании деления территории с помощью полигонов Тиссена стали отсутствие внешних границ по периметру анализируемой территории и отсутствие иерархичности анализируемых объектов (поселений) (Ruggles, Church, 1996. P. 150). Для преодоления этих ограничений мною создавались отдельные модели зон ответственности вокруг предполагаемых центров расселения и рядовых мест обитания. В последнем случае использовался радиус в 5 км вокруг поселений как ограничивающий потенциальную экономическую зону вокруг них (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004. С. 67).

Проведенный пространственный анализ показал, что подавляющее большинство аланских укреплений и поселений расположено вблизи от доступных

источников водоснабжения, роль которых играли реки и родники (рис. 1). Моделирование же потенциальных экономических зон вокруг укреплений и поселений разных категорий позволяет обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) плотность заселения Кисловодской котловины и топографические особенности укреплений дают возможность наметить пять центров расселения алан, расположенных на останцовых укреплениях Горное Эхо, Рим-Гора и Центральное Эшкаконское, а также на мысовых укреплениях Указатель и Мосейкин Мыс. Эти центральные места обитания расположены на равном расстоянии друг от друга (8–9 км) и имеют приблизительно равные территории вокруг, но отличаются плотностью расположения памятников внутри данных территорий. При этом в случае большей плотности памятников расстояние между центрами меньше и составляет всего 4–5 км (Горное Эхо и Мосейкин Мыс);

2) проведенное моделирование экономических зон вокруг рядовых мест обитания аланского населения, к которым отнесено 129 памятников (103 укрепления и 26 поселений) с учетом естественных внутренних границ Кисловодской котловины по течению основных рек (рис. 2), позволяет наметить для будущего анализа сельскохозяйственные угодья, размер которых сильно колеблется от внутренних частей котловины, где он минимален, к ее внешним границам, где он явно превышает необходимый оптимум. Данное обстоятельство, скорее всего, связано со спецификой используемого метода деления территории путем построения полигонов Тиссена. Однако не исключено, что расположенное на периферии население практиковало иные сельскохозяйственные занятия (например, отгонное скотоводство), что требовало больших размеров угодий и приводило к меньшей плотности населения. В настоящий момент можно констатировать положительные результаты моделирования, при котором нередко отмечается совпадение намеченных при анализе границ полигонов с естественными барьерами в виде небольших балок и ручьев. Тем не менее, имеются случаи неадекватного деления территории, которые нуждаются в корректировке при дальнейшем анализе;

3) пространственный анализ территории Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья показывает высокий потенциал применения современных компьютерных программ ГИС, обладающих необходимыми функциями для адекватного моделирования.

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80117.

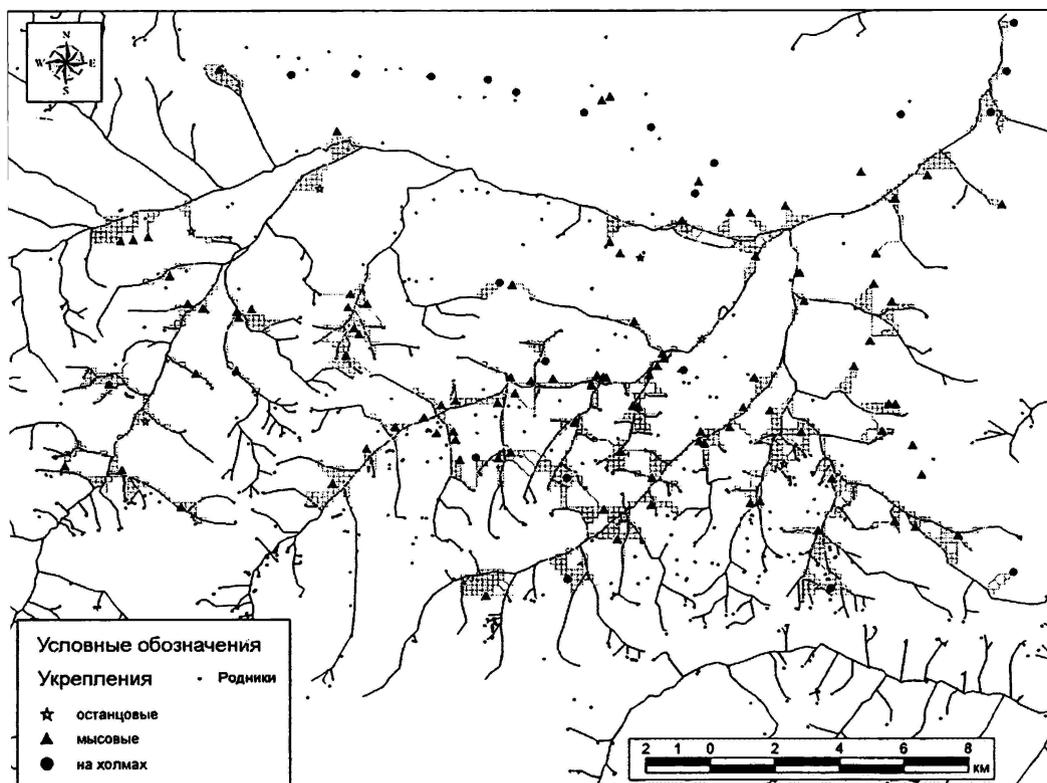

Рис. 1. Пространственное размещение укреплений эпохи раннего средневековья и источников водоснабжения

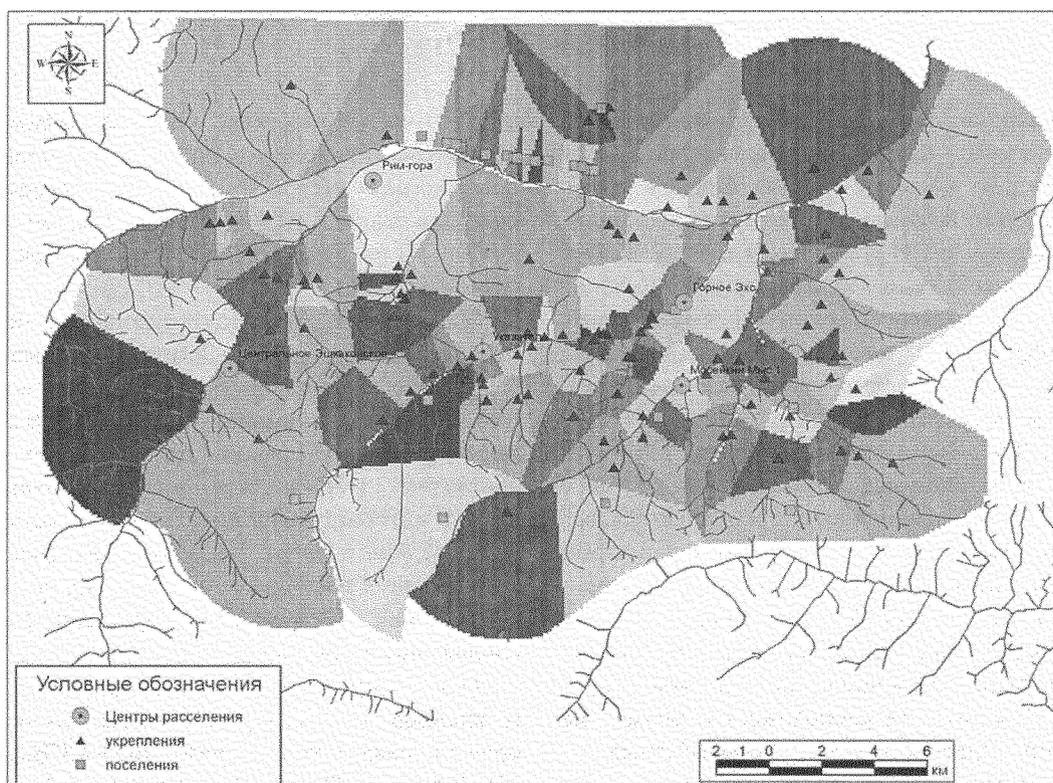

Рис. 2. Моделирование разделения территории на зоны ответственности для основных мест проживания эпохи раннего средневековья путем построения полигонов Тиссена (использованы маски по долинам основных рек и радиус 5 км)

- Афанасьев Г.Е., 2004. Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии // *Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях»* (Москва, 2 апреля 2003 г.): Сб. докл. [Электронный ресурс.] М. (CD-ROM.)
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.
- Гарбузов Г.П., 2007. Археология ландшафта и геоинформатика: теоретические аспекты взаимоотношений // *Археология и геоинформатика*. [Электронный ресурс.] М. Вып. 4 (CD-ROM.)
- Коробов Д.С., 2006. Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // *Археология и геоинформатика*. [Электронный ресурс.] М. Вып. 3. (CD-ROM.)
- Коробов Д.С., 2007. ГИС-моделирование палеоклиматической ситуации в раннем средневековье в Кисловодской котловине // *Археология и геоинформатика*. [Электронный ресурс.] М. Вып. 4 (CD-ROM.)
- Leusen, M. van, 1999. Viewshed and Cost Surface Analysis Using GIS (Cartographic Modeling in a Cell-Based GIS II) // *New Techniques for Old Times*. Oxford. (CAA. 98. BAR Int. Ser. 757.)
- Ruggles A., Church R., 1996. Spatial Allocation in Archaeology: An Opportunity for Reevaluation // *New Methods, Old Problems: Geographic Information Systems in Modern Archaeological Research*. Illinois.
- Wheatley D., Gillings M., 2002. *Spatial Technology and Archaeology: The archaeological applications of GIS*. London; New York.

С.Д. Лысенко

Институт археологии НАН Украины

К.М. Бондарь

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Комплексные археологические и магнитометрические исследования на поселении Малополовецкое 2А в 2006–2007 гг.

Многослойное поселение Малополовецкое 2А расположено между селами Малополовецкое и Яхны Фастовского р-на Киевской обл. (Украина), в урочище Попова Руга. Занимает мыс черноземной террасы левого берега р. Суботь (правый приток Каменки – левого притока Роси – правого притока Днестра), образованный обводненными залесенными балками.

В 2006–2007 гг. на поселении были проведены комплексные многоцелевые магнитные исследования (Бондарь и др., 2007; Бондар та ін., 2006; Лысенко и др., 2006; Лысенко и др. В печати). Магнитометрическим методом исследованы участки общей площадью 0,75 га. Магнитная индукция измерялась в движении квантовым (цезиевым) магнитометром на датчиках КМ-8 (ИЗМИРАН, Россия) с чувствительностью 0,1 нТл при 5 измерениях в секунду. Режим непрерывной регистрации позволил достичь шага по профилю 0,15 м при расстоянии между профилями 0,75 м. Высота расположения датчика на немагнитной подвеске – 0,5 м. Геомагнитные вариации во время съемки контролировались магнитотеллурической станцией GEOMAG-3 (Украина). Точность съемки, оцененная по повторным измерениям, составила 0,5 нТл.

Магнитометрическим методом зафиксировано 10 перспективных аномалий, 7 из которых были исследованы раскопками. Среди исследованных объектов 5 относятся к белогородовскому горизонту (XII–XI вв. до н. э.), 2 – к черняховской культуре (III–IV вв. н. э.).

Наибольший интерес представляет объект 24 позднеримского времени. Открытие этого объекта было спрогнозировано по результатам исследований 2006 г. при помощи трехмерного магнитного моделирования (Бондарь и др., 2007; Бондар та ін., 2006) (рис. 1). Из-за погрешности разбивки сектора 50 x 50 м, геомагнитные исследования которого были проведены в 2006 г., аномалия оказалась несколько смещена к востоку, за пределы первоначального сектора. После повторных замеров 2007 г. месторасположение аномалии было уточнено.

Объект представляет собой остатки наземного жилища со слегка углубленным полом (рис. 2), ориентированного по линии ЮЮЗ–ССВ. Площадь объекта около 28 м² (6,8 x 3,5–4,5 м). Глубина пола 0,45–0,5 м от современной поверхности. Сверху объект был перекрыт горизонтальным завалом сильно обожженной обмазки от рухнувших западной,

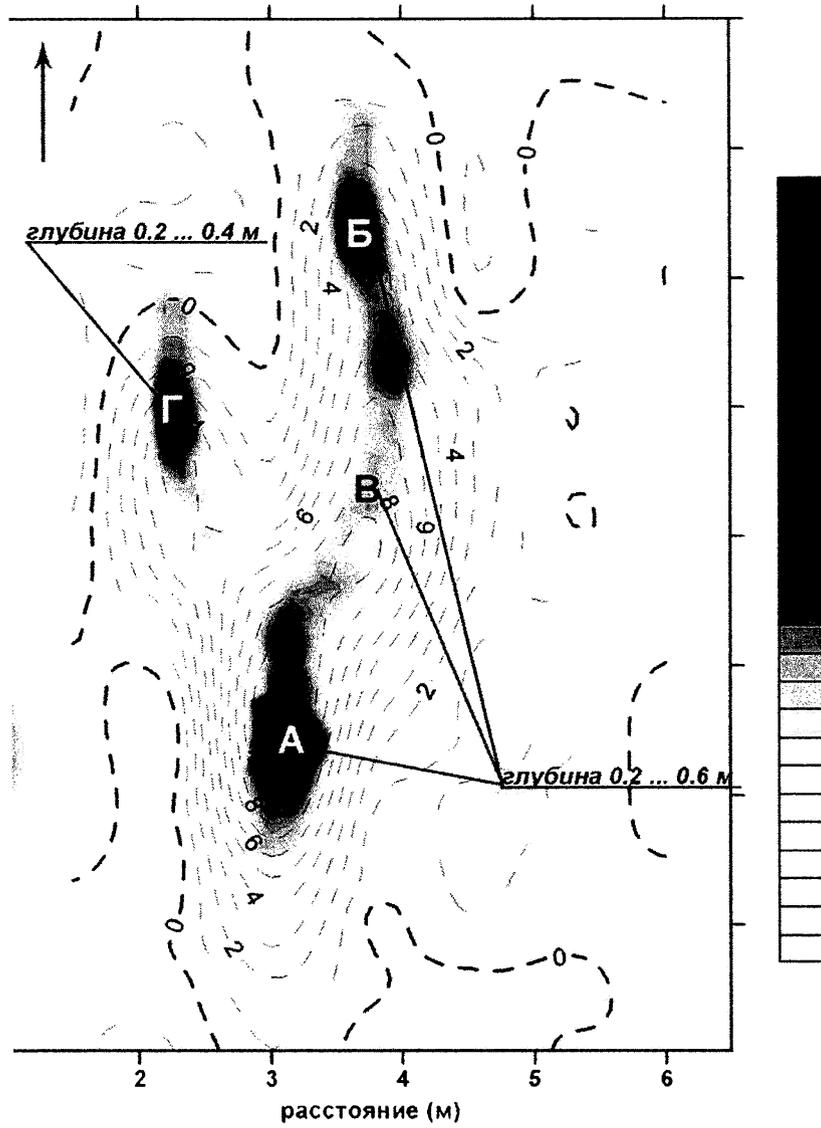

Рис. 1. Малополовецкое 2А. Прогнозная модель объекта 24 по результатам исследований 2006 г.

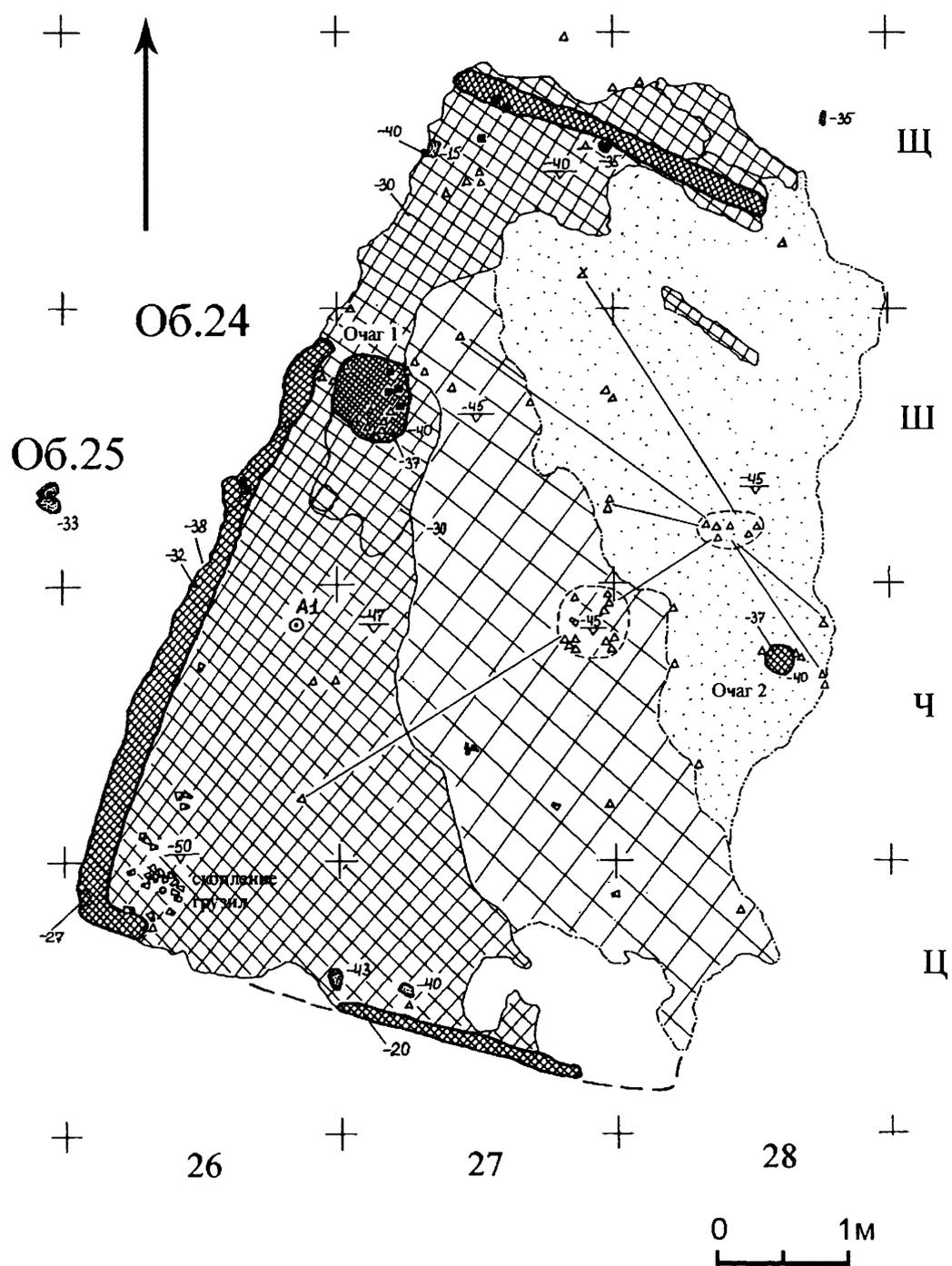

Рис. 2. Малополовецкое 2А. Объект 24 – наземное жилище черняховской культуры

северной и восточной стен. Верхняя часть завала повреждена пахотой. На многих кусках обмазки четко прослеживаются отпечатки столбов и жердей деревянного каркаса. Наиболее мощный (0,1–0,2 м) сплошной массив обмазки был расчищен в юго-западном углу и вдоль западной стены жилища, завалившейся вниз по склону. В центральной части жилища мощность скопления значительно меньше, и в северо-восточной части оно переходит в разнос отдельных кусков обмазки.

Сохранились основания западной, южной и северной стен. Наиболее капитальной была западная стена (толщина в основании 0,2–0,25 м; на магнитной модели обозначена буквой В). Северная и южная стены достигали в основании толщины 0,1–0,15 м. Конструкции восточной стены не зафиксированы (вероятно, несла незначительный слой обмазки или менее всего пострадала от пожара, что не привело к необходимому прокалу обмазки?). Не исключено, что отмеченные конструктивные особенности стен связаны с необходимостью преимущественной защиты от холодных западных ветров.

Лучше всего сохранилось основание стен юго-западного угла объекта. В этом углу на глубине 0,5 м лежали 22 глиняных пирамидальных грузила от ткацкого станка (фрагменты еще трех грузил обнаружены на полу в южной половине и центральной части жилища). Среди грузил найден каменный растиральник. Размеры компактного скопления грузил – 1 x 0,5 м. На прогнозной модели это скопление вместе с основанием и завалом угла соответствует объекту А.

Около центральной части западной стены, ближе к северо-западному углу, располагался очаг 1 (диаметр 0,7 x 0,6 м), представлявший собой вымостку из фрагментов гончарной керамики черняховского типа, преимущественно от закрытой столовой миски, и обожженных камней, обмазанных сверху слоем глины. Керамика лежала на глубине 0,4 м от современной поверхности, в 0,05 м выше уровня пола (вероятно, на останце, вырезанном в суглинке). Вместе с обмазкой толщина пода очага составляла 2–3 см. Мощность выгоревшего грунта под очагом – до 5 см. На прогнозной модели эти камни соответствуют объекту Б. Область повышенной эффективности магнитной восприимчивости на прогнозной модели к югу от очага соответствует мощному завалу обмазки в этой части жилища.

В восточной части объекта, рядом с несохранившейся стеной, располагался очаг 2, вероятно осветительный (диаметр 0,25 м, глубина залегания 0,4 м). Так же, как и очаг 1, он представлял собой вымостку из гончарной керамики черняховской

культуры, обмазанную глиной. Толщина пода 3 см. Очаг, похоже, был устроен прямо на полу жилища. Мощность выгоревшего грунта под очагом 5–7 см. К сожалению, в зону магнитометрической съемки очаг не попал, т. к. находился за пределами первоначального квадрата, а позднее оказался под отвалом раскопа.

Недалеко от очага 2, ближе к центру жилища, на глубине 0,45 м двумя скоплениями лежали фрагменты развала большого толстостенного гончарного горшка. Фрагменты этого же сосуда были рассеяны по полу в разных местах жилища. Под центральной частью северной стены, на глубине 0,25 м, на днище стояла нижняя часть еще одного гончарного горшка (верхняя, видимо, была снесена пахотой). Под центральной частью южной стены, на глубине 0,4 и 0,43 м, были обнаружены два больших обожженных растиральника.

В 1,2 м к западу от западной стены объекта 24 обнаружены два больших обожженных камня, рядом с которыми находилось еще несколько мелких камней (объект 25 – выносной очаг; хронология этого объекта не определена; не исключено, что он относится к эпохе поздней бронзы). Общая площадь скопления 0,2 x 0,17 м. Глубина залегания 0,33 м от СП. На прогнозной модели эти камни, соответствуют объекту Г.

Результаты, полученные в процессе полевых работ на поселении Малополовецкое 2А в 2006–2007 гг., показали, что планировка и глубина залегания комплексных археологических объектов весьма неплохо прогнозируются при помощи трехмерного магнитного моделирования.

Бондарь К.М., Виршило И.В., Лысенко С.Д., 2007. Магнитное моделирование участков поселения эпохи бронзы Малополовецкое 2А: некоторые результаты и прогноз // Археология и геоинформатика. [Электронный ресурс.] М. Вып. 4 (CD-ROM.)

Бондарь К.М., Сухорада А.В., Лысенко С.Д., Хоменко Р.В., Виршило И.В., Гордієнко Т.Р., 2006. Магнітна модель поселення бронзової доби Малополовецьке 2А // Мат. Всеукр. наук. конф. «Моніторинг небезпечних геологічних процесів та екологічного стану середовища» (Київ, 21–24 вересня 2006 р.). Київ.

Лысенко С.Д., Бондарь К.М., Балко А.И., 2006. Комплексные исследования поселения Малополовецкое 2А в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Запоріжжя.

Лысенко С.Д., Бондарь К.М., Виршило И.В., Попов С.А., Диденко С.В. В печати. Комплексные археологические и магнитометрические исследования поселения Малополовецкое 2А в 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007 рр.

С.А. Уткина

НПО «Северная археология», Нефтеюганск

Опыт применения 3-D моделирования для идентификации предметов из раскопок памятников Северо-Западной Сибири

Привычной для всех областей использования современных графических программ являются разработка и проектирование новых интерактивных продуктов. Однако с не меньшим успехом эти программы применяются и для реконструкции археологических объектов, начиная с архитектурных сооружений и заканчивая отдельными предметами. Для создания двумерных моделей, в частности чертежей, особенно популярна у археологов программа AutoCAD. Создание трехмерных реконструкций происходит с использованием программы 3D Studio MAX. (Поселение Быстрый Кульеган... 2006. С. 32–39. Ил. 13, 14. Рис. 54–61). Созданные модели вызывают много вопросов и споров, но важно то, что это значительный шаг вперед в осмыслении материальной культуры прошлого.

В течение последнего десятилетия в субарктической зоне Северо-Западной Сибири проводятся активные исследования археологических памятников с замерзшим культурным слоем. Это городки аборигенного населения – Надымский в дельте р. Надым, Полуйский (Обдорский) в черте г. Салехарда, Войкарский на нижней Оби – и русский город Мангазея (Кардаш, 2006; Федорова, 2006; Визгалов, Пархимович, 2007). У этих памятников есть общая черта – замерзший культурный слой, где изделия из органических материалов, в частности древесины, сохраняются в первозданном виде. Обилие предметов различных категорий, основная масса которых фрагментирована, обуславливает проблему идентификации изделий.

Основа идентификации таких артефактов в настоящее время – это визуальный сравнительный анализ с эталонными этнографическими коллекциями. Задача непростая, поскольку большинство коллекций предметов XIX–XX вв. опубликовано в форме фотографий, реже рисунков, на которых часто отсутствует масштаб. Размеры не очень точны и даны лишь в описании. Сравнение если и позволяет идентифицировать предмет, то восстановить его размеры (например, для нарт) достаточно сложно.

Идентифицировать изделия по фрагментам, восстановить размеры и построить типологию позволяет использование графических 3D-программ. В данной работе перед нами стояла задача создания 3D-моделей для идентификации деталей нарт из раскопок Надымского городка. При раскопках этого

памятника найдено много фрагментов нарт, которые можно идентифицировать, например, как копыла, но сложно классифицировать, т. е. указать, какому типу нарт они принадлежат.

При классификации нарт предшествующими исследователями учитывалось несколько признаков: форма и положение копыльев, устройство полозьев, настила, передка, способы крепления отдельных частей нарты и др. Эти признаки связаны между собой, и в известной степени один обуславливает другой (Историко-этнографический атлас, 1960. С. 20, 21).

По этнографическим данным известно два основных вида оленных нарт – ездовые и грузовые. Каждый вид делится на три основных типа, различающихся по форме и положению копыльев: дугокопыльные, прямокопыльные и косокопыльные нарты (Там же. С. 43. Табл. 1). В пределах этих типов имеются еще варианты, выделенные по различным признакам конструкции нарт. Например, конструкции косокопыльных нарт имеют тундровый и таежный варианты. Основное различие их в том, что в таежном варианте нарт есть дополнительная деталь, называемая «бараном». Это горизонтальная дуга, закрепленная на передке нарты. Ее назначение – подгибать под нарту кустарник и предохранять ее от ударов о деревья.

Кроме того, ездовые нарты делятся на женские и мужские, а грузовые различаются в зависимости от их назначения (например, для перевозки лодок, мягкой клади, домашних святынь и т. д.). И ездовые, и грузовые нарты зачастую имеют летний и зимний варианты.

Помимо оленных нарт существуют еще и собачьи нарты. Они делятся на те же типы, что и оленные: дугокопыльные, прямокопыльные и косокопыльные (Там же. С. 58). Эти типы нарт также имеют варианты. По конструкции оленные и собачьи нарты схожи, различия заключаются лишь в пропорциях и размерах.

При идентификации найденных деталей нарт и их классификации возникают сложности, связанные с многообразием видов, типов и вариантов нарт. К тому же в культурном слое большинства памятников крупные объекты чаще всего фрагментированы, представлены либо небольшими деталями, либо фрагментами деталей, которые не дают

целостного представления об объекте и возможности классифицировать объект, определить его тип и вид. В этом может помочь объемное моделирование.

Для идентификации потребовалось выстроить эталонные модели нарт разных типов. Были собраны этнографические материалы разных лет: фотографии, описания, детальные планы, – все, что дает максимальную информацию о предмете, – для последующего создания объемных эталонных моделей нарт. Но этого оказалось недостаточно. Ни один источник не содержит полной информации о реальных размерах и пропорциях различных типов нарт, поэтому потребовались новые полевые исследования, в процессе которых производились обмеры по методике архитектурных обмеров.

Работы по созданию эталонных моделей нарт и идентификации проводились в рамках комплексного изучения Надымского городка, осуществлявшегося под руководством О.В. Кардаша. Для создания эталонной модели ездовой нарты сделано 332 промера, на одну деталь – от 20 до 30 промеров. С помощью этих данных в программе 3D Studio MAX были созданы эталонные модели косокопильных нарт тундрового и таежного вариантов. Идентифицировались фрагменты и детали нарт, найденные в слое XVI–XVII вв. при раскопках Надымского городка.

На первом этапе работ по идентификации предмета при первичной обработке коллекции артефактов предмет относится к соответствующей категории с формулировкой «деталь нарты» или «фрагмент детали нарты», после чего создается его 3D-модель. На следующем этапе производится идентификация детали, в рамках которой созданная модель сопоставляется с эталонной. После этого, исходя из пропорций и размеров восстановленных деталей, анализируются и реконструируются метрические параметры нарты.

При помощи объемной модели по одной или нескольким деталям восстанавливаются следующие конструктивные характеристики нарт: длина ползьев, количество копыльев, высота передка ползьев, высота нарт до настила и др. Отталкиваясь от полученных параметров, методом сопоставления с эталонной моделью, можно классифицировать нарты по уже известным признакам и назначению. Эффективность этого метода основана на том, что в традиционной культуре народов Северо-Западной Сибири на протяжении многих лет пропорции разных типов нарт остаются неизменными. Постепенно каталог моделей будет расширяться, пополняясь новыми видами и типами нарт, что еще более облегчит идентификацию. Модель, которая прошла

идентификацию и была классифицирована, может также стать эталонной для своего хронологического периода.

До недавнего времени большинство важных археологических находок документировалось в виде фотографий и чертежей ортогональных проекций сохранившихся структур. Зачастую в них обнаруживались нестыковки. Из-за разности масштабов чертежей или нехватки одной из проекций невозможно было в полной мере представить объект в объеме. Когда создается 3D-модель, любая нестыковка сразу оказывается очевидной и исправляется. В случае воссоздания какого-либо объекта прошлого 3D-модель используется для того, чтобы представить, как мог выглядеть некогда существовавший предмет (САПР в археологии, 2003).

Сегодня 3D-реконструкция позволяет качественно изменить картину документирования и идентификации археологических находок. Благодаря 3D-программам появилась возможность рассмотреть любой предмет с разных ракурсов. Можно соотносить, сравнивать предметы между собой, анализировать их сходство и различия, не имея под рукой самих предметов. 3D-графика позволяет работать с археологическим объектом, доступ к которому ограничен, прежде всего, во избежание порчи или разрушения.

В итоге проведенных работ созданы эталонные модели, на основании которых произведена идентификация надымских копыльев нарт. Определена принадлежность большей части копыльев к таежному варианту косокопильных собачьих нарт, меньшей – к тундровому варианту оленных косокопильных нарт. Восстановлены размеры копыльев, а по ним, на основании эталонной модели и этнографических данных, размеры самих нарт. Работа еще не завершена, поскольку построение моделей предметов и идентификация занимают длительное время. Тем не менее, на основе уже проведенных исследований можно сделать вывод о преобладании в XVI–XVII вв. у населения Надымского городка транспортного собаководства.*

* Выражаю благодарность О.В. Кардашу за помощь в работе над тезисами доклада.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., 2007. Мангазья – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург.

Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М., 1961.

Кардаш О.В., 2006. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце

XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 13.

Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: Коллект. монография / Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут, 2006.

САПР в археологии // www.compress.ru. КомпьютерПресс. 7. 2003.

Федорова Н.В., 2006. Войкарский Городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Салехард. Вып. № 4 (41).

Хомич Л.В., 1995. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.

М.В. Халяпин

Институт степи УрО РАН, Оренбург

Объекты историко-культурного наследия степного Приуралья в свете геоинформационных исследований (из опыта проектирования региональной ГИС)*

В последние годы специалисты при изучении объектов историко-культурного и природного наследия все активнее используют все более разнообразный набор современных информационных технологий.

Информационные технологии в широком смысле подразумевают все транспортные (коммуникационные), аппаратные и программные (софт) средства, предназначенные для сбора, обработки, хранения и передачи информации в цифровой форме. В узком смысле под информационными технологиями обычно понимают средства для передачи информации – высокоскоростные цифровые магистрали, а также сами компьютерные сети, как проводные, так и беспроводные.

В этой связи следует отметить, что важным этапом развития сферы информационных технологий в научной среде стало внедрение географических информационных систем (ГИС), а также компьютерной обработки данных дистанционного зондирования (ДДЗ). Отечественные археологи все чаще привлекают их для полевой экспедиционной деятельности и аналитических процедур. Методика геоинформационных исследований еще не стандартизирована, как и применяемые приемы, а также достаточно широкий и разнообразный спектр программного обеспечения (ПО) и оборудования.

Географические информационные системы, по мнению Дэвида Райнда, это компьютерные системы для сбора, проверки, интеграции и анализа информации, относящейся к земной поверхности (Rhind, 1988). Применительно к археологии географические информационные системы (ГИС) часто именуют, подчеркивая специфику, археолого-географическими информационными системами (АГИС).

Структуру географической информационной системы специалисты функционально подразделяют, как правило, на четыре основные подсистемы: 1) подсистема сбора данных, 2) подсистема хранения и выборки данных, 3) подсистема анализа данных, 4) подсистема вывода информации.

Подсистема сбора данных обеспечивает сбор и предварительную обработку данных из различных источников. *Подсистема хранения и выборки данных* организует пространственные данные с целью их выборки, редактирования и обновления. *Подсистема анализа данных* выполняет группировку и разделение данных, устанавливает параметры и ограничения при их отборе, занимается моделированием. *Подсистема вывода* ответственна за отображение базы данных или их выборки в табличной, диаграммной или картографической форме (Де Мерс, 1999).

В ходе развития практики использования ГИС в археологических исследованиях за рубежом сформировались три основных направления (Savage, 1990).

Первое направление в использовании ГИС-технологий связано с охраной археологических памятников и обычно в практике государственных служб, в функции которых входит охрана объектов историко-культурного наследия. В таких случаях необходимо работать с большими базами археологических данных, в которых учитывается информация о местоположении памятников археологии, их площади, результатах проведенных на них археологических работ и т. д.

Второе направление применения ГИС-технологий в археологии заключается в использовании методов ГИС-анализа для извлечения исторической

информации из характера распределения и группировки археологических объектов на местности путем их моделирования. Прежде всего, это относится к использованию алгоритмов ГИС-анализа при классификации памятников или при проведении регионального пространственного археологического анализа.

Третье направление очень тесно связано с междисциплинарными исследованиями в рамках «ландшафтной археологии», под которой в данном случае понимается археологическое изучение пространственных взаимоотношений между человеком и его реальным физическим и социальным окружением. Фактически это дополненные современными ГИС-технологиями исследования механизмов и условий адаптации древних человеческих популяций в конкретных природно-ландшафтных, экологических, производственных нишах и их взаимодействия друг с другом.

В последние годы, как в России, так и во всем мире наблюдаются интегративные комплексные исследования, объединяющие ГИС-технологии, методы дистанционного зондирования и трехмерных реконструкций при проведении археологических исследований (Афанасьев, 1993; Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999; Коробов, 2002; и др.).

Данный проект также предполагает использование ГИС-технологий и объединения методов археологии и смежных наук в изучении объектов историко-культурного наследия Степного Приуралья. Регион исследования долгое время был слабо обеспечен источниками, а геоинформационные исследования производились единично и избирательно, и пока только на Каргалинских рудниках.

Для реализации программы работ применяется компьютерное картографирование и спутниковая навигация для определения точных географических координат объектов, создание АГИС и базы данных с визуализированным представлением информации (графика, фото, видео, анимация, трехмерное моделирование). Создание электронного банка данных на основе кроссплатформенной базы данных (типа MySQL или PostgreSQL), распространяемой под одной из свободных лицензий (типа GPL или BSD)**, позволяет экономить средства и использовать ее почти на любом типе компьютера, независимо от конкретного типа установленной на нем операционной системы. Это могут быть как коммерческие проприетарные операционные системы семейства Windows фирмы Microsoft Corporation и MacOS X фирмы Apple Inc., так и различные UNIX, Linux или BSD-системы, большинство которых также распространяется под свободными и открытыми лицензиями.

Для создания АГИС по объектам историко-культурного наследия Степного Приуралья используется комплекс программ и утилит. Оцифровка и векторизация карт обеспечивает компактность и масштабируемость слоя топографической основы, а при вводе в АГИС аэро- и космоснимков территории исследования позволяет производить лучшее совмещение с топоосновой. Вводимые в систему археологические памятники с помощью спутниковых координат получают привязку к полученной топографической основе.

В качестве базовой операционной среды для реализации проекта была выбрана система **GNU/Linux** (далее просто Linux; <http://www.gnu.org/gnu/linux-and-gnu.html>) как полностью соответствующая международным стандартам POSIX***. Дистрибутивы Linux в подавляющем большинстве распространяются под открытыми и свободными лицензиями, с полностью открытым для изучения, распространения и изменения исходным кодом, и не требуют каких-либо лицензионных или патентных выплат (<http://www.fsf.org/licensing/licenses/>).

Наиболее известна среди них General Public License (сокращенно GPL), которая переводится приблизительно как «универсальная публичная лицензия», впрочем, смысл английского оригинала интуитивно более понятен, чем любой отечественный эквивалент. По условиям лицензии GPL распространяется ядро Linux, а также множество программ независимых разработчиков. Различные вопросы свободного программного обеспечения и свободного общества рассмотрены во множестве публикаций, наиболее подробно в программной книге Р.М. Столлмана (Stallman, 2002).

Для использования разрабатываемой базы данных ее рекомендуется развертывать на дистрибутивах Linux, полностью отвечающих стандарту LSB****, таких, например, как Debian GNU/Linux 4.0 r3, Fedora 8 и 9, Mandriva Linux 2008, OpenSuSE 10.3 и 11, Ubuntu 7.10 и 8.4, а также отечественных ASPLinux 12, ALT Linux 4.0, Runtu 2.0. Отметим, что также возможно использование практически любых POSIX-систем (семейства UNIX, Linux, BSD, Solaris), все зависит, в конечном счете, от степени компетенции пользователя. Немаловажно, что среди POSIX дистрибутивов имеются такие, которые позволяют использовать новейшие версии программного обеспечения даже на маломощных компьютерах, в то время как для современных версий Windows требуются существенно большие мощности.

Указанные выше дистрибутивы обеспечивают наиболее легкую для пользователей миграцию с проприетарных операционных систем семейства Windows на Linux. Это представляется особенно

актуальным в связи с тем, что в России в последнее время были существенно ужесточены меры по охране авторских прав и увеличены санкции за их нарушение, в частности за использование нелицензионного ПО.

В качестве системы управления базами данных (СУБД) для реализации проекта выбрана MySQL. В настоящее время осуществляется программирование баз данных, подготовка и ввод контента. Для работы используется в основном свободное ПО, распространяемое под открытыми и свободными лицензиями, что позволяет существенно сэкономить средства на платных коммерческих программах. Эти программы также являются кроссплатформенными, в отличие от многих коммерческих продуктов, созданных специально под Windows. Дополнительное ПО проекта охватывает почти все основные сферы компьютерного софта.

OpenOffice.org 2.4.0 – свободный пакет офисных программ, включающий все необходимые программы для создания и работы с текстами, электронными таблицами, презентациями, рисунками, базами данных, формулами. В пакет входят программы – OpenOffice.org Base, OpenOffice.org Calc, OpenOffice.org Draw, OpenOffice.org Impress, OpenOffice.org Math, OpenOffice.org Writer. OpenOffice.org поддерживает и работу с файлами Microsoft Office 97/2000/XP/2003. Отметим, что форматы собственных файлов OpenOffice.org сертифицированы, а их спецификации являются открытыми. Международная организация по стандартизации (International Organization for Standards, ISO) официально одобрила родной формат для OpenOffice.org Open Document Format (ODF) в качестве мирового стандарта для офисных документов (<http://www.iso.org/iso/en/commcentre/pressreleases/2006/Ref1004.html>).

G.I.M.P. (GNU Image Manipulation Program) 2.4.6 – мощный графический редактор, дающий множество профессиональных инструментов для работы с растровой графикой. Является свободным аналогом проприетарных программ типа Adobe Photoshop и Corel PHOTO-PAINT. Из свободных программ можно рекомендовать Xara Xtrem 0.7.

Inkscape 0.46 – графический редактор. Работает с векторной графикой, является лучшим свободным аналогом проприетарных программ класса Adobe Illustrator и CorelDRAW.

Для использования в Linux можно еще рекомендовать **sK1 0.9.0** – мощный векторный графический редактор с конвертером **UniConvertor v.1.1.1**, который позволяет работать со многими форматами файлов, не только открытыми, но и закрытыми, типа CDR (включая файлы современного CorelDRAW X4), EPS, SVG и т. д.

Blender 2.46 – свободный профессиональный 3D-редактор для трехмерного моделирования и анимации. Является аналогом проприетарных программ класса Autodesk 3ds Max, Autodesk Maya Unlimited, MAXON CINEMA 4D Studio и др. При добавлении специального скрипт-модуля программа Blender превращается в CAD-приложение BlenderCAD, что позволяет использовать ее и в САПР-разработках. Проприетарные аналоги, например, в Windows – Autodesk AutoCAD, в Linux – VariCAD.

Scribus 1.3.3.11 – издательская система для профессиональной верстки документов, газет, журналов, книг, брошюр любой степени сложности. Поддерживается вывод макетов в формате PDF, который также является издательским стандартом и обладает кроссплатформенной поддержкой. Является свободным аналогом проприетарных программ класса Adobe InDesign и Quark XPress.

В настоящее время в создаваемой пилотной базе данных по объектам историко-культурного наследия на Каргалинских рудниках насчитывается около 100 памятников различных типов. В перспективе на основе программного комплекса проекта возможно дальнейшее наращивание информационной базы по объектам историко-культурного наследия Степного Приуралья. Данный комплекс может быть востребован не только в целях проведения научных исследований, но и государственными органами охраны объектов природного и историко-культурного наследия.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-01-81101а/У.

** GPL – General Public License: <http://www.fsf.org/licenses/licenses/gpl.html>. BSD –

Berkeley Software Design: <http://www.freebsd.org/copyright/freebsd-license.html>.

*** POSIX (Portable Operating System Interface) – стандартные интерфейсы для открытых систем. Регламентируются набором соглашений POSIX, разрабатываемых двумя организациями – IEEE (Institute of Electrical and Electronics Engineers, Inc.) и Open Group. Стандартам POSIX соответствуют различные системы UNIX, Linux, BSD, Solaris, а также почти полностью MacOS X и частично системы Microsoft Windows.

**** LSB (Linux Standard Base) – базовый стандарт Линукс – базовый набор неотъемлемых компонентов операционной среды, позволяющий отнести ее к системам Linux.

Афанасьев Г.Е., 1993. Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии // КСИА. № 210.

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С., 1999. Первые

- шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. № 2.
- Коробов Д.С., 2002. База данных «Археологические памятники Кисловодской котловины» // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Ессентуки; Кисловодск.
- Де Мерс М.Н., 1999. Географические информационные системы. М.
- Rhind D.W., 1988. A GIS Research Agenda // International Journal of Geographical Informational Systems. № 2.
- Savage S.H., 1990. GIS in Archaeological Research // Interpreting Space: GIS and Archaeology. L.; N.-Y.; Philadelphia.
- Stallman R.M., 2002. Free Software, Free Society: Selected Essays. Boston.

Ю.А. Лихтер

Комитет по культурному наследию г. Москвы

Возможности технологии Баз данных в изучении древнего вещного мира

В вещественном источнике информация содержится в скрытом виде. Чтобы ею можно было пользоваться, ее необходимо преобразовать. При этом создается новая версия или модель вещественного источника.

При работе по переводу письменных источников в машиночитаемый вид была проанализирована специфика словесных исторических источников. Это привело к созданию особой дисциплины – исторической информатики, которую предлагают понимать как компьютерное источниковедение. Для вещественных источников это не сделано.

Описание источника является его словесной моделью. Структура и степень формализованности этой модели зависят от цели описания, от знаний создающего ее исследователя и от познавательной модели, на которую исследователь ориентируется.

Усилиями Ю.Л. Шаповой и ее учеников, в том числе автором, на семинаре «Морфология древностей» разработана системная модель описания вещественных источников. Системная модель подразумевает, что статистическому определению веса признака необходимо предпослать его логический анализ.

Результатом логического анализа любого признака является словарь-классификатор, в котором в упорядоченном виде содержатся возможные значения этого признака. При составлении классификаторов должны быть учтены результаты предшествующих исследований, что делает нормированное опи-

сание артефакта программой источниковедческого исследования.

По форме организации данных системная модель описания вещественного источника близка к реляционной модели данных, что позволило автору создать логическую структуру Базы данных, которая позволяет свести до минимума нулевые значения признаков и упростить операции ввода/вывода данных.

При работе с конкретной выборкой использованные нормированные описания и реляционной БД позволяет:

- изучать и оценивать информационное разнообразие признаков;
- формализовать принципы отбора признаков, необходимых для решения той или иной задачи;
- перейти от поиска «работающего признака» к выявлению работающей подсистемы;
- выявить скрытые факторы, определяющие направление эволюции в изучаемой выборке.

В зависимости от этапа эволюции диагностирующими будут оказываться разные признаки. Если направление – усложнение форм, то нам, очевидно, мало помогут признаки, описывающие декор или технологию. И, напротив, на этапе изменения технологии морфологические признаки могут играть лишь подсобную роль.

Только правильно определенная подсистема и выбранные в соответствии с ней признаки позволяют делать надежные выводы.

Ю.П. Холюшкин¹, В.Т. Воронин¹, В.С. Костин²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

² *Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН*

Он-лайн пакет статистического анализа археологических данных

За последние полтора десятилетия в секторе археологической теории и информатики ИАЭТ СО РАН был разработан и опробован в археологических исследованиях ряд оригинальных методов анализа данных, учитывающих специфические особенности археологической информации (Ростовцев, 1991; Ростовцев, Корнюхин, Костин, Смирнова, 1994; Ростовцев, Корнюхин, Костин, 1995; Ростовцев, Смирнова, Корнюхин, Костин, 1995, Костин, 2003; Костин, Корнюхин, 2003).

При разработке этих методов принималось во внимание то, что объектам археологии свойственна уникальность или редкость, невозпроизводимость, а также существенная неполнота, неоднородность и малая сопоставимость данных о них. Эти особенности существенно ограничивают возможности применения в археологии традиционной технологии статистической обработки данных. Следовательно, требуется более адекватная к нуждам археологической науки парадигма статистического анализа (прежде всего концепция и технология), основанная на комплексности многократных расчетов по различным вычислительным схемам и алгоритмам при достаточной устойчивости и надежности результатов и гарантирующая обоснованность (валидность) его итогам.

Практическое применение статистических методов и алгоритмов привело к мысли объединить все разрозненные программные разработки в едином пакете и сделать их доступными для более широкого круга заинтересованных пользователей. Наиболее адекватным решением этой задачи для всего археологического сообщества, на наш взгляд, является создание специализированного Web-сайта, включающего подсистемы ввода/хранения данных, методов анализа данных и представления результатов.

Необходимость создания подобного собственно статистического пакета диктовалась следующими соображениями:

– статистические программы относятся к наукоемкому программному обеспечению и практически недоступны археологу из-за высокой цены на легальные копии профессиональных пакетов и затрат на их сопровождение (обучение, консультации, льготная поставка новых версий и т.д.);

– известные западные пакеты ориентированы на наличие у пользователя профессиональных навыков и высокой квалификации, широкого первоначального статистического образования, доступной литературы и консультационных служб;

– крупные пакеты ориентированы на пользователя, готового к тщательному изучению сложной и объемистой документации на русском или английском языке; кроме того, у большинства пакетов отсутствует подробная и доступная для начинающих документация на русском языке;

– большая часть из них – это локальные приложения без доступа в Интернет.

В разработку пакета заложены следующие основные принципы и вытекающие из них требования:

1. **Общедоступность** – любой пользователь Интернета может пользоваться услугами пакета без установки пакета на локальную машину.

2. **Основная категория пользователей** – археологи, имеющие собственные данные или гипотезы, которые можно проверить на уже опубликованных данных. Для этого пользователь может вводить, сохранять и редактировать собственные данные.

3. **Доступ к архиву обобществленных данных** (со ссылками на источник) с возможностью копирования данных из общего архива в личный архив, последующего редактирования и сохранения.

4. **Простота и удобство** в использовании пакета.

5. **Простой и эффективный интерпретационный аппарат:**

1) Пользователь может применять методы анализа и получать наглядное объяснение, в каких случаях их можно применять и какие выводы можно сделать из полученных результатов, т.е. нужна добротная обучающая подсистема, включая тексты с описанием методов и примеры анализа реальных данных.

2) Помимо шаблонных интерпретаций методов пользователю обеспечена реальная возможность самому разобраться в сущности этих методов предоставлением пошаговой демонстрации производимых расчетов на живых данных, каждый шаг должен быть снабжен описанием, достаточным для понимания и самостоятельного воспроизведения.

6. **Возможность применять методы анализа данных для подготовки научных публикаций:**

1) Вместе с выводом результатов анализа систе-

ма предлагает формулировки выводов, достаточно строгие и точные для их использования в публикациях.

2) Графические иллюстрации должны соответствовать требованиям к рисункам в научных публикациях.

7. Наличие достаточного набора стандартных и собственных, оригинальных статистических методов.

Показателем качества разработки интерфейса служит его простота, удобство, интерактивность и наглядность. Удобство с точки зрения пользователя означает, что для того, чтобы выполнить какие-либо действия с программным средством, нужно затратить минимум усилий. Чем проще, нагляднее и удобнее интерфейсная часть программы, тем больше шансов, что пользователь из множества аналогичных приложений выберет именно эту программу.

При разработке пользовательского интерфейса ставилась задача построить удобный, эргономичный, несложный в освоении режим доступа к данному программному продукту, который сделает

работу эффективной и производительной, а также обеспечит удовлетворенность пользователя от работы с программой. Кроме того, пользовательский интерфейс должен незаметно для обычного пользователя оградить его от контакта с внутренней частью приложения.

Ниже представлены результаты первого этапа разработки статистического пакета – пользовательский и программный интерфейс, алгоритмы анализа связей и структур.

На рис. 1 представлена главная страница Web-сайта пакета.

Входные данные (результаты исследовательской работы ученых-археологов или учебные примеры студентов-археологов должны быть упорядочены в формате таблиц MS Excel). Каждая строка представляет случай или наблюдение (к примеру, объект: стоянка или ее горизонт), а столбцы (переменные) – значения признаков (характеристик) наблюдаемых объектов. Таким образом, ячейки содержат только значения переменных. Для интерпретации переменных вводятся их описания, включающие

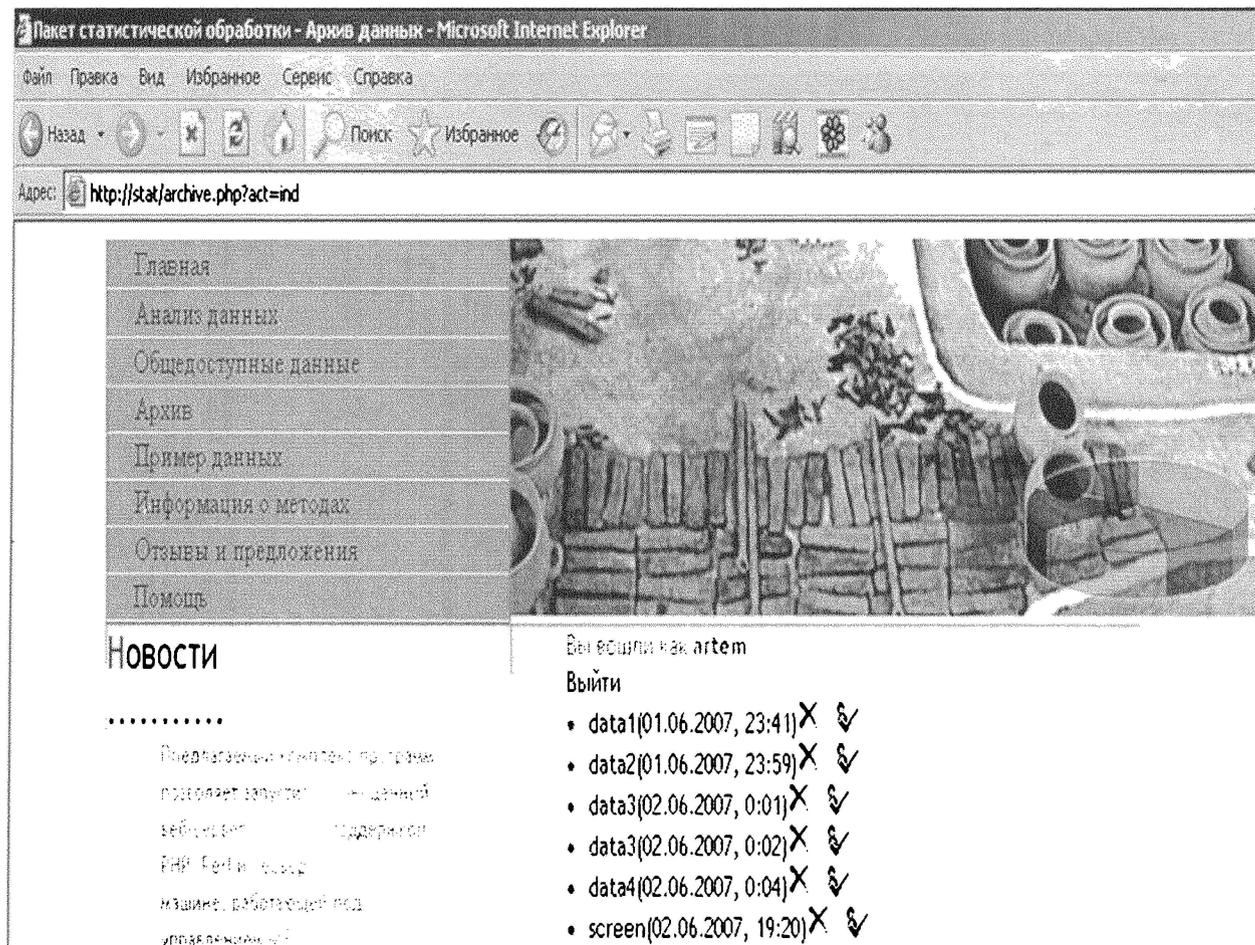

Рис. 1. Главная страница он-лайн пакета

писание признаков артефактов или анализируемых типов классификации и др.: имена (названия) переменных, формат представления и метка (полные имена переменных для вывода на экран монитора в таблицах результатов).

Выходные данные представляют собой результаты анализа входных данных. По выбору пользователя результаты могут быть выданы в двух видах: TML-таблица или трехмерная VRML-диаграмма (пример на рис. 2).

Для анализа связей в пакете реализованы и применяются три метода: 1) дисперсионный анализ; 2) корреляция; 3) критерий хи-квадрат. Выбор метода определяется типом представления данных (номинальным, порядковым или количественным).

Анализ структуры данных предполагает извлечение из таблицы «объект-свойство» информации, характеризующей объекты с точки зрения их группировки, то есть объединения в группы. Основания для включения объектов в одну группу являются их схожесть, близость в некотором смысле.

Результат классификации определяется выбором:

- основания классификации (набор из m количественных признаков);
- метрики – способа расчета близости;
- критерия оптимальности результата;
- схемы расчета – последовательности шагов, приводящих к построению классификации.

Для анализа структуры данных применяются два алгоритма:

- 1) автоматическая классификация объектов методом « k -средних»;
- 2) иерархическая классификация объектов агломеративным методом.

В дальнейшем предполагается добавить методы восстановления зависимостей, такие как регрессионный, дискриминантный и типологический анализ. Для увеличения многопользовательских возможностей все вычислительные алгоритмы будут реализованы в виде Java-апплетов или приложений, что позволит перенести основные по времени счета операции на сторону клиента. Предполагается также предоставлять пользователю возможность локальной установки пакета для расчетов в условиях недоступности сети.

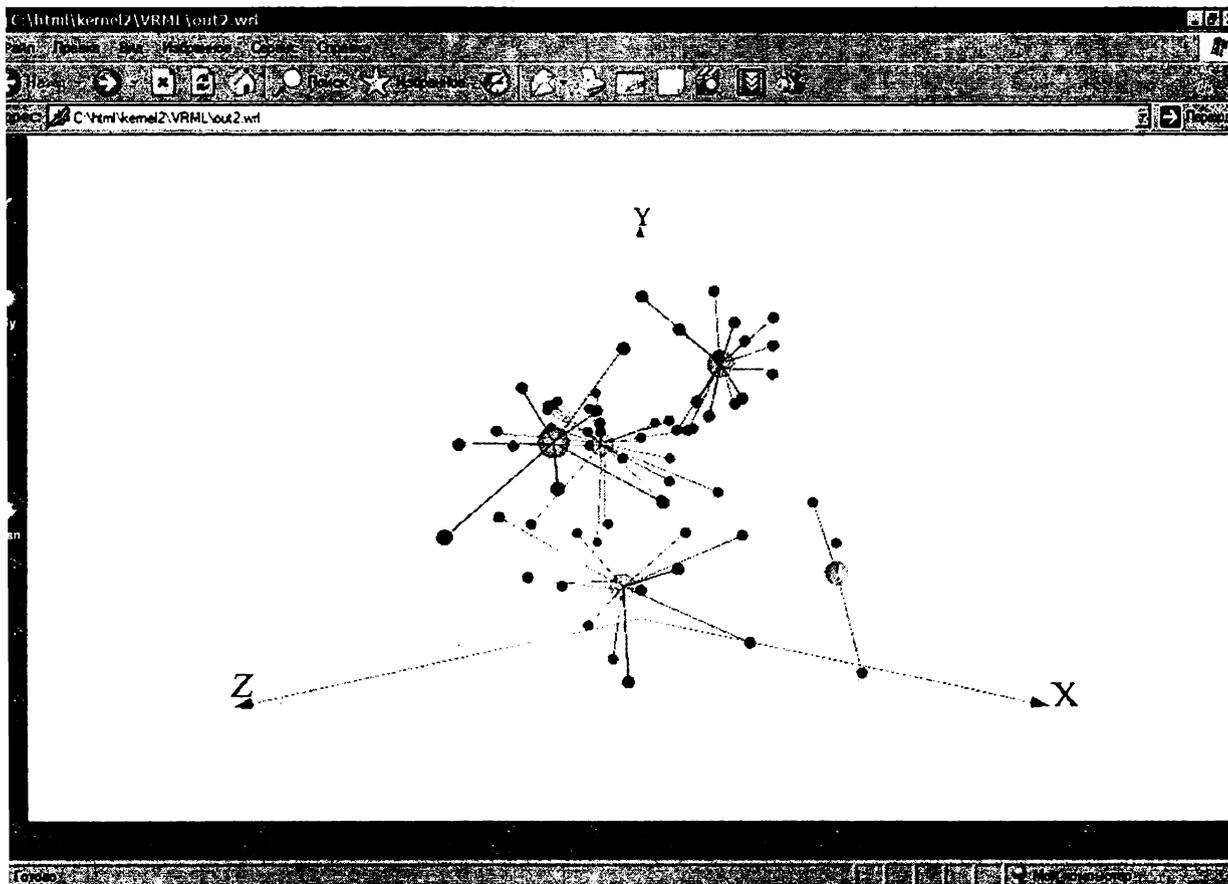

Рис. 2. Результаты кластерного анализа в виде VRML-диаграммы

- Костин В.С., 2003. Статистика для сравнения классификаций // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Вып. 6. Новосибирск.
- Костин В.С., Корнюхин Ю.Г., 2003. Построение обобщенной классификации // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Вып. 6. Новосибирск.
- Ростовцев П.С., 1991. Статистическое согласование мер связи в анализе социально-экономической информации. // Экономика и математические методы. Т. 27, вып. 1.
- Ростовцев П.С., Корнюхин Ю.Г., Костин В.С., Смирнова В.С., 1994. Алгоритмы анализа структуры и типологического группирования в анализе археологических данных // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск.
- Ростовцев П.С., Костин В.С., 1995. Автоматизация типологического группирования. Препринт 137. Новосибирск.
- Ростовцев П.С., Смирнова В.С., Корнюхин Ю.Г., Костин В.С., 1995. Анализ таблиц сопряженности неальтернативных признаков. Препринт 138. Новосибирск.

СЕКЦИЯ 17

АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Г.Н. Белорыбкин

Пензенский институт развития образования

Музеефикация Золотаревского городища

Золотаревское городище находится в 40 км к востоку от г. Пензы возле пгт Золотаревка. В средние века это был крупный город, через который проходил торговый путь из Болгара в Киев. В центре города на мысу находилась мощная крепость, вокруг которой раскинулся посад площадью более 25 га. В настоящее время территория древнего города и вокруг него покрыта лесом и активно размывается разветвленной системой оврагов. При этом памятник подвергся интенсивному расхищению кладочесателями с использованием металлодетекторов.

Первое поселение в этом месте было организовано племенами городецкой культуры в первых веках нашей эры. В конце I тыс. н.э. здесь существовало поселение мордвы. В X в. в результате сражения территорию заняли буртасы. После вхождения в состав Волжской Болгарии здесь возникает город, который был уничтожен войсками Батыя осенью 1237 г. Об этом свидетельствуют многочисленные следы сражения в городе и вокруг него. Подобных мест с большим числом следов сражения народов Восточной Европы с монголами в мире практически нет.

Решением Совета Министров РСФСР (постановление от 30.08.1960 г. № 1327) Золотаревское городище было поставлено на охрану как памятник археологии республиканского значения. В настоящее время памятник охраняется, организована экскурсионная деятельность. В пгт Золотаревка создан филиал краеведческого музея «Золотаревское городище».

Золотаревское поселение является эталонным древнеболгарским памятником домонгольского периода. Уникальность археологического заповедника «Золотаревское поселение» заключается:

– в отсутствии какой-либо застройки на поверхности и насыщенности культурного слоя домонгольского времени;

– в многослойности, что позволяет проследить историю региона на протяжении длительного исторического периода;

– в огромном количестве интересных находок, среди которых серебряные и золотые изделия, а также клады вещей, спрятанных жителями накануне взятия города татарами, и огромное число человеческих костей, разбросанных на большой территории;

– в превосходной сохранности предметов, позволяющей немедленно использовать их в музейно-выставочной деятельности.

Археологические памятники являются не только памятниками истории и культуры, но и памятниками природы. В связи с этим проводится комплекс охранных мероприятий (в том числе разработка рекомендаций по режиму хозяйственного использования территории, очередности археологических работ и рекультивации раскопов) для обеспечения щадящего режима.

В ходе первоочередных мер была принята областная программа по благоустройству Золотаревского городища и осуществлен ряд мероприятий:

– определена и обозначена на местности охранный зона (на лесных дорогах установлены шлагбаумы и охранные доски);

– осуществляются работы по благоустройству городища и прилегающей территории (на территории крепости убирается упавший лес и прореживается кустарник и деревья, приводятся в порядок подъездные пути);

– организована экспозиционная среда на городище (установлены указатели и по 2 венца срубов на месте раскопанных сооружений, информационные щиты, проложена деревянная дорожка на городище и мост через овраг);

– организован кемпинг для туристов;

– ведутся планомерные археологические раскопки.

Наряду с реализованными остаются нерешенными еще множество проблем, таких как:

– утверждение юридического статуса Золотаревского поселения как археологического музея-заповедника (пакет документов и находится на обсуждении);

– передача земли из гослесфонда в состав заповедника;

– строительство историко-туристического гостиничного комплекса (разработан проект и идет поиск инвесторов);

– организация военно-исторических фестивалей (отрабатываются различные формы проведения);

– расширение стационарного музея в пгт Золо-

таревка (проводится капитальный ремонт здания и готовятся новые экспонаты);

– организация туристических маршрутов.

Памятник археологии Золотаревское поселение, безусловно, заслуживает того, чтобы стать объектом туризма. Это уникальный комплекс, представляющий реальные доказательства героической борьбы народов Восточной Европы с монгольской армией. Большую роль играют археологические находки и исследования на городище и для развития российской археологии, а также истории культуры в целом. Территория поля битвы, одного из самых ярких для средневековья, была открыта совсем недавно, но уже привлекла внимание огромного числа любителей и профессионалов средневековой истории.

Е.Л. Бородовская

Дом детского творчества им. В.Дубинина, Новосибирск

Археология в системе дополнительного образования детей г. Новосибирска

Система дополнительного образования детей г. Новосибирска поддерживает давнюю традицию сотрудничества с профессиональными археологами как при разработке дополнительных образовательных программ, так и при организации экспедиций, поскольку в дополнительных образовательных программах по археологии немаловажное место занимают полевые исследования (Бородовская, Бородовский, 2004).

Воспитанники археологических коллективов г. Новосибирска на протяжении многих лет обладают уникальной возможностью взаимодействия с учёными, участвуя в исследовательских программах Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ), Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ), ГУК Новосибирского государственного краеведческого музея (НГКМ), Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. В летний период в составе археологических отрядов ИАЭТ, НГПУ, НГКМ, НПЦ юные археологи изучают древние памятники Новосибирской области, Хакасии, Дальнего Востока, Алтая. Такое сотрудничество во многом помогает школьникам освоить современные специальные методы исследования, что практически невозможно самостоятельно реализовать педагогам дополнительного образования по археологии.

В системе дополнительного образования детей г. Новосибирска существуют как молодые археологические коллективы (клубы «Этнар», «Кыпчак»), так и коллективы, которым более 15–20 лет, имеющие интересный опыт работы (археологический клуб Городского центра творчества детей и учащейся молодежи «Юниор», клуб «Исток – 39» ДДТ «Центральный», объединение «ИКАР» ДДТ им. В.Дубинина, клуб «Потомки» ДДТ «Кировский» (Археологические коллективы ...).

Объединение «ИКАР» за 17 лет полевых исследований в составе Центральноалтайского археологического отряда ИАЭТ СО РАН приняло участие в экспедициях по Новосибирской области, Красноярскому краю, Приобью и Алтаю (Археологические коллективы... С. 29–35; Материалы научно-практических... С. 3–48; Бородовская, 2008). Коллектив активно участвует в изучении и сохранении археологического наследия Горного Алтая в Майминском, Чемальском, Шебалинском районах. С 1991 года организована исследовательская деятельность на памятниках древности различных типов и разного времени (пещерные комплексы, наскальные рисунки, стоянки, мастерские, городища, поселения, некрополи). Итогом такой деятельности объединения «ИКАР» на Алтае является активное участие в работе семинаров и конференций, подго-

товка публикаций и тезисов по результатам исследований.

В системе дополнительного образования г. Новосибирска функционирует несколько музеев археологического профиля (Музеи ... С. 100, 102). Наиболее активную работу проводят музеи «Живая старина Сибири» объединения «ИКАР» и «Мастерская предков» клуба «Потомки» (Бородовская, 2007. С. 364–366; Иванова, 2008. С. 52–53).

Тематическая организация пространства музея «Живая старина Сибири», выстроенная по культурно-хронологическому принципу с учетом возрастных особенностей воспитанников, решает как образовательные, так и экспозиционные задачи. В экспозиции представлен краеведческий, археологический, этнографический материал. Одним из результатов работы по программе «Путешествие в древность. Экспериментальная археология» стало существенное пополнение экспозиции музея экспериментальными копиями и моделями археологических и этнографических вещей (Бородовский, Бородовская, 2004). Комплектование фондов, фондовая работа, создание экспозиции – одно из важных направлений деятельности кабинета-музея. Кроме музейной экспозиции кабинет располагает значительной методической базой, библиотекой, видео- и слайдотекой. Музей, выполняя коммуникативные функции, использует различные формы просветительской работы (экскурсии, беседы, семинары, конференции) и занимается организацией исследовательской деятельности воспитанников.

Археологические коллективы участвуют в образовательных экскурсиях музея «Истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока» ИАЭТ СО РАН. Экспозиция музея позволяет юным исследователям познакомиться с удивительными находками, собранными сотрудниками института в экспедициях на территории Северной Азии, Сибири, Дальнего Востока, расширить представления о заселении человеком этих территорий, распространении и взаимовлиянии древних культур. Частью музея является историко-архитектурный комплекс под открытым небом, куда входят памятники русского деревянного зодчества XVII–XVIII веков. На территории комплекса находятся каменные изваяния и конструкции курганов эпохи палеометаллов. Наличие такого музея в пригородной зоне г. Новосибирска позволяет проводить здесь образовательные экскурсии и практические тематические занятия.

Под руководством научных сотрудников и педагогов в археологических коллективах ведется планомерная обработка коллекций и передача их в музей ИАЭТ, НГКМ, краеведческий музей Республики Алтай. Объединением «ИКАР» восстановлены сот-

ни керамических сосудов различных археологических культур, которые могут быть использованы в музейных экспозициях.

Важное значение имеет сотрудничество научных обществ учащихся учреждений дополнительного образования детей с Городским научным обществом учащихся «Сибирь». Ежегодно на секции «Археология» НОУ г. Новосибирска заслушиваются и обсуждаются лучшие исследовательские работы школьников (Дорогами тысячелетий. Сборник...; Грани творчества. XXVI Городская...). Налажено сотрудничество с профильными коллективами системы дополнительного образования детей Сибирского региона, новосибирские коллективы юных археологов успешно участвуют в региональных семинарах и конференциях школьников по археологии. Объединение «ИКАР» организует и проводит с 1991 г. ежегодно осенью Юношеский полевой археологический семинар, на котором подводятся первые итоги экспедиционных исследований, обобщаются археологические материалы, представляются методики полевых исследований. Семинар позволяет координировать научно-исследовательскую деятельность школьников, объединяя при этом усилия педагогов и специалистов – археологов (Юношеский полевой... 1995; Юношеский полевой... 2000; Юношеский полевой... 2005).

Многие из указанных коллективов успешно участвуют в образовательных конкурсах и ярмарках различного статуса, популяризируя и пропагандируя свой опыт работы, награждены Почетными грамотами Главного управления образования администрации Новосибирской области, дипломами Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, дипломами и малыми Золотыми медалями «Сибирской ярмарки» «Образование Сибири – XXI веку». Много лет успешно участвуют в мероприятиях Всероссийского туристско-краеведческого движения «Отечество» и Всероссийской конференции «Юность. Наука. Культура» объединение «ИКАР» и клуб «Потомки» (VI Всероссийская...; VIII Всероссийская...; IX Всероссийская...; На стыке...; Сборник тезисов...). За плодотворную работу коллективы награждены дипломами Союза краеведов России.

Археологические коллективы системы дополнительного образования г. Новосибирска на рубеже тысячелетий. Новосибирск, 2002.

Бородовская Е.Л., 2007. Возможности музея в системе дополнительного образования детей // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск.

Бородовская Е. Л., 2008. Участие объединения «ИКАР»

- в изучении археологического наследия Горного Алтая // *Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции*. Барнаул.
- Бородовская Е.Л., Бородовский А.П., 2004. Дополнительная образовательная программа «Путешествие в древность. Часть 1. Историческое краеведение. Археология». Новосибирск.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2004. Дополнительная образовательная программа «Путешествие в древность. Часть 2. Экспериментальная археология». Новосибирск.
- Грани творчества. XXVI Городская научно-практическая конференция Новосибирского научного общества учащихся «Сибирь»: Сборник докладов лауреатов «Золотой лиги» Часть 3. Новосибирск, 2007.
- Дорогами тысячелетий. Сборник научных работ юных археологов города Новосибирска. Новосибирск, 2001.
- Иванова Д.А., 2008. Особенности экспозиционной и культурно-образовательной работы детского музея «Мастерская предков» // *Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции*. Барнаул.
- Материалы научно-практических конференций научно-го общества учащихся «Импульс» (2005–2007 гг.): Сборник тезисов и докладов. Выпуск I. Новосибирск, 2007.
- Музеи Новосибирска. Аннотированный справочник. Новосибирск, 2006.
- На стыке поколений. Материалы XI Региональной археолого-этнографической конференции учащихся 27–30 марта 2001 г. Иркутск, 2001.
- Сборник тезисов докладов участников Российского заочного конкурса исследовательских работ учащихся «Юность, наука, культура – XX». Обнинск, 2005.
- Юношеский полевой семинар. Материалы. Вып. 1. Новосибирск, 1995.
- Юношеский полевой археологический семинар. Материалы. Вып. 2. Новосибирск, 2000.
- Юношеский полевой археологический семинар. Материалы. Вып. 3. Новосибирск, 2005.
- VI Всероссийская конференция «Отечество». М., 1998. Вып. 1. С. 105, 107–108, 111–113.
- VIII Всероссийская конференция «Отечество». Сборник тезисов и аннотаций. 3 поток. М., 2000. Вып. 1. С. 93–94, 96, 98–99.
- IX Всероссийская конференция «Отечество». Сборник статей. М., 2001. С. 110, 114–115.

Д.Э. Василенко, А.В. Кучер

Фонд сохранения и реставрации памятников истории и культуры «Памятники Кубани», Краснодар

Исследование, консервация, музеефикация памятников археологии эпохи средневековья бассейна р. Мзымта (Адлерский район г. Сочи). Рекреационные ресурсы Олимпиады 2014 и последующее использование памятников в культурном туризме

Одним из факторов развития Черноморского побережья Краснодарского края как комплексной конкурентоспособной курортной зоны является привлечение и рациональное использование в туристско-экскурсионной деятельности рекреационных ресурсов, прежде всего, культурно-исторических.

Известно, что культурно-познавательные мотивации в настоящее время являются ведущими факторами в структуре туристических поездок. По объективным оценкам, на долю культурного туризма приходится не менее 40 % от общемирового туристического потока.

Наибольший интерес вызывают недвижимые памятники археологии, обладающие яркими экстер-

ьерными чертами, отражающие этапы исторического развития и социальной истории посещаемого города или территории. Памятники археологии могут быть включены в систему рекреационного туристского обслуживания посредством организации музеев и экскурсионно-туристических маршрутов.

Особую актуальность использование культурно-исторических ресурсов г. Сочи приобретает в связи с расширением рекреационной сети и туристской инфраструктуры в рамках подготовки города к Олимпиаде 2014 г.

В настоящее время из всего разнообразия памятников археологии, учтенных на территории г. Сочи, в качестве объектов туристско-экскурсионного по-

каза используется не более 6. В то же время следует отметить значительное количество репрезентативных, обладающих яркими архитектурными особенностями фортификационных сооружений и памятников христианского зодчества эпохи средневековья в бассейне р. Мзымта (Адлерский район г. Сочи, окрестности с. Красная Поляна). Здесь расположено не менее 13 крепостей, объединенных исследователями в единую типологическую и хронологическую серию, датированную в рамках VII–X вв. (Воронов, 1979. С. 83; Армарчук, 2003. С. 211). В долине рек Мзымта, Псоу, Псахо известно не менее 9 христианских храмов, время строительства которых отнесено к VII–VIII вв., X в. (Армарчук, 2007; Василенко, Хрушкова, 2007).

По типу расположения относительно существующей туристской инфраструктуры средневековые памятники бассейнов рек Мзымта, Псахо и Кудепста можно разделить на два блока:

1. Памятники, расположенные на территории или в непосредственной близости к учреждениям и объектам спортивного туризма, – Ачипсинская, Пслухская крепости и крепость в местности Роза-Хутор. Кроме указанных объектов, здесь следует выделить репрезентативные пастушеские и жилые помещения – ацангуары, датирующиеся VI–X вв.

2. Памятники, расположенные в непосредственной близости к транспортным коммуникациям и существующим объектам туристско-экскурсионного показа. Это храм-крепость у с. Монастырь (бассейн р. Мзымта), храм на горе Сахарная Головка у с. Липники (междуречье Мзымты и Псахо), храм-крепость у с. Галицино, Леснянская I, Леснянская II базилики, церковь в местности Крион-Нерон у села Лесное в долине реки Псахо (междуречье Псахо и Кудепсты).

Сложившаяся туристская инфраструктура: развитая рекреационная сеть учреждений спортивного туризма, существующее транспортное обеспечение этой сети, соответствующее инфраструктурное обустройство, места размещения и питания – является материальной базой использования этих культурно-исторических ресурсов для удовлетворения рекреационных потребностей.

В 2007 г. Фонд сохранения и реставрации памятников истории и культуры «Памятники Кубани» приступил к выполнению работ по договору «Проектные работы по комплексу памятников средневековья в бассейне реки Мзымта, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, с. Красная Поляна».

Работы проводятся в рамках выполнения перечня мероприятий федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 годы)»: «Обеспечение сохранности историко-культурного наследия»,

пункт «Комплексный проект: «Культурное наследие Юга России как фактор экономического развития регионов».

Проект предусматривает археологические раскопки, проектирование, реставрацию и приспособление ряда памятников с целью использования их в качестве объектов туристско-экскурсионного показа. Важное значение проект приобретает в связи с расширением рекреационной сети и туристской инфраструктуры г. Сочи в рамках подготовки города к Олимпиаде 2014 г.

Выполнение программы рассчитано на период с 2007 по 2014 гг. Исследовательские и проектные работы, временная консервация ведутся на 7 объектах: Ачипсинской крепости (центральная двухчастная башня с пристроенной полукруглой башней), Пслухской крепости (северо-западной башня, зондажи северной стены), храме-крепости у с. Монастырь (базилика), руинах храма «Сахарная Головка», церкви у родника Крион Нерон, Леснянской I (проектные работы) и Леснянской II базилике.

Настоящий доклад посвящен работам, проведенным на памятниках эпохи средневековья бассейна р. Мзымта, – Ачипсинской и Пслухской крепостях, храме-крепости у с. Монастырь. Включение этих памятников в систему рекреационного туристского обслуживания обуславливается близостью их к существующим и проектируемым спортивным сооружениям, транспортным коммуникациям и существующим объектам туристско-экскурсионного показа.

Ачипсинская крепость, расположенная на восточной окраине с. Эсто-Садок, является самой крупной крепостью региона, занимает площадь 3,5 га. Наиболее сохранившимися фортификационными сооружениями крепости являются юго-восточная стена, северо-западная башня с примыкающими стенами, центральная башня – донжон. Археологические исследования и проектные работы в 2007 г. велись на центральной башне.

Сооружение представляет собой каменную двухкамерную башню с примыкающей к ней вплотную (с оставленным промежутком 8–10 см) башней – платформой полуовальной формы, округлой частью направленной на северо-запад.

Размеры двухкамерной башни в плане – 9,5 × 6 м. Размеры внутренней части северного помещения составляют 3,5 × 3,2 м, южного – 3,4 × 2,8 м. Стены башни возведены в технике бутовой кладки, на известковом растворе, вперевязку, внутренняя стена – в стык. Башня возведена на выходе прочной скальной породы. Выравнивание основания под строительство сооружения проводилось за счет подсыпки (с последующим уплотнением) глинисто-

о материала на очищенную от коры выветривания жальную поверхность (Вязькова, 2007. С. 15).

К северной стене, на расстоянии 1,3 м от северо-восточного угла двухчастной башни, под углом 45° примыкает стена, так же сложенная в технике бутовой кладки. Стена направлена по склону холма вниз, к СВ. Толщина стены в верхней части – до 2 м, в нижней части – 1,5 м. Высота раскопанного участка стены в верхней части – 1,2 м, в нижней – 0,4–0,3 м. Сохранившая часть стены прослежена на 17,5 м.

С запада к двухкамерной башне примыкает башня, полуовальная в плане. Между башнями оставлено пространство шириной 0,1 м. Размеры башни в плане – 9,5 м × 6,2 м. Высота сохранившейся части башни – 4,2–4,3 м. Сооружение возведено как на скальном основании, так и на коре выветривания, без подсыпки глинистым материалом. Башня сложена в технике бутовой кладки, на прочном известковом растворе. Облицовка из аккуратно подобранных речных булыжников. На южном и северном фасах она сохранилась в высоту до 2,2–2 м. Нижняя часть башни, на высоте до 1 м от скального основания, имеет уширение на 0,2–0,1 м. В верхних рядах облицовки южного фаса выявлены крупные плиты (0,35–0,40 × 0,60–0,80 × 0,15 м), положенные в кладку на расстоянии 0,70–1,20 м друг от друга. Камни выступают наружу за линию облицовки на 0,8–0,15 м. Полуовальная башня является сплошной платформой. Внутренний массив представляет сплошную кладку, камни в заполнении сложены без соблюдения рядности. Поверх камней заполнения и облицовки на известковом растворе уложены крупные плоские плиты.

Технологические анализы строительных материалов позволили выявить три этапа строительства сооружения: строительство полукруглой башни, забутовка ее и пристройки нижних ярусов двухчастной башни, последующее возведение верхних ярусов двухчастного сооружения (Молчанова, 2007. С. 14–24).

План первоначального сооружения находит аналогии в плане южной стены Анакопийской крепости, снабженной полукруглыми башнями. Время возведения этого сооружения отнесено к VII – началу VIII вв. (Воронов, 2002. С. 337, рис. 13, 17, 18. С. 338).

Вероятно, впоследствии в связи с увеличением размеров крепости была построена новая линия обороны – северо-западная башня и примыкающие к ней стены. Полукруглая башня была забутована, к ней пристроена двухчастная башня. Это сооружение могло быть культово-погребальным комплексом. В ходе работ вокруг обеих башен было исследовано 16 погребений, датирующихся в хронологическом диапазоне IX–XIII (возможно, XIV) вв.

Пслухская крепость расположена в 6 км к юго-востоку от восточной окраины с. Эсто-Садок,

на территории, примыкающей к строящемуся горнолыжному курорту «Роза-Хутор». Обзор крепости возможен с подъемников курорта. Пслухская крепость имеет стену по периметру занимаемого ею мыса, укрепленную контрфорсами, а также угловую башню, отгороженную от napольной стороны гребня вырубленным в материковой скале рвом. Подобная традиция сооружения крепости на р. Пслух аналогична крепости на р. Ачипсе, что уже отмечалось исследователями (Воронов, 1979. С. 84). Налицо единая система фортификационных приемов, использовавшихся местным населением эпохи раннего средневековья. На крепости было заложено два шурфа и исследована угловая башня. Материалы, полученные в ходе шурфовки, позволили отнести начало строительства крепости к V–VI вв. (Коробов, в печати; Ковалевская, 2000. С. 15–16). Кладочные растворы двух стен крепости различны. По мнению исследователя, растворы такого типа характерны для храмов Северного Кавказа X века (Молчанова, 2007. С. 13).

Храм-крепость у с. Монастырь расположен в Адлерском районе г. Сочи, в 2 км от села, по течению р. Мзымты, при слиянии р. Мзымты и реки Глубокий Яр, над памятником природы – воключозом Глубокий Яр (пещерой «Пасть Дракона»). Комплекс включает храм, исследованный в 2007 г., башню, расположенную рядом с храмом, и стены, окружающие плато, на котором находились эти сооружения. Размеры храма – 7,2 м и 11,4 м по наружному периметру. Храм зальный, с пилястрами по углам и посередине северной и южной стены. Пилястры сложены из блоков, выпиленных из легкой, пористой карбонатной породы. Они профилированные, угловые в сечении Г-образные, пилястры стен Т-образные. К вытянутому в направлении запад-восток залу примыкает алтарный выступ, имеющий в интерьере лучковую дугу в плане, а по фасаду – пятигранник. Расположенная с запада пристройка представляет собой вытянутое в направлении север-юг прямоугольное двухчастное помещение, меньшая часть которого, перед западным входом зала, служит притвором и сообщается дверным проемом с большей камерой, от которой сохранилась незначительная часть стены. В западной стене камеры сохранилась часть полуциркулярной арки. Вероятно, здание выстроено в два строительных периода: первый период – строительство базилики, второй – притвора.

Базилика сложена из чисто обтесанных камней из ломаной местной скальной породы на сером известковом растворе со сланцевым речным песком, в технике полубутовой кладки, причем внутренняя лицевая кладка выполнена из блоков местной скальной породы – туфа, а лицевая наружная кладка

выполнена из облицовочных плоских плит прямоугольного сечения, выпиленных из легкой, пористой карбонатной породы.

Западный фасад имеет один главный вход. Лицевые блоки кладки на фасаде не сохранились. Сохранились несколько блоков облицовки, обрамляющих дверной проем главного входа. Южный фасад также имеет один вход, облицовка сохранилась частично. Прослежены остатки фундаментов сооружения, примыкавшего к входу перпендикулярно стене. Северный фасад не имеет входов. Облицовка фасада сохранилась частично, уцелело около 20 плит облицовки. Забутовка кладки стен сохранилась на высоту 1,1–1,6 м.

В качестве достаточно близкой аналогии архитектурных элементов Монастырского храма (пятигранной апсиде и внутренним профилированным пилястрам) следует признать архитектурные детали церкви Айлагу-Абыку у с. Лыхны. Строительство этой церкви отнесено ко второй половине X в. (Хрушкова, 1998. С. 86, рис. 61).

В слоях, соответствующих времени функционирования и разрушения храма, обнаружено около 2000 единиц строительной керамики (плинф, керамид, калиптеров). Метрические характеристики керамид и калиптеров находят близкие соответствия в археологических материалах из культурных слоев периода строительства и первого этапа функционирования дворца в с. Лыхны (Абхазия) и базилики в пос. Лоо Лазаревского района г. Сочи, датированных в пределах IX–XI вв. (Арист, 1997. С. 36–37; Хрушкова, 1998. С. 22, рис. 9. С. 35, рис. 20. С. 79). Время строительства храма следует отнести к X в., оговорив предварительный характер этой датировки.

Проектами предусматривается реставрация памятников методом консервации с последующим экспонированием их в руинированном состоянии. Для предания стенам первоначального положения и предотвращения дальнейших разрушений проектами предусмотрено укрепление или устройство фундаментов, гидрофобизация их с целью защиты от грунтовой влаги. Предусматривается перекладка стен подлинными сохранившимися материалами в технике, характерной для каждого из памятников. Перекладка стен предполагает возвращение на первоначальные места в кладке камней, изменивших свое положение, заделку утрат в кладке. Проектируется укрепление сохранившейся кладки способами инъекций растворов, укрепление и защита кладки от атмосферной влаги. Предполагается химическая расчистка стен от грязи и биопоражений. При воссоздании утраченных полов проектами предусматривается визуализация различия подлинных, реставрируемых и воссоздаваемых покрытий полов

с помощью применения окрашенных специальных смесей. После расчистки поверхностей архитектурных элементов будет проведена их гидрофобизация. С целью уменьшения динамических нагрузок на архитектурные элементы проектируется строительство обзорных галерей вокруг каждого памятника.

В дальнейшем будут выполнены расчеты рекреационной нагрузки, определение необходимости размещения рядом с объектом туристско-экскурсионного показа сервисных сооружений, архитектурно и конструктивно гармонирующих с объектами культурного наследия.

- Арист Д.А., 1997. Строительные особенности храма в пос. Лоо // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа // Материалы конференции, посв. итогам исследования Лооской археологической экспедиции УРГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург.
- Армарчук Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. Каменные крепости и храмы // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М.
- Армарчук Е.А., 2008. Раскопки христианского храма на г. Сахарная Головка под Адлером // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. Владикавказ.
- Василиненко Д.Э., Хрушкова Л.Г., 2008. Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. Владикавказ.
- Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Воронов Ю.Н., 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. Москва – Магнитогорск.
- Вязкова О.Е., 2007. Отчет об инженерно-геологическом обследовании Пслухской крепости. Архив фонда «Памятники Кубани».
- Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. // Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. М.
- Коробов Д.С., в печати. Исследования на Ачипсинской и Пслухской крепостях // АО 2007 г.
- Молчанова В.А., 2007. Технологические обследования состояния строительных материалов и технологические рекомендации по реставрации памятников эпохи средневековья в бассейне реки Мзымта, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, с. Красная Поляна. Архив фонда «Памятники Кубани».
- Хрушкова Л.Г., 1998. Лыхны: Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.

*Д.В. Васильев**Астраханский государственный университет*

Концепция организации историко-археологического комплекса «Самосдельское городище»

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в дельте, на правом берегу р. Старая Волга. Исследования на городище проводятся комплексной археологической экспедицией Института этнологии и антропологии РАН и Астраханского государственного университета в рамках «Хазарского проекта», финансируемого Российским еврейским конгрессом. Руководителями исследований на городище являются к.и.н. Э.Д. Зиливинская (г. Москва, ИЭА РАН) и Д.В. Васильев (г. Астрахань, АГУ). Городище является уникальным в культурном и археологическом плане объектом, так как представляет собой остатки трёх последовательно сменявших друг друга городов – хазарского времени, предмонгольского времени и эпохи Золотой Орды. Уникальной особенностью городища является непрерывность его существования как минимум с IX до середины XIV вв. Нами уже выдвигались предположения о соотношении культурных слоёв городища XI–XII вв. с остатками города Саксин (Саджсин), центра одноимённой области, существовавшего в дельте и пойме Волги до монгольского нашествия и известного лишь по летописям и описаниям путешественников. Самые древние слои города относятся ко времени существования Хазарского каганата и предположительно могут быть соотношены с местоположением столицы этого государства – города Итиль (Атиль).

Нами разработан проект создания историко-археологического комплекса на Самосдельском городище, преследующий следующие цели: а) сохранение и изучение остатков древнейшего в Нижнем Поволжье города; б) продолжение и расширение археологических исследований на городище и проведение научно-исследовательской работы на основе материалов раскопок; в) популяризация исторического прошлого Нижнего Поволжья; г) развитие в регионе нового, дополнительного направления в спектре туристических услуг, предоставляемых в Астраханской области, – научного туризма, превращение городища в объект, способный привлечь поток туристов.

Современное состояние памятника археологии неудовлетворительное. На его территории находятся посёлок и животноводческая ферма. Поверхность городища подвергается вытаптыванию скотом и лишена защитного травяного покрова,

что приводит к водно-ветровой эрозии поверхностных слоёв. Территория городища очень сильно замусорена современным строительным мусором, обломками сельхозтехники. В центральной части городища располагаются около десятка скотомогильников.

Через территорию городища проходят несколько грунтовых дорог. Местное население ежегодно использует культурные напластования городища для подсыпки противопаводковых дамб. Кроме того, значительный участок городища в районе паромной переправы подвергается размыванию рекой.

Одним из наиболее проблемных является вопрос инфраструктуры. Доступ на городище затруднён и осуществляется в весенне-осенний период через две паромные переправы, которые работают крайне нерегулярно.

На сегодняшний день границы памятника археологии «Самосдельское городище» не вынесены в натуру. Вопрос о выведении земель из сельскохозяйственного оборота не решается, поскольку не определены будущий владелец или пользователь земли, источники средств для компенсационных выплат за вывод земель из сельскохозяйственного оборота и арендной платы за пользование землёй.

Работа по организации историко-археологического комплекса во исполнение распоряжения губернатора Астраханской области, порученная ОГУ ГНПУ «Наследие», не ведётся.

На настоящий момент в Астраханской области нет подобного рода историко-археологических центров, хотя в России в целом подобные примеры имеются. В Астраханской области предпринимались попытки создания подобного историко-археологического центра, ориентированного на научные изыскания и популяризацию археологического наследия Нижнего Поволжья на территории Селитренного городища (с. Селитренное Харабалинского района), где располагаются развалины золотоордынского города Сарай-Бату, однако эти попытки не увенчались успехом.

Территория городища является охраняемым объектом, строительные и иные работы на территории охранной зоны памятника запрещены законом. В связи с этим предполагается размещение стрелочной историко-археологического комплекса на территории, не входящей в его охранную зону, но непо-

средственно прилегающей к городищу. В настоящее время эти земли используются как пастбище. Предполагается передача земли в бессрочное пользование Астраханскому государственному университету для использования их историко-археологическим комплексом «Самосдельское городище» на правах аренды. Общая площадь необходимого для размещения комплекса земельного участка – 2 га.

Расположение историко-археологического центра на территории и в окрестностях городища позволит проводить постоянный мониторинг состояния памятника археологии с целью обеспечения его сохранности. Кроме того, будет обеспечено постоянное присутствие специалистов – археологов на памятнике археологии, увеличение продолжительности полевого сезона благодаря наличию научной базы непосредственно на памятнике археологии, повысится эффективность научных исследований. Будет обеспечена сохранность находок, поскольку отпадет необходимость в транспортировке к месту консервации, реставрации, постоянного хранения. Расположение городища в живописном уголке дельты Волги создаёт дополнительные благоприятные условия для посещения его туристами. Доступ на территорию археолого-туристического комплекса может осуществляться как автомобильным транспортом через паромные переправы у сёл Хмельёвка и Самосделка, так и водным путём по рекам.

В историко-археологическом центре на Самосдельском городище осуществляются три основных вида деятельности – научная, экспозиционно-рекреационная и популяризаторская.

Научное направление деятельности историко-археологического центра является основным в его работе, так как результаты научной деятельности, собственно, и обеспечивают базу для его существования. Историко-археологический центр на Самосдельском городище включает в себя научную базу археологической экспедиции с постоянно действующим штатом сотрудников, которые проводят исследования, направленные на создание научной основы для существования центра: археологические раскопки, камеральные исследования, реставрацию и консервацию находок, реконструкцию археологических объектов, находок и технологических процессов, научные конференции, совещания, полевые семинары на базе историко-археологического комплекса с целью апробации результатов научных исследований, введения их в научный оборот, уточнения теоретической основы научных исследований, популяризации в научной среде новых идей.

Необходима организация экспедиционной базы – научного городка, включающего жилые помещения, реставрационную мастерскую, камеральную

лабораторию, столовую, склад, гараж. Необходимо приобрести транспортные средства и наладить материальную базу для их обслуживания, наладить инфраструктуру и благоустроить территорию городища, построить причал, проложить дорожки по территории городища и научного городка с целью предотвращения вытаптывания культурного слоя, рекультивировать территорию, организовать сбор и вывоз мусора и бытовых отходов, электрифицировать комплекс, проложить водопровод.

Экспозиционно-рекреационная деятельность историко-археологического центра имеет своей целью создание материальной базы для привлечения туристов, строительство и реставрацию объектов показа, организацию отдыха туристов и экскурсионного обслуживания.

Для обеспечения данного вида деятельности необходимы реконструкция и консервация археологических объектов на экспериментальной площадке, состоящей из двух участков. Первый участок – архитектурный, он включает натурную масштабную модель крепости хазарского времени (аналог – цитадель Правобережного Цимлянского городища), которая станет основным экспозиционным объектом, хранилищем и вместилищем других объектов показа. Внутри крепости расположатся реконструированные жилища VIII–XIV вв., которые одновременно послужат экспозиционными помещениями для временных выставок. Вне крепости на специально подготовленной гидрофобизированной и частично перекрытой площадке расположатся перенесённые с раскопа, восстановленные и законсервированные архитектурные объекты.

Второй участок – производственный. Он включает реконструированные на основе материалов археологических и этнографических исследований ремесленные производства.

Для организации экскурсионного обслуживания необходимо: а) разработать археологическую экспозицию и временные выставки находок; б) устроить постоянную охрану территории памятника археологии; в) создать штат гидов-консультантов; г) наладить договорные отношения с туристическими и сервисными организациями, поскольку собственно организация туристической деятельности не входит в сферу компетенции историко-археологического центра.

Необходима разработка программ пребывания туристов на территории центра в следующих вариантах: 1) кратковременное или ознакомительное (однодневное) пребывание туристических групп и экскурсий на городище; 2) долговременное пребывание туристов на территории центра с участием в археологических исследованиях в составе экспеди-

ции; 3) комбинированный отдых – совмещение посещения памятника археологии с традиционными видами отдыха с проживанием на туристических базах.

Задачами популяризаторского направления деятельности историко-археологического центра явля-

ются: расширение информационного обеспечения и поддержки, изготовление и распространение рекламной продукции, популяризация самого городища как памятника археологии и туристического объекта с целью привлечения внимания туристов и научной общественности.

С.Ю. Каменский

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург

Археология в массовом сознании: представления, интерес, ценность

Проблема важности изучения разных аспектов отношения рядовых граждан к археологическим древностям лишь недавно вышла на повестку дня в Европейских странах, США, Канаде. В статье Б. Феген 1998 года (Калифорнийский университет, Санта-Барбара) отмечается, что по этому принципиально важному археологическому вопросу какая-либо академическая литература практически отсутствует, а лучшая статья на эту проблематику, вышедшая в Великобритании, датируется 1937 г. (Fagan, 1994). Такая ситуация объясняется американским археологом К. Холторфом (одним из ведущих мировых исследователей по проблематике восприятия археологии в современном обществе) тем обстоятельством, что профессиональная археология на Западе до конца XX века была областью, определяемой исключительно в академических терминах (Holtorf).

В России к разработке данной тематики мы пока только приступаем, о чем говорит хотя бы полное отсутствие монографий и даже статей на эту тему в археологических либо культурологических изданиях. Общество и археологи находятся на двух противоположных полюсах и пока даже не стремятся найти дорогу друг к другу. Например, известный исследователь А.И. Мартынов пишет о том, что в современной России «археологи считают, что памятники археологии существуют только для них, чтобы их раскапывать, а общество, в силу того, что массовое историческое образование у нас носит социально-политическую направленность, не представляет их ценности» (Мартынов, 2006. С. 279).

Отметим, что на Западе интерес к общественной роли археологии связан с повышением уровня зависимости между финансовой поддержкой археологического проекта и обоснованием его актуальности для общества в целом либо отдельной социальной группы. Помимо этого, как постулируется во многих

работах европейских и северо-американских авторов, привлечение общественной поддержки играет серьезную роль в вопросах сохранения археологических памятников.

Вопрос о том, должна ли археология доказывать или хотя бы демонстрировать свою общественную значимость, вряд ли можно считать решенным как на Западе, так и тем более в нашей стране. В то же время в России, независимо от позиции отдельных исследователей при определении ответа на этот вопрос, формулировать важность, необходимость сохранения и изучения археологических объектов приходится регулярно, убеждая в этом, например, застройщиков, государственные и коммерческие спонсорские структуры. Здесь возникает серьезная проблема, связанная с тем, что большинство профессиональных археологов не задумываются о том, имеют ли памятники археологии культурную, историческую или познавательную ценность – это аксиома. На этом же аксиоматическом утверждении базируется и законодательство в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия, общую идею которых можно выразить тезисом: «прошлое составлено из «памятников», ценность которых самоочевидна и не может быть изменена».

Очевидно, что восприятие археологических памятников и связанное с ним отношение к археологической науке в реальной практике сильно отличается от обозначенных выше аксиоматических постулатов. На взгляд автора, изучение отдельных аспектов отношения населения к археологическому наследию и науке является – и это один из основных тезисов этой статьи – базовым направлением археологических исследований современности.

В связи с обозначенной задачей автором была сделана попытка разработки анкеты для социологического исследования по проблеме отношения

общества к археологическим памятникам и археологической науке. При разработке анкеты в основу был положен опыт исследования М. Рамос и Д. Дуган – наиболее представительного социологического телефонного опроса по рассматриваемой тематике, проведенного на территории США в 1999 г. (Ramos, Duganne, 2000). Также использовался опыт анкетирования населения, проведенного в Канаде (Pokotylo, 2002).

Анкета включает 30 вопросов, из которых 23 были закрытыми. Все вопросы анкеты можно разделить на четыре блока. Первый блок касается демографических характеристик опрашиваемых. Второй блок посвящен определению знаний и представлений об археологической науке, археологических памятниках, а также источника информации, из которого опрашиваемые предпочитают получать сведения об археологии. Третья часть анкеты направлена на выявление интереса к археологической науке, археологическим памятникам и деятельности, связанной с археологическими изысканиями. В четвертой части исследуются вопросы, связанные с представлениями об актуальности и важности археологии для отдельных сторон современной жизни.

Автором также был проведен опрос по этой анкете одной из социальных групп г. Екатеринбурга. Опрос проводился среди студентов 3–5 курсов двух вузов г. Екатеринбурга (Гуманитарный университет и Российский государственный университет туризма и сервиса (Уральский филиал), обучающихся по специальности социально-культурный сервис и туризм (все формы обучения). Всего было опрошено 200 человек. Их демографическая характеристика: преимущественно женщины (95 %), возраст – от 20 до 24 лет.

Ниже приводятся основные выводы, полученные в результате данного исследования. В результате опроса было выявлено, что основной ассоциацией, связанной с археологией и археологами, является тема раскопок (около 80 % респондентов). Отметим, что аналогичные представления были выявлены в рамках упомянутого социологического опроса, проведенного в США. Реже археология связывается в сознании опрошенных людей с чем-то древним, старым, глубоким прошлым, а также с процессом изучения старинных объектов (35 % опрошенных). На третьем месте по распространенности стоит упоминание в связи с археологией истории, чего-то исторического (15 %). Также численно выделяются соотношения археологии и древних цивилизаций (около 12 % респондентов).

Другой аспект представлений, связанных с археологией, был выявлен в ответах на вопрос о том, какие ассоциации у респондентов вызывают «ар-

хеологические вещи». Здесь доминировали ответы связанные с понятием древность: «древние вещи» «антиквариат», «доисторические», «реликвии» (35 % респондентов). Другую группу можно объединить вокруг понятий «ценность» и «редкость» (в сумме – 37 % опрошенных). Респондентами использовались такие определения, как «ценные», «значимые», «бесценные», «историческая ценность», «духовная ценность», «уникальные», «необычные», «редкие», «раритет», «эксклюзивные», «непохожие на наши».

Также численно выделяются ассоциации археологических вещей и «загадочного / неизведанного», «интересного» (16 % респондентов). Реже упоминаются при определении археологических вещей эпитеты «нецельные», «ржавые обломки», «развалины», «разрушенные», «ветхие» (7 % респондентов). Среди других определений, которые использовались единично для описания археологических вещей: «несущие информацию о быте», «хрупкие», «красивые», «полезные», «находки», «состарившиеся», «грязные», «важные», «осколки прошлого», «находные», «ожившая история», «кости». Интересно отметить, что среди ассоциаций с археологией и археологическими вещами практически не фигурируют мамонты, о которых в поле слышал не раз любой профессиональный археолог.

Опрос показал, что респондентам слабо знакомо значение понятия археологический памятник / памятник археологии. При ответе на этот вопрос были получены следующие наиболее распространенные группы ответов. Во-первых, применялись такие определения, как «древнее», «старое», «отличающееся от современности». Во-вторых, использовались конкретизированные дефиниции: «кости», «камни», «захоронение», «древние скульптуры», «из земли» и т.д. В-третьих, археологический памятник вызывал ассоциации с поврежденностью: «потертый», «развалины», «полуразрушенный». На каждую из этих групп ответов приходится около 11 % опрошенных. Отметим, что 33 % процента респондентов на данный вопрос ответили «не знаю», «не имею представления».

В результате опроса было выявлено, что у респондентов полностью отсутствуют какие-либо знания об археологических памятниках и объектах региона их постоянного проживания (Свердловская область), а также фактически отрицается древность истории края. Большинство опрошенных на вопрос о том, когда на Урале появились люди, ответили «не знаю». Остальные опрошенные уверены, что Урал был заселен в последние 300–400 лет, то есть за точку отсчета принимается фактически эпоха походов Ермака.

Любопытные результаты были получены при изучении интереса к археологии и представлений ее важности и ценности в современном обществе. Респондентам необходимо было проранжировать свой интерес к археологии в баллах от 1 до 10. По такой же схеме было предложено оценить важность и ценность археологии в современном мире. В результате было выявлено, что при среднем уровне интереса в 5 баллов уровень средней оценки важности археологии составляет 7,8 балла. При этом при ранжировании ценности археологии для отдельных сторон жизни была выявлена максимальная оценка значимости: в 9,5 баллов была оценена респондентами важность археологии для современного культурного развития. Самый низкий уровень значимости был определен опрошенными по пункту «личная» / «в вашей личной жизни» – он составил только 4,3 балла, тогда как значимость для понимания современного мира, формирования ценностей общества составила 7,3 и 7,5 баллов соответственно.

Также была выявлена зависимость между уровнем оценки важности археологии и интересом к ней респондента. Выяснилось, что у всех опрошенных, оценивших важность археологии на низком и среднем уровне (до 6 баллов), уровень интереса к археологии также не превышает 5–6 баллов. Было обнаружено значительное расхождение между этими группами респондентов в ответе на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что чем древнее вещь, тем она обладает большей значимостью / тем она интереснее?». В группе опрошенных, оценивающих важность археологии в современном мире высоко, на этот вопрос было получено более 80% положительных ответов, тогда как среди тех, кто оценил важность археологии низко, так считают только 40% респондентов.

В то же время интерес к отдельным аспектам археологии стабильно высок, независимо ни от оценки уровня важности археологии, ни от определения уровня интереса к ней. Так, желание откопать древнюю вещь проявляют более 80% всех опрошенных, а заинтересованность пожить в доисторическом парке высказали 90% всех респондентов. В обеих группах одинаково выражено предпочтение «уникальным

вещам / вещам великих людей / вещам из драгоценных металлов» в противовес группе «повседневных вещей / связанных с бытом рядовых людей» – соотношение 1 : 2.

В ходе опроса были определены приоритеты респондентов относительно средств знакомства с археологией. На первом месте стоят экскурсии и участие в раскопках (более 80%), с большим отставанием следуют музеи и образовательные программы школ и вузов (по 35%), телевидение и участие в экспериментальных археологических мастерских (по 30 %).

Данный опрос является своего рода пилотным исследованием, целью которого была апробация составленной анкеты, однако даже эти первые результаты позволяют по-новому взглянуть на восприятие археологии и археологических древностей. Результаты аналогичного исследования, проведенного на базе репрезентативной выборки в отдельном городе либо регионе, на наш взгляд, можно эффективно использовать при разработке программ популяризации и актуализации археологического наследия в современном обществе.

- Мартынов А.И., 2006. Музеефикация памятников историко-культурного наследия и исторических мест – проблема национальная // II Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. 24-30 сентября 2006. Ханты-Мансийск, Екатеринбург.
- Fagan B.M., 1994. Perhaps We Hear Voices. In Save the Past for the Future II, Report of the Working Conference. Special Report. Washington, D.C.: Society for American Archaeology. 1994.
- Holtorf C. Monumental Past: The Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg-Vorpommern (Germany). Electronic monograph. University of Toronto (2000–2007): Centre for Instructional Technology Development. (<http://hdl.handle.net/1807/245>).
- Pokotylo D., 2002. Public Opinion and Canadian Archaeological Heritage: A National Perspective. Canadian Journal of Archaeology 26.
- Ramos M., Duganne D., 2000. Exploring Public Perceptions and Attitudes about Archaeology. Report by HarrisInteractive on behalf of the Society for American Archaeology. (<http://www.saa.org/pubedu/nrptdraft4.pdf>).

О.Н. Левк

Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Белорусская археология в сфере образования и музейного строительства

В Институте истории НАН Беларуси проведено исследование по теме «Развитие археологической науки в НАН Беларуси». Собран и обработан археологический и архивный материал для подготовки экспозиции. Целью данного инновационного проекта является научное и художественно-дизайнерское раскрытие процесса развития археологической науки в НАН Беларуси посредством экспонирования разносторонних источников и реконструкций, а также методик археологических исследований для внедрения этой информации в обучающую профильную программу вузов и колледжей. Также осуществлена разработка научно-методических рекомендаций для сохранения и использования археологического наследия Беларуси, развития туризма.

Задачи проекта:

- проанализировать историю развития археологической науки в Беларуси от ее зарождения до настоящего времени (в рамках НАН Беларуси);
- выделить основные научные направления исследований, определить этапы их развития и проследить совершенствование методов изучения разных исторических эпох;
- изучить возможности и подготовить рекомендации по использованию представленных в экспозиции методик сохранения и исследования памятников археологии и археологических материалов в обучающем процессе исторических, культурологических, музееведческих специальностей вузов Беларуси;
- открыть на основе экспозиции развития археологической науки в НАН Беларуси школу юного археолога.

Этот проект отвечает приоритетному направлению ГКПНИ «История Белорусской нации, государственности и культуры» в области фундаментальных разработок по теме «Материальная культура населения территории Беларуси в первобытную и средневековую эпохи (систематизация, классификация и интерпретация источников)».

1. По разделу «Становление и развитие белорусской археологической науки» (вторая половина XIX в. – начало XXI в.) собран и систематизирован разносторонний фото-, архивный и вещественный материал, на основе которого:

- подготовлены 9 наглядных фотостендов, а также витрины подиумов, демонстрирующие наи-

более важные этапы становления и развития археологии как науки в Беларуси с 1895 г. (раскопки эталонных памятников, кабинетная научная работа, симпозиумы, конгрессы, конференции, подготовка аспирантов; начиная с 1926 г. – полевые дневники, материалы сплошных разведок, довоенные экспонаты, возвращенные после Великой Отечественной войны из Германии);

- в виде аннотаций к портретам ведущих специалистов представлена их научная деятельность на протяжении всего периода существования белорусской археологии;

- демонстрируется 3-томное издание «Прац па археологіі Беларусі», вышедшее в 1920–30-е годы, клише неизданного 4-го тома этой коллективной работы, а также «Энцыклапедыя па археалогіі і нумізматыцы Беларусі» и 4-томная «Археалогія Беларусі», изданные в 1993–2001 годы;

- посредством составления информационно-образовательных подвижных стендов (18 штук размером 2,0 × 0,9 м) наглядно представлены различные категории археологических источников, разрывающиеся во времени согласно их назначению, материалу и ассортименту.

2. По разделу «Развитие древних производств, структуры поселений, домостроительства, погребального обряда, духовной и художественной культуры» подготовлены стенды, витрины и подиумы, на конкретном материале которых раскрываются составляющие археологических комплексов. Представлены документальные и вещественные источники (фотографии, чертежи, кости мамонта, кремневые изделия) древнейших верхнепалеолитических стоянок Юровичи и Бердыж, макеты красносельских кремнедобывающих шахт, погребального обряда эпохи бронзы (реконструкция Н.Н. Кривальцевича). Показано развитие технологии обработки железа (исследователь М.Ф. Гурин) и производства железной продукции, домостроительства (реконструкция зарубинецкого жилища) в первые века до н. э. и в начале первого тысячелетия н.э. Изготовлен макет языческого святилища (реконструкция Э.М. Зайковского).

3. По разделу «Экспозиция культур и памятников, развития методик исследования» представлены материалы (археологические экспонаты, фотоматериалы, карты, схемы) на стендах, в витринах, ма-

кетах. Показаны праславянские и раннеславянские эталонные памятники Беларуси: Чаплин, Тайманово, Абидня (автор раскопок Л.Д. Поболь), макет и экспонаты комплекса Вежки колочинской культуры 3-й четверти первого тысячелетия н.э. Оршанского Поднепровья (автор Колосовский Ю.В.), а также погребальные урны и вещевой материал кривичей Витебского Подвинья этого же времени (автор раскопок Г.В. Штыхов).

Городская культура раннего средневековья демонстрируется посредством представления фото-материалов, выполненных по современным методикам музейных комплексов «Берестье», «Туров» (раскопки П.Ф. Лысенко), раскопок древнейших городов Друцка, Витебска и других. Впервые демонстрируются вещевые комплексы городища на Менке (раскопки Г.В. Штыхова) и Менского замчища, доказывающие последовательную смену этих двух памятников друг другом в качестве центра Менской волости-княжества (X–XIII вв.), а также уникальные материалы раскопок храма на Менском замчище, выявленные В.Р. Тарасенко в 1945 г. Представлен макет древнего «Замэчка» (по раскопкам Ю.А. Заяца городища в Заславле) – крепости, построенной Владимиром Святославичем для его жены Рогнеды и сына Изяслава, сосланных в конце X века в свою «отчину» – Полоцкую землю. Витрины и стенды отражают вооружение и снаряжение воинов, а также наборы женских украшений в курганных могильниках XI–XIII вв. Даны графические

реконструкции ритуала захоронения горожан в раннем средневековье и въездных ворот Менска XII в. (автор Ю.А. Заяц).

Отдельная экспозиционная площадь отведена для демонстрации нового научного направления, получившего впервые на территории Восточной Европы всестороннюю разработку в Беларуси: материальной культуры городов, замков, феодальных дворов, неукрепленных усадеб и сельских поселений, а также погребальных комплексов XIV–XVIII вв. Здесь представлены наиболее яркие памятники и вещевые комплексы белорусов, показывающие уровень их культуры, а также характер зарубежных связей этого времени в разных областях военного дела, архитектуры, хозяйственной и культурной жизни. Экспонируется макет известных по письменным источникам и открытых в 2002 г. археологически (автор открытия О.Н. Левко) города Шклова и Шкловского замка XVI–XVIII вв. На основе синтеза источников в экспозиции представлен макет фрагмента интерьера гостиной XVII в.

4. По разделу «Анализ данных по развитию археологической науки в НАН Беларуси» выпущен буклет «Археалагічная навукова-музейная экспазіцыя», в котором в общем виде представлена информация о структуре научных подразделений на протяжении 1927–2007 годов, количественном составе докторов и кандидатов наук, подготовленных аспирантов на разных этапах развития археологической науки в НАН Беларуси.

А.И. Мартынов

Кемеровский государственный университет

Археология в современном образовательном процессе

В развитии археологии каждое новое столетие было отмечено какими-то принципиальными особенностями. XVIII век, на мой взгляд, можно охарактеризовать как время возникновения научного интереса к археологическим древностям в рамках энциклопедизма; XIX век – возникновением археологии как науки; XX век мы по праву можем назвать столетием раскопок, накопления артефактов. В результате российская и мировая археология вышла на уровень системных исторических знаний, в то же время, накопив колоссальную сумму знаний по историко-археологическим эпохам, современная археология весьма скромно предлагает свои знания обществу. Это особенно заметно сейчас, в период

развития демократических принципов и рыночных отношений российского общества. Очевидно, нам, археологам, надо понять, что перед археологией как гуманитарной и исторической наукой стоит двуединая задача: исследовать археологическое наследие, реконструировать историческое прошлое и нести результаты своих открытий народу, обществу. Если рассматривать нашу деятельность с этих позиций, то надо отметить колоссальные успехи науки, с которыми мы входим в XXI век. Но не об этом сейчас хочется писать. Речь о другом: как археология и ее достижения воспринимаются обществом, и какое место занимает современная археология в системе общего и профессионального исторического образования.

Если давать общую оценку, то, думаю, многие со мной согласятся, что современная отечественная археология с ее колоссальным багажом знаний недостаточно влияет на общество и плохо демонстрирует свои знания и достижения. А общество имеет весьма туманные и во многом фантастические представления об археологии как науке и археологических периодах истории человечества. В условиях демократического, рыночного развития России сейчас этот вакуум заполняется бредовыми публикациями в массовых журналах и еженедельниках с мимолетными тиражами типа публикаций «сенсационных открытий» доктора-офтальмолога Мулдашева в «Аргументах и фактах» и других изданиях. Здесь я предусматриваю как объективные, так и субъективные причины того, почему невежество имеет средства на новые путешествия, почему серьезные издания печатают этот бред, стирая тем самым грань между научно-фантастической литературой и откровенным невежеством, засоряющим мозги массовому читателю? Думаю, что в основе такого явления лежит одна глобальная причина – система нашего исторического образования. Очевидно, школьному массовому и вузовскому профессиональному историческому образованию нужна не только структурная реформа, но что еще важнее – реформа содержания исторического образования. Основной недостаток я вижу в том, что все наше историческое образование построено по принципу изучения социально-политической истории: эволюционизм в историческом процессе, классы и классовая борьба, войны, революции, событийность и событийная хронология являются основным содержанием исторических знаний. К тому же преобладают знания новой и новейшей истории, имеющие политический оттенок. Но в этой истории практически нет места археологии, ее современным достижениям, нет места знаниям и представлениям об исторической ценности археологических памятников, которые окружают нас. В сознании людей археология воспринимается как какая-то экзотическая наука, не связанная с нашей историей. В лучшем случае она воспринимается как объект краеведения. В худшем – как изучение чего-то далекого или вообще не нужного.

Вторая причина субъективная. Мы, археологи, часто довольны тем, что изучаем, реализацией своего интереса в науке и не считаем своим долгом пропаганду научных знаний. Наверное, поэтому в стране мало популярных книг по археологии, передач по телевидению и радио. Познавательные телевизионные передачи, если они и есть, то зарубежные. Проведенный весьма поверхностный анализ существующих учебников по истории для средней шко-

лы показал, что в них никак не даются даже самые необходимые знания по археологии. По-прежнему описывается матриархат и патриархат, вы не узнаете, что и когда человечество изобрело, и какое значение эти изобретения имели для всего последующего развития. История Древнего Востока, Греции и Рима излагается так, как будто и не было никаких археологических открытий, без которых не было бы и наших знаний по Древнему Востоку, древнейшей Греции и Риму. Не лучше обстоит дело и с изложением отечественной древней и средневековой истории. Напрашивается один, к сожалению, весьма печальный вывод – современное массовое школьное историческое образование построено так, что выпускник не получает основных, фундаментальных знаний и представлений по археологии.

Теперь о месте археологии в современном среднем и высшем профессиональном образовании. На первый взгляд, картина удовлетворительная. Надо отметить, что в профессиональном историческом образовании ситуация с преподаванием археологии за последние два десятилетия изменилась значительно. Вузовская археология развивалась быстро, при почти полном отсутствии в 70-е годы прошлого века кафедр археологии в нашей стране мы сейчас имеем десятки кафедр в вузах, где есть исторические факультеты, лаборатории, учебные музеи. Вузовская наука хорошо укомплектована кадрами. Неоспоримая сила вузовской науки в ее постоянном органическом соединении науки и процесса обучения.

Проблема, думается, в том, что накопленные археологические фундаментальные знания по антропогенезу, культуругенезу, истории цивилизационного развития не воспринимаются в должной мере современной системой обучения при подготовке специалистов высшего профессионального образования как по исторической, так и по другим гуманитарным и негуманитарным специальностям. В этой связи особенно хочется остановиться на культурологии.

Появление новой учебной дисциплины, естественно, надо бы только приветствовать. Она, несомненно, нужна.

Сейчас на прилавках книжных магазинов появились десятки учебников и учебных пособий по культурологии, написанных философами. Среди авторов нет ни одного археолога или этнографа. Еще более удивляет содержательная часть этих учебных пособий.

В культурологии произошел отход от основного, изначального понятия, которое должно лежать в основе этой науки, т.е. изложение самой культуры, процесса культуругенеза, изучение закономерностей этого исторического в своей основе процесса. Вряд ли всю сложность развития материальной и духов-

ной культуры можно объяснять методами какой-то одной науки, как это произошло с культурологией, которая оказалась фактически в плену философии. Культурология – это не философия культуры и не должна подменяться или быть иллюстрацией философских взглядов на процесс развития культуры во всем её разнообразии. Основой культурологии должно быть изучение культурогенеза.

Современная культурология, если она (вернее, её представители), действительно хочет занять своё достойное место в системе наук, может быть только интеграционной, синтетической областью знаний, возникшей на стыке многих наук, прежде всего археологии, дающей наиболее фундаментальные представления о культурогенезе, законах и истории развития материальной и духовной культуры. Археологическая составляющая культуры должна занять своё место в культурологии.

Теперь обратимся к профессиональному высшему историческому образованию. Здесь существуют, на мой взгляд, весьма важные проблемы. Среди них я выделяю две: отсутствие связей в преподавании археологии и истории древнего мира и роль археологии как фундаментальной дисциплины. В процессе обучения у студентов не складывается представления о том, что Древний Египет, Шумер и Аккад, Вавилон, дравидская Индия и Китай Шан-Инь и Чжоу – это энеолит и эпоха бронзы, что все это было открыто археологами. Также не складывается четкого представления о крито-микенском периоде Древней Греции, событиях Троянской войны, наконец, об этрусках раннеримской истории и хеттах как об исторических событиях эпохи поздней бронзы. Знания по истории древнего мира и археологии формируются параллельно, не пересекаясь. Речь в данном случае не идет о каком-то подчинении одного курса другим, об их слиянии. Речь должна

идти о роли археологии в реконструкциях истории Древнего мира, учитывая, что целые периоды этой истории, в том числе и письменные источники, например клинописные тексты, были получены только в результате археологических исследований поколений археологов.

Надо отметить, что такое ущемление археологии в курсе истории Древнего мира началось с учебника В.И. Авдиева, где только вскользь упоминается об археологических исследованиях древнейших городов Переднего Востока, всего на одной странице излагается археология древнейшего Китая, как будто история Древнего Востока была известна сама собой, а не открыта археологами.

Что касается места археологии как общеобразовательного предмета профессиональной подготовки, то, прежде всего, надо отметить недостаток учебной литературы.

В связи с проводимой реформой высшего образования необходимо подготовить несколько облегченный учебник по программе бакалавриата. Существующие учебники больше соответствуют подготовке специалистов уровня магистратуры.

Есть еще одна проблема. Я имею в виду такую дисциплину, как история первобытного общества. В советское время она была нужной, укладывалась в систему марксистско-ленинского философского объяснения формационного развития истории. Поэтому первобытная история была как бы слеплена из трех частей: археологические данные и примеры (археология), этнографические сведения (этнография) и философские рассуждения и обобщения об обществе. Думаю, что в современном профессиональном образовательном процессе отпала необходимость в этой дисциплине, т.к. основные научные знания и представления по так называемой первобытной истории дадут археология, этнография и этнология.

М.Е. Родина

Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник

Использование археологического материала в экспозиционной деятельности Владимиро-Суздальского музея-заповедника

Спецификой современного музея (не имеющего всемирно известного имени и богатейших коллекций, как Лувр или Эрмитаж) должно быть разумное соединение научной информации с развлекательными элементами. Экспозиция призвана не только донести до посетителя новые знания, но

и произвести на него неизгладимое впечатление, пробудить желание прийти в музей снова. Особую трудность при строительстве музеев вызывают разделы по древнейшей истории, представляемые лишь на основе археологических материалов. Общепринятыми способами презентации археоло-

гических экспонатов являются коллекционный и систематический: когда артефакты в витринах располагаются в соответствии с принадлежностью к той или иной археологической культуре, памятнику или типологическими рядами. Такая система подачи древностей понятна и интересна узкому кругу специалистов (подходит для учебных музеев) и не всегда доступна широкому кругу музейных посетителей.

Чем древнее экспонаты, тем они менее понятны современному обывателю. Простым посетителям интересны лишь красивые и целые раритеты, а бесконечные типологические ряды однообразных предметов обычно вызывают скуку. Древние же вещи редко сохраняются целиком и в былом великолепии. По мелким обломкам судить о форме, размерах и назначении артефакта может только специалист. Традиционная система демонстрации археологического материала не всегда способствует пробуждению интереса к древнейшей истории. Пробудить этот интерес можно, создав такой музей, который не просто отражает мир вещей, а хотя бы частично воссоздает образ жизни далеких предков.

Ощутить себя «участником исторического процесса» можно в экспозиции «Путешествие в каменный век» Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Посетители «переносятся» в эпоху верхнего палеолита (в это время на территории Владимирского края появились первые люди). При создании этой необычной экспозиции использованы научная информация и находки, полученные в результате раскопок знаменитой стоянки Сунгирь. Здесь нет привычных стеклянных витрин, экспонаты приближены к посетителю, здесь, дополняя друг друга, соседствуют подлинники и новodelы. «Путешествие в каменный век» сочетает элементы традиционного музея с приемами театрализации и игры. Посетители узнают много интересного о жизни людей в каменном веке, о климате, растительном и животном мире, о жилищах, одежде и занятиях первобытных людей. В уголке палеолитической природы в холодной лесостепи можно «повстречать» мамонта с настоящим бивнем, северного оленя, песка, зайца-беляка, тетерева. В экспозиции представлены череп шерстистого носорога, копыта дикой лошади, зубы мамонта и мамонтенка. Крупные настоящие кости мамонта, шкуры северных оленей и муляжи шкур использованы при сооружении имитации палеолитического «жилища». Это не реконструкция, а образ. В нашем «жилище» много условностей, на которые мы пошли сознательно для удобства маленьких посетителей. Вдоль стен расположены толстые бревна, на которых дети сидят. Площадь «жилища» (3 × 4) м рассчитана на размещение одного

класса (30 человек). В центре находится мерцающий «очаг». Посетители могут попробовать добыть огонь или изготовить каменное орудие, совершить ритуал подготовки к охоте. Наглядно представить, какую одежду носили обитатели стоянки Сунгирь, позволяет ее пластическая реконструкция из кусочков меха и замши. Дети и взрослые не только играют в древних людей, но и знакомятся с артефактами, найденными археологами на стоянке Сунгирь. Можно видеть каменные ножи, скребки, проколки, а также ожерелье из клыков песка и бусы из бивня мамонта. Эффект «погружения» в атмосферу жизни первобытных людей делает путешествие в каменный век ярким и незабываемым. Планируется дополнить эту экспозицию макетом небольшого археологического раскопа. Чтобы юные посетители через игру могли знакомиться с работой археологов. В «раскопе» им будут наглядно объяснять, что такое культурный слой, раскоп, артефакты, стратиграфия. Здесь же школьники смогут почувствовать себя археологами и попытаться раскопать свои первые находки.

Археологические материалы составляют основу первых залов Владимирского исторического музея. Нарядный, светлый, сверкающий музей совсем не похож на привычную унылую краеведческую экспозицию. Здесь также использованы элементы театрализации, сочетание традиционного способа показа музейных экспонатов с необычными инсталляциями из подлинных древностей, стекла и зеркал.

В археологическом зале таинственный полумрак. Скучная прямоугольная геометрия пространства нарушена ажурной арочной конструкцией, отделяющей друг от друга отдельные темы показа и символизирующей дискретность исторических познаний – наши представления о жизни далеких предков фрагментарны и гипотетичны. Ажурная конструкция служит также декорацией для отдельных картинок жизни в древности. Вот «ледник» из стекла и камней, у самой кромки которого наши предки около 30 тыс. лет назад основали первые поселения. Стекланные глыбы для ледника специально изготовлены на заводе в г. Гусь-Хрустальный. Оживлению и наглядности рассказа о жизни в палеолите способствует сочетание научных реконструкций и подлинных древностей. Вот находки археологов со стоянки Сунгирь: маленькая фигурка дикой лошади с точечным орнаментом, тысячи бусинок и браслеты из бивня мамонта, кремневые орудия труда. Мировую славу Сунгирю принесли уникальные захоронения мужчины и двух детей. По богатству погребального инвентаря и сложности ритуала они не имеют себе равных. В музее можно увидеть слепок с погреб-

ния детей, сопровождавшие их в «загробный мир» дротики из бивня мамонта, произведения первобытного искусства, церемониальные диски, связанные с культом солнца. Здесь же представлены сделанные антропологами скульптурные реконструкции внешнего облика обитателей стоянки Сунгирь, а также реконструкция одежды сунгирского мужчины, расшитая тысячами бусинок. Скульптурное изображение головы мамонта, загнанного первобытными охотниками в болото, завершает рассказ о жизни в палеолите.

Следующие разделы рассказывают о жизни людей в послеледниковый период. Тут можно увидеть мезолитические наконечники стрел, каменные топоры – одно из важнейших технических изобретений эпохи неолита, а также большие глиняные горшки с ямочно-гребенчатым орнаментом. Ладьевидные топоры фатьяновской культуры вызывают восхищение изяществом формы и качеством шлифовки камня. Эти бронзовые наконечники копий, топоры-кельты и нефритовые кольца сейминско-турбинской культуры принадлежат выходцам из Сибири, совершившим в середине 2 тыс. до н.э. стремительную миграцию в Восточную Европу!

Истории периода расцвета Владимиро-Суздальской Руси посвящен нарядный бело-золотой зал: Русь белокаменная! Русь златоглавая! Своим величием материальной культуры Владимиро-Суздальская земля обязана труду талантливых ремесленников: гончаров, кузнецов, ювелиров, ткачей и пр. Рассказ о ремесле иллюстрируется сочетанием новоделов и древностей. Муляжи орудий труда, оружия, ткацкого станка, гончарного круга, кузнечного горна соседствуют с подлинными инструментами и изделиями древнерусских ремесленников в воссозданных «уголках» ремесленных мастерских. Артефакты экспонируются не скучными типологическими рядами, а в ситуации, частично воспроизводящей реалии прошлого.

Интерьер зала отличается оригинальностью. В 4-х углах смонтированы композиции из темных зеркал и декоративных элементов, создающие условные образы языческого капища, иордани для крещения, лестничной башни из Боголюбова, пустующего княжеского трона. Эти композиции дают возможность нагляднее осветить такие сложные темы, как язычество, принятие христианства, самовластная политика Андрея Боголюбского, княжеские усобицы. Зеркала позволяют раздвинуть

рамки пространства, ограниченного стенами зала. Углы «тают», исчезают. Отражение зеркал, расположенных под прямым углом, создает эффект умножения изображения. Рассмотрим его на примере языческого капища. Площадка капища с ровиком, остатками кострищ имеет форму четверти круга, но, отраженную в системе зеркал, мы видим круглую площадку. Идол кажется объемным, рельефным. В многократно отраженном, далеком и темном зазеркалье можно увидеть и свое отражение. Зеркало, как машина времени, помогает перенестись в далекое прошлое.

Ощущение неотвратимой опасности не покидает нас в бело-красном зале с тревожно мерцающим освещением. Здесь рассказывается о таких трагических темах, как «Княжеские усобицы», «Татаро-монгольское нашествие», «Опричнина». Вверху на стене условно изображен пылающий город Владимир, осажденный ордами Батыя в феврале 1238 г. В дизайне зала использован принцип противопоставления. Слева показан фрагмент боевой кибитки татаро-монголов, служившей кочевникам домом и повозкой, образцы оружия и предметы быта восточного происхождения. Справа (в противовес восточной силе) находятся макет русской сторожевой башни, оружие и снаряжение древнерусских воинов. В центре – изображение объятых пламенем Золотых ворот и уникальный клад культовых вещей с усадьбы священнослужителя, сгоревшей при осаде Владимира татаро-монголами.

Экспозиция «История Суздаля» более традиционна – нет театрализации, инсталляций и зеркал. Однако и здесь презентация археологических находок из раскопок в Суздале дополняется настенными росписями, выполненными членом Союза художников РФ, лауреатом премии Ленинского комсомола художником из Мстёры В.С. Муратовым. Деликатные графические рисунки, плавно «текущие» над витринами по стене, как река, иллюстрируют рассказ о древнейшей истории Суздаля. Вот славянские переселенцы, осваивающие мерянские Залесские земли; первоначальное суздальское поселение, огражденное тремя рвами. Вы можете видеть языческое капище и обряд крещения в реке, реконструкцию богатой усадьбы и шумный торг в Суздале XII в. Посетители музея с интересом рассматривают не только археологические экспонаты, но и эти росписи, позволяющие более зримо и ярко показать жизнь наших далеких предков.

Т.Ю. Туркина

Национальный музей Республики Коми

Коллекция предметов «звериного стиля» в собрании Национального музея Республики Коми: история формирования

Наиболее яркий материал из археологической коллекции НМРК представляют собой предметы с изображениями людей, зверей и птиц. Цель данной работы – публикация предметов «звериного стиля» из собрания НМРК как единой коллекции.

На сегодняшний день в собрании НМРК выявлено 66 предметов с изображением людей, зверей и птиц. Изготовлены они из различных материалов (дерево, кость, металл, камень, глина), различными техническими приёмами и хронологически относятся к довольно большому промежутку времени: от VII тыс. до н.э. и до первой половины II тыс. н.э. Данные предметы как получены в ходе специальных археологических исследований, так и обнаружены случайно.

Случайные находки.

Самыми ранними изображениями «звериного стиля» среди случайных находок является коллекция бронзовых предметов, которая известна в литературе как «Уньинский клад», он был передан в 1961 г. в Республиканский краеведческий музей (ныне НМРК). Среди плакеток клада (рис. 1: 1–11), датированных первой половиной I тыс. (Буров, 1992. С. 57), присутствуют следующие мотивы: хищная птица в фас с полураспущенными крыльями и личиной на груди, лосиными головами на тулове, фигурки лосей.

В 1951 г. передано в музей бронзовое изображение крылатого человека (рис. 1: 12) с р. Чиньяворек, которое Г.М. Буров отнес к гляденовскому времени (Буров, 1965. С. 145)

Семь изделий датируются второй половиной I тыс. Четыре из них поступили в музей в 1920-е гг. с территории бассейнов рек Вымь и Ухта благодаря сборам у местного населения этнографа, археолога А.С. Сидорова: две полые пронизки в виде фигурок медведей (рис. 1: 13, 14); пронизка в виде фигурки кричащей птицы (рис. 1: 15) и бронзовая подвеска в виде фигуры парящей птицы с личиной на груди (рис. 1: 16). В 1928 г. в фонды музея из с. Жешарт было передано бронзовое изделие – пластина с прорезной антропоморфной фигурой в статичной позе (рис. 1: 17). В 1979 г. в музей поступила полая фигурка утки, местонахождение которой не известно (рис. 1: 18).

Девять предметов относятся к первой половине II тыс. н.э. Первый из них был доставлен А.С. Сидоровым из д. Онежье в 1921 г., он представляет собой бронзовый медальон с изображением всадника на лошади (рис. 1: 19) кон. XIII–XIV вв. (Савельева, 1985. С. 101–102). В 1926 г. этнографом и музееведом Т.Д. Яновичем была доставлена деревянная антропоморфная скульптура (размер 100×23 см) в статичной позе (рис. 1: 20), обнаруженная в пещере Ошмес на притоке р. Кедва и относящаяся к X–XI вв.

В 1954 г. в музей поступила круглая бронзовая бляшка XI–XIV вв. с прорезным изображением фигуры человека в «кольчуге» и с посохом (рис. 1: 21), найденная в верховьях р. Илыч. К этому же промежутку времени можно отнести бронзовый фигурный замок в виде фигурки животного (рис. 1: 22), доставленный в музей в 1956 г. из с. Вожгорт.

В 1969–1972 гг. сотрудником отдела истории РКМ (ныне НМРК) А.М. Рубцовым были доставлены пять бронзовых предметов первой половины II тыс. н.э. из Княжпоготского р-на РК: две коньковые шумящие подвески (рис. 1: 23, 24); шумящая подвеска с фигуркой утки (рис. 1: 25); две бляшки, найденные на поверхности Лоемского могильника: одна из них представляет собой прорезную бляшку с изображением идущей человеческой фигуры (рис. 1: 26), вторая с граффити – воин в снаряжении верхом на лошади (рис. 1: 27).

Большая часть предметов (38) из коллекции «звериного стиля» получена в ходе специальных археологических исследований. С 1960-х гг. в фонды музея поступают коллекции, переданные археологами КФ АН СССР (Коми НЦ УрО РАН): В.И. Канивцом, Э.А. Савельевой, Г.М. Буровым, И.О. Васкулом, В. Кармановым. Часть предметов интересующего нас вида получена в ходе работ археологических экспедиций РКМ (НМРК) под руководством Л.Л. Косинской и И.О. Васкула.

Самое раннее изображение животного в составе коллекции НМРК происходит из раскопок I Висского торфяника и относится к эпохе мезолита, оно представляет собой обломок деревянной лыжи с концом в виде скульптурного изображения головы лоса (рис. 2: 1). К III–II тыс. до н.э. относится профильное

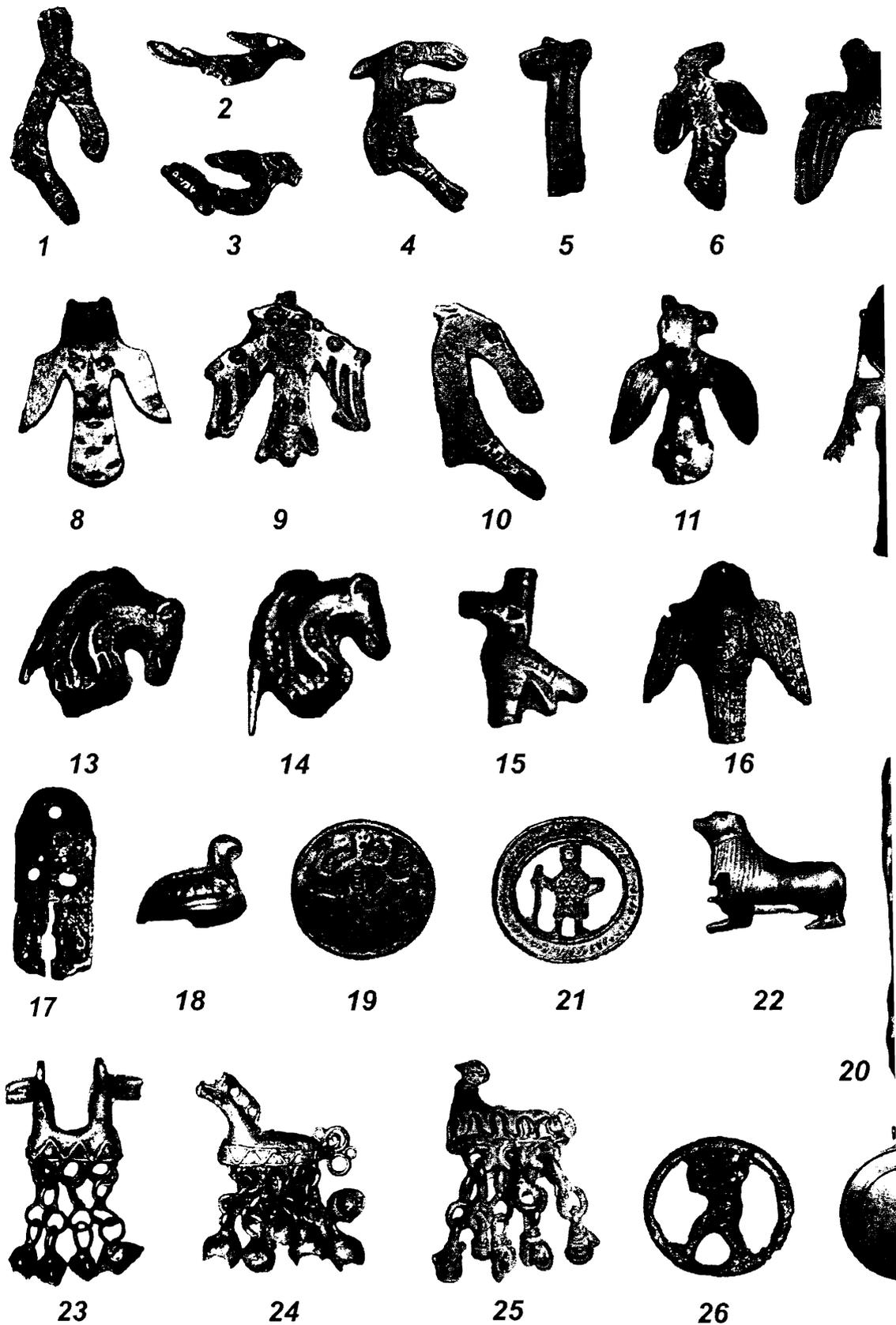

Рис. 1. Случайные находки. 1–11 – Уньинский клад; 12 – с/н р. Ченьяворек; 13–14 – ст. Ванвиздино; 15–19 – с/н д 16 – с/н Ухтинский Волок; 17 – с/н д. Жешарт; 18 – м/н не известно; 20 – пещера Ошмес; 21 – с/н р. Илыч; 22 д. Важгорт; 23–24 – с/н д. Турья; 25 – с/н д. Кони; 26–27 – Лоеский мог-к

Рис. 2. Изделия, полученные в ходе специальных археологических исследований. 1, 20 – из публикации Г.М. Бурова; 6, 7 – из публикации И.О. Васкула; 14–15, 24, 26, 31, 35 – из публикации В.И. Канивца; 16–18, 30, 32–33, 38 – из публикации А.Л. Багина. 1 – I Висский торфяник; 2, 22 – пос. Вис II; 3–8 – Шиховской мог-к; 9–12 – пос. Пожегдин II; 13–16, 27–35, 37–38 – Канинская пещера; 19 – I Веслянский мог-к; 20 – II Висский торфяник; 21 – Ёвдинский мог-к; 17–18, 23–26 – Уньинская пещера; 36 – мог-к Кокпомъг

кремневое изображение фигуры животного (рис. 2: 2), найденное при раскопках пос. Вис II. Рубежом II и I тыс. до н.э. датируются фрагменты глиняного сосуда, орнаментированные фигурками уток с пос. Смолокурный VI.

К раннему железному веку относятся 14 изделий. Шесть из них происходят из раскопок Шиховского могильника, они представлены изделиями различного назначения (рукоять кинжала, пряжки, бронзовое зеркало, костяная фигурка) с зооморфными и антропоморфными образами (рис. 2: 3–8). Автором раскопок изделия датируются V–III вв. до н.э. (Васкул, 2002. С. 11–12).

Четыре образа «звериного стиля» (рис. 2: 9–12), выполненные из бронзы в технике одностороннего плоского литья, происходят из раскопок пос. Пожегдин II, все они И.О. Васкулом по аналогиям на Гляденовском кострище и на памятниках Кулайской культуры датированы II–IV вв. (Васкул, 1992. С. 10).

Из Канинской пещеры четыре изображения автором раскопок были отнесены к раннему железному веку (Канивец, 1964. С. 86): фигурка медведя с антропоморфными фигурами на тулове (рис. 2: 13), трапециевидная бронзовая подвеска с прочерченным изображением хищной птицы с личиной на груди (рис. 2: 14), долотовидная пластина, на обеих сторонах которой изображены головы лосей (рис. 2: 15); круглая пластина с отверстием в середине, на одной стороне которой прочерчены две фигурки «рыб» (рис. 2: 16). К этому же периоду относятся два зооморфных гравированных изображения на круглых полированных бляхах (рис. 2: 17–18) из Уньинской пещеры.

Четыре изделия датируются ванвиздинским временем: бронзовая пронизка в виде фигурки птицы из I Веслянского могильника (рис. 2: 19), деревянное скульптурное изображение человека (рис. 2: 20) из раскопок на II Висском торфянике, бронзовая плоская подвеска с изображением антропоморфной фигуры в окружении лосиных голов (рис. 2: 21) из Ёвдинского могильника, бронзовая прорезная фигурка человека, обнаруженная на пос. Вис II (рис. 2: 22).

Наибольшее число изделий относится к первой половине II тыс. Среди них четыре изображения из Уньинской пещеры: бронзовая бляшка с головой совы (рис. 2: 23), обломок бронзовой фигурки животного с вытянутой тупой мордочкой (рис. 2: 24), бронзовая пластинчатая подвеска с чеканным узором в виде личины в окружении мифических животных (рис. 2: 25) X–XI вв. (Канивец, 1992. С. 118), серебряная пластина с прочерченными изображениями головы лося и личины (рис. 2: 26).

Девять предметов из Канинской пещеры: антропоморфные личины, литые и прочерченные на подвеске (рис. 2: 27–30), подвеска с прочерченной фигурой животного (рис. 2: 31); три изделия выполнены из серебра – две пластины с изображением голов животных (рис. 2: 32,33), бляшка с рельефным изображением птицы (рис. 2: 34); круглая подвеска, состоящая из бронзовой основы и тонкой серебряной накладки, на которой имеются еле читаемые оттиски в виде антропоморфной личины в окружении зооморфных существ (рис. 2: 35). Костяная фигурка утки из могильника Кокпомьяг (рис. 2: 36).

Вопрос о датировке двух изображений из Канинского пещерного святилища остается открытым: одно из них представляет собой бронзовую стилизованную антропоморфную фигуру (рис. 2: 37), второе прочерчено на бронзовой пластине и представляет собой схематичную фигуру крадущегося животного (рис. 2: 38).

Описанная коллекция востребована как с научно-исследовательской точки зрения, так и в экспозиционно-выставочной деятельности: 44 предмета вошли в состав постоянных экспозиций отделов НМРК, в рамках работы которых они отображают религиозные воззрения и специфику этнокультурных процессов, имевших место на территории ЕСВ в древности и средневековье.

Буров Г.М., 1965. Вычегодский край (очерки древней истории). М.

Буров Г.М., 1992. Бронзовые культовые плакетки I тыс. н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский (местный) «звериный» стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Васкул И.О., 1992. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке (препринт). Сыктывкар.

Васкул И.О., 2002. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар.

Канивец В.И., 1964. Канинская пещера. М.

Канивец В.И., 1992. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // МАЕСВ. Сыктывкар. Вып. №1.

Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника //КСИА. № 158.

Савельева Э.А., 1985. Медальоны с восточными мотивами на Европейском Северо-Востоке // Материалы этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.

Савельева Э.А., 1995. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // МАЕСВ, № 13. Сыктывкар.

СЕКЦИЯ 18

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

А.Л. Александровский

Институт географии РАН, Москва

Н.А. Кренке, В.С. Нефёдов

Институт археологии РАН

Результаты изучения почв и пашни под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi

Сложная история развития Ладожского озера и окружающих его ландшафтов в голоцене, несомненно, имела большое значение для расселения и развития экономики древнего человека (Кирпичников, 1997). Цель проведенных нами почвенно-археологических исследований – реконструкция изменений природной среды в районе средневекового города Ладogi в периоды, предшествующие и синхронные его появлению.

Изучение почв и отложений под культурным слоем Земляного городища, примыкающего к Староладожской крепости, проводилось в 2005 г. во время археологических раскопок в южной части городища (руководитель – д.и.н. А.Н. Кирпичников). Исследованы отложения и почвы раскопа 3, который примыкает с севера к южной куртине Земляного городища. Как и Староладожская крепость, оно расположено на низкой террасе левого берега р. Волхов. Отметки поверхности городища в районе раскопа – 8,5 м над урезом реки; мощность культурного слоя в раскопе – около 3,5–4,5 м, а уровень исходной поверхности террасы – около 4–5 м над урезом. Начало отложения культурного слоя на раскопе 3 предварительно датировано 3-й четвертью IX в.

В разрезах 1 и 2, углубленных в дно раскопа 3, в основании вскрытой толщи выявлены слоистые песчано-суглинистые отложения с валунами и галькой (аллювий). Между ними и культурным слоем лежит сложная толща, содержащая две погребенные почвы, разделенные озерными глинами Ладожской трансгрессии.

В разрезе 1 нижняя часть культурного слоя представлена темно-серым, почти черным (во влажном

состоянии), торфообразным органическим веществом с остатками древесины (щепа, бревна) и навоза, слоистым, с включениями угольков, очажных камней, рыбьей чешуи, костей рыб и животных, керамики. Ниже лежит первая (верхняя) погребенная почва, пахотная. Переход к почве резкий.

Пахотный горизонт (A1p) этой почвы имеет мощность до 15 см, представлен темно-серым к черному суглинком. Включает мелкие угольки ели, березы и других пород деревьев, а также колотые камни и щепки, занесенные сюда во время распашки. Имеются синеватые пятна вивианита. Почва сформирована на озерных глинах, верхний слой которых содержит много гумуса. Поэтому и сама почва сильно гумусирована. Это позволяет предполагать, что в период своего функционирования она отличалась высоким плодородием. Переход от пахотного горизонта к нижележащему резкий, граница ровная.

Подпахотный горизонт (ABg) той же почвы мощностью 15–17 см, темно-серый, при высыхании с синим оттенком (вивианит), тяжелый суглинок к глине, оглеен, оструктурен, плотный. В нижней части признаки слоистости. Горизонт сформирован в толще озерных гумусированных отложений. Переход резкий.

Ниже залегает слой 10 см сизовато-белесого тяжелого озерного суглинка или глины, связанный с максимумом Ладожской трансгрессии. Он рассечен сетью узких и широких клиньев-трещин с темно-серым заполнением. Плотный, пятна вивианита. Переход резкий.

Под глиной залегает вторая (нижняя) погребенная почва: слаборазвитая, маломощная (до 30 см),

сформированная на супесчаных отложениях. Ее гумусовый горизонт А1 толщиной 3–4 см – серый опесчаненный легкий суглинок. Переход постепенный. Под гумусовым горизонтом местами читается палево-светло-бурый подзолистый (Е), а ниже – иллювиальный (Вt), красновато-бурый. Переходы между горизонтами постепенные. Нижняя почва – слабообразованная дерново-подзолистая лесного генезиса. Формировалась она недолго, в конце среднего голоцена. Верхняя почва – лесо-луговая. Она формировалась после окончания Ладожской трансгрессии на поверхности террасы, образовавшейся в результате резкого падения уровня озера вслед прорывам ладожских вод в районе Ивановских порогов и образования реки Невы. До этого сток из Ладожского озера проходил через Карельский перешеек.

По гумусу из нижней части профиля верхней почвы получена радиоуглеродная дата 2650±60 л.н. (Ki-13033) (Cal 895–787 гг. до н.э.), по гумусу из верхнего горизонта нижней почвы – 3850±60 л.н. (Ki-13034) (Cal 2456–2208 гг. до н.э.; Табл. 1). Видимо, эти даты ограничивают максимум Ладожской трансгрессии. Широкие трещины под верхней почвой образовались в период похолодания (иссушения) климата, когда почва на озерных отложениях уже сформировалась, но задолго до распашки (верхняя часть трещин существенно переработана по-

чвообразованием), вероятно, в интервале 2000–2500 л.н. Тонкие трещины относятся к лесной стадии формирования данной почвы.

Нижняя почва Земляного городища оказалась моложе по сравнению с подзолом, погребённым под песчаным валом Ладожской трансгрессии в северо-восточной части озера, в районе р. Уукса: по углям с поверхности погребённого подзола получена дата 5350±130 л.н. (Александровский, Александровская, 2005). Это свидетельствует о разном возрасте максимума Ладожской трансгрессии в северной и южной частях озера.

Определены некоторые химические свойства почв и отложений разреза.

Верхняя почва характеризуется высоким содержанием гумуса (17,3 %). Отчасти это обусловлено повышенной гумусированностью почвообразующих пород – темных озерных глин (Табл. 2, горизонт 25–35 см). Высокое содержание фосфора, обнаруженное в профиле этой почвы, также связано с образованием ее на озерных отложениях. В подтверждение укажем на то, что в гумусовом горизонте А1р почвы содержание P₂O₅ не только не увеличивается, но даже несколько снижается. Выявленное по результатам анализов высокое содержание гумуса и фосфора подтверждает предположение о высоком плодородии данной почвы.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования погребенных почв

Проба, глубина от поверхности верхней погребенной почвы, см	Индекс	Дата, лет назад	Калиброванный (календарный) возраст, 1 sigma, лет до н.э.
Почва 1. АВg, 25–30	Ki-13033	2650±60	895–868, 857–853, 851–787
Почва 2. А1, 45–48	Ki-13034	3850±60	2456–2418, 2407–2375, 2367–2364, 2351–2274, 2256–2208

Таблица 2. Химические свойства почв и отложений

Горизонт; глубина, см	C _{органич.} , %	Гумус, %	Фосфор, %	pH _{водный}	CaCO ₃ , %
Верхняя погребенная почва – лесо-луговая					
А1р 0–15*	10.1	17.3	1.07	6.75	0.07
АВg 15–25	4.23	7.28	1.11	6.95	0.04
АВg 25–35	3.08	5.30	0.95	–	–
II B(g) 35–45	1.30	2.24	0.56	–	–
Нижняя погребенная почва – лесная подзолистая					
А1 45–48	0.66	1.14	0.27	–	–
ЕL 48–52	0.32	0.55	0.32	–	–
Вlt 52–65	–	–	0.36	–	–
Вt/Вg 71–95	–	–	0.69	–	–

* Глубина дана от поверхности верхней погребенной почвы (почвы 1), т.е. от основания культурного слоя. Прочерк означает: не определялось.

В профиле нижней (подзолистой) почвы гумуса и фосфора мало, что соответствует ее генезису. Отметим, однако, несколько повышенное содержание фосфора в ее нижнем горизонте, предположительно связанное с озерным (озерно-ледниковым) происхождением подстилающих отложений. Реакция среды (рН) в верхней части профиля верхней почвы близка к нейтральной. Карбонаты, несмотря на расположенный выше культурный слой, включающий карбонатный материал, обнаружены в незначительном количестве.

По данным палинологии (определения Е.В. Мясоевой), в образцах из гумусового горизонта нижней почвы и из озерных отложений много пыльцы ели, сосны, березы, имеется пыльца широколиственных пород и ольхи. Реконструируются елово-сосновые леса с примесью широколиственных. В пойме произрастала ольха. В нижней почве найдена пыльца рудеральных растений, в белесых озерных глинах – пыльца водных растений. В пахотном горизонте преобладают зерна сосны, ели и спор. Пыльцевой спектр нарушен (видимо распашкой), пыльца трав представлена единичными зёрнами растений, характерных для нарушенных условий местообитания (маревые, сложноцветные, полыни).

Историю формирования изученных отложений и почв можно представить следующим образом.

В позднеледниковье или раннем голоцене формируются слоистые песчано-суглинистые отложения аллювиального генезиса (глубина от основания культурного слоя 45–95 см). Затем, в среднем голоцене, на этой поверхности поселяется лесная растительность, и верхняя часть аллювия перерабатывается почвообразовательными процессами, формируется нижняя погребенная почва. Наиболее глубоко распространяются процессы оструктурирования и миграции вниз по порам-трещинам тонких глинистых частиц. Малая мощность почвенного профиля может свидетельствовать о малой длительности периода почвообразования. На мысу Староладожской крепости этой почве соответствует культурный слой неолитической стоянки, выявленный при раскопках Н.К. Стеценко в 1979–1982 гг.

В среднем голоцене на поверхности нижней почвы откладываются глинистые отложения Ладожской трансгрессии. Их нижняя часть светлая (глубоководные условия), вышележащая (15–35 см) – гумусированная (прибрежные условия). На поверхности озерных отложений в позднем голоцене формируется верхняя погребенная почва. Не вполне ясен генезис широких трещин, образующих, как и тонкие, по-

лигональную сеть. Они могут быть как трещинами усыхания, так и мерзлотными, относятся к периоду сразу после окончания Ладожской трансгрессии, около 2500 лет назад.

Предположительно в развитии данной почвы можно выделить стадию лесного почвообразования (с ней связано формирование вертикальных трещин, заполненных материалом, вымытым из вышележащих горизонтов почвы), а также стадию лугового почвообразования, представленную темным гумусовым горизонтом. Наиболее вероятным фактором смены леса на луг является антропогенный. Таким образом, как и во многих других районах древнего заселения на территории лесной зоны, наблюдается последовательная смена стадий освоения ландшафта (Alexandrovskaya et al, 2001). Сведение лесов сопровождается появлением вторичной луговой растительности. Луга, вероятно, использовались как пастбища и сенокосы.

Следующая стадия сельскохозяйственного освоения характеризуется пахотным горизонтом. Глубина распашки невелика, 13–15 см, хотя и немного мощнее таковой в конце I – начале II тыс. н.э. на подзолистых почвах лесной зоны (Александровский, Александровская, 2005). Земледельцы могли пахать здесь глубже обычного, так как на низкой террасе Волхова отсутствовал залегающий близко к поверхности неплодородный подзолистый горизонт. Наличие неглубоко залегающих богатых фосфором озерных отложений обеспечивало очень высокое плодородие почв рассматриваемого участка террасы. Возможно, это привлекало сюда земледельцев еще до возникновения Ладоги в середине VIII в. Распашка, оставившая обнаруженный нами пахотный горизонт, могла продолжаться длительное время и завершилась с распространением на исследованный участок застройки Ладожского поселения (не ранее середины IX в.), после чего там стал быстро накапливаться культурный слой.

Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.

Кирпичников А.Н., 1997. Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья (А.Н. Кирпичников, Е.Н. Носов, ред.). СПб.

Alexandrovskaya E.I., Alexandrovskiy, A.L., Gaidukov, P.G., Krenke, N.A., 2001. Woodland, Meadow, Field and Town Layout: Evidence from Analyses of the Earliest Cultural Deposits and Buried Soils in Novgorod – The British Museum. Occasional Paper. No 141.

А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова

Институт археологии РАН

Л.В. Мельников

Казанский государственный университет

А.Г. Петренко

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, Казань*

Е.А. Спиридонова

Институт археологии РАН

А.А. Хисьяметдинова

ФГУ «Средволгаводхоз», Казань

А.А. Чижевский

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, Казань*

Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки)*

Гулюковская III стоянка расположена в 2,7 км к юго-западу от с. Гулюково Мензелинского района Республики Татарстан у подножия левого коренного борта долины р. Ик, сложенного верхнеплиоценовыми песчаниками, алевролитами, аргиллитами. Речной склон, крутизной 40–50° и относительной высотой 60–70 м, расчленён четырьмя короткими, но глубокими, с покровом лессовидных суглинков оврагами, конусы выноса из которых образуют пролювиальный шлейф подножия. Раскопки стоянки произведены на крайнем юго-восточном конусе, разрез которого расчленяется на три толщи, разделённые двумя горизонтами палеопочв (рис. 1), нижняя из них вмещает культурный слой. Культурные напластования памятника погребены под слоем отложений мощностью 120–220 см.

За четыре года работ на памятнике вскрыто 542 кв. м и выявлено пять жилищ: два полуземляночного типа относятся к срубной, три наземного типа – к маклашеевской культуре. Кроме того, на Гулюковской III стоянке выявлена керамика, относящаяся к черкаскульской культуре.

В 2007 г. в северо-западной стенке раскопа IV была произведена выборка почвы для комплексного анализа (разрезы 2, 3), полученные данные легли в основу палинологического и почвоведческого анализа (рис. 1).

Палеоландшафт. Наиболее перспективными с точки зрения реконструкции палеоландшафтов яв-

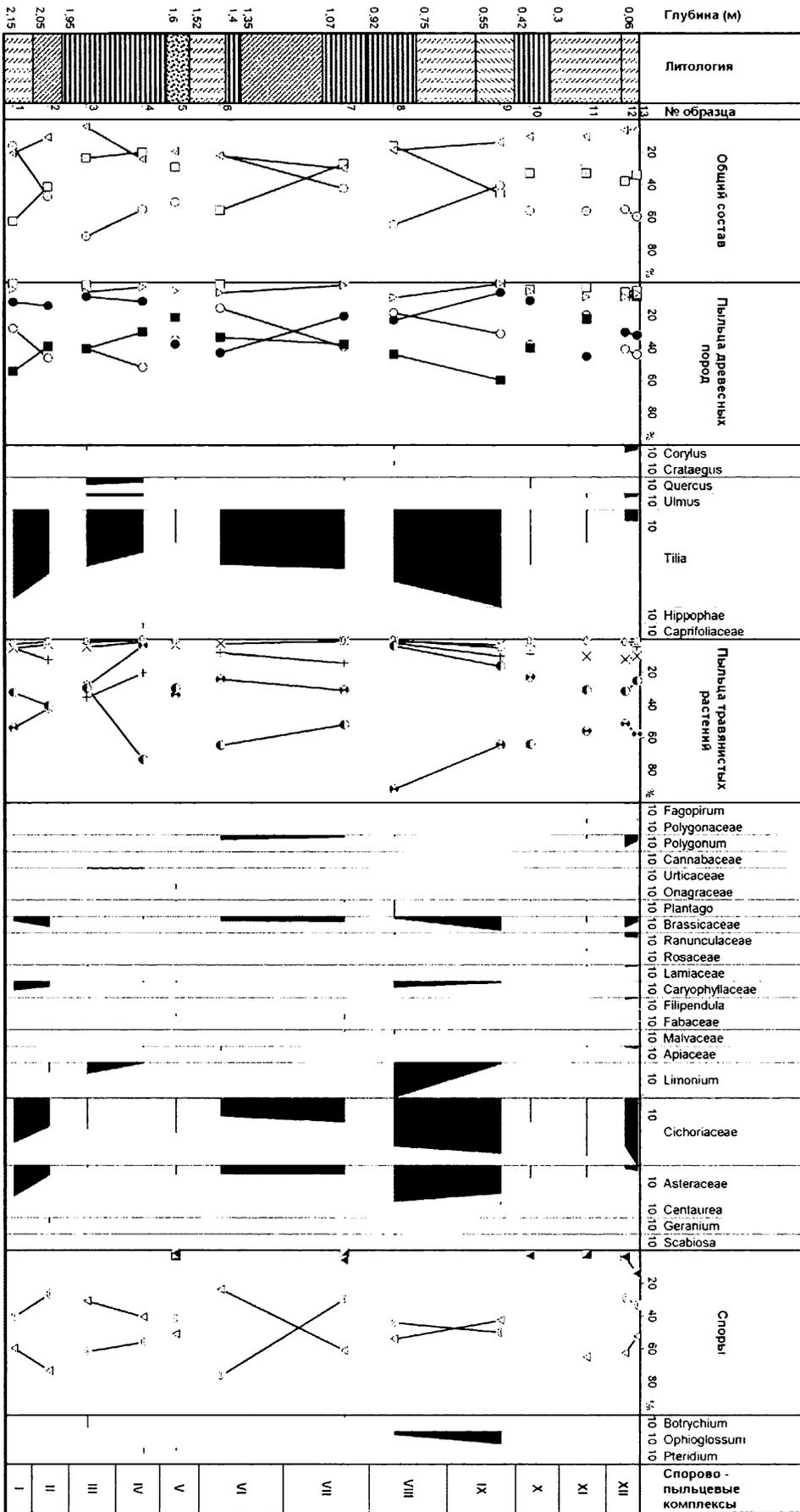
ляются методы геологии и палинологии. Согласно геологическим наблюдениям, несмотря на то, что место стоянки располагалось у подножия крутого склона, катастрофических явлений в виде селей, обвалов, осыпей в период её существования не было. Об этом свидетельствуют суглинисто-супесчаный состав осадков и спокойный характер напластования. Шлейф, находясь между поймой и коренным склоном, защищал подножие склона от размыва рекой. Верховья оврагов были покрыты древесно-кустарниковой растительностью и защищали верховья оврагов от размыва тало-дождевыми водами. Стоянка возвышалась над поймой на высоту нескольких метров, но не затоплялась в половодье, т.к. в разрезе конуса слоев с речными осадками не установлено.

По результатам палинологического анализа в изученном разрезе было выделено 12 спорово-пыльцевых комплексов (СПК), характеризующих изменения растительности начиная с позднего суббореала (рис. 2).

Во время I СПК на изученной территории преобладали липовые леса с березой и реже сосной, что указывает на влажные климатические условия. Открытые пространства были заняты разнотравно-злаковыми сообществами. Заметная роль принадлежала пионерным/сорным растениям из семейства цикориевых и астровых. По аналогии с данными ряда районов Русской равнины этот этап можно

ЛИТОЛОГИЯ	№ образца	МОЩНОСТЬ СМ	№ СЛОЯ
	СПА 3/13		
	СПА 3/12	7-12	14
	СПА 3/11	20-25	13
	СПА 3/10	12-15	12
	СПА 3/9	12-35	11
	СПА 3/8	15-20	9
	СПА 3/7	12-15	8
		30	7
		6-10	6
	СПА 3/6	5-15	5
	СПА 3/5	6-20	4
	СПА 3/4	30-80	3
	СПА 3/3		
	СПА 3/2	10-12	2
	СПА 3/1	30	1

эголоценового пролювиального конуса выноса, колонка № 3. п IV, уч. АЗ. 1 – супеси; 2 – суглинки; 3 – чернозем; 4 – серозем чва; 6 – щебень; 7 – травянистая растительность; 8 – следы я; 9 – концентрация почвообразования; 10 – место разцов на спорово-пыльцевой анализ (СПА)

датировать возрастом 3400-3500 л.н., что соответствует ранним этапам позднего суббореала и приходится на самый конец существования срубной культуры.

Во II СПК уменьшаются площади лесов. Меньше становится влаголюбивой липы, возрастает участие березы, открытые пространства и леса занимают примерно одинаковые площади. В составе степной растительности больше становится злаков, а на сухих участках появляется полынь.

Таким образом, во время формирования двух нижних комплексов произошло изменение климата от влажного и прохладного (I СПК) к более сухому и теплему (II СПК).

III и IV СПК приурочены к культурному горизонту черкаскульской культуры. Судя по составу СПК, на данном этапе продолжается потепление и иссушение климата. Доля леса продолжает сокращаться, доминирует липа и береза, появляется дуб и вяз, а в подлеске – лещина.

На степных участках произрастали злаково (типчаково?)-полынные сообщества, что указывает на засушливые и теплые климатические условия (к сожалению, определение пыльцы злаков (*Poaceae*) до вида под световым микроскопом представляет определенные трудности, поэтому говорить об ее видовой принадлежности можно лишь условно). На поселении и около него увеличивалась роль сорной растительности из семейства цикориевых и астровых.

Открытые пространства с небольшими перелесками господствовали и на следующем этапе (IV СПК). Изменения в ландшафте были обусловлены хозяйственной деятельностью человека. Вырубка липы способствовала замещению ее вторичными березняками.

Природные условия III и IV СПК отвечают одному из суббореальных термических оптимумов, который приходится на интервал 3300–3400 л.н.

Изменения природных условий, происходившие во время формирования горизонта, связанного с маклашеевской культурой (V СПК), были обусловлены незначительным похолоданием. Это способствовало расширению перелесков, открытые пространства преобладали. Доминантами становятся сосна и береза с примесью липы.

Похолодание и увлажнение климата усилилось на VI СПК, что способствовало увеличению облесенности территории. Это были разреженные широколиственно-сосновые леса, в состав которых в небольшом количестве входили береза и, возможно, ель.

Открытые пространства занимали злаковые сообщества. Это наиболее холодный этап, зафиксиро-

ванный в данном разрезе, который датируется по С14 (анализ лаборатории ГИН г. Москва) временем 2950±160 лет назад.

Эти данные подтверждает и геология. По сведениям В.И. Мозжерина и Г.С. Курбановой (2004), вторая сверху пойменная почва поймы р. Кама и р. Ижма имеет даты от 3,8 до 3,1 тыс. лет, первая – от 2,3 до 1,2 тыс. лет, пойменный наилок – от 30 до 660 лет. Прерывистая аккумуляция пролювия между погребенными почвами, в интервале 3,2–2,0 тыс. л.н. свидетельствует об осадконакоплении в условиях контрастного изменения тепла и влаги.

Хозяйственная деятельность. При проведении реконструкции условий существования древних сообществ предлагаются различные диагностические критерии видов хозяйственной деятельности (Культурные слои...). Одним из таких критериев является слабая трансформация химического состава погребенных почв и культурных слоев, так как изменяются лишь лабильные признаки: содержание органического вещества и характер макроструктуры почв.

Детальному химическому исследованию были подвергнуты образцы фонового гумусового горизонта и культурных слоев из колонок № 2,3; слои 1–4. С помощью рентгенфлуоресцентного спектрометра СРМ-25 (ЦНИИ Геолнеруд) был проведен анализ основных породообразующих соединений в профилях разновозрастных почв Гулюковской III стоянки.

По своему химическому составу изученные образцы являются близкими между собой, распределение основных породообразующих соединений является закономерным (Добровольский, 1968). Иное распределение выявлено для биогенных элементов *P* (фосфор) и *Ca* (кальций), их основная аккумуляция, соответственно 0,64 % и 3,29 %, приурочена в целом ко II СПК, при этом максимум содержания этих биогенов превышает фоновые значения в 2–3 раза (табл. 1).

Таблица 1. Распределение общего содержания фосфора и кальция

№ слоя	Участки				
	A6	A5	A4	A3	Фон
4	Не опр.	<u>0,2</u> 1,84	<u>0,2</u> 1,8	Не опр.	0,35 2,02
2	<u>0,45</u> 2,13	<u>0,42</u> 2,13	<u>0,64</u> 3,29	<u>0,46</u> 2,2	
1	<u>0,17</u> 1,62	<u>0,18</u> 1,71	<u>0,32</u> 1,81	<u>0,27</u> 1,74	

Результаты в распределении *P* и *Ca* объясняются тем, что основная их масса была образована за счет минерализации костных фрагментов, мелкие остатки которых визуальнo фиксировались на ситах с размером отверстий 1–0,5 мм при подготовке образцов культурного слоя к анализу. Полученные данные указывают на более активное использование продуктов животного происхождения на Гулюковской III стоянке в срубное время.

Это тем более интересно, что крупные костные остатки в сооружениях срубной культуры фиксировались в незначительном количестве. Основная масса остеологических материалов на поселении оставлена носителями маклашеевской культуры. Судя по данным остеологии, крупный рогатый скот составлял 57,7 %, мелкий рогатый скот – 13,9 %, свинья – 0,4 %, лошадь – 27,6 %, дикие животные – 0,4 %. Эти данные свидетельствуют о том, что на Гулюковской III стоянке в конце бронзового века проживало население, основу производящего хозяйства которого составляло животноводство. Остатков диких охотничье-промысловых видов не зафиксировано. Видимо, охота не играла существенной роли в жизни обитателей стоянки.

Палинологические наблюдения также позволяют сделать некоторые выводы о производственной деятельности обитателей Гулюковской III стоянки. Явные признаки выращивания культурных растений фиксируются в III и IV СПК, связанных с черкаскульским этапом существования. Об этом свидетельствует присутствие в спектрах пыльцы культурных злаков. Сорных растений очень мало. На первом этапе (III СПК) климат был более сухой и теплый, что ограничивало ведение земледелия. Большое количество полыней, сорных растений из семейства цикориевых и маревых, отмеченное в III СПК, вероятно, связано с заброшен-

ными пашнями или с полями, находящимися под паром.

Второй, более влажный этап (IV СПК), был благоприятнее для ведения сельского хозяйства. В это время меняется соотношение между посевными и естественными угодьями. Сокращается не только роль разнотравья, но и сорной растительности.

Следующий этап развития земледелия приходится на маклашеевское время. В этот период (V СПК) произошла катастрофическая деградация сельскохозяйственных угодий вокруг поселения. Среди открытых пространств отмечается уменьшение площадей, занятых пашнями, в то время как участки с сорной растительностью увеличиваются. Ухудшение положения произошло на следующем этапе (VI СПК), когда усилилось похолодание и увлажнение климата. Возле поселения широко распространяются сорные растения, что было обусловлено, вероятно, заброшенными пашнями.

По всей вероятности, с большой долей осторожности можно утверждать, что именно ухудшение климатических условий привело к прекращению существования Гулюковской III стоянки в маклашеевское время.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (проект № 07-06-00169а).

Добровольский Г.В., 1968. Почвы речных пойм центра Русской равнины. М.

Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции. М., 2006.

Мозжерин В.И., Курбанова С.Г., 2004. Деятельность человека и эрозионно-руслонные системы Среднего Поволжья. Казань.

В.И. Балабина, Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН

Телль Юнаците в эпоху ранней бронзы: колебания климата и динамика хозяйственной деятельности

Результаты многолетних работ российско-болгарской экспедиции на телле Юнаците, расположенном в Верхней Фракии, рядом с г. Пазарджик продолжают систематизироваться и публиковаться. Сейчас мы имеем достаточно полное представление о шестнадцати поселениях эпохи ранней бронзы

(РБВ), последовательно существовавших на этом памятнике – их планиграфии, стратиграфии, интенсивности застройки, динамике хозяйственной деятельности, относительной и абсолютной хронологии (Телль Юнаците. Эпоха бронзы. Том II, часть 1).

Недавно были завершены почвенные, химические и микроморфологические исследования седиментов Юнаците и открытого поселения рядом с ним. В частности, были получены кривые распределения карбонатов, свидетельствующие об изменении увлажненности климата в окрестностях телья на протяжении более чем полутора тысяч лет. Кроме того, охарактеризованы две погребенные почвы телья, одна из которых его подстилает, а вторая соответствует хиатусу между пластами энеолита и РБВ. Полученную информацию мы сопоставили с результатами других палеоэкологических исследований, проводившихся на Юнаците (споропыльцевого, фитолитного, диатомового) и с данными об археологической стратиграфии обоих памятников. В результате мы располагаем кривой увлажненности климата, некоторые отрезки которой подтверждены еще несколькими аналитиками и их можно воспринимать как достаточно надежные участки климатической кривой (Александровский, Балабина, Мишина, 2004, 2007).

Такого рода данные чрезвычайно интересно сопоставить с имеющейся информацией о динамике хозяйственной деятельности на телье Юнаците в эпоху бронзы. А отражают ее, как нам кажется, такие параметры как, интенсивность застройки, число хозяйственных сооружений и количество керамики, фиксируемое для каждого из горизонтов РБВ.

Коротко остановимся на стратиграфии обоих памятников. Высота отложений Юнаците превышает 9 м. Над палеопочвой зафиксирован слой раннего энеолита (культура Марица), перекрытый несколькими горизонтами Караново VI, верхний из которых включает материалы культуры Селкуца III. Выше расположена погребенная почва, маркирующая хиатус, а над ней залегают шестнадцать раннебронзовых горизонтов, отчетливо относимых к трем соответствующим периодам – РБВ I–II–III – по периодизации, предложенной Кр. Лешаковым (Лешаков, 2000). Верхняя часть отложений телья содержит материалы раннего железного века – раннего средневековья.

Древнее открытое поселение рядом с тельем Юнаците, занимало значительную площадь при толщине культурного слоя до 2,5–3 м. На этом памятнике присутствуют преимущественно отложения эпохи бронзы. Материалы РБВ II и III на телье и на открытом поселении синхронны. Примечательно, что между ними на обоих памятниках были выявлены слабые следы почвообразования. При этом на телье период запустения памятника между РБВ II и III в процессе раскопок не прослеживался. Карпологические же исследования показали, что именно в пробах из пограничных горизонтов IX–VIII нет культурных злаков (Popova, Pavlova, 1994).

Результаты химического исследования седиментов Юнаците показали, что на таких памятниках, как телья, по мере нарастания культурных отложений в сухие периоды карбонаты относительно накапливаются, во влажные периоды их содержание убывает. Возможность изучения большой колонки образцов на стратифицированном археологическом профиле Юнаците позволило выявить динамику изменения увлажненности климата. Профиль соседнего поселения дал еще одну колонку, соотносимую с тельем, и весьма полезную для оценки достоверности имеющихся данных.

Кривые распределения карбонатов представлены, как это принято, в сглаженном виде и в масштабе времени (рис. 1: 1). На обоих памятниках они имеют большое сходство. В нижней части палеопочвы содержание карбонатов с глубиной увеличивается, что характерно для природных условий и присуще большинству почв. Выше по профилю, на протяжении энеолита (согласно стратиграфии телья) на обоих графиках фиксируется сначала заметное увлажнение климата, приходящееся на время культуры Марица, а потом постепенная аридизация, попадающая на финал Караново VI и начало формирования на телье погребенной почвы хиатуса. Концу этого процесса и времени РБВ I соответствует пониженное содержание карбонатов на обоих графиках, что и позволяет соотнести РБВ I на телье с верхом погребенной почвы на открытом поселении. РБВ II на обоих памятниках отмечает плавное увеличение карбонатов (вторая постепенная аридизация). Период РБВ III в том и другом случае маркирует пик карбонатности (полный на открытом поселении и незавершенный по кромке колонки «Д» на телье).

Именно эти результаты и сопоставлялись с данными микроморфологического, фитолитного диатомового, спорово-пыльцевого исследований. Рассмотрим их применительно к верхней части обоих профилей, начиная с почвы хиатуса, в средней части которой доминирует почвенный вид диатом *Hantzschia amphioxys* (48%), а его вариация *Hantzschia amphioxys f. capitata* достигает 35% и представлена преимущественно, целыми панцирями, что свидетельствует о естественном формировании толщи. По данным педологических исследований, она формировалась в условиях степи. На ее степной характер указывают и результаты микроморфологического анализа. Для середины профиля почвы характерны наиболее стабильные фитолитные спектры, от которых заметно отличаются ее верхние слои. Важный палеоэкологический показатель на базе фитолитных комплексов – индекс аридности (Twiss et al., 1969; Twiss, 2001). В почве хиатуса индекс аридности не одинаков. В нижней

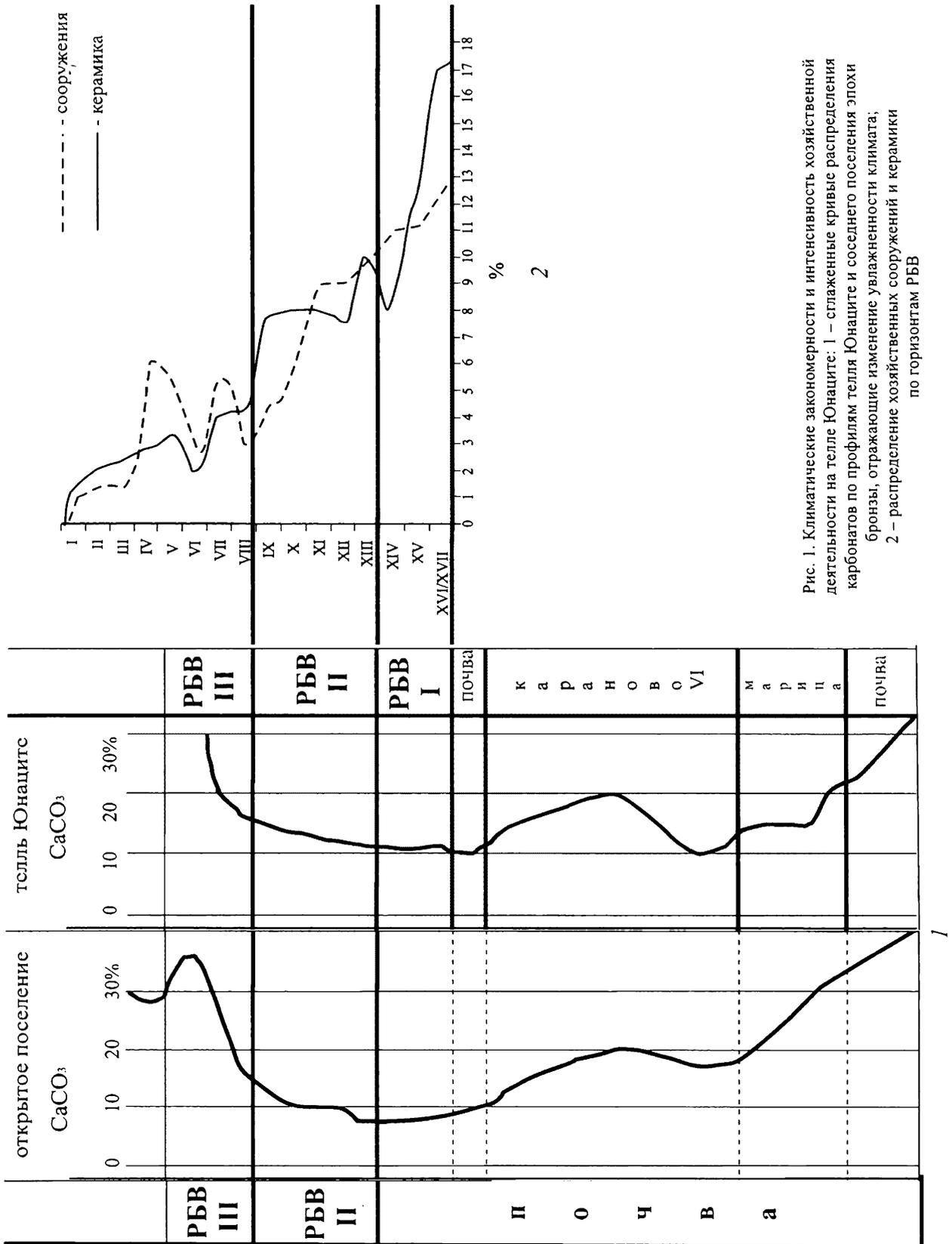

Рис. 1. Климатические закономерности и интенсивность хозяйственной деятельности на телле Юнаците: 1 – сглаженные кривые распределения карбонатов по профилям телля Юнаците и соседнего поселения эпохи бронзы, отражающие изменение увлажненности климата; 2 – распределение хозяйственных сооружений и керамики по горизонтам РБВ

части гумусового горизонта он достаточно высок, а в верхней втрое ниже, что указывает на уже более влажные условия (Киселева и др., 2005).

Колебания увлажненности климата в эпоху бронзы фиксируют и палинологические исследования телля, проведенные Е.А. Спиридоновой. Первое увеличение увлажненности, связанное с похолоданием, произошло в конце развития почвы хиатуса и в РБВ I (около 3200–3000 ВС). Потом на протяжении РБВ II происходит постепенная аридизация, как свидетельствует палинология, соответствующая потеплению. Она достигает своего максимума в середине РБВ III, после чего вновь становится прохладнее и влажнее. Существенно, что данный пик аридизации климата подтверждается разными исследователями на очень большой территории, например, в Месопотамии (Weiss et al, 1993), в Предкавказье (Александровский, Александровская, 2005), на среднем Дону (Спиридонова, 1991) и относимым к 2400–2300 ВС, что не противоречит датам РБВ III для Юнаците (Чичагова и др., 2007).

Итак, рассмотрим, в какой мере колебания климата отразились на интенсивности хозяйственной деятельности на телле Юнаците в эпоху ранней бронзы. На рис. 1: 1 приведены сглаженные кривые распределения карбонатов на Юнаците и соседнем поселении. Для РБВ с этими кривыми сопоставлены кривые распределения хозяйственных сооружений и керамики в %. (рис. 1: 2)

Всего в процессе раскопок раннебронзовых поселков Юнаците было исследовано 388 (100%) хозяйственных сооружений разной сохранности, связанных преимущественно с постройками (в том числе: 89 печей и очагов, 160 зернохранилищ, 21 площадка для сушки зерна, 22 площадки «с ребром», 4 подставки для зернотерок, а также 92 сооружений неясного назначения). Приведенный график (рис. 1: 2) их распределения по горизонтам РБВ показывает довольно четкую тенденцию к уменьшению от РБВ I к РБВ III. При этом на горизонтах XVI/XVII–XI их количество превышает среднее значение, в X ему соответствует, а позже, в целом, нет (Мацанова, Балабина, Мишина, 2007, график 1). Поэтому общая картина диахронного распределения хозяйственных сооружений указывает на переломный момент в интенсивности хозяйственной деятельности, которой пришелся на границу РБВ II и III. Собственно в РБВ III фиксируются лишь два незначительных пика активности, приходящиеся на VII и V–IV горизонты.

В определенной мере эту тенденцию отражают графики распределения по горизонтам отдельных категорий хозяйственных сооружений (относительно среднестатистических значений), в частности,

зернохранилищ (там же, график 2). В количественном распределении зернохранилищ очевидна разница между нижними горизонтами (XVI/XVII–X, РБВ I–II) и верхними (IX–I, РБВ III). Присутствуют те же незначительные пики активности в VII и V горизонтах. Несколько иную картину демонстрирует хронологическое распределение печей (там же). В горизонтах, относящихся к РБВ I, насыщенность поселения разнообразными печами была значительно выше, чем в последующие периоды. Их количество превышает среднестатистическое в XVI/XVII–XIII горизонтах, а соответствует ему в XII. На протяжении XI–IV горизонтов оно более или менее близко средней. Позднее число зафиксированных печей резко сокращается. Не исключено, что отчасти это обусловлено худшей сохранностью верхних горизонтов РБВ.

В процессе раскопок горизонтов РБВ зафиксировано почти 26000 (100%) профилированных фрагментов керамики (сюда включены и целые сосуды). Распределение их по горизонтам демонстрирует в целом ту же тенденцию – уменьшение от РБВ I к РБВ III. Однако, каждый период РБВ имеет свои особенности распределения массового материала. В РБВ I – это планомерное сокращение керамики от горизонта к горизонту. В РБВ II можно отметить более равномерное присутствие несколько меньшего числа фрагментов. В РБВ III вновь намечается тенденция уменьшения керамики от горизонта к горизонту (рис. 1: 2).

Таким образом, распределение массового материала (керамики) и хозяйственных сооружений по горизонтам РБВ соответствует выявленным климатическим изменениям для этого времени. По мере аридизации климата интенсивность хозяйственной деятельности на памятнике сокращалась. Однако адаптивный процесс имел не столь четкой линейной зависимости, о чем свидетельствуют отмеченные пики обоих графиков. Последнее подтверждают и данные о планиграфии. На протяжении РБВ I и II она была достаточно близка, а плотность застройки не имела тенденции к уменьшению. Изменение планов поселков и сокращение числа построек фиксируется только в РБВ III, однако информация о планиграфии большинства горизонтов этого времени недостаточна из-за плохой сохранности культурного слоя (там же, 148–153, рис. 120–122).

Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.

Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н., 2004. Материалы к истории палеоландшафта верхнего течения реки Марицы в среднем голоцене // Добруджа, 21, Варна.

- Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н., 2007. Опыт применения естественно-научных методов на многослойных поселениях (на примере двух фракийских памятников) // Древность: историческое знание и специфика источника. М.
- Киселева Н.К., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Переладов А.М., 2005. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя телля «Плоская могила» // *Opus*, 4. М.
- Лешаков Кр., 2000. Исследования върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския университет “Климент Охридски”. Исторически факултет, том 84-85. София.
- Мацанова В., Балабина В.И., Мишина Т.Н., 2007. Планиграфия, особености домостроительства и архитектуры, хозяйственные сооружения // Телль Юнаците. Эпоха бронзы. Т. II, часть 1. М.
- Спирidonова Е.А., 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.
- Телль Юнаците. Эпоха бронзы т. II, часть 1. М., 2007.
- Чичагова О.А., Александровский А.Н., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Зазовская Э.П., 2007. Новая серия ^{14}C дат для Телля Юнаците // Телль Юнаците. Том 2, часть 1. М.
- Popova Tz., Pavlova P., 1994. Paleoethnobotanical study of the Yunatsite bronze age settlement, Pazardzik district // Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски» Биологически Факултет. Книга 2 – Ботаника. Том 84.
- Twiss P.C., 2001. A curmudgeon's view of grass Phytolithology. PHYTLITH: Applications in EARTH Sciences and Human History // Proceedings of the Second International Phytolith Conference. Aix En Provence.
- Twiss P.C., Suess E., Smith G., 1969. Morphological Classification of Drass Phytoliths // Soil Science Society of America Proceeding. № 33.
- Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W. et al., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization. // *Science*, v. 261.

О.П. Бачура

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Сезон и возраст забоя северных оленей из городища Усть-Войкарское 1

Костные остатки животных из археологических памятников позволяют охарактеризовать многие аспекты древнего хозяйства человека и способствуют познанию его взаимосвязи с окружающей средой. Одним из таких аспектов является определение сезона и возраста забоя животных.

Материалом для данной работы послужили костные остатки млекопитающих, собранные в ходе раскопок городища Усть-Войкарское 1 (2004–2007 гг.) под руководством Н.В. Федоровой. Городище расположено в Тюменской области в Шурышкарском районе на левом берегу р. Горная Обь недалеко от устья Войкарского Сора. Городок представляет собой высокий (6–8 м) холм, который сложен культурными органическими напластованиями (щепа, древесина, опил и т.п.), что способствовало формированию в его толще многолетней мерзлоты, идеально сохраняющей культурные остатки (Брусницына, 2003. С. 45–52; Брусницына, 2005. С. 22–32). Было заложено три раскопа: на вершине холма, на склоне и у подножья холма. Датировка материалов была произведена согласно дендрохронологическим данным (Gurskaia, 2007. С. 67–72), а также на основа-

нии характеристик исторических и археологических материалов. Судя по комплексу находок, на городище Усть-Войкарское 1 жили представители угорско-самодийского населения, возможно, с примесью коми (Федорова, 2004).

В течение всего периода существования городища наиболее важное промысловое значение у населения городища имел северный олень (Бачура и др., 2006. С. 108–110). В связи с этим именно для этого вида был определен сезон и возраст забоя.

Для исследования были взяты все доступные образцы зубов северного оленя. Определение сезона и возраста забоя производилось с помощью методики Г.А. Клевезаль (Клевезаль, 1988. С. 1–286). Эта методика основана на наличии годовых слоев в костях и зубах (цементе и дентине). Формирование этих слоев отражает периоды роста организма: активный рост (весна – лето) и замедление роста (осень – зима) (Клевезаль, 1988. С. 1–286). У копытных животных годовые слои образуются только в зубах (Клевезаль, Клейненберг, 1967. С. 1–144; Клевезаль, 1988. С. 1–286). Подсчет и анализ ростовых слоев в зубах животных производился на аншлифах

отраженном свете. Определение сезона забоя у северного оленя возможно только с точностью до сезона (Miller, 1974. С. 47–53; Клевезаль, Соколов, 1999. С. 102–110). Точнее время гибели животного определить нельзя, т.к. существует индивидуальная изменчивость (Клевезаль, 1988. С. 1–286). Сезон забоя северных оленей определялся на основании юлноты формирования последней промежуточной летней) линии по отношению к предыдущим промежуточным линиям, если таковые имеются, или

наличия основной (зимней) линии (Клевезаль, Соколов, 1999).

В целом было проанализировано 72 образца. Из них 43 % зубов (31 экземпляр) имели плохую сохранность или на них были не видны слои, что не позволило определить возраст и сезон забоя особей, которым принадлежали зубы (табл. 1). В итоге были получены следующие результаты. Северных оленей на городище Усть-Войкарское 1 в период с XV по XVIII век забивали в возрасте от 0,5 до 6 лет.

Таблица 1. Возраст и сезон забоя северного оленя из городища Усть-Войкарское 1

Временные рамки	Местоположение в раскопе	Количество образцов	Возраст, лет	Наиболее вероятный сезон забоя
XIV в.	Подножье холма	7	?	?
XV в.	Склон	1	<1	Сентябрь – декабрь
		1	2,5	Сентябрь – декабрь
	Подножье холма	1	1,5	Сентябрь – декабрь
		2	?	?
XVII в.	Вершина холма	1	<1	Сентябрь – декабрь
		3	1,5	Сентябрь – декабрь
		1	1,5	Июнь – август
		3	?	?
	Постройка 8	4	1,5	Сентябрь – декабрь
		1	2,5	Сентябрь – декабрь
		1	3,5	Сентябрь – декабрь
	Подножье холма	1	?	?
Начало XVIII в.	Вершина холма	8	<1	Сентябрь – декабрь
		1	1,5	Июнь – август
		5	1,5	Сентябрь – декабрь
		1	2,5	Сентябрь – декабрь
		1	3,5	Сентябрь – декабрь
		5	?	Сентябрь – декабрь
		1	>3	Сентябрь – декабрь
		1	3-3,5	Июнь – август
		1	5-6	Сентябрь – декабрь
		6	?	?
Середина XVIII в.	Вершина холма	3	<1	Сентябрь – декабрь
		1	1,5	Сентябрь – декабрь
		1	2,5	Сентябрь – декабрь
		1	3,5	Сентябрь – декабрь
		3	?	Сентябрь – декабрь
		1	?	?
?	Склон	1	1-1,5	Июнь – август
		1	?	?
	Подножье холма	1	<1	Сентябрь – декабрь
		2	?	?

Наибольшее количество особей забивалось в возрасте 1,5 лет (41 %) и не достигших одного года (34 %). Небольшая часть остатков приходится на особи в возрасте 2,5–3-х лет (20 %). Особям 5–6 лет принадлежит лишь 5 % остатков. Преобладание практически одной возрастной группы среди остатков оленя, тем более – молодых особей, может служить косвенным показателем того, что население городища Усть-Войкарское I имело дело с домашней формой северного оленя. Наиболее вероятно, что северного оленя забивали с сентября по декабрь (табл. 1). Лишь четыре зуба принадлежали особям, которых забивали летом (табл. 1). Такая сезонная структура забоя животных может указывать на существование у населения городка, начиная с XV века, традиции массового осеннего забоя оленей. Это также может отражать и добычу диких оленей, приходящих на зимовку в северную тайгу. Возможно, присутствовали оба эти процесса. Наличие развитого оленеводства и отсутствие особей, забитых в зимне-весеннее время, указывают на то, что домашних оленей зимой и весной практически не забивали. Дикий олень мог мигрировать около городка осенью, а зимой и весной отсутствовал здесь, иначе он был бы в составе добычи. Вероятно, осенью в окрестностях городища численность дикого северного оленя была небольшой. Все это с большой вероятностью указывает на то, что почти все остатки северного оленя из городища Усть-Войкарское I принадлежат домашней форме.

- Бачура О.П., Некрасов А.Е., Федорова Н.В., 2006. Промысловая деятельность населения Усть-Войкарского городища // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. Т. 2.
- Брусницына А.Г., 2003. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири". Тобольск.
- Брусницына А.Г., 2005. Войкарский городок в XV-XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург – Салехард.
- Клевезаль Г.А., 1988. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.
- Клевезаль Г.А., Клейнберг С.Е., 1967. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости. М.
- Клевезаль Г.А., Соколов А.А., 1999. Ретроспективная оценка состояния популяции новоземельских северных оленей (*Rangifer tarandus*) в период проведения ядерных испытаний. Зоол. журн. Т. 78, № 1.
- Федорова Н.В., 2004. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Новосибирск. Вып. 2.
- Gurskaya M., 2007. A 900-years larch chronology for North-Western Siberia on the bases of archaeological wood of the Ust-Voykar settlement // *Geochronometria*, № 28.
- Miller F.L., 1974. Age determination of caribou by annulations in dental cementum // *J. Manage.* Vol. 38, № 1.

С.В. Баштанник

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

Археоботанические находки в раннесредневековых слоях городищ Отрарского оазиса

Раннесредневековые слои городищ Отрарского оазиса содержат кангюйские древности. Кангюй, известный в источниках как Кангха, Кангдиз – государственное образование в древней и раннесредневековой Средней Азии, ядром которого были присырдарьинские земли. В первые века н. э. Кангюй объединял ряд оседло-земледельческих областей и районов кочевий. К кангюйскому периоду относятся каунчинская и отрарско-каратауская археологические культуры.

Цель археоботанических работ заключалась в выявлении и исследовании растительных остатков, происходящих из раннесредневековых сло-

ев, относящихся к позднекангюйскому времени (IV–VI вв. н.э.). Было отобрано несколько проб для карпологического анализа на городищах Отрар и Куйрук-тобе.

Методика работ. Для извлечения археоботанического материала проводилась флотация культурного слоя памятников. Метод флотации (водной сепарации) почвы основан на разнице удельного веса воды и погруженных в нее органических и минеральных веществ. Органика, удельный вес которой колеблется в пределах 0,3–0,6 г/см³, всплывает на поверхность, а более тяжелые минеральные вещества оседают на дно (Руководство... С. 11–12). 3–4 л

грунта замачивались в емкости объемом 10–12 л, размешивались и взбалтывались. Затем в течение 10–12 минут проходило оседание тяжелых минеральных частиц и всплывание органики. Органика процеживалась через сита с диаметром ячеек 0,5–3 мм. Лабораторный этап исследования заключался в количественном подсчете, родовом и видовом определении растительных остатков с помощью атласов растительности, определителей плодов и семян и эталонных коллекций. На интерпретационном этапе устанавливались соотношения разных видов растительности и реконструкция растительного покрова, ландшафтов и палеоклимата, особенностей земледелия и собирательства. Определялась насыщенность растительными остатками проб и представляемых этими пробами стратиграфических и планиграфических контекстов.

Проба 1. Отрар, западная стенка шурфа, заполнение бадраба серо-зеленоватого цвета. Плотная супесь. Объем пробы 10 куб. дм. Содержание пробы:

1. Некарбонизированные косточки винограда винного *Vitis vinifera* в количестве 83 шт. Косточки разного размера, округлые. Самые крупные достигают 5×4×2 мм. Мелкие имеют неразвитый «клювик». Это указывает на то, что данный виноград мог быть диким либо только начал вводиться в культуру.

2. Рис *Oriza sativa*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновка размером 5×1,5×2 мм – 1 шт.

3. Пшеница мягкая *Triticum aestivum*, семейство Злаковые Poaceae, 1 зерновка размером 5×3×2 мм.

Проба 2. Отрар, шурф, восточная стенка шурфа, зольный слой под сырцовою стеной. Плотная супесь, насыщенная золой, горелым деревом. Объем пробы 20 куб. дм. Содержатся карбонизированные (обугленные) семена гороха, ячменя двурядного пленчатого, пшеницы мягкой, косточки винограда. Содержание пробы:

1. Рис *Oriza sativa*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновка размером 5×1,5×2 мм – 4 шт.

2. Просо развесистое *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые Poaceae. 4 зерновки диаметром 1,8 мм.

3. Горох посевной *Pisum sativum*, семейство Бобовые Fabaceae. 1 семя и две семядоли диаметром 4 мм.

4. Верблюжья колючка *Alhagi pseudalhagi*, семейство Бобовые Fabaceae – 1 семя длиной 3 мм.

5. Яблоня *Pyrus malus* (груша *Pyrus communis*), семейство Розоцветные Rosaceae – 1 косточка размером 8×4×4 мм.

Проба 3. Куйрук-тобе, шурф, восточная стенка, зольник под сырцовою стеной. Заполнение зольника в виде плотной супеси, насыщенной горелым деревом и золой. Объем пробы 20 куб. дм.

Содержание пробы:

1. Донник *Melilotus* – 4 семени, 1 стручок
2. Неопределимые до вида сильно разрушенные семена бобовых.

3. Рис *Oriza sativa*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновка размером 5×1,5×2 мм – 4 шт.

4. Ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновки размером 4×1,7×1,5 мм – 1 шт.

Таким образом, на основании этих предварительных данных можно установить возделывание семи следующих сельскохозяйственных культур:

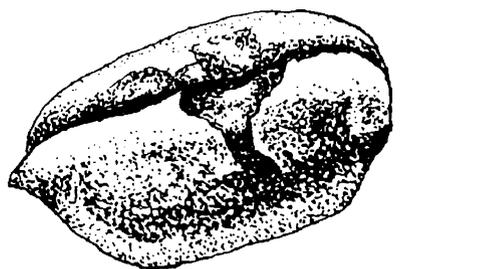
1. Пшеница мягкая *Triticum aestivum* – 1 зерновка (рис. 1А), имеющая переходный индекс отношения длины к ширине 1,5, что меньше, чем у современных мягких пшениц. Это может быть объяснено деформацией при обугливаниями.

2. Ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum* – 1 зерновка (рис. 1Б). С учетом уменьшения размеров при обугливаниями и внесении соответствующих поправок найденная зерновка имеет меньшие размеры, чем у современных ячменей.

3. Рис *Oriza sativa* – 9 зерновок. Так же по одной зерновке обнаружено в слое IV–V вв. на городище Караспан-тобе и в слое VII в. на Джуван-тобе (среднее течение р. Арысь). Рис, судя по всему, был одной из основных культур, но, возможно, ввозился извне. Подтвердить его возделывание на средней Сыр-Дарье могли бы находки типичных засорителей этой культуры, однако таких данных пока нет.

4. Просо развесистое *Panicum milliaceum* – 4 зерновки (рис. 1В). Размеры зерновок 1,8 мм в диаметре, поэтому с учетом уменьшения зерна при карбонизации его размеры можно восстановить до 2,2 мм, какими характеризуется современное метельчатое просо. Некоторые зерновки деформированы – у них утерян зародыш, на месте которого осталась впадина.

Просо на ранних стадиях роста имеет замедленные темпы развития и боится сорняков, поэтому посева надо пропалывать или использовать чистые незасоренные земли – целину или залежь, т.к. просо хорошо использует накопленное в них плодородие. Вегетационный период проса 50–80 дней для скороспелых сортов и 100–200 для позднеспелых. По анатомическому строению корневой системы оно типичное ксерофитное растение, усваивающая способность его корневой системы лучше, чем у пшеницы и ячменя. Это одно из самых малотребовательных к влаге растений способно переносить сильное обезвоживание тканей. Даже при близком к мертвому запасе содержания в почве влаги корни проса способны ее извлекать. Несмотря на это, просо отзывчиво на орошение. На неполивных землях только почти полное отсутствие осадков во второй

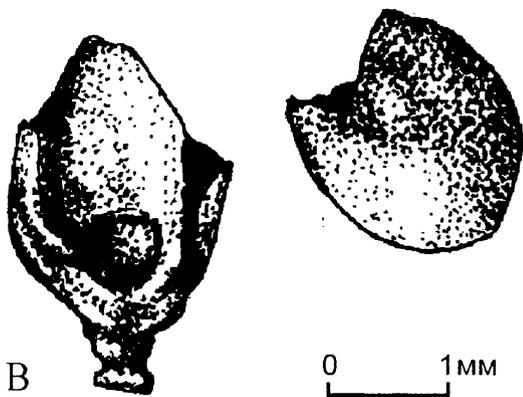
А

0 4мм

Б

0 2мм

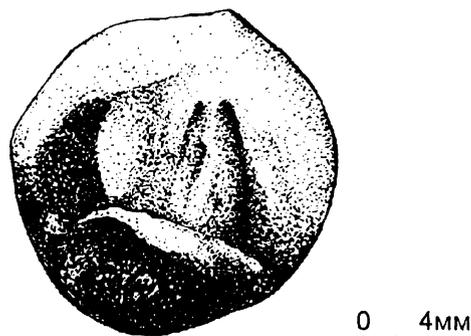
В

0 1мм

Рис. 1. А – пшеница мягкая *Triticum aestivum*;
Б – ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*; В – просо развесистое *Panicum milliaceum*

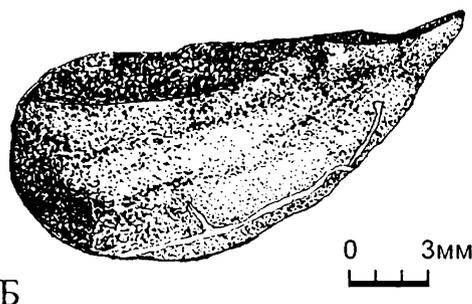
половине лета мешало снимать два урожая в год. Средней урожайностью считается 20–25 ц/га. Все это делало просо одним из самых удобных для возделывания злаков в условиях аридных степей и полупустынь (Растениеводство, 1979. С. 79).

5. Горох посевной *Pisum sativum* – 1 семя (рис. 2А) и 2 семядоли. Семена карбонизированы, лишены обо-

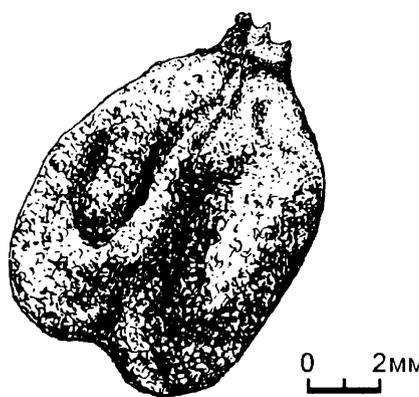
А

0 4мм

Б

0 3мм

В

0 2мм

Рис. 2. А – горох посевной *Pisum sativum*; Б – яблоня *Pyrus malus* (груша *Pyrus communis*); В – виноград винный *Vitis vinifera*

лочки и имеют неправильную шарообразную форму, это указывает на то, что под действие огня попали не полностью созревшие и подсушенные горошины, а ещё сохранившие некоторое количество влаги. Корешок часто утерян, диаметр 4 мм, до обугливания он мог быть 4,2–5 мм. Размеры семян современного гороха находятся в пределах 3,5–10 мм, поэтому можно считать, что изученные семена принадлежали к мелкосеменному подвиду *asiaticum*, возделывавшемуся в Передней и Центральной Азии (Жуковский, 1964. С. 333). Горох предъявляет повышенные требования к влаге: для прорастания семян требуется 100–150 % воды от веса семян; наиболее высокие урожаи снимают, когда влажность почвы близка к оптимальной – 80 % от полевой влагоемкости, поэтому он мог выращиваться только на основе искусственного орошения. Является хорошим предшественником многих культур, т.к. синтезирует азот воздуха, а его корневая система растворяет труднодоступные фосфаты, что могло использоваться средневековыми земледельцами для восстановления плодородия почвы после злаковых.

Так же обнаружены семена диких бобовых растений – верблюжьей колочки *Alhagi pseudalhagi* и донника *Melilotus*, которые могли произрастать в окрестностях.

6. Яблоня *Pyrus malus* (груша *Pyrus communis*) (рис. 2Б).

7. Виноград винный *Vitis vinifera* – 83 косточки (рис. 2В). Они морфологически делятся на две группы: более мелкие, округлые (винные сорта) и более крупные и вытянутые (столовые сорта). Косточки сохранились в карбонизированном состоянии. По мнению известного ботаника П. М. Жуковского, регион Каратау входит в ареал распространения дикого винограда и в зону введения в культуру этого вида. Культурный виноград не был импортирован в регион извне и происходит от дикого винограда *V. silvestris*, северной границей распространения которого являются близлежащие горы Каратау, где он приручен к местам древних поселений (Жуковский П.М., 1964. С. 568), у которых происходило его введение в культуру. П.М. Жуковский считает, что в Средней Азии винных сортов очень мало и вино готовят из кишмишных и столовых сортов, но в то же время в западном Тянь-Шане есть одичалый виноград, по типу винный.

Жуковский П.М., 1964. Культурные растения и их сородичи. Л.

Растениеводство., 1967. М.

Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). М., 2000.

Н.Е. Бобковская

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Костные остатки животных из Мангазейского городища (раскопки 2005–2007 гг.)

Во время проведения археологических раскопок Мангазеи в 2005–2007 годах были собраны коллекции костных остатков млекопитающих, птиц и рыб. Сбор остатков производился с учетом их стратиграфического и планиграфического положения; производился количественный учет концентрации костей животных на разных участках, в разных объектах и горизонтах. Скелеты, их части или крупные скопления костей описывались отдельно. Материал с площади жилищ и межжилищного пространства также фиксировался отдельно. Распределение костных остатков по территории раскопа неравномерно: большая часть костных остатков находится за пределами жилищ и является обычными «кухонными отбросами». Встречаются отдельные скопления костей преимущественно некрупных животных – птиц, рыб и зайца; судя по небольшой площади разброса ко-

стей и ограниченности их по глубине залегания, скорее всего, это места предварительной разделки и обработки тушек животных. Кости более крупных животных рассредоточены по площади раскопа более равномерно, что, скорее всего, связано с растаскиванием их собаками, и крупных скоплений не образуют.

Собрано в общей сложности 18455 костных остатков, в том числе 5282 кости млекопитающих (в т.ч. 1237 неопределимых до вида), 10129 костей птицы, 3044 кости рыб. В общей сложности определены кости 15 видов млекопитающих (табл. 1), из них 6 видов домашних животных (крупный рогатый скот, свинья, лошадь, овца, кошка и собака). Предположительно к домашним отнесен также северный олень. Присутствуют также единичные кости человека (изолированные зубы).

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков на территории Мангазейского городища (раскопки 2005-2007 гг.)

Виды	Количество костей/ минимальное число особей
Человек	2
Домашние животные	
Крупный рогатый скот	356/12
Свинья	718/23
Северный олень	818/8
Лошадь	1/1
Овца	1/1
Собака	180/10
Кошка	2/2
Дикие животные	
Лось	44/3
Зяец	1860/82
Бобр	2/2
Медведь	7/2
Волк	2/2
Лисица	5/2
Песец	39/11
Росомаха	2/1
Горностай	2/2
Млекопитающие, не определимые до вида	1237
Птица	10129
Рыба	3044
ИТОГО	18455

Наибольшее число костных остатков принадлежит зайцу. Среди копытных преобладают домашние животные – как по количеству видов, так и по количеству костных остатков. К специфическим особенностям следует отнести немногочисленность находок пушных животных как по числу остатков, так и по количеству видов.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Свинья *Sus scrofa L.*

Представлены все элементы скелета. Раздробленность костей довольно велика: целы в основном изолированные зубы, мелкие кости дистальных отделов конечностей и фаланги пальцев. Остальные кости являются фрагментами, носящими следы раз-

делки и погрызов собак. Среди костных остатков свиньи представлены все возрастные группы – от новорожденных до взрослых животных. Это свидетельствует о разведении свиней жителями Мангазеи. Разводились свиньи как мясные животные, но, вероятно, использовались и шкура, и щетина. В условиях Мангазеи наиболее вероятным кормом для свиней могла быть рыба, но какова ее роль в питании свиней – неизвестно.

Крупный рогатый скот *Bos taurus L.*

Представлены практически все отделы скелета, но почти половину найденных костей составляют ребра и позвонки. Почти все кости принадлежат взрослым и полувзрослым особям, кости молодых особей немногочисленны. Раздробленность костей довольно велика – практически все целые кости являются мелкими костями дистальных отделов конечностей. Все трубчатые кости, ребра, позвонки, фрагменты черепа, нижние челюсти носят следы разделки; большое число костей, кроме этого, погрызено собаками. Содержание небольшого количества этого вида связано, скорее всего, с трудностью заготовки кормов на зиму.

Северный олень *Rangifer tarandus L.*

Как известно, определить по костным остаткам принадлежность оленя к дикой и домашней формам довольно затруднительно, поэтому отнесение северного оленя к домашним животным носит условный характер. Скорее всего, часть найденных костей принадлежит дикому северному оленю, но оценить его долю, а также долю домашних оленей, принадлежавших аборигенному населению, но, несомненно, попадавших в город, затруднительно.

Остатки северного оленя весьма многочисленны. Представлены все элементы скелета. Раздробленность костей очень велика, даже выше, чем у двух предыдущих видов; подавляющее большинство костей со следами погрызов собак. Возрастной состав определить сложно из-за сильной раздробленности; судя по размерным характеристикам и состоянию губчатой ткани фрагментов костей, подавляющее большинство костных остатков принадлежало взрослым и полувзрослым животным; кости молодых животных единичны. Северный олень, несомненно, широко использовался жителями города не только как пищевой ресурс, но и как транспортное животное. Его рога использовались для изготовления различных предметов, о чем свидетельствуют находки роговой «стружки» и многочисленных фрагментов рогов со следами обработки. Так же использовалась и шкура.

Собака *Canis familiaris L.*

Общее количество найденных костных остатков – 180 костей (в том числе 2 полных скелета и 7 отдельных фрагментов скелетов, принадлежащих

разным особям). Среди изолированных костей представлены все элементы скелета. Следы порубов и погрызов на костях немногочисленны, в основном кости подверглись механическому разрушению по естественным причинам. Подавляющее большинство костей принадлежит взрослым особям средних и крупных размеров; обнаружены кости щенков.

Как уже сказано выше, найдены также 2 почти полных костяка собак с отрубленными головами, причем голова одной из них была унесена с площади раскопа. Первый скелет захоронен на участке А'/3, ур. 549–544 в слое щепы. Сохранилась шерсть рыжего цвета, фрагментов кожи нет. Позвоночник и кости конечностей обнаружены в анатомическом порядке. Череп находился на некотором удалении от скелета. Нижние челюсти этой же особи находились отдельно от черепа, в брюшной полости: одна – прямо под ребрами, вторая – ближе к поясничному отделу и частично перекрыта смещенными ребрами. Отделение челюстей, видимо, произошло после мацерации мягких тканей, т.к. порезов и порубов на суставных поверхностях черепа и челюстей не обнаружено.

На участке Р/18, ур. 496–485 в слое перегоя с большим количеством остатков экскрементов около Ю-В стенки постройки 16, между двумя бревнами снаружи от постройки так же найден скелет собаки. Костяк практически полный, животное находилось в изогнутой позе (тело было брошено между бревнами), череп отсутствует. Среди изолированных черепов собак, найденных на территории раскопа, череп этой особи не обнаружен.

Оба скелета принадлежат взрослым, но не старым особям. Однозначно интерпретировать эти находки трудно, хотя ясно, что собаки были убиты преднамеренно.

Лошадь *Equus caballus L.*

На участке Ч-Ш/27-28, в слое перегоя под дерном обнаружен фрагмент верхнего конца большеберцовой кости лошади. По характеру сохранности кость мало отличается от основной массы костей с территории городища, однако и исключить, что кость имеет более позднее происхождение, нельзя.

Овца *Ovis aries L.*

На участке Г'-Е'/18-23, ур. 623-636 в слое желтой щепы обнаружена целая таранная кость овцы. Таранные кости овец могли использоваться как в качестве игральные принадлежности, так и для различных бытовых нужд, поэтому нельзя исключить завоз отдельных костей этого вида именно с этими целями. Находка единичной кости овцы не может являться свидетельством их содержания в Мангазее.

Кошка *Felis catus L.*

Обнаружены 2 нижние челюсти взрослых животных, принадлежащие разным особям.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Из диких млекопитающих наибольшее число костей принадлежит зайцу, лосю и песцу.

Лось *Alces alces L.*

Кости лося немногочисленны, что отражает очень низкую численность лося на севере Западной Сибири.

Заяц *Lepus timidus L.*

По количеству костных остатков заяц является самым многочисленным видом на территории Мангазейского городища. Распределение костных остатков по территории раскопа неравномерно: наблюдаются как отдельные изолированные кости, так и скопления изолированных костей, перемешанные, как правило, с костями птиц и рыб (см. выше), и фрагменты лап в шерсти и без шерсти. Кроме собственно костных остатков, встречены также когти и многочисленные клочки шерсти. Представлены все отделы скелета. Это говорит о том, что целые тушки приносили на поселение и здесь их разделявали. Скорее всего, заяц использовался одновременно и как источник мяса, и как объект пушного промысла. Задние лапы использовались для подметания мусора.

Песец *Alopex lagopus L.*

Всего собрано 39 костей этого вида, среди них преобладают кости головы; кости остальных частей туловища малочисленны. Единичные находки костей песца не отражают реального объема его добычи. Она велась на промысловых участках, и в город приносили только шкурки.

Кости медведя, волка, лисицы, росомахи, горностая и бобра единичны. Разделка пушных животных, скорее всего, происходила непосредственно в местах промысла, а на территорию городища попадали только шкурки.

Кроме того, на площади раскопа найдены фрагменты бивней мамонта и китового уса, остатки и того, и другого вида были доставлены на территорию городища для ремесленного использования.

Находки человеческих зубов (как правило, абсолютно целых, без следов механических повреждений и заболеваний вроде кариеса), пусть и в небольшом количестве, служат еще одним косвенным подтверждением распространения цинги.

Таким образом, основой белкового питания населения города было мясо (и, возможно, молоко) крупного рогатого скота, свиньи и северного оленя. Коровы и свиньи содержались и разводились жителями города. Очень существенное место в рационе мангазейцев занимали зайцы, пернатая дичь и рыба, добывавшиеся в окрестностях города. Пушной промысел велся вдали от города.

А.А. Бобринский
Институт археологии РАН

Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике

1. По находкам керамики мы уже научились выделять и использовать в своих работах историко-культурную информацию, которая отображается в некоторых особенностях ее внешнего облика, техники и технологии.

2. Но до сих пор ничего конкретного не знаем ни о поле, ни о возрасте людей, изделия которых изучаем. Напомню, что по данным археологии точно неизвестно, кто именно – мужчины или женщины – вовлекались в процессы изготовления глиняной посуды на протяжении многовековой истории гончарства. По этому поводу, правда, высказывались предположения, что у истоков гончарства была женщина, что именно она повсеместно оставалась носительницей гончарных традиций вплоть до распространения ремесленных производств керамики, в которых главное место стали занимать мужчины. Однако никаких подтверждений в материалах археологии эти предположения пока не имеют.

3. Отсутствие археологических свидетельств о реальном вкладе мужчин и женщин в историю зарождения и развития гончарства сильно сдерживает разработку методов изучения керамики в качестве исторического источника. И именно это обстоятельство побудило к поиску путей и средств, которые помогли бы устранить пробелы в знаниях о древних гончарах.

Необходимо было решить, прежде всего, три основные задачи. Во-первых, выделить детали, которые могли бы служить вещественными источниками информации о половой принадлежности людей, делавших керамику. Во-вторых, выяснить свойства и надежность этих источников. И, в-третьих, разработать методику установления пола индивидов по керамическим находкам.

4. В докладе кратко изложен опыт решения всех этих задач. Цель автора – познакомить с зависимостями, на основе которых удалось построить методику установления пола гончаров, с ее общими особенностями, а также рассказать о первых результатах практического использования методики.

5. В качестве вещественных носителей информации о половой принадлежности индивидов в докладе рассматриваются находки керамики с отпечатками ногтевых пластин (сокращенно – НП). Наиболее часто такие отпечатки возникали при нанесении так называемых ногтевых орнаментов – «тычковых» и

«защипных». Первые наносились обычно концом одного пальца, а вторые – концами двух пальцев.

6. Исходя из представлений, что строение НП и примыкающих к ним мягких тканей древних и современных людей принципиально не отличались, методику изучения НП решено было разрабатывать по отпечаткам концов пальцев современных людей. С этой целью в течение ряда лет собирались отпечатки у людей мужского и женского пола различного возраста. В результате составлена коллекция отпечатков и слепков, оттиснутых в глине, примерно 600 лиц мужского и 600 лиц женского пола в возрасте от 4 до 80 лет и более.

7. В сферу доступных для археолога наблюдений обычно попадают самые верхние участки концов пальцев. В них часто отображаются важные детали строения НП и прилегающих к ним мягких тканей. Всего на верхних участках концов пальцев выделено более 30 деталей строения. Многие из них перспективны для сравнительного изучения.

8. В докладе приводятся результаты изучения одной детали строения. Она фиксирует ширину НП в пределах ее свободного края. Ее принято обозначать тремя заглавными буквами – НП-Ш (т.е., дословно – ногтевой пластины ширина). Выбор именно этой детали объяснялся тем, что она наиболее часто и строго может быть учтена как по отпечаткам НП современных, так и древних людей.

9. Сравнительное изучение НП-Ш позволило установить, что сами размеры НП-Ш на руках мужчин и женщин не могут быть использованы в качестве довода об их принадлежности к мужскому или женскому полу. Во-первых, размеры НП-Ш очень индивидуальны, а во-вторых, они постоянно увеличиваются в течение жизни. Поэтому, даже располагая данными о возрасте индивида, судить о его поле всегда проблематично.

10. Установлено, что на руках мужчин и женщин три пальца – большой (Бш), средний (Ср) и мизинцевый (Мз) – по значениям НП-Ш всегда занимают строго определенное место. Большой палец – первое место, средний – второе, а мизинцевый – пятое место. И только два пальца – указательный (Ук) и безымянный (Бз) – не имеют постоянного места. Оказалось, что их место зависит от пола индивида. У мужчин указательные пальцы занимают четвертое место на руках, а безымянные – третье. У женщин,

наоборот, указательные пальцы занимают третье, а безымянные – четвертое место. Таким образом, путем сравнительного изучения соотношений НП-Ш удалось выяснить, что в особенностях строения концев пальцев отображаются сведения о половой принадлежности индивидов.

11. Зависимость места двух пальцев на руках индивидов от их пола названа «физиологическим стандартом» и обозначена двумя заглавными буквами – ФС. Если воспользоваться сокращенными обозначениями мужского (М) и женского (Ж) пола, то можно представить каждый стандарт в виде алгебраического выражения:

$$\text{МФС} = \text{Ук} < \text{Бз}$$

$$\text{ЖФС} = \text{Ук} > \text{Бз}$$

Из них следует, что МФС фиксируется в случаях, когда разности НП-Ш Ук – НП-Ш Бз представлены *отрицательными числами*, а ЖФС – *положительными числами*.

Допустимо предполагать, что выделенные стандарты являются номинальными указателями основной биологической функции мужского и женского пола. Эта функция «закладывается» в будущий организм при зачатии и сохраняется в течение всей жизни индивида.

12. Основанием для такого мнения послужили результаты проверки реальной связи выделенных стандартов с современными лицами мужского и женского пола в возрасте от 4 до 78 лет включительно. Так, у лиц мужского пола соответствия МФС отмечены в 98,3 % случаев по правым рукам, и в 96,5 % – по левым рукам. У лиц женского пола такие соответствия зафиксированы в 91,2 % случаев по правым рукам, и в 88,2 % – по левым рукам. Полагаю, что отступления от ЖФС связаны с кратковременными нарушениями гормонального баланса в женских организмах, возникающими в периоды регул, болезней или беременности.

Если учесть это обстоятельство и данные этнографии о запретах делать женщинам посуду в периоды регул, то станет понятным, что выявленные стандарты – МФС и ЖФС могут служить вполне реальными источниками информации о половой принадлежности как современных, так и древних людей, занимавшихся, в частности, изготовлением глиняной посуды.

13. Именно эти стандарты были положены в основу методики установления пола людей по ногтевым отпечаткам на керамике. К настоящему времени создан первый вариант такой методики. В силу большого объема вычислений ему придан вид компьютерной программы. По ряду технических и иных соображений в докладе опущено изложение самих вычислительных процедур. Отмечу только,

что программа построена с учетом факторов биологического развития мужских и женских организмов. Вводимое в нее значение НП-Ш анализируется в пяти звеньях: консервативном, адаптивном, оперативном, аналитическом и выводном. В последнем звене все промежуточные вычисления определенным образом фильтруются, а итоги представляются в виде процентного соотношения ЖФС и МФС.

14. Для проверки надежности работы программы привлечены результаты измерения НП-Ш примерно 800 указательных пальцев на правых и левых руках современных мужчин и женщин в возрасте от 4 до 78 лет.

Выяснено, что по значениям НП-Ш указательных пальцев правых рук мужчин и женщин правильные заключения о половой принадлежности индивидов программа вычислила примерно в 94 % случаев. Причем мужчины старше 15 лет правильно определены в 98,5 % случаев, а женщины – в 89 % случаев. Большая часть отступлений от стандарта у женщин отмечена после 37 лет, а у мужчин, наоборот, они касаются главным образом детей и подростков младше 15 лет. Программа по правым и левым рукам квалифицировала их как относящихся к женскому полу. Объясняется это гормональной перестройкой мужских организмов в ходе их полового созревания, что и отразилось в показаниях программы.

15. Правильные определения по указательным пальцам левых рук у женщин отмечены в 88 % случаев, а у мужчин – в 66,3 %. Так, выяснилось, что информацию о поле индивидов по пальцам правых рук можно получить более строго, чем по пальцам левых рук. По признакам асимметрии в строении НП пальцы разных рук различаются с помощью специально разработанной методики. Поэтому учесть особенности качества информации на практике обычно несложно.

Эти и некоторые другие подробности, выявленные в ходе сравнительного изучения НП и тестирования программы, позволили заключить, что уже сегодня ее допустимо использовать в исследовательских целях.

16. В качестве примера ее практического использования в докладе приводятся результаты изучения нескольких образцов керамики с ногтевыми орнаментами из памятников эпохи раннего железа (городища Кузина Гора, городища Милограда и поселения Подгорцы).

В заключение подчеркну, что разработанная методика позволяет ввести в научный оборот не только новые сведения о древних гончарах, но и – в более широком плане – данные о связях между предметным миром, который мы изучаем по вещественным остаткам, и миром людей, его создававшими

а протяжении многих тысячелетий. Полагаю, что изучение подобных связей способно сделать более прогими наши суждения о событиях культурной и

этнокультурной истории, отображаемых в особенностях внешнего облика и технологии изготовления глиняной посуды.

О.Г. Богаткина

Институт истории АН Республики Татарстан, Казань

Анализ фаунистических остатков Гулюковской III стоянки: элементы реконструкции хозяйственной деятельности*

Результаты исследования фаунистических остатков, полученных в ходе раскопок Гулюковской III стоянки эпохи бронзы в 2006 году (Татарстан, Мензелинский район, село Гулюково), характеризуют промежуточный этап изучения данного памятника археологии. Поступление нового материала в дальнейшем обогатит статистическую, а следовательно, и доказательную базу данных. Это позволит осветить проблему реконструкции хозяйственной деятельности древнего населения более последовательно и многогранно.

Проведенная диагностика и подсчет костных остатков животных позволяют обсудить некоторые элементы скотоводческой и, с некоторыми оговорками, охотничьей практики населения Гулюковской III стоянки (выводы базируются на результатах диагностики 5232 костных фрагментов).

Предлагается рассмотреть следующие элементы реконструкции скотоводческого уклада в рамках хозяйственной деятельности: 1) виды разводимых животных; 2) формы использования животных; 3) роль мясного питания; 4) скотоводческая техника; 5) методы выпаса; 6) относительный удельный вес охотничьей практики; 7) место скотоводства в системе хозяйственной деятельности населения стоянки.

Статистические показатели свидетельствуют о том, что население разводило все основные виды домашних животных: рогатый скот (крупный, мелкий), лошадь, свинью. Большое число костных остатков крупного рогатого скота (51, 3 % от остатков всех домашних животных) позволяет полагать,

что роль этих животных в обеспечении мясным питанием была высока, а может быть, и преобладала. Количество остатков остальных видов распределяется в относительно равных долях, что еще более ярко высвечивает тенденцию массового использования именно крупного рогатого скота (КРС). Возрастные характеристики забитых животных подтверждают гипотезу разностороннего их использования (основные группы забитых животных: КРС в возрасте 1–3,5 лет; лошадь – 2–2,5 года; МРС – 2–3,5 года; свинья – до 1 года). Одной из характеристик скотоводческой техники разведения скота является разумный (экономичный) подход в этом деле (слишком молодых животных, не достигших одного года: рогатый скот, лошадь – забивали редко). Методы выпаса скота могли быть как пастушескими, так и отгонно-пастбищными, что, в первую очередь, относится к выпасу крупного рогатого скота и лошадей. Разведение свиней представляется традиционно придомным. С большой долей вероятности можно констатировать, что охотничья практика была, по всей видимости, вспомогательной (остатки диких животных составляют 1,4 % от общего количества диагностированных костных фрагментов).

Состав стада домашних животных, их возрастные характеристики, объем полученной выборки костных остатков позволяют полагать, что именно занятие скотоводством во многом определяло образ жизни населения Гулюковской III стоянки.

*Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 07-06-00169.

А.В. Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

Д.С. Коробов

Институт археологии РАН

С. Райнхольд

Германский археологический институт

Й. Фассбиндер

Управление по охране памятников культуры Баварии, Мюнхен, Германия

С. Петерс

Университет г. Оснабрюк, Германия

Мультидисциплинарные исследования поселений с симметричной планировкой в окрестностях Кисловодска*

Доклад посвящен мультидисциплинарным исследованиям поселений кобанской культуры неизвестного ранее типа, недавно открытых в Кисловодской котловине. Поселенческие структуры, отличающиеся общей топографической ситуацией от остальных памятников, были впервые обнаружены Д.С. Коробовым в полевой сезон 1999 г. (поселение Правоберезовское 9). В 2003 г. в процессе дешифровки аэрофотосъемки долин рек Березовой и Кабардинки была выявлена структура этого поселения, оставшаяся на тот момент не совсем ясной и потому неопубликованной.

В 2004 г. начался новый этап в изучении памятников этого типа. В процессе совместных экспедиционных работ, ведущихся Институтом археологии РАН и Германским археологическим Институтом (руководители Д.С. Коробов и С. Райнхольд), сначала на поверхности, а затем на нескольких аэрофотоснимках были обнаружены поселения с симметричной планировкой – центральной площадью, окруженной со всех сторон рядом домов. Все эти поселения расположены к югу от Кисловодска, на плоскогорье на высоте 1400–1700 м. Полевое обследование нескольких десятков подобных поселений позволяет связать видимые на аэрофотосъемке объекты с существующими развалинами каменных стен, покрытыми растительностью и возвышающимися на 0,5–0,8 м над поверхностью.

За два прошедших полевых сезона С. Райнхольд совместно с А.Б. Белинским (ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края) была проведена масштабная археологическая разведка в верховьях Кумы и Подкумка на территории Малокарачаевского и Усть-Джегутинского районов КЧР, в ходе которой были проверены результаты дешифров-

ки аэрофотоснимков и первично обследовано 120 из 160 поселений, распознающихся на аэрофотосъемке благодаря остаткам видимой на поверхности архитектуры. В процессе разведочных работ собирался подъемный материал, осуществлялись привязки объектов к системе географических координат с помощью GPS-приемников, составлялись глазомерные топографические планы. Помимо изучаемых поселений с симметричной планировкой, исследованию подверглись и другие типы поселенческих структур (длинные ряды домов, концентрические объекты, стены), судя по собранному подъемному материалу, также относящиеся к кобанской культуре.

Проведенный анализ аэрофотоснимков позволяет выделить шесть основных типов поселений с симметричной планировкой, варьирующихся от весьма четкой правильной планировки площади и построек до достаточно нерегулярной конгломерации зданий, которые все же следуют общему плану. Ориентированы эти поселения в основном по линии север – юг, с отклонениями в 10° к западу или востоку. Лишь 17 % поселений ориентированы длинной стороной по линии запад – восток. Причем эта предрасположенность к ориентировке по линии север – юг не зависит от микротопографической ситуации, в которой располагается поселение.

Размеры поселений колеблются от 70×50 м до 200×200 м. Тем не менее, более трех четвертей памятников имеют территорию, покрытую архитектурными остатками на площади 0,3–0,7 га. Памятники в основном найдены в комбинациях по два, реже по три поселения, расположенных поблизости друг от друга. Три – четыре подобные комбинации памятников отделяются от остальных поселенческих систем боковыми балками или районом, свободным от ви-

димого заселения. При этом поселения часто располагаются по краям плато, внутреннее пространство которых, судя по данным аэрофотосъемки, не носит следов видимого обитания.

Пространственный анализ совокупности обнаруженных поселений методами ГИС позволяет выявить четкие закономерности в их расположении выше 1400 м и ниже 2200 м над уровнем моря. Это расположение отличается от высотного распространения памятников кобанской культуры, известных ранее в Кисловодской котловине, а также выявляемых зон террасного земледелия. Остается пока открытым вопрос о сезонном или постоянном типе обитания на этих поселениях.

Параллельно разведочным работам Д.С. Коробовым и С. Райнхольд осуществляются более детальные археологические исследования подобных памятников. Основное полевое обследование проводится на поселении Кабардинка 2, где осуществлялась микротопосъемка, систематический сбор подъемного материала, шурфовка, раскопки одной из построек, а также отбор почвенных проб на геохимические анализы. Памятник представляет собой овальную площадь, вытянутую с СЗ на ЮВ и окруженную рядом двухкомнатных построек. Всего обнаружено не менее 30 подобных домов, имевших размеры 8×10–10×15 м и представлявших собой задернованные каменные фундаменты, возвышающиеся на высоту 0,5–1,0 м над поверхностью. Проведенная шурфовка центральной площади показала практически полное отсутствие археологического материала на ней и, возможно, отсутствие растительного покрова в период ее использования жителями поселения. Эти выводы подтверждаются при обследовании центральной площади расположенного в 2 км к востоку поселения Кабардинка 3, где наблюдается аналогичная картина.

В западной части поселения Кабардинка 2 за пределами видимых построек выявлено место высокой концентрации подъемного материала, условно названное «мусорной свалкой». Заложенный в этом месте шурф показал наличие большого количества фрагментов керамики и костей животных. Представляется весьма интересным, что при полевом обследовании десятков подобных поселений выявляются аналогичные места концентрации подъемного материала за пределами обитаемой части памятника на расстоянии 10–20 м от края застройки, возле небольших балок.

В 2005–2007 гг. на поселении Кабардинка 2 проводились раскопки постройки 14. В раскопе площадью 290 кв. м были расчищены внешние стены постройки шириной 80–120 см и высотой 30–80 см, сложенные в виде двухпанцирной кладки с за-

бутовкой. Впечатляющим архитектурным объектом является внешняя полукруглая стена постройки, сложенная из двух рядов поставленных на ребро массивных плит. Были открыты также внутренние перегородки, разделявшие помещение на отдельные комнаты. В каменном развале, перекрывавшем сверху помещение постройки, и в культурном слое мощностью 5–15 см обнаружено более 20 тыс. фрагментов керамики. Была собрана остеологическая коллекция и отобраны образцы для радиоуглеродного анализа и макроботанических исследований. Предварительная информация о радиоуглеродных датах позволяет отнести существование данной постройки к XIII–IX вв. до н.э. (анализ проводился в лаборатории университета г. Лунд, Швеция).

Помимо раскопок, на поселениях проводятся исследования с помощью неинвазивных методов (рис. 1). Систематически отбираются почвенные пробы для фосфатного, магнитного, химического и микробиологического анализов (А.В. Борисов и С. Петерс). Результаты пока находятся в стадии обработки, однако уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. В частности, анализ содержания фосфатов в почве показал их отсутствие на центральных площадях поселений. При этом использование центральных площадей в качестве мест содержания мелкого рогатого скота подтверждается микробиологическим анализом, выявившим в почвенных пробах грибковые бактерии, обитающие на шерсти и копытах животных. Представляется вероятным также содержание скота внутри построек, где в почвенных пробах присутствует повышенное содержание мочевины. Жилые функции видимых на поверхности построек отражаются в повышенном содержании фосфатов и более высокой магнитной восприимчивости отобранных образцов грунта.

Осуществлялись исследования серии поселений Кабардинка 2–5 методами георадарного профилирования и микротопосъемки с помощью лазерного тахеометра (А.В. Довгалева, С.В. Меркулов и Е.С. Меркулов, ГУП «Наследие» Минкультуры Ставропольского края). Использовался георадар марки «Лоза М» с антеннами частотой 180 МГц. Георадарные измерения фиксировались с шагом в 0,5 м в одном направлении по каждому профилю. Ширина между профилями составляла 1,0 м. В результате обследования были уточнены границы видимых на поверхности архитектурных сооружений и выявлены невидимые в рельефе каменные фундаменты построек (рис. 1). Микротопосъемка поселений с симметричной планировкой, проводимая с помощью электронного тахеометра «Sokkia», позволила уточнить распространение архитектурных остатков

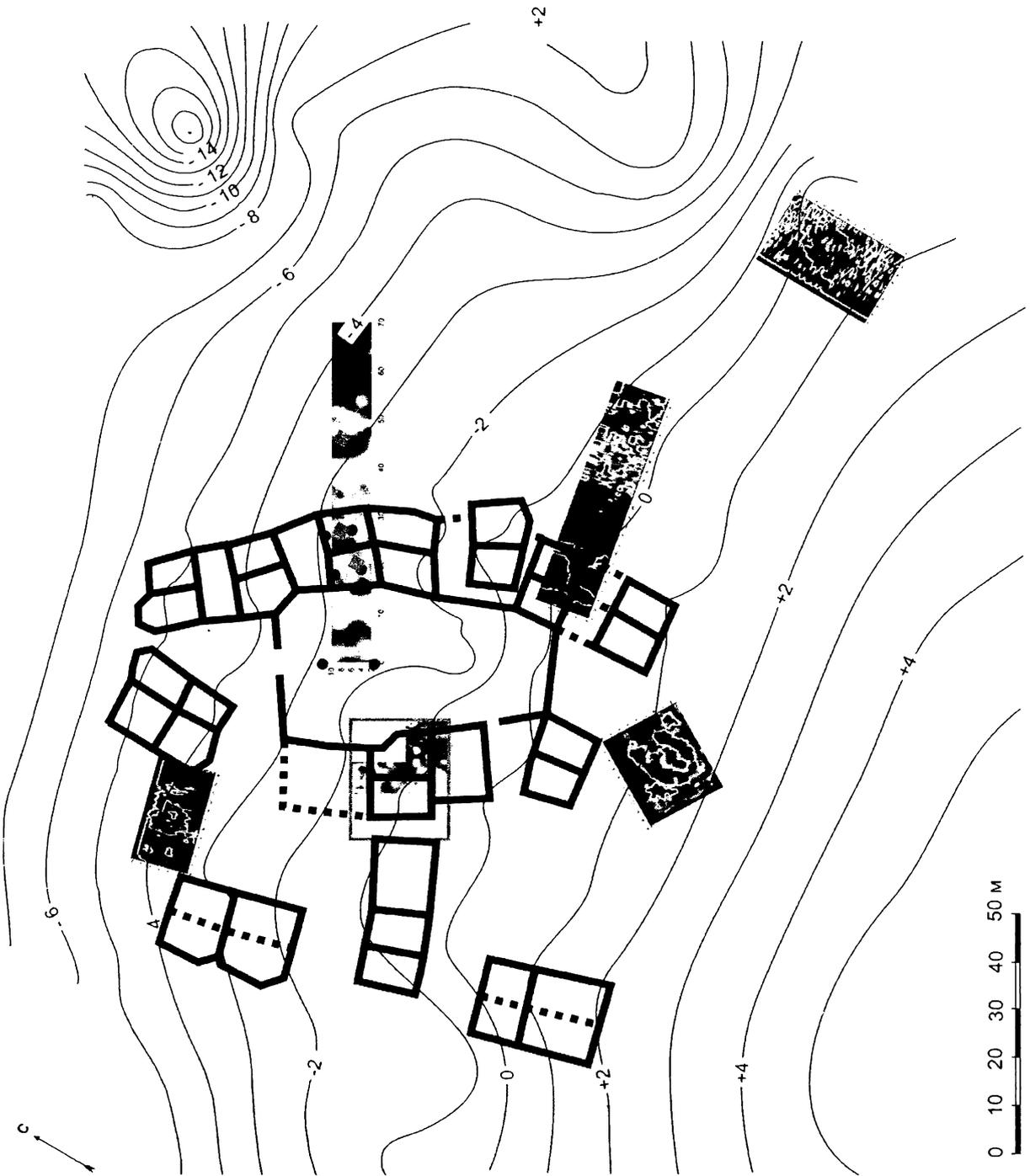

Рис. 1. Топографический план поселения Кабардинка 2 с нанесенными участками почвенных и георадарных изысканий

и получить детальную топографическую подоснову для будущих исследований.

На четырех поселениях с симметричной планировкой Кабардинка 2–5 проведена магнитометрическая съемка, общая площадь которой превысила 9 га (Й. Фассбиндер). В ходе ее были получены масштабные результаты, позволяющие скорректировать информацию о структуре памятников, известной по аэрофотоматериалам (рис. 2). Использовалась авторская разработка цезиевого магнитометра Smartmag SM 4 конфигурации «total field». Проведенные измерения позволили выявить многочисленные структуры, невидимые на поверхности, которые могут иметь различное происхождение. Так, на поселениях с симметричной планировкой вне зоны видимых построек распознаются места разжигания

огня (очаги), а также скопление материалов с повышенной намагниченностью в 25–30 м от внешней стороны построек (зоны «мусорных свалок»). Удалось выявить месторасположение предполагаемого грунтового могильника. Результаты геофизических изысканий будут проверяться в ходе дальнейших полевых работ.

Использование современных неинвазивных методов показало их высокий потенциал в выявлении и изучении нового типа поселений кобанской культуры. Проводимые исследования этих уникальных памятников Северного Кавказа будут продолжены.

*Подготовлено в рамках совместного проекта РФНФ-DGF (грант № 06-01-92012a/D).

Рис. 2. Результаты магнитной разведки на поселении Кабардинка 2, проведенной Й. Фассбиндером

А.А. Василевский

*Сахалинская лаборатория Института археологии и этнографии СО РАН;
Сахалинский государственный университет*

Сценарии взаимодействия человека и природы в условиях перехода от материковой к островной суше (на примере событий эпохи плейстоцена и голоцена в цепи Сахалин – Японский архипелаг – Курильские острова)

Поведение, циклы и стратегия выживания доисторического человека в островных условиях – вопросы, представляющие значительный интерес для науки. В рамках системы «среда–социум» взаимодействует множество факторов, поэтому изначально следует учитывать нелинейный характер отношений и упрощенность самых сложных моделей, а также цикличность событий и повторяемость основных природных сценариев. Ритмичность, будучи свойством экосистемы в частности и материи в целом, естественным образом проявлялась на первых ступенях развития древнейших обществ. Широко известно, что в доиндустриальных обществах рубежные события в развитии технологий, пики инноваций и природные изменения с определенным постоянством совпадают друг с другом.

Состав фауны в островном мире всегда в основном соответствовал фаунистическим комплексам Сибирской области и Северного Китая. Синантроп в силу его адаптивных способностей и близости ареала к островам мог проникать сюда вслед за животными уже 500–450 тыс. л.н. Документально присутствие человека на Сахалине доказано с периода 230–200 тыс. л. В конце XX в. произошла смена взглядов на оценку изменений уровня Мирового океана. В течение плейстоцена отмечается многократное опускание и поднятие его уровней. Однако определяющей тенденцией следует признать понижение уровня океана, происходившее в ходе нескольких последовательных регрессий. Все палеогеографические построения в изучаемом регионе на период древнее 150 тыс. л., не обладают такой точностью, какая возможна для верхнего плейстоцена от 125 тыс. л.н. до наших дней, так как та обеспечена данными радиометрии и тефрохронологии (Ota and Machida, 1987. P. 217–218). Изменения среды всегда сказывались на жизни островитян, особенно тогда, когда они носили катастрофический характер. Однако считаем неправомерным связывать проблему первоначального заселения человеком островного мира с вопросом о временных границах проливов Невельского и Лаперуза. Цикличность изменений уровня моря позволяет утверждать, что у человека в эпоху плейстоцена

возможность расселяться на островах к северу от его восточно-азиатской прародины существовала постоянно. Необходимо говорить об иных факторах, которые влияли на такие миграции.

Потепления в плейстоцене расширяли на север ареалы южной флоры и фауны. Расширилась среда обитания рода *Номо*. Исследования показывают: ледники с большим запозданием реагируют на изменения климата (Левина, Грачев, 1998. С. 244). Это способствовало миграциям человека на острова в теплые периоды до того, как сухопутные мосты погружались в море. По исследованиям А.М. и А.Н. Александровых, В.В. Никольской, А.М. Короткого, Ю.А. Микишина, С. Цудзи и др., в районе островной цепи Сахалин – Хоккайдо – Южные Курилы прослеживаются два основных сценария изменений среды. Под сценарием понимается устойчивая совокупность единообразно повторяющихся событий в конкретном районе, являющихся ответной реакцией экосистемы и социумов на глобальные внешние изменения (воздействия). Определено, что главной особенностью плейстоцена является направленное изменение климата в сторону похолодания.

Сценарий 1. Похолодание и аридизация климата на побережьях в рамках глобального процесса были смягченными по сравнению с таковыми в континентальных районах. В локальных районах островов в связи с изменениями маршрутов морских течений, смещением на юг границы тайфунов и т.д. изменяется микроклимат. Вследствие похолодания происходит регрессия моря, исчезают проливы Невельского и Лаперуза и образуется полуостров Сахалин – Хоккайдо – Южные Курилы. Сохраняются проливы Цугару и Цусима, «открывающие» Японское море. Происходит понижение базиса эрозии и врез русел рек с образованием террас, ныне погребенных под отложениями последующих эпох. В устье р. Амур образуется широкая дельта с рукавами, уходящими в бассейны Японского и Охотского морей. Дельта захватывает территорию Северного Сахалина. Происходят меридиональные миграции флоры и фауны суши и гидробионтов. Широко распространяются холодостойкие виды. По образовавшимся на месте

проливов перешейкам на Сахалин и Хоккайдо проникают популяции, господствовавшие до этого на континенте и не имевшие в предшествующие периоды изоляции доступа на острова. Они, как правило, вытесняют либо поглощают ослабленные изоляцией островные популяции, которые не всегда обладают необходимой для соперничества адаптивной силой в изменившихся условиях, и, как правило, уступают мигрантам по численности. Вполне естественными представляются инфильтрации и миграции вслед за животными континентальных человеческих популяций из районов нижнего Амура на п-ов Сахалин и, соответственно, вытеснение островного населения в южные районы – на Хоккайдо, Курилы и Хонсю. Причина меридиональных перемещений флоры, фауны и человека – последствия глобальных изменений климата и природной среды. Одновременно происходит формирование устойчивых популяций, видов, сообществ, социумов, противостоявших изменению среды и вырабатывавших собственные рецепты адаптации в островных условиях на основе имеющегося устойчивого опыта.

Сценарий 2. Потепление климата в рамках глобального процесса приводит к трансгрессиям моря. Образуются эстуарии, фьорды, мелководные заливы, лиманы, лагуны. На месте низинных аккумулятивных равнин возникают морские заливы (Анива, Байкал, Мордвинова, Пильтун, Терпения). Вновь изменяется микроклимат в локальных районах островов в связи с изменениями маршрутов морских течений, продвижением границы тайфунов и т.д. Море поглатывает сухопутные мосты, полуостровная система сменяется цепью островов: Сахалин – Хоккайдо – Кунашир, Шикотан, Малые Курилы. Появляются проливы Невельского, Лаперуза, Южно-Курильский, расширяется пролив Цугару. Осложняется, но не прерывается связь природных сообществ островов. В результате повышения базиса эрозии происходит заполнение глубоко врезанных русел рек продуктами эрозии. Образуется новое устье р. Амур, имеющее форму глубокого эстуария. Идет новая волна меридиональных миграций теплолюбивой флоры и фауны, включая обитателей водной среды. Наряду с процессами адаптации аборигенных социумов и сообществ отмечаются инфильтрации и обширные миграции из островного мира Хоккайдо, Хонсю, Сахалина на север, и вероятно, на континент. Несомненно, в процессе адаптации и человека, и растительности, и животного мира должны были формироваться устойчивые аборигенные группы и популяции, приспособленные к изменившейся среде.

Обобщая приведенные выше сценарии, предлагаем следующие выводы. Наличие двух морских бассейнов – Охотского и Японского морей на Саха-

лине и трех, в том числе Тихого океана, на о. Хоккайдо, а также сохранение обширных внутренних территорий с собственным микроклиматом обусловило значительное многообразие ландшафтов в рамках полуостровной или островной территории в плейстоцене и голоцене. Ограниченные ресурсы островной экосистемы не всегда удовлетворяли необходимые потребности человеческих сообществ и популяций животных. Это характерно как для периодов похолоданий, так и для этапов потепления климата. В условиях масштабных изменений среды ресурсы суши истощались настолько, что для человека альтернативой им могли быть а) ресурсы моря; б) новые искусственные ресурсы, создаваемые человеком; в) те же ресурсы при сокращении численности потребителей; г) ресурсы соседних районов, благоприятных для миграции. Существовал еще один выход – использование имеющихся ресурсов при сокращении численности собственного коллектива.

Сочетание четырех факторов: миграций в русле единственно возможных путей «север – юг», инерции и сопротивления собственно островных сообществ; ограниченной экологической емкости среды, наконец, наличия естественных географических рубежей – приводит к неминуемому столкновению и взаимной ассимиляции аборигенных популяций, сообществ и социумов, и мигрантов в рамках трех контактных зон (Нижний Амур – Сахалин, Сахалин – Хоккайдо, Хоккайдо – Хонсю). Стык Хоккайдо – Курилы – Камчатка плавный в связи с естественным географическим разрывом к северу от о-ва Уруп. Вопрос контактной зоны Курильского архипелага еще не изучен. Выделяемые контактные зоны были подвижными, зависели от сценария изменений природной среды и адаптивных способностей его участников. В глобальном смысле природные условия для обитания человека на Сахалине, а также Южных Курилах и Японском архипелаге существовали постоянно. Этот вывод позволяет ставить и рассматривать вопросы миграции и расселения на Сахалине предков человека современного вида на Сахалин в эпохи нижнего и среднего палеолита. Что в начале XXI века находит подтверждение и в данных археологии.

Левина О.В., Грачев М.А., 1998. Сигналы палеоклиматов кислородно-изотопной стадии 11 в осадках озера Байкал // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и неоплейстоцена Сибири. Новосибирск. С. 243–246.

Ota Y. and Machida H., 1987. Quarternary sea-level changes in Japan // Sea level changes. -ed. M.J. Tooley and I. Shennan. - Institute of British Geographers. P. 182–224.

**М.А. Губина¹, Т.А. Чикишева²,
И.В. Куликов^{1,3}, М.И. Воевода^{1,3}, А.Г. Ромащенко¹**

¹ Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск

² Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

³ Научно-исследовательский институт терапии СО РАМН, Новосибирск

Палеогенетическое исследование древнего населения Горного Алтая

В настоящей работе предпринята попытка оценить методами молекулярной генетики смену культур и народов на одной и той же территории в исторической ретроспективе. Объективный подход к истории населения любого региона требует анализа преемственности всех структурных элементов многокомпонентных в своей основе этнокультурных образований, в т.ч. и генетической преемственности. Этот аспект проблемы долгое время решался методами физической антропологии, которые позволяли извлекать генетическую информацию только косвенным путем. Современный этап развития биологической науки предоставляет возможность изучать генетическую историю популяций посредством анализа структуры ДНК, выделяемой из палеоантропологического материала. Исследование структуры генофондов путем анализа последовательностей ДНК априори представляется более информативным.

Настоящее исследование выполнено на палеоантропологических материалах, полученных из погребальных памятников нескольких археологических культур, существовавших на территории Горного Алтая в хронологическом диапазоне от эпохи неолита (IV тыс. до н.э.) до рубежа новой эры. Оно проведено методами физической антропологии (краниометрии) и молекулярной генетики и имеет цель – выявить основные векторы генетических связей у представляемого ими населения. Ранее таким же комплексом методов нами было проведено изучение носителей пазырыкской культуры скифского времени (IV–III вв. до н.э.) (Чикишева, 2003б; Воевода и др., 2003).

Для ретроспективного изучения генетических связей пазырыкцев мы провели исследование митохондриальной ДНК из костных образцов, происходящих из погребений предшествующих культур: неолитической (IV тыс. до н.э.) и каракольской периода развитой бронзы (первая половина – середина II тыс. до н.э.). Одна из основных задач заключается в проверке гипотезы об автохтонном происхождении одного из основных компонентов антропологического состава носителей пазырыкской культу-

ры. Он выделен на краниологическом уровне (Чикишева, 1994, 1996, 2000а, 2002, 2003б) и может быть охарактеризован как антропологический тип с промежуточным выражением основных черт, дифференцирующих монголоидную и европеоидную расы. Индивиды с такой морфологией преобладают в рядовых погребениях пазырыкской культуры (Чикишева, 2003б).

Исследование структуры последовательностей нуклеотидов ГВС I контрольного района мтДНК 11 образцов древней ДНК выявило наличие у них девяти гаплотипов, которые в соответствии с общепринятой классификацией (Wallace, 1995; Richards et al., 1998; Kivisild et al., 2002) относятся к пяти гаплогруппам: трем восточно-евразийским – А, С, D и двум западно-евразийским – U5 и H. Для двух образцов ДНК из Каминной пещеры и Ак-Алаха-5, кург. 4 необходимы дополнительные исследования для уточнения гаплогрупп. Большая часть анализируемых образцов мтДНК имеет западно-евразийские гаплогруппы (63,6 %). Среди них преобладает гаплогруппа H (57 %).

Только в трех случаях мы наблюдаем прямую корреляцию между расоспецифичностью краниологических признаков и принадлежностью гаплотипов их мтДНК к западно- или восточно-евразийским гаплогруппам. Погребенный в кург. 5 Ак-Алаха-5 с генотипом мтДНК восточно-евразийской гаплогруппы А характеризуется типичным монголоидным морфотипом; двое других Кутургунтас 1 и Уландрык 1 с гаплотипом CRS европеоидной гаплогруппы H имели европейские черты. Все остальные останки (за исключением образца Ак-Алаха-1) имеют промежуточные между монголоидами и европеоидами антропометрические показатели независимо от расоспецифичности гаплогрупп, к которым принадлежат гаплотипы их мтДНК. В случае образца Ак-Алаха-1 (женщина), несмотря на европеоидность морфотипа по краниологическим параметрам, генотип мтДНК относится к гаплогруппе С, входящей в состав супергаплогруппы М, варианты которой распространены среди типичных монголоидов. Интегральная оценка полученных результатов позволяет

заклучить, что, по всей видимости, может и не быть строгой корреляции между расоспецифичностью морфологических признаков людей и принадлежностью гаплотипов их мтДНК к монголоидной или европеоидной гаплогруппе. Генетическое содержание наследуемого по материнской линии факультативного материала, каким является митохондриальная ДНК, возможно, только косвенно влияет на процессы морфогенеза.

Анализ распространенности девяти гаплотипов древних останков среди современных популяций человека, заселяющих Горный Алтай и сопредельные территории, показал присутствие только четырех из них. Гаплотип 16192-16256-16270 (U5) был выявлен у тувинцев (0,3 %) и хантов (0,4 %); с заменой в позиции 16304 (H) – у тувинцев (3,5 %); CRS (H) – у тувинцев (2,1 %), хакасов (1,1 %), алтайцев (1,1 %), казахов (4,1 %), хантов (1,6 %) и манси (5,3 %); 16093-16129-16223-16298-16327 (C) – у тувинцев (3,5 %), алтайцев (1,1 %) и манси (2,6 %).

По результатам молекулярно-генетического анализа мтДНК исследованных образцов, относящихся к эпохам неолита и бронзы, наблюдается присутствие лишь западно-евразийских гаплотипов. Однородность структуры генофонда мтДНК на протяжении двух-трех тысячелетий указывает на отсутствие значимого дрейфа генетического материала в популяции региона. Смещение западных и восточных генных потоков на территории Горного Алтая “летописью” мтДНК зафиксировано только в эпоху железа у носителей пазырыкской культуры. Это подтверждается также комплексом данных по этнокультурогенезу (Молодин, 2003). С большой вероятностью можно предполагать, что европеоидный компонент, обнаруженный в антропологическом составе племен Горного Алтая II тыс. до н.э., свидетельствует об их связях со скотоводческим населением Передней и Средней Азии. Существование таких связей подтверждается археологическими материалами (Молодин и др., 2004; Полосьмак и др., 2006), а также данными палеогенетического анализа.

Учитывая результаты антропологического анализа, извлекающего генетическую информацию хотя и косвенно, но из несопоставимо большего массива древних образцов, можно сделать вывод, что выделенная нами южная евразийская антропологическая формация (Чикишева, 2000а, б; 2003б) является реликтом древней протопопуляции. Эти данные не противоречат высказанной ранее гипотезе о формировании антропологического состава современного населения Евразии на основе исходной протопопуляции, заселявшей предположительно территорию Средней и Центральной Азии в более раннюю эпоху (Воевода и др., 2003).

Воевода М.И., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф., Ромашенко А.Г., 2003. Палеогенетические исследования носителей культуры раннего железного века Горного Алтая // *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы* (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск. С. 121–147.

Молодин В.И., 2003. Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы* (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск. С. 148–178.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 2004. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск.

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Балакина Г.Г., Маматюк В.И., Васильев В.Г., Карпова Е.В., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Довлитова Л.С., Королук Е.А., Царёва Е.Г., 2006. Текстиль из замерзших могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования). Новосибирск.

Чикишева Т.А., 2003б. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы* (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск. С. 63–120.

Чикишева Т.А., 1994. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // *Древние культуры Бертекской долины*. Новосибирск. С. 167–175.

Чикишева Т.А., 1996. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г.* Новосибирск. С. 249–252.

Чикишева Т.А., 2000а. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4(4). С. 107–121.

Чикишева Т.А., 2002. Особенности зубной системы ранних кочевников Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1(9). С. 149–159.

Чикишева Т.А., 2000б. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в

- Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 2(2). С. 131–147.
- Wallace D.C., 1995. Mitochondrial DNA variation in human evolution, degenerative diseases, and aging // *Am. J. Hum. Genet.* Vol. 57. P. 201–223.
- Richards M.B., Macaulay V.A., Bandelt H.-J., Sykes B.C., 1998. Phylogeography of mitochondrial DNA in western Europe // *Ann. Hum. Genet.* Vol. 62. P. 241–260.
- Kivisild T., Tolk H.-V., Parik J., Wang Y., Papiha S.S., Bandelt H.J., Villems R., 2002. The emerging limbs and twigs the East Asian mtDNA tree // *Mol. Biol. Evol.* Vol. 19(10). P. 1737–1751.

В.А. Демкин, Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пушкино

А.Н. Журавлев

Пушкинский государственный университет

Палеоэкология степей Восточной Европы в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья*

На основе обширного экспериментального материала, полученного нами при изучении разновозрастных палеопочв археологических памятников (курганов) эпох бронзы, раннего железа и средневековья восточно-европейских степей, дана оценка степени индикаторности (или временной разрешительной способности) отдельных почвенных показателей и их совокупности при проведении природно-климатических реконструкций. Определено характерное время трансформации качественных и количественных характеристик профиля палеопочв в связи со сменой факторов почвообразования, которое может продолжаться от нескольких лет и десятилетий до многих сотен лет. Предложена хронологическая иерархия почвенных свойств как индикаторов состояния палеоэкологических условий. Более инерционные из них дают возможность выявить ретроспективу развития природной среды и климата в минимальном временном интервале до 200–300 лет. Измеряя же в палеопочвах более динамичные показатели, которые характеризуются сравнительно короткой «экологической памятью», можно реконструировать внутривековой ход природных событий.

Установлено, что в финале атлантического оптимума голоцена (IV тыс. до н.э.) почвы степей Восточной Европы развивались в условиях повышенной атмосферной увлажненности. Около 5000 лет назад началась постепенная аридизация климата, достигшая максимума во второй половине III тыс. до н.э. В конечном счете она вызвала самый масштабный палеоэкологический кризис в регионе за последние 6000 лет, обусловив активизацию процессов засоления, дегумификации, окарбонирования, эрозии почв.

В условиях катастрофической аридизации климата 4500–4000 лет назад в сухостепной и пустынно-степной зонах Восточной Европы сформировались эродированные каштановидные почвы, не имеющие аналогов в современном почвенном покрове. Они получили достаточно широкое распространение в регионе и были приурочены к водоразделам, повышенным древнеморским равнинам, надпойменным речным террасам. Для них было характерно отсутствие признаков солонцеватости и текстурной дифференциации профиля, монотонность окраски, маломощный гумусовый горизонт с содержанием гумуса в гор.А1 не более 2 %. Подобного типа палеопочвы характеризовались поверхностной карбонатностью, отсутствием сегрегационных форм карбонатных аккумуляций, значительной засоленностью профиля. По сравнению с предшествующим временем содержание CaCO₃ в слое 0–50 см возросло в 1,5–2 раза, легкорастворимых солей и гипса в слое 0–200 см – в 2,5–3 раза. Однако уже в XVIII–XVII вв. до н.э. началось смягчение климатических условий с увеличением степени атмосферной увлажненности. Пик этой гумидизации пришелся на вторую половину II тыс. до н.э.

С использованием метода ¹⁴C атомной масс-спектрометрии впервые определен возраст микробной биомассы, выделенной по разработанной нами методике из верхних горизонтов подкурганной и современной каштановых почв Нижнего Поволжья (могильник «Аксай-3», курган 3). Возраст микробной биомассы в гор.А1 палеопочвы около 2000 лет, что совпадает со временем создания кургана (I в. н.э.). Особый интерес представляют результаты определения возраста микробной биомассы, выде-

ленной из горизонта В2 подкурганной и современной почв. Их возраст практически одинаков – 3680 ± 35 и 3300 ± 30 лет, что является подтверждением древности и практически неизменности состояния микробных сообществ в этом горизонте. Их формирование, вероятно, произошло в середине II тыс. до н.э., когда, согласно нашей гипотезе, в степях Нижнего Поволжья в результате смены аридных условий почвообразования более гумидными 4000–3700 лет назад каштановидные палеопочвы эволюционировали в зональные каштановые и около 3500 лет назад сложился современный облик почвенного покрова. Полученные данные подтверждают наше предположение о том, что в подкурганных палеопочвах до настоящего времени сохраняются древние микроорганизмы. Этому способствовали адаптационные механизмы выживания почвенных микробных сообществ (анабиоз, переход бактерий в наноформы и др.) в неблагоприятных экологических условиях,

причем с сохранением ряда микробиологических параметров, отражающих палеоклиматические условия на момент создания курганной насыпи.

Очередной засушливый климатический этап приходился на хроноинтервал конец II – первая треть I тыс. до н.э. Савромато-сарматская эпоха (2600–1600 лет назад) характеризовалась чередованием влажных и засушливых периодов длительностью не более 200–300 лет. Повышение атмосферной увлажненности наблюдалось в VI–V вв. до н.э., I и IV вв. н.э., снижение – в IV–I вв. до н.э. и во II–III вв. н.э. Наиболее значительное увлажнение климата за историческое время имело место в XII–XIV вв. н.э. В природном отношении этот период можно характеризовать как средневековый климатический оптимум.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, В.А. Демкин

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны*

В последнее время мы уделяем особое внимание исследованиям состояния микробных сообществ подкурганных палеопочв. Почвенные микроорганизмы являются неотъемлемой составной частью почвы. Практически все процессы, протекающие в ней, в той или иной степени связаны с жизнедеятельностью микроорганизмов. Поэтому характеристика микробного сообщества относится к числу важнейших диагностических показателей, отражающих условия почвообразования. Палеопочвы, в зависимости от степени консервации, сохраняют ряд свойств с момента погребения (Демкин, 1997. С. 43–46), а следовательно, это должно быть отражено в соответствующих параметрах их микробного сообщества.

В последние десятилетия это особенно убедительно показано на примере изучения вечномёрзлых разновозрастных отложений в тундровой зоне России, в Арктике и Антарктиде (Звягинцев и др., 1985. С. 155–161; Хлебникова и др., 1990. С. 148–155; Friedmann, 1993. Р. 2420–2423), где микробный комплекс оказался законсервированным и практически сохранил исходные свойства. Полученные авторами микробиологические данные дали возможность

судить об особенностях педогенеза и о динамике природных условий на протяжении плейстоцена, то есть в масштабе геологического времени.

Наряду с этим, работы по микробиологии более молодых палеопочв и осадков голоценового возраста практически отсутствуют. Можно сослаться лишь на единичные данные. Имеются результаты исследования подкурганных почв раннежелезного века (II–I вв. до н.э.) в черноземной зоне Алтая (Савостьянова, Нащокин, 1974. С. 7–35), бронзового и раннежелезного веков (III–II тыс. до н.э. и VI–IV вв. до н.э.) в черноземной и каштановой зонах Украины (Золотун, 1974. С. 30–34); почв, погребенных под Траяновым валом в начале нашей эры в черноземной зоне Молдовы (Крупеников, 1992. С. 71–72). В упомянутых работах только констатируется наличие живых микроорганизмов в палеопочвах археологических памятников и отмечается их существенно меньшая численность по сравнению с современными фоновыми почвами. В работе Марфениной с соавторами (Марфенина и др., 2001. С. 855–859) показано, что комплекс микроскопических грибов культурных слоев древнерусских поселений IX–XI вв. н.э. по сравнению с фоновыми почвами

обладает большим видовым и морфологическим разнообразием и имеет определенное сходство с современными городскими почвами, что позволяет использовать микологические характеристики с целью биодиагностики культурных слоев в местах обитания древнего человека.

Нами проведены палеопочвенные исследования нескольких десятков археологических памятников (курганов) эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (IV тыс. до н.э. – XIV в. н.э.) в различных природных районах восточноевропейских степей. Установлено, что величины микробиологических параметров в фоновых почвах, как правило, снижаются вниз по профилю. В подкурганых палеопочвах в настоящее время профильное распределение микроорганизмов либо аналогично современному, либо величины микробиологических параметров увеличиваются в глубь профиля. Вероятно, существенную роль в этом играют степень консервации погребенных почв, литолого-геоморфологические условия, климатические различия отдельных исторических периодов, а также специфика местных условий почвообразования. Вековая динамика состояния микробных сообществ изучена на примере нескольких хронорядов для солонцов, светло-каштановых и каштановых почв. Показано, что изменчивость микробных сообществ в отдельные исторические периоды была значительной, в другие – сравнительно небольшой. Полученные микробиологические данные свидетельствуют об определенной динамике природных условий в исследованных регионах, которые вызывали изменения в состоянии микробных сообществ почв в разные исторические эпохи.

Исследование распределения микроорганизмов в профиле палеопочв и курганных насыпей показало, что численность микроорганизмов в горизонте A1 палеопочв на порядок больше по сравнению с насыпью. Это указывает на древнее происхождение микроорганизмов в погребенных почвах. Впервые получены данные о возрасте микробной биомассы подкурганых палеопочв. Они представляют большой интерес, так как подтверждают предположение о том, что в погребенных почвах археологических памятников до настоящего времени сохраняются древние микроорганизмы. Этому способствовали адаптационные механизмы выживания почвенных микробных сообществ (анабиоз, переход бактерий в наноформы и др.) в неблагоприятных экологических условиях. Проведенные исследования показали, что микробные сообщества подкурганых палеопочв степной зоны сохраняют до настоящего времени ряд свойств, присущих им на момент сооружения археологического памятника. Целенаправленное

изучение этих свойств позволяет выявить условия функционирования почв в различные исторические эпохи. Количественные характеристики состояния микробных сообществ – такие, как преобладание в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности, дают основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы. Известно, что в засушливых областях, к каковым относится и исследованные сухо- и пустынно-степная зоны, увеличение растительной массы прежде всего обусловлено повышением увлажненности климата в тот или иной исторический период. Усиление же засушливости климата в масштабе исторического времени, напротив, приводит к снижению двух первых показателей и увеличению третьего. Крайне важной представляется согласованность палеоэкологических выводов, полученных на основе микробиологических данных, с природными реконструкциями, проведенными путем традиционного морфолого-химического анализа свойств палеопочв. Смена аридных и гумидных климатических периодов фиксировалась в структуре микробных сообществ палеопочв не только на эколого-трофическом, но и метаболическом и генетическом уровнях.

На основе выделения микробной фракции из современных и погребенных почв определена величина суммарной микробной массы, включающая активно метаболизирующие клетки, покоящиеся и некультивируемые клетки (не растущие на питательных средах). Выявлена доля активных микроорганизмов от суммарной микробной массы. Впервые оценено разнообразие микробных сообществ палеопочвы, погребенной под курганом около 4800 лет назад, и современной светло-каштановой почвы на основе выделения ДНК и определения полиморфизма гена 16S рРНК. Показано, что различия доли активной микробной массы и разнообразия микроорганизмов фоновых и погребенных почв связаны с различиями природных условий в древности и в настоящее время.

*Исследования проводились при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушкино.

Звягинцев Д.Г., Гиличинский Д.А., Благодатский С.А., Воробьева Е.А., Хлебникова Г.М. Архангелов А.А.,

- Кудрявцева Н.Н., 1985. Длительность сохранения микроорганизмов в постоянно мерзлых осадочных породах и погребенных почвах // Микробиология. Т. 54. Вып. 1.
- Золотун В.П., 1974. Развитие почв юга Украины за последние 50–45 веков. Автореф. дис...докт. с.-х. н. Киев.
- Крупеников И.А., 1992. Почвенный покров Молдовы: прошлое, настоящее, управление, прогноз. Кишинев.
- Марфенина О.Е., Горбатовская Е.В., Горленко М.В., 2001. Микологическая характеристика культурных слоев почв древнерусских поселений // Микробиология. № 6.
- Савостьянова З.А., Нашокин В.Д., 1974. К истории почвенного покрова степной зоны Хакасии // Почвенные условия выращивания защитных насаждений. Красноярск.
- Хлебникова Г.М., Гиличинский Д.А., Федоров-Давыдов Д.Г., Воробьева Е.А., 1990. Количественная оценка микроорганизмов в многолетнемерзлых отложениях и погребенных почвах // Микробиология. Т. 59. Вып. 1.
- Friedmann E.I., 1993. Antarctic microbiology. Wiley-Liss.

Е.В. Добровольская

Институт проблем эволюции и экологии им. А.Н. Северцова РАН, Москва

Новые археозоологические материалы из раскопок Фанагории (2005–2007 гг.)

Изучение различных аспектов сферы жизни древнего населения давно привлекает внимание исследователей. Спектр проводимых работ, несмотря на молодость археозоологического направления, весьма широк. В.И Сушко (1966) и И.Г. Пидопличко (1938) изучали видовое разнообразие домашних и диких животных разных памятников, В.И Цалкин (1960) реконструировал породы разводимого скота, В.И Бибилова (1984) изучала динамику численности и ареалы обитания промысловых видов по костным остаткам из древних городищ. В последнее время остеологический материал все чаще используется для комплексной реконструкции индивидуальных особенностей памятника. При этом учитываются по возможности все данные, которые он может нам сообщить при сопоставлении их с археологическим контекстом (Антипина, 2003. С. 10; Бутягин, Каспаров, 2004. С. 136).

Раскопки в Фанагории с 1994 года проводятся археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством д.и.н. В.Д. Кузнецова. Археологический памятник Фанагория располагается на юго-восточном берегу Таманского залива около поселка Сенной Темрюкского района Краснодарского края. Исследования осуществлялись в центральной части городища – раскоп «Верхний город» (1450 м²). Раскоп разбит на вершине одного из самых высоких холмов, примерно в центре верхнего плато городища в 220–230 м к югу от берега Таманского залива, где были обнаружены пять культурных напластований, относящихся к раннесредневековому, римскому, эллинистическому, классическому времени и периоду поздней архаики – ранней классики.

Остеологический материал присутствует во всех перечисленных слоях. Мощность культурного слоя составляет 6–7 м. Снятие грунта на раскопе производилось по квадратам 5×5 м, иногда полуквадратам 2,5×5 м и слоям толщиной в 20 см с последующей зачисткой основания. После этого грунт тщательно перебирался вручную, из него извлекали все находки и сортировали с учетом кодировки их местонахождения. В работе исследуются только материалы пластов. Материал обрабатывался как непосредственно в поле, так и путем сравнения с эталонными коллекциями лаборатории исторической экологии ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН и лаборатории эволюционной морфологии Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова. Для оценки костного материала применялся индекс ОКО (подсчет общего числа найденных костных остатков вида). Реконструируя вклад домашних животных в мясное потребление населения, необходимо помнить о размерных различиях видов, так как соотношение костей этих видов не является прямым указанием на объемы потребляемого мяса (Антипина, 2003. С. 9; 2006. С. 340). Для этого используют весовые коэффициенты, отражающие объемные отличия разных видов друг от друга на конкретном памятнике. Для Фанагории пока не имеется данных, достаточных для расчета весовых показателей. Однако, опираясь на литературу (Каспаров, 2001. С. 271), можно приблизительно вывести, что некрупная корова по количеству получаемого от нее мяса сопоставима была с семью овцами – козами или с четырьмя – пятью некрупными свиньями. Учет этого факта трансформирует остеологические данные в более естественные для

понимания, тем самым, как нам кажется, повышая вероятность более точной их интерпретации. Для проверки достоверности различий между частотами встречаемости определенных групп животных в кухонных остатках разных слоев мы использовали непараметрический критерий χ^2 (хи-квадрат). Обсчет данных производился в программе Statistica 6.0.

Главной нашей целью было выявление роли охоты и скотоводства в жизни древнего населения, а также изучение особенностей местного рациона, попытка представить себе соотношение разных видов разводимого скота в разные периоды.

Одно из первых описаний костеносных слоев города составил Н.К. Верещагин (1959. С. 175–176): «Обильные кухонные остатки представлены костями домашних животных, осетровых рыб и прослойками раковин мидий. Остатков диких зверей практически нет, что вполне соответствует представлению о большой окультуренности района». Данные в этой работе представлены весьма ограниченно – всего 146 костных фрагментов. Так же у материала отсутствуют временные и стратиграфические датировки.

Подробные сведения приведены по римскому слою В.И. Цалкиным (1960. С. 69). Всего им на памятнике обнаружено 14 видов млекопитающих. Домашние животные составляют основную часть всего материала (98,8 %). Крупный рогатый скот заметно преобладает (55,2 % от состава стада). Его процентное содержание почти в два раза превышает долю мелкого рогатого скота (32 %). Доля лошади весьма значительна – 8,4 %, а свинья заметной роли не играет (4,3 %). Отмечено присутствие верблюда (0,08 %). Наблюдается большое количество остатков собаки (почти 12 %). Доля диких животных составляет 1,2 %. Охотничьи виды представлены в основном единичными фрагментами: благородный олень, заяц русак, сайга, лисица, кулан. Из морских млекопитающих была найдена лишь морская свинья (*Phocoena phocoena* Linnaeus). Из грызунов в материале присутствует слепушонка. Костные остатки

кошки были замечены только в материале, лишенном стратиграфической паспортизации.

Из птиц в Фанагории отмечены костные остатки длинноносого баклана (*Phalacrocorax aristotelis* Linnaeus), беркута (*Aquila chrysaetus* Linnaeus), свиньи (*Anas penelope* Linnaeus), гуся (домашнего?) и домашней курицы (Бурчак-Абрамович, 1962).

Практически во всех исследованных греческих, скифских и синдских городах наблюдается, при переходе от ранних периодов к более поздним, закономерная замена мелкого рогатого скота крупным. У этого процесса может быть несколько интерпретаций. Во-первых, увеличение количества крупного рогатого скота в эллинистических и римских слоях может являться показателем увеличения доли земледелия в сельском хозяйстве (Блаватский, 1953. С. 48). А так как основной рабочей силой были во-лы, с помощью которых распахивали и засеивали землю, понятен рост доли этих животных в стаде. Во-вторых, Каспаров (2004. С. 273; 2007. С. 118) этот процесс ассоциирует с изменением уровня жизни населения. И так, по соотношению состава скота в стаде можно косвенно судить о развитии земледелия в данном регионе и уровне жизни его жителей.

Всего за 2005–2007 гг. было обнаружено 58 113 костных остатков. Общее количество костных фрагментов, найденных при раскопках пластов жилой части Фанагории 2005–2007 годов, составляет 26 184 фрагмента. Число определимых костных остатков составляет 14 065 элементов скелета и их фрагментов (53,3 %). Основную часть коллекции составляют костные остатки млекопитающих – 12 837 штук, или 91,2 % от определимых костей, затем следуют фрагменты рыб – 908 (6,5 %), моллюсков – 179 (1,3 %), птиц – 138 (1 %) и рептилий – 1 (0,001 %). Распределение остеологического материала по временным периодам приведено в табл. 1.

Из определимых костных фрагментов млекопитающих 12 837 – принадлежат домашним животным (98,9 %). На долю диких млекопитающих приходится

Таблица 1. Распределение костных остатков различных групп животных из остеологической коллекции Фанагории по периодам (%)

Группы животных	Поздняя архаика и ранняя классика	Классика	Эллинизм	Римский период	Раннее средневековье
Млекопитающие	95,5	58,9	86,8	92,7	94,2
Птицы	1,3	0,45	2,8	1,8	0,7
Рептилии	0,1	–	–	–	–
Рыбы	2,4	40,4	9,2	3,8	3,7
Моллюски	0,7	0,25	1,2	1,7	1,4
% определимых фрагментов	58,8	87,9	59,5	58,1	48,1

235 костных фрагментов, т.е. 1,1 %. Домашние звери представлены восемью видами. Основное количество остатков принадлежит копытным (97,3 % от числа домашних животных), на 2,1 % фрагментов встречаются следы воздействия человека. Дикие млекопитающие представлены пятнадцатью видами, в том числе двумя синантропными (табл. 2).

Видовое разнообразие птиц представлено 17 видами из 9 отрядов Поганкообразных *Podicipediformes* (1), Веслоногих *Pelecaniformes* (1), Гусеобразных *Anseriformes* (3–4), Соколообразных *Falconiformes* (1), Курообразных *Galliformes* (5–6 видов), Журавлеобразных *Gruidae* (2), Ржанкообразных *Charadriiformes* (1), Голубеобразных *Columbiformes* (1), Воробьинообразных *Passeriformes* (1) (Степанян, 1990). Моллюски представлены 9 видами, наиболее многочисленными являются мидии (*Mytilus*

edilis L.), сердцевидки (*Crastoderma glaucum* et *C. lamarki*) и устрицы (*Ostrea* sp.). Обнаружено 3 раковины брюхоногого р. *Murex*. Из этого моллюска добывался местный пурпур.

Если предположить, что доли найденных костных фрагментов отражают вклад этих животных, можно попытаться реконструировать состав стада и проследить динамику изменения доли разных видов. Главными разводимыми видами являлись крупный и мелкий рогатый скот, свинья и лошадь. Мелкий рогатый скот является преобладающим на памятнике в целом и практически во всех периодах. Только в римское время его обгоняет по численности крупный рогатый скот. Доля МРС постепенно снижается от архаики к римскому периоду и только в средневековье происходит снова незначительное увеличение. Доля крупного рогатого скота колеблется от

Таблица 2. Процентное содержание костных фрагментов различных млекопитающих из археологического памятника Фанагории

Виды и группы животных / %	Поздняя архаика и ранняя классика	Классика	Эллинизм	Римский период	Раннее средневековье
Млекопитающие					
домашние:	98,0	96,4	99,2	98,4	98,9
КРС (<i>Bos taurus</i> L.)	20,1	17,3	33,1	30,6	31,2
МРС (<i>Capra hircus</i> L., <i>Ovis aries</i> L.)	47,1	44,4	35,0	29,5	34,2
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i> L.)	19,4	27,2	19,2	22,7	23,3
Лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	8,0	4,5	8,4	10,6	8,2
Осел (<i>Equus asinus</i> L.)	–	–	–	0,04	0,02
Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	3,4	2,9	3,0	4,4	1,6
Кошка (<i>Felis catus</i> L.)	–	–	0,5	0,9	1,0
дикие:	2,2	5,8	0,8	1,4	1,14
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	0,3	–	–	0,04	0,02
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	0,2	–	–	–	–
Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i> L.)	–	0,2	–	0,04	0,01
Белобочка (<i>Delphinus delphinus</i> L.)	–	–	–	0,16	–
Афалина (<i>Tursops truncatus</i> Montagu)	–	–	–	–	0,04
Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	–	0,3	–	0,28	0,02
Обыкновенная лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	0,2	0,3	–	0,32	0,08
Заяц-русак (<i>Lepus europeus</i> Pall.)	1,1	1,3	0,8	0,24	0,46
Черная крыса (<i>Rattus rattus</i> L.)	–	–	–	0,24	0,30
Еж, до вида не опр. (<i>Erinaceus</i> sp.)	0,2	0,8	–	0,04	0,14
Малый суслик (<i>Spermophilus pygmaeus</i> Pall.)	–	–	–	–	0,01
Обыкновенный слепыш (<i>Spalax microphthalmus</i> Guld.)	–	0,2	–	0,04	0,05
Домовая мышь (<i>Mus musculus</i> L.)	0,2	0,5	–	–	–
Грызун (далее не опр.) (<i>Rodentia</i>).	–	–	–	–	0,01

периода к периоду. Если в более ранних слоях КРС сильно уступал мелкому рогатому скоту, а иногда и свинье, то, начиная с эпохи эллинизма, занимает лидирующее положение наряду с козами и овцами. Доля свиньи сильно колеблется в разные периоды, но всегда остается на относительно высоком уровне: около 20 %. Динамика найденных фрагментов лошади тоже волнообразна и никогда не превышает доли других домашних копытных.

Если рассматривать соотношения долей крупного и мелкого рогатого скота, наблюдаются определенные тенденции. При переходе к классическому периоду изменение доли МРС не сопровождается изменением доли КРС (здесь доля мелкого рогатого скота уменьшается за счет увеличения доли свиньи ($\chi^2=9,2$, $p=0,0024$). Но уже в эллинистическое время увеличению количества остатков КРС сопутствует уменьшение остатков мелкого рогатого скота ($\chi^2=27,64$, $p<0,0001$). К тому же увеличение доли КРС в этот период достоверно сопоставимо с уменьшением встречаемости свиньи в материале ($\chi^2=26,81$, $p<0,0001$). В римский период крупный рогатый скот в целом преобладает, но по сравнению с эллинистическим временем его доля уменьшается. Снижение же доли МРС сопровождается увеличением доли свиньи в римское время ($\chi^2=4,55$, $p=0,033$). Некоторое увеличение доли МРС в средневековые времена сопровождается достоверным уменьшением доли лошади в материале ($\chi^2=10,79$, $p=0,001$).

Так как подавляющее число костных фрагментов принадлежало взрослым особям, мы можем сравнивать их массы (Каспаров, 2001. С. 270). После такого пересчета полученные результаты сильно отличаются от первоначального соотношения костных остатков.

Очень интересна взаимосвязь между кошкой, домашней мышью и черной крысой. Как можно заметить из приведенных материалов, фрагменты домашней мыши обнаруживаются в самых древних слоях, затем появляются черная крыса, а кошка и мышь пропадают в находках. Это не означает, что этот зверек в данном месте перестал существовать, но, видимо, численность популяции этого вида стала значительно ниже исходной. Напротив, численность кошки и черной крысы, видимо, возросла.

Выводы:

Во всех временных промежутках в мясном рационе жителей Фанагории устойчиво преобладала говядина, а мясо остальных копытных играло второстепенную роль.

Охота не имела существенного значения в жизни населения Фанагории и носила, скорее всего, развлекательный характер. Основными мясными промысловыми видами являлись дикие копытные (кабан, благородный олень, косуля и другие). Из пушных видов добывали волка, обыкновенную лисицу и зайца.

Антипина Е.Е., 2003. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М.

Антипина Е.Е., 2006. Мультидисциплинарный подход в археологических исследованиях. // Современные проблемы археологии России. М.

Бибикова В.И., 1984. Копытные Северного Причерноморья в раннем голоцене (по материалам археологических раскопок) // Проблемы Изучения Истории Современных Биогеоценозов. Киев.

Блаватский В.Д., 1953. Земледелие в Античных государствах северного Причерноморья. // Причерноморье в античную эпоху. Вып.5. М.

Бурчак-Абрамович Н.И., 1962. К изучению птиц античной эпохи Боспорского царства. Орнитология, вып. 5.

Бутягин А.М., Каспаров А.К., 2007. Костные остатки животных из «Западного зольника» Мирмекия // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок // Материалы Международной научной конференции, часть 1. СПб.

Верещагин Н.К., 1959. Млекопитающие Кавказа. История формирования Фауны. АН СССР, Москва – Ленинград.

Каспаров А.К., 2001. Фаунистические остатки поселения Белинского в Восточном Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Часть 2. СПб.

Каспаров А.К., 2004. Два хронологических периода в формировании зольника Пантикапея. Специфика костных материалов. // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Часть 1. СПб.

Пидопличко И.Г., 1938. Фауна Ольвии (по раскопкам 1935–1937 гг.). «Природа» № 11–12.

Степанян Л.С., 1990. Конспект орнитологической фауны СССР. М.

Сущко В.И., 1966. Фауна Роксоланского городища // Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 5, Одесса.

Цалкин В.И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53. М.

П.М. Долуханов

Ньюкаслский университет, Англия

Д.А. Субетто

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Х.А. Арсланов

Санкт-Петербургский государственный университет

А.Л. Александровский

Институт географии РАН, Москва

Эволюция водных систем и земледельческая колонизация Северо-Западной России

Комплексные палеогеографические и археологические исследования выявляют исключительное значение водных путей в процессе заселения северо-восточных областей Балтийского бассейна. На протяжении большей части голоцена Ладожское озеро оставалось заливом Балтийского моря, соединенным с последним «Гейнийокским» проливом в центральной части Карельского перешейка. Судя по полученным данным, максимальный уровень этого бассейна в центральной части Карельского перешейка – 25 м над уровнем моря – был достигнут 9400±130 лет назад. С системой Ладожско-Балтийского протока связана группа мезолитических и неолитических стоянок на озере Большое Заветное. Наиболее раннее поселение мезолитического типа, датированное радиоуглеродным методом 9–8,2 тыс. л.н., расположено на береговом уступе высотой 24–25,5 м над у.м. Неолитическое поселение на том же озере зафиксировано на уровне 23,5 м над у.м., что соответствует водоёму с уровнем 21 м, имевшим широкое распространение в пределах Ладожско-Балтийского водотока.

Изостатический подъем северной Фенноскандии вызвал переориентацию стока озёр в сторону Ладожского озера через систему Пра-Вуоксы. Это привело к подъему уровня озера («Ладожской трансгрессии»). В ходе наших исследований в долине реки Невы и в южном Приладожье были получены данные относительно финальных этапов этой трансгрессии. Около 1000 лет до н.э. в районе устья Волхова уровень Ладожского озера достигал отметки 10–12 м над современным уровнем моря.

Еще более высокий уровень (порядка 15 м над у.м.) фиксируется в разрезе на р. Оять. Полученные данные выявляют быстрое понижение уровня Ладожского озера в интервале 2,8–2,5 тыс. л.н. (1000–400 до н.э.), в ходе которого уровень озера опустился до отметок порядка 5 м над у.м. Столь резкое падение уровня озера связывается с прорывом ладожских вод в районе Ивановских порогов и образованием реки Невы (рис. 1).

Резкое падение уровня Ладожского озера вызвало понижение уровня всей гидрологической системы, включающей р. Волхов и озеро Ильмень. Вследствие этого низкие геоморфологические уровни речных и озерных террас с плодородными почвами, образовавшимися на озерно-аллювиальных отложениях, стали доступными для сельскохозяйственного освоения.

Полученные в ходе наших исследований данные позволяют внести уточнения в принятую хронологию Староладожского поселения. Серия радиоуглеродных датировок, полученная тремя различными лабораториями, показывает, что основание поселения может быть отнесено к 650–780 гг. с приближением к более ранней дате.

Весьма важным обстоятельством является обнаружение в основании культурного слоя погребенной почвы с признаками распашки, для которой были получены датировки порядка 500–700 гг. н.э. Это предполагает существование земледельческого населения в этом районе в период, предшествовавший возникновению ремесленно-торгового поселения городского типа.

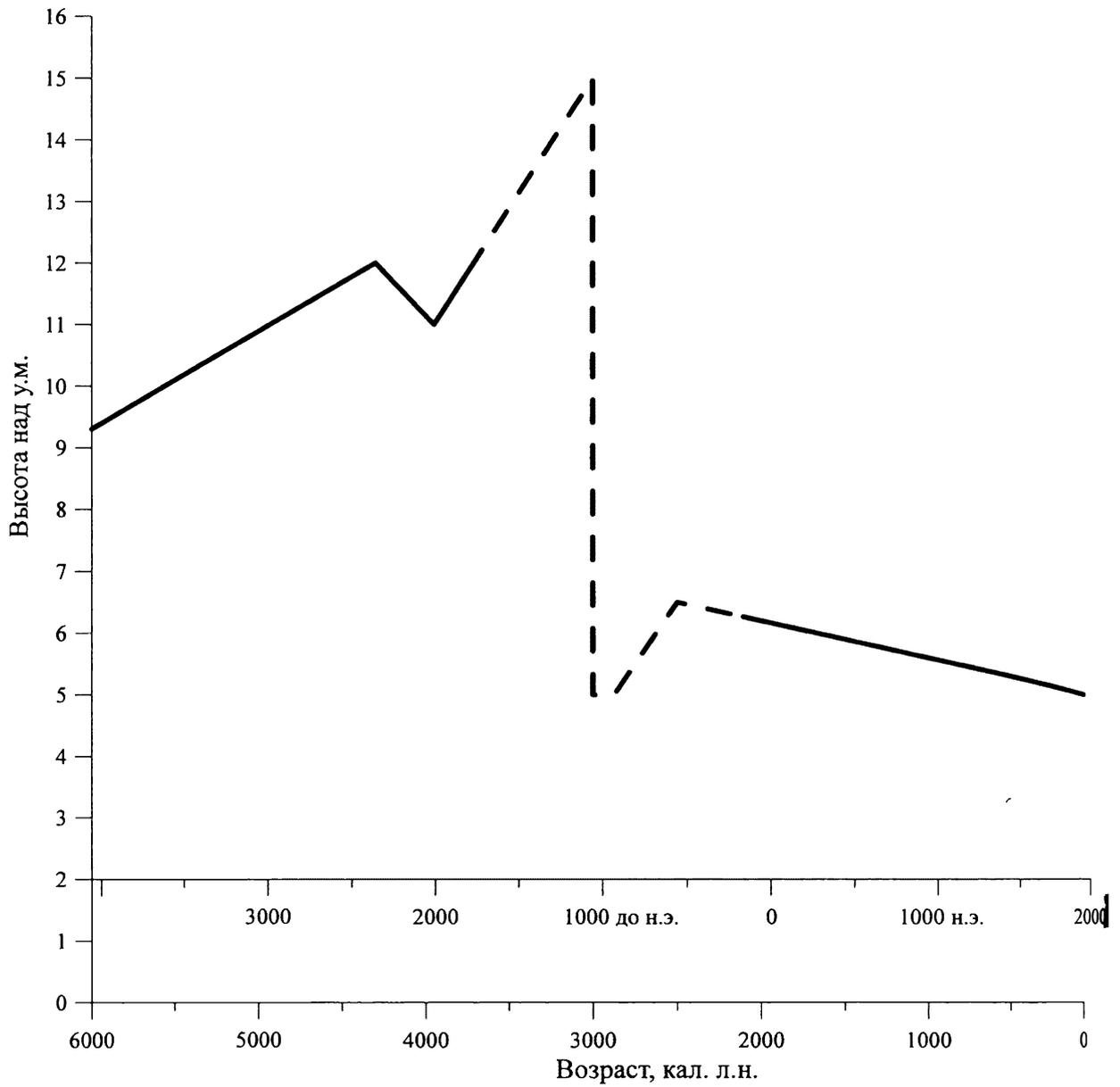

Рис. 1 Динамика колебаний бассейна Ладоги во времени

*О.В. Зайцева**Томский государственный университет**Д.И. Ражев**Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург*

«Полевая антропология»: перспективы и возможности при исследованиях древних погребений

Комплексный подход к полевым исследованиям археологических объектов в России до сих пор воспринимается большинством археологов как нечто идеальное, к которому нужно и должно стремиться, но реально достигнуть сложно из-за нехватки средств, специалистов, гуманитарной направленности вузовских программ по подготовке археологов и т.д. Нами будет затронут лишь один аспект этой большой и сложной проблемы, а именно необходимость изучения костных останков человека непосредственно в момент открытия и полевого исследования древнего погребения специально подготовленным исследователем.

На основе интеграции методов физической антропологии, археологии, тафономии и судебной медицины в Западной Европе возникло особое направление исследований, которое для русскоязычных исследователей можно обозначить как «полевая антропология». Изучение особенностей положения скелета, реконструкция условий, в которых происходило разложение и скелетирование трупа, были осознаны как важные источники информации о деталях погребального обряда. Впервые этот методический подход был применен в начале 60-х годов XX в. при исследовании комплекса неолитических погребений во Франции группой ученых под руководством Андре Леруа-Гурана (Leroi-Gouhnan, 1962). К концу 70-х годов XX в. участие антропологов в полевых исследованиях могильников во Франции, Англии и США уже не редкость. Ученые приходят к твердому убеждению, что «хорошее знание анатомии и остеологии должно быть обязательным для всех, исследующих погребальные памятники» (Duday, 1978. P. 56).

В отечественной науке изучение положения скелетов в погребениях до недавнего времени было исключительной прерогативой археологов. При этом не был выработан общепринятый стандарт как для описания положения скелетных элементов в могиле, так и жестких требований к качеству их графической фиксации. Тем не менее, рядом археологов были предложены схемы подробного описания положения костяка, приведшие к созданию сложных многочастных типологий, включающих ценные

комментарии и наблюдения (Коренько, 1984; Каме-нецкий, 1986; Смирнов, 1997). Традиционное сотрудничество же физической антропологии и археологии долгое время замыкалось в необходимых для археологов половозрастных определениях и краниологических исследованиях.

«Полевая антропология» – исследование человеческих останков специалистом-антропологом непосредственно в полевых условиях в момент их обнаружения – не получила в России еще должного распространения. «Полевая антропология», по нашему мнению, представляет собой особое научное направление, имеющее свои специфические цели и методы исследования. Антрополог, работающий в поле совместно с археологами, должен обладать помимо традиционных знаний, применяемых при лабораторных исследованиях, дополнительными, прежде всего, из области тафономии и судебно-медицинской экспертизы.

Главная цель «полевой антропологии» – это реконструкция изначального положения погребенного тела или его частей на основании исследования всех обстоятельств, приведших к наблюдаемому в захоронении положению и состоянию скелетных элементов.

Даже если при расчистке погребения обнаружен скелет, находящийся в «очевидном» анатомическом положении, описание специалиста позволяет получить дополнительную информацию, нередко превосходящую по объему и значимости обычное археологическое описание. Так, по расположению скелетных элементов, степени их «сжатости» и наличию/отсутствию естественных смещений отдельных костей возможно установить, происходило ли разложение в свободном пространстве погребального сооружения или же тело было сразу засыпано. По степени «сжатости» скелетных элементов можно также установить, было ли положение трупа зафиксировано как-то дополнительно (связыванием, обертыванием в шкуры или ткани, несохранившимися элементами погребального сооружения и т.п.). Взаиморасположение костей позволяет определить детали начального положения частей тела. Все это значительно расширяет спектр типичных для архео-

логов описаний скелета и переводит реконструкцию положения погребенного из формального (вытянуто на спине с прямыми руками) в ритуально осмысленный (на спине со свободно уложенными руками, с привязанными руками и связанными ногами, в тугом погребальном «коконе» и т.д.).

При анализе размещения костяка необходимо также установить, соответствует ли его положение естественным пропорциям. Это особенно важно при исследовании и выделении такого варианта вторичных погребений, при котором освобожденные от мягких тканей кости погребенного выкладывались на дне могильной ямы в порядке, близком к анатомическому (Roksandic, 2002). Только детальное знание строения скелета позволит зафиксировать «ошибки» в расположении отдельных элементов и «диспропорции» в расположении костей относительно друг друга. Очевидна необходимость глубоких остеологических знаний специалиста, проводящего описание, и в тех случаях, когда в скелете человека ряд элементов заменяется аналогичными костями животных (Бужилова и др., 1999).

«Правильное» анатомическое положение костяка, имеющего в сохранности абсолютно все скелетные элементы, которые находятся в четком анатомическом соответствии, – скорее исключение, чем правило. С момента смерти тело умершего начинает испытывать воздействие целого спектра деструктивных факторов, которые могут привести впоследствии к серьезному нарушению анатомического положения костяка и полному разрушению как отдельных скелетных элементов, так и всего костяка в целом.

При обнаружении в захоронении костей, находящихся вне анатомического положения, необходимо определить, были ли в могилу помещены останки с уже нарушенной анатомической целостностью (расчлененные части тела, вторичные, парциальные погребения и т.д.) или же наблюдаемое анатомическое несоответствие вызвано позднейшими смещениями и нарушениями. Достоверно установить это чисто археологическими методами и камеральным антропологическим анализом невозможно.

Совершенно особые проблемы встают при анализе погребений, в которых анатомический порядок расположения костей сильно нарушен, и диагностике вторичности, расчлененности или ограбленности погребения (Зайцева, 2005; Зайцева, Ражев, 2005). Нередко оказывается невозможным однозначно определить причины, приведшие к нарушению анатомического соответствия скелетных элементов, реконструировать обстоятельства, к этому приведшие, и установить, в каком состоянии было погребено тело. В таких случаях необходимо рассматривать не-

сколько альтернативных вариантов (Ражев, Курто, Зайцева, 2005).

В случае нарушения погребения нередко возможно установить, когда и каким образом (людьми – ограбления и/или постпогребальные ритуалы, животными – норная деятельность, или растениями – прорастание корней, выворотни и т.д.) было нарушено погребение. Только подробный анализ амплитуды и характера постдепозиционных перемещений костей позволит сделать достоверные выводы об их причинах. Если часть костяка осталась в непо потревоженном состоянии, то нередко оказывается возможным реконструировать первоначальное положение всего скелета.

Обнаруживаемая некомплектность костяка может быть вызвана как человеческой деятельностью (ритуальной или непреднамеренной), так и естественными процессами разложения части скелетных элементов при относительной сохранности других. Вопросы о факторах, влияющих на сохранность костной ткани в слое, и о последовательности разрушения скелетных элементов при различных условиях подробно изучены западными исследователями и были освещены нами ранее (Зайцева, 2004).

Сегодня нередко окончательное количество погребенных в коллективных погребениях, особенно если костяки нарушены или некомплектны, определяется только при последующем лабораторном «разборе» костей. Понятно, что при таком подходе информация о характере (последовательное или одновременное помещение умерших) и особенностях расположения тел в коллективных погребениях оказывается утерянной.

Необходимо учитывать, что «тафономическая история» каждого погребения, открываемого археологами, индивидуальна и уникальна. Создать универсальную типологию, по которой всегда можно достоверно дифференцировать наблюдаемые преддепозиционные и постдепозиционные нарушения в положении костяка, невозможно. Каждый случай должен рассматриваться отдельно с учетом всех возможных факторов и, что самое главное, наиболее полную информацию мы можем получить только непосредственно в момент обнаружения останков. Насколько бы не были совершенны методы фиксации, часть информации в дальнейшем оказывается безвозвратно утерянной. На наш взгляд, сегодня эта «часть» оказывается неоправданно большой.

Идеальной представляется ситуация, когда в полевых исследованиях древних погребений непосредственное участие принимает специалист-антрополог. Понимая, что в сегодняшней реальности обеспечить каждую экспедицию отдельным антропологом невозможно, хотя к этому и нужно, и

должно стремиться, археологам на настоящем этапе нужно самим учиться решать эти задачи и овладевать необходимыми знаниями из области остеологии, судебной медицины и тафономии. Необходимо увеличить требования к качеству фиксации положения костяка. Подробнейшим образом должна быть проанализирована комплектность скелета, все кости и их фрагменты должны быть идентифицированы *in situ*, а не при дальнейших лабораторных исследованиях. Для этого, помимо составления обычного плана погребения, рекомендуется заполнить в поле и специальную таблицу «комплектности», на которой выделяются все присутствующие в погребении скелетные элементы и их фрагменты. Отдельно должна описываться и оцениваться общая тафономическая ситуация нахождения погребения: тип почвы, уровень ее кислотности, влажности и другие факторы, влияющие на сохранность костной ткани, характер растительности, глубина проникновения корневой системы, наличие и характер следов деятельности землеройных животных и т.д.

В работах археологов нередко происходит прямое отождествление положения скелетных элементов в археологизированной могильной яме и положения тела при погребении, что, на наш взгляд, является глубоко ошибочным и, как правило, ведет к неверным интерпретациям особенностей погребального обряда. При анализе конкретных погребений необходимо разделение описания положения скелета и последующей реконструкции первоначального положения и состояния тела в момент погребения.

Подробнейшие руководства по обращению с антропологическим материалом в ходе раскопок, четкие требования к его фиксации, а также эталонные образцы описания для разного типа погребений в ряде западных стран заметно облегчают работу археологов (A Field Guide...; Guidance..., 2005; Guidelines...2004; A Basic Overview...).

Применение методов «полевой антропологии» при непосредственном исследовании древних погребений и участие антропологов в последующих реконструкциях различных способов обращения с умершими позволяет получать принципиально новую информацию об особенностях погребального обряда (Ражев, 1997; 1998; Козловская, 1999; Бужилова и др., 1999; Суворов, Бужилова, 2004; Зайцева, 2006; Зайцева, Ражев, 2007).

Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Е. Е., 1999. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе (биоархеологическая реконструкция особенностей погребального обряда) // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Зайцева О.В., 2004. Факторы, влияющие на сохранность костной ткани в слое, и проблема интерпретации «некомплектных» костяков // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции. Омск.

Зайцева О.В., 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск.

Зайцева О.В., 2006. Практический опыт диагностики вторичности погребения: погребение 3 кургана 17 могильника Шайтан II // Современные проблемы археологии России. Т. 2. Материалы всероссийского археологического съезда. Новосибирск.

Зайцева О.В., Ражев Д.И., 2005. Тафономические индикаторы вторичности погребения // Теоретические и методические походы к изучению погребального обряда. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. М.

Зайцева О.В., Ражев Д.И., 2007. Возможности реконструкции особенностей первоначального положения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестник Томского государственного университета. Томск. № 302.

Каменецкий И.С., 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. М.

Козловская М.В., 1999. Опыт индивидуального описания скелетных материалов на примере погребений из курганного могильника скифского времени Терновое-Колбино на Среднем Дону // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Коренько В.А., 1984. К методике изучения погребений со скорченными скелетами // СА. № 3.

Ражев Д.И., 1997. Курганные погребения Шайдурихинского могильника. (Антропологический анализ) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург.

Ражев Д.И., 1998. Погребение 3 могильника Куртугуз I // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург. Ч.1.

Ражев Д.И., Курто П., Зайцева О.В., 2005. Бескурганное погребение Сопининского могильника: анализ с позиций полевой антропологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6.

Смирнов Ю.А., 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.

Суворов А.В., Бужилова А.П., 2004. Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 3.

A Basic Overview for the Recovery of Human Remains from Sites Under Development. British Archaeological Jobs Resources. OSSAFreelance, 2004.

- A Field Guide to the Excavation of Inhumated Human Bones. British Archaeological Jobs Resources. OSSAFreelance, 2005.
- Duday H., 1978. *Archaeologie funeraire et anthropologie // Cahiers d' Anthropologie. № 1.*
- Guidance for best practice for treatment of human remains excavated from Christian burial grounds in England. English Heritage & The Church of England. 2005.
- Guidelines to the Standards for Recording Human Remains. British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology and the Institute of Field Archaeologist. 2004.
- Leroi-Gouhron A. L'hipogee II des Mournourdes (Mensil-sur-Oger, Marne) // *Gallia Prehistoire. 1962. № 5.*
- Roksandic M., 2002. Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior // *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives.* London, New-York, Washington.

С.Н. Иванов, Н.Е. Рябогина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Реконструкция природного окружения населения Южного Зауралья в бронзовом и раннем железном веках (по спорово-пыльцевым материалам из культурных слоев)

Природная обстановка на юге Западной Сибири в переходное время от бронзового к раннему железному веку часто рассматривалась только обобщенно в рамках финала суббореального периода голоцена. Однако для объективного истолкования серьезных этнокультурных трансформаций, динамично происходивших на этой территории, требуется вековая конкретизация ландшафтно-климатических изменений.

Для получения новой информации об особенностях природной обстановки в X–IV вв. до н.э. в южном Зауралье проведены целенаправленные палинологические исследования культурного слоя поселения Мостовое 1 и погребенных почв на городище Белый Яр 4 и могильнике Чепкуль 9. Для корреляции разрезов и оценки ландшафтно-климатических условий около памятников исследован также состав спорово-пыльцевых спектров из полных фоновых почвенных разрезов. Все археологические памятники расположены компактно в подтаежной подзоне, недалеко от Тюмени на участке Туро-Пышминского междуречья (Якимов и др., 2007. С. 206–207). Современный растительный покров представлен массивами смешанных сосново-березовых лесов и монодоминантных сосновых боров на террасах и междуречьях, меньшие площади заняты разнообразными лугами и займищами. Это вполне адекватно отражено в составе поверхностных спектров – как правило, в них резко преобладает группа древесной пыльцы (от 60 до 97 %), причем в основном это пыльца сосны.

Финал бронзового века в этом регионе в целом совпадает с началом поздне-суббореального времени

голоцена (SB3). Отложения этого интервала выделены из культурного слоя бархатовского поселения Мостовое 1, датированного X в. до н.э. (Якимов и др., 2007. С. 209–211). Все спорово-пыльцевые спектры культурного слоя характеризуются доминированием пыльцы трав (73–89 %), причем в основном представителей мезофитного разнотравья, а также злаковых (7–19 %), реже маревых, ворсянковых. Доля пыльцы древесных пород невелика (20–25 %), поэтому можно утверждать, что в то время в окрестностях поселения лесов было значительно меньше, чем сейчас. Вероятно, бархатовцы жили на открытом участке или на опушке березового леса. В верхней части культурного слоя, отражающей позднюю стадию обитания поселка или стадию запустения, проявляются последствия вырубков березы, чаще встречаются сорняки.

Таким образом, в X в. до н.э. для этого района были характерны ландшафты южно-лесостепного типа, с небольшими участками березовых лесов на фоне разнотравно-злаковых лугов. Участие хвойных пород в составе лесов было незначительным, минимален был и занос пыльцы сосны из северных районов, что позволяет предположить отдаленность основного ареала сосновых лесов. Похожий облик имеют в настоящее время ландшафты, расположенные юго-восточнее (лесостепное Приишимье), они сформировались в более засушливой климатической обстановке (осадков меньше на 60 мм, чем в Туро-Пышминском междуречье). Вероятно, последствия аридизации, отмеченные ранее в материалах середины суббореального периода (Рябогина, 2000. С. 18–22; Рябогина и др. 2001. С. 33–39; Зах, Рябо-

гина, 2005. С. 85–100), сохранялись и в X в. до н.э., однако резкого иссушения уже не было.

Более позднее время в финале поздне-суббореального периода голоцена (SB3) исследовано на примере почвы, погребенной под валом городища Белый Яр 4. На основании археологических материалов установлено, что городище функционировало в переходное время от бронзового к раннему железному веку, отнесено к вак-куровскому этапу восточного варианта иткульской культуры (Зими́на, 2006) и датировано VII–VI вв. до н.э.

Палеопочвенные исследования современного профиля фоновой и погребенной почвы позволили заключить, что в VII–VI вв. до н.э. почва развивалась в лучших условиях тепло- и влагообеспеченности, чем сейчас (Якимов и др., 2007. С. 211). Палеопочва, вероятно, формировалась под покровом леса (она типизирована как дерново-подзолистая), поэтому доля древесной пыльцы в спектрах больше, чем на поселении Мостовое 1, и увеличивается вверх по профилю от 17 до 62 %. Наиболее интересными для реконструкции природных условий времени обитания городища Белый Яр 4 представляются спорово-пыльцевые материалы из дернового горизонта палеопочвы.

Так, последовательный анализ палинокомплексов (II–IV) выявил процесс замены открытых ландшафтов на полуоткрытые с большей долей лесов. Установлено, что около 2700–2600 л.н. в Туро-Пышминском междуречье начинают активно развиваться леса, основной причиной этого процесса, вероятно, было улучшение условий увлажнения – основного лимитирующего фактора развития леса на южных рубежах его распространения. Именно с этого времени завершился продолжительный теплый и засушливый этап, охвативший середину и начало позднего суббореального периода голоцена (SB2 – нач. SB3) в южном Зауралье. Во время обитания иткульцев на этой территории по-прежнему было меньше лесов, чем сейчас, однако южно-лесостепные ландшафты позднебронзового времени уже сменились северо-лесостепными или даже подтаежными с мелколиственными лесами. В то же время климат, вероятно, был теплее современного, и сообщества сосновых лесов не являлись преобладающими в растительном покрове, а распространялись локально вдоль рек. Интересным фактом стала динамика локальных компонентов спектра пыльцы частухи (индикатора обмеления рядом расположенной старицы в финале суббореального времени) и плауна булавовидного (индикатора становления леса в окрестностях памятника во время обитания городища Белый Яр 4).

Последующие изменения природных условий

удалось восстановить при исследовании погребенной почвы, перекрытой в раннем железном веке (около V–IV вв. до н.э.) насыпью саргатского кургана № 7 могильника Чепкуль 9. Анализ состава спектров из погребенной почвы позволил выделить 6 палинокомплексов, характеризующих ландшафтно-климатические изменения, происходившие с начала формирования почвы до момента ее погребения в начале раннего железного века (Якимов и др., 2007. С. 218–222).

По материалам из нижней части погребенной почвы (палинокомплексы I–IV) реконструированы ландшафты с доминированием разнотравных и разнотравно-злаковых лугов, березовые леса не могли с ними конкурировать и занимали небольшие площади. Климатические условия не были постоянными, отмечены признаки как сухости, так и умеренного увлажнения. Но наиболее интересные данные отмечены в кровле погребенной почвы (палинокомплексы V–VI), здесь отражены природные условия непосредственно перед сооружением кургана, они характеризуют начало переломного этапа в развитии растительности этого района, который пришелся на финал суббореального и начало субатлантического периодов голоцена. Здесь отмечено самое высокое в разрезе содержание пыльцы древесных пород – до 65 %, причем почти исключительно березы. Следовательно, саргатское население V–IV вв. до н.э. окружали ландшафты лесостепи северного типа, в которой березовые леса и разнотравные луга составляли приблизительно равные доли. Редкая примесь хвойных пород в составе палеолесов – основное их отличие от современных и аргумент в пользу более теплых и сухих палеоклиматических условий, бытовавших около 2500–2400 л.н. Вероятно, и южные пределы распространения массивов таежных лесов были севернее, поэтому даже ветровой занос пыльцы сосны был незначительным. Позднее (по данным из отложений фонового разреза) отмечается только постоянное увеличение доли древесной пыльцы в спектрах, причем в основном за счет пыльцы сосны обыкновенной.

Таким образом, в X в. до н.э. (3000–2900 л.н.) в Туро-Пышминском междуречье существовал дефицит увлажнения и растительность была аналогична современной южной лесостепи с небольшими островками березовых лесов при господстве разнотравно-злаковых лугов. Однако признаков резкой аридизации в составе растительного покрова не выявлено. Со временем на фоне улучшения условий увлажнения и относительного похолодания около VII–VI вв. до н.э. (2700–2600 л.н.) начинают активно развиваться леса. Их площади еще значительно уступали современным показателям, однако

открытые пространства позднебронзового времени уже сменились северо-лесостепными или даже подтаежными мелколиственными лесами. Позднее в V–IV вв. до н.э. (2500–2400 л.н.), вероятно, следует выделить непродолжительный интервал потепления при сохранившемся уровне увлажнения. В это время древних людей окружали ландшафты лесостепи северного типа, в которой активно развивались только мелколиственные леса. Примесь сосны в их составе была несопоставимо меньшей, чем сейчас. Смена археологических культур бронзового и раннего железного века тесно связана с меняющейся природной обстановкой: типичные скотоводы бархатовской культуры уступили место иткульцам и саргатцам, сумевшим приспособить хозяйство комплексного профиля к новым ландшафтным условиям.

Зах В.А., Рябогина Н.Е., 2005. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-

Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 4 (24).

Зими́на О.Ю., 2006. Иткульская культура в Нижнем При-тоболье (восточный локальный вариант): Автореф. дис. канд. ист. наук. Тюмень.

Рябогина Н.Е., 2000. Палинологическая характеристика Нижне-Ингальского-3 поселения в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень. Вып. 1.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Иванов С.Н., 2001. Реконструкция условий обитания населения Нижнего Приисетья в позднем бронзовом и раннем железном веках // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень. Вып. 2.

Якимов А.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Дёмкина Т.С., Зими́на О.Ю., Цембалюк С.И., 2007. Природные условия Туро-Пышминского междуречья в X–IV вв. до н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 8.

Е.Д. Каверзнева

Государственный исторический музей, Москва

Погребальный обряд Шагарского могильника и реконструкция заупокойной пищи

Археологические исследования Государственно-исторического музея в Озерной Мещере позволили выделить особый пласт памятников шагарского типа, раскрывающий развитие исторического процесса в этом регионе в эпоху энеолита – ранней бронзы (конец III тыс. до н.э. – первая половина II тыс. до н.э.). Это группа поселений на озере Шагара, Шагарский могильник, поселение Тюрвищи 3 на озере Ивановское, поселение Ивановское, охотхозяйство на реке Пра. Керамика этих памятников своеобразно и четко выделяется в смешанных комплексах. Наибольший интерес среди памятников шагарского типа представляет Шагарский могильник. Он расположен в Рязанской области, Спас-Клепиковском районе у дер. Барское на низком берегу озера Шагара (1,2–1,5 м над урезом воды), входящего в систему Великих Озер Центральной Мещеры. Могильник находится на площади многослойного поселения Шагара 1, существовавшего от раннего неолита до раннего железного века. Всего исследовано 91 погребение, состоящее из двух групп. Первую группу составляют погребения, относящиеся к волосовской культуре. К памятникам шагарского типа, или к шагарской культуре, относится вторая основная

группа погребений, характеризующаяся грунтовыми одиночными захоронениями в могильных ямах с вытянутым на спине положением костяков. В одном случае встречено парное захоронение. В двух погребениях прослеживался особый обряд захоронения: в погребении 29 был обнаружен только сосуд в центре небольшой могильной ямы, человеческие кости зафиксированы не были. В могильной яме погребений 55 был захоронен череп человека, сопровождавшийся сосудом. Основная часть погребений была расположена рядами параллельно друг другу.

Датировка погребений второй группы Шагарского могильника, по данным радиоуглеродных дат и анализу инвентаря, укладывается в промежуток времени с конца III тыс. до н.э. до первой четверти II тыс. до н.э.

Большинство погребений второй группы сопровождалось погребальным инвентарем, характерной чертой которого являлось наличие небольших тонкостенных сосудов. Для многих сосудов отмечалось наличие ребра на внутренней стороне шеек, в центральной части тулова или по плечикам, а также маленьких плоских круглых донцев. Почти все сосуды богато орнаментированы. В ряде случаев просле-

живалось сочетание сосудов и кремневых орудий труда. В некоторых погребениях были обнаружены костяные изделия: поясные пряжки, украшения в виде подвесок, орудия труда для рыбной ловли, а также была зафиксирована янтарная пуговица и две бронзовые подвески в 1,5 оборота. Почти во всех могильных ямах лежали кости кабана.

В настоящее время существуют методики, благодаря которым можно уточнить некоторые аспекты погребального обряда: наличие пищи в сосудах, подстилок или подушек в могильных ямах. Исследование содержимого сосудов фосфатным методом было произведено кандидатом биологических наук Борисовым А.В., микропалеонтологический анализ (фитолитный) образцов был сделан доктором биологических наук Бобровым А.А. В связи с этим были определены следующие задачи исследования материалов Шагарского могильника:

1. Проведение комплексных исследований грунтов из погребений.

2. Изучение содержимого сосудов с применением фосфатного, фитолитного и споро-пыльцевого анализов.

Фосфатный метод основан на обогащении фосфатами придонного слоя грунта заполнения сосуда в том случае, если в нем находились продукты растительного или животного происхождения. Фосфатным методом было проанализировано 15 сосудов. 11 образцов из могильных ям и сосудов было исследовано фитолитным методом для определения наличия растений в сосудах, а также подстилок и подушек в могильных ямах. Реконструкция содержимого одного из сосудов была невозможна. По данным фосфатного анализа, содержимое 8-ми сосудов интерпретируется как вода (погр. № 46, 54, 55, 56, 75, 76, 80 и 82). В погребениях 58 и 60 в сосудах находился мясной продукт, в погребении 64 – каша или мясной продукт, в погребении 67 – каша. Растительный продукт, вероятно, находился в сосуде из погребения 84. Исходное содержимое сосуда погребения 85 было реконструировано как молочный продукт.

В ряде образцов из сосуда и со дна могильных ям при проведении фитолитного анализа был обнаружен остеологический материал – многочисленные мелкие рыбьи кости (рыбья молодь), причем на дне сосудов их было больше, чем на дне ям. Кости рыбьей молодки были зафиксированы в сосудах погребений 54, 55 и 58. Использование рыбы в погребальном обряде вполне логично для общества охотников и рыболовов. Это подтверждается находками в некоторых погребениях орудий для рыбной ловли. Интересны результаты исследования образца из сосуда, найденного в погребении 58, где при прове-

дении фосфатного анализа был обнаружен мясной продукт, при этом фитолитный анализ показал наличие большого количества костей мелких рыб. Количество фосфора в рыбе и мясе практически одинаково, поэтому в сосуде мог находиться не мясной бульон, а рыбный.

Растения были обнаружены в сосудах погребений 58 и 60, но определить вид растений не удалось. Под позвоночником костяка из погребения 58 также были зафиксированы неизвестные растения, скорее всего, дикие злаки. Здесь с высокой степенью вероятности была растительная подстилка. В погребении 56 под черепом предположительно была растительная подушка, в ее состав мог входить тростник. В сосуде погребения 55 были зафиксированы обильные темно-коричневые остатки тканей растений, возможно, в сосуде находился тростник, что было определено при фитолитном анализе. На дне могильной ямы этого погребения были обнаружены такие же обильные остатки тканей растений. Предположительно обряд погребения 55 можно реконструировать следующим образом: дно могильной ямы устилалось тростником, в могилу положили череп, сосуд заполнили водой, мелкой рыбой и тростником, перевернули вверх дном и поставили на дно ямы. Возможно, из тростника была сделана крышка для сосуда.

Пыльца была определена только на дне сосуда из погребения 46. Ее мало, представлены береза, ольха, дуб и граб, хвойных нет; из трав присутствуют злаки, лютиковые, яснотковые. Погребения Шагарского могильника находятся в пойме озера. В некоторых образцах были обнаружены мелкие кристаллы карбоната Са, что может являться показателем более засушливых климатических условий и более низкого уровня озера на период погребения по сравнению с настоящим. Время существования шагарских погребений могильника совпадает со средне-суббореальной фазой голоцена (конец III – первая четверть II тыс. до н.э.), когда восстанавливаются широколиственные леса. Состав пыльцы из погребения 46 этому не противоречит.

Исследование почвенных образцов позволило уточнить и расширить представления о погребальном обряде населения, оставившего Шагарский могильник. В могилы ставили сосуды с водой, кашей, мясом или рыбой, также в приготовлении пищи использовались дикорастущие растения (тростник и др.). На дно могильных ям укладывали циновки, сплетенные из тростника, под головой умерших лежали подушки, набитые травами.

Проведение комплексных исследований грунтов из погребений Шагарского могильника позволяет определить систему питания древних обитателей

Мешеры по идентификации содержимого сосудов, а также роль растений в погребальном обряде носителей шагарской культуры. Новые исследования дают

дополнительные сведения о локальном ландшафте и климатических условиях в районе озера Шагара в конце Ш – первой четверти П тыс. до н.э.

О.В. Кардаш

НПО «Северная археология», Нефтеюганск

Т.В. Лобанова

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV–XV вв. (по материалам археозоологических исследований)

До настоящего времени существуют несколько точек зрения на хозяйство средневекового населения п-ва Ямал (Чернецов, 1935; Лашук, 1968; Федорова, 2000, 2006; Косинцев, 2006). Современные исследования памятников Арктики позволяют более определенно решать эту проблему на новом фактическом материале с использованием экологических и этнографических данных. Одним из новых объектов является городище Бухта Находка.

Памятник расположен в южной части п-ва Ямал на восточном берегу Обской Губы (залив Карского моря), близ устья реки Хардэ-яха. Объект выявлен в 1961 году этнографической экспедицией МГУ, но определен культовым местом, почитаемым местными жителями, как «сопка сихиртя» – жилище древних обитателей тундры (Лашук, 1968. С. 180–181). В полевом сезоне 2007 г. комплексной экспедицией была исследована южная часть городища. Она наиболее пострадала от пожара, произошедшего после упразднения национального поселка Бухта Находка в 70-е годы XX в. Раскопки велись на площади 120 кв. м. Был исследован южный сектор оборонительно-жилого комплекса городища, где раскопано две жилых постройки № 1 и № 2, датированные XIV–XV вв. (Кардаш, 2008. С. 53–54).

Памятник находится в тундровой зоне, биоценозы которой сохранились за последнее тысячелетие практически без изменений. Только в составе фауны популяцию дикого северного оленя заменили стада домашнего. Памятник относится к объектам с замёрзшим культурным слоем, в котором сохраняются остатки всех растений и животных, попадавшие сюда в результате хозяйственной деятельности населения. И если наличие остатков каких-либо видов животных и растений говорит об их использовании населением, то и отсутствие таковых означает, что

тот или иной вид, обитавший на этой территории, не был включен в круг интересов жителей городка по тем или иным причинам.

В процессе раскопок собрана коллекция остеологического материала, всего 3760 экз., позволяющая определить, какие виды животных были включены в хозяйственную деятельность жителей, и количественно обозначить соотношение этих видов. Костные остатки животных происходят из одного хронологического горизонта. По площади раскопа они расположены равномерно, зафиксировано только два скопления костей песка. Большая часть костей является кухонными остатками, а также заготовками или отходами от производства различных орудий. Из-за пожара почти треть (28 %) остеологической коллекции представлена фрагментами сильно раздробленных кальцинированных костей, которые отнесены нами к категории неопределимых (таблица 1). Основная часть этих фрагментов принадлежит костям северного оленя.

Основное количество костей принадлежит северному оленю (табл. 1). Судя по соотношению частей скелета, на поселении разделявали и использовали всю тушу животного, но небольшое количество частей головы и первых шейных позвонков (при большом количестве рогов) говорит о том, что головы утилизировали отдельно. Минимальное количество особей оленя, определенное по одной из костей, имеющей максимальное количество фрагментов, представляется нам явно заниженным, поскольку, вероятно, большая часть крупных костей оленя выбрасывалась или утилизировалась за территорией жилой части городка.

Следующий по количеству костных остатков вид – песец (табл. 1). Количество костей головы (379 экз.) составляет половину (45 %) всех кост-

Таблица 1. Видовой состав костных остатков из раскопок городища Бухта Находка в 2007 г.

Вид	Постройка 1	Постройка 2	Пр-во между постройками	Всего*
Северный олень <i>Rangifer tarandus</i>	535	530	223	1307/22
Песец <i>Alopex lagopus</i>	271	379	212	862/129
Нерпа <i>Phoca hispida</i>	30	65	22	117/5
Лахтак <i>Erignathus barbatus</i>	1	1	1	3/1
Заяц <i>Lepus timidus</i>	–	5	1	6/2
Лисица <i>Vulpes vulpes</i>	–	1	–	1/1
Волк <i>Canis lupus</i>	1	–	–	1/1
Соболь <i>Martes zibellina</i>	–	–	1	1/1
Росомаха <i>Gulo gulo</i>	–	–	1	1/1
Лось <i>Alces alces</i>	1	3	2	6/3
Собака <i>Canis familiaris</i>	2	8	1	11/2
Млекопитающие <i>Mammalia indet.**</i>	509	445	94	1048
Птица <i>Aves indet.***</i>	10	60	17	87
Рыба <i>Pisces indet.***</i>	94	95	120	309
Всего	1454	1592	695	3760

* – в числителе количество костных остатков, в знаменателе минимальное количество особей.

** – ближе не определимые, из них 90 % кальцинированные фр. костей северного оленя.

*** – общее количество костных остатков этих групп животных.

ных остатков этого вида, причем наибольшая часть (244 экз.) – это нижние челюсти. Минимальное количество особей, рассчитанное по количеству нижних челюстей, нам кажется достоверным, поскольку известна традиция охотников севера Западной Сибири собирать и хранить в жилищах черепа промысловых видов животных в ритуальных целях. Молодым особям принадлежит лишь 1,5 % костных остатков.

Нерпа занимает третью позицию по количеству костей среди млекопитающих. Нерпа и лахтак – морские млекопитающие, которые периодически заходят в Обскую губу и крупные реки за рыбой (Млекопитающие Советского Союза, 1976). Среди костных остатков нерпы есть все части скелета, но в отличие от предыдущих видов 50 % костей нерпы от молодых животных.

На городище обнаружено небольшое количество костей собак. Большая часть костей сосредоточена в постройке 2 (табл. 1). Здесь найдены части всех отделов скелета. Попадание костей собаки в культурный слой неслучайно и, возможно, связано с ритуальной практикой захоронения собак на поселениях и в жилищах.

Кроме того, обнаружены единичные кости таких промысловых видов, как заяц, лисица, волк, росомаха, соболь, лось (табл. 1). Часть из них могла по-

пасть в слой случайно, а не в результате промысловой деятельности населения городища. Так, из 6-ти костей лося 5 – фрагменты лопаток, 2 из них имеют следы обработки. Подобная избирательность, возможно, связана с тем, что лопатки лося специально завозили на городище.

Среди других групп животных наибольшее количество костей принадлежит рыбе (таблица 1), причем 70–80 % – это кости осетровых. Интересен факт небольшого количества крупных лососевых (нельмы) и отсутствия костей таких сиговых, как щёкур и муксун – видов, которые в изобилии водятся в реке Хардэ-яха и Обской губе в настоящее время.

Костных остатков птиц немного (таблица 1). Большая их часть принадлежит водоплавающей птице (гуси, утки и др.), лишь несколько костей принадлежит белой куропатке.

Анализ костного материала позволяет нам реконструировать хозяйственную и промысловую деятельность жителей городка и, в первую очередь, определить основной сезон его функционирования. Отсутствие таких массовых промысловых видов, как заяц-беляк и белая куропатка, говорит об осенне-зимнем периоде функционирования городка, времени, когда происходят массовые зимние миграции этих видов из тундры в лесотундру. Судя по небольшому количеству костей перелетных птиц,

можно утверждать, что жители покидали городок на летний период – с мая по октябрь.

Основным промыслом населения городка была охота на дикого северного оленя. Это подтверждается большим количеством фрагментов клееных луков и наконечников стрел с высокой проникающей способностью. Очевидно, дикий северный олень был главным пищевым видом, охота на него велась круглогодично – осенью и зимой в окрестностях городка, а весной и летом население откочевывало вслед за ним на север Ямала. Утверждать, что костные остатки принадлежат дикой форме северного оленя, позволяет факт отсутствия в археологической коллекции деталей оленей упряжи и нарт, что также свидетельствует об отсутствии оленеводства у жителей.

Следующим по значимости занятием населения была пушная охота на песца. Судя по большому количеству добываемых особей, охота продолжалась весь осенне-зимний период. Основной целью этой охоты было получение шкурок для меновой торговли, в которой, судя по большому числу в археологической коллекции импортных изделий из металла (медных котлов, украшений, изделий из железа), активно участвовало население городища.

Третьим основным занятием был лов рыбы (осетровых) и связанный с ним промысел морских млекопитающих. Это подтверждается находками рыболовных принадлежностей (грузил, игл для вязания сетей, больших крючьев). Осетров зимой жители могли добывать в осетровой яме, о наличии которой в бухте Находка известно по сей день. Массовый целенаправленный промысел осетра, видимо, был связан не только с получением пищевого продукта, но и с необходимостью получения осетрового клея. Этот клей, необходимый для изготовления клееных луков, так же мог быть предметом меновой торговли.

Особо интересно сравнение полученной на основе анализа костных остатков системы хозяйства жителей городища Бухта Находка с этнографическими данными. В поселке Бухта Находка во время полевых работ Л.П. Лашуком была записана этнографическая информация об аборигенах Ямала, живших тысячу лет назад. Ненцы описывали их как людей очень низкого роста, но коренастых и крепких. Подчеркивали отличия от ненцев: домашних оленей не держали, охотились на оленей-«дикарей», носили иную одежду: например, не имели распашной одежды из оленьих шкур, одевались в шкуры морских животных, жилищами сиртя были недра возвышенных сопков. Под землю они ездили на собаках (Лашук, 1968. С. 189–192).

Уточняет характеристику хозяйственно-культурного типа сиртя В.Н. Чернецов, который писал, что «хозяйство, материальная культура, вероятно, и быт

древних обитателей Ямала были близки хозяйству, культуре и быту эскимосов и сидячих чукчей» т. е. они были оседлыми морскими зверобоями, летом промышленными также дикого оленя, линного гуся и рыбу по рекам и озерам в глубине тундры (Чернецов, 1957. С. 241).

Л.П. Лашук считал, что создатели средневековой приполярной культуры были прежде всего охотниками на дикого оленя и рыболовами, кочевывшими, в зависимости от времени года, от границ тайги до морского побережья, где занимались также промыслом морских зверей. Самодийцы, пришедшие в тундру из таежной зоны и не знавшие до этого морского промысла, частично заимствовали его от аборигенов (Лашук, 1968. С. 191–192).

На основании анализа этнографических, археологических и археозоологических данных мы можем более точно определить форму хозяйства древних обитателей городища Бухта Находка. Этнографические данные позволяют соотнести жителей городища с древним, предшествующим ненецкому, населением Ямала – сиртя, имевшим другой тип жилищ и хозяйства. Основой их экономики была охота и рыболовство. Промыслы узко специализированы: пищевая охота на северного оленя, пушная-товарная охота на песца, лов осетровых и сопутствующий промысел морского зверя (нерпы), пищевая – на дикого северного оленя и товарная – на песца. Оленеводство отсутствовало, было лишь собаководство. Пока не известно, были у них собачьи нарти и лодки. Основным способом передвижения был пеший, зимой – на лыжах. Важной частью экономики этого населения была меновая торговля шкурами песца.

Кардаш О.В., 2008. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Отчет о НИР. Нефтеюганск.

Косинцев П.А., 2006. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург – Салехард.

Лашук Л.П., 1968. «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. С. 178–193.

Млекопитающие Советского Союза (Под ред. В.Г. Гептнера). 1976. Т. 2, 3. М. С. 472.

Чернецов В.Н., 1935. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. № 4–5. С. 109–133.

Федорова Н.В., 2000. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург – Салехард. С. 54–66.

Федорова Н.В., 2006. Касание длинной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири // Уральский исторический вестник № 14. Материалы к II Международному Северному археологическому конгрессу. Специальный выпуск. Екатеринбург. С. 149–156.

А.М. Клементьев

Иркутский государственный технический университет

Фауна голоценового времени бассейна Селенги (Байкальский регион)*

На территории Восточной Сибири бассейн р. Селенги является своеобразным «анклавом» центральноазиатской зоогеографической подобласти Палеарктики. Это самый значительный участок водосборной территории озера Байкал. На этой площади на сегодняшний день известно большое количество голоценовых местонахождений субфоссильной фауны. На севере от бассейна Селенги расположено Витимское плоскогорье. Здесь археологические памятники тяготеют в основном к долине Витима, а костные остатки с этих объектов редки и маловыразительны. Данное сообщение касается новых материалов по определениям костей из археологических стоянок голоцена. Автором были обработаны (рис. 1) остеологические коллекции раскопок прошлых лет (Фофаново, Нижняя Джилinda I, Бухусан, Кибалино, Кулькисон, Харга, Ильмова Падь) и сборов недавнего времени (Ярцы, Красная Горка, Муханские озера, Санный Мыс, Петропавловка, Верхний Мангиртуй, Базино, Ветрово, Каштак, Усть-Итанцинские стоянки). Впервые состав фауны сопоставляется с ее датировками. При характеристике фауны использовались C^{14} -датировки, приведенные в работах Л.Г. Ивашиной (1979), В.П. Конева (1996), Л.В. Лбовой и Е.Д. Жамбалтаровой (2003).

Ранний голоцен (10–7 тыс. л.н.). Фауна раннего голоцена Селенгинского среднегорья включает соболя, косулю, изюбря (В.Мангиртуй: 7950 ± 150 л.н.), сурка, благородного оленя, косулю, кабана (Петропавловка). На Витимском плоскогорье этому времени соответствует Нижняя Джилinda I (7230 ± 40 (ГИН-405), где найдены остатки благородного оленя, а также изделие из бивня мамонта. В Прибайкалье встречены кости сурка, зайца, лисицы, соболя, косули, благородного оленя, кабана (Фофаново: 6–7 тыс. л.н.).

Средний голоцен (7–4 тыс. л.н.). Забайкальская фауна этого времени известна с памятника Бухусан (4520 ± 50 (ГИН-4405) – 6650 ± 90 (ГИН-4411)). Здесь определены кости бобра, сурка, лисицы, косули, благородного оленя, кабана. Возможно, к этому времени относятся материалы подскальной площадки Санного Мыса, откуда определены лисица, косуля, благородный олень, дзереи, МРС, кости птиц и рыб. Есть вероятность компрессии разновременных материалов, поскольку на стратифицированной площадке стоянки выделены несколько культурных горизонтов (Константинов, 1994).

Прибайкальская фауна представлена в захоронениях неолита на археологическом объекте Шаманка II на южном берегу Байкала (Клементьев, 2006): косуля, изюбрь, кабан, бурый медведь, соболь, сурок, бобр (6600 ± 180 (ГИН-10209), 6090 ± 130 (ГИН-10208)).

Поздний голоцен (4 тыс.л.н. – современность). В Забайкалье в это время на археологических памятниках численно преобладают кости домашних животных: лошади, КРС и МРС. Встречены также кости благородного оленя, барсука (Ильмова падь, кур. 54), лисицы, косули, благородного оленя, кабана, остатки моллюсков, птиц и рыб (Кибалино), косули, благородного оленя (Кулькисон).

В Восточном Прибайкалье фауна представлена медведем, косулей, благородным, оленем, лосем, лошастью (Ярцы), косулей, КРС, лошастью (Усть-Итанцинские стоянки). Прибайкальская фауна западного побережья также содержит значительное количество костей домашних животных: лошадей, МРС и КРС (Олзонтэй VI: «2» – 2575 ± 115 (СОАН-4321), «1» – 2520 ± 50 (СОАН-4210); Хужир IV-1: 2460 ± 100 (ГИН-7640); Релка: 1940 ± 90 (Туркин, 2003, 2006); Байкальское XXVII, Усть-Куртун I, Усть-Зукурзук II). Из промысловых животных встречены кости нерпы (Угловая), благородного оленя, кабарги, кабана, медведя, соболя, бобра (Шаманка II: 3900 ± 130 (СОАН-3895) – 3520 ± 60 (ГИН-11230) (Туркин, Харинский, 2004), кабана, косули (Усть-Куртун I), благородного оленя (Усть-Зукурзук II), нерпы, марала, косули, *Canis sp.* (Харанса VI), зайца, бурого медведя, нерпы, марала, лося, косули, *Canis sp.* (Байкальское III), нерпы, благородного оленя (Хужир-Нугэ-1).

Большая часть промысловых видов является представителями лесного фаунистического комплекса. Лишь в Западном Забайкалье встречены кости степных видов животных (дзерена, сурка). На забайкальских памятниках среди хищников преобладают остатки лисицы (Санный Мыс, Кибалино). В Прибайкалье и западнее доминируют кости соболя (Фофаново, Шаманка II). Кости домашних животных позднего голоцена находят преимущественно на объектах, расположенных в степной обстановке.

Довольно много археологических комплексов не имеет радиоуглеродных датировок в нужном объеме. Последующая работа в этом направлении позволит

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических объектов с изученной субфоссильной фауной

олее подробно охарактеризовать состав фауны Байкальского региона и, соответственно, ресурсы промысловых и домашних животных на хронологических промежутках археологической шкалы.

Автор благодарен археологам Республики Бурятия и Иркутской области за предоставленные материалы по субфоссильной фауне Байкальского региона.

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 06-01-00466а.

Самбалтарова Е.Д., Лбова Л.В., 2003. Предварительные данные о погребении на р. Хилок у с. Верхний Мангиртуй на юге Забайкалья // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск.

вашина Л.Г., 1979. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск.

Алентьев А.М., 2006. Предварительные данные по фауне голоцена на южном Байкале // Современные

проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск.

Конев В.П., 1996. Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов XXXVI РАСК. Иркутск.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. Улан-Удэ – Чита.

Туркин Г.В., 2003. Лесостепное Предбайкалье в кон. II–I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов). Автореф. дис... канд. ист. наук. Владивосток.

Туркин Г.В., 2006. К вопросу о межкультурном взаимодействии населения лесостепного Предбайкалья в I тыс. до н.э. // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск.

Туркин Г.В., Харинский А.В., 2004. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на южном Байкале // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск.

А.А. Коновалов

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Динамика природных комплексов и ее палеоиндикаторы

Климатическое поле Земли имеет два измерения: зональное, связанное с поступлением солнечного тепла, и азональное, связанное с режимом увлажнения, зависящего от удаленности от Мирового океана. Координатами этого поля являются радиационный баланс B и J – индекс сухости, отношение радиационного баланса B к тепловому эквиваленту осадков (Будыко, 1971). Главную роль в дифференциации природных условий играет зональность. В терминах механики это, так сказать, шаровой тензор, отвечающий за круговую форму изолиний климатического поля и обусловленных им биотических и абиотических параметров, примерно совпадающих с линиями широт, а азональность – это дополняющий его дивергент, искажающий зональность из-за неравномерного распределения воды и суши. Географическая зональность обусловлена характером теплового поля, токи которого, фиксируемые по среднегодовым температурам воздуха t_c , направлены от литосферы к атмосфере и от экватора к полюсам. Это вызывает образование на поверхности Земли в обоих полушариях примерно симметричных термических поясов с однотипными климатическими условиями и наличие в тропосфере аналогичных по температуре и влажности сферических прослоев, соединяющих через экватор одинаковые термические пояса север-

ного и южного полушарий (рис. 1). Эти невидимые тропосферные прослои проявляются на склонах прорезающих их гор вертикальной географической поясностью, повторяющей широтную. Полярный и бореальный пояса лежат в криосфере – пространстве, включающем части тропосферы, атмосферы и литосферы с отрицательными t_c . В литосфере это область вечномерзлых грунтов. Зона постоянного холода, где максимальная среднемесячная температура воздуха ниже нуля, лежит выше полярного пояса, проявляясь на поверхности Земли (в горах и полярных областях) покровным оледенением. Совокупность этих тропосферных прослоев имеет вид эллипсоида вращения, ось которого совпадает с осью Земли, а вращение в общем уравновешено с вращением Земли. Его осевое сжатие при повышении скорости вращения или растяжение при ее понижении приводят к перемещению географических зон по поверхности Земли: при сжатии в направлении к экватору, вызывая похолодание, или от него при растяжении, вызывая потепление.

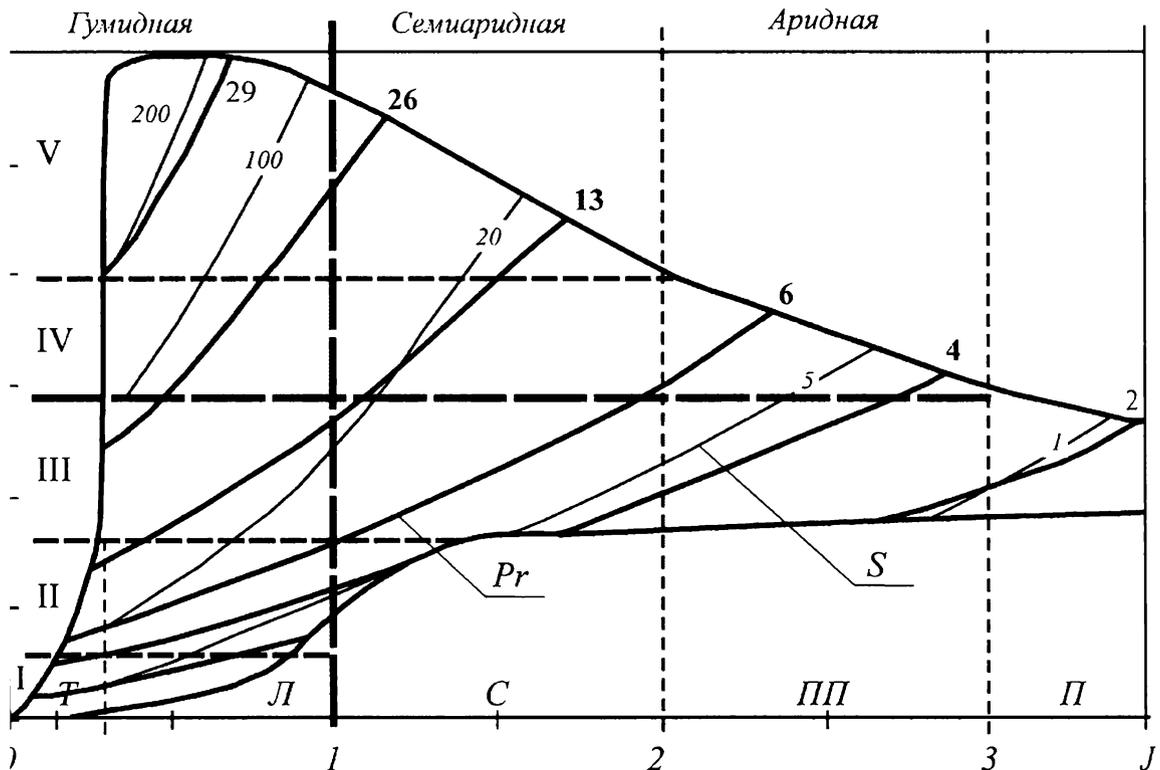
Климат, а также биопродуктивность и тектонические проявления зависят от солнечной активности через посредство приливообразующей силы (ПС), так что уменьшение угловой скорости вращения Земли при увеличении ПС вслед за понижением солнечной

Рис.1. Схематический меридиональный разрез биосферы: I ... V – термические пояса (полярный, бореальный, суббореальный, субтропический, тропический), КПС – криоплювиосфера, ВМ – вечномерзлый грунт, П.ол – покровное оледенение

ости вызывает похолодание и увлажненность (Личков, 1960). На 300-летнем отрезке времени зафиксированы 111-, 80- и 11-летние циклы примерно одинаковой амплитуды колебаний всех компонентов этой системы: солнечная активность – приливы – скорость вращения Земли – климат – биопродуктивность. В 1930 и 1939 годы совпали с пиками солнечной активности, низкими приливами, максимальными скоростями вращения Земли, прохладным летним и плохими урожаями сельди. Между этими годами – 1885 год – наоборот, наблюдался минимальная солнечная активность, высокими приливами, минимумом скорости вращения Земли, теплым и сухим летом и «сказочным» урожаем сельди (Личков, 1960). Показана связь пиков солнечной активности с факторами, влияющими на биопродукцию – землетрясениями, извержениями вулканов, вспышками инфекционных заболеваний, социальными катаклизмами и их последствиями (Чижевский, 1976; Сафронов, 2002). Эти тенденции распространяются и на многовековые циклы. Ван дер Хаммен (1966), анализируя годовые спектры, относящиеся к голоцену и концу плейстоцена, во-первых, установил полувекторное изменение t_c в этот период в обоих полушариях, в Европе и в Южной Африке. Во-вторых, в холодные фазы циклов являются и самыми влажными, а наиболее теплые – и самыми сухими.

Описанные циклы связаны с изменениями в двойной дихотомии «тепло – сухо» и «холодно – влажно», показателем которой является J . В них повышение солнечной активности вызывает понижение t_c и подавление биопродуктивности. Но установлен и противоположный эффект – повышение t_c с увеличением активности Солнца. Получены формулы этой зависимости (Будыко, 1971), в которых независимыми переменными являются астрономические параметры. Собственно этим эффектом объясняется зональность климата и наличие температурной координаты V . Вызванный повышением V рост условного радиуса эллипсоида инициирует перемещение географических зон от экватора к полюсам и общее потепление климата и наоборот: сокращение радиуса эллипсоида вслед за уменьшением V вызывает перемещение зон от полюсов к экватору и общее похолодание. Оба эффекта, связанные с разными координатами климатического поля, проявляются в режиме накладываемых друг на друга колебаний, создавая сложную, плохо идентифицируемую иерархию циклов разной частоты и амплитуды. Но все же заметно, что генеральный вектор изменения климата задают колебания, связанные с координатой V . Их параметры обычно больше, они как бы составляют фон для климатических колебаний по координате J . На рис. 2 приведены графики связи фитопродукции Pr (т/га.год) и стока S (см/год) с V (ккал/см² год) и

2. Фитопродукция Pr и сток S в координатах V, J (Т – тундра, Л – лес, С – степь, ПП – полупустыня, П – пустыня)

J (Будыко, 1971). На оси B выделены термические пояса, а на оси J – входящие в них три биоклиматические области: гумидная, семиаридная и аридная. $J=1$ – ось симметрии, располагающаяся между лесом и степью, место равновесия тепла и влаги. С удалением от него равновесие нарушается, к лесной зоне – из-за дефицита тепла, к степной – из-за дефицита влаги. Значения $J=0,33$ и $J=3=1/0,33$, совпадающие с границами устойчивой климатически детерминированной фитосферы, взаимнообратны; на логарифмической шкале зеркально симметричны. За этими пределами располагаются зоны холодных и жарких (низкоширотных) пустынь, где фитосфера эфемерна, прерывиста во времени и пространстве.

Ее появление здесь связано с положительными флуктуациями тепла – в холодных пустынях и влаги – в жарких. При одинаковой величине B изменение J пропорционально изменению степени континентальности климата: с удалением вглубь материка J увеличивается. У второй координаты тоже есть критическая величина: $B \approx 50$ ккал/см² год. Ее изолиния примерно совпадает с северной границей субтропиков и нулевой температурой самого холодного месяца. Южнее этой границы вода, составляющая большую часть массы организмов, никогда не замерзает, обеспечивая их круглогодичное функционирование и максимальную производительность. Это ось симметрии абсолютных величин экстремальных температур, повторяющихся по обе стороны от нее в ранге температуры самого холодного месяца севернее этой границы и самого теплого – южнее. Основываясь на принципе актуализма, постулирующем однотипность природных связей в прошлом и теперь, можно полагать, что примерно такое же соответствие между J , B , Pr , S и биоклиматическими комплексами было в течение всего голоцена.

Итак, совокупность термических поясов можно понимать как пространство дихотомии «тепло ↔ холодно», а совокупность гумидо-аридных областей внутри них – дихотомии «сухо ↔ влажно». Вторая занимает подчиненное положение, изменения ее компонентов происходят на фоне изменения компонентов первой, образуя сдвоенную оппозицию: «тепло и сухо ↔ холодно и влажно», хотя сухие и влажные эпохи так же могут быть и теплыми, и хо-

лодными. Возможны разные сочетания этих четырех оценок климата, включая "аномальные": *тепло и влажно* или *холодно и сухо*. Но геологическая история и современная географическая зональность свидетельствуют о большем соответствии холода повышенному увлажнению, а тепла – повышенной сухости. Это вытекает и из наличия температурных пределов существования воды. На верхнем уровне ранжирования наблюдается примерно такое соответствие "климатических" категорий времени и пространства: тропический пояс – *теплая и влажная* эпоха; субтропический и суббореальный – *теплая и сухая* эпоха; бореальный – *холодная и сухая* эпоха; полярный – *холодная и влажная* эпоха. История климата и биосферы – это чередование указанных эпох, проявляющееся на Земле циклическими перемещениями географических зон в пространстве координат B , J со скоростью, примерно совпадающей со скоростью изменения климата. Одновременно с перемещениями географических зон с их климатическими и флористическими показателями происходит накопление и уплотнение осадочного гео- и биологического материала, в т.ч. пыльцы и спор, наборы которых отвечают определенным ботаническим и климатическим условиям. Изменения климата и вызванные ими перемещения геоботанических комплексов фиксируются по глубине наслоениями характерных палиноспектров и могут служить их индикаторами. "Вчерашние" географические зоны и время их бытия "сегодня" превратились в геологические напластования и их возраст, образно говоря, "география и история вчера – это геология и археология сегодня". Как онтогенез биологической особи кратко повторяет филогенез, так и геологический разрез места в сжатом виде отражает (содержит) его палеогеографию и историю.

Будыко М.И., 1971. Климат и жизнь. Л.

Ван дер Хаммен, 1966. Изменения климата севера Южной Америки в четвертичном периоде / Солнечная активность и изменения климата. Л.

Личков Б.Л., 1960. Природные воды Земли и литосфера. М.

Сафронов Ю.П., 2002. В диапировом блеске солнечных пятен // Чудеса и приключения. № 4.

Чижевский А.Л., 1976. Земное эхо солнечных бурь. М.

А.А. Коновалов, С.Н. Иванов

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

О связи палиноспектров и климата

Известные способы реконструкции палеоклиматов (Букреева, 1995; Васильчук, 2002; Гричук, 1950; Зах, 1997; Климанов, 1976; Коновалов, 2007) по палиноспектрам предполагают аналогию формы связей между ними в прошлом и в настоящее время. Если известен возраст пород, вмещающих ископаемые палиноспектры, то этот принцип позволяет свести проблему палеоклиматических реконструкций к установлению связей между элементами современного климата и поверхностными (субрецентными) палиноспектрами.

Обычно полные наборы флористических элементов в палиноспектрах, достигающие 40 и более единиц, объединяют в три группы: 1) пыльца древесных пород и кустарников d_1 (%), 2) пыльца трав и кустарничков d_2 , 3) споры d_3 . Они примерно отражают долевое участие во флористическом комплексе верхнего, среднего и нижнего ярусов, которое, как и видовое разнообразие, зависит от климата.

Для количественного анализа трехгруппового палиноспектра используем интегральный показатель $C=(1-d_1) \cdot (1-d_2) \cdot (1-d_3)$, который, как показали расчеты, зависит в основном от доминанты D – группы (d_1 , d_2 или d_3) с максимальным содержанием (весом) пыльцы. Влияние двух других групп проявляется суммарно, как $1-D=D_s$. Т.е. параметр C можно рассматривать как дихотомию доминанты D и субдоминанты D_s . Их сумма – постоянная величина, равная 1 (100 %) при любом климате, а произведение $C=D \cdot D_s$ вслед за D зависит от климата. Пределы изменения D : 0,333...1 и, значит, D_s – 0,67...0, а C – 0,296...0. Минимум C имеет место при полном преобладании доминанты, когда $D=1$, максимум – при ее отсутствии, приблизительно в равновесии всех трех групп (по 0,333). Условие $D \approx 0,333$ характеризует области перехода тундр и полупустынь соответственно к холодным и жарким пустыням, где скудная растительность не развита по ярусам и носит случайный, хаотический характер, ограничивая пространство устойчивой (постоянной, непрерывной, климатически детерминированной) фитосферы. За ее пределами хаос постепенно растет до невозможности существования растительности, когда все три d равны 0. Это условие выполняется в области вечного холода, где средняя температура самого теплого месяца не поднимается выше 0° С, и в жарких пустынях, где влажность почвы стремится к 0.

Введем обобщения: $C_{об} = C / 0,296$; $D_{об} = (D - D_{мин}) / (D_{макс} - D_{мин})$, где $D_{макс}$ и $D_{мин}$ – экстремумы D . В нашем случае $D_{макс} = 1$, а $D_{мин} = 0,333$, тогда:

$$D_{об} = 1,5D_c - 0,5$$

Для 2...4 – группового палиноспектра при доминировании любой группы соотношение между $C_{об}$ и $D_{об}$ имеет вид (Коновалов, 2007):

$$C_{об} = 1 - D_{об}^2$$

Такой вид решения, когда переменные изменяются в интервале 0...1, придает ему универсальный характер, позволяет корректно сравнивать разноразмерные системы – такие, как климат и палиноспектры.

По наблюдениям (Гричук, 1950; Зах, 1997; Климанов, 1976; Коновалов, 2007), величина D в субрецентных палиноспектрах растет от 0,33...0,6 в тундре и лесотундре до 0,8...1 в подтайге и северной лесостепи; южнее она уменьшается: до 0,8...0,6 в лесостепной и степной зонах и до 0,6...0 в полупустыне и пустыне. Причем в обширной области от средней тайги до полупустыни по обе стороны от максимума величина D близка к постоянной: 0,7...0,9 (1). В лесотундре, тайге, подтайге и северной лесостепи, как правило, доминирует пыльца деревьев и кустарников. Северной и южной этой области роль доминанты обычно переходит к пыльце трав и кустарничков, реже к спорам.

Анализ имеющихся данных показывает, что ось симметрии $D=1$ по величине и месту расположения близка к радиационному индексу сухости $J=B/UL=1$ (где B и U – радиационный баланс и сумма осадков за год, L – удельная теплота испарения) (Будыко, 1971), по изолинии которого проходит граница между влажной (плювио-) и засушливой (ксеро-) фитосферами, несколько смещена к югу, в подтайгу, где $J \approx 1,1...1,2$. Учитывая погрешности обобщения, можно считать, что $D=1$ совпадает с $J=1$ и уменьшение D к северу и югу от оси симметрии увязать с понижением и повышением J относительно единицы из-за уменьшения тепло- или влагообеспеченности соответственно. Для точности учтем эту разницу: $D \approx J/1,15 = J'$.

Индекс сухости в устойчивой фитосфере изменяется примерно от 0,25...0,35 у северной границы тундры до 3 у южной границы полупустыни (Будыко, 1971). Кроме того, на северной границе устойчивой фитосферы $J \approx D \approx 0,33$, а на южной – $J \approx 3 \approx 1/D$, т.е. J и D в плювио- и ксерофитосфере на логарифмической шкале симметричны. Тогда в плювио-

фитосфере $\ln D \approx \ln J$; $D \approx 0,87J$, а в ксерофитосфере (при $J > 1,15$) $\ln D \approx -\ln J$; $D \approx 1/0,87J$.

Для установления связи D с элементами климата (ЭК) представим климат, как и палиноспектры, в виде дихотомии безразмерных компонентов d_1 и d_2 , характеризующих теплый и холодный периоды года и в сумме равных 1, например: $d_1 = d_{11} = -t_1/2A$ и $d_2 = d_{17} = t_1/2A$, где $A = (t_1 - t_7)/2$; t_7 и t_1 – средние температуры самого теплого и самого холодного месяцев (обычно июль и январь), произведение которых $C_{\text{кл}} = d_1 \cdot d_2$ служит интегральной характеристикой двухкомпонентной системы. После обобщения параметров этого уравнения по типу обобщения C (см. выше), получаем: $C_{\text{об.кл}} = C_{\text{кл}} / 0,25$; $D_{\text{об.кл}} = (d_{17} - d_{17\text{min}})/(d_{17\text{max}} - d_{17\text{min}})$, где $d_{17\text{max}}$ и $d_{17\text{min}}$ – экстремумы d_{17} , а также $C_{\text{об.кл}} = 1 - D_{\text{об.кл}}^2$. Начало дихотомии палиноспектров ($D_{\text{min}} = 0,33$) логично совместить с изотермой $t_7 = 5^\circ\text{C}$ (начало вегетации холодостойких растений), которая примерно совпадает с северной границей тундры. Величина $2A$ здесь, по данным метеослужбы, в среднем 31° , значит $d_{17} = 5/31 = 0,16$, $d_{11} = 0,84$. В плювиофитосфере d_{17} изменяется от $d_{17\text{min}} = 0,16$ до $d_{17\text{max}} = 0,5$, тогда $D_{\text{об.кл}} = (d_{17} - 0,16)/(0,5 - 0,16)$. Приравняв $C_{\text{об.кл}}$ к $C_{\text{об.с}}$, после преобразования получаем:

(1) при $J < 1$: $d_{17} \approx 0,5D$; $d_{11} = 1 - 0,5D$

(2) при $J > 1$: $d_{11} \approx 0,5D$; $d_{17} = 1 - 0,5D$

Аналогично, в виде “холодно – теплых дихотомий”, суммы элементов которых равны 1, можно представить подсистему “продолжительности теплого и холодного периодов года”: $C_\tau = d_{\text{хх}} d_{\text{тм}} = d_{\text{хх}} (1 - d_{\text{хх}})$, где $d_{\text{хх}}$ и $d_{\text{тм}}$ – отношения продолжительности холодного и теплого периодов к году; “осадки за теплый и холодный периоды года”: $C_u = d_{\text{ух}} (1 - d_{\text{ух}})$, где $d_{\text{ух}}$ – отношение сумм осадков за условно холодный (XI по IV месяцы) период и за год и др.

В качественном плане все эти относительные климатические оппозиции ведут себя примерно одинаково и хорошо коррелируют друг с другом. В частности:

(3) $d_{\text{тм}} = 0,9 - 0,83d_{17}$; $d_{\text{ух}} = d_{17} / (1,14d_{17} + 0,06)$

С.Н. Иванов определил рецентные палиноспектры для разных участков местности (лес, низина, луг, рям, пойма и т.д) на юге Тюменской области (12 участков на трассе Вагайское – Ярково) и ее севере (10 участков в р-не Нового Порта). В обоих случаях доминировала пыльца древесных пород при средних значениях $D = 0,94$ на юге и $D = 0,67$ на севере. Подставив эти значения D в формулы (1), (3), для 1) d_{11} , 2) $d_{\text{ух}}$, 3) $d_{\text{хх}}$, имеем (в числителе расчет по формулам, в знаменателе – по данным метеостанций) на юге области – 1) $0,53/0,51$; 2) $0,25/0,23$; 3) $0,49/0,48$; на севере – 1) $0,67/0,69$; 2) $0,45/0,50$; 3) $0,62/0,67$. В обоих случаях расхождение с данными метеостанций невелико – 3...11%. Принимая линейный характер связи D и d_{11} , находим ее эмпирическое выражение: $d_{11} = 1 - 0,45D$, тоже мало отличающееся от (1).

В заключение приведем некоторые (основные) формулы взаимосвязи метеоэлементов, определяющих через посредство d_{11} (или d_{17}) и J климатическую зависимость доминанты палиноспектра D , а также величины их достоверности R^2 , полученные при статистической обработке данных метеостанций Западной Сибири и Северного Казахстана (табл. 1).

На рис. 1 показан рассчитанный по предлагаемой методике ход сглаженных величин t_c и J в голоцене в разных районах Западной Сибири. В Томской области – разрез “Янтарный” (Букреева, 1995), Тюменской – “Паром 1”, вблизи Салехарда (Зах, 1997) и Щучьинский (Васильчук, 2002).

Таблица 1

$t_7 = 35,6 d_{17} + 0,9$;	$R^2 = 0,96$	$\Sigma_{>5} = \Sigma_{>10} + 295$;	$R^2 = 0,97$
$t_1 = 1,94 - 40,31 d_{11}$;	$R^2 = 0,95$	$\Sigma_{>10} = 6346 - 8757 d_{11}$;	$R^2 = 0,97$
$J = 0,07 + 1,9 d_{17}$;	$R^2 = 0,94$	$\Sigma_{>5} = 1,03 \Sigma_{>0} - 138,9$;	$R^2 = 0,99$
$t_c = 0,33 + 0,63(t_7 + t_1)$;	$R^2 = 0,97$	$U = 240J + 170,2$;	$R^2 = 0,98$
$\Sigma_{<0} = 1854 - 8544 d_{\text{тм}}$;	$R^2 = 0,97$	$U_m = 667,4 - 198J$	$R^2 = 0,98$

В этих формулах, кроме уже известных обозначений: U, U_m – суммы осадков за год и за теплый период, мм; $\Sigma_{<0}, \Sigma_{>5}$ и $\Sigma_{>10}$ – суммы температур ниже 0 и выше 5 и 10° С.

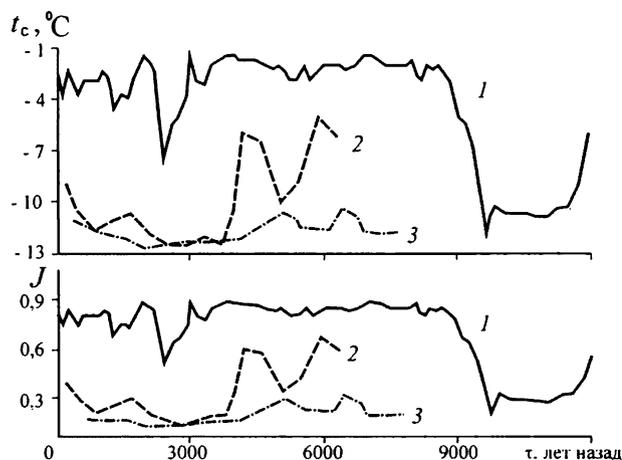

Рис. 1. Ход во времени среднегодовой температуры воздуха (t_c) и индекса сухости (J).
1 – разрез Янтарный, 2 – Паром 1, 3 – Щучьинский (метеостанция Ямбура)

- Будыко М.И., 1971. Климат и жизнь. Л.
- Букреева Г.Ф., Архипов С.А., Волкова В.С., Орлова Л.А. 1995. Климат Западной Сибири: в прошлом и будущем // Геология и геофизика. Т. 36. № 11.
- Васильчук А.К., 2002. Палиноспектры ^{14}C датированных образцов синкриогенных пород севера Западной Сибири и Якутии // Криосфера Земли. Т. VI. № 2.
- Гричук В.П., 1950. Растительность Русской равнины в нижне- и среднечетвертичное время // Труды Ин-та географии АН СССР. Вып. 46.
- Зах В.А., 1997. Многослойное поселение Паром 1 у Салехарда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1.
- Климанов В.А., 1976. К методике количественного восстановления климата прошлого // Вестник МГУ. Сер. географ. № 2.
- Коновалов А.А., Иванов С.Н., 2007. Климат, фитопродуктивность и палиноспектры: связи, распределение и методика палеорекоstructions (на примере Западной Сибири). Новосибирск.

О.М. Корона

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Археоботанические материалы из археологических памятников в лесотундре Западной Сибири

Проведен палеокарпологический анализ образцов культурного слоя из русского города XVII века Мангазея ($66^{\circ}42'N$, $82^{\circ}16'E$) и из поселения аборигенного населения XVII в. Надымский городок ($66^{\circ}03'N$, $72^{\circ}00'E$).

В ходе раскопок города Мангазея из культурного слоя были отобраны образцы для палеокарпологического анализа. Отобранный материал представляет собой либо отдельные находки крупных растительных остатков (орехи, косточки), либо скопления растительных остатков, либо почвенные колонки, отобранные послойно, состоящие из нескольких образцов.

Все многообразие обнаруженных растительных остатков можно разделить на 4 группы.

1) остатки культурных растений: прежде всего это злаки (в основном овес, ячмень встречается единично), кроме того, остатки лещины (орехи), сливы и вишни (косточки);

2) плоды и семена сорных растений, причем в этой группе встречаются как остатки местных видов (пыкульник, фаллопия, марь, ярутка, спорыш, шавель, грыжник, крапива и др.), так и завезенных

из более южных районов (неслия, куколь, конопля, овсюг);

3) многочисленны и разнообразны остатки местных видов растений, плоды и семена которых человек использует в пищу (морозка, клюква, черника, голубика, брусника, рябина, черемуха, княженика, кедр сибирский);

4) группа остатков (плоды, семена, хвоя), характеризующая местную растительность, не связанную непосредственно с человеческой деятельностью (это различные болотные и околводные растения, деревья).

Растительные остатки из первых трех групп характеризуют время, когда люди жили в городе. Овес завозился на корм животным, ячмень для питания людей. Вместе с зерном были завезены и семена некоторых сорных растений (куколь, неслия, конопля, овсюг). Орехи лещины, вяленые сливы и вишни завозились из европейской части России. Особенно много, судя по количеству остатков, привозили орехов лещины. Дикорастущие пищевые растения жители города собирали в его окрестностях.

Четвертая группа остатков характерна для пери-

ода после ухода людей. Эта группа отражает возврат растительности к естественному состоянию: исчезают остатки культурных растений и сопутствующих им заносных сорняков. Резко сокращается общее количество семян сорных растений. Появляется большое количество семян болотных и водолюбивых растений (различные осоки, сабельник болотный, лютик ползучий, калужница болотная, канареечник тростниковидный, лобазник вязолистный).

Материалы из Надымского городка состоят из одной колонки культурного слоя, отобранной послойно (всего 9 образцов), и трех почвенных монолитов, взятых в различных участках местонахождения. Монолиты также были разделены послойно на отдельные образцы.

Сопоставляя состав растительных остатков с выделенными ранее в Мангазее группами, мы наблюдаем: 1) представителей первой группы (культурные растения) в Надымском городке не обнаружено;

2) семена и плоды сорных растений принадлежат только местным видам (марь, грыжник, желтушник и др.). Среди остатков преобладают семена крапивы (в отдельных образцах обнаружено до 1000 семян). Это может быть обусловлено тем, что жители Надымского городка в отличие от жителей Мангазеи использовали крапиву как прядильную культуру;

3) остатки семян местных дикорастущих пищевых растений (морозка, черемуха, рябина) немногочисленны, а семена брусники, голубики, княженики

и кедра встречаются единично. Необходимо отметить, что количество остатков пищевых растений в образцах из Надымского городка существенно меньше, чем в Мангазее. Очевидно, жители Надымского городка не занимались специализированным сбором и заготовкой ягод, как это делали жители Мангазеи;

4) растительные остатки деревьев и кустарников (ели, березы, ольховника), луговых (василистник, злаки), водных и околводных растений (вахта, хвостник, уруть) характеризуют местную растительность, не связанную непосредственно с человеческой деятельностью.

Последние две группы в Мангазее и Надымском городке сходны по видовому составу растительных остатков, поскольку отражают сходство природных условий этих двух местонахождений.

Таким образом, в изученных семенных комплексах нашло отражение не только присутствие человека, но и структура питания и особенности его хозяйственной деятельности. Для русского «непашенного» города Мангазея, кроме наличия остатков местных видов растений, характерно присутствие семян и плодов привозных пищевых растений и специфический состав сорной растительности с элементами заносной. В Надымском городке семенные комплексы состоят только из видов растений, характерных для местной флоры, и влияние аборигенного населения проявлялось только в изменении количественного соотношения этих видов.

Я.В. Кузьмин

Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

В.К. Попов, А.В. Гребенников

Дальневосточный геологический институт ДВО РАН, Владивосток

А.В. Пташинский

Камчатский государственный университет, Петропавловск-Камчатский

М.А. Дикова

Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, Анадырь

М.Д. Гласкок

Исследовательский реактор, Университет Миссури, Колумбия (США)

Источники обсидианового сырья в доисторических культурах Камчатки: результаты и перспективы исследований*

Изучение вулканического стекла (обсидиана) Камчатского полуострова и особенностей его использования в качестве сырья для изготовления орудий в первобытных культурных комплексах началось фактически с 2003 г. (Попов, Пташинский и др., 2005; Speakman et al., 2005; Glascock et al., 2006; Kuzmin et al., 2008). Ранее авторами на юге Дальнего Востока России и в прилегающих к нему регионах были проведены методические работы по выявлению источников археологического обсидиана на основе изучения его геохимического состава (Кузьмин, Попов, 2000; Попов, Сахно и др., 2005; Kuzmin, 2006). В настоящем сообщении подводятся первые итоги работ в данном направлении на Камчатке.

Геохимический (нейтронно-активационный) анализ около 470 образцов обсидиана с использованием оригинальных статистических методов обработки результатов (Glascock et al., 1998) позволил выявить 7 коренных (“геологических”) источников, которые использовались в древности; наиболее важными являются: Река Белоголовая (геохимическая группа КАМ-07), Паялпан (КАМ-05) и Иткаваям (КАМ-03) (рис. 1: А–В; 2). Помимо них, выделяются 8 групп археологического вулканического стекла (рис. 2: КАМ-01, 02, 04, 08, 10, 14, 15, 16), представленных пока исключительно артефактами, распространенными по всей Камчатке (Glascock et al., 2006; Kuzmin et al., 2008). Точное положение коренных источников для этих групп по состоянию на середину 2008 г. остается неизвестным; их идентификация является насущной задачей работ ближайших лет.

Обсидиан некоторых известных источников на

Камчатке использовался в древности в незначительной степени (Glascock et al., 2006), что может быть связано с низким качеством сырья (источник Начики, КАМ-06), а также незначительной площадью выходов вулканического стекла на дневную поверхность и их труднодоступностью (источники Маар Чаша, КАМ-11; Карымский, КАМ-09).

Углубленные исследования обсидиановых артефактов стоянок Ушковской группы (Kuzmin et al., 2008) показали, что в позднем палеолите (14000–10000 л.н.) для получения сырья использовались от 4 до 6 источников; расстояние до них составляет по прямой до 200 км (с учетом наиболее оптимального пути – до 300 км). В неолите (4200–3100 л.н.) люди эксплуатировали обсидиан из 6 источников, расположенных на расстоянии до 200–300 км от стоянки по прямой. В целом в неолите Камчатки расстояние от известных источников обсидиана до мест его обработки достигает 500–550 км (Glascock et al., 2006; рис. 1); количество источников, определенных для конкретных стоянок, составляет от 1 до 7.

Перспективность изучения источников археологического обсидиана для выявления направлений, времени и размаха древних миграций и обмена неоспорима. Полученные для Камчатки и других регионов Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии результаты позволяют надеяться, что продолжение работ принесет несомненную пользу как археологам, так и геологам дальневосточного региона.

* Данное исследование поддержано РФФИ (№ 06-06-80258), Civil Research and Development Foundation (США) (№ RG1-2538-VL-03), РФФИ-ДВО (№№ 06-08-96012, 06-05-96159).

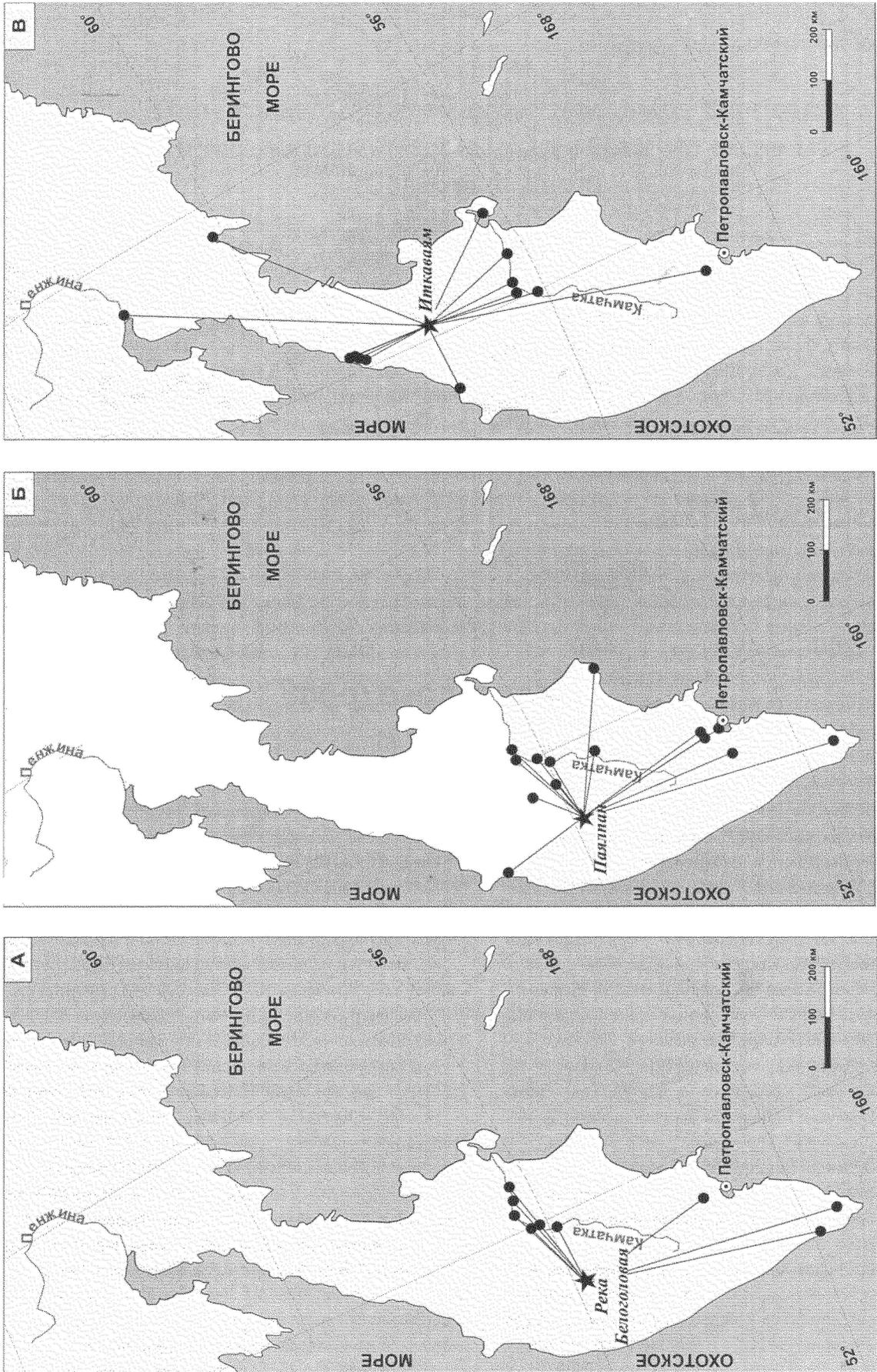

Рис. 1. Основные источники обсидиана древних культур Камчатки (Glascok et al., 2006; Kuzmin et al., 2008)

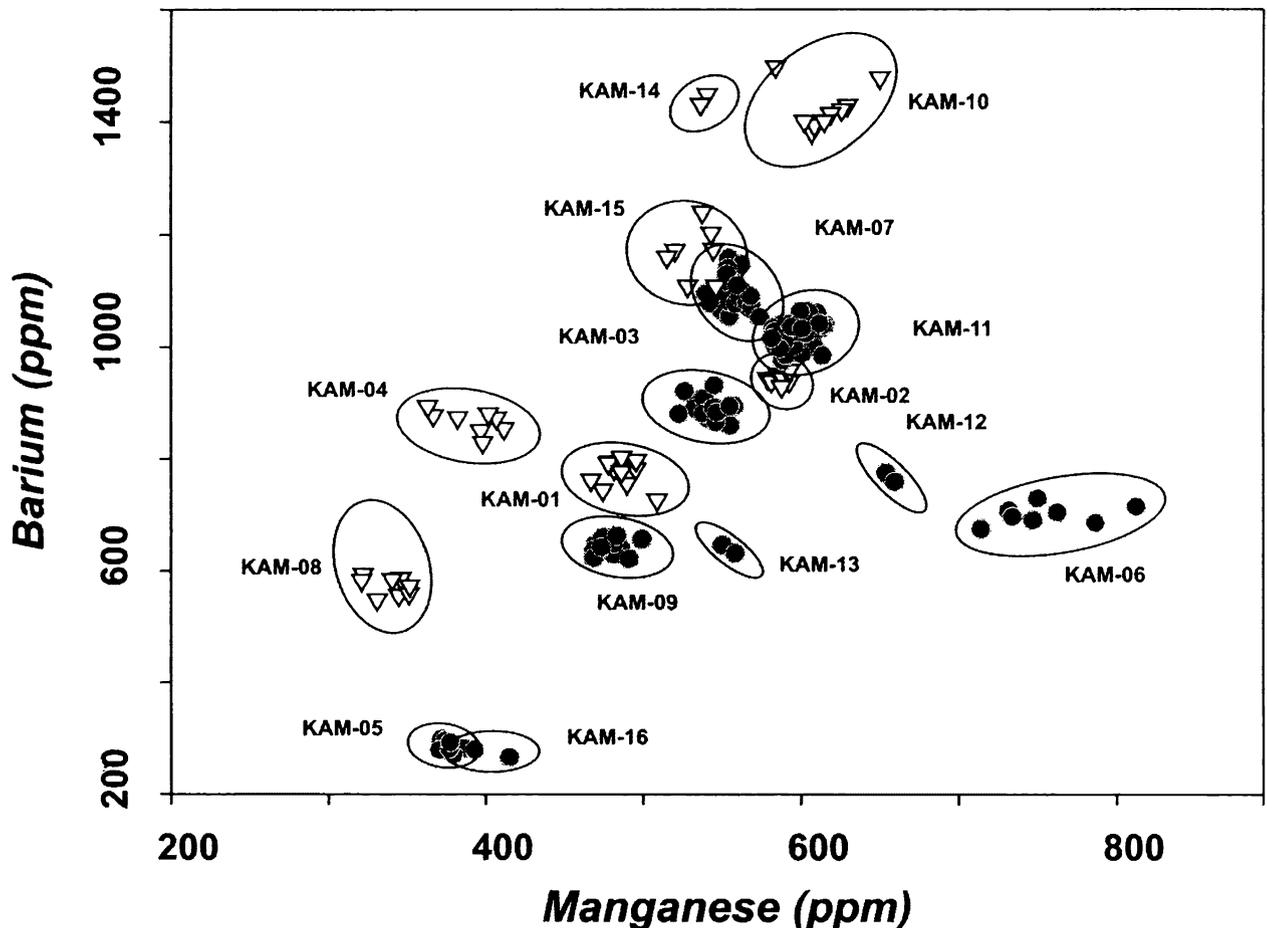

Рис. 2. Основные геохимические группы обсидиана Камчатки

Кузьмин Я.В., Попов В.К. (ред.), 2000. Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты. Владивосток.

Попов В.К., Пташинский А.В., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д., Гребенников А.В., Спикман Р.Дж., Леонов В.Л., Гриб Е.Н., Горбач А.А., 2005. Геохимия вулканических стекол и источники археологического обсидиана на Камчатке (Дальний Восток России) // Северная Пасифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене. Магадан.

Попов В.К., Сахно В.Г., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д., Цой Б.-К., 2005. Геохимия вулканических стекол вулкана Пектусан // Доклады Академии наук. Т. 403. № 2.

Glascok M.D., Braswell G.E., Cobean R.H., 1998. A systematic approach to obsidian source characterization // *Archaeological Obsidian Studies: Method and Theory*. New York.

Glascok M.D., Popov V.K., Kuzmin Y.V., Speakman R.J.,

Ptashinsky A.V., Grebennikov A.V., 2006. Obsidian sources and prehistoric obsidian use on the Kamchatka Peninsula: initial results of research // *Archaeology in Northeast Asia: On the Pathway to Bering Strait*. Eugene.

Kuzmin Y.V., 2006. Recent studies of obsidian exchange networks in prehistoric Northeast Asia // *Archaeology in Northeast Asia: On the Pathway to Bering Strait*. Eugene.

Kuzmin Y.V., Speakman R.J., Glascok M.D., Popov V.K., Grebennikov A.V., Dikova M.A., Ptashinsky A.V., 2008. Obsidian use at the Ushki Lake complex, Kamchatka Peninsula (Northeastern Siberia): implications for terminal Pleistocene and early Holocene human migrations in Beringia // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 35 (in press).

Speakman R.J., Glascok M.D., Popov V.K., Kuzmin Y.V., Ptashinsky A.V., Grebennikov A.V., 2005. Geochemistry of volcanic glasses and sources of archaeological obsidian on the Kamchatka Peninsula (Russian Far East): first results // *Current Research in the Pleistocene*. Vol. 22.

Е. Г. Лаптева

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Палеоэкологическая характеристика периода функционирования поселения Нижнее озеро III (Северный Урал)*

В данной работе представлены новые палинологические материалы для территории Северного Урала, полученные при изучении отложений культурных слоев археологического памятника Нижнее озеро III.

Поселение Нижнее озеро III – полихронный археологический памятник, расположенный на берегу оз. Нижнее (бассейн р. Сосьва) на восточном склоне Северного Урала (60°28' с.ш., 59°58' в.д.). Археологическое исследование памятника проводилось в 2006 году под руководством Н.М. Чаиркиной (Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург).

На палинологический анализ было отобрано 28 образцов с интервалом 5 см из зачистки обрыва берега – восточной стенки сооружения № 3 поселения Нижнее озеро III (раскоп 2, кв. Б/12). Согласно литологическому описанию, в месте отбора проб под слоем современного дерна располагалась черная гумусированная супесь, перекрывающая слой суглинка мощностью более 1,7 м. По характеру окраски толща суглинка подразделена на два слоя: 1) суглинок коричневого цвета с содержанием угля (глубина от поверхности 0,12–0,42 м), 2) суглинок темно-коричневый с содержанием угля (до глубины 1,8 м от поверхности), формирующий культурный слой сооружения № 3 поселения. Ниже, с глубины 1,8 м от поверхности, залегал плотный суглинок желтого цвета (материковые отложения).

По изменению соотношения палиноостатков в составе спорово-пыльцевых спектров на диаграмме выделено три палинозоны, соответствующие трем фазам изменения растительности в окрестности поселения Нижнее озеро III (рис. 1). В целом по преобладанию пыльцы древесных пород (48–77 %), наблюдаемому в палиноспектрах по всему разрезу, можно судить о господстве лесной растительности во время функционирования поселения.

Фаза I (палинозона I) охарактеризована спорово-пыльцевыми спектрами из темно-коричневого суглинка (глубина: абсолютная – 1,96–2,81 м, от поверхности – 0,5–1,35 м). Палиноспектры характеризуются господством пыльцы древесных растений (48–77 %), значительным количеством спор высших споровых растений (18–37 %) и небольшим со-

держанием пыльцы трав и кустарничков (5–22 %). В группе древесных пород преобладает пыльца сосны обыкновенной *Pinus sylvestris* (22–40 %). Большую роль играет пыльца березы *Betula* sect. *Albae* (7–17 %), присутствует пыльца ели *Picea* sp., пихты *Abies sibirica*, сосны сибирской *Pinus sibirica*, лиственницы *Larix* sp., липы *Tilia cordata* и вяза *Ulmus* sp. Встречаются пыльцевые зерна ивы *Salix* sp., ольхи *Alnus incana* и карликовой березы *Betula nana*. Суммарная доля пыльцы разнотравья достигает 8 %, присутствует пыльца злаков Poaceae (2–13 %), полыней *Artemisia* subgen. *Euartemisia*, маревых Chenopodiaceae и представителей синантропной флоры (Иван-чая *Chamaenerion angustifolium*, вьюнка *Convolvulus arvensis* и крапивы *Urtica* sp.). Споры растений представлены спорами папоротников Polypodiales (10–23 %), плаунов и мхов.

Спорово-пыльцевые спектры этой палинозоны отражают характер существовавших зональных растительных сообществ, близких северным формациям южной тайги, произрастающим в настоящее время в условиях теплого и достаточно влажного климата северных районов Среднего Урала. По изменению состава и содержания пыльцы и спор спорово-пыльцевые спектры объединены в три спорово-пыльцевых комплекса (СПК), отражающих три подфазы изменения растительного покрова вокруг поселения Нижнее озеро III:

1) преобладание сообществ темнохвойных пихтово-еловых (суммарное содержание пыльцы ели и пихты около 26 %) и светлохвойных сосновых (содержание пыльцы сосны обыкновенной 35 %) лесов с бедным травяно-кустарничковым покровом (СПК 1, глубина: абсолютная – 2,81 м, от поверхности – 1,35 см);

2) сокращение формаций темнохвойных лесов (содержание пыльцы темнохвойных пород 2–6 %) и распространение светлохвойных сосновых формаций с участием березы и сосны сибирской. В подлеске сосновых лесов встречались липа и вяз. Кустарничковые заросли формировали ивы и ольха, кустарничковая береза. В травяно-кустарничковом ярусе доминировали злаки и папоротники (СПК 2, глубина: абсолютная – 2,41–2,76 м, от поверхности – 0,95–1,3 м);

3) преобладание сосновых лесов с небольшой примесью березы (увеличение доли пыльцы сосны обыкновенной (32–40 %) при снижении содержания пыльцы березы (11–14 %). Темнохвойные породы могли формировать подлесок в светлохвойных формациях. В травяном покрове доминировали папоротники, роль злаков и разнотравья была незначительна (СПК 3, глубина: абсолютная – 1,96–2,36 м, от поверхности – 0,5–0,9 м).

СПК 1 и СПК 2 характеризуют наиболее ранний этап накопления культурного слоя сооружения № 3, датируемый эпохой неолита. Преобладание в культурном слое фрагментов эпохи неолита на абсолютной глубине – 2,41–2,81 м и ниже – до 3,26 м и полученные радиоуглеродные датировки по углю (абсолютная глубина – 2,16–3,26 м) 7680±110 л.н. (СОАН-6202) и 7735±90 л.н. (СОАН-6203) и по углю из очага 7695±170 л.н. (СОАН-6201) позволяют датировать время формирования спорово-пыльцевых спектров. обоих комплексов первой половиной атлантического периода голоцена.

Исходя из состава спорово-пыльцевых спектров СПК 3, третья подфаза также датируется временем атлантического периода. Согласно археологическим данным, на абсолютной глубине – 2,01–2,4 м культурного слоя отмечается значительное содержание фрагментов эпохи энеолита, соотносимой с завершающим этапом атлантического периода. В то же время радиоуглеродная датировка 7500±145 л.н. (СОАН-6200) (абсолютная глубина – 2,2–2,3 м), полученная по углю из культурного слоя, относится к первой половине атлантического периода. Вероятно, формирование отложений культурного слоя эпохи энеолита происходило на месте существовавшего сооружения № 3, датируемого эпохой неолита. Можно предположить, что в результате хозяйственной деятельности человека произошло перемешивание грунта, разрушение чистых верхних горизонтов культурного слоя эпохи неолита, и в большей степени захоронились фрагменты эпохи энеолита. Следовательно, состав спорово-пыльцевых спектров СПК 3 может рассматриваться как смешанный и характеризующий растительные сообщества эпохи неолита и энеолита.

Фаза II (палинозона II) связана с периодом формирования палиноспектров в коричневом суглинке, который перекрывает отложения культурного слоя сооружения № 3 (глубина: абсолютная – 1,61–1,96 м, от поверхности – 0,15–0,5 м). Выделены две подфазы изменения растительного покрова в окрестности поселения Нижнее озеро III:

1) развитие сосняков разнотравно-папоротниковых, в напочвенном покрове которых формировались сфагновые подушки. В палиноспектрах отмечено

суммарное господство спор высших споровых растений (48–55 %), среди которых преобладают споры папоротников (29–34 %) и значительно содержание спор сфагновых мхов (до 12 %), содержание пыльцы древесных растений 38–43 % (СПК 4, глубина: абсолютная – 1,86–1,96 м, от поверхности – 0,4–0,5 м);

2) доминирование светлохвойных сосновых формаций, скорее среднетаежного типа, с участием березы, сосны сибирской и липы. Подлесок формировали темнохвойные породы, главным образом, ель. Затем возросла роль сосны сибирской. Леса приобрели черты средней тайги (СПК 5, глубина: абсолютная – 1,61–1,86 м, от поверхности – 0,15–0,4 м).

Преобладание в культурном слое фрагментов эпохи энеолита на абсолютной глубине – 1,61–1,7 м позволяет датировать время формирования спорово-пыльцевых спектров палинозоны II этапом первой половины суббореального периода голоцена. Однако в отложениях культурного слоя среди фрагментов эпохи энеолита встречаются артефакты более поздних эпох (бронзы и железного века). Возможно, проникновение фрагментов поздних археологических эпох происходило в результате хозяйственной деятельности человека на месте более ранних культурных слоев.

Фаза III (палинозона III) характеризует современный этап доминирования сосновых и пихтово-еловых с сосной сибирской лесов среднетаежного типа. Спорово-пыльцевой спектр (СПК 6, глубина: абсолютная – 1,46–1,48 м, от поверхности – 0,0–0,02 м) характеризуется максимальным содержанием пыльцы деревьев и кустарников (87 %), среди которой преобладают пыльцевые зерна сосны обыкновенной (42 %), сосны сибирской (19 %), ели (13 %) и березы (10 %).

Таким образом, по полученным данным палинологического анализа можно проследить две фазы развития растительности в период функционирования поселения Нижнее озеро III.

Первая фаза, исходя из данных радиоуглеродного метода датирования и археологических материалов, характеризует время функционирования поселения неолитической эпохи на берегу оз. Нижнее в первой половине атлантического периода голоцена. В условиях теплого и довольно влажного климата существовали сообщества южной тайги. В составе темнохвойных и светлохвойных формаций встречались липа и вяз.

Вторая фаза связана с периодом формирования культурного слоя, перекрывающего отложения культурного слоя эпохи неолита. Согласно археологическим материалам, большая часть отложений этого слоя сформировалась в эпоху энеолита с конца ат-

лантического периода и в суббореальном периоде голоцена. В это время растительные формации стали приобретать черты современных растительных сообществ средней тайги. Светлохвойные леса заняли главенствующее положение, вяз практически исчез из сообществ, а липа встречалась очень редко. Климат, вероятно, стал умеренным и более континентальным.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность Н.М. Чаиркиной и С.Е. Чаиркину за помощь в организации экспедиционных работ и

ценные замечания при обсуждении полученных результатов.

*Работа выполнена по проекту «Палеоландшафт и модели хозяйственной адаптации древнего населения Зауралья и севера Западной Сибири (по материалам поселенческих и торфяниковых памятников)» в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-05-00773-а).

В.И. Мельник

Институт археологии РАН

Изменения климата и культур в срединной части евразийских степей в эпоху бронзы

Наряду с реконструкциями климата древности в глобальном масштабе очень ценными являются подобные исследования в отношении отдельных районов. Полученные здесь данные могут как детализировать, так и размывать общую картину ввиду широко охватываемых интервалов времени. Тем не менее, они, по большей части, не противоречат общим тенденциям изменения климата. Нас интересует территория срединной части евразийских степей и некоторых сопредельных областей. Так, для реконструкции климата в Среднем Поволжье использовались данные исследований Бузулукского бора. В промежутке 4500–3500 л.н. (палеогеографические даты некалиброваны) площадь леса в районе бора несколько сократилась, а площадь степных формаций возросла, что могло быть связано с аридизацией климата. В период 3500–2400 л.н. площадь лесов в этом районе вновь увеличилась (Кременецкий, Бёттгер и др., 1998; Кременецкий, Климанов и др., 2000). Палеопочвенные данные, полученные при исследовании низовьев реки Сок (Южная лесостепь), указали на то, что примерно 4500–4000 л.н. произошло увеличение степени атмосферной увлажнённости. В первой половине II тыс. до н.э. климат стал более засушливым и континентальным (Дёмкин, 2000).

На протяжении конца атлантического и суббореального периода в интервале 5/4,5 тыс. л.н. – 2,5/2 тыс.л.н. в степной зоне Поволжья, юга Западной Сибири и Северного Казахстана климатические условия отличались большей сыростью, чем в наши дни (на 25–50мм ниже). Заметны сдвиги природных зон к северу (Иванов, 1983).

Усиление континентальности климата на фоне его аридизации примерно 4500–3500 л.н. в южноуральских степях привело к сдвигу почвенно-географических подзон к северу. Изменение же южных чернозёмов позднебронзового века Приуралья в конце II–I тыс. до н.э. определялось постепенным повышением атмосферной увлажнённости и смягчением континентальности климата (Рысков, Дёмкин, 1997).

Палеопочвенные исследования в Северном Прикаспии дают доказательства существования атмосферной увлажнённости в атлантическую эпоху и усиления засушливости климата в начале суббореальной эпохи. Годовая норма осадков в этом районе около 5000 л.н. составляла 400–450 мм, затем через несколько столетий она снизилась до 350–300 мм/год, оказавшись на уровне современной. Таким образом, первая половина суббореального периода (5000–3500 л.н.) по отношению к предшествующей эпохе можно считать ксеротермической (Дёмкин, 1985).

Данные о развитии природы в Рын-песках таковы. Около 5000 л.н. в данном районе усиливается засушливость, атмосферные осадки уменьшаются более чем на 130–150 мм по сравнению с энеолитом и на 30–50 мм по сравнению с современностью. В отрезке времени от 5/4,7 тыс. л.н. до 4 тыс. л.н. наступает господство пустынь. Однако в среднесуббореальном периоде (4–3,6 тыс. л.н.) был выделен эпизод, обозначенный как полтавкинский (среднесуббореальный) северокаспийский микроплювиал. Рын-пески в период от 3,6 тыс. л.н. до 3,2 тыс. л.н.

представляли собой пустыни и полупустыни (Иванов, Васильев, 1995).

Геолого-палеоэкологические исследования, проведённые в Прикаспийской низменности, привели к следующим заключениям. Время между 5000–4300 л.н. характеризуется прерывисто-направленным похолоданием, уменьшением аридности и увеличением влажности, исчезновением пустыни, формированием заозёрных степей. Время между 4000 и 3700 л.н. выделяется как ксеротермический эпизод и господством полынно-маревой растительности. Ландшафты преобразовались в полупустыни и южные степи. Период 3700–3300 л.н. связан с относительным затуханием эоловых процессов с сохранением пустынных и полупустынных ландшафтов (Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998).

На Арало-Каспийском водоразделе высокая увлажненность приходится на 6000–4000 л.н. Период 4000–3750 л.н. характеризуется как переходный от умеренно-высокой к предельно низкой увлажнённости, когда за 2–3 столетия среднегодовые осадки сократились примерно на 40–50 мм, а июльская температура возросла на 0,5°. Период 6000–4000 л.н. в этом районе характеризовался злаково-полынной и полынной дерновинно-злаковой степью с участием полынных и солянковых ассоциаций на опустыненных территориях. Июльские температуры находились предположительно в пределах от +24,5 до +26,5, а годовые осадки – от 135 до 260 мм.

Период 4000–3750 л.н. отмечен деградацией злаково-полынных и дерновинно-злаковых степных и возрастанием роли полынных и пустынных солянковых ассоциаций. Увеличением июльских температур до 25,5–27,5 и уменьшением годовых осадков до 105–220 мм в год. Период 3750–2750 л.н. характеризовался уже полынными и солянковыми пустынями с температурой июля от +26 до +29 и осадками 75–175 мм в год (Варушенко и др., 1987).

Палеогеографические и археологические исследования, проведенные в юго-восточном Прикаспии, показали, что жизнь охотников и собирателей, переход их к производящим формам хозяйства и дальнейшее развитие до I тыс. до н.э. протекали в аридных условиях. Существенные изменения климата на этой территории не зафиксированы, что не исключало климатические колебания, однако не приведшие к заметным перестройкам ландшафтов (Лисицына, Массон, 1980).

Приведенные палеогеографические сведения связаны по времени с эпохой бронзы. Изменения в природной среде оказывали влияние на развитие культур, и в отдельные периоды мы видим значительные переломы в устоявшихся культурных формах (Мельник, 2000; 2004).

Ямная культура в этих районах, видимо, начала распространяться при переходе от атлантического периода к суббореальному, отмеченному похолоданием и увлажнением. Последующая волна аридизации – это уже время становления полтавкинской культуры в Поволжье. В Приуралье продолжает существование ямная традиция. В дальнейшем в этих районах фиксируется появление катакомбных культурных форм, которое, возможно, совпадает с некоторым смягчением климатических условий (средне-суббореальный северокаспийский микроплювиал). Усиление аридизации приводит к значительной культурной перестройке. Появляются потаповские и синташтинские типы, начинают распространяться абашевские и раннепокровские комплексы. Складывающиеся формы стали на длительное время определяющими. Стабилизация климатических условий (расширение лесов в Среднем Поволжье) приводит к утверждению срубной культуры, алакульской, а затем и других культур андроновского круга. Финальный период бронзового века отмечен сложением огромным по протяженности массивом культур с валиковой керамикой.

Варушенко А.Н., Варушенко С.И., Клиге Р.К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоёмов в палеовремя. М.

Дёмкин В.А., 1985. Влияние изменений климата на эволюцию почв сухостепной зоны в голоцене // Климат почв. Пушино.

Дёмкин В.А., 2000. Палеопочвенные исследования археологических памятников в долине реки Сок (Самарское Заволжье) // Почвоведение. № 1.

Иванов И.В., 1983. Изменение природных условий степной зоны в голоцене. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.

Кременецкий К.В., Бёттгер Т., Климанов В.А., Тарасов А.Г., Юнге Ф., 1998. История растительности и климата Бузулукского бора в позднеледниковье и голоцене и её палеогеографическое значение // Изв. РАН. Сер. геогр. № 4.

Кременецкий К.В., Климанов В.А., Бёттгер Т., Юнге Ф., 2000. Климат Среднего Поволжья в позднеледниковье и голоцене // Доклады академии наук (Россия). т. 370, № 2.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. Геолого-палеоэкологические события Севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Лисицына Г.Н., Массон В.М., 1980. Изменения природной среды и хозяйства древних племён юго-восточного

- Прикаспия в голоцене // Колебания увлажнённости Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- Мельник В.И., 2000. Проблема смены культур эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж.
- Мельник В.И., 2004. Развитие культуры и климатические экстремумы на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции. М.
- Рысков Я.Г., Дёмкин В.А., 1997. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пушино.

В.С. Мыглан

Сибирский федеральный университет, Красноярск

И.Ю. Слюсаренко

Институт археологии и этнографии СО РАН

Дендрохронологическое исследование курганов Аржан и Аржан-2 в Туве: подходы, проблемы, перспективы*

Аржан и Аржан-2 – сегодня одни из наиболее знаменитых курганов скифского времени, расположенные в Турано-Уюкской котловине (Республика Тыва), известной как «долина царей». Первый был исследован в 1971–1974 гг. экспедицией, возглавляемой М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом (Грязнов, 1980). Наличие такого количества хорошо сохранившихся деревянных конструкций поставило вопрос о необходимости проведения дендрохронологического анализа. На основе измерения ширины годовичных колец Е.И. Захариевой была построена «обобщенная схема прироста» деревьев из кургана Аржан, что позволило ей перекрестно датировать полученную 252-летнюю хронологию с дендрохронологическими шкалами алтайских курганов Туэкты и Пазырыка (Захариева, 1976). Повторное исследование образцов древесины из кургана Аржан наряду с алтайскими курганами было проведено сотрудником Государственного Эрмитажа Л.С. Марсадоловым (Марсадолов, 1988). Поводом послужило расхождение в датах сооружения «саяно-алтайских курганов» в работах И.М. Замоторина и Е.И. Захариевой. Результатом исследования стало продление обобщенной саяно-алтайской шкалы и новый вариант датировки больших курганов. Однако в отношении Аржана небольшое количество образцов и использование данных Е.И. Захариевой не позволило выйти за уже достигнутые рамки. Вопросы методического характера вызывает и точность проведенной датировки: по словам Л.С. Марсадолова, «перекрестным датированием установлено, что курган Аржан на 200 ± 5 лет древнее Туэкты-1» (Марсадолов, 1988. С. 75), хотя, если брать особенности са-

мого метода, образцы либо датируются с точностью до года либо не датируются вообще.

Погребально-поминальный комплекс Аржан-2, расположенный в 10 км к северо-востоку от кургана Аржан, был исследован в 1998–2003 гг. в результате работы международной экспедиции Государственного Эрмитажа и Германского археологического института (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002). Хорошая сохранность древесины позволила отобрать большую коллекцию спилов (более 70) для дендрохронологического изучения памятника. В ходе совместной работы сотрудников Института леса и Института археологии и этнографии СО РАН была построена 200-летняя обобщенная древесно-кольцевая хронология, установлен сезон рубки деревьев и определено время сооружения могил относительно друг друга (Мыглан и др., 2006).

Материал и методы

Материалом для анализа послужили: коллекция образцов из Аржана, хранящаяся в ИАЭТ СО РАН; образцы древесины из Аржана-2, взятые непосредственно в период раскопок; отобранные по стандартной методике образцы современной древесины, характеризующие прирост лиственницы сибирской (*Larix sibirica*, L.) в Туранской котловине на участках, прилегающих к курганам Аржан и Аржан-2.

Ширина годовичных колец измерялась с точностью 0,01 мм на полуавтоматической установке «LINTAB». Посредством сочетания графической перекрестной датировки и кросс-корреляционного анализа были датированы индивидуальные серии, выявлены ложные и выпавшие кольца. Кросс-корреляционный анализ выполнен в специализированном программ-

ном пакете для дендрохронологических исследований DPL (Holms, 1984), графическая перекрестная датировка реализована в программном пакете "TSAP system V3.5" (Rinn, 1996) с визуальным сопоставлением кривых изменчивости абсолютных и индексированных значений радиального прироста. Индивидуальные древесно-кольцевые серии стандартизировались путем использования негативной экспоненты и сглаживающего сплайна в 67 % от длины каждой серии (в программе ARSTAN из пакета DPL). Таким образом, у древесно-кольцевых хронологий нивелировалась возрастная кривая и были получены стационарные серии индексов прироста, где средняя приблизительно равна 1.0, а дисперсия постоянна во времени (Matalas, 1962).

Из кургана Аржан в нашем распоряжении было всего шесть образцов, представлявших собой поперечные спилы с бревен камер. К сожалению, неизвестна судьба коллекции спилов (более 40 образцов) Е.И. Захариевой, которую в настоящее время можно считать утерянной. Ввиду небольшого числа образцов для верификации результатов они были независимо друг от друга измерены в ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и в ИЛ СО РАН (г. Красноярск). Измеренные индивидуальные серии прироста с кургана Аржан были подвергнуты процедуре графической перекрестной датировки. Анализ серий показал, что у деревьев с кургана Аржан в отдельные годы наблюдается рассогласованность в изменчивости кривых прироста, вероятно, связанная как с возрастными особенностями, так и с локальными условиями произрастания. Наибольшую сложность при датировке вызвало тонкое кольцо, которое отсутствовало на двух из пяти образцов, содержащих этот период.

Для оценки качества полученных результатов был выполнен кросс-корреляционный анализ в программе COFESHA (DPL, 1984), который подтвердил

правильность проведенной графической датировки. Статистические характеристики анализируемых рядов представлены в табл. 1.

В связи с тем, что количество анализируемых образцов невелико, измеренные нами серии прироста были сопоставлены также с обобщенной хронологией по кургану Аржан, построенной Е.И. Захариевой (Zah). В программе COFESHA анализировалась теснота связи между хронологией Zah (она бралась в качестве датированной хронологии) и сериями индивидуального прироста (указывались как недатированные) с пошаговым вычислением межсерийного коэффициента корреляции. Полученные результаты показали, что измеренные серии индивидуального прироста не датируются перекрестно с хронологией Zah. Это возможно только в том случае, если хронология Е.И. Захариевой не является «обобщенной схемой прироста годичных колец» древесины с кургана Аржан, что ставит под сомнение корректность ее использования для датировки других памятников. Не меньшие вопросы, согласно исследованиям В.Н. Магда и Е.А. Ваганова (Магда, Ваганов, 2006), вызывает попытка датировать между собой «плавающие» древесно-кольцевые хронологии, построенные по памятникам, расположенным на верхней и нижней границе леса, выполненная Е.И. Захариевой и Л.С. Марсадиловым.

С целью уточнения сезона рубки деревьев для кургана Аржан был выполнен анализ структуры последнего прижизненного годичного кольца. Результаты показали, что вывод Е.И. Захариевой о том, что «процесс полного формирования годичных колец не завершен», не подтверждается (Захариева, 1976. С. 106). В этом случае можно утверждать, что заготовка древесины, использованной для сооружения как Аржана, так и Аржана-2, происходила в одно и то же время года – в осенне-зимний период.

Таблица 1. Статистические характеристики анализируемых рядов

№	Центральное и периферийное кольцо		Длина ряда (год)	Козф. корреляции	Среднее и макс. значения прироста (мм)		σ	m
90038	0	191	192	0,54	1,81	3,45	0,64	0,24
90039	105	223	119	0,54	0,89	2,07	0,45	0,36
90040	143	223	81	0,56	1,83	5,67	1,42	0,36
90041	106	223	118	0,68	1,31	4,23	0,83	0,38
90042	92	223	132	0,53	1,60	5,44	1,39	0,34
90043	112	207	96	0,66	2,70	5,69	1,51	0,30
Среднее значение				0,58	1,66	5,69	0,97	0,32

Примечание: для удобства расчетов образцы даны относительно 0; σ - стандартное отклонение, m - коэффициент чувствительности

На основе привлечения современного материала была сделана попытка оценить степень влияния локальных условий на прирост деревьев на участках, прилегающих к территории памятников Аржан и Аржан-2. Основой для проведения перекрестной датировки образцов из одного климатического района выступает действие общих внешних факторов окружающей среды. В нашем случае при том, что курганы расположены в лесостепной зоне, где основной фактор, лимитирующий рост растительности, – дефицит влаги, отметим, что Аржан находится недалеко от р. Уюк. Если для постройки курганов в первую очередь заготавливались деревья с прилегающих участков, то таковые, взятые в пойме реки, должны были при росте испытывать меньший дефицит влаги, чем деревья, произрастающие на значительном удалении от реки (Аржан-2). В результате возможна ситуация, когда условия локального местообитания будут сильно искажать общий климатический сигнал, что затруднит или сделает невозможной датировку серий радиального прироста.

С целью подтвердить или опровергнуть это предположение были заложены пробные площади. Два первых участка недалеко от кургана Аржан характеризуются достаточным увлажнением. Один из них расположен в пойме р. Тарлак (52°04' с.ш., 93°22' в.д., высота над уровнем моря – 977 м), второй – на прилегающем к пойме склоне южной экспозиции (52°05' с.ш., 93°20' в.д., высота над уровнем моря – 1346 м). Косвенным свидетельством схожести условий произрастания деревьев в прошлом и в наши дни выступает то, что диаметр современных деревьев и бревен с кургана Аржан примерно совпадает и может достигать 1 м (чего нет на Аржане-2).

Два других участка были заложены недалеко от кургана Аржан-2 на склонах юго-восточной экспозиции (52°02' с.ш., 93°39' в.д., высота над уровнем моря – 902 м; 52°05' с.ш., 93°47' в.д., высота над уровнем моря – 1057 м) и характеризуются достаточно засушливыми условиями произрастания.

Наиболее наглядно особенности роста деревьев, связанные с локальными условиями обитания и степенью увлажнения, отражены на рис. 1. Хорошо видно, что в зависимости от степени увлажнения наблюдается заметная рассогласованность кривых прироста, и в том случае если бы год сбора образцов был неизвестен, то такая перекрестная датировка могла быть достаточно сложна. Применительно к древесине из археологических памятников полученные результаты позволяют говорить, что в наибольшей степени влиянию локальных условий будут подвержены образцы из кургана Аржан, что в значительной мере может затруднить в будущем дендрохронологическое датирование этого памятника. Возможно, наиболее перспективным подходом для перекрестной датировки курганов Аржан и Аржан-2, а также древесно-кольцевых шкал других памятников будет привлечение не только такого показателя, как ширина годичного кольца, но и соотношение изотопов O^{18}/O^{16} в годичных кольцах (Воронин и др., 2008).

Таким образом, учитывая, что большая часть образцов по кургану Аржан утрачена, одной из первоочередных задач является проведение повторных археологических работ на кургане Аржан с целью сбора дополнительного дендрохронологического материала (образцов древесины). Только в этом случае могут быть решены проблемы, связанные как с

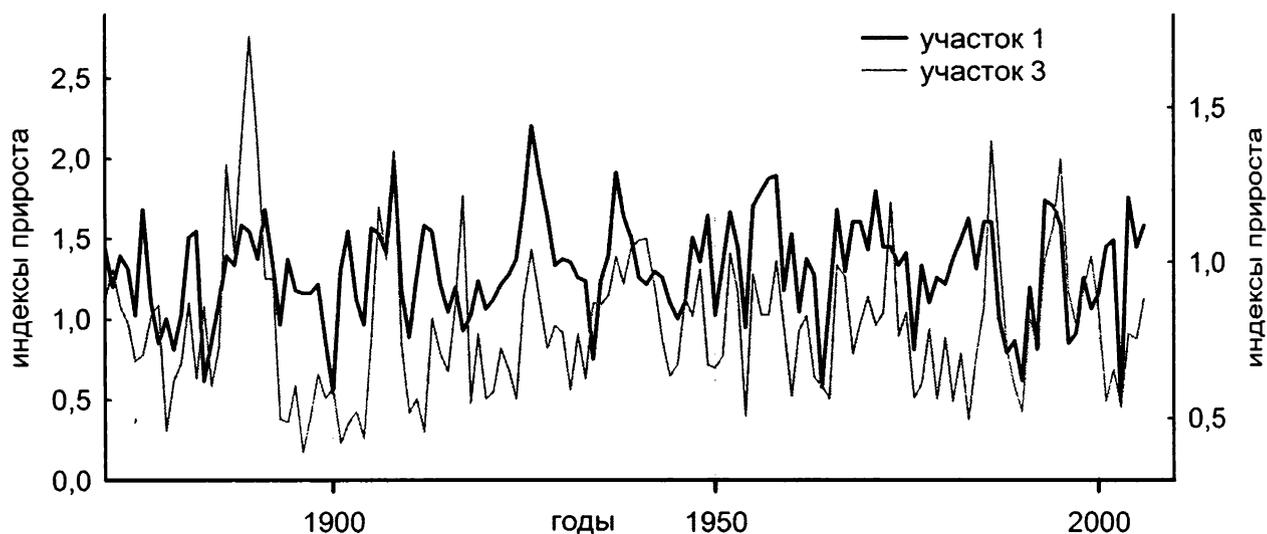

Рис. 1. Сопоставление индексов прироста деревьев на участках 1 и 3 (с разными условиями произрастания)

построением надежной древесно-кольцевой шкалы по этому памятнику, так и установлением календарного времени сооружения кургана.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 08-06-00253-а, а также проектов «Развитие комплекса методов абсолютного и относительного датирования древностей Сибири и Центральной Азии» и «Древние кочевники Алтая и Центральной Азии: среда обитания, культурогенез, мировоззрение» по программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Воронин В.И., Тартаковский В.А., Волков Ю.В., Шлезер Г.Х., Хелле Г., Несветайло В.Д., 2008. Древесно-кольцевые изотопные хронологии Прибайкалья и их связь с ледовой изотопной хронологией /Гренландии // Оптика атмосферы и океана. Т. 21. № 1.

Грязнов М.П. Аржан., 1980. Л.

Захариева Е.И., 1976. Дендрохронологическое исследование кургана Аржан // СА. № 1.

Магда В.Н., Ваганов Е.А., 2006. Климатический отклик прироста деревьев в горных лесостепях Алтае-Саянского региона // Известия РАН. Серия географическая. № 5.

Марсадолов Л.С., 1988. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ. № 29.

Мыглан В.О., Слюсаренко И.Ю., Ойдупаа О.Ч., Гаркуша Ю.Н., 2006. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2002. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2.

Holms R.L., 1984. Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-Ring Research. Tucson.

Matalas, N. C., 1962. Statistical properties of tree ring data. // Bulletin of the International Association of Scientific Hydrology. № 7.

Rinn F., 1996. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg.

А.А. Никонов

Институт физики Земли РАН, Москва

А.А. Лийва

Институт геологии, Университет Тарту

Е.А. Спиридонова

Институт археологии РАН

О первоначальном заселении территории г. Таллина (новые обнаружения на Ратушной площади)

Археологические раскопки на территории Старого города в Таллине (Ревеле) затруднены из-за очень плотной застройки и её исторического характера. Поэтому они осуществляются эпизодически на разрозненных и весьма ограниченных площадях при прокладке коммуникаций и реставрационных работах. Считается, что археологическому изучению пока подверглись всего около 6 % территории Старого города.

По результатам раскопок более чем полувековой давности на Ратушной площади в её центральной, ближе к восточному ограничению части, начало освоения центра города отнесли к X–XII вв., т.е. до установления датского господства над ним в 1219 г (Моора, 1953; Тараканова, Саадре, 1955). Имеется мнение, что те же слои принадлежат второй половине XIII – самому началу XIV вв. (Соколовский,

1989). Часть исследователей полагает, что следы раннего обитания местного населения в нижней части Старого города уничтожены при строительстве в середине XIII в. Согласно ^{14}C датировкам, косвенно устанавливается заселение площади Нижнего города не позже IX–XI и даже VII–X вв. н.э. (About hillfort and town, 2004). В Верхнем городе (на Тоомпеа) в разных местах обнаруженные очаги датированы по углям IV–III вв. до н.э., в одном случае найден культурный слой II-го в. до н.э. В округе Ревала прежде были известны ранние сельские поселения лишь с V–VII вв. н.э. (Lang, 1985), но теперь обнаружены таковые и I в. до н.э., а основание укрепленного поселения Иру на р. Пирита вблизи Таллина согласно ^{14}C датировкам восходит к VIII–VI вв. до н.э., т.е. к раннему железному веку (Lang, 1996). Ныне рядом с городом известны находки V–VIII вв. н.э. и

могильники возрастом 2.8–3 тыс. лет назад, не говоря о неолитических поселениях (Lang et al., 2001; Johansson, Veldi, 2005). В свете этих фактов вопрос о начале заселения центра нынешнего Таллина становится ещё актуальнее.

Ратушная площадь г. Таллина расположена на двенадцатиметровой террасе, соответствующей морской стадии Лимнеа, возраст которой определен в 5–4 тыс. л.н. Следовательно, терраса вышла из-под уровня моря и могла заселяться не ранее 4 тыс. л.н. Обнаруженный в 2005 г. разрез в канализационной канаве располагался на самом краю террасы у бровки склона, обращенного к уровню абс. высотой 9,5 м. В основании разреза, на абс. высоте 11,3–11,75 м, вскрыты плотные кембрийские глины, перекрытые стерильными сизыми суглинками мощностью всего около 0,15 м. Культурные отложения залегают выше по отчетливой границе на глубине 1,4–0,7 м и представлены сильно гумусированной плотной массой с отдельными включениями, в том числе артефактами. Все включения продолговатой формы залегают почти горизонтально с очень слабым наклоном к бровке террасы, так что создавали как бы слоистую структуру, с несомненностью фиксируя положение культурных напластований *in situ*.

В самом низу изученного стратиграфического интервала в органическом перегное содержались фрагменты трухлявой древесины, попадались мелкие ветки, единично со следами рубки, и хорошо окатанная галька кристаллических пород, явно принесенная с ближнего морского берега. Из органической массы у основания извлечен обломок кристалла полевого шпата розового цвета размером 4×4×2 мм в виде пластины, явно (искусственно) отколотой. Выше на ветках и древесных фрагментах (с корой сосны и листовых деревьев) плашмя лежал обломок известняковой плиты (10×6×4 см) с оглаженными краями, принесенный с недалекого обрыва глинта. Поскольку вместе с ветками попадались и остатки древесных корней, но отсутствовали щепки и срезы, резонно заключить, что кустарник и мелкие деревья произрастали здесь же, и их использовали в качестве подкладки.

Выше каменной плиты в слое толщиной около 10 см помимо веточек попадались рубленные щепки и фрагменты толстой коры сосны. Следовательно, на месте разделявали сравнительно крупные стволы, доставленные из другого места, ибо на глинистой почве у края обрыва сосна произрастать не могла. В этом же слое попадались мелкие колотые и натурального габитуса камни, несомненно, принесенные из-за пределов террасовой площадки. Здесь же найден фрагмент кристалла розового полевого шпата 3 см в поперечнике со следами искусствен-

ных сколов. Полевой шпат аналогичен тому, что встретился в основании культурного слоя. Слой с каменной плитой естественно считать своего рода строительным горизонтом (в стороне от самого деревянного строения).

В вышележащем десятисантиметровом интервале находились удлиненный древесный фрагмент и кости овцы и коровы, на одной из которых обнаружены искусственные штрихи.

Образцы на радиоуглеродный анализ отбирались из культурного горизонта, результаты получены по 4 образцам, остальные оказались недостаточны по объему. Две даты не соответствуют распределению образцов по глубине, что заставляет признать загрязнение их молодым углеродом. Более надежными признаны датировки образцов древесных остатков и удаленные от водоупора, а именно: ТА-2881 и ТА-2882, соответственно 2650 ± 150 л.н. для нижнего и 1370 ± 125 л. н. для верхнего.

Спорово-пыльцевой анализ образцов из рассмотренных слоёв показал следующее. Во время накопления нижнего и частично среднего слоев среди пыльцы древесных пород преобладает сосна, заметно меньше пыльцы ели, ольхи, березы, которая присутствует примерно в равных количествах. Широколиственные породы встречены единично, среди них отмечены вяз, дуб, липа и лещина. Пыльца травянистых растений в основном представлена семейством осоковых и злаками, отмечена мелкая пыльца с тремя порами, размером около 15μ, более всего похожая на пыльцу крапивы (*Urtica*). Также встречается пыльца *Chenopodiaceae* и *Artemisia*. Среди споровых растений преобладают зеленые мхи, встречаются сфагновые мхи, хвощи, папоротники. Состав спектра близок поверхностным пробам современной растительности с достаточно влажными условиями внешней среды. Преобладали сосновые леса с участием березы, ольхи и небольшой примесью широколиственных пород. Открытые пространства были заняты влаголюбивыми лугами с господством осок, злаков и различного разнотравья. Важно обнаружение пыльцы сорняков из семейства маревых, рода полыней и, возможно, крапивы, что косвенно указывает на освоение участка древними людьми.

Наиболее показательными представляются изменения спектров от образца с уровня «строительного» слоя к вышележащему с возрастом 2650 ± 150 ¹⁴С л.н. В обоих образцах господствует пыльца древесных и травянистых растений, но в нижнем из них среди древесной резко преобладает пыльца березы (44 % против 24 %), тогда как в верхнем господство переходит к пыльце сосны (27 % против 13 %). Одновременно среди древесных до 30 % возрастает сумма пыльцы широколиственных пород при господстве

Corylus, тогда как в нижнем слое она не поднималась выше 7 % при полном отсутствии *Corylus*. Столь существенные и показательные изменения природных условий характерны для перехода от суббореальной хронозоны к субатлантической, который, как известно, датируется в регионе примерно 2,5–2,6 тыс. л. н. Как видим, спорово-пыльцевой анализ образцов из разреза согласуется с ранней из полученных радиоуглеродным методом датой по разрезу.

Поскольку образец ТА-2882 относится к «строительному» слою, его есть все основания относить ко времени 2,8–2,5 тыс. л.н. Таким образом, получаем, что следы основательного заселения площадки нынешней Ратушной площади в Таллине восходят к первой половине I тыс. до н.э. Фактически появление людей здесь должно относиться к еще более раннему времени, вполне возможно, к началу I тыс. до н.э., не исключено и ранее, т.е. вскоре после осушения н.э. площади нынешнего Талинна восходит к первой половине шадии нынешней та, полученные радиоуглеродным анализом для верхних террасовой поверхности, когда море еще находилось непосредственно под уступом 12 м террасы. Именно с этим временем логично связывать вскрытые в шурфе № 12 с кровлей на абс. высоте 11,6 м всего в 10 м восточнее нашей канавы песчаные слои толщиной $\geq 0,5$ м, где обнаружены мельчайшие фрагменты бронзовых изделий. Находки соответствуют позиции низов культурного горизонта нашего разреза. Поскольку начало бронзового века в Северной Эстонии относят примерно к 1500 л. т. н., это находится в согласии с более молодой из полученных в нашем разрезе радиоуглеродных датировок. Нахождение в верхней части изученного стратиграфического интервала костей животных, в том числе со следами искусственной подработки (использования в качестве орудий деятельности) непосредственно под слоем с датировкой 1,5–1,25 тыс. л.н. ^{14}C вполне укладывается в полученную хронологию.

По сообщению археолога П. Талвара, в той же восточной части Ратушной площади в 50 м севернее нашего среза подобный богатый органикой и с ветками деревьев, а сверху и с костями животных

слой вскрыт в шурфе № 13 на глубине 0,2–0,5 м под строительным горизонтом XIII–начала XIV вв. Здесь насыщенный гумусовый слой мощностью 15–23 см на абс. высоте 12,2–12,4 м включает рассеянные куски плитчатого известняка и щепки. Выше, на высоте 12,4–12,5 м, в промежуточном мусорном слое количество щепок значительно больше, попадают единичные кости, найдена также небольшая литейная форма. По абсолютной высоте, облику и строительным остаткам этот слой вполне идентичен рассматриваемой нами нижней части культурного слоя в канаве, что позволяет говорить о его распространении в восточной части площадки террасы (в отличие от центральной на месте раскопа 1953 г.) Получается, что у бровки обращенного прямо к морю уступа террасы ее заселение произошло раньше, чем центральной части.

Приходится констатировать, что существующее представление о начальном освоении территории Ратушной площади, и шире – территории Нижнего города в Ревеле – в X–XII вв., а тем более в конце XIII–начале XIV вв., не соответствует появившимся прямым и косвенным фактам и требует серьезной корректировки.

- Моора Х.А., 1953. Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. Т. 2. № 2. С. 175–180.
- Тараканова С.А., Саадре О.В., 1955. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине / Muistsed Asulad ja Linnused. Archeoloogiline Kogumik I. Tallin: Eesti Rüklik Kirjastus. Tallin. S. 31–45.
- About hillfort and town. Linnusest ja Linnast. Research into ancient times 14. Tallinn-Tartu. 2004.
- Johanson K., Veldi M., 2005, 2006. Archaeological excavations at Jägala hillfort / Archaeological fieldwork in Estonia. Tallinn. P. 29–38.
- Lang V., 1985. Iru linnuse peenkeramika V–X sajandil // Proceedings of the Academy of Sciences of the Estonian SSR. Social sciences. Tallinn. V. 34. N 2. S. 193–209.
- Lang V., 1996. Muistne Ravala. Muinasaja teadus 4. Tallinn.
- Lang V., Laneman M., Ives K., Kalman J., 2000, 2001. Fossil fields and stone-cist graves of Rebala revisited / Archaeological field works in Estonia. Tallinn. P. 34–45.

А.В. Омельченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

К истории освоения восточной Кашкадарьи в древности

Кашкадарьинская область (вилоят) расположена на юге Узбекистана. На ее территории выделяются две части, отличающиеся природными условиями: западная, более бедная водой Каршинская степь и восточный Китабо-Шахрисабзский оазис. Естественная граница между ними пролегает по узкой котловине в районе совр. Чимкурганского водохранилища. На севере Восточную Кашкадарью (известную с эпохи античности как Наутака – Су-Се – Кеш) от оазисов долины Зеравшана (Самаркандского Согда) отделяют отроги Зеравшанского хребта, а на востоке и юге от Сурхандарьинской области (Северной Бактрии) – Гиссарский хребет и его отроги. Для области, занимающей территорию примерно 8500 кв. км, характерен достаточно мягкий климат и обилие осадков. Окружающие ее горы постепенно понижаются к Китабо-Шахрисабзской котловине, образуя систему низкогорий, благоприятных для обживания человеком (Пославская, 1987. С. 16–17).

Наиболее ранние свидетельства присутствия людей на востоке Кашкадарьи относятся к эпохе мустье – это находки в недавно открытых гротах Каттакамар и Ангиллак в верхнем течении Аякчидарьи, берущей начало в юго-западных отрогах Зеравшанского хребта (Сулейманов и др., 2002. С. 179–180). Орудийный комплекс обитателей этих памятников включен исследователями в круг индустрий обирахматской культуры (Сулейманов, Гланц, 2003. С. 177–179).

К эпохе мезолита относятся росписи в навесах Сийпанташа, расположенных неподалеку от мустьерских стоянок. Изображения имеют определенное сходство с известной живописью грота Зараутсай в Сурхандарье (Шахрисабз, 2002. С. 56–58). В южной части Восточной Кашкадарьи, в предгорьях Яккабага, отмечены находки, связанные с проникновением в оазис из Южного Таджикистана носителей гиссарской неолитической культуры.

Пока не обнаружены в долине Кашкадарьи поселения и могильники раннеземледельческих племен эпохи бронзы. Их культура на юге Узбекистана (Сапалли), в Северном Афганистане и юго-восточной Туркмении объединена исследователями в так называемый Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК). Однако находка в горах на востоке области бронзовых кинжала и топора, имеющих аналогии на юге Средней Азии, позволяет предполагать проникновение и в Восточную Кашкадарью

отдельных групп носителей БМАК, возможно, как это было на верхнем Зеравшане, в связи с поиском новых рудных источников, которыми богат Гиссар.

Заселение долины Кашкадарьи первыми земледельцами достоверно зафиксировано для IX–VIII вв. до н.э. и связывается с выходцами из соседней Северной Бактрии (Сагдуллаев, 1987. С. 7). Известно несколько пунктов, где выявлены характерные элементы среднеазиатской культуры эпохи РЖВ: распространение так называемой поздней лепной расписной керамики, плоско-выпуклого сырцового кирпича и развитие металлургии железа. Уже в это время в Восточной Кашкадарье складывается южная и северная подобласти концентрации памятников. Исследователи отмечают, что большинство поселений располагается на дорогах, ведущих от амударьинских переправ через перевалы Гиссарской горной системы в Кашкадарью и далее в долину Зеравшана (Сагдуллаев, 1981. С. 35–36).

В эпоху РЖВ в Шуробсайском оазисе, в правобережье р. Кашкадарьи возникает первый пункт столичного типа – городище Узункыр-Подаятактепа. Раскопки конца 90-х гг. обнаружили, что его возникновение связано с носителями древнесогдийского культурного комплекса, в свою очередь восходящего к культурам поздней лепной расписной керамики Средней Азии. Затем, как считают исследователи, при участии ахеменидской администрации на его месте строятся новые укрепления (Сагдуллаев, Лушпенко, 1989. С. 41–42). Это городище отождествлено с центром области Наутака (Крашенинникова, 1985. С. 533–534), известной по источникам, посвященным походу Александра Македонского на Восток.

Установление власти эллинистических монархов (империи Александра, Селевкидов, Греко-Бактрийское царство) в южных и центральных районах Средней Азии оказало большое влияние на развитие местной культуры. Однако его степень в разных областях была неодинаковой, и сказалось воздействие не сразу. В Восточной Кашкадарье в целом сохраняется прежняя система расположения микрооазисов, за исключением одного – возникает новый столичный центр области на берегу полноводной Аксударьи, на территории совр. г. Китаб (рис. 1). Возможно, его возведение связано со строительной деятельностью Антиоха, ставшего около 293 г. до н.э. соправителем Селевка I в восточных

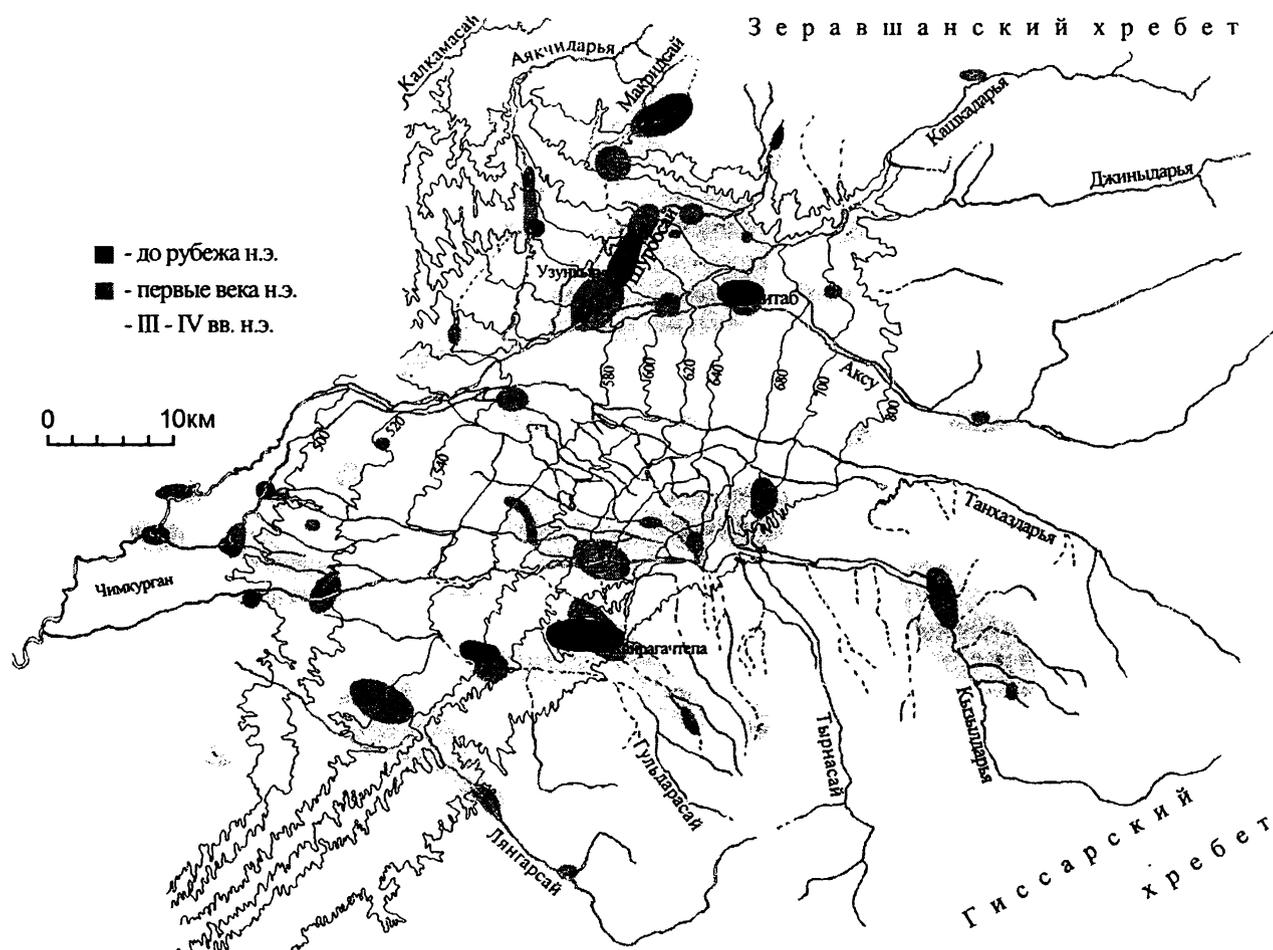

Рис. 1. Восточная Кашкадарья в эпоху античности. Районы освоения

провинциях. Города с эллинистического периода были не только центрами власти, но и инноваций и если не определяли общий облик культуры, то способствовали постепенному распространению новых культурных эталонов.

Восточная Кашкадарья освобождается из-под власти эллинистических правителей, по-видимому, на рубеже III-II вв. до н.э. Ведущим типом продолжают оставаться небольшие сельские поселения, в то же время в первых веках до н.э. в ряде районов складываются крупные рассредоточенные поселки. Установившаяся политическая стабильность и создание устойчивой системы передачи власти под защитой Кангуйского объединения обеспечили дальнейший экономический подъем, выразившийся, прежде всего, в поступательном расширении ирригационной сети. Прежде чем заселить междуречья, земледельцы сначала интенсивнее обживают хорошо знакомые периферийные районы старых оазисов. В целом оросительные сооружения Восточной Кашкадарьи до рубежа н.э. соответствуют II ступени формирования ирригационных систем

Средней Азии, на которой на востоке региона осваивается нижний пояс предгорной степи (Латынин, 1959. С. 25).

Качественные преобразования в сельском хозяйстве более заметны во второй фазе кангуйского этапа, после рубежа н.э. В это время в Восточной Кашкадарье, как и в Бухарском, Самаркандском, Ташкентском и Ферганском оазисах, разворачивается широкое ирригационное строительство. Более интенсивно осваивается низменная часть долины, совершенствуются водозаборные сооружения и сама методика проведения каналов.

Сероземы на лессах – основные почвы Восточной Кашкадарьи – при соблюдении агротехнических правил особенно плодородны при условии искусственного притока воды, но это требует значительных трудозатрат. Объемы работ по нижнему течению Карабагдарьи, Яккабагдарьи и Аксударьи указывают на участие в освоении области центральной власти. Большинство крупных поселений Восточной Кашкадарьи эпохи античности расположено в зоне действия новых каналов. Всего с первых ве-

ков н.э. насчитывалось до семи значительных пунктов – центров оазисов. Часть из них сформировалась на месте рассредоточенных поселений предшествующего периода.

В то же время в головных частях распределителей, на окраинах области, на границе со степью и в предгорьях после рубежа н.э. появляется новый тип – правильно спланированные укрепленные поселения, чаще всего размещенные в головах каналов. Их строительство отражало целенаправленную деятельность властей по защите западных районов Кеша и распространению налогового контроля на всей его территории. Много таких поселений на юге долины, что подтверждает вывод о прохождении границы между Кушанской империей и Кангюем, к которому тяготела Восточная Кашкадарья, по западным отрогам Гиссара (Массон, 1968. С. 24–25).

Наивысшего экономического и культурного подъема Кеш достигает в позднекангюйское время (III–IV вв. н.э.). Завершающим этапом развития ирригационных сооружений в Восточной Кашкадарье в эпоху античности стало строительство каналов, перебросивших воду из Кызылдарьи в Танхаздарью, а также позволивших освоить западные районы области. Число культурно-хозяйственных районов-оазисов достигает 15, подрайонов расселения – 33. В ряде «старых» районов формируются оазисные очаги в виде непрерывной полосы поселений и сельскохозяйственных площадей.

Общее число известных позднеантичных пунктов превышает 160, а общая их площадь достигает 156 га. Если применить предложенный для Северной Бактрии принцип подсчета (Ртвеладзе, 1978. С. 111, 114), то число жителей Кеша (с учетом наличия разрушенных поселений) составляло примерно 45–60 тысяч человек.

Наряду с развитием ирригации основными компонентами экономического и политического подъе-

ма в эпоху поздней античности являлись выгодное стратегическое положение области и расцвет горного дела. Ряд данных свидетельствует о том, что в это время долина Кашкадарьи (Южный Согд) была объединена под властью кешских династов. В раннем же средневековье на некоторое время Кеш становится центром всего Согда.

Крашенинникова Н.И., 1985. Раскопки в Китабском районе // АО. М.

Латынин Б.А., 1959. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии // СА. № 3.

Массон М.Е., 1968. К вопросу о северных границах государства «Великих кушан» // Общественные Науки в Узбекистане. № 8.

Пославская О., 1987. В горах Южного Узбекистана. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В., 1978. О численности населения кушанских населенных пунктов Северной Бактрии // История и археология Средней Азии. Ашхабад.

Сагдуллаев А.С., 1981. Древние пути на юге Узбекистана // Общественные Науки в Узбекистане. № 7.

Сагдуллаев А.С., 1987. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи железного века // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент.

Сагдуллаев А.С., Лушпенко О.Н., 1989. Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // Общественные Науки в Узбекистане. № 12.

Сулейманов Р.Х., Глантз М., Шраубер А., Хугес П., 2002. Результаты предварительного изучения памятников мустьерского времени в долине Кашкадарьи // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 3. Ташкент.

Сулейманов Р., Глантз М., 2004. Раскопки грота Ангилак // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 4. Ташкент.

Шахрисабз: наследие тысячелетий. Альбом / Ташкент, 2002.

Л.С. Песочина

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пуцино

Палеоэкология степного Приазовья в древности и средневековье*

Для реконструкции изменчивости климата в прошлом используются различные природные объекты: органогенные отложения, современные и ископаемые деревья, донные и ледовые отложения, уровень закрытых и открытых водоемов; почвы, погребенные под отложениями разного генезиса.

В данной работе реконструкция природных условий осуществлялась на базе палеопочвенных исследований. Археологические раскопки проводились в Неклиновском, Мясниковском, Багаевском районах Ростовской области под руководством В.Я. Зельдиной, П.А. Ларенка и Е.И. Беспалого. Объектами изучения послужили палеопочвы курганных могильников бронзового (XXV–XVII вв. до н.э.) и среднесарматского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.), скифского некрополя (IV в. до н.э.) и вала, сооруженного в XVII в. и перекрывшего почвы под культурными слоями VIII и XII вв. н.э.

Одним из важных результатов изучения почв археологических памятников было установление цикличности развития почвообразовательных процессов в голоцене и разработка концептуальной модели разнопериодной динамики природных условий Приазовья, базирующейся как на собственных данных, так и на литературном материале (рис. 1).

Основным фактором стадийности педогенеза явились климатические флуктуации. Чередование аридных и гумидных фаз вызывало смену подтипа черноземообразования и цикличность изменчивости многих процессов.

Выявлены 2000- и 1000-летние временные интервалы в цикличности педогенеза на территории Приазовья. Оптимумы имели ярко выраженный 2000-летний ритм. Они фиксировались в середине третьего тысячелетия до н. э., в середине первого тысячелетия до н. э., в XIV–XV вв. н. э. и свидетельствовали о наиболее благоприятных условиях для гумусообразования за последние 5000 лет. Почвы этих хроносрезов характеризовались максимальным содержанием гумуса, высокой биогенностью, прекрасной агрегацией, отсутствием легкорастворимых солей и поглощенного натрия в почвенном поглощающем комплексе. По палеогеографическим данным, в эти периоды отмечалось высокое обводнение, резкое похолодание (имели место подвижки ледников, высокий уровень бес-

сточных водоемов и т.д.). Они соответствовали, как правило, пониженной солнечной активности (Эдди, 1978; Греческий минимум около 2500 лет назад; минимум Шперера – 500 лет назад). Зональным типом растительности в эти периоды были злаково-разнотравные степи.

Почвы, в которых обнаруживались максимальные проявления деградации признаков зонального почвообразования, фиксировались с периодичностью около 1000 лет. В эти хроносрезы общее количество гумуса сокращалось, формировались малогумусированные почвы с ореховато-призматической структурой, наличием легкорастворимых солей, гипса в профиле, развитием процессов осолонцевания. Преобладали ксерофитные злаковые степи (Кременецкий, 1997).

Циклы разной длительности накладывались друг на друга, формируя сложную «траекторию» пульсации с многочисленными резонансными взаимовлияниями и деформациями.

Полученные материалы позволили выявить следующую картину изменчивости увлажненности климата на территории Приазовья в позднем голоцене. Середина третьего и первого тысячелетия до н.э., а также XIV–XV вв. н.э. характеризовались резонансным взаимовлиянием экстремумов увлажненности 2000 и 1000 цикличности. Скифский экстремум увлажненности сменился в III в. до н.э. – I в. н.э. резкой аридизацией, степень которой была сравнима с суббореальным ксеротермом, фиксируемым около 4000 лет назад. Среднесарматское время явилось переходным от аридных условий к более гумидным, при этом значительные изменения природной обстановки зафиксированы уже в конце I в. н.э. Сухой климат раннего средневековья сменился экстремальной увлажненностью его финальной части (XIV–XV вв. н.э.).

Аридизация климата активизировала развитие в почвах региона процессов засоления, осолонцевания, карбонатизации, а также минерализации и пептизации гумуса. Признаки аридного педогенеза зафиксированы в почвах 4000–3700, 2200–2000 лет назад и 1200–1000 лет назад. В периоды увеличения увлажненности территории 2600–2400 лет назад, 1800–1600 лет назад, 600–500 лет назад доминировали процессы выщелачивания.

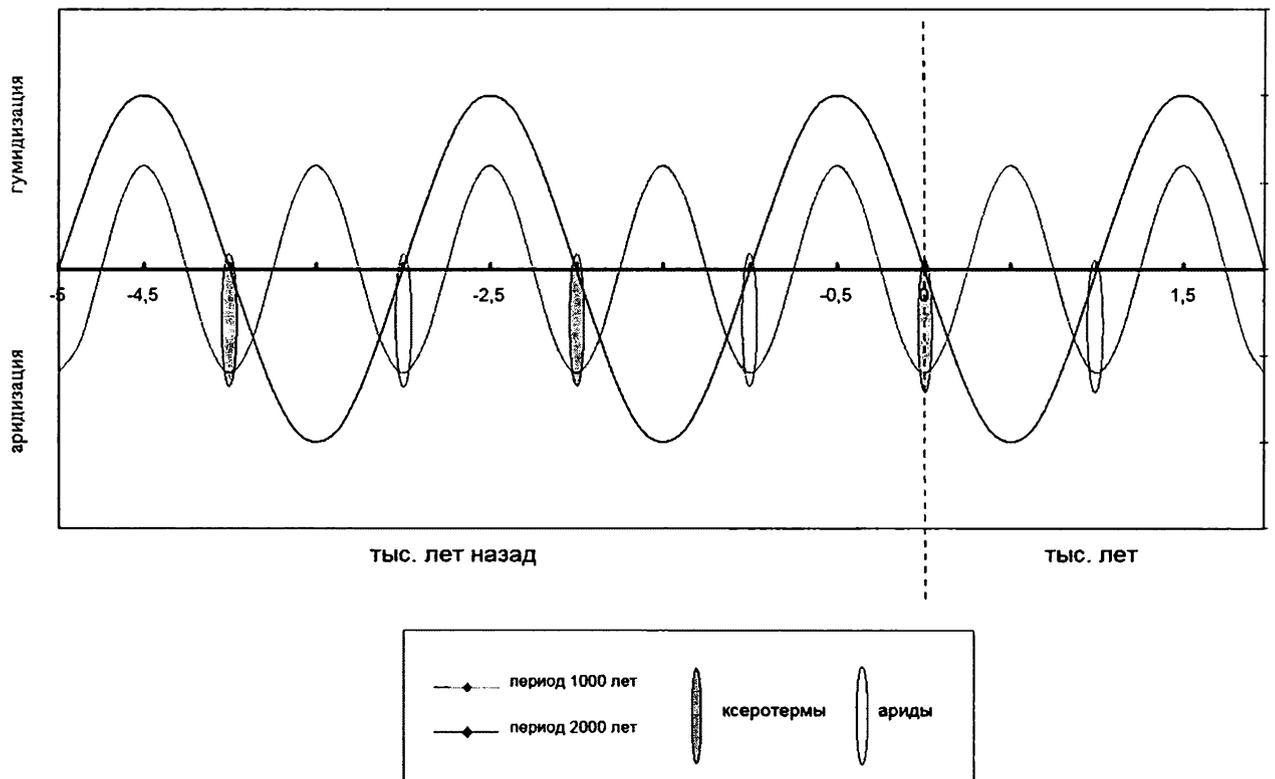

Рис. 1. Модель динамики природных условий Приазовья

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена (Песочина, 2003). Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в Приазовье составляла 380–500 мм. Минимальное их количество (380–400 мм), соответствующее подзоне современных южных черноземов, приходилось на ксероаридные фазы (XX–XVII вв. до н.э. и рубеж эр). В IV в. до н.э. количество осадков достигало 450–500 мм, что характерно для подзоны обыкновенных черноземов.

Проведенные климатические реконструкции на базе палеопочвенных исследований подтверждаются данными, полученными с использованием палеогеографических материалов, в частности, с динамикой уровней морских бассейнов, изменчивостью спорово-пыльцевых спектров органогенных отложений болот и культурных слоев стоянок древнего человека, изменчивостью ландшафтов (Варушенко и др., 1987; Герасименко Н.П., 1997; Кременецкий К.В., 1997).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-04-0976).

- Варушенко С.И., Варушенко А.И., Клиге Р.К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М.
- Герасименко Н.П., 1997. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников)// Археологический альманах, № 6. Донецк.
- Кременецкий К.В., 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии//Степь и Кавказ. Тр.ГИН. Вып. 97. М.
- Песочина Л.С., 2003. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время//Проблемы эволюции почв. Пушино.
- Эдди Дж., 1978. История об исчезнувших солнечных пятнах// Успехи физических наук. Т. 125, вып. 2.

*А.С. Пилипенко¹, А.Г. Ромащенко¹, В.И. Молодин²,
А.А. Журавлев¹, А.Е. Гришин², Д.В. Поздняков²,
И.В. Куликов¹, Т.А. Чикишева², В.Ф. Кобзев¹*

¹ *Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск;*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

Формирование этнокультурных сообществ в западносибирской лесостепи в эпоху бронзы на основе данных палеогенетики (первые результаты)*

Применение палеогенетических методов открывает новые перспективы для реконструкции процессов формирования этнокультурных сообществ на планете и в Западной Сибири, в частности. В мировой практике этот метод находит все большую популярность и применение (Lalueza-Fox et al., 2004). Успешное применение данных палеогенетики, позволивших выйти на новый виток реконструкции этногенеза носителей пазырыкской культуры Горного Алтая, было продемонстрировано творческим коллективом генетиков, археологов и антропологов Сибирского Отделения Российской Академии Наук в ряде специальных статей и коллективной монографии (Молодин, Воевода, Чикишева и др., 2003). Основными предпосылками развития данного направления являются: 1) объемный банк антропологического материала, накопленного в ИАЭт СО РАН в результате многолетних раскопок, обеспечивающий возможность сравнения этнокультурных сообществ во всем многообразии индивидов по антропометрическим признакам и другим особенностям; 2) возможность привлечения для сравнения костного материала от представителей сообществ, характеризующихся относительно гомогенными антропометрическими или другими устойчивыми признаками; 3) использование широкого спектра генетических маркеров (митохондриальной ДНК (мтДНК), локусов Y-хромосомы, STR, однонуклеотидных полиморфизмов (ОМП) аутосомных генов); 4) совершенствование методов выделения и анализа ДНК из археологических останков; 5) современная методология экспериментального и теоретического анализа структуры ДНК, которой владеют сотрудники ИЦиГ СО РАН.

Систематизация данных планетарного анализа структурной варибельности мтДНК современного человека показала, что существующее многообразие вариантов мтДНК отражает особенности эволюции и этапов последовательного расселения *Homo sapiens* на континентах (Forster, 2004). Созданная на основе этих данных классификация гаплотипов

и гаплогрупп мтДНК позволяет успешно использовать этот генетический маркер для реконструкции этапов формирования частных этнокультурных сообществ.

В рамках данной работы проводятся исследования структуры генофондов мтДНК древних популяций, проживавших на территории Барабинской лесостепи в различные периоды эпохи бронзы. Впервые, на предоставленном археологами обширном палеоантропологическом материале, используя мультидисциплинарный подход, можно будет на доказательном уровне реконструировать этногенетические процессы, которые происходили в регионе на протяжении порядка трех с половиной тысяч лет.

Согласно данным археологии, население Барабинской лесостепи в эпоху бронзы было представлено носителями усть-тартасской (Молодин, 2001), одиновской (Молодин, 2008), кротовской, андроновской и ирменской культур, последовательно сменявших друг друга (Молодин, 1985). К настоящему моменту нами сформированы выборки палеоантропологических образцов от представителей следующих групп: одиновская культура – материалы памятников Сопка-2/4а, Преображенка-6; кротовская культура – Сопка-2/4б, позднекротовские комплексы – Сопка-2/5, Тартас-1; андроновское (андроноидное) население Барабы – Тартас-1; население переходного от бронзы к железу времени – материалы памятника Чича-1 (рис. 1). Начато формирование выборки образцов ирменского населения Барабы из материалов могильника Преображенка-3, а также усть-тартасского населения – Сопка-2/3, Преображенка-6, Тартас-1. Получены предварительные данные о структуре генофонда мтДНК некоторых из перечисленных групп, которые мы и представляем в настоящем докладе.

Генофонд мтДНК населения одиновской культуры (по материалам Сопка-2/4а) характеризуется смешанной структурой. В его составе выявлены как восточноевропейские (гаплогруппы А, С, D/G), так

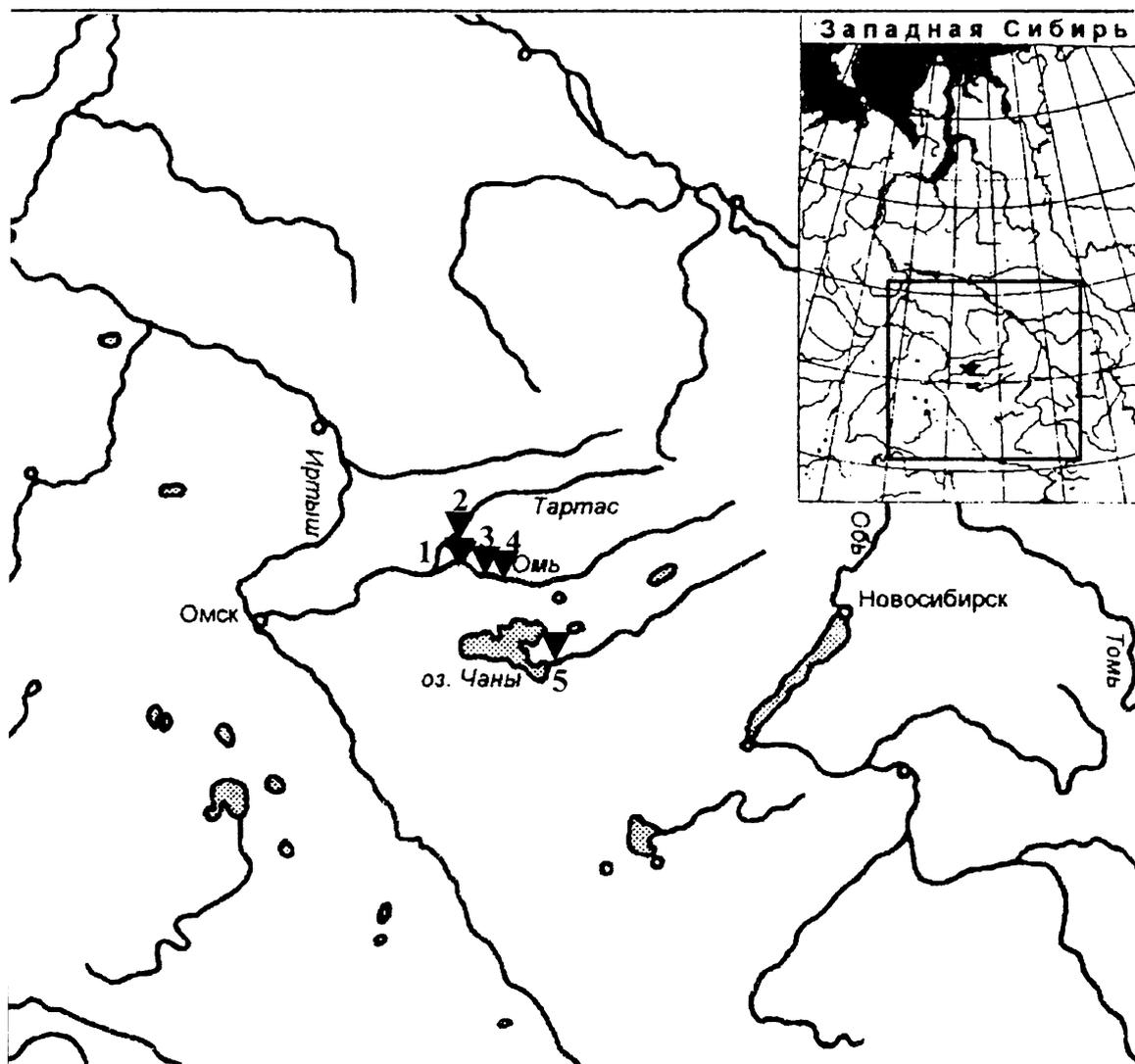

Рис. 1. Схема расположения исследуемых археологических памятников Барабинской лесостепи.
1 – Сопка-2; 2 – Тартас-1; 3 – Преображенка-6; 4 – Преображенка-3; 5 – Чича -1

тадно-евразийские (гаплогруппы H, J, U5a) лимтДНК.

В генофонде кротовского населения, сменив-одноинское, мы наблюдаем увеличение доли очно-евразийских линий (гаплогруппы A, C, Z). аки полученные данные пока не позволяют одноно определить характер взаимоотношений одикого и кротовского населения. Тем не менее, неря на наличие филогенетически близких линий НК, генофонды этих двух групп, по-видимому, ктеризуются некоторым генетическим своеоием. Для решения данной проблемы необходимо-акопление большего количества генетических ых.

Памятники Сопка-2 и Тартас-1 расположе непосредственной близости друг от друга. Осной массив погребений могильника Сопка-2 о сится к кротовскому и позднекротовскому врем (Сопка-2/4а, Сопка-2/5), а могильника Тартас-1 позднекротовскому и андроновскому времени. ким образом, материалы этих памятников отр:ют процесс «андронизации» автохтонного нас ния Барабы, связанный с миграцией в регион дроновского населения, происходившей во II до н.э. На позднем этапе существования кротов культуры (материалы комплекса Сопка-2/5) исходит существенное увеличение доли запа, евразийских гаплогрупп мтДНК за счет гаплогр

T, J, U5. Анализ образцов мтДНК из андроновских комплексов могильника Тартас-1 выявил наличие линий мтДНК, филогенетически близких западно-евразийским линиям, появившимся в генофонде позднекротовского населения (Сопка-2/5). Следовательно, увеличение доли западно-евразийских линий в генофонде позднекротовского населения можно объяснить генетическим влиянием пришлого андроновского населения на аборигенов. Около трети линий мтДНК, выявленных в генофонде носителей андроновской культуры с памятника Тартас-1 относятся к восточно-евразийским гаплогруппам А и С. Некоторые из линий, филогенетически близких позднекротовским, по-видимому, привнесены автохтонным кротовским населением. Таким образом, полученные к настоящему времени данные свидетельствуют в пользу предположения, что миграция андроновского населения на территорию Барабы сопровождалась интенсивными генетическими контактами с аборигенным кротовским населением.

Результаты исследования генофонда мтДНК населения городища Чича-1 переходного периода от бронзы к железу (в частности, захоронения младенцев на территории жилых комплексов) свидетельствуют о резкой смене состава линий мтДНК, по сравнению с рассмотренными выше группами древнего населения. Основу генофонда мтДНК населения городища Чича-1 составили западно-евразийские линии, относящиеся к гаплогруппам U, H, J, W. Выявлена только одна линия восточно-евразийского кластера, относящаяся к гаплогруппе D. Наиболее представленными в генофонде оказались линии различных подгрупп гаплогруппы U – U1a, U3, U4, U5b, K (около 50 % всех выявленных линий). Подробный филогеографический анализ выявленных линий мтДНК позволил выделить компоненты генофонда, соответствующие пришлому и аборигенному (позднеирменское население) группам населения городища Чича-1, которые по данным археологических исследований одновременно проживали на территории городища (Молодин, 2007). Линии, входящие в состав пришлого компонента генофонда населения городища (по данным выборки) наиболее характерны для современного населения Ближнего Востока, Передней и Средней Азии. Их присутствие у населения городища позволяет выдвинуть предположение о проникновении в регион группы мигрантов из районов, расположенных южнее и юго-западнее Барабинской лесостепи, по-видимому, из Казахстана и Средней Азии (Пилипенко, Ромашенко, Молодин и др., 2008). Это предположение подтверждается археологическими данными (Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004).

Таким образом, сравнительный анализ состава линий мтДНК представителей археологических культур, проживавших на территории Барабинской лесостепи, позволил выявить существенные изменения в структуре их генофондов мтДНК. В итоге, генетическими методами мы фиксируем смену состава населения. Сопоставление полученных результатов с филогеографическим распределением мтДНК в современном населении планеты позволяет с некоторой вероятностью определить возможный вектор перемещения мигрантов. Все это свидетельствует об эффективности применения палеогенетических методов для реконструкции процессов формирования древнего населения.

* Работа выполнена при финансовом содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (№ НШ-1648.2008.6), программы «Адаптация» РАН (проект № 2. 23), Интеграционного гранта СО РАН № 68 «Население Барабинской лесостепи в эпоху бронзы (конец III – начало I тыс. до н.э.) по данным археологии, антропологии и генетики».

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск. Т. 1.

Молодин В.И., 2007. Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича-1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. Санкт-Петербург.

Молодин В.И., 2008. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф., 2003. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Интеграционные проекты. Вып. 1. Новосибирск.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шневайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004. Чи-

ча – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск. Т. 2.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И., 2008. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 Барабинской лесостепи (по данным анализа структуры ДНК) // АЭАЕ. Том 8. № 2 (в печати).

Forster P., 2004. Ice Ages and the mitochondrial DNA chronology of human dispersals: a review // Phil. Trans. R. Soc. Lond. V. 359.

Lalueza-Fox C., Sampietro M.L., Gilbert M.T.P., Castri L., Facchini F., Pettener D., and Bertranpetit J., 2004. Unravelling migrations in the steppe: mitochondrial DNA sequences from ancient Central Asians // Proceedings of the Royal Society of London. V. 271.

А.Н. Попов, Ю.А. Микишин, И.Г. Гвоздева

*Дальневосточный государственный университет, Владивосток
Дальневосточный геологический институт ДВО РАН, Владивосток*

Веткинская археологическая культура и ландшафтные изменения в Восточном Приморье*

Характерной особенностью развития голоценовых археологических культур в Приморье является их большая зависимость от природно-климатических и ландшафтных изменений, которые происходили в последние 11 тыс. лет. Это выразилось в постоянной смене археологических культур в периоды смены климаторитмов. Достаточно ярко эти процессы зафиксированы для периода климатического голоценового оптимума, которому соответствует эпоха среднего неолита Приморья.

Несмотря на глобальность природных изменений, различные географические части Приморья отличаются некоторыми особенностями, которые связаны с отличными друг от друга ландшафтами.

Район исследования определяется его положением в южной части восточного побережья Приморья, на стыке окраины горной системы Сихоте-Алиня и Японского моря. В рельефе преобладают крутосклонные горные массивы высотой 400–600 м, реже 800–1100 м. В нижней части долины р. Аввакумовки, рассекающей горы, развиты низкие (1–5 м) аккумулятивные террасы морского, аллювиально-морского и аллювиального генезиса (рис. 1).

Восстановление природных условий района в среднем голоцене проводилось на основе изучения лагунно-морских отложений в долине р. Аввакумовки, в 2,5 км к юго-востоку от неолитического памятника «Ветка-II», в 7,4 км от современного берега моря.

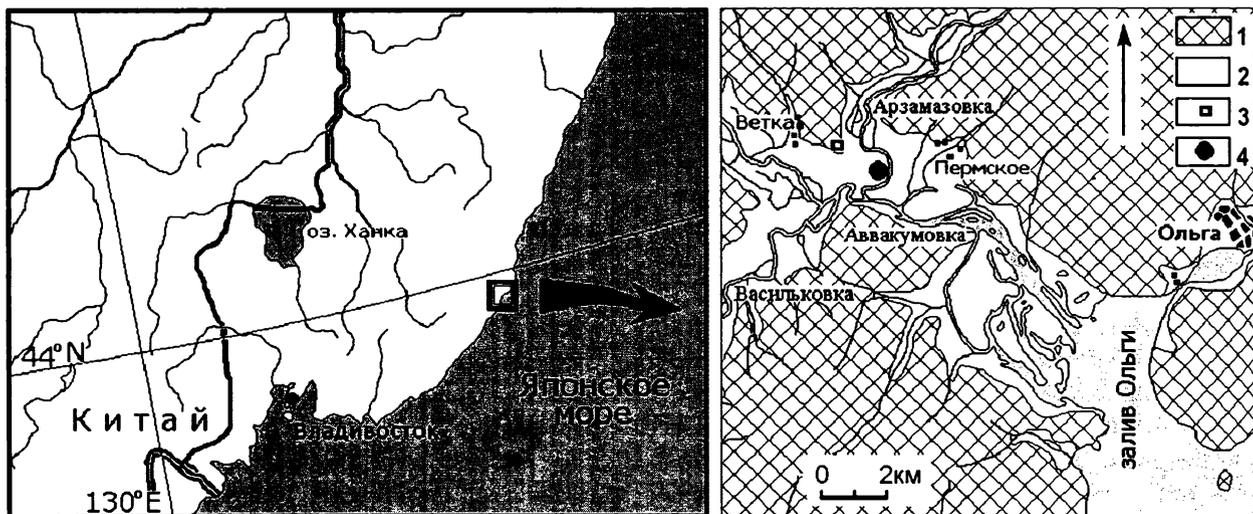

Рис. 1. Схема расположения изученного разреза голоценовых отложений. 1 – горы (400–1100 м), 2 – низкие (1–5 м) аккумулятивные террасы морского, аллювиально-морского и аллювиального генезиса, 3 – неолитический памятник «Ветка-2», 4 – разрез

Анализ спорово-пыльцевых комплексов позволяет провести следующие реконструкции среднеголоценовых палеоландшафтов в районе неолитического памятника «Ветка-II».

Спорово-пыльцевой комплекс Ag-1, характерный для лагунно-морских отложений на глубине 340–410 см, отражает растительность широколиственных лесов с преобладанием дуба и значительным участием других пород: ильма, ореха, сирени и граба, развивавшихся в более теплом климате, нежели современный. Состав комплекса и радиоуглеродная датировка около 6022 л.н. ствола дерева позволяют сопоставить время его формирования с позднеатлантической фазой оптимума голоцена, проявившейся на юго-западе Приморья 6000–6450 л.н. (Mikishin et al., 2001; Микишин и др., 2008; Попов, Микишин, 2008). Трансгрессия Японского моря в этот период достигла максимального развития в послеледниковое время. На месте современной приустьевой зоны р. Аввакумовки образовалась лагуна-залив, вершина которой, судя по распространению лагунно-морских отложений, находилась на расстоянии около 9 км от берега зал. Ольги. Уровень моря, определяемый по положению кровли отложений, превышал современный на 3–4 м.

Спорово-пыльцевой комплекс Ag-2, обнаруженный в вышележащем интервале лагунных отложений (300–340 см), отразил изменения в растительности. Роль лесной растительности уменьшилась, и возросло значение влажных осоковых лугов, произрастающих преимущественно на низменном побережье лагуны. Развивались дубово-широколиственные леса, в горах стали распространяться хвойно-широколиственные формации с кедром и елью. Лагунные условия на побережье сохранялись. Климат стал более влажным, и по-прежнему был теплее современного. Время формирования комплекса, скорее всего, можно отнести к концу атлантического периода голоцена, 5,2–6 тыс. л.н.

Спорово-пыльцевой комплекс Ag-3, описанный в нижнем слое (270–300 см) глин, отразил большие изменения, происшедшие в растительном покрове территории. Стали преобладать березово-лиственничные леса, с большим участием кустарниковых видов берез. Хвойно-широколиственная растительность занимала небольшие площади фрагментарно в наиболее благоприятных местообитаниях. Похолодание привело к снижению уровня моря и смене лагунно-морской обстановки в низовьях р. Аввакумовки озерными условиями.

В период голоценового климатического оптимума (7,5–5 тыс. лет назад) в долине р. Аввакумовки существовала веткинская археологическая культу-

ра, имеющая признаки, характеризующие средний неолит региона (рис. 2).

Веткинская культура. Сырьем для каменной индустрии служили в основном туфы различной степени окременелости белого или светло-серого цвета, а также яшмы различных расцветок, резе халцедоны и обсидиан, метаморфизованные зеленоватые сланцы (Попов и др., 2005; Дорофеева, Попов, 2008).

Большая часть найденных нуклеусов (всего около 20 экземпляров) относится к подпризматическим. Большая часть этих отщеповых нуклеусов – это ретутизованные подпризматические нуклеусы или крупные сколы подправки. Имеются конические и клиновидные микронуклеусы. Подавляющее большинство орудий изготовлено на пластинах. Это наконечники стрел, дротиков, скребки, скобели, проколки, сверла, ножи, вкладыши и другие орудия. Большинство наконечников стрел и дротиков выполнены подработкой краевой одно- или двусторонней ретушью острия и краев пластинок, некоторые обработаны бифасиальной ретушью. Рубящие орудия представлены единственным экземпляром крупной заготовки «горбатого» тесла, шлифовкой выполнены украшения (Попов и др., 2005).

Подавляющее количество сосудов изготовлено из глин с песчаной примесью, резе в качестве отщипителя использована дробленая раковина. Реконструкция форм сосудов указывает на наличие двух близких типов емкостей: закрытые сосуды с округлым туловом без горловины и открытые сосуды со слабой профилировкой тулова, также без горловины. Вся посуда орнаментирована. Основным приемом нанесения орнамента является штампование, сопровождающееся зачастую техникой налепа. Ведущие элементы – оттиски штампа с треугольным, ромбическим, овальным, прямоугольным, зубчатым рабочим краем. Основные мотивы – прямолинейные горизонтальные линии, волна, сетка, треугольник. Орнамент располагался сплошным полем, состоящим из концентрических поясков, которые наносились разными инструментами (Попов и др., 2005; Морева и др., 2008).

Радиоуглеродные даты 6010±90 – 5830±95 л.н.

Интересен тот факт, что на правом борту долины р. Аввакумовки от ее устья до слияния с р. Арзамовкой известны более 20 археологических памятников более поздних эпох. Единственным объектом среднего неолита оказался памятник Ветка-2, приуроченный к верхушке древней палеолагуны.

Таким образом, сравнительный анализ природно-климатических условий с культурной динамикой в среднем и начале позднего голоцена выявил явную зависимость смены археологических эпох и культур

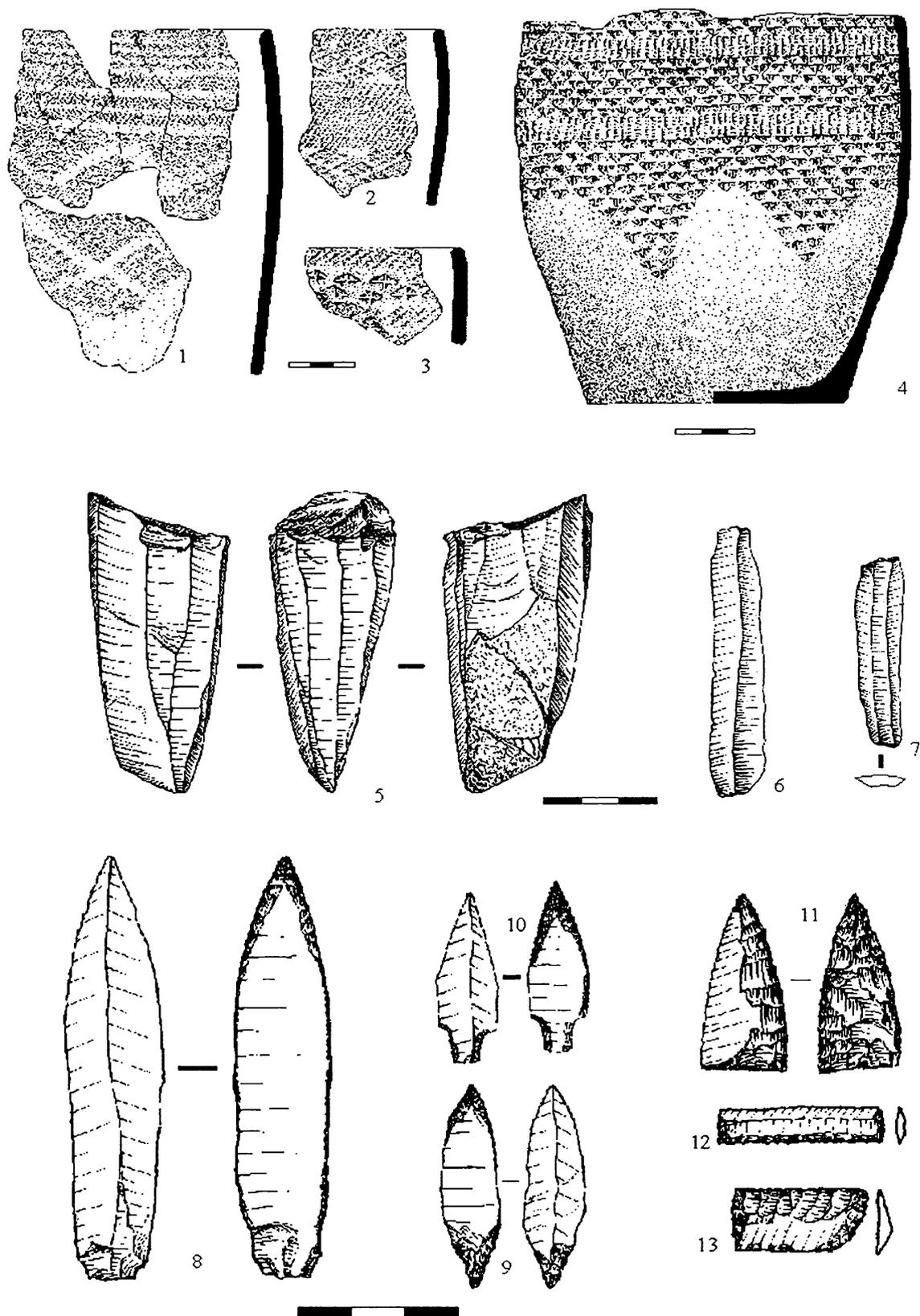

Рис. 2. Веткинская культура. 1-4 – керамические изделия, 5-13 – каменные изделия

от ландшафтных перестроек и соответствующих изменений флоры и фауны, вызванных амплитудами колебания уровня мирового океана и температурно-влажностного состояния окружающей среды.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-01-00543а и проекта NEOMAP.

Дорофеева Н.А., Попов А.Н. Каменный инвентарь неолитического слоя памятника ветка-2 (Приморье) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.П.Окладникова. Владивосток.

Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Гвоздева И.Г., Попов А.Н., Кузьмин Я.В., Горбаренко С.А., Раков В.А., 2008. Голцен побережья юго-западного Приморья // Научное обозрение, № 1.

Морева О.Л., Батаршев С.В., Попов А.Н. Керамический комплекс эпохи неолита с многослойного памятника Ветка-2 (Приморье) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт.

Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.П.Окладникова. Владивосток.

Попов А.Н., Микишин Ю.А., 2008. Природа и человек в неолите Приморья // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Материалы Международ. археолог. конф. посв. 100-летию со дня рожд. А.П. Окладникова / Отв. ред. А.Н. Попов. Владивосток.

Попов А.Н., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., 2005. Новые материалы по неолиту Восточного Приморья (результаты исследований 2005 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г.). Новосибирск. Т. XI. Ч. 1.

Mikishin Yu.A., Popov A.N., Petrenko T.I., Rakov V.A., Orlova L.A., Jull A.J.T., 2001. Development of coastal environments of Boisman bay (Peter the Great bay, southern Primorye) during the Holocene//Reports of the International Workshop on the Global Change Studies in the Far East.Vladivostok, Sept. 7-9, 1999. Vladivostok, Vol. 1.

О.Е. Пошехонова, С.Н. Иванов, Е.Н. Рябогина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

А.С. Якимов

Институт криосферы Земли СО РАН, Тюмень

Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгаяха 7 в северотаежной зоне бассейна р. Пур

В среднем течении р. Вынгаяхи проведены археологические палеопочвенные и палинологические исследования на поселении Вынгаяха 7. Памятник был открыт и исследован в 2007 г. комплексной экспедицией ИПОС СО РАН, в ходе разведки на относительно небольшом участке террас р. Вынгаяхи (приток р. Вынгапур – бассейн Пура) были выявлены несколько однотипных памятников. Для северотаежной части бассейна Пура такое расположение памятников типично, поэтому, возможно, дальнейшее обследование территории позволит обосновать выделение археологического микрорайона. На сегодняшний день известно несколько таких участков – в верхнем течении р. Пякупур, в нижнем течении р. Харампур, в верхнем и среднем течении р. Етыпур. В пределах микрорайонов памятники различных эпох располагают-

ся компактными группами на местах, удобных для проживания.

Поселение Вынгаяха 7 относится к вожпайской археологической культуре и датируется эпохой средневековья (конец IX начало X вв. н.э.). На сегодняшний день известно около двух десятков вожпайских поселений и могильников на достаточно обширной территории: в Среднем и Нижнем Приобье, на Таймыре (Хлобыстин, 1993, С. 19–27; Чернецов, 1957, С. 136–245; Семёнова, 2001; Карачаров, 2006, С. 135–149.). Большая часть их сосредоточена в Сургутском Приобье в пределах Среднеобской низменности. И только несколько вожпайских поселений располагаются за границами этого своеобразного центра, причем на значительном расстоянии: городище Вож-Пай – на Нижней Оби, стоянка Дюна III – на западном Таймыре, костище Песьянка – на Андре-

евском озере в Притоболье, городище Остяцкий Бор и поселение Мысовая 1 (Нарымское Приобье), городище Тух-Эмтор (верховья р. Васюган), Тазовская литейная мастерская и местонахождение Зимовье Мамаева (низовья р. Таз). Кроме того, вожпайские древности найдены на городище Эмдер (Нижнее Приобье) и на Надымском городище (р. Надым). Такая разбросанность памятников свидетельствует о большой мобильности населения и активных миграционных процессах, происходящих в это время на территории Сибири. Таким образом, в настоящее время поселение Вынгайха 7 – единственный исследованный однослойный вожпайский памятник в бассейне р. Пур.

Поселение состоит из шести западин, расположенных на мысу террасы, четыре из них были исследованы. В результате изучены котлованы четырёх сооружений. Одно из них является остатками сгоревшего слегка углубленного наземного жилища, подквадратной формы, очень небольшого по площади. В жилище на полу, у северной стены, зафиксирован достаточно мощный прокол с остатками обгоревших поленьев, напротив располагался вход в жилище. Котлован жилища был врезан в естественное углубление. То есть округлому углублению была предана квадратная форма, причем в центре дно естественного понижения почти не заглублялось. Равномерно распределенный выброс из котлована составил обваловку жилища, которая тоже возможно использовалась для конструктивных решений. За пределами котлована зафиксированы остатки наземной конструкции, возможно, навеса.

Всего на поселении найдены обломки от восьми круглодонных горшков. Особенности формы и ornamentации полученного керамического комплекса полностью соответствуют характеристикам вожпайской средневековой посуды. Удалось частично реконструировать верхние части нескольких сосудов, которые характеризуются укороченной прямой или слегка отогнутой шейкой и наличием невыраженного плечика. Орнамент нанесен исключительно гребенчатым штампом с различной рабочей поверхностью. Мотивы типичны для вожпайской культуры. По венчику сосуды украшены рядами наклонных оттисков либо «елочкой». Далее идет ряд ямок, которые с внутренней стороны не образуют жемчужин, либо ряд жемчужин и чередующихся ямок и жемчужин. Следующий элемент композиции состоит из достаточно архаичных геометрических мотивов: взаимопроникающих треугольников и наклоненных в разные стороны лент со свободными зонами. В одном случае ниже геометрической зоны располагались фестоны. Один сосуд украшен рядами гребенчатой ёлочкой.

На поселении найдены железные предметы: нож, кольчужное кольцо и обломок изделия. Нож со спинкой параллельной оси черенка. Такие ножи являются поясными, универсального хозяйственного назначения, формы которых не изменялись с середины I тыс. н. э. вплоть до Русской колонизации Сибири (Соловьев, 1987). Кольчужное кольцо в сечении округлое, с утолщением от расклёпки. Самые ранние кольчуги на территории таёжной части Сибири датируются VI–VIII вв. н.э. (Рёлкинский могильник), причём отмечено их кочевническое, а не древнерусское происхождение. На р. Таз (Тазовская литейная мастерская и местонахождение Зимовье Мамаева) в коллекции сборов присутствует кольчуга, датируемая X–XIII вв. н.э. (Соловьев, 1987).

В настоящее время уже получена часть радиоуглеродных датировок (Определение остаточной активности углерода выполнено ст.н.с. Л.А. Орловой (лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН) на QUANTULUS-1220 (Liquid Scintillation Counters).

По углям из погребенного под обваловкой мохового очёса определена дата – 1345 ± 45 л.н. (СОАН-7164). В это время на террасе р. Вынгайха произошли один или несколько мощных лесных пожаров. Вожпайский коллектив поселился на этом месте спустя триста лет, об этом свидетельствуют даты, полученные по образцам от сгоревшей конструкции сооружения из средней и верхней части заполнения котлована, а также из хозяйственной ямы – 1090 ± 45 л.н., 1070 ± 40 л.н., 1095 ± 35 л.н. (СОАН-7168, СОАН-7169, СОАН-7170). Интересно, что датировки образцов, взятых с пола жилища и из очага, существенно отличаются – 1350 ± 45 л.н. и 1375 ± 60 л.н. (СОАН-7167, СОАН-7171). Удревнение возраста культурных отложений нижних слоёв заполнения котлована произошло, скорее всего, за счет попадания в очаг и на пол жилища углей из мохового очёса (с древней дневной поверхности).

Результаты комплексного почвенного, химического, спорово-пыльцевого и микробиологического анализов культурного горизонта, погребенной почвы и ее современного аналога (по 4 вертикальным разрезам) позволили сделать интересные выводы о природных условиях в средние века в районе исследований.

В связи с тем, что под обваловкой наземного жилища обнаружена погребённая подзолистая иллювиально-железистая почва с хорошо сохранившейся верхней частью профиля, был выполнен сравнительный анализ морфологического строения и химических свойств погребённой и современной почв. Меньшее исходное содержание гумуса в моховом очёсе палеопочвы (3,1 %, но с учетом диагене-

за 5,3 %) свидетельствует о меньшем поступлении органического вещества с этот период. Кроме этого, низкое содержание железа в иллювиальном горизонте говорит о низкой микробной активности. Известно, что продуктивность и активность жизнедеятельности микроорганизмов зависит от влажности (Дёмкина и др., 2000, С. 1117–1126.). Установлено, что реакция рН менее кислая в погребённой почве и тяготеет к нейтральной. Все эти особенности позволяют сделать вывод, что в 1300–1050 л.н. в бассейне р. Вынгаяха уровень увлажненности был меньше современного. На это указывает меньшее содержание гумуса в органогенном горизонте, железа в иллювиальном, менее кислая среда, а также соотношение мощности генетических горизонтов.

Спорово-пыльцевые данные позволили проследить изменения растительного покрова и влиявшего на него климата в окрестностях поселения Вынгаяха 7 с начала формирования почвы до наших дней.

Установлено, что люди пришли и проживали в этом районе вскоре после завершения продолжительной прохладной фазы начала субатлантического периода, а в VI–IX (?) вв. н.э. началось потепление и природное окружение приблизилось к современному облику.

Доказательством этого стали палиноспектры отложений, накопившихся до прихода людей, вероятно, они отражают специфику ландшафтов и климата начала субатлантического времени. В это время сосновые леса становятся наиболее разреженными, в их составе значительно увеличивается участие березы, особенно активно развиваются заросли кустарниковой березки. Вероятно, в районе памятника в это время природные условия существенно отличались от современных и облик растительного покрова был сопоставим с более северными районами, приближенными к лесотундре.

Совершенно иная ситуация наблюдалась позднее – в спектрах культурного слоя и погребенного мохового очёса выявлено становление современного древостоя с явным доминированием сосны, при наличии древовидной и карликовой березы, характерна повышенная примесь ели и пихты. Эти изменения указывают на наступившее потепление и, вероятно, лучшие условия увлажнения (по сравнению с предыдущим прохладным этапом). Однако, как показали почвенные исследования, по сравнению с современным временем осадков на этой территории выпадало меньше.

Показательным является активизация процесса заболачивания во время обитания поселения, о чем свидетельствует общее увеличение доли сфагновых

мхов и вересковых кустарничков. Признаков антропогенного воздействия на растительность в спектрах не выявлено.

В целом интервал обитания на поселении Вынгаяха 7 пришелся на середину суббореального времени и, судя по датировкам, соотносится с так называемым «малым климатическим оптимумом». Предшествующий ему ранний субатлантический период характеризовался неоднократными сменами природной обстановки, но в целом традиционно рассматривается как прохладный и влажный этап. Смена климатической обстановки в «малый климатический оптимум» была повсеместной – так, для Барабы реконструировано резкое потепление около 1000–1100 л.н. Аналогичные реконструкции выполнены и для торфяника Ентарный в среднетаежной зоне (Букреева и др., 1995, С. 3–22), но максимум среднесубатлантического потепления выделен здесь около 1400–1100 л.н.

Таким образом, результаты комплексного исследования культурных горизонтов на поселении Вынгаяха 7 в северотаёжной зоне бассейна Пура позволили сделать ряд интересных выводов. Продвижение вожпайских коллективов на север в IX–XII веках может объясняться, в том числе, и как миграционный отклик на смену климатических и природных условий. Начавшееся постепенное потепление повлекло за собой изменение условий обитания и на территории Среднеобской Низменности, и в северотаежной зоне. Возможно, оптимизация таких условий в северотаёжной зоне и в более северных районах сделала данные территории привлекательными для вожпацев.

Букреева Г.Ф., Архипов С.А., Волков В.С., Орлова Л.А., 1995. Климат Западной Сибири: в прошлом и будущем // Геология и геофизика. Т. 36, № 11.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А., 2000. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. № 9.

Хлобыстин Л. П., 1993. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS. СПб.

Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М. № 58.

Семенова В. И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск.

Карачаров К.Г., 2006. Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 14.

Соловьев А. И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири эпохи средневековья. Новосибирск.

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Палеоботаническая аргументация древнего и средневекового земледелия в Западной Сибири

Известно, что находки большинства орудий земледельческого труда и зернопереработки не являются строго специфичными, они могут в равной мере иметь отношение к собирательству или заготовке кормов (Косарев, 1981, С. 207; Чемякина, Дергачева, 2005, С. 198). В связи с этим сложно переоценить роль палеоботанических доказательств земледелия, однако в Западной Сибири их целенаправленный поиск и идентификация проводятся редко. Досаду вызывает и тот факт, что случайные находки отпечатков или зерен не всегда определяются специалистами, впоследствии археологам сложно подтвердить их культурное происхождение (Черников, 1960, С. 232, табл.37; Корочкова, Стефанов, 1991, С. 61; Кузьмина, 1994, С. 195). В изучении растительных остатков с археологических памятников – «палеозт-нотаника» (Баштанник, 2007, С. 8–32) – наиболее результативным оказался капрологический анализ, однако присутствие зерен в культурном слое в некоторых случаях может трактоваться как импорт. Палинологические же данные дают возможность обнаружения пыльцы культурных растений на территории их произрастания, то есть аргументировать земледелие, а не факт использования зерна в хозяйстве. Менее известны фитолитные исследования, однако их практическое применение так же может подтвердить земледелие.

Время возникновения и динамика развития земледелия на Русской равнине и в Западной Сибири существенно отличаются. Наиболее ранние находки пыльцы культурных злаков и сеgetальных (сопутствующих посевам) сорняков обнаружены на Западной Украине около 6300 л.н., позднее в Среднерусской лесостепи 5500–5400 л.н. и в Молдавии 5200–5500 л.н. (Александровский, Анненков и др., 1991). Первые свидетельства земледелия на Южном Урале относятся к неолитическому культурному слою поселения Кага, в котором обнаружена пыльца ржи (Александровский, Анненков и др., 1991). Позднее подобные находки, относящиеся к эпохе бронзы и железа, встречаются постоянно в лесной и лесостепной полосе Русской равнины (Абрамова, 2001; Антипина, Лебедева, 2005).

Имеющиеся палеоботанические индикаторы земледелия в южных и центральных районах Западной Сибири пока скудны и ограничивают возможность полноценной комплексной реконструкции хозяйства.

Основываясь на этих данных, можно предположить возникновение локальных очагов культивирования злаков только в финале бронзового времени в южном Зауралье. До недавнего времени единственным подтверждающим палеоботаническим источником считались отпечатки зерен ячменя и пшеницы на коллекции керамики черкакульского типа из поселения Ольховка в Приисетье (Матвеев, 1999). Однако целенаправленный поиск палеоботанических индикаторов земледелия, предпринятый лабораторией палеоэкологии человека ИПОС СО РАН в 2007 г., дал новые результаты. На многослойном поселении Курья 1 из заполнения колодцев, оставленных носителями федоровской культуры, выделена пыльца пшеницы (более точные определения невозможны). Очень важным является факт не единичной находки, а массового скопления пыльцы – это один из основных диагностических признаков очень близкого расположения засеянного поля. Памятник расположен на невысокой террасе оз. Курья недалеко от г. Тюмени, его исследование пока не завершено (Волков и др., 2007).

К рубежу II–I тыс. до н.э. относятся более частые палеоботанические находки, подтверждающие земледелие:

- свидетельства знакомства с земледелием в начале I тыс. до н.э. выявлены для ирменской культуры лесостепного Приобья. Среди отпечатков растений на коллекции керамики поселения Милованово 3 обнаружены отпечатки архаичного вида голозерной гексаплоидной пшеницы *Triticum antiquorum* (Сидоров, 1986);

- в материалах бархатовского керамического комплекса Коловского городища в Приисетье обнаружен один отпечаток зерна пшеницы (*Triticum*) (Матвеева и др., 2003).

- находки обгорелых зерен пшеницы (точное определение отсутствует) на жертвенном месте у Алексеевского поселения алексеевско-саргаринской культуры в Северном Казахстане (Кривцова-Гракова, 1948) свидетельствуют о том, что этот злак был им известен;

- интересны находки пыльцы культурных злаков (овса *Avena* sp., реге ржи *Secale* sp. и пшеницы *Triticum* sp.) в южных районах Тоболо-Ишимья, к сожалению, в слоях, не содержащих культурных находок и датированных радиоуглеродным и стра-

тиграфическим методом в интервале от 2900 до 2500 л.н. (Рябогина, 2004). В частности, они обнаружены в почвенных отложениях, перекрывающих бархатовский культурный слой (поселение Щетково 2), подстилающих саргатские (поселение Нижне-Ингальское 3) и журавлевские (городище Ласточкино гнездо 1) культурные слои. Несмотря на то, что в слоях IX–VI вв. до н.э. отмечены только единичные пыльцевые зерна злаков, обнаруженная с ними пыльца сеgetальных сорняков позволяет аргументировать элементы земледелия в хозяйстве культур переходного времени южного Зауралья.

Позднее, в раннем железном веке, наличие палеоботанических свидетельств земледелия в Западной Сибири фиксируется редко. Существуют убедительные данные о земледелии тагарской культуры. В могильнике Серебряковский в Томско-Енисейском междуречье (Мартынов, 1979) обнаружены сохранившиеся зерновки ячменя (*Hordeum*) и проса (*Panicum*). Многие орудия этой культуры могут быть отнесены к земледельческим, в том числе и уникальные находки 200 серпов в Красноярском крае (Черников, 1960). К сожалению, утверждения о земледелии других культур предгорий Алтая и Барнаульско-Бийского Приобья не подкреплены палеоботаническими исследованиями.

Есть весомые аргументы в подтверждение земледелия саргатской культуры. Так, около Тобольска из Подчевашских курганов (V–III/IV вв. до н.э.) исследованы растительные остатки, содержащие большое количество зерен ячменя (*Hordeum*) и овса (*Avena sativa*), а также сопутствующие посевам сорняки и солома ячменя, что подтверждает местное возделывание злаков (Баштанник, 2006, С. 161–163).

Хорошо аргументировано наличие земледелия в хозяйстве населения майминской культуры (начало I тыс. н.э.) в северных предгорьях Алтая. Найденные на поселениях Майма 1 и Ушлеп 5 россыпи зерна проса и ячменя, а также мотыги, зернотерки и серпы свидетельствуют о мотыжном уровне его развития в это время (Абдулганеев, 1997, С. 138–141). Позднее земледельческая традиция в этом регионе угасает и возобновляется только в средневековье около XIII–XIV вв. Находки россыпей зерна ячменя и проса, а также наконечники железных мотыг (и возможно лемех) обнаружены на сrostкинских памятниках – городище Елбанка, могильнике Иня 1 и Телеутский Взвоз 1 (там же).

Палеоботанические данные о земледелии в средние века известны также в таежном Причудылье. В одном из погребений Зырянского могильника XVI–XVII вв. (Томская область) обнаружен целый комплекс пищевых и сорных растений (Беликова, 2003). Среди них особый интерес представляет

овес *Avena sativa* L. и сеgetальный сорняк, сопутствующий его посевам – куколь обыкновенный *Agrostemma githago* L.

Абдулганеев М.Т., 1997. О наличии земледелия у населения лесостепного и предгорного Алтая в эпоху железа // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул.

Абрамова Т.А., 2001. Палинологические и археологические характеристики природной среды центральной Мешеры в позднем голоцене // Пыльца как индикатор состояния окружающей среды и палеоэкологических реконструкций, Санкт-Петербург.

Александровский А.Л., Анненков В.В., Глушко Е.В., Истомина Э.Г., Николаев В.И., Постников А.В., Хотинский Н.А., 1991. Антропогенные индикаторы в пыльцевых спектрах голоценовых отложений // Источники и методы исторических реконструкций изменений окружающей среды. Сер. Геогр., Т.8. М.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4

Баштанник С.В., 2007. Земледельческая культура Южного Казахстана эпохи средневековья. Кемерово.

Баштанник С.В., 2006. Растения в культуре народов Сибири // Современные проблемы археологии России: Сб. науч.тр. Новосибирск. Т.1

Беликова О.Б., 2003. Комплекс с палеорастительными остатками из таежного Причудылья // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень.

Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н., 2007. Раскопки многослойного поселения Курья 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1991. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Приоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа.

Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М. Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник. М.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождении индоиранцев. Москва.

Мартынов А.И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.

Матвеев А.В., 1999. Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е., 2003. Древности Ингальской Долины. Новосибирск.

Рябогина Н.Е., 2004. Стратиграфия голоцена Южного За-

уралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: Автореф. дис....к.г.-м.н., Тюмень.

Сидоров Е.А., 1986. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск.

Чемякина М.А., Дергачева М.И., 2005. О существовании

земледелия в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы – переходного времени от бронзы к железу // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Сб. науч. тр., Т. 1. Новосибирск.

Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88. М. – Л.

П.Г. Соколов

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

Пространственный анализ памятников ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины

Пространственный анализ памятников позволяет установить потенциальные экономические зоны и понять механизмы адаптации древнего населения к окружающей среде в целом. Методическим основанием в подобных исследованиях выступает теория центральных мест Б. Блоуэта. В отечественной археологии данная методика имела успешное применение при изучении памятников салтово-маяцкой (Афанасьев, 1987), саргатской и гороховской культур (Матвеева, 1997; 2000; Матвеева, Ларин, 2000; Матвеева и др., 2005). В отношении памятников ирменской культуры подобные исследования были проведены С.С. Тихоновым (1993; 1994) и В.С. Горяевым (2003). Анализируя пространственную организацию памятников всего ареала ирменской культуры, авторы сделали ряд наблюдений. В частности, ими установлено, что практически все группы памятников концентрируются компактными «кустами», была охарактеризована ландшафтная приуроченность месторасположений поселений и могильников, а также определены расстояния как между группами памятников, так и между памятниками в границах одного «куста».

Целью настоящей работы является пространственный анализ памятников восточного ареала ирменской культуры, располагающихся в ландшафтном отношении на территории Кузнецкой котловины (рис. 1).

Кузнецкая межгорная котловина расположена на территориях Кемеровской и частично Новосибирской областей. На западе она граничит с небольшими возвышенностями Салаирского кряжа, с юга и востока ее окаймляют горы Кузнецкого Алатау, а на севере она ограничена Колывань-Томской возвышенностью. По ботанико-географическому районированию Кузнецкая котловина делится на цен-

тральный лесостепной район (левобережье р. Ини) и Инско-Томский лесостепной район (Куминова, 1949). В настоящее время в этом географическом районе известно более 70 ирменских поселений и могильников.

Большинство групп памятников ирменской культуры расположены компактными «кустами» в среднем течении р. Ини с хорошо развитой поймой. Здесь отчетливо выделяются три района их концентрации: 1) район пгт Промышленная и с. Портнягино; 2) район сел Васьково и Титово; 3) Изылинский АМР. В этих группах встречаются как долговременные поселения, так и кратковременные стоянки. Количество погребальных памятников единично. В данном случае следует согласиться с мнением В.С. Горяева (2003. С. 163), что взятые в комплекс стационарные поселения и временные стоянки маркируют границы, связанные с жизнеобеспечением той или иной популяции.

В среднем течении р. Ини также можно выделить «цепочки» ирменских поселений. Первая – три поселения, расположенные по линии населенных пунктов Школьный – Худяшово – Байрак. Вторая – шесть поселений, расположенных по обоим берегам Ини по линии населенных пунктов Красный Яр – Тогучин – Гутово – Кайлы. Расстояние между памятниками в границах данных «цепочек» составляет 5–10 км. Небезынтересно, что эти группы памятников как бы ограничивают обозначенные выше «кустовые» микрорайоны: первая – выше по течению р. Ини, а вторая – ниже. Вероятно, указанные группы памятников также могут являться «кустовой» концентрацией, т.к. при картографировании необходимо делать поправки на неравномерную изученность археологических микрорайонов и воздействие антропогенного фактора.

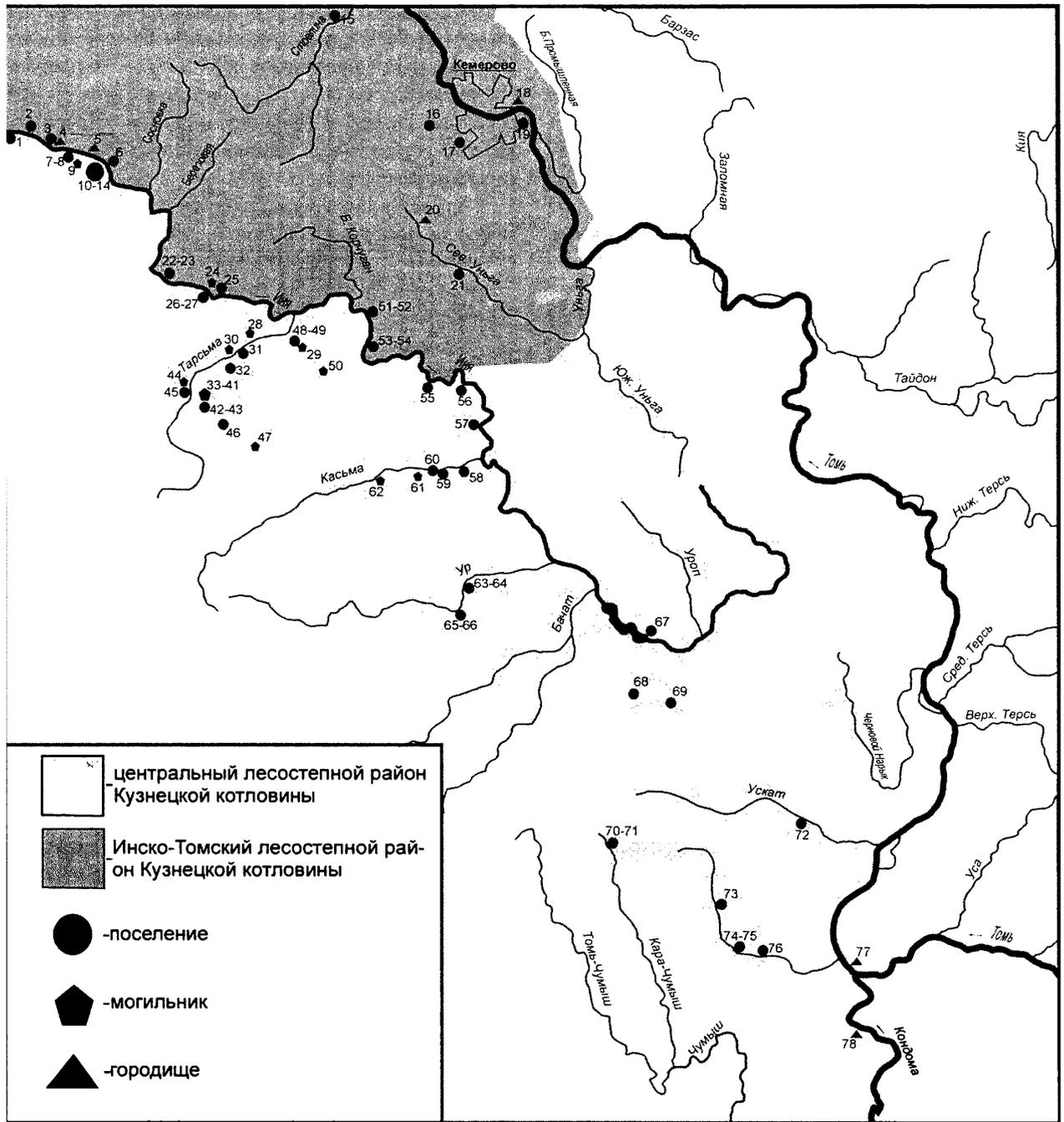

Рис. 1. Схема расположения памятников ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. 1 – Златоуст 1; 2 – Гутово; 3 – Родниковое 1; 4 – Линёво 5; 5 – Иня 12; 6 – Кусково 2; 7 – Иня 9; 8 – Красный Яр 1; 9 – Заречное 1; 10 – Заречное 3; 11 – Заречное 3а; 12 – Изылы 1; 13 – Иня 8; 14 – Линёво 1; 15 – Медынино 1; 16 – Мазурово; 17 – Прямая 1; 18 – Люксус 1; 19 – Сухово; 20 – Пинигино 1; 21 – Плотниковский с-з 4; 22 – Васьково 1; 23 – Васьково 2; 24 – Титово 2; 25 – Титово 3; 26 – Усть-Каменка 2; 27 – Усть-Каменка 3; 28 – Пьяново; 29 – Бормотово 3; 30 – Тарасово 5; 31 – Тарасово; 32 – Калтышино 5; 33 – Журавлёво 2; 34 – Журавлёво 3; 35 – Журавлёво 4; 36 – Журавлёво 5; 37 – Танай 2; 38 – Танай 7; 39 – Танай 9; 40 – Танай 10; 41 – Стан; 42 – Танай 4; 43 – Танай 5; 44 – Юрты 1; 45 – Юрты 3; 46 – Исток; 47 – Ваганово; 48 – Бормотово 1; 49 – Бормотово 2; 50 – Ранний 1; 51 – Портнягино 1; 52 – Портнягино 2; 53 – Промышленная 1; 54 – Промышленная 2; 55 – Байрак; 56 – Худяшово; 57 – Школьный 2; 58 – Красная Горка; 59 – Торопово 7; 60 – Торопово 4; 61 – Торопово 3; 62 – Шабаново 4; 63 – Саратовка 4; 64 – Саратовка 5; 65 – Саратовка 1; 66 – Саратовка 2; 67 – Менчереп; 68 – Артышта 6; 69 – Бурлаки 1; 70 – Верх-Чумыш 3; 71 – Верх-Чумыш 4; 72 – Красулино 5; 73 – Кербезек 3; 74 – Казарма 2; 75 – Казарма 3; 76 – Аба 1; 77 – Маяк; 78 – Куртуково

В особую зону следует выделить ирменские памятники Танайского АМР, расположенного на юго-западной окраине Кузнецкой котловины. На этой небольшой площади сконцентрированы более десятка памятников ирменской культуры. Практически все они являются могильниками. На западном берегу оз. Танай известны лишь две кратковременные стоянки, находящиеся в непосредственной близости от погребальных памятников. В этой связи абсолютно правомерной является точка зрения, что расположенные в непосредственной близости от погребальных комплексов кратковременные стоянки связаны с пребыванием на этом месте людей во время осуществления погребальных обрядов (Горяев, 2003. С. 164). Обращение к карте позволяет увидеть, что большая часть погребальных памятников ирменской культуры сконцентрирована именно в окрестностях оз. Танай, а расстояние до основных групп стационарных поселений, расположенных по берегам Ини, составляет 30–50 км. Таким образом, подтверждается вывод В.С. Горяева, который считает, что взаиморасположение стационарных поселений и погребальных памятников в единых географических районах не случайно.

В результате археологических разведок последних 10–15 лет в центральной лесостепной зоне Кузнецкой котловины были выявлены новые группы ирменских памятников. Их расположение свидетельствует о том, что памятники ирменской культуры находятся не только по берегам главной реки района – Ини, но и на малых реках, а иногда даже на пересыхающих. В данном случае можно выделить группы памятников на р. Ур вблизи сел Саратовка и Подгорное, на р. Касье около сел Шабаново, Торопово и Сапогово (Илюшин, Сулейменов, 1994. С. 41–42) и в районе небольшого притока р. Тарсьмы Окунёвки. Группа из трех ирменских памятников, среди которых выделяется стационарное поселение Калтышино-5 на р. Исток, расположена в границах Калтышинского АМР. На наш взгляд, по мере роста полевых работ в центральной лесостепной части Кузнецкой котловины количество ирменских поселений на небольших притоках будет возрастать. Объяснение местонахождения ирменских памятников на малых реках, по всей видимости, кроется в особенностях природохозяйственной деятельности ирменцев. Несмотря на небольшие размеры, на некоторых участках эти реки имеют хорошо развитую пойму, наличие которой, видимо, и позволяло поддерживать жизнеобеспечение проживающих в этих районах популяций. Примером хорошо развитой поймы небольшой реки и находящегося рядом с ней поселения может служить многослойный памятник Исток, в исследовании которого автор принимал не-

посредственное участие. Поселение располагалось на правом берегу р. Исток, ширина которой на данном участке не превышает двух метров. В этом месте течение реки образует небольшую затопляемую весенним паводком излучину, в центре которой находится естественная возвышенность (рёлка), где и располагался памятник.

Количество известных ирменских памятников значительно меньше на окраине центральной лесостепной части Кузнецкой котловины, граничащей с предгорьями Кузнецкого Алатау, а также в ее Инско-Томском лесостепном районе. Причем, как правило, в Инско-Томском районе Кузнецкой котловины ирменские памятники расположены либо единично, либо на противоположных берегах довольно широкой р. Томь.

Таким образом, на территории Кузнецкой котловины большинство ирменских памятников локализуется в ее центральной лесостепной части между Иней и Салаирским кряжем. Проживание ирменского населения в наиболее остепненном ее районе, вероятно, связано с особенностями его жизнеобеспечения, основанного на комплексном ведении хозяйства. В то же время, как показывают результаты картографирования, поиск и исследование ирменских комплексов перспективны не только по берегам самой крупной в этом районе реки Ини, но и на небольших ее притоках и даже пересыхающих ручьях. Данная часть Кузнецкой котловины, по всей видимости, являлась «восточным ядром» проживания ирменцев. Следует также отметить, что видна четкая локализация погребальных и поселенческих комплексов: основная часть поселений находится по берегам Ини и ее мелких притоков, в то время как большинство могильников расположено в предгорьях Салаирского кряжа, а основная их концентрация – в окрестностях оз. Танай. Как указывает В.В. Бобров (1994. С. 18), территория на границе двух ландшафтов (степного и таежного) имела для ирменцев иррациональное содержание. Сокращение количества памятников на юго-восточной окраине центрального лесостепного района Кузнецкой котловины, а также в ее Инско-Томском лесостепном районе, скорее всего, связано с относительной «неудобностью» ландшафта для ведения комплексного хозяйства. Возможно памятники, находящиеся на Томи и некоторых ее притоках, являются в хронологическом отношении более поздними ирменскими комплексами. Об этом косвенно может свидетельствовать тот факт, что именно за границами центральной лесостепной части Кузнецкой котловины находятся практически все известные на данный момент городища ирменской культуры, которые, как известно, появляются на завершающих этапах ее

существования. Однако уверенно говорить об этом станет возможно лишь после проведения полномасштабного археологического изучения данных памятников.

- Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.
- Бобров В.В., 1994. АМР и общие проблемы западносибирской археологии // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск.
- Горяев В.С., 2003. Пространственная организация памятников ирменской культуры // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири. Кемерово.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьма // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск.

- Куминова А.В., 1949. Растительность Кемеровской области. Ботанико-географическое районирование. Новосибирск.
- Матвеева Н.П., 1997. Система расселения племен раннего железного века западно-сибирской лесостепи // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск.
- Матвеева Н.П., Ларин С.И., 2000. О характере расселения и хозяйства племен саргатской культуры // РА. № 2.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск.
- Тихонов С.С., 1993. Размещение памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Приобье // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч.1. Омск.
- Тихонов С.С., 1994. Распространение археологических памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Приобье // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск.

Е.К. Столярова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Источники щелочного сырья древних и средневековых стекол

Одной из важных задач изучения древнего стекла является определение его химического состава. Впервые такая попытка была предпринята более 200 лет назад. 4 октября 1798 года химик Мартин Генрих Клапрот на заседании Королевской Академии наук и литературы в Берлине сообщил о результатах химических анализов цветной стеклянной мозаики римского времени. Анализы были проведены с целью определения красителей мозаики, чтобы использовать их для изготовления стекла такого же цвета. С тех пор предметы из стекла подвергаются всевозможным видам анализа.

На сегодняшнем этапе развития науки важной задачей представляется не столько получение самих анализов древних и средневековых стекол, сколько разработка методики интерпретации полученных результатов. Основной ее целью является определение видов сырья и правил составления шихты. На сегодняшний день в отечественной историографии существует несколько точек зрения на этот предмет (Галибин, 2001; Щапова, 1983). В основе нашего понимания этой проблемы лежит методика Ю.Л. Щаповой.

Стекло – это многокомпонентный сплав на силикатной основе. Вещества, которые составляют

стекло, делятся на основные стеклообразующие и вспомогательные материалы. Основные стеклообразующие – это соединения, без которых стекло как материал не может существовать. Вспомогательные материалы определяют декоративные и оптические свойства стекла. К ним относятся красители, которые делают стекло разноцветным, глушители, придающие стеклу непрозрачность, и обесцвечиватели, делающие стекло бесцветным и прозрачным.

К основным стеклообразующим относятся тяжелые и легкоплавкие фракции. Тяжелые фракции – это кремнезем (SiO_2). Его содержание в древнем стекле колеблется от 50 (редко от 25 %) до 70 %. К легкоплавким фракциям относятся несколько компонентов. Это щелочные соединения из группы R_2O , которые в древнем стекле представлены окисью натрия (Na_2O) и окисью калия (K_2O), щелочноземельные соединения из группы RO – это окиси кальция (CaO) и магния (MgO), окись свинца (PbO) и окись алюминия (Al_2O_3). Содержание суммы щелочей и щелочных земель в древнем стекле не бывает ниже 17 %.

Стеклоделие представляет собой нормированный процесс. Для того чтобы получить стекло, нужно взять основные стеклообразующие и составить

смесь (шихту) в определенных пропорциях. Качества и свойства взятых компонентов, их количество, а также соблюдение рецептуры прямо отражаются на свойствах и качестве готовой стекломассы. Поэтому для того чтобы сварить стекло, древние должны были иметь представление о том, какие материалы нужно взять, и в каких пропорциях их необходимо соединить.

В древности для стекловарения применяли разные виды сырья. В качестве источника щелочей использовали либо минеральное сырье – соду, либо растительное – золу. Золы применялись различные, в том числе зола растений, произрастающих в умеренной (континентальной) зоне, зола растений (галофитов), произрастающих в пустынной зоне, промытая и выпаренная зола – поташ. Все эти источники щелочей содержат либо соли натрия, либо соли калия, либо их сочетания.

Натуральная сода содержит в основном соли натрия, поэтому стекла, сваренные на соде, называют содовыми или натриевыми. Зола растений умеренной зоны, а также поташ содержат в основном соли калия с примесью солей натрия. Поэтому стекла, сваренные на таких золах или на поташе, называют золистыми или калиевыми. Зола галофитов содержит в основном соли натрия с примесью солей калия. Стекла, сваренные на таком сырье, называют золистыми натриевыми (рис. 1).

Итак, существует два вида щелочного сырья: натриевое и калиевое. По мнению Ю.Л. Шаповой, натриевое сырье может быть двух видов: чисто натриевое и натриево-калиевое (рис. 1). Источником чисто натриевого сырья является сода. В этом случае соотношение натрия к калию должно быть больше 13.

Натриево-калиевое сырье помимо солей натрия содержит и соли калия. Содержание солей калия бывает разным. В одних стеклах содержится небольшая примесь калия, которая, как правило, больше 1,5 %, но не бывает больше 2,6 %. В этом случае соотношение натрия к калию должно быть больше 3 и меньше или равно 13. Источником сырья таких стекол является зола галофитов. Это так называемые золистые натриевые античные стекла.

В других натриево-калиевых стеклах содержится большая примесь калия, доходящая до 8 %. В этом случае отношение натрия к калию больше 1 и меньше или равно 3. Сварены они также на золе галофитов. Возможно растения, содержащие такое высокое количество калия, произрастают в районах, расположенных севернее тех зон, где выращивают растения с меньшим содержанием калия. Такие стекла называют просто золистыми натриевыми.

Калиевое сырье также бывает двух видов: калиевое чистое и калиево-натриевое (рис. 1). Стекла,

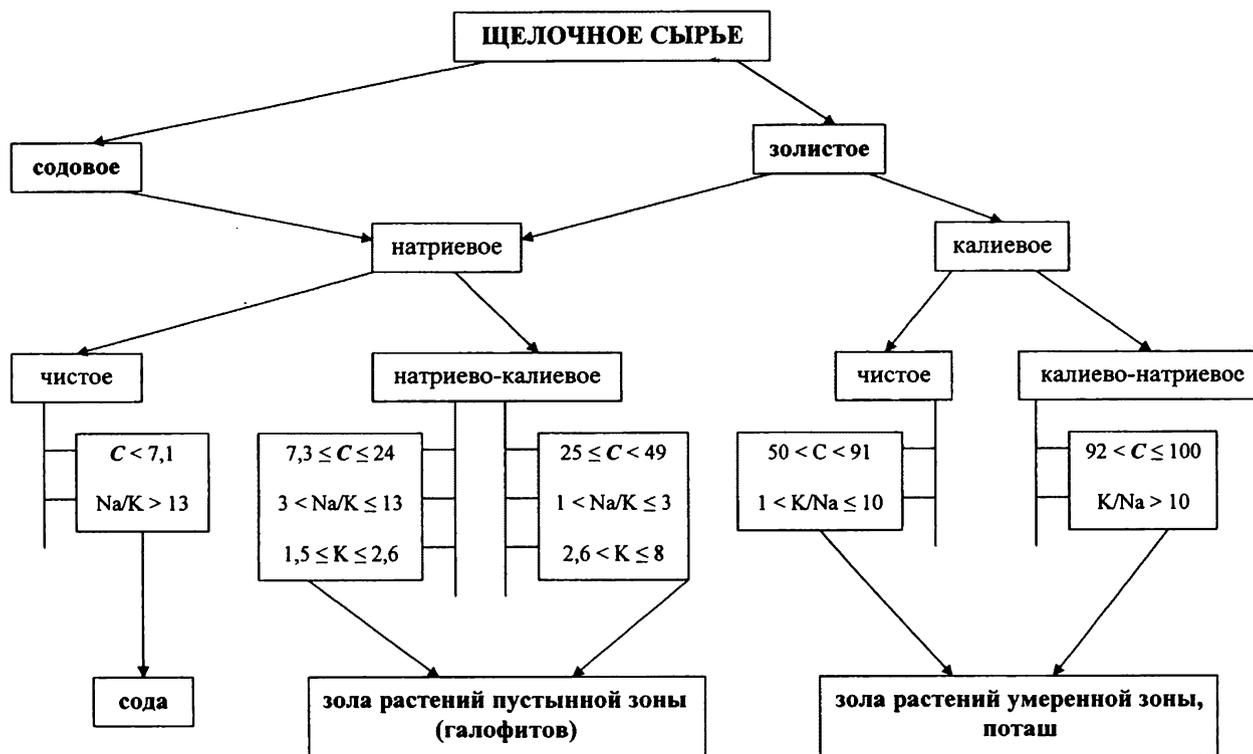

Рис. 1. Источники щелочного сырья древних и средневековых стекол

сваренные на чистом калиевом сырье, имеют соотношение калия к натрию больше 10. В стеклах, сваренных на калиево-натриевом сырье, соотношение калия к натрию должно быть больше 1 и меньше или равно 10. И калиевые и калиево-натриевые стекла сварены на золе растений умеренной зоны или поташе.

Польская исследовательница стекла Т. Ставярская разработала правила определения источников растительного натриевого щелочного сырья (Stawiarska, 1984. S. 24–27). Алгоритм, предложенный Т. Ставярской, помогает определить вид использованного растения, было оно многолетним или однолетним, а также какая часть растения – наземная или корневая – использовалась. Заметим, что ее методика касается растений, содержащих больше солей натрия, чем калия, т.е. произрастающих в пустынной зоне. Для растений с преобладанием калия над натрием такая работа сделана не была.

Согласно алгоритму Т. Ставярской, для определения источника щелочного сырья содержание щелочей нужно принять за 100 % и произвести расчет относительного содержания окиси калия (С) по формуле $C = 100 \times K_2O / R_2O$. Если С больше или равно 7,9 и меньше или равно 17, то для изготовления стекла были использованы наземные части однолетнего растения *calidium caspicum*. Если С больше 17 и меньше или равно 19,5, то были использованы корни этого же растения. Если С больше 19,5 и меньше или равно 22, то использовалось то же растение, но многолетнее. Причем, у многолетника использовали только наземные части. Если С больше 22 и меньше или равно 33, то для изготовления стекла использовали наземные части растения *salicornia herbacea*. Если же С больше 33, то в этом случае использовали корни этого же растения.

Необходимо установить границу между натриевыми и калиевыми стеклами. Согласно методике Ю.Л. Щаповой, натриевые и калиевые стекла имеют соотношение натрия к калию и калия к натрию больше 1. Исходя из этого, в натриевых стеклах содержание окиси натрия всегда больше окиси калия и, следовательно, относительное содержание окиси калия в таких стеклах должно быть меньше 50. А в калиевых стеклах содержание окиси калия всегда больше окиси натрия и, следовательно, относительное содержание окиси калия в таких стеклах должно быть больше 50.

В соответствии с вышеописанными методиками мы обработали более 300 анализов химического состава древних и средневековых стекол. Был проведен подсчет относительного содержания окиси калия (С) и рассчитаны отношения натрия к калию или калия к натрию. Результаты расчетов были со-

отнесены друг с другом. В результате оказалось, что:

1) соотношение натрия к калию больше 13 соответствует относительному содержанию окиси калия меньше 7,1. Для получения таких стекол была использована сода или натриевое чистое сырье (рис. 1);

2) соотношение натрия к калию больше 3 и меньше или равно 13 соответствует относительному содержанию окиси калия от 7,3 до 24. Полученный результат позволил сократить зону неопределенности, выделенную Т. Ставярской. По ее мнению, в случае когда относительное содержание окиси калия больше 7,1 и меньше 7,9, нельзя точно определить, какое сырье использовалось – сода или зола, и тем более установить вид использованного растения и его части. Однако у стекол с относительным содержанием окиси калия меньше 7,9 и больше или равным 7,3 отношение натрия к калию оказалось больше 3 и меньше или равно 13, что означает применение золы, т.е. натриевого сырья с небольшой примесью калия (от 1,5 до 2,6 %). Под таким сырьем понимается зола растений засушливой зоны – в том числе любых частей однолетнего и наземных частей многолетнего растения *calidium caspicum* или наземных частей растения *salicornia herbacea* (рис. 1). Такие стекла называют античными золистыми;

3) соотношение натрия к калию больше 1 и меньше или равно 3 соответствует относительному содержанию окиси калия от 25 до 49. Для получения таких стекол было использовано натриевое сырье с большой примесью калия (до 8 %). Под таким сырьем понимается зола растений засушливой зоны – например, любых частей растения *salicornia herbacea* (рис. 1). Такие стекла называют натриевыми золистыми;

4) соотношение калия к натрию больше 1 и меньше или равно 10 соответствует относительному содержанию окиси калия от 50 до 91. Для получения таких стекол было использовано калиевое сырье с примесью натрия. Под таким сырьем понимается зола растений умеренной зоны (рис. 1);

5) соотношение калия к натрию больше 10 соответствует относительному содержанию окиси калия от 92 до 100. Для получения таких стекол было использовано калиевое чистое сырье. Под таким сырьем также понимается зола растений умеренной зоны, в том числе и специально обработанная, т.е. поташ (рис. 1).

Таким образом, работа, начатая Т. Ставярской для натриевых стекол, была нами продолжена для стекол с преобладанием калия. Было подсчитано относительное содержание окиси калия в таких сте-

клах и сопоставлено с соотношениями калия к натрию, предложенными Ю.Л. Шаповой. Следующим этапом работы может стать определение видов растений умеренной зоны, используемых для получения золы или поташа.

Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.

Шапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стекла. М.
Stawiarska T., 1984. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum.

И.В. Стретович

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

Содержание и структура мицелия микроскопических грибов в погребенных и современных почвах степной зоны (вал Анны Иоанновны и курганный могильник Аксай-3)

Грибы – повсеместно распространенные микроорганизмы, являющиеся важнейшими компонентами экосистем, в том числе почвенного покрова. Образуя большие запасы биомассы в почвах, они оказывают огромное влияние на формирование и функционирование почвенной экосистемы. В связи с неоспоримой актуальностью экологических проблем, в частности изменением климата, и огромной ролью микроорганизмов в биосфере вопросы их численности и биомассы в почве приобретают особенно большое значение. С одной стороны, причины изменений климата заключаются в усилении антропогенной нагрузки на окружающую среду, с другой – нельзя забывать о цикличности всех природных процессов. Поэтому реконструкция палеоклимата может служить основой прогноза его будущего состояния.

Палеопочвы, погребенные под археологическими памятниками, находятся в состоянии консервации, то есть сохраняют ряд свойств с момента погребения и являются индикаторами изменений климата. Развивающиеся в последние годы исследования микробных сообществ подкурганных палеопочв говорят о возможности использования комплекса микробиологических параметров для реконструкции палеоклиматических условий. Для получения полной картины функционирования микробиоценозов необходимо изучение места и роли отдельных групп организмов, в частности грибов. Все грибы являются гетеротрофами, то есть организмами, которые используют для питания готовые органические вещества. Они участвуют в минерализации органического вещества, образовании и разложении гумуса. Основными продуцентами органического вещества на планете являются высшие растения. В сухостепной зоне при увеличении увлажненности

климата возрастает масса травянистой растительности, что влечет за собой повышение численности гетеротрофов, и, в первую очередь, мицелия микроскопических грибов. Поэтому изучение содержания мицелия микроскопических грибов в почве может дать ключ к пониманию природных условий на момент сооружения памятника и в предшествующее время, в том числе и о степени увлажненности палеоклимата.

Цель работы заключалась в исследовании содержания и структуры мицелия микроскопических грибов в современных и погребенных почвах.

Исследования проводились в сухостепной зоне на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей. Объектами изучения послужили палеопочвы разновозрастных археологических памятников (курганы, оборонительный вал) и современные фоновые почвы.

Оборонительный вал Царицынской линии (или вал Анны Иоанновны) входил в систему защитных черт южных и юго-восточных пограничных рубежей Русского государства и был построен в 1719–1721 гг. от Царицына на Волге до Паньшина городка на Дону. Район исследования расположен в южной части Приволжской возвышенности. В административном отношении исследуемый участок расположен на границе Городищенского и Иловлинского районов Волгоградской области в 4 км к югу от пос. Качалино и в 1 км к западу от трассы Москва – Волгоград. В растительном покрове доминирует типчаково-ковыльная ассоциация с участием разнотравья. Проектное покрытие 50–60 %.

Курганная группа Аксай-3 располагалась в южной части Ергенинской возвышенности на вершине плоского водораздела в 2–2,5 км от с. Аксай Октябрьского района Волгоградской области. Рас-

копки курганов проводились сотрудниками Волгоградского государственного университета под руководством А.Н. Дьяченко. Время сооружения курганов относится ко второй половине III тыс. до н.э. и I в. н.э. Растительность представлена типчаковой ассоциацией. Проективное покрытие 95 %.

Длину грибного мицелия определяли прямым микроскопическим подсчетом на мембранных фильтрах по методу Хансена в модификации Демкиной и Мирчинк. В качестве красителя использовали дианил голубой, который избирательно окрашивает светлоокрашенные гифы в голубой цвет, темноокрашенный мицелий не окрашивается. Он хорошо дифференцируется по коричневой окраске меланиновых пигментов. Затем рассчитывали суммарную длину гиф мицелия, а зная удельный вес и объем гиф, определяли биомассу мицелия в 1 г почвы.

Вал Анны Иоанновны

Суммарная длина грибного мицелия в современном солонце, расположенном на водоразделе, составляла 1,76–6,04 м/г почвы (рис. 1), в погребенном – 1,52–3,67 м/г почвы. Выявлена тенденция уменьшения длины гиф вниз по профилю. При этом длина светлоокрашенного мицелия изменялась от 0,47 до 1,31 м/г почвы в современном солонце и от 0,17 до 0,73 м/г почвы в погребенном. А длина темнопигментированного – 1,29–4,73 м/г почвы в современном и 1,35–3,67 м/г почвы в погребенном солонце. Суммарная средневзвешенная биомасса грибных гиф, содержащихся в современной почве, составляла 49 мкг/г почвы (рис. 2). При этом доля

темноокрашенного мицелия была равна 66 % (2). В погребенной почве суммарная средневзвешенная биомасса составляла 26 мкг/г, а доля темноокрашенного мицелия достигала 94 %.

Таким образом, установленная длина гиф в современном и погребенном солонцах была больше в горизонте А1 и имела тенденцию к снижению вниз по профилю. В суммарной грибной биомассе на долю темноокрашенного мицелия приходилось 66 % в современной и 94 % в погребенной почве, что подтверждает его устойчивость к неблагоприятным условиям окружающей среды.

Курганный могильник Аксай-3

Для выявления роли мицелия микроскопических грибов как индикатора степени увлажненности палеоклимата в сухостепной зоне был изучен хронологический ряд разновозрастных каштановых почв. Исследовались две погребенные (~4300 и ~2000 лет назад) и современная почвы.

Суммарная длина гиф грибного мицелия в профиле современной почвы составляла 2,35–10,63 м/г почвы, в погребенных почвах была значительно меньше и колебалась от 1,77 до 4,41 м/г почвы. Светлоокрашенный мицелий встречался в палеопочве, погребенной ~4300 лет назад, в горизонте А1, и отсутствовал в палеопочве, погребенной ~2000 лет назад.

Суммарная средневзвешенная биомасса грибных гиф в современной почве достигала 60 мкг сухой массы на 1 г почвы. В погребенных почвах наибольшая средневзвешенная биомасса грибного

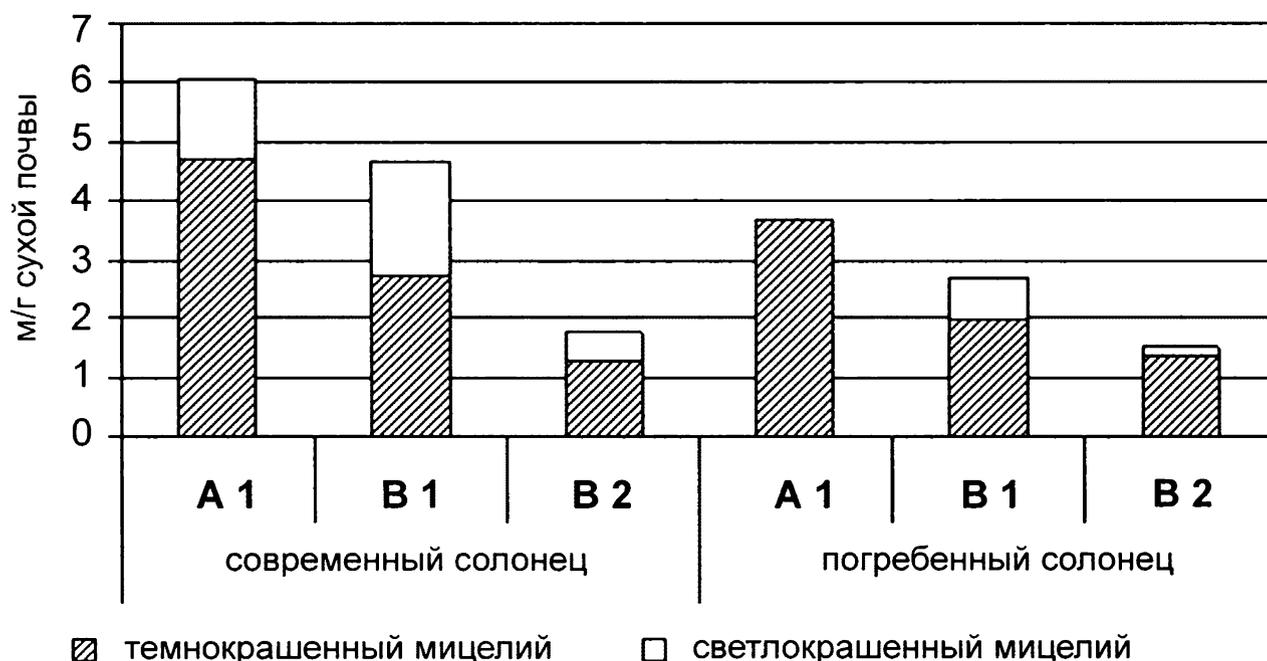

Рис. 1. Суммарная длина гиф грибного мицелия в современном и погребенном под валом Анны Иоанновны солонцах

Рис.2. Средневзвешенные значения общей биомассы мицелия и темноокрашенного в профиле современного и погребенного под валом Анны Иоанновны солонцах

мицелия установлена для почвы второй половины III тыс. до н.э. и составила 36 мкг сухой массы на 1 г почвы. При этом доля темноокрашенного мицелия равнялась 98 %. В палеопочве, погребенной в I в. н.э., биомасса грибных гиф была меньше и составляла 31 мкг сухой массы на 1 г почвы, в структуре грибного мицелия выявлены только пигментированные гифы (100 %).

Следовательно, исходя из полученных данных, можно предположить, что в первой половине III тыс. до н.э. в исследуемом регионе климатические условия были более влажными, чем в I в. н.э. Это связано с тем, что в почве, погребенной ~4300 лет назад, биомасса грибного мицелия больше, а доля темноокрашенного меньше, чем в почве, погребенной

~2000 лет назад. Полученные нами данные подтверждаются химико-аналитическими исследованиями палеопочв. Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей в слое 0–50 см в более древней почве на порядок меньше (0,049 %), чем в почве, погребенной в I в. н.э. (0,309 %). Известно, что при увеличении увлажненности климата содержание легкорастворимых солей в почве снижается, а при аридизации климатических условий повышается.

Таким образом, проведенные исследования показали, что содержание и структура грибного мицелия при сравнительном изучении погребенных почв сухостепной зоны могут служить индикатором палеоклиматических условий.

В.В. Тараканов*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, Абакан*

Топография средневековых поселений Хакасско-Минусинского края как источник для историко- экологических интерпретаций и реконструкций

Изучение древних обществ в контексте их взаимоотношения с природой в археологических исследованиях всегда было естественным. Уже одни из первых археологических раскопок, проводившихся на Помпеях, показали, как природная стихия может уничтожить жизнь процветающего города. Даже в суровые годы диктата исторического материализма, когда «географический детерминизм» являлся серьезным обвинением, археологи не могли обойтись без географической характеристики памятника. И именно в археологической среде началась «оттепель» для историко-географических исследований. В начале 60-х годов археолог академик Б.А. Рыбаков один из первых говорит, что «отрыв от географического фактора – это отход от реализма» (История и социология, 1964. С. 59). В начале 80-х годов Э.Г. Истомина пишет, что развитию «исторической географии в плане экологизации особенно способствуют археологи» (Истомина, 1981. С. 18).

Изучение проблемы взаимодействия общества и природы давно вышло на теоретический уровень. Стало ясно, что изучение экологического взаимодействия это не только исследование проблемы как таковой, но и применение при этом особых методов. А.Л. Монгайт называет новый методологический подход географическим методом в археологии (Монгайт, 1962. С. 31), а А.М. Микляев выделяет научную отрасль – археологическая география (Микляев, 1981. С. 49).

Характеризуя естественнонаучные методы в археологии, Б.А. Колчин, Я.А. Шер (Колчин, Шер, 1969. С. 94–95) и Ю.Л. Щапова (Щапова, 1988. С. 138–145) не могли обойти вниманием анализируемый подход, но он рассматривался ими как проблема изучения взаимодействия человека и природной среды в древности.

С развитием социальной экологии становится естественным использование ее терминологии в археологических исследованиях. Так, П.М. Долуханов говорит о палеоэкологии человека (Долуханов, 1979. С. 4), а М.Ф. Косарев вводит понятие экологического подхода в археологии (Косарев, 1983. С. 81–84).

В последнее время в археологической литературе имеется тенденция связывать анализируемый

подход с реконструкциями. В частности, А.Н. Мельник применяет такое выражение, как историко-экологическая реконструкция (Мельник, 1989. С. 215–223). А.В. Кениг же оперирует таким смысловым оборотом, как экологический метод в археологической реконструкции (Кениг, 1998. С. 240–245). Недавно в научный оборот было введено понятие геоархеология (Кузьмин, 1995. С. 84). Такое понятийное разнообразие во многом связано с разноплановостью экологического подхода в археологии.

Особенность экологического подхода в археологических исследованиях, большая его эвристичность связана со спецификой самого археологического источника. Ведь он при строгой фиксации имеет конкретную пространственную привязку, а значит, несет в себе помимо исторической информации еще и географическую. Именно в сочетании знаний о механизмах экологического взаимодействия коренится экологический подход. В ходе применения экологического подхода можно условно выделить две стратегии. Во-первых, это соотношение географической и исторической информации с последующей интерпретацией результатов и подбор определенного механизма взаимодействия или его эвристического предположения. Назовем их интерпретационными методами экологического подхода. Например, картографический метод.

Вторая стратегия – когда механизм взаимодействия аксиоматичен. Тогда при известной географической информации можно реконструировать историческую информацию. Такие методы можно обозначить как реконструктивные. Это, например, историко-экологическое моделирование системы хозяйства.

Обе стратегии невозможны в чистом виде. Например, для подбора информации для соотношения исследователь исходит из определенного знания экологического взаимодействия. А при реконструкции исторических явлений определенная историческая информация уже имеется, без чего выводы умозрительны.

Таким образом, археологический источник, неся в себе изначально как историческую, так и географическую информацию, обладает огромным потен-

циалом применения как интерпретационных, так и реконструктивных методов экологического подхода. Этим объясняется активное применение данного методологического подхода к археологическим материалам.

Изначально вопрос состоит в том, какую информацию из всего спектра отобрать. Выбор зависит от методологической основы экологического подхода – теории экологического взаимодействия, представляющей систему знаний о конкретных механизмах влияния.

Рассмотрим процесс реализации разных стратегий экологического подхода на примере средневековых поселений Хакасско-Минусинского края. Здесь понятие поселения понимается в его широком смысле, то есть – это любые остатки более или менее продолжительной жизни людей на одном месте (Мартынов, 2002. С. 6). Одной из основополагающих исторических информации, которое несет в себе поселение, – это факт проживания людей в конкретном месте. Проживание – это долговременное пребывание человека на одном месте, что предполагает обустройство его жизнедеятельности. Это же, в свою очередь, задает требования к географическим особенностям территории, где будет размещено поселение. Перечень таких требований для проживания человека для разных эпох неодинаков, на них влияет много факторов. Но существуют требования, которые универсальны и связаны с жизненно важными для человека потребностями. Например, вода, – человек всегда будет выбирать место для своего проживания там, где имеется доступный ее источник. Таким образом, выявляется механизм влияния гидрологических особенностей территории на выбор места для проживания. Следующий шаг – это изучение топографии поселения с точки зрения его расположения по отношению к водоему.

В настоящее время документально зафиксировано более 30 средневековых поселений Хакасско-Минусинского края (Тараканов, 2005а. С. 140–142). Поселения приурочены к разным водоемам, как к рекам, так и к озерам, например, Джоева озеро (Евтюхова, 1948. С. 73), Кызылкуль (Тараканов, 2006а. С. 20). Многие из них вплотную примыкают к берегам рек, например Базинское поселение (Тараканов, 2005б. С. 490). Но есть поселения, и их немало, которые расположены поодаль от водоема. Например, поселение у с. Быстрая (Евтюхова, 1948. С. 73), Староозначенская переправа II (Скобелев, 1997) (Автор выражает признательность Ю.В. Тетерину за возможность воспользоваться неопубликованным материалом.) Устье речки Сир (Сунчугашев, 1993. С. 104–103). А некоторые поселения расположены от водоема на довольно существенном расстоянии,

например Туманный I (Зубков, 2007. С. 214), Конгурэ (Худяков, 1982. С. 23–34). Но имеются и такие, которые расположены от водоемов на значительном расстоянии. Например, от поселения, расположенного в степи недалеко от разреза «Чалпан», до ближайшего водоема более 3 км. Таким образом, анализ топографии средневековых поселений Хакасско-Минусинского края показывает, что человек в средние века располагался для проживания на разном расстоянии от водоема.

Казалось бы, вывод полностью противоречит нашему исходному тезису, и все же суждение, что человеку жизненно необходима вода, – аксиоматично, следовательно, необходимо искать несоответствию объяснение, тем самым реконструируя историческую информацию. Значит, человек, располагая вдалеке от водоема свое жилье, имел возможность регулярно доставлять к нему воду. Если бы человек носил эту воду на себе, то по принципу энергетической оптимизации он бы селился ближе к водоему, следовательно, для транспортировки воды он активно использовал коня, что говорит о развитии скотоводства.

К тому же из этнографии известно, что в скотоводческом обществе человек обычно утолял жажду не водой, а кисломолочными напитками (Бутанаев, 1998. С. 142.). А чтобы этих напитков хватало всем, необходимо было разведение большого поголовья скота, который, находясь круглогодично на подножном корму, имел невысокие надои. Нельзя забывать, что молоко шло на изготовление и других продуктов. Таким образом, используя реконструктивный метод экологического подхода, на основе месторасположения поселений по отношению к водоемам можно прийти к заключению, что население в средние века не просто разводило скот, а разводило его в большом количестве.

Поселения же, расположенные на большом расстоянии от водоема, использовались в зимнее время. В этот период вопрос о воде стоит не так актуально, как летом, и к тому же можно растопить снег, который в избытке скапливается в степных ложбинах. О сезонном характере этих поселений говорит и бедность их культурного слоя.

Изучение топографии поселения в рамках экологического подхода позволяет реконструировать и систему ведения скотоводческого хозяйства. Дальнейшее развитие логических построений проходит уже в русле интерпретационной стратегии экологического подхода. Необходимо соотнести выявленный исторический факт зимнего функционирования степных поселений с географической информацией, характеризующей зимний степной ландшафт в качестве пастбищ. В зимнее время снежный покров сте-

пей Хакасско-Минусинской котловины тонкий (Растительный покров, 1976. С. 25) и подчас выдувается (Прокофьев, 1993. С. 21), вследствие чего появляются значительные площади оголенных участков, что как нельзя лучше подходит для содержания скота на подножном корму.

Анализ географических особенностей степных пастбищ Хакасско-Минусинской котловины и пастбищ лесостепей и притаежья, расположенных в горах, показал, что в регионе наиболее удобной является система вертикального кочевания (Тараканов, 2006б. С. 102). Соотнося эту природно-сельскохозяйственную информацию с материалами поселений, можно констатировать факт исторической реальности такого типа кочевания. Автором уже обосновывалось, что поселение Туманный IV, располагаясь в горной лесостепи, является летним стойбищем (Тараканов, 2006в. С. 76–77). Сейчас же установлено, что поселения, расположенные в степи вдали от водоемов, являются зимними стойбищами, тем самым мы имеем свидетельства полного цикла вертикального кочевания, существовавшего в средние века на территории Хакасско-Минусинского края.

Таким образом, топография средневековых поселений Хакасско-Минусинского края является значимым историческим источником, который в ходе применения реконструктивных и интерпретационных методов экологического подхода продуцирует исторические знания.

- Бутанаев В.Я., 1998. Этническая культура хакасов. Абакан.
- Долуханов П.М., 1979. География каменного века. М.
- Евтюхова Л.А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
- Зубков В.С., 2007. Раннесредневековое поселение Туманный I // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Вып.3. Часть II. Абакан.
- Истомина Э.Г., 1981. Проблемы взаимодействия общества и природы в исторической науке. // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. М.
- История и социология, 1964. М.
- Кениг А.В., 1998. О соотношении экологического, историко-сравнительного и этноархеологического методов в археологической реконструкции. // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск. Т.1.
- Колчин Б.А., Шер Я.А., 1969. Некоторые итоги применения естественнонаучных методов в археологии // КСИА. Вып. 118.

- Косарев М.Ф., 1983. К проблеме экологического подхода в археологии // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул.
- Кузьмин Я.В., 1995. Геоархеологические исследования древних культур эпохи камня юга Дальнего Востока России (методологические подходы, результаты, проблемы) // Методы естественных наук в археологической реконструкциях. Новосибирск. Ч.1.
- Мартынов А.И., 2002. Методы археологического исследования. М.
- Мельник А.Н., 1989. Возможности историко-экологических реконструкций по данным гидроархеологии // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск.
- Микляев А.М., 1981. Археологическая география – задачи, методы и первые результаты // Контакты и взаимодействие древних культур (к 50-летию отдела). Л.
- Монгайт А.Л., 1962. Задачи и возможности археологической картографии // СА. №1.
- Прокофьев С.М., 1993. Природа Хакасии. Абакан.
- Растительный покров Хакасии, 1976. Новосибирск.
- Скобелев С.Г., 1997. Об археологических разведках в Шушенском районе Красноярского края в полевом сезоне 1996 года. Новосибирск.
- Сунчугашев Я.И., 1993. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан.
- Тараканов В.В., 2005а. Актуальные проблемы изучения средневековых поселений Хакасско-Минусинского края // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск.
- Тараканов В.В., 2005б. Работы на средневековом Базинском поселении в Хакасии // Археологические открытия 2004 года. М.
- Тараканов В.В., 2006б. Полевые археологические исследования Я.И. Сунчугашева в Хакасско-Минусинской котловине // Сунчугашев Яков Иванович: Биобиблиографический справочник. Абакан.
- Тараканов В.В., 2006б. Историко-экологическое моделирование средневекового скотоводческого хозяйства в условиях экосистем Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. Горно-Алтайск.
- Тараканов В.В., 2006б. Поселение Туманный IV – летнее стойбище эпохи раннего средневековья Хакасско-Минусинского края // Алтай-Россия: через века в будущее. Т.1. Горно-Алтайск.
- Худяков Ю.С., 1982. Кыргызы на Табате. Новосибирск.
- Щапова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.

*Т.Э. Хомутова, Н.Н. Каширская,
Т.С. Демкина, В.А. Демкин*

*Институт физико-химических и биологических
проблем почвоведения РАН, Пущино*

Вековая динамика микробной биомассы подкурганых палеопочв степной зоны как индикатор изменчивости климатических условий*

Характеристики почвенных микробных сообществ являются хорошими индикаторами условий почвообразования и используются не только в познании эволюции почв, но и при проведении палеоэкологических реконструкций. Богатство – обедненность растительного покрова, связанное с динамикой климатических условий, находит свое отражение в ряде показателей почвенного микробного сообщества: его биомассе, структуре и разнообразии. Нами прослежена вековая динамика суммарной микробной биомассы, а также биомассы активируемых глюкозой микроорганизмов на фоне изменений морфолого-химических свойств погребенных подкурганых палеопочв различных природных районов сухостепной зоны России на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей. Время сооружения курганов относится к эпохам энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья в хроноинтервале с IV тыс. до н.э. до XIII в. н.э.

Суммарная микробная биомасса погребенных палеопочв составляла до 1700 мкг С / г почвы, что было в 1,4–8,2 раза ниже, чем в современных аналогах. В большинстве случаев микробная биомасса снижалась или была равномерно распределена по погребенному почвенному профилю. В ряде случаев в горизонте В2 суммарная микробная биомасса была сравнима с таковой верхних горизонтов (А1 и В1) или даже превышала ее. С возрастом палеопочвы суммарная микробная биомасса не снижалась монотонно, а имела свою динамику, причем эта динамика была специфичной в различных почвенных горизонтах. Суммарная микробная биомасса может рассматриваться как относительно консервативный показатель микробного сообщества. Показателем качества микробного сообщества является биомасса активируемых глюкозой микроорганизмов. Биомасса активируемых микроорганизмов в палеопочвах была также на порядок ниже, чем в современных аналогах, и значительно варьировалась. Так, в почвах, погребенных в эпоху бронзы, установлены как очень низкие величины активной микробной биомассы (0,4 мкг С / почвы), так и достаточно высокие значения (10,7 мкг С/г почвы).

Микробные сообщества почв, датированных I в. н.э., имели высокую способность к реактивации. Оба приведенных микробных показателя являются полезными для исследования состояния микробных сообществ. Показателем качественной структуры почвенного микробного сообщества является соотношение приведенных выше параметров, а именно доли реактивируемых микроорганизмов в суммарной микробной биомассе. В исследованных почвах этот показатель резко повышается в почвах энеолита, раннего железного века и средневековья.

Микробиологические характеристики хорошо согласуются с морфологическими и химическими характеристиками палеопочв. Сопоставление их позволяет сделать вывод о том, что во второй половине III тыс. до н.э. в регионе произошла резкая аридизация климата, достигшая максимума на рубеже III–II тыс. до н.э. с возникновением палеоэкологического кризиса. В результате в регионе около 4000 лет появились необычные каштановидные палеопочвы, аналогов которым в современном почвенном покрове не зарегистрировано. Микробные сообщества каштановидной палеопочвы, несмотря на достаточно высокую биомассу, характеризуются низкой способностью к реактивации глюкозой. В среднесарматское время (I в. н.э.) имело место некоторое увеличение степени атмосферной увлажненности, сменившееся во II–III вв. н.э. очередным засушливым периодом. В эпоху развитого средневековья (XII–XIV вв. н.э.) произошла довольно резкая гумидизация климата. Этот исторический период в природном отношении можно характеризовать как средневековый климатический оптимум. Особо следует отметить, что микробные сообщества подкурганых палеопочв степной зоны сохраняют ряд параметров, отражающих палеоэкологические условия на момент сооружения археологического памятника и являющихся более чувствительными (индикаторными) на короткопериодные климатические флуктуации по сравнению с морфологическими и химическими свойствами палеопочв.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

*Д.Л. Шишков, А.А. Клочко**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Геологические основы применения георадиолокации для исследования археологических объектов*

Для георадиолокационного метода малоглубинной геофизики, как и для других методов археологической геофизики, актуальна проблема соответствия между геофизической (георадиолокационной) моделью верхней части разреза исторической территории и реальными характеристиками (топографией и стратификацией) археологического памятника.

В основе этой проблемы две диагностируемые геологическими и археологическими методами особенностями исторических территорий.

Во-первых, верхняя часть разреза археологического памятника представляет собой сложную трехмерную структуру, неравномерно насыщенную разнообразными, последовательно формирующимися объектами (ямы, захоронения, остатки сооружений, следы позднейших строений, перекопов, в том числе и грабительских и пр.). Ее археологическая стратификация и планиграфия сложна и изменчива по площади, а ее адекватная реконструкция возможна лишь в виде трехмерных моделей.

Во-вторых, все погребенные археологические объекты являются компонентами геологической среды. В результате различных геологических, геохимических и биохимических процессов, протекающих в почвенном слое в течение длительного времени, геолого-геофизические свойства археологических объектов со временем становятся все менее контрастными на фоне естественных неоднородностей геологического разреза, что затрудняет их диагностику. Следовательно, необходим анализ геолого-геоморфологических, гидрогеологических и иных естественных (фоновых) параметров территории, их связи с волновой георадиолокационной картиной, диагностируемой георадаром.

Таким образом, геолого-археологическая среда территории может рассматриваться как стратифицированный трехмерный объект, геофизический облик которого формируется в результате сложного и длительного взаимодействия естественных и антропогенных процессов. На основании этого разрабатывается комплексный геолого-геофизический подход к археологической интерпретации радарных материалов

Особенно наглядно обозначенная проблема характерна для памятников, охватывающих значительные площади (от первых гектар). При их изучении представляется перспективным авторский подход к

рассмотрению археологических объектов в контексте геологической среды, позволяющий достаточно уверенно отделять их от естественных (геологических, гидрогеологических) аномалий подповерхностной структуры. В основе этого подхода – опыт авторов по решению инженерно-геологических, палеогеоморфологических, стратиграфических задач в различных регионах России, а также обширная база данных по обследованию, в том числе трехмерному, разнообразных археологических памятников в пределах Центрального региона России, Черноземья, Поочья, Средней и Нижней Волги. Среди них такие известные археологические памятники и исторические объекты, на которых проводилась площадная георадарная съемка: Зарайская и Сунгирьская палеолитические стоянки, Ростовский, Астраханский Кремль, Троице-Сергиева Лавра, исторические центры Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Гнездовский комплекс, Бородинский музей-заповедник, археологический комплекс Старой Рязани (см. статью авторов в настоящем сборнике) и многие другие.

Особый интерес представляют археологические объекты, на которых наблюдались различные варианты соотношения геологической и археологической составляющих в формировании их волновой картины. Следует отметить, что геологические условия охарактеризованы для территорий памятников при геофизическом обследовании площадей более 1 гектара.

Известны случаи контроля расположения археологических объектов теми или иными геологическими особенностями местности, слабо выраженными или вовсе утраченными в облике современного ландшафта территории.

Так, при георадарной съемке под Муромом (Владимирская область) в окрестности деревни Подболотней выяснилось, что раскопанный в начале XX века Городцовым могильник может иметь продолжение, сравнимое или даже превышающее по размерам его раскопанную часть. При анализе геофизических данных удалось установить местоположение крайних траншей, обнаружить продолжение полосы однотипных компактных высококонтрастных (вероятно, содержащих металлические предметы) аномалий и, таким образом, определить направление продолжения памятника. Интересно, что

наиболее плотное скопление подобных аномалий наблюдается в пределах обширной малоглубинной неоднородности причудливой ветвистой формы. Подобные аномалии обычно являются подповерхностными структурами стока грунтовых вод и часто маркируют места тальвегов и склонов оврагов. На поверхности подобная естественная структура не выражена, т.е. можно предположить палеогеоморфологический контроль расположения захоронений.

Иной случай залегания аномалеобразующих объектов, предположительно захоронений раннего железного века, наблюдался в окрестностях ряда известных археологических памятников Рязанско-го Поочья. Здесь на притеррасной пойме и первой террасе аномалии обнаружены в ритмично постро-

енном разрезе, сложенном аллювиальными и золовыми песчаными отложениями. При этом располагаются они ниже горизонта погребенной почвы, перекрытой ненарушенными песками с характерными золовыми текстурами.

Подобные примеры могут указывать на возможные перспективы расширения границ известных археологических памятников, в том числе считающихся изученными и утраченными, в результате их площадного георадиолокационного обследования.

*Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 08-06-00459-а.

М.И. Эпов, В.И. Молодин, М.А. Чемякина

Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Диагностика структуры «замерзших» курганов пазырыкской культуры Алтая геофизическими и геохимическими методами*

Многолетние исследования курганных могильников пазырыкской культуры на плато Укок в Горном Алтае позволили выявить уникальные комплексы с прекрасно сохранившейся органикой: мумиями людей, изделиями из тканей, дерева, кожи и т.д. Такая естественная консервация органических материалов оказалась возможной в силу природных условий, когда под каменной кладкой кургана в срубке погребальной камеры образуется лед, который впоследствии не оттаивает. Значение выявления мерзлоты внутри древних курганов Алтая до начала раскопок при помощи геофизических методов трудно переоценить.

Первые результаты по диагностике льда в погребальных камерах курганов пазырыкской культуры геофизическими методами были получены на плато Укок в 2003 г. Эпов, Манштейн и др., 2003. С. 528–534). Основные усилия были направлены на поиск оптимальной разновидности метода сопротивлений для получения аномального сигнала, обусловленного изолирующим шестигранным объектом на глубине около 2 м под дневной поверхностью. На тех же объектах были выполнены частотные электромагнитные зондирования аппаратным комплексом ЭМС. Применение оригинальной модификации метода сопротивлений и сравнение полученных гра-

фических представлений с результатами математического моделирования позволили диагностировать наличие во вмещающем грунте изолятора, предположительно связываемого с наличием льда в захоронении кургана № 4 могильника Верх-Кальджин II (Там же).

Дальнейший геофизический мониторинг, основанный на опыте Укока, происходил на северо-западе Монголии в 2005 г. Были изучены шесть курганных могильников в долинах рек Улан-Даба, Олон-Курин-Гол и Цаган-Салаа (Эпов, Молодин и др., 2005. С. 503–506). Результаты, позволяющие предположить наличие изолирующих ледовых линз, были получены при исследовании объектов Улан-Даба-1, Олон-Курин-Гол-1 и Олон-Курин-Гол-6. Наиболее достоверной с модельной точки зрения являлась абсолютная аномалия под курганом Улан-Даба-1 (Эпов, Молодин и др., 2006. С. 86–88).

Раскопки 2006 г. подтвердили присутствие мерзлотных образований во всех трех объектах, выделенных по результатам геофизической диагностики: Улан-Даба-1, курган 2 могильника Олон-Курин-Гол-6, курган 1 могильника Олон-Курин-Гол-10 (Молодин, Парцингер и др., 2006. С. 422–429). Однако природа и масштабы этих образований были различны. Так, на кургане № 1 Улан-Даба-1

специально для выявления причин аномалии был прокопан шурф размером 4×3,5 м. Линза мерзлоты действительно обнаружена на глубине 2–2,5 м в ненарушенных слоях, подстилающих курган, но причины образования ее имели природную основу: на каменном цоколе, при подвижках моренных или селевых потоков образовался своеобразный каменный «карман» из валунов и обломочного камня, в котором и аккумулировалась вода, впоследствии превратившаяся в лед.

В кургане № 2 могильника Олон-Курин-Гол-6 мерзлый грунт также фиксировался в могильной яме и в заполнении сруба, но, кроме того, внутри сруба вдоль северной его стенки находилась узкая линза чистого льда. Ее положение соотносится с отмеченным геофизическими методами смещением непроводящей аномалии в северную часть ямы.

Наконец, в кургане № 1 могильника Олон-Курин-Гол-10, где обнаружено непо потревоженное захоронение воина, мерзлота присутствовала в наибольшем масштабе и в различных видах. Промерзшим было заполнение могильной ямы вокруг сруба, внутри сруба лед присутствовал в северной части. Кроме того, на грунтовой подсыпке под погребальным ложем образовался ледяной бугор почти по всей площади сруба, выдавивший доски вверх. Именно благодаря присутствию мерзлоты данное погребение со всем его содержимым отличала уникальная степень сохранности.

Применявшиеся для обнаружения льда в погребальных комплексах геофизические методики полностью себя оправдали, показав, по сути, стопроцентный результат по проверке геофизического прогноза (Эпов, Манштейн и др., 2006. С. 510–515).

Вместе с тем, перед нами встала новая задача – отличать при помощи геофизических методов лед в естественном состоянии от деревянной погребальной камеры, заполненной льдом, под каменной курганной насыпью.

Геофизические исследования были продолжены в 2007 г. на плато Укок на курганных могильниках: Бертек-1, 10; Верх-Кальджин II, 3; Кальджин-6 и Верх-Кальджин-13. Исследования проводились в двух направлениях. Во-первых, совершенствовался метод электроразведки (ВЭЗ, многоэлектродная аппаратура метода сопротивлений и аппаратурно-программный комплекс частотного электромагнитного зондирования ЭМС). Аппаратура метода сопротивлений, в отличие от прошлых лет, имела повышенную автоматизацию работы. В комплекс исследований дополнительно был включен георадар ГРОТ-12.

Предварительные результаты показали, что наличие льда в погребальных камерах возможно лишь в кургане № 4 могильника Верх-Кальджин II (на

более высоком аппаратном уровне подтвердились результаты измерений 2003 г.), в западной части кургана № 3 и в центральной части кургана № 4 могильника Верх-Кальджин 3 (рис. 1).

Во-вторых, впервые в мировой практике были

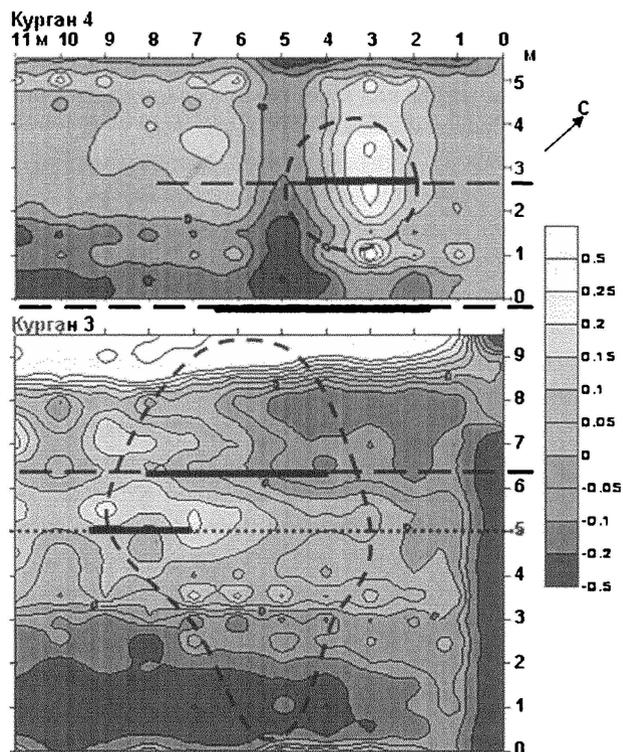

Рис. 1. Верх-Кальджин-3, курганы 3–4. Карты относительной разности сигнала многоэлектродной установки, профиль ЭМС – точечный пункт; профили георадара – длинный пункт; контур каменной кладки – короткий пункт

произведены исследования, направленные на создание методики поиска деревянных срубов под каменными насыпями курганов.

В работе использовались газовый хроматограф ЭХО-ФИД, каппаметр КТ-6 и гаммаспектрометр МКС АТ-6101Д. Хроматограф детектирует углеводороды ароматического ряда и обладает феноменальной чувствительностью более чем 10^{-12} г/см³. Модификация прибора уникальна. Гаммаспектрометром измерялись показания гамма фона и проводились измерения спектра излучений по трём изотопам K^{40} , Ra^{226} и Th^{232} .

Древесина лиственницы из погребенного сруба имеет свой аромат, который может быть зафиксирован на хроматограмме, при этом важно отметить, что на плато Укок деревья в естественном состоянии отсутствуют. Предварительно был проведен анализ запаха образцов дерева, не обработанных химическими реактивами, из пазырыкских курганов Укока.

Наличие в одном месте большого скопления органического материала приводит к образованию ореола рассеяния органического вещества, что вызывает изменение окислительно-восстановительной обстановки в окружающих грунтах. Этот фактор формирует определенного рода геохимический барьер для некоторых веществ, в том числе и радиоактивных изотопов. Соответственно, логично было предположить наличие аномалий над курганами, содержащими под насыпью большой объем органики. Таким образом, в методическую программу исследований наряду с хроматографией были включены измерения радиационного фона и магнитной восприимчивости.

Практически во всех измерениях значения магнитной восприимчивости проб, отобранных в центральной части кургана, были ниже, нежели с периферии. Вероятным объяснением такой аномалии может служить наличие интенсивного вымывания тяжелых минералов железа в полости кургана. Радиоактивные показатели возрастали в обратной последовательности. При этом содержания изотопов K^{40} и Th^{232} в среднем росло, а Ra^{226} убывало. Значения гамма-фона в центре кургана (участки 2,5–3 м в диаметре) иногда более чем в два раза превосходили законтурные значения. Максимальные значения достигали 19 микрорентген/час (Верх-Кальджин-II, курган № 4) при фоновых значениях в 7–9. Замеры радиоактивности камней, из которых сложены курганы, и коренных выходов пород не превышали 12 микрорентген/час. Выявленные радиационные аномалии над курганами могут быть связаны с заполнением погребений, либо, как и в случае с магнитной восприимчивостью, полости кургана могли служить фильтром, аккумулируя тяжелые радиоактивные минералы. Однозначно ответить на этот вопрос можно будет лишь при мониторинге в процессе раскопок.

Хроматограммы проб на периферии практически не менялись по мере приближения к кургану. Лишь пробы на границе кургана и в центре обнаружили наличие нескольких новых веществ. Два из них были проинтерпретированы как м-ксилол и кумол, которые ранее детектировались в качестве контрольных для древесины лиственницы. М-ксилол фиксировался в очень небольших количествах вплоть до следов, а вот кумол присутствовал исключительно в виде следов или вообще отсутствовал. Стоит отметить, что в измерениях проб, отобранных за контуром кургана, отсутствовали даже такие следы. Таким образом, значения опорных для нас элементов можно объяснить тем, что при наличии льда низкие температуры препятствуют формированию ореола рассеяния углеводородов (Эпов, Молодин и др., 2007. С. 407–412).

Подводя итоги, можно сказать, что данные гео-

физических и геохимических исследований древних курганов позволяют прогнозировать наличие льда и деревянных срубов из лиственницы под каменными курганными насыпями в погребальных камерах. Необходимо также отметить, что подобные геофизические исследования на Укоке и в Монголии проводились впервые в мировой практике. Последующие археологические изыскания помогут определить правильность выбранной методики и внести необходимые корректировки.

*Работа поддержана грантами: РФФИ № 06-06-80295а, «Интеграция» СО РАН № 109.

- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиезонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г., 2006. Мультидисциплинарные исследования Российско – Германско – Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.
- Эпов М.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Чемякина М.А., Балков Е.В., Молодин В.И., Слюсаренко И.Ю., 2006. Электроразведочное картирование «замерзших» пазырыкских курганов Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.
- Эпов М.И., Манштейн А.К., Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., 2003. В поисках мерзлоты (результаты геофизических исследований курганных могильников на плато Укок) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX. Ч. I.
- Эпов М.И., Молодин В.И., Каюров К.Н., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Сухорукова К.В., Напеев Д.В., Адайкин А.А., 2007. Геофизическая диагностика структуры «замерзших» курганов Укока, новые горизонты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XIII.
- Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В., 2005. Геофизические исследования археологических памятников в Северо-Западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XI. Ч. I.
- Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А., 2006. Итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников Алтая и Западной Сибири // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. Т. XII. Ч. I.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. Москва.

АС – Археологический съезд.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград – Санкт-Петербург.

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.

АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.

ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск.

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград – Санкт-Петербург.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН.

ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии РАО.

ИА РАН – Институт археологии РАН.

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.

ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам РАН.

ИРАО – Императорское Русское археологическое общество.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). Москва.

МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

МАО – Московское археологическое общество.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.

НПЦ – Научно-производственный центр.

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ.

РА – Российская археология. Москва.

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.

РАО – Русское археологическое общество.

РАСК – Региональная студенческая археологическая конференция.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

СА – Советская археология. Москва.

САИ – Свод археологических источников. Москва.

СО РАН – Сибирское отделение РАН.

УАК – Ученая архивная комиссия.

УрО РАН – Уральское отделение РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Структура издания «Трудов II (XVIII) Всероссийского археологического съезда»	4
Секционные доклады	5
Секция 12. Проблемы изучения первобытного искусства	
<i>Адмакина Т.А.</i> Этапы возникновения музыкальных технологий древнего человека	5
<i>Алексеев А.Н., Пеньков А.В.</i> Наскальные пиктограммы, отражающие ритуальную деятельность таежных племен древней Якутии	7
<i>Асташенкова Е.В.</i> Изобразительное и прикладное искусство средневекового населения юга Дальнего Востока России (по археологическим материалам)	10
<i>Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.</i> Трасологическое исследование петроглифов Пегтымеля	12
<i>Дроздов Н.И., Заика А.Л., Леонтьев В.П., Макулов В.И.</i> Древнее искусство на памятниках зоны затопления Богучанской ГЭС	15
<i>Есин Ю.Н.</i> Об афанасьевском компоненте в окуневском наскальном искусстве Минусинской котловины	21
<i>Заика А.Л.</i> О методике зимних исследований петроглифов	24
<i>Заика А.Л., Дроздов Н.И.</i> Новые петроглифы Шалоболинской писаницы	28
<i>Зинченко С.А.</i> Канон и его роль в процессах сложения скифского звериного стиля	31
<i>Килуновская М.Е.</i> Чайлаг-Хем – новый памятник наскального искусства в Туве	33
<i>Ковтун И.В.</i> Лицом к лицу: неизвестные макроракурсы самусьского изобразительного искусства	35
<i>Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В.</i> Нижнетомский очаг наскального искусства эпохи бронзы: культурно-историческая проблематика и исследовательская перспектива	37
<i>Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Шумкин В.Я.</i> Петроглифы Канозера на Кольском полуострове	40
<i>Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б.</i> Красочное стадо бизонов в гроте Шаман-Горы	45
<i>Кубарев В.Д.</i> Итоги и перспективы изучения изобразительных памятников Алтая	49
<i>Ласкин А.Р.</i> Исследования петроглифов Нижнего Амура	53
<i>Мартынов А.И.</i> О возможностях интерпретации тюркских средневековых наскальных изображений	55
<i>Мухарева А.Н.</i> Сюжетные композиции в наскальном искусстве Саяно-Алтая (эпоха раннего средневековья)	59
<i>Ошибкина С.В.</i> Искусство эпохи мезолита	61
<i>Потёмкина Т.М.</i> Лунарные и солярные символы онежских петроглифов (археоастрономический аспект)	65
<i>Савельев Н.С.</i> Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация	69
<i>Савинов Д.Г.</i> Изобразительный пласт как форма существования и изучения наскального искусства (по материалам Центральной Азии и Сибири)	73
<i>Слободзян М.Б.</i> Об одной группе изображений животных Сакачи-Аляна	75
<i>Советова О.С.</i> Человек и его мир в наскальном искусстве тагарской эпохи	76
<i>Челякин Ю.П.</i> Бронзовая металлопластика из раннесредневековых памятников в бассейне Большого Югана	78
<i>Черемисин Д.В.</i> К новейшим дискуссиям о семантике искусства звериного стиля: пазырыкские аргументы	82
<i>Чигаева В.Ю.</i> Образ птицы в искусстве и материальной культуре палеолита – неолита народов Северной Азии	84
<i>Чистякова А.Н.</i> Попытка дешифровки графемы «голова, держащая кольцо»	89
<i>Широков В.Н.</i> К интерпретации ассоциированных мотивов «змея – копытное – птица» в наскальных изображениях Урала	92

Секция 13. Охранная археология в современной России	97
<i>Буровский А.М., Якуцени С.П.</i> Изучение или разрушение?	97
<i>Быстров С.Г., Баянкин В.Я., Жихарев А.В., Куликов К.И.</i> Вакуумно-плазменный метод консервации для длительного хранения металлических памятников истории и культуры	100
<i>Векслер А.Г.</i> Спасательная археология Москвы – история и современность.	103
<i>Гонозов А.В.</i> Государственное управление археологическим наследием на территории Нижегородской области.	108
<i>Гусева Т.В.</i> Охранная археология как вид нормативно-регулируемой деятельности в современном обществе	111
<i>Дроздов Н.И., Макулов В.И.</i> Актуальные проблемы сохранения археологического наследия Северного Приангарья в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов	113
<i>Дубов В.Н.</i> Юридическое регулирование охранных археологических работ: правовой эксперимент в Нижегородской области	116
<i>Зайцева Е.А.</i> Методика камерального зонирования как фактор обеспечения сохранности объектов археологии в условиях интенсивной хозяйственной деятельности на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	118
<i>Зарубин Ю.В.</i> Виды охранных археологических полевых работ на территории исторических поселений и их место в процессе накопления научного знания.	120
<i>Изосимов Д.А., Маматова Л.Х.</i> Охрана памятников археологии на территории Пермского края	122
<i>Исланова И.В., Черных И.Н.</i> Дуденевский историко-культурный и природный заказник: история и современность	124
<i>Кениг А.В.</i> Развитие региональной системы охраны археологического наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	127
<i>Кондрашев Л.В.</i> Новые нормативные документы в сфере сохранения археологического наследия и практика их применения	129
<i>Лакиза В.Л.</i> Итоги новейших археологических исследований первобытных памятников в зонах новостроек и проблема охраны археологического наследия Беларуси	132
<i>Майничева А.Ю.</i> Современные формы сохранения историко-культурного наследия Сибири: музеи под открытым небом и историко-архитектурные музеи-заповедники	134
<i>Мурыгин А.М.</i> Охранные археологические работы в тундрах крайнего северо-востока Европейской части России (1992–2007 гг.)	137
<i>Рыжкова О.В., Черненко Е.А.</i> К истории вопроса о сохранении археологического наследия Горбуновского торфяника	141
<i>Сергина Т.В.</i> «Малые города» Смоленщины: проблемы сохранения и изучения культурного слоя	143
<i>Субботин А.В.</i> Хоздоговорные работы ИИМК РАН в 2006–2007 гг.	147
<i>Чуйкина Е.В.</i> Охранная археология в Пермском крае: опыт, проблемы, перспективы	149

Секция 14. Вопросы теории археологии

<i>Беломестнова Н.В.</i> Этапы формирования понятия психического в архаическом сознании.	152
<i>Боталов С.Г.</i> Кочевая цивилизация Евразии (дефиниции)	154
<i>Васильева И.Н., Салугина Н.П.</i> Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства	156
<i>Гельман Е.И.</i> Керамика и археологические реконструкции	159
<i>Глушкова Т.Н., Сутула А.В.</i> Опыт систематизации технологической информации об археологическом текстиле.	162
<i>Мельникова О.М.</i> Обоснование методов в современных археологических исследованиях (теория и реальность) ...	164
<i>Паромов Я.М.</i> Таманский полуостров в эпоху камня и бронзы, античное и средневековое время	166
<i>Разгильдеева И.И.</i> Планиграфия жилищно-хозяйственных структур: метод кругового моделирования	170
<i>Свешникова О.С.</i> «Все едут в экспедицию, включая и меня...». О причинах участия в археологических экспедициях непрофессиональных кадров	174
<i>Свирин К.М.</i> Языческие ритуальные объекты в археологических исследованиях: к вопросу о терминологии	176
<i>Мельников В.П.</i> Проблемы реконструкции сооружений из дерева (по данным археологии).	178
<i>Ожередов Ю.И.</i> Семантика колокольчиков и бубенцов в культуре селькупов	181
<i>Гринченко С.Н.</i> Развитие человечества, часть 1: кибернетическое моделирование процесса	184

<i>Щапова Ю.Л.</i> Развитие человечества, часть 2: материальное производство в археологическую эпоху (концепция и археологическая модель)	188
<i>Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л.</i> Развитие человечества, часть 3: кибернетическое и математическое моделирование	190

Секция 15. Историография отечественной археологии

<i>Бродянский Д.Л.</i> А.П. Окладников: интуиция и предвиденье	193
<i>Васильев С.А.</i> Научное наследие А. П. Окладникова и современная наука о палеолите	194
<i>Вдовин А.С.</i> Поездка В.А. Городцова в Сибирь (1924 г.)	197
<i>Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В.</i> От XVI Всероссийского к I Всесоюзному археологическому съезду: несбывшаяся надежда	199
<i>Гаджиева Е.А., Рыжкова О.В.</i> Источники по истории исследования археологических памятников Горбуновского торфяника	202
<i>Гайдуков П.Г.</i> Иван Иванович Толстой как коллекционер	203
<i>Голотвин А.Н.</i> Д.Я. Самоквасов и его вклад в отечественную археологию	206
<i>Гуркин В.А.</i> Археологические съезды и возникновение губернских ученых архивных комиссий	209
<i>Дэвлет М.А.</i> Из прошлого. Рисунок Б.А. Рыбакова	211
<i>Жукова Е.Н.</i> Регистрация и учет археологических памятников Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.	214
<i>Захарова Е.Ю.</i> Роль столичных учреждений и научных обществ в становлении воронежской археологии	216
<i>Зуев В.Ф.</i> А.П. Окладников и древнее поселение Кондон	218
<i>Иванова Н.В.</i> Переписка В.А. Городцова и В.Т. Илларионова	220
<i>Каргин Ю.Ю.</i> Охранные исследования на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье во второй половине XX в.	222
<i>Китова Л.Ю.</i> Феномен расцвета археологических исследований в Сибири в 1919–1920-х гг.	226
<i>Лохов Д.Н.</i> К истории изучения археологии долины р. Илим	228
<i>Наумова Т.В.</i> Из истории изучения каменного века на Верхней Оке (вторая половина XIX – начало XX в.)	230
<i>Платонова Н.И.</i> «Национальная» русская археология середины – второй половины XIX в.	233
<i>Пряхин А.Д.</i> Эпоха бронзы евразийской степи-лесостепи в отечественной археологии XX в. (к истории изучения)	235
<i>Савенко С.Н.</i> Принципы комплексного анализа развития исследований по археологии Северного Кавказа в рамках конференции «Крупновские чтения» (I–XXV, 1971–2008 гг.)	238
<i>Сафонов И.Е.</i> В.А. Городцов и проблема выделения культур эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи (1920–1940-е гг.)	240
<i>Смирнов А.С.</i> Российская дипломатия на Ближнем Востоке и археология (вторая половина XIX – начало XX в.)	242
<i>Тихонов И.Л.</i> Императорская археологическая комиссия – «придворная контора по добыванию древностей» или общероссийский центр археологии?	244
<i>Тропин Н.А.</i> Елец и его историческая округа – уникальная территория России (историографический аспект)	247
<i>Тункина И.В.</i> К истории изучения “готской проблемы” в советской археологии 1920-х – начала 1930-х гг.	249
<i>Чаидзе В.Н.</i> Таманская археологическая экспедиция 1952–1955 гг. под руководством Б.А. Рыбакова	251
<i>Щавелёв С.П.</i> «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» Д.Я. Самоквасова (1909 г.): век археологического изучения комплекса памятников на верхнем Псле	254
<i>Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.</i> Сорок лет среди алтайских древностей	257

Секция 16. Современные методы полевой и кабинетной археологии

<i>Белинский А.Б.</i> Применение методов дистанционного зондирования земли при создании геоинформационной системы «Археологическое наследие Ставропольского края»	260
<i>Водолажская Л.Н.</i> Компьютерная программа для расчета объема античных амфор Северного Причерноморья I–III вв. н.э.	261
<i>Вострецов Ю.Е.</i> К методике раскопок раковинных отложений	263

<i>Габдрахманова З.М.</i> Создание «Автоматизированной информационной системы мониторинга археологических объектов» как составной части экологического мониторинга	264
<i>Журбин И.В.</i> Комплексные геофизические исследования оборонительных сооружений: методика изучения и интерпретации	267
<i>Иванова М.Г.</i> Городище Иднакар IX–XIII вв.: этапы освоения площадки и особенности развития планировочной структуры	268
<i>Ключко А.А., Шишков Д.Л., Чернецов А.В.</i> Георадиолокационные исследования на Старорязанском городище	270
<i>Ковалевская В.Б.</i> Компьютерное картографирование и анализ этнокультурных связей населения Кавказа I тыс. н. э.	272
<i>Коробов Д.С.</i> Применение геоинформационных технологий при изучении системы расселения алан Кисловодской котловины	275
<i>Лысенко С.Д., Бондарь К.М.</i> Комплексные археологические и магнитометрические исследования на поселении Малополовецкое 2А в 2006–2007 гг.	278
<i>Уткина С.А.</i> Опыт применения 3-D моделирования для идентификации предметов из раскопок памятников Северо-Западной Сибири	282
<i>Халяпин М.В.</i> Объекты историко-культурного наследия степного Приуралья в свете геоинформационных исследований (из опыта проектирования региональной ГИС)	284
<i>Лихтер Ю.А.</i> Возможности технологии Баз данных в изучении древнего вещного мира	287
<i>Холушкин Ю.П., Воронин В.Т., Костин В.С.</i> Он-лайн пакет статистического анализа археологических данных	288

Секция 17. Археология в современной культурной среде

<i>Белорыбкин Г.Н.</i> Музеефикация Золотаревского городища	292
<i>Бородовская Е.Л.</i> Археология в системе дополнительного образования детей г. Новосибирска.	293
<i>Василиненко Д.Э., Кучер А.В.</i> Исследование, консервация, музеефикация памятников археологии эпохи средневековья бассейна р. Мзымта (Адлерский район г. Сочи). Рекреационные ресурсы Олимпиады 2014 и последующее использование памятников в культурном туризме.	295
<i>Васильев Д.В.</i> Концепция организации историко-археологического комплекса «Самосдельское городище»	299
<i>Каменский С.Ю.</i> Археология в массовом сознании: представления, интерес, ценность	301
<i>Корочкова О.Н.</i> Университетские археологические музеи: возможности, перспективы, проблемы	304
<i>Левко О.Н.</i> Белорусская археология в сфере образования и музейного строительства	304
<i>Мартынов А.И.</i> Археология в современном образовательном процессе	305
<i>Родина М.Е.</i> Использование археологического материала в экспозиционной деятельности Владимиро-Суздальского музея-заповедника	307
<i>Туркина Т.Ю.</i> Коллекция предметов «звериного стиля» в собрании Национального музея Республики Коми: история формирования.	310

Секция 18. Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии

<i>Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С.</i> Результаты изучения почв и пашни под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi.	314
<i>Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисьяметдинова А.А., Чижевский А.А.</i> Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки)	317
<i>Балабина В.И., Мишина Т.Н.</i> Телль Юнаците в эпоху ранней бронзы: колебания климата и динамика хозяйственной деятельности	321
<i>Бачура О.П.</i> Сезон и возраст забоя северных оленей из городища Усть-Войкарское I	325
<i>Баитанник С.В.</i> Археоботанические находки в раннесредневековых слоях городищ Отрарского оазиса.	327
<i>Бобковская Н.Е.</i> Костные остатки животных из Мангазейского городища (раскопки 2005–2007 гг.)	330
<i>Бобринский А.А.</i> Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике	333
<i>Богаткина О.Г.</i> Анализ фаунистических остатков Гулюковской III стоянки: элементы реконструкции хозяйственной деятельности	335

<i>Борисов А.В., Коробов Д.С., Райнхольд С., Фассбиндер Й., Петерс С.</i> Мультидисциплинарные исследования поселений с симметричной планировкой в окрестностях Кисловодска	336
<i>Василевский А.А.</i> Сценарии взаимодействия человека и природы в условиях перехода от материковой к островной суше (на примере событий эпохи плейстоцена и голоцена в цепи Сахалин – Японский архипелаг – Курильские острова)	340
<i>Губина М.А., Чикишева Т.А., Куликов И.В., Воевода М.И., Ромащенко А.Г.</i> Палеогенетическое исследование древнего населения Горного Алтая	342
<i>Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Журавлев А.Н.</i> Палеоэкология степей Восточной Европы в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья	344
<i>Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Демкин В.А.</i> Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны	345
<i>Добровольская Е.В.</i> Новые археозоологические материалы из раскопок Фанагории (2005–2007 гг.)	347
<i>Долуханов П.М., Субетто Д.А., Арсланов Х.А., Александровский А.Л.</i> Эволюция водных систем и земледельческая колонизация Северо-Западной России	351
<i>Зайцева О.В., Ражев Д.И.</i> «Полевая антропология»: перспективы и возможности при исследованиях древних погребений	353
<i>Иванов С.Н., Рябогина Н.Е.</i> Реконструкция природного окружения населения Южного Зауралья в бронзовом и раннем железном веках (по спорово-пыльцевым материалам из культурных слоев)	356
<i>Каверзнева Е.Д.</i> Погребальный обряд Шагарского могильника и реконструкция заупокойной пищи	358
<i>Кардаш О.В., Лобанова Т.В.</i> Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV–XV вв. (по материалам археозоологических исследований)	360
<i>Клементьев А.М.</i> Фауна голоценового времени бассейна Селенги (Байкальский регион)	363
<i>Коновалов А.А.</i> Динамика природных комплексов и ее палеоиндикаторы	365
<i>Коновалов А.А., Иванов С.Н.</i> О связи палиноспектров и климата	368
<i>Корона О.М.</i> Археоботанические материалы из археологических памятников в лесотундре Западной Сибири	370
<i>Кузьмин Я.В., Попов В.К., Гребенников А.В., Пташинский А.В., Дикова М.А., Гласкок М.Д.</i> Источники обсидианового сырья в доисторических культурах Камчатки: результаты и перспективы исследований	372
<i>Лаптева Е.Г.</i> Палеоэкологическая характеристика периода функционирования поселения Нижнее озеро III (Северный Урал)	375
<i>Мельник В.И.</i> Изменения климата и культур в срединной части евразийских степей в эпоху бронзы	378
<i>Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю.</i> Дендрохронологическое исследование курганов Аржан и Аржан-2 в Туве: подходы, проблемы, перспективы	380
<i>Никонов А.А., Лийва А.А., Спиридонова Е.А.</i> О первоначальном заселении территории г. Таллина (новые обнаружения на Ратушной площади)	383
<i>Омельченко А.В.</i> К истории освоения восточной Кашкадарьи в древности	386
<i>Песочина Л.С.</i> Палеоэкология степного Приазовья в древности и средневековье	389
<i>Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Журавлев А.А., Гришин А.Е., Поздняков Д.В., Куликов И.В., Чикишева Т.А., Кобзев В.Ф.</i> Формирование этнокультурных сообществ в западносибирской лесостепи в эпоху бронзы на основе данных палеогенетики (первые результаты)	391
<i>Попов А.Н., Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г.</i> Веткинская археологическая культура и ландшафтные изменения в Восточном Приморье	394
<i>Пошехонова О.Е., Иванов С.Н., Рябогина Н.Е., Якимов А.С.</i> Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгаяха 7 в северотаежной зоне бассейна р. Пур	397
<i>Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.</i> Палеоботаническая аргументация древнего и средневекового земледелия в Западной Сибири	400
<i>Соколов П.Г.</i> Пространственный анализ памятников ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины	402
<i>Столярова Е.К.</i> Источники щелочного сырья древних и средневековых стекол	405
<i>Стретович И.В.</i> Содержание и структура мицелия микроскопических грибов в погребенных и современных почвах степной зоны (Вал Анны Иоанновны и курганный могильник Аксай-3)	408
<i>Тараканов В.В.</i> Топография средневековых поселений Хакасско-Минусинского края как источник для историко-экологических интерпретаций и реконструкций	411
<i>Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Демкина Т.С., Демкин В.А.</i> Вековая динамика микробной биомассы подкурганых палеопочв степной зоны как индикатор изменчивости климатических условий	414

<i>Шишков Д.Л., Клочко А.А.</i> Геологические основы применения георадиолокации для исследования археологических объектов	415
<i>Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А.</i> Диагностика структуры «замерзших» курганов пазырыкской культуры Алтая геофизическими и геохимическими методами	416
Список сокращений	419

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале

Том III

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Редакторы *Н.В. Бельченко, Е.Е. Сырнева*

Художественные редакторы *Н.С. Сафронова, И.С. Торопов*

Редакционная группа: *К.Е. Агеева, И.В. Рукавишникова, А.В. Ковальчук,
В.Н. Чхаидзе, О.И. Александрова*

Компьютерная верстка *В.А. Хохловой*

Обложка *Н.С. Сафроновой*

Подписано к печати 08.09.2008.

Формат 60 x 84 1/8. Усл. печ. л. 53,5. Уч.-изд. л. 56,0.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ № 559. Тираж 900 экз.

Институт археологии РАН, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отп. в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.

ISBN 978-5-94375-068-7

9 785943 750687